

2
том 22
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2020, 22(2): 288–564

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф., Потсдамский университет (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр.

РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.;
8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01;
vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University.

Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof., Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof., Potsdam University (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelek, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).



Научный руководитель программы магистратуры «Экономическая и финансовая стратегия», иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор В. А. Квинт

Подготовку стратегов начинает Кемеровский государственный университет

Опорный университет Кузбасса в 2020–2021 учебном году открывает набор на первую и единственную в Сибири и на Дальнем Востоке магистерскую программу «Экономическая и финансовая стратегия».

Уникальная магистерская программа направлена как на выпускников бакалавриата, так и на работающих профессионалов: экономистов, инженеров, действующих и будущих лидеров бизнеса и социальной сферы. Цель Программы – подготовка профессиональных стратегов и лидеров для предприятий промышленности и сферы услуг, органов регионального и муниципального управления.

Научным руководителем программы «Экономическая и финансовая стратегия» является иностранный член РАН, профессор Владимир Львович Квинт – разработчик теории стратегии и методологии стратегирования, отмеченный Премией им. М. В. Ломоносова I степени – высшей научной наградой Московского государственного университета. По его научным работам и книгам учатся студенты в университетах США, Великобритании, Китая, Словении и других стран.

Программа является аналогом подготовки магистров мирового уровня в Московской школе экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, которая совершенствуется и доказывает свою эффективность на протяжении 15 лет. В 2020 году Московская школа экономики заняла первое место в ежегодном рейтинге HeadHunter среди экономических факультетов и экономических вузов Москвы по востребованности выпускников.

Магистерская программа «Экономическая и финансовая стратегия» направлена на передачу студентам фундаментальных знаний и на развитие стратегического мышления, практических навыков стратегирования, необходимых лидерам нового поколения. Обучение ведется по авторским учебникам и научным трудам профессоров и преподавателей кафедры Экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ.

В соответствии с соглашением между МГУ им. М. В. Ломоносова и Кемеровским государственным университетом магистранты программы «Экономическая и финансовая стратегия» имеют исключительную возможность одновременно пройти обучение по программе MBA в Центре стратегических исследований МГУ.

Для выпускников бакалавриата, инженеров, профессионалов любой специальности, менеджеров и руководителей предприятий и организаций регионов Сибири и Дальнего Востока это уникальная возможность получить образование профессионального экономиста-стратега.

Ректор КемГУ, член-корреспондент РАН,
доктор технических наук, профессор
А. Ю. Просеков

История и археология

- Новые сведения о жизни мученицы Анны Четвериковой (1873–1940), пострадавшей в Арлюкском отделении Сиблага
Балашова Е. Г. 288
- Полицейская функция приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. (на материалах Кузнецкого уезда)
Бобров Д. С. 297
- Основные вызовы сохранению археологического наследия Кузбасса. Часть I: «археологическое» кладоискательство
Васютин С. А., Марочкин А. Г., Герман П. В., Сизёв А. С., Горлышкин Н. Е. 307
- Потребительская реклама в советских газетах второй половины 1940-х гг.
Клинова М. А. 318
- Фронтные дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны)
Кузнецов А. С. 329
- Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь»)
Овчинников В. А. 340
- История краха сталинского пропагандиста: «дело» редактора газеты «Советская Сибирь» Якова Альперовича 1937–1938 гг.
Папков С. А. 354
- К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.)
Суверов Е. В. 362
- Промышленновский район в период социального катаклизма 1917–1919 гг.
Шиловский М. В. 370
- Межкультурные коммуникации: Русская Православная Церковь в Якутии (XVII–XIX вв.)
Юрганова И. И. 379

Психология

- Ценностные составляющие Я-образа студентов деонтологического профиля подготовки в процессе обучения в вузе
Аршинова Е. В., Билан М. А., Браун О. А., Янко Е. В. 387
- Особенности развития личности, характеризующейся состоянием выученной беспомощности, на разных этапах онтогенеза
Волкова О. В. 397
- Влияние ценностной направленности молодежи на формирование представлений о стране
Воскресенская Н. Г. 409
- Роль саморегуляции в процессе развития психологической компетентности студентов-психологов
Гаранина Ж. Г. 418
- Коммуникативные и личностные контексты потенциала креативного лидерства у студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений образования
Кабрин В. И., Выскочков В. С., Прудовиков И. О., Полякова О. Р. 426
- Психологические факторы инфаркта миокарда как поле для клиничко-психологических исследований
Кадыров Р. В., Эльзессер А. С., Бартковская Н. С. 437

Комплексный психофизиологический подход к оценке адаптивных возможностей обучающихся подросткового возраста с различными типами вегетативной регуляции Казин Э. М., Варич Л. А., Тарасова О. А., Четверик О. Н., Кошко Н. Н., Арлашева Л. В., Немолочная Н. В.	444
Исследование готовности к обучению в школе детей в билингвальной среде Куфтяк Е. В., Ханухова Л. М., Пойманова Е. В.	455
Категориальная структура образа представителя своей этнической группы у современных русских студентов Романова С. А., Гурова О. С.	463
Агрессивное поведение несовершеннолетних правонарушителей в контексте акцентуаций характера и самоотношения личности Юсупов П. Р., Мардасова Т. А., Кузьмина А. С.	471
Языкознание	
Понимание грамматической категории рода у Фернана де Оливейры Архипов С. В.	481
Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов) Батюшкина М. В.	489
К вопросу о понятии <i>italiano neostandard</i> Жолудева Л. И.	499
Изменения в употреблении творительного инструментального в русском языке Калюга М. А.	507
Мотивирующие признаки концепта <i>муж</i> Киселева А. М.	516
Морфологическая характеристика заимствований (на примере англицизмов) в немецком языке в эпоху глобализации Лобановская Е. В., Муратова С. В.	525
Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов <i>земля</i> и <i>earth / land</i> Мошина Е. А.	533
Суггестивные словосочетания в немецком промышленном рекламном тексте (на материале рекламы горного оборудования) Сухаревская В. Ю., Шишигин К. А.	541
Когнитивный потенциал метафоры в профессиональном дискурсе Тихонова И. Б.	549
Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое Ханнанова Д. М.	558

History and Archeology

- New Information about the Life of the Martyr Anna Chetverikova (1873–1940) who Suffered Martyrdom in the Arlyuk Siblag
Balashova E. G. 295
- Police Function of Bailiffs in Forts and Free Settlements of Western Siberia in the First Half of the XVIII Century (Based on Documents Issued in Kuznetsk Province)
Bobrov D. S. 305
- Key Challenges to the Archaeological Heritage Preservation in Kuzbass. Part I: "Archaeological Treasure Hunting"
Vasyutin S. A., Marochkin A. G., German P. V., Sizyov A. S., Gorlyshkin N. E. 316
- Consumer Advertising in Soviet Newspapers in the Second Half of the 1940s
Klinova M. A. 327
- Military Diaries: Content, Features, and Potential (Based on the Great Patriotic War Sources)
Kuznetsov A. S. 338
- The Great Purge of the 1930s in the Town of Leninsk-Kuznetskiy (Based on the Materials of the Newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir")
Ovchinnikov V. A. 352
- The Failure of the Stalinist Propagandist: the Trial of Yakov Alperovich, Editor of the Sovetskaya Sibir (1937–1938)
Papkov S. A. 360
- Prison Escapes in Western Siberia (1930–1945)
Suverov E. V. 368
- Promyshlennovskiy District during the Period of Social Cataclysm of 1917–1919
Shilovskiy M. V. 377
- Intercultural Communication: Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX Centuries)
Yurganova I. I. 385

Psychology

- Value Components of the Self-Image of Students of a Deontological Profile of Training at University
Arshinova Y. V., Bilan M. A., Braun O. A., Yanko E. V. 395
- Development of Personality with Learned Helplessness at Different Stages of Ontogenesis
Volkova O. V. 407
- Effect of Youth's Value Orientation on the Development of Representations about their Country
Voskresenskaya N. G. 416
- The Role of Self-Regulation in the Development of Psychological Competence in Students of Psychology
Garanina Zh. G. 423
- Personal and Communicative Contexts of the Creative Leadership Potential in Students of Humanities and Science
Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Polyakova O. R. 435
- Psychological Factors of Myocardial Infarction: Prospects for Clinical and Psychological Research
Kadyrov R. V., Elzesser A. S., Bartkovskaia N. S. 442

Comprehensive Psycho-Physiological Approach to the Assessment of Adaptive Capacity of Teenage Schoolchildren with Different Types of Vegetative Regulation Kazin E. M., Varich L. A., Tarasova O. L., Chetverik O. N., Koshko N. N., Arlasheva L. V., Nemolochnaya N. V.	452
Bilingual Children and School-Readiness Kuftyak E. V., Khanukhova L. M., Poimanova E. V.	461
Categorical Image Structure of Their Ethnic Community Member in Modern Russian Students Romanova S. A., Gurova O. S.	469
Aggressive Behavior of Juvenile Offenders in the Context of Character Accentuations and Personal Self-Conception Yusupov P. R., Mardasova T. A., Kuzmina A. S.	479
Linguistics	
Interpretation of Grammatical Category of Gender by Fernão de Oliveira Arkhipov S. V.	487
Semantic Production as a Way of Forming Legal Concepts (Based on Russian Laws) Batyushkina M. V.	497
The Concept of <i>Italiano Neostandard</i> Zholudeva L. I.	504
Changes in the Use of the Instrumental Case in the Russian Language Kalyuga M. A.	514
The Concept of "Muzh" (Husband): Motivating Signs Kiseleva A. M.	523
Morphological Characteristics of English Borrowings in the German Language in the Globalization Era Lobanovskaya E. V., Muratova S. V.	531
Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts <i>Zemlya</i> and <i>Earth / Land</i> Moshina E. A.	538
Suggestive Phrases in the German Industrial Advertising Text (Based on the Material of Mining Equipment Advertising) Sukharevskaya V. Yu., Shishigin K. A.	547
Cognitive Potential of Metaphor in Professional Discourse Tikhonova I. B.	556
The Modal Categories of Obligation and Necessity in Linguistics: the Identical, the Different, or the Included Khannanova D. M.	563

Новые сведения о жизни мученицы Анны Четвериковой (1873–1940), пострадавшей в Арлюкском отделении Сиблага

Елена Г. Балашова^{a, @, ID}

^a Высоко-Петровский монастырь г. Москвы, Россия, г. Москва

@ pravob@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8047-8044>

Поступила в редакцию 06.04.2020. Принята к печати 14.05.2020.

Аннотация: До недавнего времени о жизни Анны Павловны Четвериковой, погибшей в 1940 г. в Арлюкском отделении Сиблага и прославленной Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской, было крайне мало сведений. В основном все они касались тех данных, которые изложены в архивно-следственном деле 1937 г., хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284) и сведений о дате кончины А. П. Четвериковой. В настоящей статье впервые вводятся в научный оборот как материалы данного следственного дела, так и некоторые другие архивные документы, касающиеся жизни Анны Павловны, представляющие ее жизнеописание более полно, свидетельствующие о ней как о многолетней прихожанке Высоко-Петровского монастыря г. Москвы, а также имеющие отношение к некоторым видным деятелям Русской Православной Церкви первой половины XX в., таким как архиепископ Варфоломей (Ремов) и епископ Панкратий (Гладков). Открытым остается вопрос о монашестве Анны Четвериковой. Результаты исследования, безусловно, имеют значение как для Московской, так и для Кемеровской епархий Русской Православной Церкви, поскольку позволяют внести еще одно имя в Соборы новомучеников Высоко-Петровского монастыря г. Москвы и новомучеников и исповедников земли Кузнецкой.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, новомученики, гонения на Церковь, Высоко-Петровский монастырь г. Москвы, архиепископ Варфоломей (Ремов), епископ Панкратий (Гладков)

Для цитирования: Балашова Е. Г. Новые сведения о жизни мученицы Анны Четвериковой (1873–1940), пострадавшей в Арлюкском отделении Сиблага // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 288–296. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-288-296>

Введение

Изучение жизни и наследия новомучеников и исповедников Церкви Русской продолжается и не теряет своей актуальности. Особое значение оно имеет не только для духовенства и мирян Русской Православной Церкви в контексте молитвенного почитания памяти прославленных святых, но и для историков, педагогов, политиков, представителей иных социально значимых сфер. Даже при обсуждении поправок в Конституцию Российской Федерации (упоминания о Боге) вопрос о пострадавших за веру стал одним из аргументов в выступлении Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Ценность веры в Бога – это еще и дань памяти миллионам людей, наших братьев, которые подвергались преследованиям во времена богоборчества только потому, что не хотели отречься от веры. Эта идея должна быть понятна даже людям далеким от религии»¹.

По этой теме проводятся конференции и семинары, пишутся научные статьи, защищаются диссертации

по отечественной истории, хотя последних крайне мало [1]. На многих конференциях, особенно в преддверии 100-летия начала гонений на Русскую Православную Церковь, поднимался вопрос о том, что события 1917 г. «привели к гибели миллионов людей, к страшным гонениям на Церковь, и, в конечном счете, уже в наши дни, к развалу единого государства и расчленению страны. Сегодня для возрождения России необходимо осознать причины этих событий, определить пути выхода из кризиса, наметить цели для нашего общества, дать идею, вдохновляющую для движения вперед» [2]. Безусловно, частью этого пути становится почитание новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Для педагогов очевидно, что образ святых способствует формированию нравственных идеалов у детей и подростков. Известный современный православный педагог О. В. Розина обращает внимание на то, что «одна из главных воспитательных задач – формирование личностно значимых идеалов. Они формируют нравственное сознание и поведение, обеспечивают сохранение нравственного

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на объединенном заседании Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета // Русская Православная Церковь. 28.02.2020. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5598921.html> (дата обращения: 03.04.2020).

здоровья человека» [3, с. 25]. Что же касается женщин, прославленных во святых, то их образ показывает, что «мужчины и женщины едины во Христе и равны в духовном призвании. А это и есть единственное истинное равенство. Оно значительно отличается от того, за которое сражаются феминистки и к которому призывает современное общество потребления» [3, с. 25].

Среди прославленных во святых Русской Православной Церковью женщин наибольшее число за всю ее более чем 1000-летнюю историю составляют именно новомученицы и исповедники XX в. «Масштаб их подвига таков, что превзошел всё явленное Русской Церковью за все века ее истории до начала кровавых гонений XX в.» [4]. Всего на настоящий момент их 182, среди них – 91 мирянка (включая Царственных страстотерпцев)².

Однако нельзя не заметить, что «большинство имен прославленных новомучениц остается мало известным и почти совсем не почитаемым нашими современниками, и еще большее число святых подвижниц известно одному Богу и ещё не явлено миру» [5, с. 86]. Одним из ярких примеров святых, прославленных уже несколько лет назад, но до сих пор остававшихся неизвестными нашим современникам, является мученица Анна Павловна Четверикова.

О жизни Анны Павловны известно немного. О ней нет информации ни в книгах, посвященных новомученикам Московской епархии [6], в том числе и в дополнительных томах, ни в справочнике «Новомученики и исповедники земли Кузнецкой» [7], ни в сборнике «Жизнеописания Кузбасских святых» [8]. Материалы, предоставленные комиссией по канонизации святых Московской епархии, на основании которых она была причислена к лику святых, включают только некоторые данные, изложенные в архивно-следственном деле 1937 г., хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284), причем представленные в сокращенном варианте (но и эти данные нигде не были опубликованы), а также сведения о дате и месте кончины А. П. Четвериковой. Даже в известной базе данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета фигурирует только выписка из журнала заседания Священного Синода Русской Православной Церкви о годе рождения, дате смерти и, собственно, дате канонизации³. Некоторые новые данные о жизни мученицы Анны появились в результате анализа архивных материалов, исследуемых в связи с другими вопросами и фактически обнаруженными случайно, что

вызвало дополнительный целенаправленный архивный поиск и привело к составлению более полной картины жизни подвижницы.

Жизнеописание Анны Павловны Четвериковой по результатам архивных исследований

Анна Павловна Четверикова родилась в 1873 г. в селе Захарьино Сергиевской волости Дмитровского уезда Московской губернии. Всю жизнь она была глубоко верующим человеком. Село Захарьино (сейчас это часть городского поселения Сергиев Посад) стоит на берегу небольшой живописной р. Вель, правого притока р. Дубна, недалеко от того места, где в нее впадает совсем уж крохотная речка Плоска. До настоящего времени в селе находится храм Воскресения Словущего XVIII в. с приделом в честь преподобного Сергия Радонежского. В этом храме, вероятнее всего, и крестили девочку из крестьянской семьи. О самом же крестьянском происхождении говорит соответствующая статья в ее анкете⁴. Здесь же указано, что образование у нее «низшее, неграмотна, самоучка».

Когда и по какой причине она оказалась в Москве, неизвестно, но уже в конце 1910-х гг., как говорит один из свидетелей по ее делу, она «принимала деятельное участие в миссионерской деятельности с попом Восторговым (священномученик Иоанн Восторгов [9], † 1918 – Б. Е.) и Варжанским (мученик Николай Варжанский [10], † 1918 – Б. Е.)». Она являлась организаторшей⁵ сестричества». В начале XX века, как и сейчас, Православие объединяло очень разных людей. С одной стороны, «большинство мыслителей этого времени очень своеобразно трактовали Православие, ибо они оценивали его с позиций рационалистической науки» [11, с. 113], с другой – высокообразованные и в то же время глубоко верующие представители духовенства и мирян, к которым относились и выше названные московские миссионеры, и рядом с ними – малограмотные или вовсе безграмотные простые верующие люди, для которых Православие было не просто их верой, но самой жизнью, исполненной любовью к Богу и ближнему. К таковым относилась и Анна Четверикова. Вероятно, уже тогда она жила на Петровке по адресу Петровские ворота, д. 30/7, где в 1937 г. была арестована. Указанный дом находится неподалеку от Московского епархиального дома, в котором до революции помещалось Московское миссионерское общество, и буквально через дорогу от Высоко-Петровского монастыря.

Первое документальное свидетельство о том, что она была прихожанкой Высоко-Петровской обители, мы нашли в Доверенности, датированной 10 мая 1919 г., в списке

² Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской // Патриарший календарь на 2020 год. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2019. С. 402–420.

³ Четверикова Анна // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. Режим доступа: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 03.04.2020).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 3.

⁵ Здесь и далее орфография протоколов допросов, в том числе употребление прописных и строчных букв, а также пунктуация сохранены. Знак // означает переход в документе с одной страницы на другую.

лиц, которые ходатайствуют «о передаче в наше бесплатное и безвозмездное пользование Богослужебного здания Московского Петровского монастыря, на Петровке, с Богослужебными и иными необходимыми для Богослужения предметами, в нем находящимися»⁶. Среди имен почти 300 человек, подписавших документ, есть и имя Анны Павловны Четвериковой⁷. Доверенность была подписана ей не собственноручно. За нее как за неграмотную расписался Борис Васильевич Протопопов⁸, сын протоиерея Василия Павловича Протопопова, клирика храма священномученика Ермолая на Козьем болоте, проживавшего с семьей неподалеку от Высоко-Петровского монастыря. Имена семьи Протопоповых – также в списке ходатайствовавших, а потом и принявших на себя заботы о Высоко-Петровской обители.

Очевидно, что дальнейшая жизнь мученицы Анны была связана с Высоко-Петровским монастырем. В 1937 г. на вопрос следователя: «Кто из ваших знакомых репрессирован советской властью?» она отвечает: «Мой духовный отец иеромонах Есаф (так записано следователем), поп Полянский»⁹. Речь идет о клириках Высоко-Петровского монастыря иеромонахе, впоследствии архимандрите Иоасафе (Исаеве), и, вероятно, о преподобномученике архимандрите Германе (Полянском).

Что касается архимандрита Иоасафа, то он был одним из старейших клириков Высоко-Петровского монастыря. По воспоминаниям схимонахини Игнатии (Пузик), уже в начале 1920-х гг. в монастыре «был иеромонах Иоасаф... возможно, какое-то время он был в ссылке или отсутствовал по другой причине. Когда были арестованы наши старцы, мы обращались за исповедью к отцу Иоасафу» [12, с. 123]. И действительно, имя Андрея Лаврентьевича Исаева – мирское имя отца Иоасафа, в то время еще диакона – встречается в вышеупомянутом списке 1919 г. среди ходатайствующих о передаче общине верующих Высоко-Петровского монастыря, а также в архиве хранится его «Анкета служителя культа» начала 1920-х гг., где он пишет, что является священником Петровского монастыря¹⁰. В апреле 1931 г. отец Иоасаф был арестован¹¹. Уже к 1933 г. он вернулся в Высоко-Петровский монастырь – его имя упоминается в следственных делах начала 1933 г.: «В монастыре служат монахи Лебедев Агафон, Лисицин Ермоген, Исаев Иоасаф, Подгузов

Трифон, Тихонов Митрофан»¹²; начала 1934 г.: «В числе братии нашей обители имеются: архимандриты Алексей и Иоасаф, игумены Митрофан и Трифон»¹³; начала 1935 г. – как о своем духовном руководителе до февраля 1935 г. о нем говорит один из арестованных¹⁴. О дальнейшей его судьбе неизвестно. Архимандрит Герман (Полянский) [13], будучи арестован в январе 1933 г., в Высоко-Петровский монастырь уже не вернулся – он был расстрелян 4 ноября 1937 г. в Сусловском отделении Сиблага [8, с. 177–182].

Следующее упоминание о мученице Анне мы находим в следственном деле 1935 г. 21 февраля 1935 г. были арестованы настоятель тайной Петровской общины, существовавшей в это время при храме Рождества Богородицы в Путинках, архиепископ Варфоломей (Ремов)¹⁵, несколько клириков и членов тайной общины из числа прихожан. Сама Анна Павловна, которой было уже 62 года, арестована не была, но ее имя в деле упоминается дважды. Впервые – в свидетельских показаниях по этому делу.

Из протокола допроса Колчина Романа Ивановича, 1862 г. р., члена хозяйственной тройки общины, от 9 марта 1935 г.: «при церкви Рождества в Путинках существует настоящий монастырь, во главе которого стоял архиепископ Варфоломей Ремов. <...> При церкви существует нечто вроде женского отделения монастыря... а из монашек мне известны следующие: Ильинская Мария Павловна – б. монашка Ивановского монастыря; ...Серафима Степановна (фамилия мне [не]известна); Четверикова Анна Павловна, прожив. у Петровских ворот; (далее он называет еще четырех женщин – Б. Е.) <...> Поименованные в церкви часто одевают полную монашескую форму: подпоясываются ремнями, носят четки и пр.»¹⁶.

Через несколько дней, 17 марта, следователь задает вопрос об Анне Павловне владыке Варфоломею: «Следствию известно, что у себя на квартире в с. Всехсвятском Вы посвятили в тайное монашество гр-ку по имени Анна Павловна и предложили ей никому об этом не говорить. Что Вы можете показать по этому поводу?». Откуда у следствия появились такие сведения, можно только догадываться. Одним из свидетелей по «делу» выступал печально известный архимандрит Алексей (Сергеев). В доступных для исследователей протоколах он об А. П. Четвериковой не упоминает, но по свидетельству

⁶ Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Л. 54.

⁷ Там же. Л. 58.

⁸ Там же. Л. 61.

⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 5.

¹⁰ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Л. 77, 77 об.

¹¹ Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-1086.

¹² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Л. 11.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34665. Л. 19.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34383. Т. 2. Л. 23.

¹⁵ Архиепископ Варфоломей (Ремов Николай Федорович, 1888–1935), экстраординарный профессор и проректор (с 1920 г.) Московской духовной академии, фактически возглавивший ее работу в нелегальных условиях после закрытия академии и ареста ее последнего ректора в 1930 г., с 1921 г. – епископ Сергиевский, с 1925 г. из-за болезней – на покое, с 1934 г. – архиепископ, в 1922–1935 гг. – настоятель Высоко-Петровского монастыря г. Москвы, руководитель тайной монашеской общины. Арестован 21.02.1935. Расстрелян 10.07.1935. Об архиепископе Варфоломее (Ремове) см. подробнее [14; 15].

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34383. Т. 2. Л. 145, 145 об.

оставившей немало воспоминаний о Высоко-Петровском монастыре схимонахини Игнатии (Пузик) «он выдал чуть ли не половину братии монастыря» [16, с. 161].

Ответ владыки дает важную личностную характеристику мученицы Анны, которой к середине 1930-х гг. было уже за 60, как человека послушания, трепетно относящегося к слову и действию духовного отца. «По этому вопросу я могу дать следующее объяснение: Анна Павловна Четверикова, проживающая у Петровских ворот, изъявила желание сделаться моей духовной дочерью и вела со мною переговоры по этому поводу. Я согласился сделать Четверикову своей духовной дочерью, но предложил, чтобы она остригла свои волосы. Четверикова против этого не возражала, но просила, чтобы ее волосы остриг я. Тогда я пригласил Четверикову к себе на квартиру и остриг ей волосы, сказав, что лучше об этом не распространяться. Однако, Четверикова кое-кому рассказала об этой процедуре и, возможно, могло создаться мнение, что она посвящена в монашество, чего на самом деле не было»¹⁷.

Была ли на самом деле в этот или другой момент совершен монашеский постриг Анны Четвериковой, мы не знаем. Р. И. Колчин очевидно включает ее в «нечто вроде женского отделения монастыря», называя среди монахинь. Позже, в 1937 г., о ней как о «тайной монашке» говорит бывший архимандрит Высоко-Петровского монастыря Панкратий (Гладков)¹⁸ [17].

Сама Анна Павловна 9 ноября 1937 г. на вопросы следователя о своем монашестве отвечает: «К принятию тайного пострига в тайное монашество я готовилась одна, и готовил меня иеромонах Есаф, но постричь не успел, был выслан за к-р [контрреволюционную] деятельность. <...> Постриг в тайное монашество надо мною совершен не был»¹⁹.

Несмотря на это, однозначно утверждать, что постриг не был совершен, трудно, поскольку мы знаем, что владыка Варфоломей благословлял своих духовных чад в случае арестов сохранять информацию о своем постриге в тайне. Так, еще в 1932 г. на одном из допросов архимандрит Панкратий (Гладков) показал: «Владыка "Варфоломей" в указаниях мне, архимандриту Герману, архимандр. Агафону, категорически запретил говорить о всех нами подстриженных как тайных так и явных монахах. Если кого и вызовут, на очную ставку

то мы должны отказываться. Также не говорить и в ГПУ где больше всего интересуются этим»²⁰.

Анна Павловна была арестована 29 октября 1937 г. и заключена в Бутырскую тюрьму. В качестве свидетеля по ее делу был привлечен архимандрит Панкратий (Гладков), до 1932 г. не раз служивший в Высоко-Петровском монастыре, а с 1935 г. бывший настоятелем Троицкого собора г. Подольск.

1 ноября 1937 г.²¹ он дает показания: «Четверикову Анну Павловну я знаю с 1930 года, она является активной церковницей, ежедневно бывает в церкви... Четверикова Анна Павловна тайная монашка, поддерживает связь с различным бродячим элементом из числа монахов, попов и т.д. Четверикова принимала деятельное участие в миссионерской деятельности совместно с попом Восторговым и Варжанским. Она являлась организаторшей сестричества.

Вопрос: Что Вам известно об а/с [антисоветской] деятельности Четвериковой?

Ответ: Четверикова крайне враждебно настроена к Советской власти, среди церковников проводит антисоветскую агитацию, распространяет различные провокационные слухи. Четверикова в июне 1937 года мне говорила: "Советская власть жестоко расправляется с духовенством и верующими, все это делают // евреи, они мстят нам русским, но это еврейское правление скоро будет свергнуто и мы снова будем жить по-старому". Четверикова постоянно рассказывала верующим о том, что скоро будет война, Советскую власть свергнуть иностранные государства и поставить снова в России царя»²².

Вопрос: Что еще Вам говорила Четверикова?

Ответ: Четверикова была тесно связана с осужденным за к/р деятельность епископом Варфоломеем Ремовым, среди верующих выдавала его за "святого мученика" якобы пострадавшего за православную церковь. Четверикова мне говорила: "Владыка Варфоломей является мучеником за веру, его замучили в Бутырской тюрьме, предали смерти, но это все будет учтено нами верующими в свое время". Четверикова распространяет гнусную клевету на органы Советской власти»²³.

Показания архимандрита Панкратия легли в основание вопросов следователя к Анне Павловне, а возможно, и некоторых записей «ответов».

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34383. Т. 2. Л. 158–159.

¹⁸ Епископ Панкратий (Гладков Василий Васильевич, 1892–1944) в 1918 г. окончил Московскую духовную академию (МДА); с конца ноября 1923 г. по январь 1924 г. в сане архимандрита служил в Высоко-Петровском монастыре; в январе 1924 г. был арестован, но через 15 дней отпущен на свободу; с 1924 г. по 1930 г. служил в г. Арзамас; в 1930–1932 гг., будучи клириком храма вмч. Димитрия Солунского у Тверских ворот в Москве, часто служил в храме прп. Сергия Радонежского на Большой Дмитровке, где в то время находилась община Высоко-Петровского монастыря, очевидно, по приглашению епископа Варфоломея (Ремова), знавшего его еще по МДА; в октябре 1932 г. вновь был арестован, через два месяца отпущен, после чего до 1941 г. служил в разных местах в Подмоскovie. 30.05.1941 назначен наместником Почаевской Свято-Успенской лавры; остался на оккупированной территории; 09.06.1942 хиротонисан в епископа Белгородского и Грайворонского, один из видных деятелей Украинской Автономной Православной Церкви; 24.01.1944 арестован НКВД; дата и обстоятельства смерти противоречивы [11].

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 5.

²⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75521. Л. 141 об.

²¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 10.

²² Читая протоколы, следует помнить о многочисленных свидетельствах того, что как следователи, так и проходящие свидетелями по делу стремились усугубить показания об антисоветской деятельности обвиняемых, нередко давая и записывая ложные обвинения.

²³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 11, 11 об.

Почему подольский священник дает показания в отношении москвички, трудно сказать. Возможно, Анна Павловна после разгрома общины тайного Высоко-Петровского монастыря в феврале-апреле 1935 г. иногда посещала известного ей по петровской общине священника и исповедовалась ему. Интересно, что следствие вел тот же следователь, что и дело 1932 г., по которому архимандрит Панкратий был привлечен сперва как обвиняемый, но после его показаний проходил по делу уже как свидетель и был подвергнут только высылке из Москвы, – В. Я. Булыжников. В августе 1937 г. он был заместителем начальника 8 отделения 4 отдела НКВД²⁴, а в ноябре – уже начальником того же отделения²⁵. Возможно, именно он привлек к делу «своего» сотрудника В. В. Гладкова.

Второй свидетель, соседка Анны Павловны Анастасия, 49-ти лет, которая 16 лет (с 1921 г.) жила с ней в одной комнате, показала: «Четверикова А. П., как человек преданный религиозным убеждениям был не доволен различными условиями жизни (зачем свет зажигаю, зачем долго сидишь и др.). За время моего совместного житья я часто наблюдала, как к ней приходили служители культа и монашки, которые часто оставались у ней ночевать. <...> Я... сама лично неоднократно замечала, как Четверикова вместе с пришедшими к ней гражданами из духовенства упаковывала посылки, а также делала переводы по почте. На мой вопрос: О ком это Вы так заботитесь? она отвечала: "Неужели Вы не знаете, как Советская власть жестоко расправляется с духовенством, ведь только за один октябрь месяц выслали больше тысячи священников в отдаленные края Советской страны. Им там жить плохо, морят их с голода, вот господь бог их и не забывает шлет подаяния. Да и вообще посмотрите, что делается в стране, церкви закрывают, верующих заставляют не ходить в церковь, а заставляют идти слушать какой-нибудь доклад"»²⁶.

Единственный допрос А. П. Четвериковой состоялся 9 ноября 1937 г. После вопросов о «знакомых, репрессированных советской властью» и о тайном монашестве следователь переходит к вопросам о деятельности Анны Павловны в настоящее время.

«Вопрос: Следствие располагает данными, что вы поддерживаете связь с высланным за к/р деятельность церковным элементом. Вы это подтверждаете?

Ответ: Да я Четверикова Анна Павловна действительно поддерживаю связь с высланным за контрреволюционную деятельность духовенством, а также занимаюсь сбором средств для оказания высланному духовенству материальной помощи, так, например, мною была организована материальная помощь иеромонаху // Есафу и попу Полянскому.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы у себя на квартире укрывали нелегально проживающих в городе Москве вернувшихся из ссылки попов. Вы это подтверждаете?

Ответ: Не отрицаю, действительно я Четверикова Анна Павловна предоставляла свою квартиру для ночлега вернувшемуся из ссылки отцу Исидору (клирик *Высоко-Петровского монастыря архимандрит Исидор (Скачков)* [18, с. 264–287] – Б. Е.), которого не прописывали в Москве, вернувшемуся из ссылки отцу Епифану, часто также я оставляла ночевать у себя на квартире бродившую по Москве странницу Анну Емельяновну, фамилию которой не знаю, и некую тайную монашку Татьяну.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающих постоянно ведете а/с агитацию. Вы это подтверждаете?

Ответ: Да я Четверикова Анна Павловна, как недовольная советской властью за ее творимые якобы злодеяния, действительно не отрицаю того, что занималась распространением провокационных слухов и небылиц про советскую власть.

Вопрос: Какие же к/р провокационные вымышленные слухи вы распускали?

Ответ: Я... говорила, что при советской власти евреям дали полную // свободу, которые пользуясь этим захватили в свои руки все высшие должности и теперь властвуют над нами русскими. Что это за жизнь стала, всюду гонения и преследования, всюду голод и нужда, крестьян окончательно разорили, загнав их в колхоз, а рабочего человека замучили непосильной работой. Мало этого, советская власть хочет отнять у народа последнюю надежду – веру. Для этого она насильно, бессогласия на это со стороны верующих закрывает храмы, арестовывает и высылает духовенство, только за то, что оно не хочет отказаться от службы а продолжает служить, а также этой участи подвергаются и верующие, замеченные в частом посещении церквей.

Вопрос: Какие еще распускали вы к/р провокационные слухи?

Ответ: Я... часто среди окружающих говорила, что советская власть долго не продержится, что уж слишком много недовольных ею стало людей, что народ не нынче-завтра поднимется против советской власти, а в этом ему помогут иностранные государства, советскую власть // свергнут и опять установят власть, как была раньше, которая даст нам свободу и избавит от всех мучений и притеснений»²⁷.

28 ноября 1937 г. следствие было закончено. В обвинительном заключении «по след. делу... по обвинению Четвериковой Анны Павловны в преступлении предусмотренном ст. 58 п. 10 ч. 1 УК РСФСР» (кроме нее по этому делу никто не проходил) указывается: «Тайная монашка Четверикова Анна Павловна, будучи враждебно настроена по отношению к совласти, среди окружающих проводит систематически а/сов. агитацию, распространяет к/р провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении

²⁴ Кадровый состав НКВД 1935–1939 гг. Режим доступа: https://nkvd.memo.ru/index.php/Булыжников,_Василий_Яковлевич (дата обращения: 03.04.2020).

²⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-17284. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 13 об.

²⁷ Там же. Л. 5, 5 об., 6, 6 об.

на религию и духовенство. Наряду с этим Четверикова А. П. оказывала материальную помощь высланному за к/р деятельность духовенству и монашеству и высказывала антисемитские настроения. Будучи допрошена в качестве обвиняемой виновной себя признала и уличается показаниями свидетелей. На основании вышеизложенного ОБВИНЯЕТСЯ: ... в том, что вела а/с агитацию, распространяла к/р провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию и духовенство, проводила денежные сборы для оказания материальной помощи высланным за к/р деятельность попом и монахам. В 1935 году приняла пострижение в тайное монашество, к чему склоняла и других, своих единомышленников, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 58 п. 10 ч. 1 УК РСФСР»²⁸.

В заключение указано, что «вещественных доказательств по делу нет». Также необходимо отметить, что замечание о признании Анной Павловной себя виновной не подтверждается другими материалами дела. Обязательного для следственных дел документа или хотя бы приписки в конце протокола допроса, где говорится, что обвиняемому объявлено о завершении следствия, что он хочет или не хочет что-либо добавить и признает или не признает себя виновным, в деле нет.

29 ноября 1937 г. тройка при Управлении НКВД СССР по Московской области приговорила Анну Павловну к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 27 декабря 1937 г. она прибыла в распределитель Сиблага и 3 июля 1938 г. была переведена в Арлюкское отделение.

Арлюкское отделение Сиблага находилось недалеко от ст. Арлюк, примерно в 80 км западнее Кемерово. Заключенные отделения занимались в основном сельскохозяйственной деятельностью, полеводством и животноводством, но условия их содержания были бесчеловечны. Еще 21 января 1935 г., после проверки условий содержания заключенных в Арлюкском лагпункте, временно исполняющий должность крайпрокурора Сибири К. А. Мокиевский писал секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе в секретном донесении: «Заключенные лагеря расположены по фермам во вновь выстроенных бараках, которые к жилью еще в достаточной степени не приспособлены. Наблюдается большая скученность, бараки холодные, в некоторых из них, как, например, на ферме № 3, барак без крыши. Вода просачивается в помещение, и все мокнет. Дров для отопления бараков нет, а имеется каменный уголь, для которого в бараках печи не приспособлены. Во всех помещениях, где расположены заключенные, полная антисанитария. На ферме № 2 в свинарнике живут 160 нацмен, помещение

это для людей не приспособлено, темное, сырое. Внутреннего оборудования – столов, скамей и т.д. – совершенно нет. На этой же ферме имеются 8 брезентовых палаток, которые внутри отапливаются печками, в них живет до 300 чел. заключенных. Палатки все занесены снегом, окон совершенно нет, день и ночь находятся в темноте, палатки освещаются керосиновыми коптилками без стекол, в палатках сплошная сажа, люди грязные. В большинстве своем постельных принадлежностей не имеют, спят на соломенных матах и не обеспечены теплой обувью. Питание также неудовлетворительное... На весь лагерный контингент... недостает значительного количества обмундирования (валенки... полушубков... одеяла... телогрейки... и т.д.)»²⁹. Вряд ли к 1938 г., когда число осужденных значительно увеличилось, ситуация кардинально изменилась в лучшую сторону.

Анна Павловна Четверикова скончалась 2 марта 1940 г. в Арлюкском отделении Сиблага³⁰ и была погребена в безвестной лагерной могиле.

В 2006 г. имя Анны Четвериковой включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 6 октября 2006 г. (журнал № 113)³¹ с установлением дня памяти в день кончины (следует учитывать, что год кончины святой мученицы – 1940 г. – был високосным, и 2 марта по новому стилю приходилось на 18 февраля по старому, день памяти святителя Льва, папы Римского, тогда как в невисокосный год на 18 февраля по ст. ст. приходится 3 марта). Материалы (в основном касающиеся дела 1937 г.) были представлены Московской епархией.

В 2007 г. на месте захоронений репрессированных Арлюкского отделения Сиблага был поставлен памятный крест.

Заключение

Возможно, со временем откроются новые данные о жизни и подвиге веры мученицы Анны Павловны Четвериковой. Однако уже сейчас Соборы новомучеников Высоко-Петровского монастыря г. Москвы и новомучеников и исповедников земли Кузнецкой пополнились еще одним именем. Пример мученицы Анны Четвериковой показывает, что исследования жизни подвижников Русской Православной Церкви должны продолжаться не только в отношении еще не прославленных архиереев, священнослужителей и мирян, пострадавших в годы гонений от богоборческой власти, но и в отношении тех, чьи имена уже включены в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской, но информация о которых весьма ограничена.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 648. Л. 493, 493 об.; Письмо в.р.и.о. прокурора Сибири Мокиевского Р. И. Эйхе о проверке Сиблага от 21 января 1935 г. // Образование и Православие. Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/kraeved/12660-pismo-vrioprokurora-sibiri-mokievskogo-rieihe-o-proverke-sibлага-ot-21-yanvarya-1935-g.html> (дата обращения: 03.04.2020).

³⁰ Информационный центр ГУВД Новосибирской обл. Д. 23446. (Данные предоставлены Комиссией по канонизации святых Московской епархии.)

³¹ Журналы заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви (6 октября 2006 г.). Журнал № 85. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/149541.html> (дата обращения: 03.04.2020).

Литература

1. Орловский В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений Церкви и государства: 1970–2011 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Белгород, 2017. 487 с.
2. Митров О., прот. Истоки трагедии России в XX веке // Региональный общественный фонд «Память Мучеников и Исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Вып. 1. Новомученики XX века. М.: Булат, 2004. С. 28–36. Режим доступа: http://orthodoxy.stnikolas.ru/newmartyres/readings2004/2601_09.html (дата обращения: 03.04.2020).
3. Розина О. В. Святость как воспитательный нравственный идеал и миссия женщины в современном мире // Святые и великие жены Руси как пример для семейного подражания: мат-лы науч.-практ. конф. XXII Междунар. образовательных чтений. (Москва, 26–29 января 2014 г.) М.: МОО СПЖ, 2015. С. 19–25.
4. Мазырин А., прот. Место женщин в Соборе новомучеников и исповедников Российских // Образ женщины в небесном и земном: IV Междунар. образовательные Покровские чтения. (Хельсинки, 14–15 октября 2013 г.) Режим доступа: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3073&id=4689 (дата обращения: 20.04.2020).
5. Балашова Е. Г. Подвиг новых мучениц и исповедниц XX века // Женский подвиг в истории России. 1918–2018 годы: мат-лы конф. (Москва, 24–29 ноября 2018 г.) М.: МОО СПЖ, 2018. С. 85–98.
6. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-май / под общ. ред. митр. Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Тверь: Булат, 2002. 285 с.
7. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой / науч. ред. В. А. Волчек. Кемерово: Скиф, 2011. 408 с.
8. Жизнеописания кузбасских святых / авт.-сост. В. А. Лаврина, С. М. Павлов. Кемерово: Медиа-Центр Глагол, 2013. 255 с.
9. Мраморнов А. И. Иоанн // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. Т. XXIII. С. 271–275.
10. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученик Николай Варжанский // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Июнь-август / под общ. ред. митр. Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Тверь: Булат, 2003. С. 173–183.
11. Перевезенцев С. В. Духовный кризис российского общества в начале XX века // Утраты и обретения: 1917–2017. Устремленность в будущее: сб. избранных мат-лов XVIII–XX Богородично-Рождественских образовательных чтений Калужской митрополии Русской православной Церкви московского Патриархата / отв. ред. и сост. Т. В. Анохина. Калуга, 2018. С. 94–116.
12. Игнатия (Петровская), монахиня. Высоко-Петровский монастырь в 20–30-е годы / Подготовка текста, публикация, вступительная статья и примечания А. Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 1. С. 114–135.
13. Беглов А. Л. Архимандрит Герман (Полянский) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 11. С. 228–229.
14. Архиепископ Варфоломей (Ремов). Из духовного наследия: [Жизненный путь архиепископа Варфоломея] / Подготовка текста, публикация, вступительная статья и примечания А. Л. Беглова // Альфа и Омега. 1998. № 4. С. 119–133.
15. Балашова Е. Г. Новые сведения о пострадавших в период гонений на Русскую Православную Церковь в СССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 414–428. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-414-428
16. Игнатия, монахиня. Монашество последних времен. Жизнеописание схиархимандрита Игнатия (Лебедева). По воспоминаниям монахини Игнатии П. М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 1998. 222 с.
17. Федчук А. Н. Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) // Вестник церковной истории. 2018. № 1-2. С. 288–304.
18. Игнатия, монахиня. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья / Подготовка текста, публикация, предисловие и комментарии А. Л. Беглова. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. 350 с.

New Information about the Life of the Martyr Anna Chetverikova (1873–1940) who Suffered Martyrdom in the Arlyuk Siblag

Elena G. Balashova ^{a, @, ID}

^a Vysoko-Petrovsky Monastery of Moscow, Russia, Moscow

@ pravob@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8047-8044>

Received 06.04.2020. Accepted 14.05.2020.

Abstract: Until recently, there has been very little information about the life of Anna Pavlovna Chetverikova, who died in 1940 in the Arlyuk branch of the Siblag. She was glorified by the Russian Orthodox Church in the Council of New Martyrs and Confessors of the Russian Church. All facts were obtained from the archival case file (1937) stored in the State Archive of the Russian Federation (File code: Found 10035. List 1. File P-17284) and the documents about the date of her death. The present article introduces the case materials and some other documents related to A. P. Chetverikova's life. The author performed a thorough description of her biography and proved that A. P. Chetverikova was as a long-term parishioner of the Vysoko-Petrovsky Monastery. The research also touched upon some prominent figures of the Russian Orthodox Church in the first half of the XX century, e.g. Archbishop Varfolomey (Remov) and Bishop Pankratiy (Gladkov). Whether Anna Chetverikova took the vow or not, still remains an open question. The research is relevant for the dioceses of Moscow and Kemerovo, since it makes it possible to add one more name to the Synaxis of the New Martyrs of the Vysoko-Petrovsky Monastery in Moscow and the New Martyrs and Confessors of the Land of Kuznetsk.

Keywords: Russian Orthodox Church, new martyrs, persecution of the Church, Vysoko-Petrovsky monastery of Moscow, Archbishop Bartholomew (Remov), Bishop Pankratiy (Gladkov)

For citation: Balashova E. G. New Information about the Life of the Martyr Anna Chetverikova (1873–1940) who Suffered Martyrdom in the Arlyuk Siblag. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 288–296. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-288-296>

References

1. Orlovsky V. A. *Restoration of the practice of canonization of Saints and canonization of the New Martyrs of Russia in the context of relations between the Church and the state: 1970–2011*. Dr. Hist. Sci. Diss. Belgorod, 2017, 487. (In Russ.)
2. Mitrov O., Archpriest. The origins of the tragedy of Russia in the twentieth century. *Regional Public Foundation "In Memory of the Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church". Proceedings. Vol. 1. New Martyrs of the twentieth century*. Moscow: Bulat, 2004, 28–36. Available at: http://orthodoxy.stnikolas.ru/newmartyres/readings2004/2601_09.html (accessed 04.04.2020). (In Russ.)
3. Rozina O. V. Holiness as an educational moral ideal and mission of a woman in the modern world. *Saints and great wives of Russia as an example for family scenario*: Proc. Sci.-Prac. Conf. XXII Intern. Educat. Readings, Moscow, January 26–29, 2014. Moscow: MOO SPZh, 2015, 19–25. (In Russ.)
4. Mazyrin A., Archpriest. The place of women in the Council of New Martyrs and Confessors of Russia. *The image of a woman in Heaven and earth*: IV Intern. educat. Pokrovsky readings, Helsinki, October 14–15, 2013. Available at: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3073&id=4689 (accessed 04.20.2020). (In Russ.)
5. Balashova E. G. The feat of new martyrs and confessors of the twentieth century. *Women's feat in the history of Russia. 1918–2018*: Proc. Conf., Moscow, November 24–29, 2018. Moscow: MOO SPZh, 2018, 85–98. (In Russ.)
6. *Lives of the New Martyrs and Confessors of the Russian 20th Century of the Moscow Diocese*. January-May, ed. Metropolitan of Krutitsky and Kolomensky Juvenal. Tver: Bulat, 2002, 285. (In Russ.)
7. *New Martyrs and Confessors of the land of Kuznetsk*, ed. Volchek V. A. Kemerovo: Skif, 2011, 408. (In Russ.)
8. *Biographies of the Kuzbass Saints*, authors and comps. Lavrina V. L., Pavlov S. M. Kemerovo: Media-Tsenter Verb, 2013, 255. (In Russ.)
9. Mramornov A. I. Ioann. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia", 2010, vol. XXIII, 271–275. (In Russ.)
10. Damaskin (Orlovsky), Hegumen. *Martyr Nikolai Varzhansky. Lives of the New Martyrs and Confessors of the Russian 20th Century of the Moscow Diocese*. June-August, ed. Metropolitan of Krutitsky and Kolomensky Juvenal. Tver: Bulat, 2003, 173–183. (In Russ.)

11. Perevezentsev S. V. The spiritual crisis of Russian society in the early XX century. *Losses and gains: 1917–2017. Aspiration for the future*: Proc. XVIII–XX Mother of God and Christmass educat. readings of the Kaluga Metropolitanate of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, ed. and comp. Anokhina T. V. Kaluga, 2018, 94–116. (In Russ.)
12. Ignatiya (Petrovskaya), nun. Vysoko-Petrovsky Monastery in the 1920–30s. Drafting, publication, introductory article, and notes by A. L. Beglov. *Alfa i Omega*, 1996, (1): 114–135. (In Russ.)
13. Beglov A. L. Archimandrite German (Polyansky). *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia", 2006, vol. 11, 228–229. (In Russ.)
14. Archbishop Varfolomey (Remov). From the spiritual heritage: [Life of Archbishop Varfolomey]. Drafting, publication, introductory article, and notes by A. L. Beglov. *Alfa i Omega*, 1998, (4): 119–133. (In Russ.)
15. Balashova E. G. New data on victims of Church persecution in the USSR in the 1920–1930s (based based on the materials of the Vysokopetrovsky Monastery in Moscow). *RUDN Journal of Russian History*, 2017, 16(3): 414–428. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-414-428
16. Ignatiya, nun. *The monasticism of recent times. Biography of Scheme Archimandrite Ignatyi (Lebedev). According to the memoirs of the nun Ignatiya P.* Moscow: Izd-vo imeni sviatitelia Ignatiia Stavropolskogo, 1998, 222. (In Russ.)
17. Fedchuk A. N. Bishop of Belgorod and Graivoronsky Pankraty (Gladkov). *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2018, (1-2): 288–304. (In Russ.)
18. Ignatiya, nun. *Spiritual eldership during the years of persecution. Rev. Martyr Ignatyi (Lebedev) and his spiritual family.* Drafting, publication, introductory article, and notes by A. L. Beglov. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Podvorja Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 2001, 350. (In Russ.)

Полицейская функция приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. (на материалах Кузнецкого уезда)

Денис С. Бобров^{a, @, ID}

^a Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

@ bds-eureka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

Поступила в редакцию 08.02.2020. Принята к печати 11.03.2020.

Аннотация: Статья посвящена историко-юридическому анализу сложившегося в первой половине XVIII в. круга подходов и практик реализации приказчиками острогов и слобод Западной Сибири своих правоохранительных компетенций и призвана способствовать более глубокому пониманию сущности протекания в Российском раннеимперском государстве правоприменительного процесса на местах. Источниковую основу исследования составили делопроизводственные материалы и судебно-следственная документация из фондов Российского государственного архива древних актов. Автор показывает отсутствие четкой формальной выраженности полицейских полномочий приказчиков в нормативных положениях инструктивного характера, обосновывает приоритет среди фактической деятельности по охране закона и права действий, связанных с фиксацией преступлений и установлением фактов, задержанием, допросом, обыском и конвоированием подозреваемых, а также раскрывает три ведущих проявления государственных преступлений в локальной административной практике. Принадлежность, содержание и нюансы большинства процедурных аспектов правоприменения ощутимым образом зависели от общих тенденций эволюции как регионального, так и общегосударственного административного уклада. К середине XVIII в. приказчики острогов и слобод стали терять большую часть своих полицейских полномочий, которые в районах дислокации регулярных воинских подразделений переходили к военным командирам.

Ключевые слова: воеводы, правоохранительные компетенции, государственное преступление, дознание, иррегулярные войска, Новоучрежденный драгунский полк

Для цитирования: Бобров Д. С. Полицейская функция приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. (на материалах Кузнецкого уезда) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 297–306. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-297-306>

Введение

Ставший во многом поворотным для истории России период конца XVII – первой половины XVIII в. сопровождался ощутимой перестройкой всех звеньев системы государственного управления, распространением идей камерализма и бюрократического централизма [1, с. 99–107]. Масштабные преобразования охватили и сферу правоохранительной деятельности, но затронули в основном центральный уровень и область судопроизводства. Реалии нижних ярусов раннеимперской правовой системы, которая фактически являлась позднефеодальной, предопределили дисперсное расслоение правоохранительных компетенций между местными (провинциальные и уездные воеводы, главы немногочисленных канцелярий розыскных дел) и локальными управленческими структурами (приказчики острогов и слобод, выборные лица из крестьян или военные командиры полковых рот). В этом свете на фоне относительно хорошо изученной судебной особый интерес представляет тесно сопряженная с ней полицейская функция. Ее осуществление приказчиками в отношении широких слоев населения

(податных сословий и сословных групп) обладает ярко выраженной спецификой в таких областях, как Западная Сибирь (особенно ее южные районы, влияние которых на социально-экономическое и политическое развитие региона, по справедливому замечанию М. М. Громыко, трудно переоценить [2, с. 88]), которые в первой половине XVIII в. по-прежнему переживали активную фазу российской колонизации, сопровождавшуюся не только военным проникновением, но и выстраиванием соответствующей региональной административной системы.

Полицейская функция управленческих структур нижнего звена бюрократической иерархии, как правило, находится в тени внимания специалистов на фоне объяснимого и существенного интереса к гораздо более привлекательным и осязаемым военным, административно-хозяйственным или судебным компетенциям. Наличие ряда известных современных общероссийских исследований взаимообусловленности развития в раннем имперском государстве правоохранительной и управленческой среды [1; 3; 4] контрастирует с ситуацией в региональной историографии,

где наиболее полно в настоящий момент изучены судебные, в меньшей степени – полицейские компетенции и практики сибирских воевод [5–9]. Комплексные работы М. О. Акишина [10] и О. Ю. Шаходановой [11], ставящие в центр внимания систему администрирования территориями к востоку от уральских гор, частично затрагивают полицейские компетенции структур преимущественно регионального, а также местного, практически игнорируя локальный уровень управления. Во многом это связано с установившейся еще в советской и отчасти переживавшей в современную научную литературу тенденцией к одностороннему рассмотрению деятельности институтов низового звена административной иерархии (в первую очередь приказчиков острогов и слобод) [12–16].

В последние годы появился целый ряд публикаций, посвященных юридическому статусу и отдельным функциям сибирских гражданских приказчиков (за исключением, пожалуй, полицейской / судебно-полицейской) [17–20]. С другой стороны, заключающие солидный эвристический интерес правоохранные практики сибирского городского казачества в специальной литературе по-прежнему представлены обзорно, на чрезвычайно широком хронологическом интервале [21–23]. Схожие черты проявляются и в работах по истории ведомственного управления на юге Западной Сибири. В диссертации С. Р. Муратовой реконструирована иерархия, стратегии и практики администрирования Сибирскими укрепленными линиями [24]. В исследовании А. В. Дмитриева подробно рассмотрены контингенты, кадровый состав и материальное обеспечение регулярных российских войск в Сибири в XVIII в. [25]. Хрестоматийные труды В. Б. Бородаева и А. В. Контева [26], Т. Н. Соболевой и В. Н. Разгона [27] концентрируются на обстоятельствах сооружения предприятий Акинфия Демидова в междуречье Оби и Иртыша и формировании системы кабинетского хозяйства в регионе, лишь эпизодически и косвенно затрагивая правоохранные компетенции частновладельческих, позднее кабинетских структур. Достаточно полно правовой статус, функционал и административные практики ведомственной полиции и суда в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в середине XVIII – 60-х гг. XIX в. раскрыты в монографии А. А. Пережогина [28].

В связи с этим целью текущей публикации является историко-юридический анализ на материалах Кузнецкого уезда сложившегося в первой половине XVIII в. круга подходов и практик реализации правоохранных компетенций приказчиками острогов и слобод Западной Сибири как низовым звеном структуры гражданского управления регионом в контексте развития государственно-правовой системы России. Обращение к опыту деятельности по охране закона и права этого института власти, в системе функциональных ориентиров которого соответствующие полномочия занимали полупериферийное или даже периферийное место, позволит не только дополнить картину коммуникации

приказчиков с другими административными структурами, но также обнажить реалии и специфику протекания в Российском раннеимперском государстве правоприменительного процесса на окраинах.

Источниковую основу исследования составили делопроизводственные и судебно-следственные материалы из фондов № 248 (Сенат и его учреждения), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия), 1134 (Кузнецкая приказная изба) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Документальные массивы Кузнецкого уезда обладают очевидным эвристическим потенциалом, поскольку насчитывают в общей сложности около 500 единиц хранения, что является редкостью для региональных архивов первой половины XVIII в. и позволяет системно и многоаспектно проследить характер реализации приказчиками полицейской функции.

Приказчики острогов и слобод – ординарный институт локального звена гражданской системы управления [18, с. 34; 19, с. 33], формировавшийся из уездных служилых людей на принципе «годовальной» службы, т.е. периодической ротации [22, с. 132, 141]. В подчинении у «начальных людей» острога или слободы находились иррегулярные «годовальные» воинские команды и местное крестьянское население. Ключевым фактором реализации приказчиками своих функций: оборонно-снабженческой, административно-хозяйственной, полицейской и промугационной – становился дефицит средств обеспечения управления, проявлявшийся в острой нехватке как инженерных, так и кадровых ресурсов [19, с. 33–34].

Полномочия приказчиков, объединяемые в полицейскую функцию, как правило, трактуются достаточно широко, с акцентом на круге санкционных компетенций: управленец якобы «имел право применять меры взыскания. В самой общей форме оно определялось как право "смирять" крестьян, сюда включались простой "уговор", штраф, телесное наказание и заключение» [14, с. 141]. Обращение к административному и правоприменительному опыту приказчиков Западной Сибири, в частности Кузнецкого уезда, рисует менее однозначную, но более многогранную картину.

Характер формализации полицейских полномочий приказчиков в нормативных актах

Объективные сложности исследовательского поиска связаны с отсутствием строгой формальной выраженности и детализации правоохранных функционалов приказчиков в локальных подзаконных актах, а также недостаточным разграничением с соответствующими полномочиями воевод. По аналогии с «Наказами» воеводам ключевым документом, законодательно фиксирующим полномочия приказчиков в рамках полицейской функции, должна была стать наказная память – особый вариант партикулярной персональной должностной инструкции, имевшей силу и характер распорядительного подзаконного нормативно-правового акта

и адресованной лицу, вступавшему в ту или иную должность [20, с. 89]. В наказных памятях первой четверти XVIII в. правоохранные компетенции в большинстве своем фиксировались в рамках административно-статусного блока / части¹, однако в силу синкретизма функций полицейское направление деятельности тесно сопрягалось с оборонительным или административно-хозяйственным. Наряду с традиционной, мигрировавшей еще из документов XVII в. формулы «ведать тебе... судом и расправой» [20, с. 90] приказчикам предписывалось соблюдать несколько важных обстоятельств. Во-первых, следовало предотвращать побег местного населения и служилых людей, находившихся на «обереговой службе»².

Во-вторых, в отличие от общероссийского яруса правовой системы середины XVII–XVIII вв., где, по справедливому замечанию Е. В. Анисимова, не существовало четкой градации преступлений на виды и классы [3, с. 14], наказные памяти предполагали разделение всех правонарушений, происходивших в округе, на две категории: тяжкие преступления («государево слово» / «государевы дела», убийства, разбой, татьба) требовали от приказчиков обязательной высылки подозреваемых в уездный центр, «малые дела» – нетяжкие преступления (брань, мелкие драки), которые соответствующей процедуры не предполагали, а вынесение вердиктов, равно как и осуществление наказаний, в большинстве таких случаев осуществлялось самими приказчиками на месте³. Появление подобной, пусть и примитивной, дифференциации преступлений следует связывать с двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, это являлось неизбежной издержкой административного и правоприменительного процессов, организация и эффективное осуществление которых в условиях характерного ресурсно-кадрового дефицита делали невозможным и нерациональным автоматический перевод в уездный центр всех преступников независимо от степени тяжести совершенного. С другой – в дискурсе центральной власти первой четверти XVIII в. довольно устойчиво прослеживалась тенденция к делению всех преступлений на «государственные» и «партикулярные» [3, с. 18–19]. Таким образом, в локальном подзаконном акте – наказной памяти – формализовывались встречные разнонаправленные тенденции, исходившие от управленческих структур центрального и местного звеньев административной иерархии.

Обязанность содержания под стражей арестованных в ранних наказных памятях фигурировала лишь косвенно в контексте потенциального «взятия» аманатов из кочевников⁴. Следует учитывать, что случаи аманатства в западносибирских острогах и слободах носили единичный, но вместе с тем прецедентный характер⁵. Наконец, наказные памяти приказчикам не предусматривали однозначной линии поведения в отношении «пришлых» и «гулящих» людей: в первые годы после возникновения административного пункта воеводы санкционировали поселение соответствующих категорий в его пределах, хотя спустя всего лишь несколько лет категорически запрещали аналогичные действия⁶.

Специфика участия приказчиков в расследовании государственных преступлений

Особое место в круге правоохранных компетенций и действий местных и локальных структур гражданского управления достаточно быстро заняли случаи «государева слова», что стало неизбежным следствием формировавшегося имперского административного уклада с его полицейским акцентом. Е. В. Анисимов показал, что категория *государственное преступление* в правоприменительной практике XVIII в. заключала в себе целый спектр различных по своей природе и составу преступлений [3, с. 17–93]. Приказчики сибирских острогов и слобод сталкивались с тремя проявлениями «государева дела».

Большинство случаев связано с попытками жителей административной округи или находившихся на «обереговой службе» иррегулярных военных уличить выборных из крестьян (десятников, целовальников), самих приказчиков или рядовых служилых людей в казнокрадстве, а также причинении иного вреда государственному имуществу. Как правило, произнесение «государева слова» в этом контексте связано со злоупотреблением алкоголем. В 1729 г. крестьянин Василий Кондратьев обвинил в государственном преступлении целовальника Малышевой слободы Захара Хлыновского. Еще в ходе первичного дознания приказчику Ивану Хабарову стало ясно, что аккузация была озвучена в состоянии «безмерного пьянства»⁷, однако в силу значимости и тяжести предполагаемого преступления он не решился нарушить установленный порядок и выслал подозреваемого вместе с обличителем в уездный центр. Аналогичный случай был зафиксирован приказчиком Бикатунской крепости в 1731 г., когда кузнецкий служилый

¹ Административно-статусный блок / часть связаны с определением сферы полномочий и обязанностей приказчиков, порядка их взаимоотношений с другими властными структурами [20, с. 89].

² РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об.; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7 об.

³ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об.–44; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7–7 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 44 об. В более поздних наказных памятях (вторая половина 30-х – начало 50-х гг. XVIII в.) в результате проявления тенденций унификации и симплификации этих документов [20, с. 91–92] какие-либо упоминания о правомочиях приказчиков арестовывать и содержать под стражей разыскиваемых лиц или подозреваемых отсутствовали вовсе. См.: РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-а. Л. 31–31 об.

⁵ В отличие от XVII в., где прецеденты содержания аманатов в острогах являлись многочисленными, в первой половине XVIII в. они перешли в разряд рудиментарных практик. В большинстве случаев аманаты жили в пределах аманатских дворов, размещавшихся в уездных центрах.

⁶ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 45; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7 об.–8, 24.

⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–9.

Степан Везигин в нетрезвом состоянии произнес «государево слово» на крестьянина Алексея Сорокина. На первых допросах доносчик даже утверждал, что у него существуют неопровержимые доказательства вины предполагаемого преступника, но при дознании в воеводской канцелярии сразу отказался от своих слов⁸.

Другой категорией преступлений, относившихся к «государеву делу», являлись случаи колдовства. В России XVIII в. любые магические воздействия (даже если они не имели никакого отношения к монарху) считались государственным преступлением [3, с. 26–27]. Это приводило к ощутимой строгости административного надзора за расследованием соответствующих эпизодов, проявлявшейся в принятии немедленных и существенных мер в случае любых малейших отступлений от утвержденного порядка расследования. Показателен эпизод, имевший место в округе Бийской крепости на рубеже 1733–1734 гг. Приказчик Иван Буткеев под конвоем был доставлен в уездный центр и допрошен из-за промедлений в высылке подозревавшейся в колдовстве «бабы Акулины», хотя к моменту прибытия специальной команды она уже была этапирована⁹.

Наконец, к государственным преступлениям в XVIII в. относилось несанкционированное властью пересечение государственной границы. В таких ситуациях приказчики собирали всю доступную информацию о причастных к этим событиям лицах, могли дознавать русских крестьян или служилых людей, крайне редко – ясачных данников (абсолютное большинство аборигенов, находившихся в российском подданстве, допрашивались в уездном центре через толмача), после чего материалы передавались в уездный центр¹⁰.

Строгость административного контроля за расследованием «государевых дел» обуславливала внимательное и четкое отношение к соответствующим случаям как со стороны приказчиков, так и воевод, эффективное взаимодействие и отсутствие прямых конфликтов между структурами. Главы уездов выдерживали строго императивную линию, каждый раз отправляя из подконтрольных им иррегулярных сил специальные команды, как правило, состоявшие из 10 служилых людей, и предписывая приказчикам сначала осуществить первичное дознание в форме допроса обеих сторон (как доносителя, так и потенциального подозреваемого) – «следства», после чего безотлагательно высылать всех заинтересованных лиц в уездный центр для дальнейшего разбирательства¹¹, где воевода в рамках судебного процесса «объявлял следства»¹².

Для государственных преступлений строго соблюдался принцип территориальности: лица, «приписанные» к другим административным единицам или ведомствам, не высылались за пределы того уезда, в котором имело место правонарушение. В этом отношении показательным является уже обозначенный нами случай, связанный с уличением в «государевом деле» целовальника З. Хлыновского. Рядовой, казалось бы, эпизод выделяет из общего ряда повседневных практик прошлое заявителя: Василий Кондратьев, будучи учтенным переписями в качестве жителя Тарского уезда, в 1728 г. был отправлен для заработка подушных денег на строящийся Колыванский завод Акинфия Демидова, откуда был «отпущен ... Кузнецкого ведомства в остроги для прокормления лошадей»¹³. Ни слободский приказчик, ни уездный воевода до окончания разбирательства даже не думали высылать доносителя за пределы уезда. Лишь после вынесения судебного вердикта и приведения его в исполнение крестьянин был возвращен в пределы Колыванских предприятий¹⁴.

Функциональные и процессуальные правоохранные компетенции приказчиков в Западной Сибири

Не менее значимым направлением правоохранительной деятельности приказчиков острогов и слобод становились розыск и высылка из вверенной им административной округи различных маргинальных или девиантных категорий: беглых (солдат, матросов, рекрутов, колодников), а также самовольных переселенцев из окрестностей уездного центра, большинство которых имели задолженности в уплате подушного сбора. К указам о сыске таких беглецов, как правило, прилагался специальный реестр¹⁵. В вопросах высылки разыскиваемых лиц действовал принцип экстерриториальности: приказчики могли допрашивать и конвоировать в воеводскую канцелярию любого потенциального правонарушителя независимо от расположения места происшествия и административной принадлежности подозреваемого. Обращает на себя внимание, что для сбора предварительной информации о числе скрывающихся и их ориентировочном местонахождении воеводы использовали структуры экстраординарного управления (уездные команды служилых людей), а не приказчиков, что связано не только с активным внедрением аналогичных практик региональными властями и дефицитом находившихся в распоряжении локальных управленцев ресурсов для осуществления таких оперативных мероприятий, но и с часто встречавшейся инертностью

⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–15 об.

⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–20.

¹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–5 об.; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

¹² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

¹³ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.–9.

¹⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14–18.

«начальных людей» острогов и слобод, в большинстве случаев связанной с игнорированием интересов уездного центра в ущерб своих административных устремлений. Степень весьма относительной эффективности действий приказчиков в вопросах выявления и выдворения из административной округи самовольных переселенцев иллюстрирует фрагмент доношения в Кузнецкую воеводскую канцелярию приказчика Бердского острога Семёна Мельникова от 7 августа 1744 г., где освещается ситуация, сложившаяся на территории вверенной ему округи спустя несколько десятилетий после проведения первой ревизии: «многия берския крестьяне и разначинцы из Берского острогу и того Берского ведомства из разных деревень разбегались в разные места Кузнецкого ведомства: в Белоярскую и Бийскую крепости, и в Малышеву слободу, и поселились в тех слободах в разных деревнях своими домами, а о заготовлении, о душах мужеска полу и о подаче сказок в самой крайне скорости никак сочинит невозможно, понеже оные разехавшиеся берския крестьяне и разначинцы в реченных острогах и слободе жителство имеют к тем крепостям и слободе poblizosti, а от Берского острогу в самом дальном расстоянии»¹⁶.

Высылке в уездный центр подлежали не только беглые, но и служилые люди, обвиненные в совершении преступления. К примеру, в январе 1734 г. приказчик Бикатунской крепости Василий Буткеев вынужден был отправить в Кузнецк «за правожатыми под караулом... не принимая... никаких отговорок» отставного сына боярского Ивана Везигина вместе с братом Степаном, уличенных в махинациях с подушными деньгами¹⁷.

Как видно из рассмотренных выше примеров, среди функциональных и процессуальных правоохранительных компетенций приказчиков острогов и слобод Западной Сибири приоритет отдавался проведению предварительного следствия, процедурам дознания. Они включали в себя как частично уже освещенные допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей, а также организацию конвоирования, так и обыск, значительно реже – освидетельствование и / или выемку. Следует учитывать, что в первой половине XVIII в. арест («сажание под караул») как мера временного задержания могла применяться «начальными людьми» административных округ к подозреваемым и разыскиваемым, но на постоянной основе заключение (лишение свободы) преступников ими не осуществлялось. Причины этого, видимо, кроются в начавшихся еще в XVII в. стратификации и алгоритмизации практик тюремного заключения как способа исполнения наказаний, которые

вылились в организацию тюрем в каждом крупном (уездном) сибирском городе [5, с. 116].

При совершении преступлений во вверенной ему административной округе или вблизи нее приказчик оперативно информировал воеводу о произошедшем. Такие «отписки» по своему содержанию представляли достаточно подробное повествование о случившемся с прилагавшимися первичными показаниями свидетелей. Особое внимание уделялось правонарушениям, в которые были вовлечены жители соседних уездов или ясачные данники¹⁸.

К категориям лиц, подлежавших допросам со стороны «начальных людей» острогов и слобод, в дополнение к уже названным следует отнести русских жителей, по каким-либо причинам не учтенных в подушном окладе. Так, в 1733 г. в «расспросных речах» Данил Рогосин сообщал белоярскому приказчику, что он, будучи еще ребенком, был привезен в Кузнецкое ведомство из Пышминской слободы своим отцом, который вскоре умер. Крестьянин констатировал свое желание быть записанным в подушный оклад в деревне Чумышской, принадлежавшей к округе Белоярской крепости, добавляя, что «в салдацком рекрутском наборе он, Данило, нигде, також и на воровствах и разбоях не бывал»¹⁹. В этом же году приказчиком были составлены протоколы о нескольких подобных случаях²⁰.

При проведении первичного дознания приказчики нередко прибегали к насильственным способам получения показаний и доказательств, о чем они открыто говорили в собственных доношениях в уездную канцелярию. Например, в 1729 г. «начальный человек» Малышевой слободы Степан Серебренников уведомлял Кузнецк о том, что в судной избе им допрошены «с пристрастием» сначала крестьянка деревни Нижне-Сузунской Афи́мья Родионова, составление «расспросных речей» которой началось лишь после «бития батожем три раза», а также «мерецкой житель» Иван Сулин «по допросом бит батожем нещадно, и избитья он не повиניהся»²¹. Вместе с тем следует учитывать, что допросы с применением силы являлись рядовой практикой расследования в основном тяжких и особо тяжких преступлений.

Высылка подозреваемых в уездный центр, будучи важной стадией предварительного следствия, использовалась еще и в качестве средства / меры предотвращения конфликтов внутри административной округи или даже между различными локальными районами. Иллюстрацией этого служит настоящая криминальная драма, разыгравшаяся весной 1730 г. в районе Белоярской крепости. Житель деревни Шишкиной Василий Антропов в своем доме подвергся разбойному нападению со стороны крестьян Бердского

¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 201. Л. 93 об.–94.

¹⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 10–10 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–10.

¹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 18 об.–31 об.

²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 15–16.

острога Афанасия и Гаврилы Шеманаевых. Мотив преступления заключался в мести В. Антропову за то, что тот тайно увез из окрестностей Бердска сестру Шеманаевых Авдотью, после чего обвенчался с ней²². Дабы не допустить разрастания конфликта, воевода строго предписал приказчику доставить в уездный центр всех заинтересованных лиц, «дабы за невысылкою в следствии судного дела продолжения не учинилось»²³.

Таким образом, конвоированию для допроса воеводой подлежали не только потенциальные преступники, но иногда свидетели правонарушений и потерпевшие. В большинстве случаев показания с них снимались на местах либо приказчиками, либо специально посланными командами. Перевод под охраной в уездный центр касался этих категорий лишь при расследовании отдельных эпизодов, являясь, среди прочего, средством обеспечения процессуальных действий, в частности проведения очных ставок.

Иногда осуществить высылку подозреваемых приказчикам не удавалось. Примечательна ситуация, сложившаяся в Бердском остроге в конце 20-х гг. XVIII в., когда местный приказчик А. Мауксюков вместе со специально присланным из Кузнецка Иваном Буткеевым под угрозами одной из крестьянских семей вынуждены были на непродолжительное время покинуть пределы административной округи. После несанкционированной поездки в Ургу местный житель Прокофий Соколов стал всячески сопротивляться аресту «и от денщика Мауксюкова отбивался ножом де и бросал по присланном из Кузнецка сотнике Иване Буткееве, и по прикашике Мауксюкове, и по служилых людях глыбами». Дошло даже до того, что сын подозреваемого Иван, «выходя из дому своего, на онаго Буткеева с луком и со стрелами, и отказывал оному приказику Мауксюкову от команды, и высылал ево Мауксюкова, и сотника Буткеева, и служилых людей из Берска вон»²⁴. Однако этот случай являлся единичным и не перешел в разряд регулярных практик.

Организация конвоирования в уездный центр осуществлялась приказчиками посредством поручения подозреваемого реже одному, чаще несколькими служилым людям или рядовым крестьянам административной округи²⁵. Все перемещения задержанных за пределы локального района строго контролировались воеводскими канцеляриями. После приведения наказания в исполнение осужденные не могли покинуть пределы своего населенного пункта (даже будучи служилыми людьми), что, безусловно, само

по себе создавало ситуации социального дискомфорта, порождая конфликтность в микросоциуме округи.

Решение о виновности (невиновности) подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях и избрание меры наказания находилось в исключительной компетенции воевод [5, с. 110–125; 7, с. 40–42]. Наиболее часто применяемыми к виновному лицу санкциями (либо в случае подтверждения обвинения, либо в случае обнаружения изначально ложного доноса) становились публичная порка кнутом или батогами²⁶.

Исполнение наказаний, вынесенных в ходе судебных процессов и разбирательств, не замыкалось исключительно на уездном центре, а частично передавалось приказчикам на места, облеченное в форму соответствующего воеводского указа. В основном такие случаи связаны с реализацией вердикта в отношении второстепенных для расследования категорий лиц (мелкие пособники или соучастники; второстепенные свидетели, «неточность» показаний которых вскрылась в ходе перекрестных допросов), которые по объективным причинам не были конвоированы из своей округи для дознания или уже вернулись обратно (с санкции воеводской канцелярии) до окончания разбирательства²⁷. Причем в документах встречаются случаи, когда приказчику приходилось применять санкции в отношении не только рядовых крестьян, но и десятников, целовальников, служилых людей. Однако это являлось скорее исключением, чем правилом. Делегирование «начальным людям» острогов и слобод полномочий и компетенций по исполнению наказаний не имело устойчивой и стабильной фиксации в наказной памяти и отражало признаки частичного отхода от процессуального порядка, хотя и соответствовало общему духу реализации административного процесса в условиях активного освоения, избавляя приказчиков от обременительной необходимости формировать дополнительные команды из служилых людей или крестьян для конвоирования в уездный центр лиц, уже признанных виновными.

В рамках реализации полицейской функции приказчикам приходилось заниматься организацией хранения имущества как рядовых жителей своего локального района, так и лиц, случайно оказывавшихся в пределах соответствующей округи. В одном из своих обращений в воеводскую канцелярию приказчик Белоярской крепости Афанасий Хмелев в 1730 г. подчеркивал, что у него длительное время лежали «под замком» личные вещи, оставленные солдатом Кузьмой Волковым, который пропал без вести при сопровождении экспедиции Ивана Валишевского в Джунгарию. В таких

²² Там же. Л. 166–167.

²³ Там же. Л. 167 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1395–1395 об.

²⁵ Видимо, при организации конвоирования ощутимую роль играла тяжесть правонарушения. Подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях в уездный центр доставляли исключительно служилые люди, в большинстве остальных случаев – представители крестьянского населения, что связано с активной вовлеченностью нерегулярных войск в различные «службы». См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

²⁶ Там же. Л. 23–24.

²⁷ Там же. Л. 25 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1396 об.

случаях локальными управленцами составлялась подробная опись соответствующих предметов: «седло черной кожей оклеено, потпруги и пристуги ременные, стремена железные усдарененна, плетъ хомутина ... зипун сукной новой»²⁸. Выдача имущества даже родственникам владельца была невозможна без санкции воеводы²⁹.

Изменения в характере и практиках реализации приказчиками полицейской функции в конце 30-х гг. XVIII в.

Дифференциация социально-управленческих практик в совокупности с начавшейся в середине 30-х гг. XVIII в. ощутимой административной перестройкой на юге Западной Сибири в значительной степени деформировали характер осуществления приказчиками своих правоохранительных компетенций. Вскоре после создания Новоучрежденного драгунского полка [25, с. 98–108] отдельные его соединения были переброшены в некоторые сибирские районы. Присутствие регулярных подразделений требовало от приказчиков выстраивать взаимоотношения с военным руководством – подвергавшимся ротации единым войсковым «командиром» в звании капитана или майора, а также прапорщиками, отдававшими приказы в конкретных ротах.

Ключевым направлением такого сотрудничества стало предупреждение социальных и даже этнических конфликтов в локальной округе. В южных районах Западной Сибири в первой половине XVIII в. большинство соответствующих инцидентов связано со стычками между русским населением и джунгарскими купцами, следовавшими транзитом через остроги и слободы. В 1738 г. в деревне Елуниной Белоярского ведомства возник конфликт между калмыцкими торговцами, направлявшимися в Ургу из Томска, и местным жителем Артемом Елуниным. По утверждению последнего иностранные купцы самовольно стравили у него 60 копен сена, не заплатив, после чего русский крестьянин не нашел ничего лучше, как в отместку и с целью хотя бы частичного возмещения понесенного ущерба украсть у обидчиков две лошади. В результате спор, изначально носивший имущественный характер, мгновенно вышел на новую, опасную стадию: калмыцкий башлык Исюк Деркемов в сопровождении более 20 человек окружил дом А. Елунина, «стали из луков стрелять, а другие, вскоча во двор, выгнали ... десять лошадей, в том числе три ежальных, семь молодых и отогнали в свой табун»³⁰. Ситуация накалялась – А. Елунин открыл из ружья огонь по калмыкам, а И. Дюркемов пленил трех крестьян. Местные жители были готовы устроить самосуд над агрессивными иноземцами. Лишь благодаря вмешательству белоярского «начального человека» Якова Сорокина совместно с прапорщиком Александром

Тарасовым при поддержке 15 солдат из регулярной команды удалось предотвратить дальнейшее разрастание конфликта. Приказчик и командующий ротой Новоучрежденного полка действовали фактически единым административным центром, выступая третейским арбитром и одновременно медиатором и гарантом общественного порядка, успокаивая и примиряя стороны, заставляя прекратить имущественный спор, очевидно и неуклонно отстаивая интересы подданного Российского государства³¹.

Трансформация правоохранительных практик приказчиков в период значительных преобразований управленческой среды середины XVIII в. наиболее ощутимым образом затронула процедуры, связанные с задержанием, допросом и арестом подозреваемых и разыскиваемых – теперь соответствующие полномочия (в отношении всех категорий как военного, так и гражданского населения) передавались командирам военных рот, которые напрямую взаимодействовали с воеводскими канцеляриями. Самой массовой категорией дел в полицейской функции командующих войсковыми соединениями на этом этапе стали розыск и задержание беспаспортных лиц³².

Заключение

Динамика круга правоохранительных компетенций приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. ощутимым образом зависела от общих тенденций эволюции как регионального, так и общегосударственного административного уклада. В первой четверти столетия, несмотря на отсутствие строгой фиксации соответствующих полномочий в инструктивной документации, подзаконных актах, полицейская функция на локальном уровне управления практически монопольно сосредотачивалась у приказчиков. Перечень их правоохранительных компетенций был достаточно широк, охватывал практически все стадии предварительного следствия (за исключением отдельных процедур, осуществлявшихся воеводами). С одной стороны, это являлось инерционным шлейфом предшествующего времени, с другой – максимально отвечало задачам продолжавшегося освоения, где в системе функциональных ориентиров правоохранительное направление деятельности практически полностью отделялось от военных (оборонно-снабжение) сюжетов и располагалось ближе к административно-хозяйственной тематике, а его значимость была обратно пропорциональна степени внешней опасности и строго зависела от текущей социально-политической конъюнктуры административной округи. Ближе к середине XVIII в. приказчики острогов и слобод стали терять большую часть своих полицейских компетенций, которые в рай-

²⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 139–139 об.

²⁹ Там же. Л. 140.

³⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 11 об.

³² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 82–99.

онах дислокации регулярных воинских подразделений, несмотря на сохранение гражданской вертикали управления, переходили к военным командирам. Использование при реализации правоохранительной функции силового потенциала войск, дислоцированных в округе, выглядело полностью логичным и оправданным, частично снимало ощутимый административный «груз», возлагавшийся на приказчиков. В более широком ракурсе эта миграция

полномочий становилась неотъемлемым проявлением процесса милитаризации управленческих и социальных институтов западносибирских окраин, в контексте правоохранительной деятельности выразившегося в умеренной, а иногда и значительной утилитарной симплификации отдельных направлений функционала и практик местных и локальных структур администрирования.

Литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
3. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
4. Медведев В. В. Формирование и эволюция полицейского государства в России (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 23 с.
5. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 203 с.
6. Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.
7. Ананьев Д. А. Воеводы в судебной системе Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 40–43.
8. Космовская А. А. Административно-полицейские функции воевод Пермского Прикамья в XVII в. // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 июля 2013 г.) Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2013. Ч. 3. С. 80–84.
9. Емелин С. М., Хакимов С. Х. Эволюция полицейских функций воевод и комендантов в Российской империи в XVIII в. (историко-правовой аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 54–63.
10. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.
11. Шаходанова О. Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. 190 с.
12. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.-Л.: АН СССР, 1946. 228 с.
13. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
14. История крестьянства Сибири. Т. 1: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
15. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1991. 263 с.
16. Контева О. Е., Контев А. В. Территория Алтайского края в общегосударственной и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2005. С. 44–70.
17. Соколовский И. Р. Таможенные функции приказчика Селенгинского острога // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 107–111. DOI: 10.15372/HSS20150321
18. Бобров Д. С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления регионом в 20–30-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 33–37. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04
19. Бобров Д. С. Вопросы реализации оборонно-снабжениеской функции приказчиками острогов и слобод Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат.-лов Всерос. молодеж. науч. школы-конф. (Новосибирск, 14–16 сентября 2017 г.) Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. С. 31–40.
20. Бобров Д. С. Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Кузнецкого уезда) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 87–95. DOI: 10.17223/15617793/442/11
21. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 227 с.
22. Пузанов В. Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.

23. Шадрин В. М. Полицейские функции уральских казаков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 2. С. 12–17.
24. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 241 с.
25. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
26. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.
27. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: АлтГУ, 1997. 258 с.
28. Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: АлтГУ, 2005. 264 с.

original article

Police Function of Bailiffs in Forts and Free Settlements of Western Siberia in the First Half of the XVIII Century (Based on Documents Issued in Kuznetsk Province)

Denis S. Bobrov^{a, @, ID}^a Altai State University, Russia, Barnaul

@ bds-eureka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

Received 08.02.2020. Accepted 11.03.2020.

Abstract: The research featured a historical and legal analysis of functions attributed to bailiffs of forts and settlements inhabited by free peasants in the XVIII-century Western Siberia. The objective was to develop a deeper understanding of the essence of law enforcement process at a local level in the early Imperial Russia. The author relied on management documents and case records from the Russian State Archive of Ancient Acts. Bailiffs appeared to have no clearly stated police functions in the related regulatory acts. The author describes their responsibilities in law enforcement, rights protection, crime documentation, surveillance, detention, interrogation, search, and escorting. The article also focuses on the three types of popular crimes in the local administrative practices. The content and peculiarities of most law enforcement procedures depended on the general tendencies in the regional and state-level administrations. By the middle of the XVIII century, bailiffs had lost most of their police powers, which were resumed by the military officers of the local regular forces.

Keywords: governor of provinces, law enforcement competences, political crime, inquest, irregular troops, Newly formed dragoon regiment

For citation: Bobrov D. S. Police Function of Bailiffs in Forts and Free Settlements of Western Siberia in the First Half of the XVIII Century (Based on Documents Issued in Kuznetsk Province). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 297–306. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-297-306>

References

1. Anisimov E. V. *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997, 331. (In Russ.)
2. Gromyko M. M. *Western Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development*. Novosibirsk: Nauka, 1965, 267. (In Russ.)
3. Anisimov E. V. *Rack and whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 720. (In Russ.)
4. Medvedev V. V. *Formation and evolution of the police-ridden state in Russia (XVIII – first half of XIX century)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 23. (In Russ.)
5. Vershinin E. V. *Voivode administration in Siberia (XVII century)*. Ekaterinburg: Razvivaiushchee obuchenie, 1998, 203. (In Russ.)
6. Ananiev D. A. *Voivode administration in Siberia in the XVIII century*. Novosibirsk: Sova, 2005, 264. (In Russ.)

7. Ananiev D. A. Governors of provinces in the judicial system of Siberia of the XVIII century. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2005, (2): 40–43. (In Russ.)
8. Kosmovskaya A. A. Administrative and police functions of the Governor of the Permskoe Prikamie region in the XVII century. *Modern society, education and science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tambov, July 31, 2013. Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, 2013, pt. 3, 80–84. (In Russ.)
9. Emelin S. M., Khakimov S. H. Evolution of policeman functions of vouvodes and commanders in the Russian Empire in the XVIII century (historical and legal aspect). *Legal science: history and the presence*, 2018, (2): 54–63. (In Russ.)
10. Akishin M. O. *Russian absolutism and the administration of Siberia in the XVIII century: structure and stuff of the state machinery*. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003, 408. (In Russ.)
11. Shakhodanova O. Yu. *Central and local governing bodies in Western Siberia in the late XVI – early XVIII centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tyumen, 2000, 190. (In Russ.)
12. Shunkov V. I. *History essays of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII centuries*. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1946, 228. (In Russ.)
13. Aleksandrov V. A. *The rural community in Russia (XVII – early XIX century)*. Moscow: Nauka, 1976, 323. (In Russ.)
14. *History of Siberian peasantry. Vol. 1: The peasantry of Siberia in the era of feudalism*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: Nauka, 1982, 504. (In Russ.)
15. Minenko N. A. *Russian peasant community in Western Siberia. XVIII – first half XIX century*. Novosibirsk: Novosib. un-t, 1991, 263. (In Russ.)
16. Konteva O. E., Kontev A. V. Territory of Altai Krai in the civil and department management systems (XVIII century). *History of Altai Krai. XVIII – XX centuries*, ed. Shcheglova T. K. Barnaul: AltGPU, 2005, 44–70. (In Russ.)
17. Sokolovsky I. R. Customs functions of the commandant of Selenginsky fort. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2015, 22(3): 107–111. (In Russ.) DOI: 10.15372/HSS20150321
18. Bobrov D. S. The bailiffs of the forts and settlements of the Upper Ob Area as the core institutions of local unit within the system of regional management in the 20–30-s of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*, 2016, (2): 33–37. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04
19. Bobrov D. S. Issues of implementation of the defense supply function by the bailiffs of the forts and large commercial settlements of the Upper Ob region in the first half of the XVIII century. *Actual problems of historical research: view of young scientists: Proc. All-Russian Sci. School-Conf.*, Novosibirsk, September 14–16, 2017. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2017, 31–40. (In Russ.)
20. Bobrov D. S. Mandatory instructions for clerks of jails and settlements of Western Siberia at the end of the XVII – the first half of the XVIII centuries (based on the analysis of the documents issued in Kuznetsk uyezd). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (442): 87–95. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/442/11
21. Ivonin A. R. *Urban Cossacks of Western Siberia in the XVIII – first quarter XIX century*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1996, 227. (In Russ.)
22. Puzanov V. D. The institute of the "godoval'shchiks" in Siberia in the XVII century. *Voprosy istorii*, 2009, (2): 132–142. (In Russ.)
23. Shadrin V. M. Police functions of the Ural Cossacks. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2007, (2): 12–17. (In Russ.)
24. Muratova S. R. *Siberian fortified lines of the XVIII century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Ufa, 2007, 241. (In Russ.)
25. Dmitriev A. V. *Russian regular army in Siberia (1725–1796): special aspects of military service in the eastern outskirts of Russian Empire in the XVIII century*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 528. (In Russ.)
26. Borodaev V. B., Kontev A. V. *To the origins of the history of Barnaul*. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000, 360. (In Russ.)
27. Soboleva T. N., Razgon V. N. *Essays on the history of Cabinet economy in Altai (second half of the XVIII – first half of the XIX century): management and maintenance*. Barnaul: AltGU, 1997, 258. (In Russ.)
28. Perezhogin A. A. *The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresenskii (Altai) mountain district (1747–1871)*. Barnaul: AltGU, 2005, 264. (In Russ.)

Основные вызовы сохранению археологического наследия Кузбасса.

Часть I: «археологическое» кладоискательство

Сергей А. Васютин^{a, @, ID1}; Алексей Г. Марочкин^{a, b, ID2}; Павел В. Герман^{b, ID3}; Александр С. Сизёв^{c, ID4}; Никита Е. Горлышкин^a

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^b Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

^c Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», Россия, г. Кемерово

@ vasutin2012@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-1042-016X>

Поступила в редакцию 11.03.2020. Принята к печати 14.04.2020.

Аннотация: Сохранение объектов археологического наследия Кузбасса является одной из задач по формированию фонда предметов историко-культурного наследия Российской Федерации. Цель представленной работы – охарактеризовать причины одного из основных вызовов сохранению объектов археологического наследия – любительского «археологического» кладоискательства, предложить возможные ответы на этот вызов. Используются методы правового анализа, контент-анализа сетевых ресурсов. Современное правовое поле Российской Федерации создает необходимые условия для сохранения объектов археологического наследия, в том числе регламентируя порядок поиска и извлечения из мест залегания археологических предметов. Любительское «археологическое» кладоискательство является противоправным, однако чрезвычайно широко распространенным занятием. Ситуация с «археологическим» кладоискательством в Кузбассе соответствует общероссийским трендам, но имеется и региональная специфика – высокий уровень социальной публичности «поисковиков» в попытках легализации своей деятельности, выраженная направленность на незаконный поиск археологических предметов Нового времени. В целом констатируется острая актуальность данной проблемы для сохранения объектов археологического наследия Кузбасса и предлагается ряд мероприятий по ее решению. В качестве таковых предлагаются информационные методы социальной маргинализации противозаконного «археологического» поиска; осуществление целевой программы по постановке на государственную охрану археологических комплексов Нового времени; оперативное пресечение незаконной деятельности кладоискателей для предотвращения разрушений отдельных объектов археологического наследия.

Ключевые слова: объекты археологического наследия, проблемы сохранения ОАН, нормативно-законодательное регулирование охраны культурного наследия, Кемеровская область, «черные копатели»

Для цитирования: Васютин С. А., Марочкин А. Г., Герман П. В., Сизёв А. С., Горлышкин Н. Е. Основные вызовы сохранению археологического наследия Кузбасса. Часть I: «археологическое» кладоискательство // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 307–317. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-307-317>

Введение

Благодаря своей географии Кузбасс исторически представлял собой самобытный, во многом уникальный регион, расположенный на стыке Верхнеобского, Среднеобского и Среднеенисейского центров древних и средневековых культур. На протяжении нескольких тысячелетий он был местом встречи культур и этносов. Памятники имевших в древности событий теперь выступают археологическим наследием, чрезвычайно ценным не только в масштабах региона, но и страны. Сейчас на территории Кемеровской области располагаются 808 объектов археологического наследия (ОАН) федерального значения

и 114 выявленных объектов археологического наследия (по состоянию на 2018 г.).

При этом число выявленных археологических объектов ежегодно увеличивается на несколько единиц, что лишний раз подтверждает археологическую насыщенность нашего региона. Среди уже известных археологических памятников есть настоящие визитные карточки области – Томская и Тутальская писаницы, Шестаковская палеолитическая стоянка, комплекс древностей Танайского археологического микрорайона и памятники урочища Арчекас под Мариинском. Сохранение этого наследия, его бережное изучение и популяризация являются неперенным

условием проводимой политики человекобережения, ведь оно является естественным фундаментом для формирования регионального и общероссийского патриотизма и одной из составляющих комфортной для человека жизненной среды.

Предлагаемая статья является первой в серии работ, посвященных основным вызовам сохранению археологического наследия Кузбасса, в контексте общероссийских и мировых тенденций. В статье рассмотрен феномен т. н. «черных копателей» в аспекте правовой оценки их деятельности, региональная специфика незаконного «археологического» кладоискательства в Кузбассе. Предложена программа противодействия этому негативному социальному явлению со стороны научного сообщества и органов государственной власти.

Законодательно-нормативный аспект сохранения объектов археологического наследия в России

Понятие объекта археологического наследия унифицировано на всей территории РФ и закреплено на законодательном уровне. Наиболее важными документами в данном случае выступают: ст. 3 ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; ст. 7 ФЗ № 245-ФЗ от 23.07.2013 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» в ст. 64 ФЗ № 73-ФЗ; ст. 45.1 ФЗ № 73-ФЗ; а также рекомендованная Министерством культуры РФ «Методика определения границ территории объекта культурного наследия» и Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук № 32 от 20.06.2018.

Чтобы не перегружать статью пространными выдержками из законов, суммируем содержание вышеперечисленных документов в виде нескольких тезисов.

1. Под ОАН понимаются **частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах** (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои).

2. На законодательном уровне конкретизирован верхний хронологический предел для выделения ОАН – культурный слой должен содержать следы существования человека, **время возникновения которых превышает сто лет**.

3. Все памятники археологии, принятые на государственную охрану в соответствии с законодательством РСФСР

и решениями органов местного самоуправления, отнесены к объектам культурного наследия федерального значения и подлежат регистрации в едином **государственном реестре объектов культурного наследия** (памятников истории и культуры) народов РФ.

4. В РФ законодательно закреплена ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. Предусмотрена уголовная ответственность за **незаконный поиск и изъятие археологических предметов** с мест их залегания, повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя, время возникновения которого превышает сто лет.

5. Важным моментом в регулировании вопросов, связанных с постановкой на учет и обеспечением сохранности ОАН, является определение границ территории ОАН. Определение границ ОАН **должно быть основано на результатах археологических полевых работ**.

6. В случае обнаружения в ходе проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в том числе объекта археологического наследия, необходимо незамедлительно приостановить указанные работы и в течение трех дней со дня обнаружения такого объекта направить в региональный орган охраны объектов культурного наследия письменное заявление об обнаруженном объекте культурного наследия.

7. Поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут производиться исключительно в составе **археологических полевых работ**.

8. Археологические полевые работы проводятся только на основании выдаваемого Министерством культуры **разрешения (открытого листа)** сроком не более чем на один год.

Таким образом, закон однозначно запрещает любые формы поиска археологических предметов, кроме специальных археологических работ, осуществляемых на основании открытого листа, выданного Министерством культуры РФ. То есть все виды любительского «археологического» кладоискательства на территории России противозаконны, и это нужно учитывать.

«Археологическое» кладоискательство и «черные копатели» в современной России

В России в XVIII–XIX вв. имела место широко распространенная и хорошо известная историкам практика т. н. «бугровщичества» – разграбления древних курганов для изъятия ценных археологических предметов. Современное кладоискательство, направленное на самостоятельный поиск и коллекционирование археологических артефактов, в России получило широкое распространение в 1990-е гг. Это связано с периодом, когда государству и обществу, находившимся в состоянии перманентного

социально-экономического кризиса, было явно не до групп копателей, обеспечивавших себя доходами от продажи археологических артефактов.

С конца 1990-х гг. «черные копатели», вооруженные металлоискателями, квадрокоптерами и картами археологических объектов, нанесли непоправимый ущерб российскому историческому наследию, разграбив огромное количество могильников и брошенных деревень. Так, за два последних десятилетия разграблению подверглись многие некрополи финно-угорского населения в Поволжье (Тамбовская, Пензенская, Муромская, Нижегородская области, Мордовия), могильники и поселения эпох древности, Средневековья, Нового времени в Кабардино-Балкарии, Удмуртии, Краснодарском и Пермском краях, Карачаево-Черкессии, Хакасии, Калининградской, Новгородской, Псковской, Ленинградской, Тверской, Курганской, Ивановской, Калужской, Владимирской, Самарской, Волгоградской, Тульской, Костромской, Ярославской и других областях и регионах РФ¹ [1, с. 60–61; 2, с. 13–19; 3; 4, с. 36–37; 5, с. 39–40; 6, с. 32–35; 7, с. 35; 8, с. 44, рис. 1, 46; 9, с. 52–54; 10, с. 62–64; 11, с. 120–121; 12, с. 154–159; 13, с. 137; 14, с. 142–150; 15, с. 11; 16, с. 33–34; 17, с. 37–39; 18, с. 169; 19, с. 149, 153; 20, с. 205 и мн. др.]. Особенно внушительному разорению подвергаются предгорья и приморские территории в Краснодарском крае. Помимо противозаконного поиска артефактов с помощью металлодетектора, «черные копатели» орудуют на исследуемых археологических памятниках, осуществляя грабеж объектов после окончания полевого сезона. Еще недавно на Кубани для туристов существовали аттракционы по поиску монет [9, с. 55]. Привлекают незаконных копателей брошенные деревни и поселения XVII–XIX вв. Пользуясь картографическими материалами, «черные» поисковики ведут уничтожение археологических объектов по всей России². «Любители кладов» даже выпускают журналы, альманахи, каталоги, пособия [21, с. 113–118]. Дело дошло до созыва съезда кладоискателей³.

Отличительной чертой российского «археологического» кладоискательства является тяга его адептов к публичности. Она приобретает разные формы. Это могут быть визиты в музеи с предложением оценить или купить коллекцию находок. Имеются случаи самопиара в СМИ, особенно в провинции. Но наиболее выразительна способность кладоискателей к объединению в группы по интересам –

так формируются не только конкретные «поисковые бригады», но и в целом комфортная для них среда «профессионального» общения. Коммуникация в таких группах может быть прямой, с личным знакомством их участников. Но чаще это общение в сети Интернет.

Контент-анализ сетевых ресурсов позволил выявить сотни виртуальных сообществ с десятками тысяч пользователей. В одной только социальной сети ВКонтакте замечены 2380 групп различной численности – от нескольких десятков человек до 75 тысяч уникальных пользователей. В целом в этих группах состоит 188722 участника. Наиболее многочисленные: История, военная археология, поиск кладов (7609 участников); Фортуна (12052 участника); Клуб анонимных копателей. Металлопоиск (23147 участников); Кладоискатели России (6780 участников); У деда Мити (40341 участник); Кладоискатели в Сибири (1649 участников) и др.

Помимо профильных страниц и групп в социальных сетях функционируют и специальные сайты-форумы, контент которых, как правило, включает уже сформированный лексикон кладоискателей, якобы «полезные» сведения по нумизматике, бонистике. Часто имеют место специальные «торговые площадки» по интернет-торговле историческими и археологическими картами, артефактами. Присутствуют советы кладоискателям по «методике» «копа», обращению с металлоискателями, правовым аспектам. Нами зафиксированы 16 форумов и сайтов общероссийской и региональной направленности, специализирующихся на освещении незаконных раскопок с общим количеством участников в 213232 пользователя. Самый крупный из них форум кладоискателей «ReviewDetector.ru», на котором зарегистрировано 87987 участников. Второй по числу посетителей (48226), из выявленных нами форумов «черных» копателей – «Реликвия» – имеет схожее содержание. Далее идут «Форум кладоискателей MDRussia.ru» (47929 участников), «Орден Черных Копателей» (по данным Яндекса, 469 уникальных посетителей в сутки), «Неофициальный форум черных копателей» (до 100 посетителей в сутки) и «Копанина» (2732 участника).

Представленные данные не учитывают ресурсы, где нет статистики по регистрации пользователей. Не учтены и те пользователи, которые посещали кладоискательские интернет-площадки, но не проходили регистрацию. Количество сообществ, сайтов и форумов, посвященных черным копателям, в Рунете вряд ли поддается общему

¹ Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2002. № 4. С. 70–89; Баландова Т. Сокровища рядом. Ивановский археолог – о культурном наследии и находках // Аргументы и факты. 07.06.2017. № 23. Режим доступа: https://vlad.aif.ru/society/persona/sokrovishcha_ryadom_ivanovskiy_arheolog_-_o_kulturnom_nasledii_i_nahodkakh (дата обращения: 30.11.2019); Максимович А. Докопаться до истины // Интерфакс-Россия. 26.04.2010. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Center/view.asp?id=140921> (дата обращения: 21.11.2019); Нестерова Н., Черных И. Виновики разрушения памятников археологии федерального значения пытаются оправдать свои действия // Газета «Ридус». 10.02.2012. Режим доступа: <https://www.ridus.ru/news/21576> (дата обращения: 23.11.2019).

² Максимович А. Докопаться до истины...; Клейн Л. Археологи против черных // Газета «ТрВ-Наука». 26.02.2013. № 123. С. 12. Режим доступа: <https://trv-science.ru/2013/02/26/arkheologi-protiv-chernykh/comment-page-2/> (дата обращения: 28.11.2019); Синяков А. Кто и зачем раскапывает Россию? // Мир24. 31.01.2018. Режим доступа: <https://mir24.tv/articles/16289374/kto-i-zachem-raskapyvaet-rossiyu> (дата обращения: 27.11.2019).

³ Первый съезд кладоискателей // Россия. Культура. 31.01.2012. Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/6207/ (дата обращения: 17.11.2019).

исчислению, т. к. в их состав входят украинские, белорусские и казахстанские сообщества кладоискателей и «черных копателей». Кроме того, нет объективной возможности оценить активность любителей «археологического» кладоискательства объединяться посредством закрытых групп активно распространяющихся мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.). Хотя о наличии и такой активности говорит наличие легко обнаружимых тематических групп в Instagram.

Таким образом, говоря о незаконном «археологическом» кладоискательстве, мы имеем дело с устойчивым и чрезвычайно массовым социальным явлением, охватывающим самые разные слои населения. Анализ персональных интернет-аккаунтов, а также примеры из личного опыта авторов статьи подтверждают, что практикующим кладоискателем может оказаться бизнесмен, школьный учитель или школьник, сотрудник полиции, студент, безработный, фермер, чиновник, пенсионер или представитель какой-либо другой социальной группы. Это ставит закономерный вопрос об их мотивации, об идейном фундаменте самого явления.

В этом случае следует сразу разделить всех имеющих «археологических» кладоискателей на две неравные группы, пусть граница между ними иногда весьма зыбкая.

Первую из них составляют «профессионалы», деятельность которых направлена на обслуживание нелегального рынка антиквариата. Такие, безусловно, есть, но по понятным причинам они не публичны и поэтому слабо подвержены изучению. Среди них, надо полагать, немало персон, имеющих судимости, действующих на основании данных из специальной литературы или по наводке профессиональных историков (например, о единственном реальном сроке за уничтожение культурного слоя ОАН в Татарстане⁴). Одним из наиболее резонансных эпизодов с участием подобных «профессионалов» в последнее время стало уничтожение и разграбление сарматских курганов в Оренбургской области⁵. Необходимо отметить, что для данной группы «черных копателей» неотъемлемым инструментом для промысла, помимо металлоискателя, выступает самоходная землеройная техника. Поэтому происходит не только частичное изъятие металлических предметов из культурного слоя, но и его полное уничтожение, в том числе разрушение конструктивных (архитектурных) элементов археологического памятника. Результаты деятельности таких копщиков регулярно попадают в поле зрения правоохранительных органов, однако раскрываемость подобных преступлений крайне низкая.

Вторая группа – разнообразные энтузиасты. По нашему мнению, в основе их деятельности почти всегда лежит

романтика поиска – тут кладоискательство похоже на рыбалку или охоту, также имеющие гигантские армии любителей. Второй основной мотив – романтизация «старины» без должного системного представления об историческом прошлом. По большому счету значительная часть любителей «копа» являются «стихийными» краоведами, не осознающими вредоносность своей деятельности. Более того, именно они являются рекрутерами новых adeptов – через оправдание самого явления, через попытки придать ему положительную социальную окраску, через трансляцию романтики «исторического» или «археологического» поиска на широкую, в том числе детскую и молодежную аудиторию. Свою деятельность они зачастую объясняют как миссию – «спасение» артефактов на распаханых полях, на стройках, на «не интересных» археологам-«официалам» русских деревнях и т.д. Именно в этой среде часто имеют место попытки оправдать «коп» вульгарной трактовкой закона – «мы копаем не на памятниках, а в других местах, не стоящих на охране». Или «мы древность не копаем, мы ищем русские монеты, крестики и т.д.».

Именно эта группа представляет наибольшую опасность – она наиболее многочисленная, она собирает понастоящему увлеченных, вплоть до фанатизма, сторонников, она имеет наибольший потенциал самовоспроизводства. Вредоносность деятельности этой группы любителей «археологического» кладоискательства имеет комплексный характер – помимо прямого вреда конкретным археологическим объектам, она формирует искаженное представление о любви к истории, уводит ее в противоправное поле.

«Археологическое» кладоискательство в Кузбассе

В Кемеровской области выявлено более тысячи археологических памятников, из которых более 800 были поставлены на государственную охрану [22, с. 5]. Ситуация с грабительскими раскопками в нашем регионе отражает все основные общероссийские тенденции. С сожалением можно констатировать, что «археологическое» кладоискательство в Кузбассе не просто имеет место быть, но даже процветает.

Анализ интернет-контента, к примеру, показывает, что на поиске археологических ценностей в Сибири и в Кузбассе специализируются как минимум 11 таких групп разной степени активности (с числом участников около 2000 человек). В социальной сети ВКонтакте представлены странички кузбасских кладоискателей «Кладоискатели в Кемеровской области» (308 участников) и «Кладоискатели в Кузбассе» (131 участник). Контент стандартный для таких групп – фотографии и видео об удачных находках, продажа и обмен найденных артефактов и «старинных карт» с указанием месторасположения русских деревень XVII – начала XX в.

⁴ Рылова Э. В Татарстане впервые в России вынесли приговор черным археологам // Общественно-политическая газета «Вечерняя Казань». 17.02.2016. Режим доступа: <http://www.evening-kazan.ru/articles/verhovnyy-sud-rt-vpervye-v-rossii-vynes-prigovor-chernym-arheologam.html> (дата обращения: 12.01.2020).

⁵ Хомутов С. Как грабят золото курганов // RIA56. 24.10.2018. Режим доступа: <https://ria56.ru/posts/kak-grabyat-zoloto-kurganov.htm> (дата обращения: 14.02.2020).

на территории Западной Сибири, в том числе Кемеровской области. Деятельность кузбасских «черных копателей» представлена на форуме поисковиков и краеведов «Сибирская заимка» (1474 участника) – здесь также публикуются результаты «черного копа» (монеты, оружие, преимущественно времен Гражданской войны, бытовые предметы), описываются различные методы реставрации артефактов, представлены различная справочная литература, карты, материалы по краеведению, советы по пользованию поисковой техникой, сведения о «международном копе» и мн. др.

Из региональных особенностей следует отметить, что в Кузбассе слабо представлен как самостоятельное направление поиск первобытных и средневековых артефактов. Отчасти причиной этого является доминирующее использование металлодетекторов как инструмента поиска, что выводит «из-под удара» памятники каменного века и слабо насыщенные металлом археологические объекты эпохи палеометалла в Кузнецкой котловине. Достоверные данные по целенаправленному разграблению памятников эпохи раннего железа и Средневековья зафиксированы только в Мариинской лесостепи, культурный слой которых более насыщен металлическими артефактами. В частности, зафиксировано целенаправленное разрушение курганов скифской эпохи у с. Тамбар, продолжавшееся на протяжении 1990-х гг. Совсем недавно, в 2016–2017 гг. произошло резонансное обнаружение деятельности «черных копателей» в урочище Арчекас вблизи г. Мариинск, когда из археологического контекста древних культовых мест оказались изъятые уникальные по своим характеристикам артефакты скифского времени и эпохи раннего Средневековья [23, с. 111–112]. Но это скорее исключение из правил.

Гораздо хуже ситуация с археологизированными комплексами XVII – начала XX в. По определению являясь объектами археологического наследия (возрастом старше ста лет), тем не менее в массе своей они не поставлены на государственную охрану и не имеют статуса ОАН. При этом именно на «коп» русских деревень нацелено основное внимание «археологических» кладоискателей Кузбасса, что хорошо показывает анализ доступного интернет-контента.

Масштабность несанкционированных раскопок на памятниках Нового времени в нашем регионе пока вряд ли можно обозначить в конкретных цифрах. Но не будет преувеличением говорить о настоящей «эпидемии» кладоискательства, начавшейся около 10 лет назад и продолжающейся по настоящее время. Признаков деятельности «черных копателей» масса. Это и многочисленные фото и видео свидетельства в социальных сетях, и находки, приносимые в музеи наивно уверенными в своей правоте «копателями», и характерные рывины от «копа» на месте всех старых деревень Нижнего Притомья. Одним из достоверно зафиксированных примеров такой деятельности стали разрушения культурного слоя на поселении Кулаково III, расположенном в 1,6 км к северу от современного села

Кулаково в Яшкинском районе. По данным картографии и архивным материалам, этот памятник можно соотнести с русской деревней Корчуганово (XVII–XVIII вв.) [24, с. 50–51]. В ходе археологических разведок нижнетомского археологического отряда были установлены факты, свидетельствующие о проведении на памятнике многолетних грабительских раскопок. На обнаруженном в 2017 г. археологами ОАН имелись многочисленные грабительские ямы разных размеров и следы деятельности «черных копателей» в виде не нужных им артефактов, разбросанных на территории памятника (рис. 1). В 2018 г. ситуация на поселении в лучшую сторону не изменилась (рис. 2). Личность руководителя «черных копателей» хорошо известна кузбасским археологам. Он даже предоставил собственную коллекцию натальных крестов, найденных на поселении Кулаково III с помощью металлодетектора и извлеченных из культурного слоя способом, не соответствующим методическим указаниям «Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок)», специалистам для их публикации [24] и заявлял о желании сдать добытые противозаконным путем вещи в музей Кузбасса, прекратить разграбление памятника. Тем не менее позднее от сотрудничества отказался. В 2019 г. сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» на поселении Кулаково III были зафиксированы новые крупные грабительские шурфы, а также извлеченные из культурного слоя артефакты (рис. 3).

Другим вопиющим примером, достоверно известным специалистам, стали грабительские раскопки кладбищ. В частности, при мониторинге современного состояния деревянных храмов XIX – начала XX в. сел Зеледеево (Юргинский район) и Кулаково (Яшкинский район) в 2019 г. зафиксировано большое количество незаконных раскрытий культурного слоя на территории церковных кладбищ.

Более того, наиболее активными энтузиастами «любительской археологии» Кузбасса предпринимаются попытки легализовать свою деятельность, в том числе через обращение за поддержкой к органам власти самого разного уровня. Акцент делается на благородной самоидентификации себя как представителей «поискового» движения, а в качестве своей общественной миссии называются различного рода социальные проекты – «поиск мест сражения Гражданской войны», «обнаружение золота Колчака», «спасение артефактов из культурного слоя разрушенных деревень» – характерный для любого региона набор оправдания современного «бугровщичества». В настоящее время наблюдается обострение такой активности вследствие приближающегося юбилейного празднования в 2021 г.

Из этого следует очевидный вывод о чрезвычайно низкой правовой информированности кузбасских любителей «археологического» кладоискательства. Она, в свою очередь, является прямым следствием почти полного отсутствия необходимой разъяснительной работы.

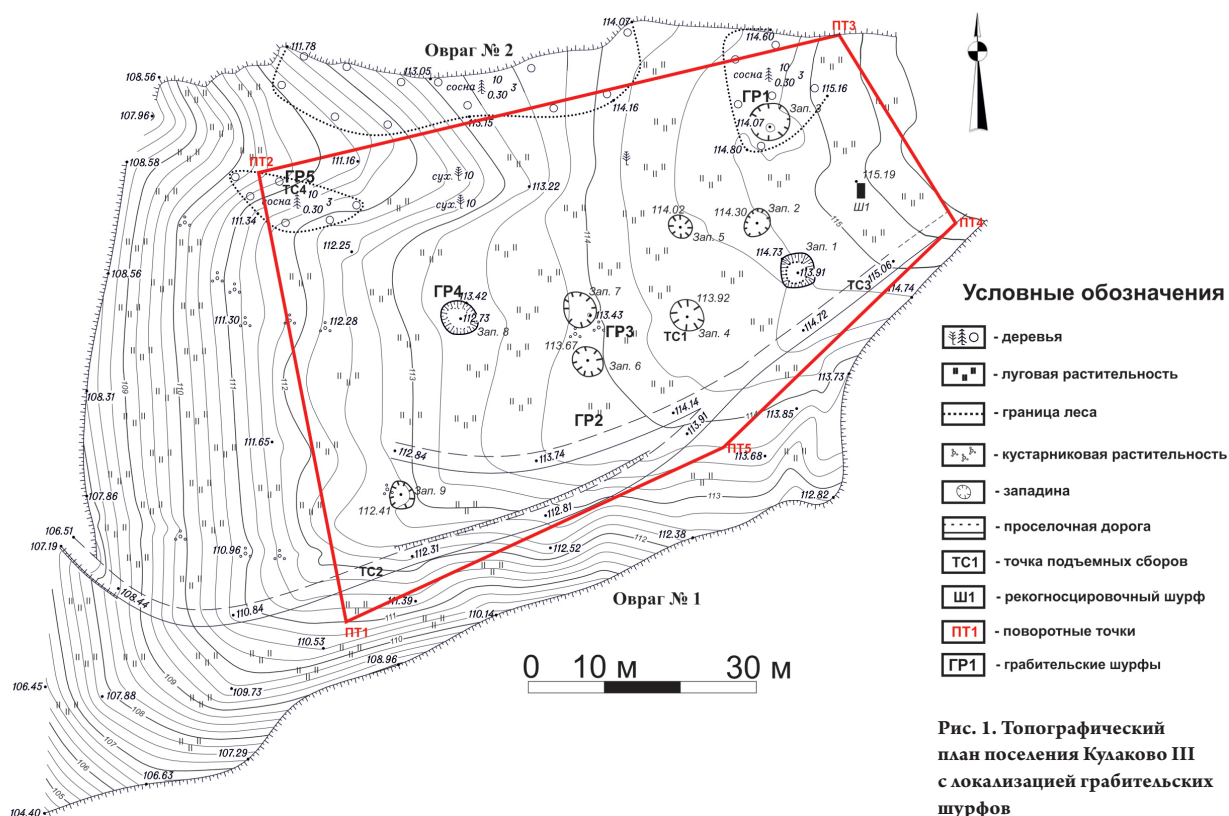


Рис. 1. Топографический план поселения Кулаково III с локализацией грабительских шурфов
Fig. 1. Topographic plan of the settlement of Kulakovo III with the localization of looters' test trenches



Рис. 2. Следы грабительской деятельности на памятнике Кулаково III в 2018 г. 2.1, 2.3 – остатки бивуака с выброшенными грабителями предметами из культурного слоя поселения; 2.2, 2.4 – грабительские шурфы
Fig. 2. Traces of looters' activity at the Kulakovo III site in 2018. 2.1, 2.3 – remains of a bivouac with artifacts disposed by looters; 2.2, 2.4 – looters' test trenches

Заключение

Мы констатируем острую актуальность проблемы противозаконного «археологического» кладоискательства в Кузбассе. Фактическое игнорирование этой проблемы обществом и органами государственной власти приводит к ее усугублению в нашем регионе. Помимо прямого вреда, наносимого отдельным археологическим объектам, незаконное «кладоискательство» токсично в социальном плане. Паразитируя на естественном интересе людей к прошлому, оно деформирует представления о нем, о роли науки в его изучении, о допустимых формах сохранения историко-культурного наследия.

В качестве заключения мы предлагаем комплекс мер, направленных на снижение негативных последствий этого социального явления. В том числе мы учитываем полученный опыт такого противодействия в других регионах нашей страны – в рамках разъяснительных публикаций в прессе⁶, выпуске специальных изданий о вреде, который наносят «черные копатели», и как действовать в случае обнаружения таких лиц⁷ [25], создании региональных реестров «поисковиков», проведении рейдов, возбуждении уголовных дел.

1. Необходимо создание правильного информационного фона вокруг «археологического» кладоискательства в регионе. В частности, размещение на ключевых информационных площадках сведений о правовых последствиях незаконного «археологического» поиска, о правовых рамках понятия ОАН, о важности истинного сохранения археологического наследия. Такими площадками должны стать интернет-ресурсы государственной власти (сайты районных и муниципальных организаций, сайт Комитета по охране историко-культурного наследия Кемеровской области и пр.). Целесообразно периодическое размещение подобных материалов в средствах массовой информации. Полностью оправданным будет создание тематических образовательных и просветительских программ для внедрения в деятельность музеев, учреждений среднего и высшего образования области.

2. Целенаправленное разрушение коммуникации между любителями «археологического» кладоискательства. В первую очередь это касается усилий по блокировке интернет-ресурсов тематической направленности, в том числе корпоративных и персональных страниц в социальных сетях. Несмотря на очевидную необходимость, эта группа мер требует юридической проработки и адекватной оценки имеющихся правовых



Рис. 3. Следы грабительской деятельности на памятнике Кулаково III в 2019 г. 3.1, 3.2, 3.3 – грабительские шурфы на территории памятника; 3.4 – керамическая посуда из культурного слоя поселения, выброшенная грабителями
Fig. 3. Traces of looters' activity at the Kulakovo III site in 2019. 3.1, 3.2, 3.3 – looters' trenches on the territory of the site; 3.4 – pottery from the cultural layer of the settlement disposed by looters

⁶ См., например: Энговатова А. Как бороться с черными копателями? // ОТР. Общественное телевидение России. 22.11.2018. Режим доступа: <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/asya-engavatova-o-probleme-chernyh-kopateley-34554.html> (дата обращения: 27.11.2019); Юрков Д. О «черной археологии» и прогулках с металлоискателем. Почему нельзя? // МосКраевед. 21.05.2018. Режим доступа: <http://www.moskraeved.ru/articles/25-o-chnoi-arheologii-i-progulkah-s-metalloiskatelem-pochemu-nelzja.html> (дата обращения: 28.11.2019).

⁷ Археологи. Черные копатели. Ваши действия. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области, 2016. 7 с. Режим доступа: http://gosdirekcia.ru/usr/files/lib/buklet_arheologicheskie_otkrytija/buklet.pdf (дата обращения: 25.11.2019).

возможностей. Если в той или иной степени эта мера будет осуществлена, возможности рекрутинга у представителей данной субкультуры существенным образом сократятся.

3. Нужно увеличить количество ОАН, в полной мере поставленных на государственную охрану. Это особенно актуально для археологизированных объектов позднего Средневековья и Нового времени – русских и иногородческих кладбищ, поселков, производственных мест. Требуется принятие исследовательской программы, направленной на выявление сохранившихся участков культурного слоя памятников XVII – начала XX в., установление их границ и последующее внесение в федеральный реестр ОАН. Разработка такой программы и ее осуществление возможны только при сотрудничестве научного сообщества, органов местной исполнительной власти и государственного органа охраны историко-культурного наследия Кемеровской области. Выполнение этой меры позволит вывести из «серой зоны» неопределенного правового статуса до нескольких сотен объектов историко-культурного

наследия в Кузбассе, что существенно снизит мотивационные возможности «археологических» кладоискателей по их разграблению.

4. Необходимо взаимодействие научного сообщества и органов государственной власти с правоохранительными органами для оперативного пресечения незаконной деятельности кладоискателей (как конкретных лиц, так и групп), наносящих реальный вред сохранности объектов археологического наследия.

Первые две группы мер направлены на заслуженную социальную маргинализацию противозаконного «археологического» поиска. Это будет способствовать его превращению в глазах общества из безобидного или даже полезного хобби в обычное уголовное преступление. Третья и четвертая группы мероприятий борются скорее с последствиями, нежели с причинами «археологического» кладоискательства. Однако они необходимы для адекватного ответа на регулярно возникающие частные проявления общей проблемы.

Литература

1. Сорокина И. А. Полевая археология России на современном этапе: итоги и перспективы // Российская археология. 2002. № 4. С. 60–69.
2. Макаров Н. А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 13–24.
3. Пиотровский М. Б. О проблемах сохранения культурного наследия // Сохранение археологического наследия России: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 8–9.
4. Трояновский С. В. Состояние археологических памятников Северо-Запада России // Сохранение археологического наследия России: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 33–37.
5. Гриценко В. П. Проблемы сохранения археологического наследия в Тульской области // Сохранение археологического наследия России: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 39–41.
6. Каретников А. Л. Незаконные раскопки в урочище «Марья Святая» как фактор разрушения археологических памятников // Экология и Культура: от прошлого к будущему. Карабиха; Ярославль: Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха», 2010. С. 32–37.
7. Клебанов Л. Р. Преступления против археологического наследия: понятие, признаки, виды, особенности квалификации (окончание) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 4. С. 34–37.
8. Энговатова А. В. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник НГУ. Серия: История, археология. 2013. Т. 12. № 3. С. 32–47.
9. Волкодав Н. В., Давыденко Г. Г. Пресечение несанкционированных раскопок на Кубани: проблематика отдельных аспектов // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 52–61.
10. Дворников А. С., Заботин Н. А. Несанкционированные раскопки в Тверской области и проблемы их пресечения // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 62–67.
11. Казанцева О. А. Популяризация археологического наследия как форма предупреждения незаконных раскопок // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 120–131.
12. Каретников А. Л. Грабительские раскопки памятников археологии в урочище «Марья Святая» Ярославской области в 2004–2013 годах // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 152–160.

13. Кириллов А. Н. Проект «Дружина»: опыт взаимодействия с обществом в области сохранения археологического наследия // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 137–140.
14. Лазарев А. С., Феткулин А. В., Чернис Я. С. Объекты культурного наследия на территории Костромской области, подвергшиеся несанкционированным раскопкам и разрушениям вследствие деятельности «черных копателей» в 2011–2013 годах // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 141–151.
15. Макаров Н. А., Беляев А. А., Энговатова А. В. Археология в современной России: перспективы и задачи // Российская археология. 2015. № 2. С. 5–15.
16. Самойлов К. Г., Колосницын П. П., Торопова Е. В. Некоторые проблемы пресечения незаконных археологических раскопок в контексте изменений, внесенных федеральным законом № 245-ФЗ // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 33–43.
17. Скаков А. Ю. Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы // Наследие веков. 2016. № 4. С. 36–44.
18. Лапшин А. С. Проблемы сохранения и изучения Водянского городища – памятника археологии, истории и культуры XIV в. в Нижнем Поволжье // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 9. С. 168–172.
19. Фоменко В. А. Об актуальных проблемах изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии // Кавказология. 2018. № 4. С. 145–160. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-145-160
20. Валеев Р. М. Археологическое наследие Татарстана и проблемы его изучения и сохранения // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 202–209. DOI: 10.24852/ра2019.2.28.202.209
21. Якеменко Б. Г. Рождение паранауки («Параисториография» черных копателей и связанные с ней проблемы) // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 113–119.
22. Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Симонов Д. А., Соколов П. Г., Ширин Ю. В., Фрибус А. В. Результаты археологических разведок по мониторингу состояния, сохранности и использования объектов археологического наследия Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 5–41.
23. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Марининской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С. 104–122. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-08.
24. Сизёв А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьев А. И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 50–59. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59
25. Кириллов А. Н. Охрана археологических объектов Удмуртской Республики от несанкционированных раскопок. Глазов: Издательский центр Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, 2011. 63 с.

Key Challenges to the Archaeological Heritage Preservation in Kuzbass. Part I: "Archaeological Treasure Hunting"

Sergey A. Vasyutin ^{a, @, ID1}; Alexey G. Marochkin ^{a, b, ID2}; Pavel V. German ^{b, ID3}; Alexander S. Sizyov ^{c, ID4}; Nikita E. Gorlyshkin ^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^b Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

^c Historical Cultural and Natural Museum-Preserve Tomskaya Pisanitsa, Russia, Kemerovo

@ vasutin2012@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-1042-016X>

Received 11.03.2020. Accepted 14.04.2020.

Abstract: Preservation of archaeological heritage objects (AHO) in Kuzbass is one of the tasks on the formation of a fund of objects of historical and cultural heritage of the Russian Federation. The paper characterizes the key challenges to AHO preservation, one of which is the so-called amateur "archaeological treasure hunting", and offers possible solutions. The research was based on law and media analysis. The contemporary legal framework of the Russian Federation provides the necessary conditions for AHO preservation. For instance, it regulates the procedure for search and extraction of artifacts from archaeological sites. Amateur "archaeological treasure hunting" is illegal but extremely popular. The situation in Kuzbass stays within the national trends. However, the authors managed to define some regional specifics. First, the local treasure hunters demonstrate a high level of social publicity in their attempt to legalize their activities. Second, they focus mostly on Modern Age artifacts. The authors claim the urgency of the problem and propose a number of solutions, e.g. media marginalization of the "black archaeology", a targeted public protection of Modern Age archaeological sites, prompt interception of illegal "treasure hunting", etc.

Keywords: objects of archaeological heritage, problems of conservation of objects of archaeological heritage, regulatory and legal regulation of the protection of cultural heritage, Kemerovo region, "black diggers"

For citation: Vasyutin S. A., Marochkin A. G., German P. V., Sizyov A. S., Gorlyshkin N. E. Key Challenges to the Archaeological Heritage Preservation in Kuzbass. Part I: "Archaeological Treasure Hunting". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 307–317. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-307-317>

References

1. Sorokina I. A. Field archeology at the present stage: results and prospects. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2002, (4): 60–69. (In Russ.)
2. Makarov N. A. Predatory excavation as a factor in the destruction of archaeological heritage of Russia. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, March 19, 2004. Moscow: Izдание Soveta Federatsii, 2004, 13–24. (In Russ.)
3. Piotrovskii M. B. Preservation issues of cultural heritage. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, March 19, 2004. Moscow: Izдание Soveta Federatsii, 2004, 8–9. (In Russ.)
4. Troyanovskiy S. V. The condition of archaeological sites in the north-west Russia. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, March 19, 2004. Moscow: Izдание Soveta Federatsii, 2004, 33–37. (In Russ.)
5. Gritsenko V. P. Issues of preservation of archaeological heritage in Tula region. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, March 19, 2004. Moscow: Izдание Soveta Federatsii, 2004, 39–41. (In Russ.)
6. Karetnikov A. L. Illegal excavation near the Marya Svyataya tract as a factor of destruction of archaeological sites. *Ecology and Cultural: from the past to the future*. Karabikha; Yaroslavl: Gosudarstvennyi literaturno-memorialnyi muzei-zapovednik N. A. Nekrasova "Karabikha", 2010, 32–37. (In Russ.)
7. Klebanov L. R. Crimes against archaeological heritage: conception, features, forms, peculiarities of qualification (ending). *Biznes v zakone. Ekonomiko-iuridicheskii zhurnal*, 2013, (4): 34–37. (In Russ.)
8. Engovatova A. V. The preservation of the archaeological heritage in Russia. Present situation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, 12(3): 32–47. (In Russ.)

9. Volkodav N. V., Davydenko G. G. Prevention of unauthorized excavation in Kuban region: issues of individual aspects. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 52–61. (In Russ.)
10. Dvornikov A. S., Zabolotin N. A. Unauthorized excavation in Tver region and prevention issues. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 62–67. (In Russ.)
11. Kazantseva O. A. Popularization of archaeological heritage as a prevention form of illegal excavation. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 120–131. (In Russ.)
12. Karetnikov A. L. Predatory excavation of archaeological sites along the Marya Svyataya tract in the Yaroslavl region in 2004–2013. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 152–160. (In Russ.)
13. Kirillov A. N. Project "Druzhina": interaction experience with society in preservation of archaeological heritage. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 137–140. (In Russ.)
14. Lazarev A. S., Fetkulin A. V., Chernis Ia. S. Objects of cultural heritage on the Kostroma region territory which were subjected to unauthorized excavations and destruction as a result of the activities of "black diggers" in 2011–2013. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 141–151. (In Russ.)
15. Makarov N. A., Belyaev L. A., Engovatova A. V. Archeology in modernity: Russian realia. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2015, (2): 5–15. (In Russ.)
16. Samoilov K. G., Kolosnitsyn P. P., Toropova E. V. Some issues of prevention of illegal excavation in the context of the changes in Federal Law No. 245-FZ. *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 33–43. (In Russ.)
17. Skakov A. Yu. Prospects of the preservation of the historical and cultural heritage of the peoples of the Northern Caucasus: challenges and threats. *Nasledie vekov*, 2016, (4): 36–44. (In Russ.)
18. Lapshin A. S. Issues of preservation and study of the Vodyansky settlement – the monument of history, archeology and culture of the XIV century in the Lower Volga region. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2017, (9): 168–172. (In Russ.)
19. Fomenko V. A. On the actual problems of studying and preserving the archaeological heritage in Kabardino-Balkaria. *Caucasology*, 2018, (4): 145–160. (In Russ.) DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-145-160
20. Valeev R. M. Archaeological heritage of Tatarstan and the issues of its study and preservation. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2019, (2): 202–209. (In Russ.) DOI: 10.24852/pa2019.2.28.202.209
21. Yakemenko B. G. The birth of parascience ("Parahistoriography" of black diggers and related issues). *Preservation of archaeological heritage: issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 December, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 113–119. (In Russ.)
22. Bashtannik S. V., Zharonkin V. N., Simonov D. A., Sokolov P. G., Shirin Yu. V., Fribus A. V. The results of archaeological reconnaissance for monitoring the condition, preservation and use of archaeological heritage of the Kemerovo region. *Historical and cultural heritage of Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 3: 5–41. (In Russ.)
23. Bobrov V. V., Bobrova L. Yu., Savel'yeva A. S. The cooper-bronze cauldrons of Scythian epoch from Kuznetsk basin and Mariinsk forest-steppe. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2017, (1): 104–122. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-08.
24. Szyrov A. S., Ermolenko L. N., Solov'yev A. I. Collection of baptismal crosses from the archeological site of Kulakovo III in the Lower Tom' valley. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 50–59. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59
25. Kirillov A. N. *The protection of archaeological sites of the Udmurt republic from unauthorized excavation*. Glazov: Izdatelskii tsentr Glazovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. G. Korolenko, 2011, 63. (In Russ.)

Потребительская реклама в советских газетах второй половины 1940-х гг.

Марина А. Клинова^{a, @, ID}

^a Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

@ klinowa.m@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>

Поступила в редакцию 08.02.2020. Принята к печати 15.05.2020.

Аннотация: Предпринят анализ советского газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. Цель – анализ газетной рекламы потребительских товаров, представленной на страницах советской прессы второй половины 1940-х гг., направленный на реконструкцию презентуемых стандартов материального потребления, выявление региональной специфики рекламного дискурса. На базе анализа центральных газет и шести областных изданий различных регионов РСФСР выявлена количественная выраженность рекламных сюжетов, обозначена их тематическая специфика. Новизна исследования определяется тем, что в нем учтены территориальные особенности газетного рекламного дискурса различных регионов РСФСР (Северо-Западных регионов, Урала, Сибири и Дальнего Востока), выявлена количественная динамика рекламных сюжетов в диапазоне исследуемого периода. Анализ позволил прийти к выводу, что газетный рекламный дискурс отражал реалии послевоенного социально-экономического развития страны. Первоначально рекламируемый ассортимент товаров и услуг был достаточно узок, в 1948–1949 гг. началось его расширение. В территориальном разрезе большее количество рекламных объявлений и более широкий спектр предлагаемых товаров и услуг фиксировались в Урало-Сибирском регионе, где был выше уровень развития инфраструктуры (предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг), преобладало городское население, которое в сравнении с жителями деревни имело большие покупательские возможности.

Ключевые слова: потребительские товары, услуги, РСФСР, торговля, объявление, периодическая печать

Для цитирования: Клинова М. А. Потребительская реклама в советских газетах второй половины 1940-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 318–328. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-318-328>

Введение

Специфика рекламного дискурса является одной из характеристик и возможных измерений уровня жизни и благосостояния населения. Обращаясь к проблематике советской рекламы, большинство отечественных исследователей фокусирует внимание на изучении форм, текстовой и визуальной презентации советского рекламного плаката [1–4]. В большинстве работ оптика исследовательского поиска ориентирована на изучение рекламы 1920–1930-х гг. [1; 3; 5–12] и второй половины 1950-х – 1970-х гг. [13–15] (ее видовой принадлежности, визуальной специфики, стилистики, эстетики, идеологической ангажированности и пр.), в то время как советский рекламный дискурс первых послевоенных лет стал объектом немногочисленных разработок. Применительно к послевоенному периоду в отечественной историографии разрабатывались проблемы социальной рекламы (ее текстовой специфики) [16], торговой рекламы, представленной на плакатах периода [17]. К изучению газетного рекламного дискурса, имеющего свою стилистическую специфику в сравнении с плакатной рекламой, обращались немногие авторы. В работах И. В. Кудриной рассматривается специфика региональной рекламы, представленной на страницах газеты «Советская

Хакасия» за 1989 г. [18; 19]. В работе Е. А. Кириенко и Т. В. Калюжной анализируются тексты рекламных объявлений городской газеты «Знамя коммунизма» (г. Белово, Кемеровская область) [20]. В. М. Зарипова в своей статье сопоставила тексты газетных рекламных объявлений советского и дореволюционного периодов [21]. Е. Д. Твердюковой проанализирована специфика газетной рекламы периода нэпа [22]. Единственной работой, в рамках которой анализируется газетная реклама первых послевоенных лет, является публикация В. Г. Рыженко [23]. В тексте данной статьи обозначены некоторые сюжеты рекламного дискурса, но не ставится задача анализа территориальной специфики газетной рекламы первых послевоенных лет.

Цель исследования – анализ газетной рекламы потребительских товаров, представленной на страницах советской прессы второй половины 1940-х гг., направленный на реконструкцию презентуемых стандартов материального потребления, а также выявление региональной специфики рекламного дискурса.

В качестве источниковой базы использовались центральные газеты: «Правда» (орган ЦК ВКП(б) – КПСС и Московского Комитета ВКП(б)), «Известия» (орган

Верховного Совета СССР), «Труд» (орган ВЦСПС); областные газеты РСФСР: «Уральский рабочий» (орган Свердловского обкома и горкома ВКП(б) – КПСС, Свердловского областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Великолукская правда» (орган Великолукского обкома и горкома ВКП(б) – КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Советский Сахалин» (орган Сахалинского обкома и ВКП(б) – КПСС, Южно-Сахалинского горкома ВКП(б) – КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Восточно-Сибирская правда» (орган Иркутского областного и городского комитетов ВКП(б) – КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Советская Сибирь» (орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б) – КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Красный Север» (орган Вологодского обкома и горкома ВКП(б) – КПСС, Вологодского областного и городского Советов депутатов трудящихся).

Статья базируется на использовании принципов историзма и объективности, а также специально-научных методов (историко-сравнительный, историко-системный). Для достижения цели исследования использовались количественные (статистические) и качественные методы (лингвистический анализ текстов, анализ визуальных сюжетов), позволяющие обозначить количественную выраженность рекламных объявлений, выявить особенности их текстовой и визуальной презентации.

В первые послевоенные годы все силы страны были мобилизованы для преодоления последствий войны. Было утрачено около 30 % национального богатства страны, потери населения (военные, от голода и пр.) составили около 30 млн человек (в значительной части трудоспособного возраста) [24, с. 71]. В большей степени от военных действий пострадали западные регионы страны (уменьшилось количество городов, сократилась численность населения), в то время как на Урале численность городского населения увеличилась на 20 %, в Сибири – на 14 % [25, с. 84]. Необходимость достижения задач послевоенного восстановления промышленного производства оправдывала сокращение потребления населения (уменьшение контингента, находящегося на картонном снабжении, повышение пайковых цен в 1946 г.), увеличение налогового гнета на крестьянство, использование методов принуждения для решения кадровых проблем и т. п. Вследствие объективных экономических трудностей послевоенного периода задача повышения благосостояния населения, хотя и декларировалась в политическом дискурсе, не являлась приоритетной [26]. В этой связи интерес представляет анализ газетного рекламного дискурса, специфика и динамика которого (фиксируемая в региональном и хронологическом разрезе) отражает экономический потенциал регионов, процессы социально-экономического развития, проходящие в стране во второй половине 1940-х гг.

Количественная выраженность рекламы потребительских товаров на страницах прессы первых послевоенных лет

Количество рекламных объявлений, публикуемых в газетах во второй половине 1940-х гг. существенно разнилось. На страницах центральных изданий («Правда», «Известия») рекламные объявления, касающиеся потребительских товаров, фактически отсутствовали (публиковались лишь анонсы постановок театров Москвы, программа радиопередач и пр.). В газете «Труд» публиковалось большее количество объявлений – о защите диссертаций, выходе новых журналов, проведении публичных лекций; единичные объявления рекламного характера (не более трех в десяти номерах издания в среднем), как правило, ориентированные не на граждан-потребителей, а на торговые организации.

Значительно большее число рекламных объявлений публиковалось на страницах областных газет. Количественная выраженность рекламных сюжетов определялась территориальной спецификой областных изданий. Например, в периодической печати Сибири («Советская Сибирь», «Восточно-Сибирская правда») рекламные объявления потребительских товаров публиковались достаточно регулярно (в каждом / каждом втором номере в среднем по два-шесть объявлений).

В то же время в анализируемых изданиях северо-западных регионов РСФСР («Великолукская правда», «Красный Север») количество рекламных объявлений товаров и услуг было минимальным: в среднем от одного до трех объявлений в десяти выпусках газеты. Примерно такими же количественными показателями характеризовалась плотность рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. на страницах газеты «Советский Сахалин». Промежуточное положение по объему рекламы занимало издание «Уральский рабочий» (рекламные объявления публиковались в каждом третьем / четвертом выпуске газеты по два-четыре объявления в номере в среднем).

Данная закономерность была обусловлена территориальной спецификой социально-экономического развития страны. Во-первых, в индустриальном Урало-Сибирском регионе вследствие предпринятой в годы войны эвакуации увеличилась численность городского населения [27, с. 23; 28, с. 13], чьи доходы были выше, чем доходы колхозников. Именно на городской социум рекламный дискурс был ориентирован в первую очередь. Во-вторых, в северо-западных регионах страны, пострадавших от военных действий, динамика развития торговли и сферы услуг была ниже, а численность горожан меньше.

Содержание и форма презентации рекламных объявлений на страницах газет второй половины 1940-х гг.

В большей части рекламных объявлений, представленных на страницах газет второй половины 1940-х гг., покупателям предлагались непродовольственные товары и услуги. Объявления об их продаже, как правило, представляли собой

список наименований изделий, имеющийся в магазине (на складе треста, завода). На страницах газеты «Труд» было помещено объявление о продаже удобрений «трикальций-фосват и фосфоазотин», отгружаемых «только вагонами»¹. В объявлениях областных газет РСФСР покупателям предлагались комплекты детского приданого, керосин, бензин, авто, солидол, канцелярские ученические чернила, ящики и пр.²

В большинстве случаев перечень рекламируемых изделий включал в себя самые различные товары, «соседство» которых друг с другом в рамках одного объявления вызывает некоторое удивление у современного читателя. Так, в газете «Восточно-Сибирская правда» сообщалось, что «Байкалзолотопродснаб» имеет в продаже продпротмтовары: галоши, сети и грибы соленые»³. В этой же газете до покупателей доводилась информация о наличии в продаже «ленты стальной, пуговиц, обуви на деревянной подошве»⁴, «санок, коньков, детских кроваток, чемоданов и пр.»⁵. В объявлении на страницах газеты «Красный Север» сообщалось: «В промтоварных магазинах Волгорторга и ларьках на рынке имеется большой выбор товаров в следующем ассортименте: алюминиевая, фаянсовая и гончарная посуда; тазы, решета, сита, веревка хозяйственная, лак спиртовой, мыло техническое; кровати, столы, стулики, шкафы, тумбочки; чернильные приборы, баяны, одеколон, духи, крем, зубной эликсир, лак для ногтей и др.»⁶. Это же издание информировало об открытии промтоварных магазинов, где покупатели могут приобрести «мебель, гармошки, зеркала, валенки, гуталин, свечи, лыжи»⁷. Объявление в газете «Советский Сахалин» (1947) информировало читателей о наличии «железа круглого, листового, абажуров фарфоровых, розеток»⁸.

Большая часть продукции, рекламируемой на страницах газет 1946–1947 гг., была представлена недорогостоящими хозяйственными товарами и изделиями ширпотреба, хотя в некоторых газетах фиксировались объявления о продаже более дорогих товаров. На страницах газеты «Восточно-

Сибирская правда» (1946) было опубликовано объявление: «Ювелирторг» имеет в продаже часы дамские, ручные, золотые, серебряные, серебряно-позолоченные, мужские карманные металлические и секундомеры, хронографы»⁹.

На страницах газет второй половины 1940-х гг. присутствовали и рекламные объявления, презентующие товары, востребованные отдельными профессиональными категориями горожан. В газете «Уральский рабочий» (1946) было опубликовано объявление: «Театральный магазин имеет в продаже театральный грим, пасту»¹⁰, а в «Восточно-Сибирской правде» было помещено объявление о «наличии большого выбора хирургических инструментов»¹¹. Публиковалась информация о товарах, которые могли заинтересовать учебные заведения: «в... магазине учебных пособий "Главснабпроса" имеются в продаже: портреты вождей, писателей, ... таблицы по русскому и иностранным языкам, ... школьные микроскопы, лупы, чучела птиц...»¹².

Характерной чертой газетной рекламы второй половины 1940-х гг. являлось наличие предложений от магазинов и артелей о продаже населению товаров, бывших в употреблении. Фигурировали «бывшие в употреблении» инструменты (фрезы, токарные резцы и пр.), изношенная киноплёнка¹³. Типичной являлась реклама комиссионных магазинов. Из объявлений в газете «Советская Сибирь» читатели могли узнать, что «Комиссионные магазины Горпромторга принимают на комиссию и имеют в продаже: ... отрезки суконные, готовое платье мужское и дамское как зимнее, так и демисезонное; меховые товары; ... музыкальные инструменты; ... хозяйственные товары; мебель»¹⁴; «Артель "Сибшапка" производит скупку мехов, меховых изделий и прочих видов одежды»¹⁵; «Артель "Разнопром" производит скупку от населения и организаций свинца и баббита»¹⁶. В газете «Красный Север» (1946) было опубликовано объявление: «Открыты скупочные пункты поношенной обуви, которая после реставрации в сапожных артелях поступает в продажу населению»¹⁷. В «Уральском

¹ Переводы, рефераты, обзоры... // Труд. 01.04.1948. С. 4; Удобрение... // Труд. 11.05.1948. С. 4.

² В магазинах Горпромторга... // Советская Сибирь. 01.02.1947. С. 4; Второй Горпищторг открыл магазин... // Уральский рабочий. 01.04.1947. С. 4; Вниманию покупателей! // Восточно-Сибирская правда. 29.12.1946. С. 4; В Вологодский магазин Главснабпроса... // Красный Север. 12.09.1947. С. 4.

³ «Байкалзолотопродснаб» имеет в продаже... // Восточно-Сибирская правда. 20.11.1948. С. 4.

⁴ Иркутская обувная фабрика имеет в продаже... // Восточно-Сибирская правда. 17.07.1946. С. 4.

⁵ Вниманию торгующих и сбытовых организаций! // Восточно-Сибирская правда. 06.02.1946. С. 4.

⁶ К предпраздничному колхозному базару // Красный Север. 01.11.1946. С. 4.

⁷ Новые магазины // Красный Север. 15.12.1946. С. 1.

⁸ Отдел технического снабжения треста «Макаровуголь»... // Советский Сахалин. 25.12.1947. С. 4.

⁹ «Ювелирторг» имеет в продаже... // Восточно-Сибирская правда. 19.06.1946. С. 4.

¹⁰ Театральный грим, пасту... // Уральский рабочий. 02.08.1946. С. 4.

¹¹ В Иркутском областном отделении... // Восточно-Сибирская правда. 05.07.1946. С. 4.

¹² В Иркутском магазине учебных пособий... // Восточно-Сибирская правда. 24.11.1948. С. 4.

¹³ Иркутский завод им. В. В. Куйбышева... // Восточно-Сибирская правда. 02.10.1948. С. 4; Новосибирская областная контора «Главкинопрокат» // Советская Сибирь. 15.06.1949. С. 4.

¹⁴ Комиссионные магазины Горпромторга // Советская Сибирь. 15.02.1946. С. 4.

¹⁵ Артель «Сибшапка» производит... // Советская Сибирь. 15.01.1947. С. 4.

¹⁶ Артель «Разнопром» производит... // Советская Сибирь. 15.04.1947. С. 4.

¹⁷ Скупочные пункты // Красный Север. 15.12.1946. С. 1.

рабочем»: «Ювелирторг Министерства торговли СССР производит покупку от населения ювелирно-золотых и серебряных изделий, драгоценных, полудрагоценных и уральских камней, лома золота, серебра, монеты, золотых и серебряных часов»¹⁸. Публиковались объявления о пунктах приема от населения и организаций утильсырья и промходов (кости, старого тряпья, бумаги, резиновых галош, лома черных и цветных металлов, щетины, конского волоса, грампластинок)¹⁹. Отдельные объявления сопровождалась иллюстрациями принимаемого утиля (рис. 1).



Рис. 1. Вниманию населения! // Восточно-Сибирская правда. 19.11.1948. С. 4.

Fig. 1. Attention, citizens! Vostochno-Sibirskaya Pravda, November 19, 1948, 4.

Публиковались в областных газетах 1946–1949 гг. и объявления, отражающие практики сдачи гражданами одних товаров в обмен на другие. В газете «Советский Сахалин» было помещено объявление: «Городская контора Сахалинторга доводит до сведения населения о том, что столовые №№ 3, 6, 7, 8 принимают от всех граждан на отоваривание овощи и картофель. За каждые сданные

15 килограммов капусты или картофеля отоваривают один килограмм ваты или один метр х/б ткани. За 20 килограммов сданной капусты или картофеля отоваривают один килограмм белой шерсти высшего качества»²⁰. В газете «Восточно-Сибирская правда» было помещено объявление о приеме от населения «свиных шкур, полученных от забоя и падежа от незаразных заболеваний свиней всех возрастов... опалка и ошпарка свиных шкур запрещена... за свиные шкуры, сданные в порядке госзакупа, сдатчикам продаются кожаные товары по государственным ценам в размере до 120 процентов ее стоимости, кроме того, свиная шкура засчитывается в выполнение обязательств по мясопоставкам»²¹. Нельзя не отметить, что в данном объявлении в качестве дополнительного «стимула» горожан указывалось: «Винные в опаливании свиных шкур привлекаются к ответственности по закону»²².

Реклама услуг была представлена различными объявлениями. В центральном издании – газете «Труд» – публиковались объявления об услугах «переводчиков по всем специальностям»²³, информация о заказах по «проектированию установок радиовещания, ... звукоизоляции, ... архитектурно-строительного и сантехнического проектирования», принимаемых Всесоюзной проектной конторой «Союзрадиопроект»²⁴. Фактически объявления в данной газете были ориентированы на общесоюзную аудиторию без учета специфики регионального спроса.

В областных газетах второй половины 1940-х гг. перечень предлагаемых услуг существенно различался в региональном разрезе. Объявление в Вологодской областной газете «Красный Север» (1947) информировало читателей: «Трест очистки города ... принимает от всех организаций, учреждений и частных лиц заказы на вывозку нечистот автогужтранспортом в неограниченном количестве»²⁵. В издании размещались и объявления о принятии заказов на «индивидуальный пошив одежды»²⁶, предоставлении телефонной линии для междугородних переговоров²⁷, изготовлению колбас, хлебулочных и кондитерских изделий из сырья заказчика²⁸. В газете «Советский Сахалин» публиковались объявления о принятии швейными ателье, швейно-обувной фабрикой и сапожными мастерскими заказов от населения по ремонту и пошиву одежды, а также «на перебивку

¹⁸ Ювелирторг // Уральский рабочий. 06.01.1948. С. 4.

¹⁹ «Союзутиль» ... // Восточно-Сибирская правда. 29.10.1948. С. 4; «Союзутиль» приступил к заключению договоров... // Восточно-Сибирская правда. 26.11.1948. С. 4; Иркутская контора «Главутильсырье» ... // Восточно-Сибирская правда. 02.11.1949. С. 4; Владивостокское отделение конторы «Союзутиль» ... // Советский Сахалин. 24.06.1947. С. 4.

²⁰ Городская контора Сахалинторга ... // Советский Сахалин. 05.03.1947. С. 4.

²¹ Свиная шкура – ценное сырье... // Восточно-Сибирская правда. 01.12.1948. С. 4.

²² Там же.

²³ Московское городское производственное объединение ... // Труд. 01.03.1948. С. 4.

²⁴ Всесоюзная проектная контора «Союзрадиопроект»... // Труд. 09.05.1948. С. 4.

²⁵ Трест очистки города ... // Красный Север. 08.01.1947. С. 4.

²⁶ Ателье «Победа» ... // Красный Север. 05.09.1947. С. 4.

²⁷ Междугородняя телефонная станция ... // Красный Север. 31.12.1948. С. 4.

²⁸ Ателье «Северный кондитер» ... // Красный Север. 05.11.1947. С. 4.

ваты»²⁹. В рекламных сюжетах областных газет Урало-Сибирского региона спектр предлагаемых услуг был шире. В объявлениях сообщалось о принятии «в распиловку леса»³⁰, о деятельности ателье, предлагающих услуги по «реставрации и новому пошиву нижнего и верхнего платья», ремонту детской обуви, весов, машинной и ручной вышивке, об услугах по реставрации старых зеркал, ремонту пишущих машин, изготовлению мебели, изделий из камня, принятию в стирку различных изделий, изготовлению гвоздей, проведению проектно-сметных и проектно-изыскательских работ и пр.³¹ В газете «Уральский рабочий» была помещена реклама, уведомляющая горожан об услугах парикмахерской: «Маникюр. Мужской зал. Детский зал»³².

Достаточно редко встречались на страницах газет второй половины 1940-х гг. рекламные объявления, информирующие граждан о продаже путевок на курорты. Одно из таких объявлений было помещено в газете «Красный Север»: «Тотемский солелечебный курорт Волобздравотдела доводит до сведения всех советских, партийных, профсоюзных организаций и частных лиц о том, что курорт начинает свою работу с 10 мая 1947 по 10 октября 1947 г. Курс лечения один месяц. Стоимость путевки 750 руб.»³³. В «Уральском рабочем» было помещено объявление о курортном отдыхе в Свердловской области, но цены были значительно выше: «Куры Сухоложского района стоимость путевки 1200 рублей; Н.-Серги Н.-Сергинского района стоимость путевки 1200 руб.»³⁴.

В период 1948–1949 гг. количество объявлений рекламного характера, публикуемых в областных газетах,

возрастает. Увеличивается количество объявлений о продаже населению ювелирных изделий и часов³⁵, расширяется ассортимент рекламируемых услуг, включающих услуги химчистки, изготовление различной печатной продукции, производство табличек и домовых номеров, «подарков из органического стекла», ремонту мебели, часов, и пр.³⁶ На страницах газеты «Советская Сибирь» сообщалось, что «с 15 июня для организации массовых гуляний и экскурсий по реке Оби будут предоставляться в аренду пассажирские пароходы»³⁷. Тенденция увеличения рекламных объявлений была более выражена в газетах Урало-Сибирского региона, в то время как в анализируемых изданиях северо-западных областей РСФСР и газете «Советский Сахалин» количество рекламы увеличилось незначительно.

Рекламные объявления, повествующие о продаже продовольственных товаров, реже встречались в газетах второй половины 1940-х гг. Среди рекламируемых товаров можно отметить квашенную капусту, предлагаемую ОРСаами³⁸, соленые грибы³⁹, белково-жировой концентрат в сухом виде, «пригодный для обогащения первых и вторых блюд белками и жирами»⁴⁰, витамины⁴¹, соевый соус⁴², рыбные консервы и соленую рыбу⁴³, кофе, «изготовленный из злаков и натурального кофе»⁴⁴. Торгующим организациям предлагалось приобрести хлебный квас⁴⁵, «фруктовые и томатные соки, фруктовые соусы и пюре, фруктовые маринады (виноград) и сиропы»⁴⁶, молотый кофе⁴⁷. Большая часть данных объявлений фиксировалась в анализируемых газетах Урала и Сибири.

Сохранение в первые послевоенные годы системы карточного снабжения населения отразилось в информационном

²⁹ Сапожная мастерская «Военторга» ... // Советский Сахалин. 26.11.1946. С. 4.

³⁰ Комбинат производственных предприятий ... // Советская Сибирь. 15.12.1947. С. 4; Лисаханский кирпичный завод ... // Восточно-Сибирская правда. 19.06.1946. С. 4.

³¹ Ателье «Сибирская кружевница» ... // Советская Сибирь. 15.04.1947. С. 4; Ателье мод ... // Советская Сибирь. 15.12.1947. С. 4; К сведению населения и организаций ... // Восточно-Сибирская правда. 05.07.1946. С. 4; Ателье «Восточная Сибирь» // Восточно-Сибирская правда. 09.08.1946. С. 4; Ателье «Точная механика» ... // Восточно-Сибирская правда. 02.10.1948. С. 4; Производственное предприятие «Уралэнергоремонт» ... // Уральский рабочий. 01.04.1947. С. 4; Принимает заказы ... // Уральский рабочий. 29.05.1947. С. 4; Принимает в ремонт ... // Уральский рабочий. 13.01.1948. С. 4; Ателье «Стройкооппроект» принимает заказы // Уральский рабочий. 29.12.1948. С. 4.

³² Маникюр ... // Уральский рабочий. 10.08.1946. С. 4.

³³ Тотемский солелечебный курорт ... // Красный Север. 03.01.1947. С. 4.

³⁴ Куры Сухоложского района ... // Уральский рабочий. 09.01.1948. С. 4.

³⁵ Ювелирно-художественные мастерские ... // Советская Сибирь. 15.01.1949. С. 4; Новосибирский магазин «Ювелирторг» // Советская Сибирь. 01.06.1949. С. 4; Ювелирторг // Уральский рабочий. 06.01.1948. С. 4.

³⁶ В городе Хабаровске открыт специализированный магазин ... // Советский Сахалин. 10.04.1949. С. 4; Вниманию покупателей! // Советская Сибирь. 15.06.1948. С. 4; Ювелирно-художественные мастерские // Советская Сибирь. 15.01.1949. С. 4; Свердловская хромофотография ... // Уральский рабочий. 03.01.1948. С. 4; Промысловая артель «Уральские камни» // Уральский рабочий. 06.01.1948. С. 4.

³⁷ С 15 июня ... // Советская Сибирь. 15.06.1948. С. 4.

³⁸ ОРС завода им. Сталина ... // Восточно-Сибирская правда. 21.04.1946. С. 4; ОРС треста «Иркутскстрой» // Восточно-Сибирская правда. 21.04.1946. С. 4.

³⁹ «Байкалзолотопродснаб» ... // Восточно-Сибирская правда. 20.11.1948. С. 4.

⁴⁰ Иркутский дрожжеваренный завод ... // Восточно-Сибирская правда. 05.07.1946. С. 4.

⁴¹ Витамины необходимы всем! // Советская Сибирь. 16.08.1949. С. 4.

⁴² Московский завод № 3 ... // Восточно-Сибирская правда. 18.09.1949. С. 4.

⁴³ В магазине «Рыбсбыта» ... // Восточно-Сибирская правда. 20.09.1949. С. 4.

⁴⁴ Промкооператив «Кооптруд» ... // Восточно-Сибирская правда. 31.12.1949. С. 4.

⁴⁵ Хлебный квас // Уральский рабочий. 10.08.1946. С. 4.

⁴⁶ Главконсерв продает // Советская Сибирь. 15.02.1949. С. 4.

⁴⁷ Молотый кофе // Советская Сибирь. 15.01.1947. С. 4.

дискурсе периода. В газетах публиковались объявления о работе хлебных магазинов и ларьков: «с 5 июля 1947 года хлебный магазин № 9 городской конторы Сахаинторга работает круглосуточно»⁴⁸; «Горконтора Южсахаинторга открыла хлебные ларьки № 2, ... № 3 ... Отпуск хлеба ларьками производится контингенту, прикрепленному в магазинах системы Сахаинторга. Ларьки работают с 8 до 12 и с 15 до 19 часов»⁴⁹. Объявления об открытии продовольственных магазинов, услугах кафе, закусочных, чайных и ресторанов были немногочисленными, преобладая на страницах областных изданий Урала и Сибири⁵⁰.

В дни, предшествующие праздникам (1 мая, 7 ноября, Новый год), на страницах газет фиксировалось увеличение количества объявлений, касающихся тематики продовольственного обеспечения населения. Информация о предпраздничной торговле публиковалась даже в газете «Правда» (рекламные объявления в которой в 1946–1949 гг. фактически отсутствовали): «6 ноября продовольственные магазины работают до 12 часов ночи, промтоварные магазины – до 10 часов вечера, бани и парикмахерские – до 12 часов ночи. 7 и 8 ноября дежурные продовольственные магазины, а также хлебные магазины и палатки работают как в обычные воскресные дни»⁵¹; «Приказом министра торговли СССР продлены часы торговли 30 и 31 декабря. Продовольственные магазины будут торговать в эти дни до 24 часов, промтоварные – до 22 часов. Рестораны в ночь на 1 января 1950 года будут открыты до 6 часов утра»⁵².

Областные газеты уведомляли читателей о местах и сроках проведения ярмарок и праздничных базаров⁵³. Зачастую информация объявлений ограничивалась указанием на то, что на базарах «будет обеспечен широкий сбыт сельскохозяйственных продуктов»⁵⁴, вследствие участия «колхозов, колхозников и единоличников»⁵⁵. В некоторых объявлениях приводился перечень товаров, предлагаемых покупателям в предпраздничные дни. Например, газета «Красный Север» информировала читателей, что «Имеются в продаже: набор детских новогодних

праздничных подарков по цене от 40 до 100 рублей. Праздничные посылки для встречи "Нового года" по цене от 140 и до 650 руб.»⁵⁶. В газете «Советская Сибирь» сообщалось, что первый Новосибирский «Пищеторг» имеет в продаже «рыбу соленую, копченую, свежую, жиры животные и растительные, сыры, бакалейные товары, ... кондитерские изделия...»⁵⁷. Газета «Уральский рабочий» информировала граждан о наличии в магазинах «мандарин, маринадов, плодовоовощных и фруктовых консервов, сахара, кондитерских изделий»⁵⁸.

В некоторых рекламных объявлениях перечень товаров был еще более детализирован, а ассортимент включал в себя и различные деликатесные продукты. В «Восточно-Сибирской правде» в декабре 1946 г. было опубликовано следующее объявление: «имеются в продаже: ... колбасы копченые, варено-вяленые, вареные, сосиски, окорока, грудинка, корейка, рулет, ... кета, омуль – соленые и копченые, сельдь, икра кетовая, ... наливки, настойки, ликеры...»⁵⁹. Характерно, что в данный перечень «праздничных товаров» были включены также «спички, соль, мыло хозяйственное»⁶⁰, что косвенно указывает на наличие сложностей товарного обеспечения в первые послевоенные годы. В целом приведенный выше «деликатесный» список товаров являлся скорее исключением, чем типичным сюжетом газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. Объявления, в которых рекламировались «праздничные наборы» товаров, значительно чаще публиковались на страницах уральских и сибирских областных изданий.

Заслуживает отдельного внимания форма визуальной и текстовой презентации рекламных объявлений второй половины 1940-х гг. Как правило, текст объявления имел рамку, более крупным шрифтом выделялись наименования товаров и услуг, либо глагольные формы, обозначающие виды деятельности организаций: покупаем, принимаем заказы, предлагаем и пр. В 1946–1947 гг. графические изображения предлагаемых товаров были достаточно редкими, в основном встречались на страницах

⁴⁸ С 5 июля 1947 года ... // Советский Сахалин. 11.07.1947. С. 4.

⁴⁹ Горконтора Южсахаинторга ... // Советский Сахалин. 03.12.1947. С. 4.

⁵⁰ Ресторан «Ангара» ... // Восточно-Сибирская правда. 29.10.1948. С. 4; Ресторан «Арктика» // Восточно-Сибирская правда. 01.11.1949. С. 4; Открыт общепитовый ст. Вологда 1 ... // Красный Север. 10.10.1947. С. 4; Открыта кафе-закусочная ... // Красный Север. 10.10.1947. С. 4; Ресторан первого класса ст. Новосибирск // Советская Сибирь. 27.12.1949. С. 4; Горконтора Южсахаинторга ... // Советский Сахалин. 03.12.1947. С. 4; Свердловский трест столовых ... // Уральский рабочий. 26.12.1947. С. 4.

⁵¹ О работе торговой сети в предпраздничные и праздничные дни // Правда. 06.11.1948. С. 4.

⁵² Предпраздничная торговля // Правда. 30.12.1949. С. 4.

⁵³ Новогодняя ярмарка // Советский Сахалин. 29.12.1946. С. 4; Вниманию покупателей! // Восточно-Сибирская правда. 29.12.1946. С. 8; Ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 23.10.1948. С. 4; Ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 26.10.1948. С. 4; Ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 13.12.1948. С. 4; Ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 17.12.1948. С. 4; Первый Новосибирский «Пищеторг» // Советская Сибирь. 27.12.1949. С. 4; Все на Новогодний базар! // Уральский рабочий. 30.12.1949. С. 4.

⁵⁴ Все на Новогодний базар! // Уральский рабочий. 30.12.1949. С. 4.

⁵⁵ Иркутская ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 29.04.1947. С. 4; Предпраздничный колхозный базар // Красный Север. 01.11.1947. С. 4.

⁵⁶ В магазине Вологодской конторы ... // Красный Север. 28.12.1946. С. 4.

⁵⁷ Первый Новосибирский «Пищеторг» // Советская Сибирь. 27.12.1949. С. 4.

⁵⁸ Покупайте в магазинах Горплодоовощторга // Уральский рабочий. 26.12.1947. С. 4.

⁵⁹ Вниманию покупателей! // Восточно-Сибирская правда. 29.12.1946. С. 8.

⁶⁰ Там же.

анализируемых областных газет Урало-Сибирского региона. Обычно на рисунках были изображены рекламируемые объекты: различные промышленные товары (лампочки, абажуры, плитки, бутылки с лекарствами, часы и т. п.). Как отмечалось выше, объявления о приеме утиля могли сопровождаться рисунками, изображающими рваную одежду, обувь, кости и пр. (рис. 1). Изображения людей были редкими. Как и в текстах объявлений, в рамках одного изображения могли соседствовать друг с другом самые разные предметы, объединенные категорией «товары»: батоны и пиджаки, колбасы и духи, рыба и ученические угольники и т. п. (рис. 2). В некоторых визуальных сюжетах применялся прием увеличения отдельных объектов. Так, в объявлении от «Ювелирторга», сообщаящем об обновлении ассортимента магазина, вилки, ложки и хрустальная посуда были изображены рядом с наручными часами размером с тарелку и карманными часами диаметром с хрустальный салатник (рис. 3).

В текстах большинства газетных рекламных объявлений второй половины 1940-х гг. не были акцентированы положительные свойства товаров, презентующие их в более выгодном свете. В качестве редких исключений можно отметить несколько рекламных объявлений. В газете «Восточно-Сибирская правда» сообщалось: «Артель "Авангард" продает хорошего качества бельевую соду, гончарную посуду, котлы луженые разных размеров»⁶¹; «Промкооператив

"Кооптруд" выпускает и продает различные сорта кофе, изготовленные из высококачественных злаков и натурального кофе»⁶². Обращает на себя внимание тот факт, что апелляция к «высокому», «хорошему» качеству фиксируется в рекламных объявлениях товаров, не предполагающих значительной качественной дифференциации (сода), либо являющихся суррогатными заменителями оригинальных и более дорогостоящих продуктов (кофе из злаков).

Достаточно редко в рекламных текстах использовались императивы, призывающие граждан к покупке. В издании «Восточно-Сибирская правда» был помещен следующий текст: «Граждане! Собирайте, сохраняйте и сдавайте утиль сборщикам конторы "Главутильсырье". При сдаче требуйте преysкурant заготовительных цен»⁶³. В рекламных объявлениях газеты «Советская Сибирь» читаем: «Требуйте во всех аптеках и аптечных пунктах области противогриппозные средства, ... жаропонижающие, ... слабительные, ... закрепляющие средства»⁶⁴; «Требуйте во всех аптеках ... необходимые вам лекарственные растения»⁶⁵. Характерно, что в приведенных объявлениях императив «требуйте» фиксируется в рекламе достаточно своеобразных товаров и услуг (покупка утильсырья, медикаменты), обращение к которым не предполагало широкого покупательского выбора и не коннотировало к высоким доходам горожан, наличие которых делало бы оправданным использование в объявлениях таких маркетинговых акцентов.



Рис. 2. Иркутская ярмарка // Восточно-Сибирская правда. 29.04.1947. С. 4.

Fig. 2. Irkutsk fair. Vostochno-Sibirskaya Pravda, April 29, 1947, 4.



Рис. 3. Ювелирторг // Уральский рабочий. 29.05.1947. С. 4.

Fig. 3. State jewelry. Uralskii Rabochii, May 29, 1947, 4.

⁶¹ Артель «Авангард» // Восточно-Сибирская правда. 18.12.1948. С. 4.

⁶² Кооператив «Кооптруд» // Восточно-Сибирская правда. 31.12.1949. С. 4.

⁶³ Иркутская контора «Главутильсырье» // Восточно-Сибирская правда. 02.11.1949. С. 4.

⁶⁴ Требуйте во всех аптеках... // Советская Сибирь. 15.04.1947. С. 4.

⁶⁵ Требуйте во всех аптеках... // Советская Сибирь. 01.03.1949. С. 4.

В текстах газетных объявлений 1948–1949 гг. значительно чаще, чем в 1946–1947 гг., фиксировалось обращение к стимулирующей рекламной риторике: «Хорошо и весело встретим Новый год в ресторане "Север"»⁶⁶, «Культурно и весело встретим Новый год»⁶⁷, «Покупайте по сниженным ценам ...»⁶⁸, «Требуйте в продовольственных магазинах ...»⁶⁹ и пр.

Заключение

В целом газетный рекламный дискурс второй половины 1940-х гг. отражал реалии социально-экономического развития страны первых послевоенных лет. Объявления о покупке и продаже торговыми организациями товаров, бывших в употреблении, скупке утиля, работе магазинов, отоваривающих карточки и т. п., маркировали специфику советской городской повседневности первых послевоенных лет, типичным явлением для которой был узкий ассортимент товаров и дефицит даже необходимых продуктов и вещей. Косвенно о наличии проблем товарного обеспечения свидетельствует и само содержание рекламных объявлений, не акцентирующих внимание покупателя на отдельных объектах (новых, дорогих изделиях, деликатесных продуктах), а в большей степени ориентированных на презентацию объема товаров, представленных

самыми разными продуктами и промышленными изделиями, большая часть которых, по всей видимости, должна была заинтересовать покупателей в силу своей дефицитности.

Предпринятый анализ газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. позволяет прийти к выводу, что рекламируемый ассортимент товаров и услуг, а также количество публикуемых в газетах рекламных сюжетов отличались неравноценностью, фиксируемой в региональном и хронологическом разрезе. В тыловом Урало-Сибирском регионе, где преобладало городское население, ассортимент предоставляемых гражданам товаров и услуг был значительно шире, что отражало как относительно высокий уровень развития торговли и сферы обслуживания в регионе, так и покупательную способность горожан. В силу объективных причин в северо-западных областях РСФСР данные показатели были ниже, как и на территории Сахалина. В первые послевоенные годы территория Южного Сахалина только заселялась, в регионе фиксировался низкий уровень развития инфраструктуры. В хронологическом разрезе количественное увеличение рекламы на страницах анализируемых газет и более активное обращение к рекламной риторике фиксируется в конце 1940-х гг., иллюстрируя постепенную положительную динамику послевоенного восстановления страны.

Литература

1. Волобуева Т. О. Советская реклама 1920–1930-х гг. // Рекламные технологии. 2006. № 4. С. 18–23.
2. Сафонова В. В. Плакатная реклама советского периода как текст культуры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 201–208.
3. Виноградова К. В., Остапенко Е. Н. Особенности советской плакатной рекламы в период НЭПа (1921–1929 гг.) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: мат-лы XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26–27 апреля 2016 г.) М., 2016. С. 85–90.
4. Сырунина Н. В. Советский политический плакат и коммерческая реклама (середина – вторая половина XX в.) // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: тр. Всерос. науч.-практ. студенческо-аспирантской конф. (Санкт-Петербург, 17 февраля 2018 г.) СПб., 2018. С. 77–81.
5. Журавель В. А. Советский медиабайнг 1930-х гг. Из истории Внешторга СССР // Машиностроитель. 2007. № 6. С. 53–54.
6. Конаныхин К. В. Рекламный процесс в СССР в 30-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2000. № 2. С. 49–55.
7. Синова И. В. Развитие советской торговой рекламы в период НЭПа // Известия СПбУЭФ. 1996. № 3. С. 145–150.
8. Савельева О. О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 2. С. 58–69.
9. Савельева О. О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 3. С. 140–147.
10. Костылева А. Ю. Функции визуальных образов в оформлении советской парфюмерии 1930-х годов // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 1–26 апреля 2019 г.) Киров, 2019. С. 460–472.
11. Юсупова Р. Р. Виды советской рекламы в годы НЭПа // Казанская школа связей с общественностью / отв. ред. Д. К. Сабирова. Казань: Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева, 2011. Вып. 4. С. 195–200.
12. Семенов Д. Ю. Советская реклама эпохи НЭПа: особенности стилистики и эстетики // Фотинские чтения. 2018. № 1. С. 453–456.

⁶⁶ Встречайте Новый, 1949 год! // Красный Север. 28.12.1948. С. 4.

⁶⁷ «Главресторан» // Уральский рабочий. 28.12.1948. С. 4.

⁶⁸ К Новому году // Красный Север. 23.12.1948. С. 4.

⁶⁹ Московский завод № 3 ... // Восточно-Сибирская правда. 18.09.1949. С. 4.

13. Золотоносов М. Н. Эрзац-реклама на мини-постерах начала 1960-х годов: из цикла «Теория и практика социализма» // Новый мир искусства. 2001. № 1. С. 31–34.
14. Кутыркина Л. В., Кутянская К. И., Самойленко И. С. Становление школы визуального мерчандайзинга и торговой рекламы в СССР в 50–60-е годы // Научный форум: экономика и менеджмент: сб. ст. VI Междунар. заочной науч.-практ. конф. (Москва, 20–28 февраля 2017 г.) М., 2017. С. 9–17.
15. Шабашова Е. В. Развитие советской торговой рекламы в 1960-е гг. в специальных изданиях по торговле и в средствах массовой информации // Актуальные проблемы экономики, управления, права: мат-лы междууз. конф. (Москва, 7 декабря 2013 г.) М., 2013. С. 126–131.
16. Селезнева Е. Ю. Советская социальная реклама (моделирование сберегательного поведения дальневосточников) (1945–1950-е гг.) // Россия и АТР. 2008. № 1. С. 43–58.
17. Шабашова Е. В. История развития торговой рекламы в СССР в послевоенный период (1940–50-е гг.) // Актуальные проблемы экономики, управления, права: мат-лы междууз. конф. (Москва, 26–28 ноября 2007 г.) М., 2007. С. 135–142.
18. Кудрина И. В. Неизвестные страницы истории региональной рекламы (на материалах газеты «Советская Хакасия» за 1989 год) // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. (Абакан, 24–26 ноября 2015 г.) Абакан, 2015. С. 106–107.
19. Кудрина И. В. Становление современной региональной рекламы (на примере газеты «Советская Хакасия») // Реклама и современный мир: мат-лы IV Междунар. науч. конф (Тверь, 20–21 мая 2016 г.) Тверь, 2016. С. 216–220.
20. Кириенко Е. А., Калужная Т. В. Специфика жанра газетного объявления региональных СМИ в СССР (на примере газеты г. Белово «Знамя коммунизма») // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: тр. Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Новокузнецк, 13–15 мая 2014 г.) Новокузнецк, 2014. С. 173–175.
21. Зарипова В. М. Особенности функционирования креолизованного рекламного текста (на примере дореволюционных и советских газет) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 1. С. 113–120. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-113-120
22. Твердюкова Е. Д. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода НЭПа // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 212–223.
23. Рыженко В. Г. История городской повседневности послевоенных лет в советской газетной рекламе // Университеты в системах развития и интеграции России: мат-лы Всерос. науч. конф. (Омск, 23–24 октября 2014 г.) Омск, 2015. С. 152–154.
24. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 515 с.
25. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2: 1940–1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромирская. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
26. Клинова М. А. Проблематика материального потребления населения в политическом дискурсе послевоенного периода // e-FORUM. 2019. № 2. Режим доступа: <http://eforum-journal.ru/images/pdf/7/10.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).
27. Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 288 с.
28. Жиромская В. Б., Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086956870005112-4

Consumer Advertising in Soviet Newspapers in the Second Half of the 1940s

Marina A. Klinova ^{a, @, ID}

^a Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg

@ klinowa.m@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>

Received 08.02.2020. Accepted 15.05.2020.

Abstract: The research featured the advertising discourse of Soviet newspapers published in the second half of the 1940s. The analysis included central press and six local newspapers from various regions of the RSFSR. The research objective was to reconstruct the standards of consumer behavior and reveal the regional peculiarities of advertising discourse. The research owes its novelty to the fact that it took into account the territorial features of the newspaper advertising discourse: North-Western regions, the Urals, Siberia, and the Far East. The author also revealed the quantitative dynamics of advertising stories within the period in question. The newspaper advertising discourse proved to reflect the realities of the post-war socio-economic development of the country. In the first post-war years, the range of advertised goods and services was quite narrow, but it gradually expanded in 1948–1949. The Ural-Siberian region demonstrated a greater number of advertisements, as well as a wider range of products and services offered. In the Urals and Siberia, the level of infrastructure development was higher, including trade, catering, and services. In addition, the area was mostly urban, and city dwellers had greater purchasing opportunities.

Keywords: consumer goods, services, the Russian Soviet Federal Socialist Republic, trade, classifieds, periodicals

For citation: Klinova M. A. Consumer Advertising in Soviet Newspapers the Second Half of the 1940s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 318–328. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-318-328>

References

1. Volobueva T. O. Soviet advertising in the 1920s–1930s. *Reklamnye tekhnologii*, 2006, (4): 18–23. (In Russ.)
2. Safonova V. V. The soviet advertising poster as the text of culture. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2010, (1): 201–208. (In Russ.)
3. Vinogradova K. V., Ostapenko E. N. The features of the Soviet poster advertising the period of the New Economic Policy (1921–1929). *Modern problems of the humanities and natural sciences: Proc. XXVIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, April 26–27, 2016. Moscow, 2016*, 85–90. (In Russ.)
4. Syrunina N. V. Soviet political poster and commercial advertising (mid – second half of the XX century). *Humanities readings at the Polytechnic University: Proc. All-Russian Sci.-Prac. student-postgraduate Conf., St. Petersburg, February 17, 2018. St. Petersburg, 2018*, 77–81. (In Russ.)
5. Zhuravel V. A. Soviet media buying in the 1930s. From the history of Vneshtorg of the USSR. *Mashinostroitel*, 2007, (6): 53–54. (In Russ.)
6. Konanykhin K. V. Advertising process in the USSR in the 1930s. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2000, (2): 49–55. (In Russ.)
7. Sinova I. V. The history of Soviet advertising in the years of NEP (New Economic Policy). *Izvestia SPbUEF*, 1996, (3): 145–150. (In Russ.)
8. Savelieva O. O. Soviet advertising of the 20th as a propaganda medium. *Chelovek*, 2006, (2): 58–69. (In Russ.)
9. Savelieva O. O. Soviet advertising of the 20th as a propaganda medium. *Chelovek*, 2006, (3): 140–147. (In Russ.)
10. Kostyleva A. Iu. Functions of visual images in the design of Soviet perfumery of the 1930s. *Society. The science. Innovations: Proc. XIX All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kirov, April 1–26, 2019. Kirov, 2019*, 460–472. (In Russ.)
11. Iusupova R. R. Types of Soviet advertising during the New Economic Policy. *Kazan school of public relations*, ed. Sabirova D. K. Kazan: Kazan. gos. tekhn. un-t im. A. N. Tupoleva, 2011, iss. 4, 195–200. (In Russ.)
12. Semionov D. Yu. Soviet advertising of the New Economic Policy Epoch: features of stylistics and aesthetics. *Fotinskie chteniia*, 2018, (1): 453–456. (In Russ.)
13. Zolotonosov M. N. Ersatz advertising on mini-posters of the early 1960s: from the cycle "Theory and practice of socialism". *Novyi mir iskusstva*, 2001, (1): 31–34. (In Russ.)

14. Kutyorkina L. V., Kutyanskaya K. I., Samoylenko I. S. The development of visual merchandising and commercial advertising in the USSR in 1950–60th. *Scientific forum: economics and management*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, February 20–28, 2017. Moscow, 2017, 9–17. (In Russ.)
15. Shabashova E. V. Development of Soviet trade advertising in the 1960s in special publications on trade and in the mass media. *Actual problems of economics, management, law*: Proc. Inter-university Conf., Moscow, December 7, 2013. Moscow, 2013, 126–131. (In Russ.)
16. Seleznyova E. Yu. The Soviet social advertising (modeling of Far Eastern resident's savings behavior) (1945–1950s). *Rossiia i ATR*, 2008, (1): 43–58. (In Russ.)
17. Shabashova E. V. History of development of trade advertising in the USSR in the post-war period (1940–50s). *Actual problems of economics, management, law*: Proc. Inter-university Conf., Moscow, November 26–28, 2007. Moscow, 2007, 135–142. (In Russ.)
18. Kudrina I. V. Unknown pages in history of regional advertising (on materials of the newspaper "Soviet Khakassia" for 1989). *Actual problems of study of language, literature and journalism: history and modernity*: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf., Abakan, November 24–26, 2015. Abakan, 2015, 106–107. (In Russ.)
19. Kudrina I. V. The origins of modern regional advertising (the case of Sovetskaya Khakassia newspaper). *Advertising and the modern world*: Proc. IV Intern. Sci. Conf., Tver, May 20–21, 2016. Tver, 2016, 216–220. (In Russ.)
20. Kirienko E. A., Kalyuzhnaya T. V. Specifics of the genre of newspaper ads of regional media in the USSR (the case of the newspaper Belovo "Banner of communism". *Science and youth: problems, searches, solutions*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. students, postgraduates, and young scientists, Novokuznetsk, May 13–15, 2014. Novokuznetsk, 2014, 173–175. (In Russ.)
21. Zaripova V. M. Features of the creolized advertising text functioning (on the example of pre-revolutionary and Soviet newspapers). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2019, 25(1): 113–120. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-113-120
22. Tverdyukova E. D. "Engine... overhead expenses": commercial advertisement in the Soviet newspapers of the period of NEP. *Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina*, 2014, 4(2): 212–223. (In Russ.)
23. Ryzhenko V. G. History of urban daily life of the post-war years in the Soviet newspaper advertising. *Universities in the systems of development and integration of Russia*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Omsk, October 23–24, 2014. Omsk, 2015, 152–154. (In Russ.)
24. Khanin G. I. *Economic history of Russia in the XX century. Vol. 1: Soviet economy from the end of the 1930s to 1987*. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2008, 515. (In Russ.)
25. *The population of Russia in the XX century: Historical essays. Vol. 2: 1940–1959*, eds. Poliakov Iu. A., Zhiromirskaya V. B. Moscow: ROSSPEN, 2001, 416. (In Russ.)
26. Klinova M. A. Problems of material consumption of the population in the political discourse of the post-war period. *e-FORUM*, 2019, (2). Available at: <http://eforum-journal.ru/images/pdf/7/10.pdf> (accessed 18.01.2020). (In Russ.)
27. Isupov V. A. *Urban population of Siberia: from disaster to rebirth (late 30s – late 50s)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 291. (In Russ.)
28. Zhiromskaya V. B., Isupov V. A., Kornilov G. E. The population of Russia in 1939–1945. *Rossiiskaia istoriia*, 2019, (3): 3–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086956870005112-4

Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны)

Александр С. Кузнецов^{a, b, @, ID}

^a СОШ № 70, Россия, г. Барнаул

^b Алтайский государственный педагогический университет, Россия, г. Барнаул

@ hist-kas@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1400-8671>

Поступила в редакцию 21.01.2020. Принята к печати 21.05.2020.

Аннотация: Автор обращается к проблеме содержания, особенностям и потенциалу фронтовых дневников как источнику для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Рассмотрев точки зрения ведущих советских и современных специалистов в области источниковедения и методологии исторической науки, автор выделяет три взгляда на место дневников в источниковой классификации: эго-документы, объединение дневников и мемуаров в термин *мемуаристика* и выделение дневниковых записей в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения. Использование метода контент-анализа позволило выявить наиболее важные моменты для авторов дневников, находящихся в экстремальных условиях военной повседневности. Биографический метод помог на основе анализа дневниковых записей сформировать образ человека *воюющего* в период Великой Отечественной войны. Сделан вывод, что фронтовые дневники обладают большим потенциалом для изучения военной повседневности, санитарно-бытовых условий, хода боевых действий глазами рядового участника, психологии человека воюющего, восприятия противника в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: источники личного происхождения, эго-документы, источниковедение, потенциал источника, антропологическое содержание Великой Отечественной войны

Для цитирования: Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 329–339. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-329-339>

Введение

В последние десятилетия в отечественной историографии под влиянием зарубежных работ наблюдается интерес к междисциплинарному и антропологическому подходам в изучении прошлого. Во многом это связано с тем, что зачастую традиционно историки занимались исследованием истории «больших людей» – монархов, государственных деятелей, выдающихся личностей. Архивы укомплектовывались преимущественно официальными документами, отражающими государственную жизнь, экономическое развитие, данные статистики. Простой человек с его чувствами, эмоциями, переживаниями оставался на обочине исторического знания. Как справедливо отметил А. К. Соколов, «нужно иметь в виду, что мысли, чувства, радости, страдания, мечты предшествующих поколений часто не оставляют ничего больше, кроме смазанных следов в исторических источниках, к тому же представленных в зашифрованной форме» [1, с. 66]. В связи с этим в поле зрения ученых попадают документы личного происхождения – воспоминания (мемуары), дневники и письма, которые позволяют применительно к исследуемой теме, увидеть Великую Отечественную войну глазами рядовых участников изучаемого события.

Целью данной статьи является анализ содержания, выявление особенностей и определение потенциала фронтовых дневников как источника для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Автор стремился выявить ценность дневниковых записей как источника для изучения военной повседневности (фронтовой быт, санитарно-бытовые условия, ход боевых действий глазами рядового участника, а также психология человека воюющего, восприятие противника).

В отечественном источниковедении нет единой точки зрения относительно места дневников в источниковой классификации. Существует несколько подходов по данному вопросу. Первый – включение дневников в т. н. эго-документы [2–9]. Данный термин был введен профессором Амстердамского университета Жаком Прессером еще в середине 50-х гг. XX в. с целью объединения в одну группу произведений различных жанровых форм, изучением которых он занимался (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма) [9, с. 107]. В отечественную историческую науку эго-документы пришли из филологии, где под эго-документом понимается текст, в котором центральной является Я-конструкция, т. е. такой способ

изображения своей жизни индивидуумом, при котором представляется возможным с той или иной степенью достоверности достичь понимания его личности: менталитета, восприятия действительности, пережитых эмоций, приобретенного жизненного опыта [9, с. 110].

Второй подход – выделение дневников в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения [10–15]. Данный подход является наиболее распространенным. По мнению крупнейшего отечественного исследователя дневников и мемуаров Отечественной войны 1812 г. А. Г. Тартаковского, ценность дневников как источников для исторических исследований и их отличие от других документов личного происхождения таковы: «И пусть, когда пройдут годы и десятилетия, появятся обширные мемуарные повествования, восстанавливающие не распознанную в свое время связь между событиями, их неизвестные ранее или вовсе "засекреченные" обстоятельства, о которых и заикнуться прежде было опасно, – всё равно это никогда не заменит дневников. Если прошлое не удалось каким-либо образом "застенографировать", существенные его черты в самой "нетленности", в реальных (а не осмысленных задним числом) сцеплениях и динамике будут безвозвратно и невосполнимо потеряны для потомков»¹.

С. С. Дмитриев, признавая близость дневников, воспоминаний и писем, подчеркивал самостоятельность каждого из этих трех видов источников и разность приемов их изучения, использования и отыскания [16, с. 395], отмечал некоторое сходство дневников и частных писем, отличающее их от воспоминаний: «Дневники и частные письма по своей природе имеют преимущественно интимный, доверительный характер, они нужны и доступны во время их создания для самого пишущего и, кроме него, еще для немногих лиц. В отличие от них воспоминания обычно пишутся с прицелом на читателей» [16, с. 393].

Сторонники третьего подхода не выделяют дневники в отдельный вид источников личного происхождения. Так, Н. П. Матханова объединила дневники и воспоминания в один термин *мемуаристика*: «Я придерживаюсь в основном позиции С. В. Житомирской и рассматриваю мемуаристику как собирательное понятие, включающее в себя автобиографии, воспоминания (в том числе некоторые некрологи), дневники и путевые записки. При этом в качестве промежуточных разновидностей выступают дневники / путевые записки и воспоминания / путевые записки» [17, с. 50]. По мнению С. В. Житомирской, близость дневников и воспоминаний проявляется в том, что краткие дневниковые записки впоследствии могут превратиться в близкий к воспоминаниям более связный, последовательный рассказ; воспоминания могут быть построены на дневниках или включать их в себя [18, с. 42]. Дневники и воспоминания объединил в одно понятие *мемуаристика* и В. В. Кабанов [19, с. 640].

По мнению автора данной статьи, наиболее обоснованно выделять дневники как часть группы документов личного происхождения, при этом разграничивая дневниковые записки и мемуары. В качестве аргументации приведем цитату Ю. А. Русиной – автора современных учебных пособий по истории, теории и методологии источниковедения: «Определенные различия между мемуарами и дневниками связаны с особенностями в системе отражения действительности – синхронной в дневниках и ретроспективной в воспоминаниях. Существенны различия в типе и структуре повествования: связный сюжетно-организованный рассказ в воспоминаниях, дискретные (раздельные, прерывистые) записки в дневниках. Различен характер коммуникативности (передача информации в ходе общения). Дневник по своей природе автокоммуникативен (автор передает сообщение самому себе), в момент ведения он рассчитан главным образом на внутренние потребности самого автора, не предназначен к прижизненному обнародованию, часто секретен для окружающих – и это его качество остается достаточно стабильным в течение длительных исторических периодов. В воспоминаниях, даже на ранних стадиях развития мемуаристики, автокоммуникативность размыта, а в ходе развития жанра коммуникативность обретает внешнюю направленность» [20, с. 179]. А. Г. Тартаковский также выделил внешнюю коммуникативность и ретроспективность мемуаров как источников: «Итак, мы подробно рассмотрели наиболее существенные признаки мемуаров – личностно-субъективное начало как их организующе-структурный принцип, ретроспективный характер воссоздания действительности и память как его специфическое средство» [21, с. 34].

Таким образом, рассмотрев точки зрения ведущих советских и современных специалистов в области источниковедения и методологии исторической науки, автор выделяет три точки зрения на место дневников в источниковой классификации: эго-документы, объединение дневников и мемуаров в термин *мемуаристика* и выделение дневниковых записей в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения. Если для первого подхода наиболее важным является Я-конструкция, а для второго то, что краткие дневниковые записки впоследствии могут превратиться в близкий к воспоминаниям более связный, последовательный рассказ, то для третьего важны синхронность с описываемыми событиями и интимный, доверительный характер содержания дневниковых записей (в большинстве случаев) по сравнению с другими видами документов личного происхождения.

В связи с особенностями освещения истории Великой Отечественной войны в советский период всплеск интереса к документам личного происхождения (в нашем случае к дневникам) произошел лишь в последние десятилетия. Здесь стоит выделить работы Е. С. Сеньявской [22; 23], И. Г. Тажидиновой [3; 24], в которых авторы анализируют содержание фронтовых дневников, освещают методы

¹ 1812 год... Военные дневники / сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М.: Сов. Россия, 1990. С. 5.

работы с данными документами, выявляют особенности дневниковых записей как источников.

В данной статье в качестве источниковой базы выступают фронтовые дневники, которые были либо обнаружены автором в ходе историко-этнографических экспедиций АлтГПУ [25], либо были опубликованы в последние годы², но комплексный анализ их содержания не был проведен специалистами.

Основными принципами исследования являлись объективность и историзм. Принцип историзма позволил изучить антропологическое содержание Великой Отечественной войны. Принцип объективности в исследовании связан с привлечением разнородных исторических источников для обоснования выводов. Идиографический метод позволил автору определить уникальность и неповторимость событий Великой Отечественной войны в истории России как для ее очевидцев, так и для современных науки и общества. С помощью сравнительно-исторического метода нам удалось выявить разные взгляды в отечественном историческом знании относительно места дневников в источниковой классификации. Использование метода контент-анализа позволило выявить наиболее важные моменты для авторов дневников, находящихся в экстремальных условиях военной повседневности. Просопографический метод помог нам на основе анализа дневниковых записей сформировать образ человека воюющего в период Великой Отечественной войны.

Фронтовые дневники – уникальные и самые немногочисленные источники личного происхождения о Великой Отечественной войне. В количественном отношении они уступают другому ценному источнику военного периода – письмам. Это объясняется, во-первых, тем, что в Красной Армии для рядового состава существовал запрет на ведение дневниковых записей, и немногие его нарушали [1, с. 329–330]. «Ведение дневников офицерами также, мягко говоря, не поощрялось (боялись, что они могут попасть в руки врага), да и не все имели такую возможность»³. Во-вторых, отсутствием времени, бумаги и условий для ведения дневников у солдат и офицеров в экстремальной повседневности боевых действий.

Фронтовые дневниковые записи имеют свои достоинства перед другими источниками личного происхождения. Дневники не проходили через военную цензуру, поэтому авторы в них могли писать честнее, свободнее, эмоциональнее реагировать на экстремальные ситуации военного времени. «Не обреченные на прохождение сквозь "сито" военной цензуры, дневники хорошо отражают динамику событий и личных переживаний, освещают широкий спектр

настроений и жизненных ситуаций комбатантов и мирных граждан» [24, с. 40]. При этом стоит отметить некоторые недостатки дневников, в частности краткость изложения. Вероятно, это вызвано многими факторами, такими как скрытность ведения дневника, отсутствие свободного времени, психологические особенности автора, а порой и нехватка письменных принадлежностей.

Фронтовой дневник – ценный источник для изучения военной повседневности и психологии человека воюющего (комбатанта). Значительную часть содержания проанализированных автором статьи дневниковых записей составляют описания служебных обязанностей, боевых действий и личного участия комбатантов в них, что можно объяснить двумя причинами. Первая – дневник в суровых условиях военной повседневности служил для их создателей средством психологической разрядки. Вторая причина касается участия в войне, а именно значимости данных событий для авторов дневников.

Публикация фронтовых дневников началась еще в советское время и продолжается до сих пор, но зачастую это мемуарные произведения, написанные на основании дневников и других источников информации, поэтому они не входят в границы нашего исследования⁴.

Авторы дневников

В данной работе автор под дневником подразумевал не ретроспективный, а синхронный, автокоммуникативный источник. Для большей объективности интерпретации источниковой базы исследования обратимся к биографии авторов дневников. Первый из авторов – **Анатолий Николаевич Дзякович** – родился в дворянской семье в пригороде Киева в 1910 г., но вся его сознательная жизнь прошла в Саратове. Здесь он учился в школе, затем на химическом факультете Саратовского университета. В мае 1941 г. его как военнообязанного запаса направили в летние полевые лагеря Приволжского военного округа (ПриВО). В середине июня 1941 г. 21-я армия (63-й и 66-й стрелковые корпуса) срочно была направлена на пополнение войск Белорусского военного округа. 53-я стрелковая дивизия, в которой воевал А. Н. Дзякович, участвовала в боях за Белоруссию, но в октябре 1941 г. воинское соединение оказалось в окружении, а в ноябре 1941 г. А. Н. Дзякович вместе с оставшимися бойцами дивизии попал в плен – в лагерь для военнопленных на территории Белоруссии, затем бежал оттуда и жил в оккупированном Жлобине, а в мае 1942 г. ушел к партизанам и активно участвовал в партизанском движении до 28 июня 1944 г., когда он и его

² Мы все войны шальные дети...: дневники периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / редкол.: В. Н. Данилов и др. Саратов: Приволжское изд-во, 2010. 242 с.; Письма с фронта любимым... Сборник писем и воспоминаний военных лет / сост. Г. Н. Белоглазова. Барнаул: А.Р.Т., 2007. 384 с.; Шириев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945) // Краеведческие записки / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2005. Вып. 6. С. 39–81.

³ Мы все войны шальные дети... С. 6.

⁴ Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2005. 518 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1976. 672 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 2. М.: Советский писатель, 1976. 592 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 3. М.: Советский писатель, 1976. 576 с.

отряд вошел в ряды Красной Армии. После войны Анатолий Николаевич вернулся в Саратов, преподавал химию и технологию металлов в Саратовском индустриальном техникуме. Среди его учеников был Ю. А. Гагарин. Но здоровье было подорвано испытаниями военных лет, и в декабре 1968 г. после продолжительной болезни Анатолий Николаевич Дзякович скончался⁵.

Дневник А. Н. Дзяковича начинается 1 октября 1941 г., в нем – записи, сделанные во время отступления, пребывания в Белоруссии в лагере военнопленных, подготовки побега и жизни в Жлобине. Большая часть записей посвящена событиям, происходившим в тылу врага на территории Белоруссии в Гомельской области, где он был в партизанском отряде. Дневник Дзяковича заканчивается записью о соединении партизанских формирований с частями действующей армии⁶. В дальнейшем он уже не участвовал в военных действиях, поскольку перешел на административную работу в освобожденном от фашистов городе Жлобине.

Второй автор анализируемых источников – **Иван Яковлевич Кузнецов** – родился в Саратове в 1902 г. В 1922 г. он начал службу в Красной Армии. С 1929 г. И. Я. Кузнецов обучался во 2-й Ленинградской артиллерийской школе, после окончания которой служил в Ленинградском военном округе в качестве командира взвода, затем – батареи, дивизиона 19-го корпуса артиллерийского полка. В 1936–1937 гг. он являлся исполняющим должность начальника полковой школы своего корпуса, а в начале 1938 г. был назначен исполняющим должность помощника командира полка того же корпуса. С сентября 1938 г. до февраля 1939 г. И. Я. Кузнецов находился за пределами СССР – принимал участие в Гражданской войне в Испании.

В марте 1939 г. он вернулся на службу в Ленинградский военный округ. В сентябре того же года он был назначен начальником артснабжения 8-й армии. В этот период И. Я. Кузнецов участвовал в советско-финляндской войне. После включения Эстонии в состав СССР был создан Прибалтийский военный округ, в сентябре 1940 г. И. Я. Кузнецов был назначен на службу в артиллерийское управление округа. В начале Великой Отечественной войны он стал начальником артиллерии 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта, а с сентября 1941 г. – заместителем командира 73-го корпуса артиллерийского полка Ленинградского фронта. С декабря 1941 г. до марта 1942 г. И. Я. Кузнецов выполнял поручения по распоряжению отдела кадров Главного управления кадрами артиллерии. А позднее – до сентября 1944 г. – был командиром 1100-го пушечного артиллерийского полка Резерва Главного командования, 71-го пушечного артиллерийского полка. С сентября 1944 г. до апреля 1946 г. И. Я. Кузнецов командовал артиллерийским полком

в составе 2-го Белорусского фронта. В августе 1946 г. был уволен в запас. Сведений о жизни и деятельности Ивана Яковлевича после его увольнения из армии не имеется. Умер он в Саратове 11 июня 1962 г.⁷

И. Я. Кузнецов в отличие А. Н. Дзяковича был профессиональным военным. Ведение боевых действий было для него повседневным трудом. На тех страницах его дневника, где описаны фронтовые будни, зафиксированы все подробности подготовки и проведения боевых операций. Свои чувства И. Я. Кузнецов высказывает преимущественно по поводу недостатков в их организации или по поводу событий, которые его возмущали в тыловой жизни. Его дневник представляет особую ценность, т. к. он велся на протяжении всего периода Великой Отечественной войны: он начал в середине июня 1941 г. и окончен в июле 1945 г.⁸

Третий автор дневников – **Марат Сергеевич Шпилев** – родился в городе Аткарске Саратовской губернии в 1924 г. В 1937 г. отец М. С. Шпилева был репрессирован. В начале Великой Отечественной войны М. С. Шпилев учился в Куйбышевском училище речного флота. В августе 1942 г. он был призван Энгельсским военкоматом в армию и направлен на учебу в Тамбовское военное училище. Закончить обучение М. С. Шпилеву не удалось, потому что в конце февраля 1943 г. курсанты были отправлены на фронт. Участие в боевых действиях он начал командиром минометного расчета в составе 115 стрелковой отдельной бригады. В декабре 1943 г. служил рядовым связистом батареи минометов в 16-м гвардейском кавалерийском полку 4-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса им. Доватора в составе Белорусского фронта (с 17 февраля 1944 г. – 1-го Белорусского фронта). В марте 1944 г. М. С. Шпилев был направлен в корпусный учебный дивизион, в апреле 1945 г. получил звание старшего лейтенанта и возвратился на фронт. В 1947 г. М. С. Шпилев был демобилизован. После демобилизации он жил в городе Энгельсе Саратовской области. Еще в годы войны проявился у Марата Сергеевича талант художника. В послевоенное время М. С. Шпилев смог найти применение своим разносторонним способностям. Он работал художником в городском парке, в драматическом театре, руководил изобразительным, туристическим и фото-кружками во Дворце пионеров. С 1959 г. и до конца своей жизни он работал главным художником и фотографом треста № 3 «Энгельсхимстрой». Также Марат Сергеевич сотрудничал в «Новой газете», выходящей в Энгельсе. Умер М. С. Шпилев 18 декабря 1997 г.⁹

Дневник М. С. Шпилева охватывает период с 23 декабря 1943 г. по 17 февраля 1944 г. Автор принимал участие

⁵ Мы все войны шальные дети... С. 14–15.

⁶ Там же. С. 16–83.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 85–266.

⁹ Там же. С. 268.

в боевых действиях на Украине, в том числе в ее западных областях. Этот документ в основном отражает личные переживания его автора, молодого человека, призванного в армию уже во время войны. Он был человеком сугубо мирного склада, главный мотив записей его дневника – трагическое восприятие постоянной угрозы смерти¹⁰.

Четвертый автор дневниковых записей – **Константин Георгиевич Ширяев** (1913–1980). Уроженец с. Ермолиха Алтайского округа, учитель, участник Великой Отечественной войны с 1942 г. по 1945 г.¹¹ О послевоенной жизни Константина Георгиевича сведений не имеется. Дневник К. Г. Ширяев вел с 2 февраля по 17 сентября 1945 г. Дневниковые записи Константина Георгиевича посвящены описанию городов и деревень Венгрии, в которых по долгу службы он побывал, описанию военных будней, досуга солдат и офицеров в освобожденной Венгрии, фиксации личных впечатлений автора. Последние записи дневника посвящены описанию дороги на родину.

Еще один автор дневников – **Сергей Яковлевич Беседин** – родился 20 июня 1919 г. в поселке Алексеевском Никольского сельского совета Панкрушинского района Алтайского края. После окончания семи классов начал работать в органах НКВД. 7 февраля 1940 г. был призван в РККА. С. Я. Беседина направили в учебный артиллерийский полк. Поскольку в это время шла война с Финляндией, сначала будущих артиллеристов готовили к отправке на фронт. После заключения мира с финнами часть личного состава перевели в Армянскую ССР. С началом войны полк, в котором служил Сергей Яковлевич, был переброшен на границу с Турцией, но уже через три месяца он участвует в боях на подступах к Ростову-на-Дону. В 1941–1943 гг. С. Я. Беседин воевал в Ростовской, Краснодарской областях, позже в составе 2-го Украинского фронта участвует в освобождении Украины, Польши. Свой боевой путь С. Я. Беседин завершил в Восточной Пруссии. После войны работал заведующим военным отделом райкома, затем начальником АХЧ в районном военкомате, в 1975 г. вышел на пенсию как инвалид войны. О дальнейшей жизни Сергея Яковлевича информации нет¹².

Дату начала ведения дневника установить невозможно, поскольку первые страницы отсутствуют. Записи начинаются с 13 октября 1941 г., последняя датируется 28 июнем 1946 г. Иногда записи прерываются на один-два месяца или автор делает одну пометку за несколько месяцев: «Апрель-май-июнь-июль. Находились в р-не г. Миллирово на формировании. Крепко подучились к боям»¹³. Всего в дневнике 82 страницы. Сергей Яковлевич служил в артиллерии, младший политрук (лейтенант), на фронте вступил в ВКП(б), награжден Орденом Красной Звезды.

Дневник написан довольно сухим, лаконичным языком. Даже описание тяжелых боев, трудных погодных условий у С. Я. Беседина похоже на оперативную сводку или доклад старшему по званию. Это можно попытаться объяснить запретом ведения дневников в Красной Армии, отсутствием времени, сил и большего количества бумаги для создания подробного повествования о боевых буднях. С другой стороны, можно предположить, что профессиональные обязанности автора источника повлияли на содержание дневниковых записей. Даже в отношении себя С. Я. Беседин как политический работник был строг и не допускал жалоб, панических настроений.

Последний автор источников – **Деомид Матвеевич Кожуховский** – родился 17 августа 1919 г. в Хакасии. В 1935 г. он окончил семь классов, затем поступил учиться в трехгодичное горнопромышленное училище, получил специальность «шахтовый электрослесарь». После окончания училища его направили работать на рудник Улень Богградского района в Хакасии. Там он и работал, пока в сентябре 1939 г. его не призвали в армию. Служил он на станции Дивизионная, в Улан-Удэ, через полгода в армии получил специальность пиротехника.

Когда началась война, Д. М. Кожуховский попал в 363-й стрелковый полк. С 14 октября 1941 г. до 21 июня 1944 г. его полк держал оборону по реке Свирь между Онежским и Ладожским озером. 5 сентября 1944 г. с Финляндией было заключено перемирие. Затем полк отправили на север, на прорыв оборонительных рубежей. Вышли на границу с Норвегией в районе города Керкенес. Норвегия, чтобы сохранить армию, вывезла войска в Англию. Дивизия, где служил Деомид Матвеевич, с марта 1945 г. в боевых действиях уже не участвовала. У солдат появилось больше свободного времени, а у Деомид Матвеевича – возможность писать. Он из немецких бумажных мешков для продуктов изготовил две толстые тетради и стал вести дневник. Записывал туда стихи, песни, популярные в то время; рассказы однополчан-балагуров, описывал жизнь и быт солдат. После войны Д. М. Кожуховский работал электромонтером в г. Черногорск, затем учился в Ташкентской технической школе, где получил специальность «Мастер по строительству искусственных сооружений». Сейчас Деомид Матвеевич проживает в поселке Новосиликатный г. Барнаул¹⁴.

Авторы анализируемых дневников различаются местом рождения, возрастом, довоенной профессией, родами войск, в которых служили, званием, продолжительностью участия в войне, местом службы, что дает нам основание считать данную выборку источников репрезентативной для исследования изучаемой проблемы.

¹⁰ Там же. С. 269–289.

¹¹ Ширяев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945)...

¹² Архивный отдел Администрации Панкрушинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–12.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Письма с фронта любимым... Сборник писем и воспоминаний военных лет... С. 98–99.

Антропологическое содержание Великой Отечественной войны

Во всех проанализированных источниках описание быта занимает довольно значимое место. Фронтовой быт или уклад повседневной жизни в боевой обстановке – «заполнение» времени служебными обязанностями (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий, и т. д.), а также часы отдыха и досуга, в том числе организованного, т. е. все то, что составляет распорядок дня [23, с. 74]. Наиболее подробно фронтową повседневность описывал в своем дневнике Д. М. Кожуховский. Практически в каждой фиксации Деомид Матвеевич касался данного вопроса. Вероятно, это объясняется тем, что дивизия, в которой служил Д. М. Кожуховский, с марта 1945 г. в боевых действиях не участвовала¹⁵. У солдат появилось больше свободного времени, и каждый тратил его по-своему. Видимо, для Деомид Матвеевича (который участвовал в войне с 1941 г.) написание дневника стало рефлексией по поводу пережитых событий. Стоит отметить, что помимо описания фронтовой жизни Д. М. Кожуховский в своем дневнике фиксировал солдатский фольклор: стихи, песни. В качестве примера приведем цитату из белого стиха: «С тех пор, как штыковой удар вашей красоты основным уколом поразила моё сердце и нанёс рану глубиной полного профиля, я не могу заснуть после отбоя, я всё думаю о вас.

Как хотелось бы мне сейчас обнять шейку приклада, прижать к плечу и плавно опустить поцелуй на ваши алые губки. Я восхищён вами, смотря на ваше фото, как новый чехол малопехотной лопатки. Ваш ласковый голос можно сравнить с голосом дневального, произносящим любимую команду – приготовиться на обед или отбой.

Из-за вас я стал такой рассеянный, превзошёл все законы рассеивания, днём и ночью, с наименьшим безопасным прицелом, веду автоматический огонь своими мыслями через головы миллионов людей по вашему ярко пылающему сердцу, являющемуся отличной мишенью для такого стрелка, как я...»¹⁶. По мнению автора, содержание данного стиха иллюстрирует несколько нюансов из повседневной жизни солдат. Во-первых, сам факт написания такого произведения дает основание полагать, что у его автора было свободное время. Во-вторых, автор обращался к женщине, что для бойцов, долгое время не видевших представительниц прекрасного пола, не говоря уже о женах и возлюбленных, является своего рода общением с ними. В-третьих, шутовское содержание белого стиха, с одной стороны, иллюстрирует как солдатский юмор, так и остроту «женского вопроса», поскольку если бы эта тема не волновала бойцов, стихотворение бы не вызвало интерес Д. М. Кожуховского. Несмотря на шутовское содержание стихотворения, Деомид

Матвеевич постарался сохранить его, что свидетельствует о ценности для комбатанта данной информации.

Дневник гвардии капитана Константина Георгиевича Ширияева является ценным источником для изучения повседневности офицеров и солдат Красной Армии в последние месяцы войны. В качестве конкретно-документального свидетельства приведем запись от 6 февраля 1945 г.: «К моменту нашего приезда в Цеглед наши ребята организовали встречи: привезли откуда-то две огромные бочки по 1000 л каждая вина. Несмотря на то, что у бочек часовые, почти все были пьяны в дым. Мне сразу предложили попробовать из котелка. Каждый шофер имел ведро с вином, которое привязано под кузов. У бочек гвалд, шум. Пришлось снять часовых, посадить на гауптвахту, а вино откатили в склад.

Во время пребывания в Цегледе самое разнообразное вино лилось рекой. На гауптвахте меньше 10 человек не бывало, один чувак чуть не утонул в бочке. Выбив дно поленом, ухнула туда с головой, шапка всплыла. Каждый сержант имел чуть ли не склад с вином (тайно). Особенно отличались десантники. Увели со двора козу. На воротах написали: "Добровольна ушла служить в десантные войска". На следующей улице: двое продают, двое эту же козу уводят. Стрельба в городе, как на передовой. Стреляют чуть ли не из артиллерии. Интересна деталь: в отместку за утонувших в Днепре неудачно брошенных десантников мстили летчикам: "На Днепре был?" "Был". "Прыгай с моста!" И прыгали с высокого моста в воду метров на 15»¹⁷. По мнению автора, эти записи объясняются и диковинностью происходящего для человека, пережившего четыре года суровой, военной повседневности; и появлением в определенной степени свободного времени у солдат и офицеров РККА на завершающем этапе Великой Отечественной войны; и менее жестким контролем со стороны начальства, что позволяло свободнее вести дневниковые записи.

Особняком в описании военной повседневности стоит дневник старшего лейтенанта А. Н. Дзяковича. Анатолий Николаевич довольно подробно описывал тяжелые условия плена и партизанской жизни, и остается только догадываться, как ему удалось в таких нечеловеческих условиях сохранить две тетради дневника: «7.7.43. Сегодня на рассвете приехали в Коротковичи. Ехали через Антоновку, кот[орая] сожжена н[емцами]. Жители частично перебиты, частично разбежались. Детишки были брошены в колодезь, и к ним вслед брошена граната.

На восходе солнца нас разбудили выстрелы. Н[емцы] окружили нашу деревню. Убегали под огнем. Мне пришлось бросить вещмешок. Когда бежал, чуть не задохнулся. Еле выскочили и сейчас сидим в болоте все сырые по шею. Холодно, болото воняет. Собралось нас из разных групп человек 10 да гражданских человек 15. Неужели придется погибнуть? Сейчас посмотрю фото семьи и спать. Совсем устал.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 100–101.

¹⁷ Ширияев К.Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945)... С. 40; Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация дневников.

<...> Когда уснул, видел жену так, как она у меня на фото: сидит на диване, улыбается. Как бы хотел увидеть ее и отдохнуть, сбросить около неё колоссальную усталость, накопившуюся за эти годы. Перевязку сегодня не делал – нечем. В настоящее время у меня заживающие карбункул и фурункул и 4 фурункула в полном расцвете. Живем на нервах, а нервы расшатаны.

Тоска, а природа живет своей отличной от войны жизнью. Ветер шумит верхушками крон. На сосне суетится белка. Деловито стучит дятел. В болоте тоскливо кричат журавли. И все покрывает могучая неизъяснимо полная песня соловья, которая как бы пропитывает весь лес. А мы блокированы, нечего кушать, и смерть со всех сторон заглядывает нам в лица»¹⁸. Это одна из многих записей, поскольку дневник Анатолий Николаевич вел с 1 октября 1941 г. по 28 июня 1944 г. Вероятно, ведение дневника для А. Н. Дзяковича стало своего рода психологической опорой для выживания в крайне экстремальных условиях. Описание смертельной опасности перемежается с описанием летней природы, что можно объяснить попыткой автора хоть немного отвлечься от суровой действительности, защитным механизмом человеческой психики в условиях крайнего напряжения и физических, и духовных сил. Видимо, по этой же причине Анатолий Николаевич часто вспоминает довоенную жизнь, свою семью.

Часто в дневниках комбатанты (человек воюющий) обращались к теме выполнения служебных обязанностей, обстановки на их участке фронта, к успехам и неудачам боевых операций, в которых они участвовали, давали свои оценки происходящему. В этом аспекте выделяется дневник профессионального военного – полковника Ивана Яковлевича Кузнецова. «28 июня (1941 г. – А. К.). Командование фронтом снято, это правильно, потому что дальше так продолжаться не может, пора навести порядок в штабе фронта. Ведь мы, грубо выражаясь, скачем как "блохи" с одного места на другое, за 6 дней войны мы сменили 4 КП. Никакого руководства войсками, войска предоставлены сами себе, связи нет. По меньшей мере, это можно расценивать как неспособность штаба руководить войсками, а если больше сказать – предательство»¹⁹. Иван Яковлевич видел неудачи первых дней войны в неумелом командовании армией. Приведем еще одну запись из дневника, касающуюся попытки наступления отдельных частей Ленинградского фронта в октябре 1941 г.: «5 октября (1941 г. – А. К.). Семь дней, как я на новом месте. Вошел в курс работы, командир полка оказывает полное доверие. Сегодня осматривали матчасть и винтовки в дивизионах, наши все в порядке, кроме 2-го дивизиона. Вооружение содержится безобразно, написал проект приказа, командир

и комиссар согласились. Семь дней я уже на Ленинградском фронте, живу в Доме Советов. За эти дни многое я пережил морально в том отношении, что мы – армия, подпустили немца к воротам города Ленина – колыбели пролетарской революции. Все надежды на нашу пехоту, защищающую подступы к этому великому городу, рушатся. Обидно и смешно, но факт; 44-я дивизия в направлении Урицк – Нов[ое] Попово в течение 2-х дней продвинулась на 150 метров.

Некоторые могут подумать, что у него – немца, созданы здесь какие-то сверхъестественные укрепления. Никаких укреплений сверхъестественных нет, а просто [наше] неумение организовать наступление. Ведь факт, что все держится только благодаря артогню. 4-го числа, будучи на КП 35-го СП, я был очевидцем, когда 3/35-й СП в течение 3 часов лежал на поле, никем не обстреливаемый, и требовал открытия артогня для поднятия морального духа своего батальона. Это не анекдот, а факт. Дальше так воевать нельзя...»²⁰. Подобное негативное отношение к пехотинцам и похвала артиллеристов объясняется, во-первых, профессией Ивана Яковлевича. Во-вторых, разочарованностью автора итогами первых месяцев войны.

Наиболее богатый материал по проблеме определения ценности фронтовых дневников для изучения психологии человека воюющего дает дневник Марата Сергеевича Шпилева. Среди проанализированных источников данный документ выделяется в плане описания эмоций, страхов, рефлексирования по поводу пережитых событий. Главный мотив записей его дневника – трагическое восприятие постоянной угрозы смерти: «6.3.44 г. ... Стрельбы не слышно. Прямо как будто и нет войны. Вспомнился дом, веселое время.

Эх, как далеко это и невозвратно. И сейчас эта грань так остро чувствуется. А ведь скоро смерть. Чувствую себя прямо обреченным на погибель. Состояние, как у приговоренного к смерти. Да и как не чувствовать своей смерти? Уж такова судьба.

Ну, пока и все. Будет если время, напишу, а то пойдет муштра, строительство, а потом бой, ну, и некогда будет. Хлебца не хватит. Тут есть мирные жители. А уже пахнет весной, так и волнует душу молодого, обреченного на смерть. Жду худшего»²¹. Или запись от 22 марта 1944 г.: «... Ну, прощай, тыл, прощай, и жизнь. "Сражусь с фашистом я проклятым, где пуля ждет давно меня". Какие-то сюрпризы готовит мне будущее? Жизнь, смерть, ранение? Дождусь ли я конца войны? Увижу ли кого из знакомых? Нет! Конечно, нет – жду худшего и только худшего...»²². Данное настроение автора можно объяснить относительно долгим пребыванием на передовой, усталостью от войны, обостренным восприятием реальности и ощущением одиночества, поскольку, как следует из биографии автора,

¹⁸ Мы все войны шальные дети... С. 26–27.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Там же. С. 93–94.

²¹ Мы все войны шальные дети... С. 273.

²² Там же. С. 275.

Марат Сергеевич был творческим человеком (после войны работал художником, писал стихи и прозу)²³. Возможно, именно поэтому настолько тяжело психологически ему давалось участие в войне.

Этим можно объяснить то магическое значение, которое приобрела авторучка для М. С. Шпилева, и значимость ее потери: «27.4.44 г. Потеряна ручка, а с ней и счастье»²⁴. И дальше он в своих записях не раз еще обращается к этой теме: «Утро под 28.4.44 г. Сегодня первый день без авторучки... Я как без рук. Как я любил ее! Без нее я действительно...»²⁵. По нашему мнению, автор дневника боялся быть непонятым, высмеянным за свои волнения, поэтому потеря авторучки у него связывалась с потерей счастья. Видимо, для Марата Сергеевича возможность писать о своих переживаниях была своего рода отдушиной, возможностью выговориться, удовлетворить свои потребности в общении.

Другое восприятие постоянной угрозы смерти в условиях военной повседневности мы видим у С. Я. Беседина. Так, 19 ноября 1941 г. С. Я. Беседин едва не погиб, что он довольно спокойно и безэмоционально зафиксировал: «Заняли ОП ПТО. Связь с НП установили по радио. Утро. Туман. Батарея ведет сокрушительный огонь. Вдруг немецкие танки. Штук 40. Батарея открыла огонь. 7 штук загорелось, остальные идут. Раздавили батарею, я и не успел залезть в ровик. Зашли на ОП 3 танка. Один стал в 3 метрах от меня. Танкист вылезал до пояса. Я две РГД бросил под танк. Танк повернулся, и на меня. Я отвернулся и танк прошел мимо меня в неск. сантиметрах. Второй танк пошел правила ломать. Еле вырвались»²⁶. Только в последнем предложении автор записей несколько дал волю эмоциям, что позволяет сделать вывод о неординарности, нестандартности данного события для Сергея Яковлевича. Подобное восприятие экстремальных условий военной повседневности прослеживается у всех остальных авторов дневников, проанализированных в данной статье, что объясняется, во-первых, длительностью участия в войне (комбатанты, вероятно, привыкали к ощущению опасности), во-вторых, психологическими особенностями человека.

В каждом из проанализированных источников авторы прямо или косвенно касались темы восприятия противника.

Наиболее характерно образ врага у советского военнослужащего в период Великой Отечественной войны проявляется в фиксации от 13 мая 1945 г. Константина Георгиевича Ширяева: «По одной стороне идут одна за другой наши машины, другая вся запружена сплошным потоком немцев. Вот они, довоевались. Сколько их, куда они идут – эти животные в зеленых мундирах, без оружия, с котомками за плечами. Далеко вам идти, да и тяжело будет. Таранить хочется. Хотелось бы отдохнуть в холодке. Ничего, идите. Сами избрали себе такой путь. Благодарите фюрера»²⁷. Подобное отношение к противнику для человека, прошедшего почти всю войну, увидевшего ее ужасы, является довольно типичным [26].

Заключение

Ведение дневников в годы Великой Отечественной войны выполняло множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка. «Фронтовому дневнику свойственны несколько иные черты. Он зачастую жестче, даже "злее", фиксирует информацию в более сжатых формах, утилитарная составляющая менее выражена. <...> На первом плане "лично пережитое": участие в боях, увиденное за сотни и тысячи километров от дома, рефлексия по поводу человеческих отношений в экстремальных условиях войны» [24, с. 43].

Фронтовые дневники обладают большим потенциалом для исследования антропологического содержания Великой Отечественной войны. Дневниковые записи как источник для изучения военной повседневности, санитарно-бытовых условий, хода боевых действий, психологии человека воюющего, восприятия противника дают возможность расширить сформированное представление о войне, увидеть ее «из окопа», глазами рядовых солдат и офицеров. Отметим, что изучение антропологического содержания Великой Отечественной войны не представляется возможным без использования всех типов и видов исторических источников, но документы личного происхождения являются основными в данном вопросе.

Литература

1. Соколов А. К. Введение. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Соколов А. К., Бокарев Ю. П., Борисова Л. В., Журавлев С. В., Мухин М. Ю. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высш. шк., 2004. С. 4–71.
2. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI: 10.31168/0402-2.2
3. Тажиудинова И. Г. «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941–1945 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4. С. 150–158.

²³ Там же. С. 268.

²⁴ Там же. С. 280.

²⁵ Там же. С. 281.

²⁶ Архивный отдел Администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–4 об.

²⁷ Ширяев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945) ... С. 50.

4. Киселев И. В., Тажидинова И. Г. Фронтальная повседневность старшего лейтенанта В. Г. Морозова. Дневник из собрания Новороссийского исторического музея-заповедника // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 83–98.
5. Макарова Н. Н. Ценность вещей в военное время (по материалам источников личного происхождения, Магнитогорск 1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. С. 231–233.
6. Хубулова С. А., Сосранова З. В. Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 116–122.
7. Иванов А. Ю. Принципы текстологического анализа эго-документов XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2. С. 85–87.
8. Шевелёв И. Г. Эго-документы как источники по изучению психологии участников Первой мировой войны (на примере архива семьи Смоляков) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 5. С. 61–70.
9. Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 6. С. 107–115.
10. Малышева Е. М. К вопросу об источниках личного происхождения в исследовании социальной истории Великой Отечественной войны // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. (Оренбург, 20–21 апреля 2017 г.) Оренбург: ОГПУ, 2017. Т. 2. С. 46–51.
11. Источниковедение / отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 685 с.
12. Русина Ю. А. Методология источниковедения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 204 с.
13. Иванова Н. Н. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 105–110.
14. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 18–22.
15. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 4. С. 36–45.
16. Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1973. С. 393–414.
17. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
18. Житомирская С. В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1977. С. 41–59.
19. Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 505–666.
20. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.
21. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX века. М.: Наука, 1980. 312 с.
22. Сеньявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 220 с.
23. Сеньявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
24. Тажидинова И. Г. Дневники участников Великой Отечественной войны: потенциал источника // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 39–43.
25. Кузнецов А. С. Фронтальной дневник С. Я. Беседина как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 4. С. 44–47.
26. Кузнецов А. С. Образ врага в документах личного происхождения: на примере сравнения источников о Великой Отечественной войне // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.) Новосибирск: Институт истории СО РАН; Параллель, 2015. С. 153–160.

Military Diaries: Content, Features, and Potential (Based on the Great Patriotic War Sources)

Alexandr S. Kuznetsov^{a, b, @, ID}

^a Secondary School 70, Russia, Barnaul

^b Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

@ hist-kas@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1400-8671>

Received 21.01.2020. Accepted 21.05.2020.

Abstract: The present research featured the content, specific features, and potential of military diaries as a historical source in the anthropology of the Great Patriotic War. The study was based on the views of the leading Soviet and modern specialists in the field of source studies and historical methodology. The author defined three approaches to the place of diaries in the classification of historical sources: 1) diaries as ego-documents, 2) military diaries as memoirs, 3) diaries as a separate group of personal documents. The research objective was to determine the potential of military diaries as a source for anthropological studies of the Great Patriotic War. The method of content analysis revealed the most important aspects for the diary writers in extreme military environment. The biographical method based on the diary analysis made it possible to describe the image of homo militaris during the Great Patriotic War. Military diaries demonstrated a great potential for studies of war routine, healthcare, psychology, and enemy perception through the eyes of an ordinary military participant, the psychology of warring man, the perception of an enemy during World War I.

Keywords: sources of personal origin, ego-documents, source studies, historical source potential, anthropological content of the Great Patriotic War

For citation: Kuznetsov A. S. Military Diaries: Content, Features, and Potential (Based on the Great Patriotic War Sources). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 329–339. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-329-339>

References

1. Sokolov A. K. Introduction. The path to a modern laboratory for studying the recent history of Russia. Sokolov A. K., Bokarev Yu. P., Borisova L. V., Zhuravlev S. V., Mukhin M. Yu. *Sources of recent history of Russia: theory, methodology, and practice*. Moscow: Vyssh. shk., 2004, 4–71. (In Russ.)
2. Filatova N. M. Approaches to the study of ego documents in modern historical science in the light of the "linguistic turn". *The document and the "documentary" in Slavic cultures: between the true and the imaginary*, ed. Kurennaya N. M. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, 24–40. (In Russ.) DOI: 10.31168/0402-2.2
3. Tazhidinova I. G. "Life in the War" in the diaries of Soviet officers. 1941–1945. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kultury i iskusstv*, 2015, (4): 150–158. (In Russ.)
4. Kiselev I. V., Tazhidinova I. G. Frontline daily life of first lieutenant V. G. Morozov: a diary from the collection of the Novorossiysk historical museum-preserve. *Vestnik arhivista*, 2016, (2): 83–98. (In Russ.)
5. Makarova N. N. The value of things in wartime (based on sources of personal origin, Magnitogorsk 1941–1945). *Aktualnye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniia*, 2016, 2: 231–233. (In Russ.)
6. Hubulova S. A., Sosranova Z. V. Ego-documents as a historical source of the First World War. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2015, 1: 116–122. (In Russ.)
7. Ivanov A. Yu. Principles of textual analysis of ego-documents of the XX century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (1-2): 85–87. (In Russ.)
8. Shevelov I. G. Ego-documents as the sources for the study of the psychology of the participants of the First World War (on an example of the Smolyak's family archive). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2017, 5 (26): 61–70. (In Russ.)
9. Bondar I. A. Ego-text and ego-document in literary process. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela*, 2013, (6): 107–115. (In Russ.)
10. Malysheva E. M. To the issue of sources of personal origin in the study of the social history of the Great Patriotic War. *Russia in the conditions of crises of the XIX–XX centuries: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 100th anniversary of the Russian*

- Revolution of 1917 and the 75th anniversary of the beginning of the Battle of Stalingrad, Orenburg, April 20–21, 2017. Orenburg: OGPU, 2017, vol. 2, 46–51. (In Russ.)
11. *Source studies*, ed. Rumiantseva M. F. Moscow: Izd. dom VShE, 2019, 685. (In Russ.)
 12. Rusina Iu. A. *The methodology of source studies*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015, 204. (In Russ.)
 13. Ivanova N. N. Typology and internal divisions classification of memories, diaries and letters: problems of source study methodology. *RUDN Journal of Russian History*, 2006, (3): 105–110. (In Russ.)
 14. Varshavski D. I. Memoirs, war diaries and letters as a historical source for studying the Soviet soldiers' way of life at the front during the Great Patriotic War. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, (4): 18–22. (In Russ.)
 15. Galiullina D. M. On the problem of studying memoir in Russian historical science. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2006, 148(4): 36–45. (In Russ.)
 16. Dmitriev S. S. Memoirs, diaries, private correspondence. *Source studies of USSR history*, ed. Kovalchenko I. D. Moscow: Vyssh. shk., 1973, 393–414. (In Russ.)
 17. Matkhanova N. P. *Siberian memoirs of the XIX century*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010, 551. (In Russ.)
 18. Zhitomirskaya S. V. Issues of the scientific description of handwritten memoirs. *Archaeographic Yearbook for 1976*, ed. Schmidt S. O. Moscow: Nauka, 1977, 41–59. (In Russ.)
 19. Kabanov V. V. Historical sources of the Soviet period. Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history*. Moscow: RGGU, 1998, 505–666. (In Russ.)
 20. Rusina Iu. A. *Source studies of the recent history of Russia*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015, 236. (In Russ.)
 21. Tartakovskii A. G. *1812 and Russian memoirs of the XIX century*. Moscow: Nauka, 1980, 312. (In Russ.)
 22. Senyavskaya E. S. 1941–1945. *Front generation. Historical and psychological*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1995, 220. (In Russ.)
 23. Senyavskaya E. S. *The Psychology of War in the XX century: Russia's Historical Experience*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 383. (In Russ.)
 24. Tazhidinova I. G. The diaries of the Great Patriotic War participants: potential of the source. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2012, (2): 39–43. (In Russ.)
 25. Kuznetsov A. S. Frontline diary of S. Y. Besedin as a source for the study of anthropological content of the Great Patriotic War. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, (4): 44–47. (In Russ.)
 26. Kuznetsov A. S. Image of the enemy in source of personal origin: by comparing sources the Great Patriotic War. *Siberia in the Great Patriotic War: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War*, Novosibirsk, April 27–28, 2015. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; Parallel, 2015, 153–160. (In Russ.)

Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь»)

Владислав А. Овчинников^а, @, ID

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ rpsib@rambler.ru

ID <http://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Поступила в редакцию 17.04.2020. Принята к печати 07.05.2020.

Аннотация: На основе материалов газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь», Государственного архива Кемеровской области, опубликованных исследований описан и охарактеризован процесс репрессий 1930-х гг. в г. Ленинске-Кузнецком. Особое внимание уделено «делу детей» и процессу над сотрудниками НКВД 1939 г. как событиям, обозначающим конец «большого террора». Сделан вывод, что острый характер репрессий в Ленинске-Кузнецком был определен невыполнением задач индустриального развития первых пятилеток и высоких планов угледобычи; быстро растущим населением города за счет категорий, попадающих под характеристику «враги народа»; установками горотдела НКВД быть лучшими в Западно-Сибирском крае. Количество и событийная насыщенность материалов газет о репрессиях опровергает мнение, что от простых граждан скрывали правду и они не знали о репрессиях и их масштабах. Автором определен подход к работе с газетами как с историческими источниками по истории репрессий в СССР. Газеты могут служить источником достоверной информации, необходимым для изучения репрессивной политики власти в 1930-е гг. и механизмов формирования общественного мнения, при учете исследователем их специфики. Уточнено, что для восстановления полной картины репрессий в отдельно взятом городе одних только материалов местных газет недостаточно, это требует использования широкого комплекса источников по проблеме.

Ключевые слова: индустриализация, дело детей, Кузбасс, репрессии, местная газета, большой террор

Для цитирования: Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-340-353>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения истории массовых репрессий в СССР в рамках локальной истории, в том числе с использованием материалов местной периодической печати. Продолжения требует процесс реабилитации жертв репрессий и составления Книг памяти.

Репрессии оказали огромное влияние на жизнь людей, социально-экономическое развитие и политическую систему СССР. История репрессий в Кузбассе изучена учеными достаточно полно. Значительный вклад в изучение проблемы внесли Л. И. Гвоздкова [1], Е. С. Генина [2; 3], Р. С. Бикметов [4; 5], А. А. Мить [6]. Данные о репрессиях в Кузбассе содержатся в работах по истории угольной промышленности, партийной организации, городов региона [7–10]. «Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области» служит особым источником по истории этого периода [11; 12]. «Историческая энциклопедия Кузбасса» и «Историческая энциклопедия Сибири» содержат статьи, посвященные репрессиям. Теме массового террора на территории Западной Сибири посвящены труды С. А. Папкова [13], В. Н. Уйманова [14],

И. Н. Кузнецова [15], А. Г. Теплякова [16] и др. В них содержится информация о репрессиях в Кузбассе. Подробный обзор историографии проблемы представлен в диссертациях ученых. В то же время в указанных работах практически отсутствует описание истории репрессий в отдельных населенных пунктах Кузбасса, не всегда использовался материал местных газет, что не позволило восстановить полную картину событий 1930-х гг. в разрезе локальной истории.

В 1990–2000-е гг. тема репрессий стала важнейшим направлением исследований на региональном уровне, но со временем интерес к данной проблематике стал ослабевать. Остались не изученными многие события, что требует продолжения исследования темы.

Появление трудов по истории массовых репрессий во многом было связано с рассекречиванием документов ФСБ России и передачей их в государственные архивы по указу президента России Б. Н. Ельцина, подписанному в 1991 г. и утратившему силу в 1999 г. За восемь лет указ президента не выполнило большинство управлений ФСБ. После этого доступ к архивам ФСБ России для исследователей стал значительно затруднен.

Именно открытие огромного массива неизученных источников по проблеме и обусловило в то время не очень внимательное отношение исследователей к такому виду источников, как периодическая печать (газеты, журналы, повременные издания). В связи с этим изучение периодической печати как источника по истории репрессий приобретает особую актуальность [17; 18].

Несмотря на то, что газеты отражали официальную партийную позицию и скрывали или искажали многие факты, полученные данные позволят дополнить общую картину событий, уточнить, какая информация доходила до людей, в какой форме преподносилась, уточнить методы идеологического воздействия на общество.

Поставлена задача на основании материалов газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь» описать и охарактеризовать репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком. Особое внимание уделено «делу детей» и процессу над сотрудниками НКВД в 1939 г. как событиям, обозначающим конец «большого террора» 1937–1938 гг.

Методы и материалы

При написании статьи использовались материалы газет «Ленинский шахтер» 1931–1939 гг. и «Советская Сибирь» 1939 г. Для восстановления полной картины репрессий были использованы архивные документы фонда личного происхождения канд. ист. наук Б. И. Берлинтейгера (Ф. Р-1263), Государственного архива Кемеровской области (ГАКО).

Газета «Ленинский шахтер» начала издаваться с 1 октября 1930 г. как орган Ленинского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета. С 1931 г. газета стала органом Ленинского горкома ВКП(б), горисполкома и горпрофсовета. Примечательна судьба А. А. Бабаянца, бывшего редактором газеты в 1936–1937 гг. После 1937 г. он последовательно занимал должности зав. партийным отделом газеты «Кузбасс», начальника филиала института повышения квалификации инженерно-технических работников угольной промышленности, с апреля 1940 г. – редактора новосибирской газеты «Советская Сибирь», в марте 1943 г. – редактора газеты «Кузбасс». Затем он возглавил областное книжное издательство «Кузбасс». Это косвенно свидетельствует о высоком уровне работы редакции газеты в 1936–1937 гг. и о том, что заслуги редактора были по достоинству оценены.

«Советская Сибирь» с 1930 г. стала главным идеологическим политическим изданием Запсибкома ВКП(б) и Запсибкрайисполкома. В 1930-е гг. газета освещала раскулачивание крестьян, коллективизацию и индустриализацию, борьбу с «врагами народа». Все ее редакторы 1935–1939 гг. были репрессированы.

Важнейшей функцией газет была трансляция государственно-партийных решений, руководство и контроль над идеологическим воздействием партийной пропаганды на массовое сознание. Газеты описывали реализацию политики власти на местах, конкретные достижения и события,

объясняли неудачи. В газетах содержатся официальные материалы партийно-советских органов, речи и статьи, отчеты о судебных заседаниях процессов над «врагами народа». Для нас важна информация о конкретных событиях и процессах, многие материалы дают точные оценочные характеристики и достаточно достоверное изложение фактов.

Газета «Ленинский шахтер» выделялась на фоне других городских и районных газет Кузбасса высоким уровнем организации работы редакции, качеством публикаций, точным следованием генеральной линии партии. Типичными чертами были структура и рубрикация, тематика, способы подачи информации, оформление. Политическая ангажированность и жесткий партийный контроль также были характерными чертами работы редакций газет в 1930-е гг.

В работе был использован подход, основанный на следующих положениях:

- периодическая печать (газеты, журналы, повременные издания) – особый вид исторических источников;
- газеты могут служить источником достоверной информации, необходимым для изучения репрессивной политики власти в 1930-е гг. и механизмов формирования общественного мнения при учете исследователем специфики источника: влияния на источник принципа партийности советской прессы, чрезмерной политизации, идеологизации, субъективизма, цензуры;
- исследователю необходимо учитывать особенности газет как исторического источника: многообразие форм подачи информации, что требует использования комплекса методов; учет возможного наличия неточностей и ошибок из-за периодичности и оперативности опубликования информации.

В работе применялись историко-сравнительный, историко-генетический методы исследования, методы анализа.

Репрессии 1930–1936 гг.

В начале 1930-х гг. были сделаны первые шаги по чистке партийных рядов и борьбе с вредительством. На партконференции 1–3 июля 1931 г. делегат от Емельяновской шахты, отчитываясь о чистке партийных рядов, заявил: «Руководство Емельяновского шахткома было оппортунистическим и поэтому Емельяновский партколлектив председателя шахткома исключил из рядов ВКП(б)». В ответ на однозначно жесткие речи о продолжении чистки и вредительстве еще звучали такие выступления, как речь делегата Соколова: «Всех специалистов к числу вредителей относить нельзя». Он подчеркивал, что есть хорошие производственники, которые просто не выполнили план, что многие еще не овладели в достаточной степени техникой, поэтому их надо учить и воспитывать¹.

В быстроразвивающемся городе население увеличивалось за счет крестьян, в том числе за счет раскулаченных и их детей. Часть из них скрывала свое прошлое, некоторые

¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

сотрудничали с режимом А. В. Колчака, участвовали в анти-советских выступлениях. Во время движения за возрождение колхозов с 1927 г., хлебозаготовительной кампании 1929 г. репрессии приняли широкий размах. Зажиточных крестьян штрафовали, подвергали тюремному заключению, высылали из деревни [19, с. 166].

На руднике использовали труд спецпереселенцев, а с 1931 г. отряда тылоополченцев – невоенного формирования из представителей раскулаченного зажиточного крестьянства, лишенных избирательных прав и по закону 1925 г. вместо срочной службы в РККА служивших в тыловом ополчении. Социальное происхождение, действительно, во многом определяло отношение людей к советской власти, что и стало благодатной почвой для начинающегося в СССР периода репрессий.

В газете «Ленинский шахтер» начали появляться публичные отказы детей от родителей, такие как: «Я, Кокорина Мария Ефимовна, порываю всякую связь со своим отцом, Кокориным Ефимом Ивановичем, как с лишенцем»². В 1932 г. были случаи, когда Ленинская «райпятарка» принимала решение о выселении из города рабочих рудника, выявив, что они дети кулаков, расстрелянных за сотрудничество с колчаковским режимом. «Райпятарки» и «райтройки» начали работу в Кузбассе в мае 1931 г. в рамках выполнения постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б) на места были разосланы уполномоченные, под их руководством в районах были созданы пятерки, в которые входили председатель райиспокома, первый секретарь райкома ВКП(б), начальник районного ОГПУ. Их работа заключалась в выявлении и проверке кулацких хозяйств, разъяснении политики партии, проведении экспроприации и выселении кулаков, создании натурфондов³.

Все эти публикации были сделаны на фоне материалов об итогах первой пятилетки. Газета «Ленинский шахтер» сообщала: «одним из крупных успехов явилось создание второй угольно-металлургической базы Урало-Кузнецкого комбината, частью которого является город Ленинск-Кузнецкий»⁴, а в опубликованном в газете отчете горсовета отмечалось: «из жалкого поселка Советы превратили его в крупный промышленный район Кузбасса»⁵.

С 1933 г. в стране началась подготовка к массовой чистке комсомольских и партийных рядов для борьбы с «притаившимися классовыми врагами». В Ленинске-Кузнецком один

из первых ударов пришелся по городской комсомольской организации. В 1933 г. была «разоблачена группа классово чуждых элементов» из 9 человек, входившая в ее руководство. В их числе Чижов Валентин – заведующий орготделом городского комитета ВЛКСМ, член ВКП(б); Чижов Анатолий – член бюро горкома, секретарь комитета ВЛКСМ школы Горпромобуча, кандидат партии. Они, дети «крупного кустаря», обвинялись в том, что скрывали свое происхождение и занимались кустарничеством и спекуляцией в 1926–1930 гг., а также «протаскивали» кулаков в ряды комсомола. Оба были уволены, исключены из рядов ВЛКСМ и партии. В группу входили: Горохов – заведующий культпросом горкома ВЛКСМ, сын крестьянина, женатый на дочери священника, расстрелянного партизанами за сотрудничество с колчаковцами; В. Понамарев – член бюро горкома ВЛКСМ, секретарь ячейки ВЛКСМ на Емельяновской шахте, который скрывал, что он сын кулака, участвовавшего в 1930 г. в Уч-Пристанской банде. Все они отработали на своих местах по 2–3 года.

Уч-Пристанское восстание (Добытинский мятеж) началось в Бийском округе в марте 1930 г., когда райуполномоченный ОГПУ Ф. Г. Добытин освободил сидевших в камере райцентра «кулаков» и, захватив полторы сотни винтовок, собрал отряд около 400 человек. Были арестованы совпартработники, часть из них расстреляна⁶.

Секретарь Ленинск-Кузнецкого городского комитета ВКП(б) А. К. Мамончиков в 1933 г., сообщая об обстановке в городе секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, подробно описал данную ситуацию, признав вину партийной организации. Был проведен внеочередной пленум горкома ВЛКСМ, на котором сменили почти весь его рабочий состав, за исключением секретаря. Кроме этого, на шахте Емельяновской выявили еще 8 человек – детей кулаков и торговцев, работавших на производстве до вступления в комсомол 1–2 года. Некоторые из них обвинялись во вредительстве⁷.

Чистка коснулась и партийного руководства шахт, которое подверглось самым тяжким обвинениям. Газета «Ленинский шахтер» 21 сентября 1933 г. жестко требовала прекратить «разгул саботажа» на Ленинской шахте, обвинив партийное руководство шахты в отрыве от масс и потворстве саботажникам и антимеханизаторам⁸. Данные статьи резко контрастировали с публикациями о проведении Всекузбасского слета ударников-шахтеров, о развитии движения ударников как эталонного поведения шахтеров – строителей коммунизма⁹.

² Ленинский шахтер. 14.07.1931.

³ Докладная записка ПП ОГПУ по Запсибкраю руководству ОГПУ «Об итогах экспроприации и выселения кулачества Западно-Сибирского края» 5 июня 1931 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М.: РОССПЭН, 2006. Кн. 2. С. 355–375.

⁴ Ленинский шахтер. 08.01.1933.

⁵ Ленинский шахтер. 20.11.1934.

⁶ Ленинский шахтер. 11.08.1933.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 81, 82.

⁸ Ленинский шахтер. 21.09.1933.

⁹ Ленинский шахтер. 09.05.1933; Ленинский шахтер. 12.05.1933.

В 1934 г. начали подводиться первые итоги процесса чистки Западно-Сибирской партийной организации. В этом активно участвовал Ленинск-Кузнецкий горком ВКП(б). На собраниях городского партактива заслушивались доклады председателя комиссии по чистке. В газете публиковалась «хроника чистки». На 10 августа 1934 г. чистка была закончена в 106 первичных организациях. Прошли чистку 1204 члена и кандидата – 65,2 % от общего состава парторганизации. Были исключены из членов партии – 153 человека, переведены в кандидаты – 35 человек, исключены из кандидатов – 71 человек, переведены в сочувствующие – 49 человек. Чистка продолжалась в первичных партийных организациях ОГПУ, Горсовета, ОРСа, на шахтах Капитальная-2 и Журинка-3¹⁰.

В 1935 г. в ходе чистки партии были выявлены бывшие колчаковцы и белогвардейцы, скрывающие свое прошлое. Был «разоблачен» Авот – управляющий Ленинской шахты, который уже два раза, в 1930 г. и 1931 г., исключался из партии за срыв угодобычи. Ему вменяли в вину, что до 1923 г. он был латвийским подданным и пытался в 1923 г. выехать в Латвию, а в 1919 г. служил в колчаковской армии¹¹. В Кузбассе – регионе, развивающемся как один из передовых индустриальных центров СССР, преследование бывших белых в 1930-е гг. активизировалось в рамках реализации сталинской программы репрессий [20].

Необходимо отметить, что особый режим подозрительности по отношению к латышам, служившим в армии адмирала А. В. Колчака, не был лишен оснований. После падения советской власти в 1918 г. во многих населенных пунктах Сибири началось формирование добровольческих латышских полков (к январю 1919 г. в них состояло около 4 тыс. человек), которые находились в распоряжении командующего союзными войсками в Сибири генерала М. Жанена. В армии А. В. Колчака офицеры-латыши занимали должности командиров дивизий [21].

Ситуацию в Ленинске-Кузнецком осложняло то, что рудник постоянно не выполнял все более возрастающий план по добыче угля. Так, за две декады 1935 г. угольный долг стране вырос на 10 тыс. тонн. Среди хронически отстающих шахт были Емельяновская, шахта «А». В шахте 7 Ноября произошла тяжелая авария из-за очень плохого состояния электрохозяйства¹². 25 декабря на Ленинской шахте в результате аварии под обвалом лавы погибло 4 шахтера. Это позволяло с новой силой проводить чистку партийно-комсомольских кадров, обвиняя их в саботаже и вредительстве. Парторганизации шахт призывали быть бдительными к попыткам классово-враждебных элементов

затормозить стахановское движение и досрочное выполнение плана угодобычи.

Газета «Ленинский шахтер» отмечала, что Ленинский рудник в 1934 г. выполнил план угодобычи всего на 93 %. Наряду с объективными причинами (двухмесячным ремонтом, низкой производительностью труда, аварийностью и простоями) в статье содержался призыв: «Сломить саботаж в перестройке»¹³. В феврале 1936 г. на городской конференции ВЛКСМ работа горкома вновь была признана неудовлетворительной и полностью был обновлен его состав¹⁴.

После обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» на закрытом заседании горкома ВКП(б) 8 августа 1936 г. было принято постановление, в котором утверждалось, что увеличение количества аварий на механизмах (1050 случаев за полгода), слабый ход угодобычи (86 % за полгода) доказывают наличие «классово-враждебных элементов». Бюро горкома предложило всем секретарям парткомов, парторганов каждую аварию рассматривать так, чтобы в первую очередь разоблачить вредительство «классово-враждебных элементов». Все постановления горкома об авариях стали начинаться одинаково: «О ликвидации вредительства на шахте ...»¹⁵. Ситуация развивалась в рамках общего процесса наступления на бывшую оппозицию, сопровождающегося открытыми политическими процессами.

8 августа 1936 г. городская парторганизация разоблачила троцкиста Золотова, который покрывал и защищал осужденных ранее троцкистов Хорошко и Ежова. До этого Золотов и Ежов в горкоме партии доказывали нереальность газификации города, выступая против позиции инженера Б. Ф. Гиндлера, награжденного в 1935 г. орденом Трудового красного знамени за выдающиеся заслуги в организации безопасности труда горняков и за практическое осуществление идеи В. И. Ленина о газификации. По делу контрреволюционной троцкистской группы суд коллегии НКВД приговорил к разной мере ответственности 18 членов партии.

В декабре 1936 г. закончилось дело саботажников и вредителей на транспорте Ленинского рудника. Выездная сессия спецколлегии краевого суда 3 декабря 1936 г. в ДК г. Ленинска-Кузнецкого рассмотрела дело и приговорила к разной мере ответственности: заместителя начальника транспортного отдела РУ С. И. Шимко, дежурных по блокпосту В. Мамонтова, В. Богданова, Е. Водоватовского¹⁶.

¹⁰ Ленинский шахтер. 11.08.1934.

¹¹ Ленинский шахтер. 27.10.1935.

¹² Ленинский шахтер. 24.02.1935.

¹³ Ленинский шахтер. 01.01.1935; Ленинский шахтер. 24.02.1935.

¹⁴ Ленинский шахтер. 12.02.1936.

¹⁵ ТАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 92.

¹⁶ Ленинский шахтер. 02.12.1936. С. 4.

На декабрьской городской партконференции 1936 г. горком отчитался о разгроме «отдельных саботажников стахановского движения» и выявленного «контрреволюционного гнезда троцкистов-вредителей» во время проверки и обмена партийных документов. Было снято руководство шахты «Комсомолец», заменен ряд сотрудников шахт и рудоуправления. К концу 1936 г. в результате чистки городской партийной организации, которая насчитывала 1180 членов партии и 620 кандидатов, было выявлено 53 бывших белогвардейца и кулака, 5 троцкистов и зиновьевцев, 16 аферистов-кулаков, 24 политически и морально разложившихся, 15 прочих враждебных элементов, 11 нарушителей партийной и государственной дисциплины, т. е. примерно 10 % (124 человека) состава парторганизации¹⁷.

По итогам конференции было признано, что контрреволюционное гнездо троцкистов-вредителей, сидевших на шахтах, в рудоуправлении, было разоблачено и разгромлено. Эти процессы шли в рамках невиданной по своим масштабам кампании поиска и разоблачения «врагов народа».

Масштабы и жестокость репрессий все возрастали. Взрыв в Кемерове 23 сентября 1936 г. унес жизни 12 рабочих. Это стало поводом для выявления троцкистов, вредителей, диверсантов на рудниках Кузбасса. «Кемеровское дело» 1936 г. стало одним из самых масштабных в истории репрессий в Кузбассе. В ноябре 1936 г. в г. Новосибирске прошел процесс участников контрреволюционной троцкистско-диверсионной группы Западно-Сибирского края, в состав которой входила Кемеровская подпольная троцкистская организация¹⁸.

Передовица газеты «Правда» от 26 ноября 1936 г., перепечатанная в газете «Ленинский шахтер», заявляла: «Трудящиеся Ленинские требуют расстрела врагов народа. Никакой пощады!»¹⁹.

«Большой террор» 1937–1938 гг.

1 января 1937 г. руководители Западно-Сибирского края Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинский направили в город ответственную телеграмму с поздравлениями и призывом добиться в 1937 г. выполнения годового плана. Положение дел в Ленинске-Кузнецком находилось под пристальным вниманием краевого руководства. Уже 13 января 1937 г. в город прибыл лично первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, который на заседании бюро горкома вскрыл вредительскую работу управляющего шахтой им. Кирова Р. С. Шахновича и разоблачил его как

троцкистского диверсанта²⁰. Постановлением бюро горкома ВКП(б) Р. С. Шахнович был лишен работы и исключен из партии за срыв выполнения годового плана угледобычи (было «недодано» стране 300 тыс. тонн угля), организацию на шахте троцкистами Ольвовским, Сикоро, Бушиным вредительства, «дезорганизирующего» работу механизмов, саботаж техники безопасности, приведший к большому числу несчастных случаев. Были проведены перевыборы парткомитета шахты, освобожден от должности секретарь парткомитета Лобастов²¹.

Роль Р. И. Эйхе в организации репрессий в Западной Сибири, в том числе в Кузбассе, чрезвычайно велика: в августе 1937 г. он был членом «тройки» УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Позже он стал жертвой репрессий: в 1937 г. после назначения наркомом земледелия СССР обвинен в троцкизме и арестован 29 апреля 1938 г. Суд приговорил его как «врага народа» к расстрелу 2 февраля 1940 г. (реабилитирован в 1956 г.) [13, с. 18–20, 170–173, 187; 22].

26 января 1937 г. бюро горкома партии отметило недопустимую медлительность при ликвидации последствий вредительства на шахтах Журилка-3, Комсомолец, 7 ноября, шахте им. Кирова, шахте «А». Управляющие шахт и секретари парткомов обязались в трехдневный срок составить планы мероприятий по ликвидации последствий вредительства²².

На шахте Комсомолец 9 июля 1937 г. произошел обвал главного подъема, из-за чего она не работала до 17 августа. Управляющий шахтой Кузнецов был объявлен подсобником классово враждебных элементов, орудовавших на шахте²³. В газете «Ленинский шахтер» прозвучала критика управляющего шахтой им. Кирова Ильина и главного инженера Шеховцева, начальника 4 участка шахты Комсомолец Кириллова, дела которых рассматривались на заседаниях президиума горсовета²⁴.

Осенью 1937 г. исключения из партии и репрессии в Кузбассе усилились [9, с. 13]. Р. И. Эйхе разослал телеграмму всем секретарям горкомов и парткомов шахт, управляющим трестами и шахтами Кузбасса, требуя покончить с позорным прорывом в Кузбассе²⁵. Необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, авральное введение новых шахт, постоянное повышение планов угледобычи, механизация шахт, с другой – некачественность и текучка кадров, отсутствие системы обучения работы на новых машинах неизбежно вели к увеличению

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.

¹⁸ Ленинский шахтер. 21.11.1936. С. 2–3.

¹⁹ Ленинский шахтер. 23.11.1936.

²⁰ Ленинский шахтер. 15.01.1937.

²¹ Ленинский шахтер. 17.01.1937. С. 3; ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

²² ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

²³ Ленинский шахтер. 24.08.1937. С. 3.

²⁴ Ленинский шахтер. 14.09.1937. С. 3; ГАКО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 32. Л. 204.

²⁵ Ленинский шахтер. 21.08.1937. С. 1.

количества аварий на шахтах Кузбасса. Только за 1937 г. на шахтах Ленинского рудника произошло 14 серьезных аварий. Газета писала, что в стахановском движении, которое с ноября 1935 г. приобрело массовый характер, к концу второй пятилетки отмечается даже его полное затухание на некоторых рудниках, объясняя это происками «врагов народа» [7, с. 164–165].

За срыв уголедобычи был проведен показательный процесс над контрреволюционерами и саботажниками: управляющим шахтой «А» Петром Леонтьевичем Ивановым и главным механиком Николаем Андреевичем Зайцевым. 26 июля 1937 г. П. А. Иванова сняли с работы и исключили из партии за связь и принадлежность к группе троцкистов-диверсантов и японско-германский шпионаж в Кузбассе, бытовую и идейную связь с троцкистами-диверсантами из треста «Кузбассугольстрой» Н. И. Мураловым, А. А. Шестовым, Н. И. Носковым и др., а также скрывание социального происхождения (из «крепко-зажиточных крестьян»). Приговор был вынесен 4–8 сентября 1937 г. на выездной сессии спецколлегии Запсибкрайсуда. Н. А. Зайцев по ст. 58-14 УК РСФСР получил 10 лет в исправительном лагере с поражением в правах на 5 лет после отбывания наказания, П. А. Иванов – расстрел²⁶. По ст. 58-14 УК РСФСР люди осуждались за контрреволюционный саботаж: сознательное неисполнение обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. В декабре 1937 г. газета «Ленинский шахтер» призвала «до конца уничтожить вражеское гнездо в тресте "Ленинуголь"»²⁷.

Были репрессированы первый секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП(б) П. Г. Осипов и управляющий трестом «Ленинуголь» Кротов. Петр Гаврилович Осипов, работавший на должности первого секретаря с февраля 1935 г., 21 августа 1937 г. был снят с работы и исключен из партии с формулировкой: «За саботаж указаний Центрального Комитета и крайкома партии о ликвидации последствий вредительства на руднике, за срыв выполнения плана уголедобычи и покровительство врагам народа»²⁸. 27 октября 1937 г. военная коллегия Верховного Суда СССР по статьям 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР приговорила П. Г. Осипова к высшей мере наказания – расстрелу. Основным было обвинение в участии с 1934 г. в правотроцкистской диверсионно-вредительской группе, действовавшей в Западно-Сибирском крае, организации в Ленинске-Кузнецком группы из 7 человек для диверсионно-вредительской работы. 25 января 1958 г. военная коллегия Верховного Суда СССР приговор 1937 г.

в отношении П. Г. Осипова отменила и дело было прекращено за отсутствием состава преступления²⁹.

Репрессии 1937–1938 гг. коснулись не только партийного руководства и руководства шахт, но и рядовых граждан буквально во всех сферах жизнедеятельности города. Репрессии ужесточались и в других шахтерских городах Кузбасса [1, с. 180–238]. В 1937 г. большая группа иностранных рабочих, приехавших с Украины, из Польши, Литвы, Канады, США, была осуждена как агенты иностранных разведок и националистических организаций за создание «контрреволюционных диверсионных групп» на шахтах Ленинского рудника [1, с. 187–196].

По делу С. В. Попова прошли 99 человек, в основном из семей раскулаченных, обвиненных в создании шпионско-диверсионной сети на шахтах Кузбасса. В перечень обвинений руководителю сети С. В. Попову была включена кража из Ленинск-Кузнецкого горсовета сведений о городском водопроводе, плана шахты Журинка-3 [1, с. 196–200].

В сентябре 1937 г. спецкомиссия краевого суда вынесла приговор контрреволюционной вредительской группе Ленинск-Кузнецкого «Заготзерно». Управляющий Ленинским пунктом «Заготзерно» Г. В. Мухаметдинов (Мухамеджинов), директор элеватора Н. А. Крыжецкий (Крижицкий), бухгалтер заготпункта А. А. Бочаров, заведующий заготпунктом Г. П. Ильин были приговорены к расстрелу³⁰. Запсиб ТАСС сообщил: «Этот справедливый приговор трудящимися Ленинска встречен с огромным удовлетворением»³¹. Отметим, что, помимо Ленинск-Кузнецкого, открытые процессы над руководителями и служащими – «вредителями сельского хозяйства» – проходили в Рубцовском, Уч-Пристанском пунктах «Заготзерно», колхозах Барабинского, Венгеровского, Ояшинского, Искитимского, Купинского, Чановского районов. Было возрождено дело «Трудовой Крестьянской партии», по которому на территории Западно-Сибирского края к декабрю 1937 г. арестовали 1400 человек.

Были репрессированы многие сотрудники горкома партии и горсовета, ответственные за конкретные участки работы: здравоохранение, просвещение, строительство, финансы. Сняты с работы и исключены из партии заведующий горно Лопатин и директора нескольких школ³². 3 августа 1937 г. на заседании бюро горкома партии по итогам работы школ города в 1936–1937 гг. было отмечено разоблачение вредительской группы, которой наряду с моральным разложением и уголовными преступлениями вменялось то, что 20 % учащихся города были оставлены на второй год или получили переэкзаменовку

²⁶ Ленинский шахтер. 08.09.1937. С. 2–3; Ленинский шахтер. 09.09.1937. С. 2–3; ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.

²⁷ Ленинский шахтер. 03.12.1937. С. 2.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

²⁹ Там же. Л. 99.

³⁰ Ленинский шахтер. 20.09.1937. С. 2; Ленинский шахтер. 02.10.1937. С. 2.

³¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

³² Ленинский шахтер. 12.06.1937. С. 3.

на осень. Перед новым составом горно и отделом школ горкома была поставлена задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вредительской работы на участке народного просвещения»³³.

31 октября 1937 г. за вражескую работу и развал здравоохранения был исключен из партии с передачей дела органам НКВД зав. горздравотделом Н. И. Турчин, затем зав. горфинотделом С. И. Баданов.

Управляющий стройконторой «Кузбассшахтострой», председатель промышленной секции горсовета Ф. И. Дынько (арестован 29 апреля 1937 г., осужден 20 января 1938 г.), главный инженер стройконторы «Кузбассшахтострой» Бейтин и ряд других лиц были обвинены в срыве строительства банно-прачечного комбината и кинотеатра, чтобы «вызвать недовольство рабочих срывом». Они были разоблачены как враги народа и «изъяты»³⁴ [12, с. 154].

К началу 1938 г. в Кузбассе количество специалистов – жертв массовых репрессий – исчислялось сотнями, особенно пострадали управленческие кадры угольной промышленности [22]. Массовые репрессии напрямую отражались на невыполнении плана угледобычи и углублении производственных проблем. Только за 1938 г. было заменено 70 % руководящих работников трестов и шахт, а на их место выдвинуто 500 человек, из них 50 % стахановцев, менее технически грамотных и не имеющих опыта управления [7, с. 159; 8, с. 146]. Судебные процессы шли непрерывно и «Ленинский шахтер» в начале 1938 г. пестрел материалами о ликвидации вражеских гнезд на мясокомбинате, стройконторе «Кузбассшахтострой», торговой сети Кузбасторга³⁵.

22–25 февраля 1938 г. выездная комиссия краевого суда завершила процесс над вредителями, орудовавшими на Ленинско-Кузнецком хлебозаводе: бывшим директором Цветковым и зав. производством Гандюком. Цветков получил 15 лет тюрьмы, Гандюк – 8 лет с конфискацией имущества и 5 лет поражения в правах после отбывания срока³⁶.

На фоне репрессий особенно контрастным выглядело выдвижение от Ленинско-Кузнецкого избирательного округа начальника областного управления НКВД Г. Ф. Горбача в Верховный Совет СССР в 1937 г. и майора Г. Б. И. А. Мальцева, начальника управления НКВД по Новосибирской области – в Верховный Совет РСФСР в 1938 г.³⁷

Начало борьбы «с грубыми нарушениями социалистической законности» 1938 г. Репрессии в органах НКВД
Репрессии не обошли стороной сотрудников НКВД. В 1932–1936 гг. сменилось шесть руководителей горотдела НКВД – «за пьянство и служебные проступки». С ноября

1936 г. по февраль 1938 г. городским НКВД руководил Иван Федорович Золотарь, который был арестован в 1938 г. за целый ряд должностных преступлений: незаконные аресты сотен людей, конвоирование арестованных днем в баню в открытой машине, что позволяло родственникам общаться с ними, избивание сотрудников горотдела, арест двух милиционеров, интимная связь с сотрудницами и др. И. Ф. Золотарь был осужден на 5 лет заключения. Под его руководством в рамках «немецкой операции» были созданы дела об агентах немецкой разведки (125 человек) и троцкистской группы в Ленинске-Кузнецком. На сайте «Таловская трагедия» (расследование сталинских репрессий в Тайгинском районе Западно-Сибирского края 1920–1953 гг.) размещена биография И. Ф. Золотаря, фотокопии приговора военного трибунала Западного округа пограничных и внутренних войск НКВД от 13 октября 1938 г., обвинительное заключение по делу П-3792 УФСБ по Кемеровской области (т. 8 арх. П-3792 т. 2, л. 167–172, 238–239, 261), личное дело И. Ф. Золотаря 1936 г., переписка по делу и другие документы. Необычна его дальнейшая биография. В феврале 1938 г. – январе 1942 г. он был заключенным Мариинского ИТЛ НСО, затем освобожден по особому ходатайству наркома НКВД Л. П. Берии. С января 1942 г. по март 1942 г. состоял в резерве НКВД СССР в Москве, с марта 1942 г. по июль 1944 г. – командир партизанского отряда в Ленинградской, Минской и Вилейской областях, с июля 1944 г. по март 1945 г. – командир соединения партизанских отрядов в Польше и Чехословакии, с апреля 1945 г. продолжил служить в МГБ СССР, в 1948 г. вышел на пенсию, умер в 1981 г. И. Ф. Золотарь – автор книги для подростков «Записки десантника» (1955)³⁸.

17 ноября 1938 г. вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором осуждались грубые нарушения социалистической законности в ходе ликвидации право-троцкистских элементов. 26 ноября были упразднены внесудебные органы – «тройки», 6 декабря 1938 г. освобожден от обязанностей наркома НКВД Н. И. Ежов.

Сразу после ноябрьского постановления были арестованы 1-й секретарь Новосибирского обкома партии И. И. Алексеев и начальник УНКВД Западно-Сибирского края, начальник УНКВД Новосибирской области в 1937–1938 гг., старший майор Г. Б. (22 августа 1937 г.) Г. Ф. Горбач, входивший в состав особых троек НКВД СССР. Последний, обвиненный в участии «в заговоре в НКВД и подготовке государственного переворота», был уволен из НКВД в 1938 г. и расстрелян 7 марта 1939 г., впоследствии не реабилитирован. Позже был репрессирован сменивший его на посту руководителя областного УНКВД И. А. Мальцев.

³³ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.

³⁴ Ленинский шахтер. 23.12.1937. С. 4.

³⁵ Ленинский шахтер. 09.01.1938. С. 4; Ленинский шахтер. 12.01.1938. С. 4; Ленинский шахтер. 06.02.1938. С. 3.

³⁶ Ленинский шахтер. 27.02.1937. С. 2.

³⁷ Ленинский шахтер. 04.10.1937. С. 2; Ленинский шахтер. 11.06.1938. С. 1.

³⁸ Золотарь Иван Федорович // Таловская трагедия. Режим доступа: <https://myisk.net/золотарь-иван-федорович/> (дата обращения: 18.01.2020).

Городской отдел НКВД Ленинска-Кузнецкого на протяжении 1930-х гг. был одним из лучших в ведомственном соревновании и славился громкими масштабными делами, например, раскрытием «националистической контрреволюционной банды» из 450 человек польских и украинских спецпереселенцев. Чекисты горотдела не всегда успевали даже зарывать трупы жертв после исполнения приговора на месте. Бывший начальник областного УНКВД Г. Ф. Горбач на допросе указал на случай, когда на второй день после расстрела гражданское население обнаружило трупы [23].

Еще в январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) осудил карьеристов, выдвинувшихся на чистке партийных рядов, и решил привлечь к ответственности виновных в клевете на коммунистов. Начался процесс рассмотрения апелляций лиц, ранее исключенных из партии, маховик репрессий начал замедляться. К апрелю 1938 г. Ленинск-Кузнецкий горком ВКП(б) партии восстановил в партии более 60 % ранее исключенных коммунистов [9, с. 13].

Небольшое смягчение ситуации наглядно видно на деле второго секретаря горкома Григория Вениаминовича Ганкина. 11 мая 1938 г. бюро горкома первый раз слушало его дело о не проявлении активности в разоблачении «врагов народа»: директора шахты им. Кирова Р. С. Шахновича, управляющего стройконторой «Кузбасшахтостроя» Ф. И. Дынко, зав. отделом агитации и пропаганды Киселева, начальника «Кузбассторга» Маевского, директора и главного механика шахты «А» П. А. Иванова и Н. А. Зайцева, секретаря горкома партии П. Г. Осипова. Ему вменялось в вину то, что по его указанию арестованных многократно водили в баню днем, а их родственники по пути их следования устраивали демонстрации и проводили контрреволюционную деятельность. За пособничество «врагам народа» он был снят с работы, получив выговор с предупреждением и занесением в личное дело. В мае, после пересмотра дела, его исключили из партии. 22 сентября 1938 г. он был арестован с обвинением по ст. 58-7 УК РСФСР, но 28 декабря 1939 г. освобожден. 3 января 1940 г. бюро Ленинск-Кузнецкого горкома партии рассмотрело его апелляцию и сделало вывод, что Г. В. Ганкин совершил ошибку, проявив чрезмерное доверие И. Ф. Золотарю, который фактически взял руководство горкомом в свои руки, о чем Г. В. Ганкин не информировал обком партии. Бюро постановило отменить решение от 21 мая 1938 г. об исключении и восстановить Г. В. Ганкина в партии, после чего тот по семейным обстоятельствам отбыл в Москву. Так относительно благополучно закончилось дело второго секретаря Ленинск-Кузнецкого горкома партии³⁹.

На 6-й городской партконференции, прошедшей в мае 1938 г., были подведены итоги борьбы с «врагами народа» в Ленинске-Кузнецком. В своем докладе исполняющий обязанности секретаря горкома ВКП(б) М. П. Творогов

критиковал недостаточную ликвидацию последствий вредительства в стройконторе, тресте «Ленинуголь», на шахтах им. Кирова, Журинка-3, в совхозе 208, гороно. Он подчеркивал, что враги пытались развалить парторганизацию, вывести из строя шахты (7 ноября, Пионерку) путем затопления водой, загазовывания участков. Кулаки параллельно действовали на селе. Отмечалось, что только в парторганизации горздрава за 1937 г. пришлось сменить 5 секретарей парткома. Поднимался вопрос о медленной ликвидации последствий вредительской работы⁴⁰.

В резолюции от 27 мая 6-й партконференции отмечалось: «В результате низкого уровня революционной бдительности могло иметь место такое засорение горкома ВКП(б) врагами народа (Осиповым, Ганкиным) и их пособниками (Золотарь, Кудряшев), а также аппарата горкома враждебными (Шепелевич) и политически непроверенными людьми (Бакарин, Фомченко, Соловьева) и только поэтому выкорчевывание врагов народа, шпионов, диверсантов и их пособников проходило медленно и с большими потугами»⁴¹.

Процесс по осуждению перегибов и злоупотреблений во время чистки партии, инициируемый январским Пленумом ЦК ВКП(б), с опозданием, но начался в Ленинске-Кузнецком. В газете «Правда» 7 июня 1938 г. была размещена статья «За что коммунисты критиковали горком», перепечатанная затем в «Ленинском шахтере». В ней говорилось, что Ленинский рудник мог стать гордостью Кузбасса. Он механизирован и активно развивает стахановское движение, но план угледобычи не выполняет. За 4 месяца рудник недодал стране 63 тыс. тонн угля. Статья содержала резкую критику секретаря горкома ВКП(б) М. П. Творогова: «заперся в кабинете», к нему не могут попасть не только простые люди, но и директора шахт. Горком обвинили в плохой подготовке партконференции: мало поднимались проблемы шахт, шел зажим критики, не остановлен «разгул перестраховщиков». В клевете была прямо обвинена редакция городской газеты: «Перестраховщики задержали городскую организацию, посеяли всеобщую подозрительность. Особенно усердствовала редакция газеты "Ленинский шахтер", оклеветавшая многих большевиков»⁴². Это еще одно подтверждение того, что редакция газеты своей «активной» борьбой с вредительством и «врагами народа» выделялась даже на союзном уровне.

7 сентября 1938 г. горком партии, заслушав доклады управляющих шахтами 7 ноября и «А», отметил, что, несмотря на значительную работу, результат ликвидации последствий вредительства на шахте все еще неудовлетворителен. Работа часто носила формальный характер, что привело к невыполнению производственного плана. Но репрессивных мер, обязательно следовавших бы еще

³⁹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 101, 102.

⁴⁰ Ленинский шахтер. 29.05.1938. С. 2; Ленинский шахтер. 30.05.1938. С. 3–6.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 101.

⁴² За что коммунисты критиковали горком // Правда. 07.06.1938. № 155. С. 3; За что коммунисты критиковали горком // Ленинский шахтер. 14.06.1938. С. 2.

год назад, не было. Масштабные репрессии против руководства шахт и партийных органов прекратились. Они были одним из способов оправдания недостатков в работе промышленности, возникших в конце второй пятилетки, и, возможно, рычагом воздействия на вновь назначаемых руководителей в условиях отсутствия цивилизованных социально-экономических механизмов. К концу пятилетки в Кузбассе резко замедлились темпы строительства новых мощностей по добыче угля: в 1938 г. из выделенных средств было освоено только 40 % [9, с. 16].

«Дело детей»

«Дело детей» получило широкий резонанс не только в Новосибирской области, но и в стране. Оно стало переломным в городской истории репрессий 1930-х гг. и из-за того, что процесс борьбы с «врагами народа» прошел пик своей активности, и потому, что в результате были привлечены к уголовной ответственности сотрудники городского НКВД, приводившие механизм репрессий в действие. Массовые процессы против сотрудников НКВД шли в 1938–1939 гг. по всей стране, но в основном они были засекречены, чтобы не дискредитировать власть. Суд по «делу детей» был практически единственным открытым процессом над сотрудниками НКВД [24].

«Дело детей», наряду с другими громкими делами, начал «активно» руководивший с февраля по декабрь 1938 г. Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД 35-летний А. Г. Луньков, удостоенный в мае 1938 г. высшей ведомственной награды – знака почетного чекиста. Рост преступности среди школьников города стал отправной точкой для фабрикации дела о «детской контрреволюционной фашистской организации» из детей и подростков, в основном из семей репрессированных. По делу проходило около 160 детей, около 60 из них в возрасте от 10 до 12 лет. Основой для дела стали неблагополучная ситуация в школах города, хулиганство, участвовавшие случаи избивания пионеров и комсомольцев, в том числе с ножевыми ранениями. По делу проходили четыре группы детей: 1) 25 учеников 4–6 классов школ № 2, 3, 4 во главе с 14-летним А. Г. Курбатовым, сыном репрессированного «врага народа», исключенного из школы за хулиганство; 2) 20 учеников 6–8 классов школ № 10, 11, которыми руководил 12-летний Паршин-Соколов, исключенный из школы за хулиганство и создавший в квартире притон; 3) 10 учеников школы № 2 и школы Горпромуча под руководством 17-летнего ученика школы Горпромуча Ф. П. Шутова; 4) 10 учеников 7–10 классов без установленного руководителя. Первой группе вменялась в вину попытка срыва праздника 1 мая: дети срывали лозунги, рвали портреты вождей ВКП(б), избивали школьников за то, что те хотели идти на демонстрацию, за их членство в пионерской и комсомольской организациях. Среди

обвинений присутствовало рисование карикатур на Сталина и вождей партии.

Начальник Новосибирского областного УНКВД Г. Ф. Горбач поддержал инициативу. По делу было арестовано 17 школьников от 12 до 16 лет, которые провели в тюрьме по 6–8 месяцев. Горком ВКП(б) ходатайствовал перед обкомом партии о проведении открытого показательного процесса. Было решено предать суду 11 человек, в том числе 7 несовершеннолетних. Остальные дела продолжали разрабатываться [23; 25; 26, с. 166].

Информация о громком деле дошла до Москвы и совпала с решением руководства СССР в ноябре 1938 г. провести чистку в рядах НКВД в связи со злостными нарушениями социалистической законности. В ходе допросов арестованные дети отказались от ранее данных признательных показаний, были выявлены незаконные методы проведения допросов: дети сидели вместе с уголовниками и политическими в общих камерах, часть была отправлена в тюрьму другого города, допросы проводились ночью без присутствия родителей и педагогов⁴³. Газета «Советская Сибирь» уточняла, что в документах следствия и сообщениях в вышестоящие органы возраст детей не указывался. А. Г. Луньков на суде признал, что дело было сфабриковано. А. И. Белоусов также признал, что дети не понимали вопросов на допросе и не было никаких материалов, позволяющих квалифицировать их деятельность как фашистскую террористическую повстанческую организацию. Вышестоящие органы вводились в заблуждение. Прокурор Р. М. Клипп, не имея на это права, давал санкции на арест, не знакомясь с материалами дела, делал справки о том, что преступники изобличены в контрреволюционной деятельности⁴⁴. Обнаруженные у детей перочинные ножи рассматривались как отягчающие обстоятельства по статье 58-8 УК РСФСР⁴⁵.

27 декабря 1938 г. бюро обкома ВКП(б) осудило чекистов, имевших отношение к «детскому делу». Они были исключены из партии и отданы под суд. Верховный прокурор СССР А. Я. Вышинский запиской ознакомил И. В. Сталина о нарушениях, совершенных Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД. На следующий день И. В. Сталин наложил резолюцию: «Необходим открытый суд над виновниками». Начальник областного УНКВД И. А. Мальцев, тормозивший ход расследования, был арестован 25 января 1939 г. Спустя неделю был взят под стражу начальник горотдела НКВД А. Г. Луньков.

Военная прокуратура пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа на рассмотрение Военного трибунала передала дело бывших начальника городского отдела НКВД А. Г. Лунькова, начальника секретно-политического отделения городского отдела НКВД А. И. Савкина, оперуполномоченного и основного следователя по делу А. И. Белоусова и исполняющего

⁴³ Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Советская Сибирь. 22.01.1939. № 43. С. 4.

обязанности прокурора города Р. М. Клиппа. Первых трех обвинили по ст. 193-17а, последнего – по ст. 109 УК РСФСР за грубейшие нарушения социалистической законности при ведении следствия. Процесс был открытым и состоялся 20–22 февраля в клубе им. Ф. Э. Дзержинского г. Новосибирска⁴⁶.

Газета «Советская Сибирь» в трех февральских номерах 1939 г. печатала крупные по объему материалы судебного заседания и протокол судебного заключения. Информация была напечатана в газете «Ленинский шахтер»⁴⁷. В материалах «Советской Сибирь» из-за оперативности публикации содержались и неточности. В номере от 22 февраля сообщалось о 12-летнем школьнике В. Логунове, обвиненном следователем А. И. Савкиным в создании антисоветской организации, в терроре педагогов и пионеров и в том, что он начал вербовку других членов организации в девятилетнем возрасте в 1935 г.⁴⁸ В следующем номере газеты, очевидно, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуации, в пример приводился 10-летний Володя, который в тюрьме после многодневных допросов сознался следователю А. И. Белоусову, что не только состоял, но и возглавлял «фашистскую контрреволюционную террористическую организацию». Причем вербовочную деятельность начал в 1935 г. – в 7-летнем возрасте⁴⁹.

На предварительном и судебном следствии обвиняемые сознались, что стараясь подвести дело под 58 статью, обвиняли детей 10–12 лет в тягчайших контрреволюционных преступлениях. По мнению суда, все это сыграло на руку врагам народа. Их деятельность была охарактеризована как преступление против советских детей и нарушение социалистической законности⁵⁰. Несмотря на свидетельства А. И. Солженицына и других жертв массовых репрессий об осуждении по «закону 1931» детей с 12 лет по политическим делам, в ходе судебного заседания обвиняемые не раз признали, что неверно трактовали постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁵¹, которое не предусматривало привлечение несовершеннолетних к суду и наказанию (вплоть до расстрела) по политическим делам [27, с. 361–379].

Трибунал Сибвoenокруга приговорил А. Г. Лунькова к 7 годам, А. И. Савкина – к 10 годам, А. И. Белоусова и Р. М. Клиппа – к 5 годам заключения без поражения в правах с лишением присвоенных званий. Все лица были обвинены в дискредитации органов НКВД, в контрреволюционной деятельности и по ст. 193-17а, 182 и 113 УК РСФСР. Многие высокопоставленные сотрудники областных НКВД и прокуратуры получили строгие взыскания или были уволены.

По-разному сложились судьбы людей, которые сначала являлись частью механизма репрессий, а потом были репрессированы сами. Освобождение чекистов из мест заключения началось по указам Президиума Верховного Совета СССР в 1941–1942 гг. с последующей отправкой на фронт. Известно, что И. Ф. Золотарь, А. Г. Луньков и А. И. Савкин были освобождены и воевали на фронтах Великой Отечественной войны. А. Г. Луньков, воевавший в разведательно-диверсионном подразделении, был удостоен наград, а после войны восстановлен в партии и служил в Томском горотделе НКГБ [23; 28].

Заключение

Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком имели более острый характер, чем в большинстве населенных пунктов Кузбасса. Это во многом было связано с отсутствием иных механизмов решения сложных задач индустриального развития и выполнения высоких планов угледобычи, быстрорастущим населением города за счет категорий, попадающих под характеристику «враги народа», установками горотдела НКВД быть лучшими в Западно-Сибирском крае. В «Ленинском шахтере» регулярно публиковались материалы о вредительстве и диверсиях на шахтах, партийных чистках, судебных процессах и неотвратимом наказании виновных. В газете содержались призывы к продолжению жестких чисток и борьбе с вредительством, отказы детей от родителей, обвинения партийного руководства и руководства рудников и шахт в отрыве от масс и потворстве саботажникам, публикация «хроники» чистки Западно-Сибирской партийной организации 1934 г., требования расстрела «врагов народа» и уничтожения до конца «вражеского гнезда» в Ленинске-Кузнецком. «Ленинский шахтер» служит примером того, как с помощью периодической печати шла манипуляция общественным сознанием: жизнь людей была пропитана идеологическими штампами, идеей борьбы с «врагами народа».

Безусловно, в публикациях газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь» в 1930-е гг. события, связанные с репрессиями, описывались с позиции правящей партии. По сути, газеты выступали средством расправы над инакомыслием, они выявляли «врагов народа» и «вредителей», обвиняли людей, оправдывали репрессии и даже становились инициаторами арестов. При помощи газет в обществе формировалась атмосфера «осажденной крепости»: вокруг враги и все неудачи индустриального строительства, аварии происходят только по вине «врагов народа», а не из-за ошибок руководства или по другим причинам.

⁴⁶ Советская Сибирь. 17.02.1939. № 39. С. 4.

⁴⁷ Ленинский шахтер. 26.02.1939.

⁴⁸ Советская Сибирь. 22.02.1939. № 43. С. 4.

⁴⁹ Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁵⁰ Советская Сибирь. 21.02.1939. № 42. С. 4; Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁵¹ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 № 3/598 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 08.04.1935. № 81.

Материалы газет значительно расширяют круг достоверных знаний о деятельности сталинского руководства, о репрессиях, их причинах и последствиях. Они позволяют глубже понять механизмы, масштабы массового террора.

Газета «Ленинский шахтер» описывала репрессии как естественный процесс реализации политики советского государства на региональном уровне, мобилизующий советских граждан на решение задач строительства нового общества. Изучение репрессий в Ленинске-Кузнецком на основе материалов газет показало, что данный вид источников помогает уточнить причины и особенности ужесточения репрессивной политики государства на пути построения социализма, сущность процесса активизации массовых репрессий и его проявлений в Кузбассе в 1930-е гг.; охарактеризовать непосредственных исполнителей и репрессированных, подтвердить особую роль партийного руководства и НКВД в осуществлении репрессий; описать динамику репрессий и их особенности в Ленинске-Кузнецком и Кузбассе; подтвердить причины и охарактеризовать условия цикличности деятельности партийно-советских и правоохранительных органов в проведении репрессий в 1930-е гг.

Прежде всего репрессии были направлены на представителей отдельных социальных групп – потенциальных противников режима: бывших белых и колчаковских офицеров, раскулаченных, представителей национальных меньшинств, «старых» специалистов, духовенства, политических оппонентов большевиков из числа иных политических партий и движений. Представители указанных групп активно использовались в решении задач индустриализации и выполнении плана первых пятилеток на шахтах Кузбасса, поэтому репрессивный механизм был неотъемлемой частью социально-экономического и политического развития региона при отсутствии иных механизмов мобилизации и повышения мотивации населения. Публикации газет подтверждают, что побочным эффектом репрессий стало уничтожение наиболее образованной и дееспособной части населения и, что особенно отразилось на замедлении темпов индустриального развития региона, инженерно-технических кадров. Информация о борьбе с вредительством и «врагами народа», чистках, наказании виновных содержалась в материалах различных жанров: информационного (заметки, репортажи, отчеты, хроники), аналитического (статьи, письма, обозрения), художественно-публицистического (фельетоны, очерки).

Литература

1. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
2. Генина Е. С. Исторические этапы идеологизации населения Кузбасса в 20-е – начале 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 26 с.
3. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 54 с.

Количество и событийная насыщенность материалов газет о репрессиях опровергает мнение о том, что от простых граждан скрывали правду и они не знали о проводимых репрессиях и их масштабах. Вызывает сомнения точка зрения, что данная информация в местных газетах печаталась из-за того, что партийные «цензоры» низшего звена не всегда могли откорректировать материал в «правильном» направлении по причине малограмотности и неопытности.

Требует дополнительного изучения ситуация 1938–1939 гг. Признание ошибок было умелым манипулированием для предотвращения социального взрыва и было направлено на ограничение дошедшей до абсурда борьбы с врагами народа на местах. В конечном итоге вину возложили на местные партийные и государственные органы власти, отделы НКВД, редакции местных газет. Руководство партии выступило верховным судьей: оно, вскрыв и признав ошибки, наказало виновных за то, что нарушением социалистической законности они отвлекали общество от борьбы с настоящими врагами народа, чем дискредитировали власть и замедлили темпы развития советского общества.

Осуждение перегибов и злоупотреблений проходило открыто, но дозированно. Например, в статье «За что коммунисты критиковали горком» газеты «Ленинский шахтер» (перепечатана из газеты «Правда») ее же редакция была обвинена в разжигании всеобщей подозрительности, перестраховке и в клевете на многих большевиков⁵². Суд над сотрудниками НКВД и прокуратуры по «делу детей» также достоверно освещался в газетах «Советская Сибирь» и «Ленинский шахтер».

Для восстановления полной картины репрессий в отдельно взятом городе или районе одних только материалов местных газет недостаточно в силу указанных выше причин – это требует привлечения широкого комплекса источников по проблеме. Но публикации газет позволяют увязать репрессии с повседневной жизнью города и другими событиями, синхронизировать и лучше понять взаимовлияние и взаимосвязь событий в различных сферах жизни города и региона, выявить информацию, отсутствующую в других источниках. Изучение материалов периодической печати необходимо и для дальнейшей работы по реабилитации жертв репрессий, которая активно началась в нашей стране с издания законов «О реабилитации репрессированных народов» в апреле 1991 г. и «О реабилитации жертв политических репрессий» в октябре 1991 г.

⁵² За что коммунисты критиковали горком ...

4. Бикметов Р. С. Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 30 с.
5. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011. 604 с.
6. Мить А. А. Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря (1942–1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. 25 с.
7. Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. 341 с.
8. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996 / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.
9. Савельев В. Е., Редькин П. К., Шуранов Н. П. Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. 3: 1937–1985 гг. Кемерово: Кн. изд-во, 1985. 287 с.
10. Адаменко А. М., Баев О. В., Блинов А. В., Волчек В. А., Гизей Ю. Ю., Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю., Овчинников В. А., Усков И. Ю. Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории. Т. 1: 1759–1941. Новосибирск, 2013. 352 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области / сост. А. И. Гвоздкова. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1995. Т. 1. 247 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области / сост. А. И. Гвоздкова. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. Т. 2. 554 с.
13. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 439 с.
14. Уйманов В. Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампании по реабилитации репрессированных: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. 54 с.
15. Кузнецов И. Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с.
16. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ–НКВД–НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 27 с.
17. Видяева А. В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в периодической печати Мордовии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 25 с.
18. Дендиев К. Г. Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы) // *Oriental Studies*. 2012. № 3. С. 25–28.
19. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917–1929. М.: Сов.-брит. изд-во «Интер-Версо», 1990. 206 с.
20. Генина Е. С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // *Белая гвардия* / гл. ред. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2001. Т. 5. С. 61–66.
21. Лоткин И. В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2012. 40 с.
22. Папков С. А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 1. С. 59–63. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63
23. Тепляков А. Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // *Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. мат-лов франко-российского семинара*. (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) Новосибирск: Наука, 2011. С. 141–154.
24. Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // *Минувшее*. 1997. Т. 21. С. 240–293.
25. Антонов Б. Заговор детей // *Разыскания*. 1992. Вып. 2/4. С. 69–75.
26. Историческая энциклопедия Кузбасса / науч. ред. А. Б. Негреев. Т. 1: А–К. Познань: Штама, 1996. 380 с.
27. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт худож. исслед. Кемерово: Кн. изд-во, 1990. Т. 2. 559 с.
28. Тепляков А. Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начале войны // *Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)*. Новосибирск: Наука-центр, 2004. С. 260–290.

The Great Purge of the 1930s in the Town of Leninsk-Kuznetskiy (Based on the Materials of the Newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir")

Vladislav A. Ovchinnikov^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ rpsib@rambler.ru

ID <http://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Received 17.04.2020. Accepted 07.05.2020.

Abstract: The research featured the repressions of the 1930s, or the Great Purge. The article focuses on the case of the town of Leninsk-Kuznetskiy. The study was based on materials obtained from the press of that time (newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir"), the State archive of the Kemerovo region, and scientific publications. The author highlighted the so-called Children's Case and the trial of NKVD officers. Both events occurred in 1939 and marked the end of the Great Terror of 1937–1938. The repressions that took place in Leninsk-Kuznetskiy proved more severe than in the rest of Kuzbass. The author proposes several reasons for that fact. First of all, the town failed to meet the goals of industrial development during the first five-year plans, and the plans for coal mining industry were impossible. Second, the town owed its rapid increase in population to the categories that later would be called "enemies of the people". Third, the local NKVD desperately wanted to become the best in the West Siberia. The fact that the purges received abundant media coverage disproves the popular opinion that average public did not know about the repressions. The author developed an approach to newspapers as a historical source on the history of the Great Purge. If one factors in the specifics of this source, archival newspapers can be a reliable source about the Great Terror and the mechanisms of public opinion formation. However, newspapers alone cannot restore the full picture of local repressions, which requires a wide range of sources.

Keywords: industrialization, Children's Case, Kuzbass, repression, local newspaper, the Great Terror

For citation: Ovchinnikov V. A. The Great Purge of the 1930s in the Town of Leninsk-Kuznetskiy (Based on the Materials of the Newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir"). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 340–353. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-340-353>

References

1. Gvozdikova L. I. *The history of repressions and the Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 516. (In Russ.)
2. Genina E. S. *The historical stages of the ideologization of the population of Kuzbass in the 1920s – early 1950s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1998, 26. (In Russ.)
3. Genina E. S. *Campaign to combat cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2009, 54. (In Russ.)
4. Bikmetov R. S. *Special contingent in the coal industry of Kuzbass in the 1930s – mid-1950s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2000, 30. (In Russ.)
5. Bikmetov R. S. *Use of the special contingent in creating and building up the economic potential of Kuzbass in the late 1920s – the second half of the 1950s*. Dr. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 604. (In Russ.)
6. Mit' A. A. *The number and composition of prisoners of the Siberian Forced Labor Camp (1942–1960)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1997, 25. (In Russ.)
7. Zabolotskaia K. A. *Coal industry of Siberia (late 1890s – early 1990s)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 341. (In Russ.)
8. *Coal industry of Kuzbass, 1721–1996*, ed. Zabolotskaia K. A. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1997, 301. (In Russ.)
9. Savelev V. E., Redkin P. K., Shuranov N. P. *Essays on the history of the party organization of Kuzbass. Pt. 3: 1937–1985*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1985, 287. (In Russ.)
10. Adamenko A. M., Baev O. V., Blinov A. V., Volchek V. A., Gizei Yu. Yu., Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Ovchinnikov V. A., Uskov I. Yu. *Leninsk-Kuznetsky. Pages of history. Vol. 1: 1759–1941*. Novosibirsk, 2013, 352. (In Russ.)
11. *The book of memory of victims of political repressions of the Kemerovo region*, comp. Gvozdikova L. I. Kemerovo: Poligrafkombinat, 1995, vol. 1, 247. (In Russ.)
12. *The book of memory of victims of political repressions of the Kemerovo region*, comp. Gvozdikova L. I. Kemerovo: Poligrafkombinat, 1996, vol. 2, 554. (In Russ.)
13. Papkov S. A. *Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 439. (In Russ.)

14. Uimanov V. N. *Mass repressions in Western Siberia (1919–1941) and campaigns for the rehabilitation of the repressed*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2013, 54. (In Russ.)
15. Kuznetsov I. N. *Massive repressions in Western Siberia in the 1930s and the rehabilitation of victims of terror*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1992, 19. (In Russ.)
16. Teplyakov A. G. *Bodies of the OGPU–NKVD–NKGB in Siberia: structure and personnel (1929–1941)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2011, 27. (In Russ.)
17. Vidyayeva A. V. *Reflection of political repression of the 1930s. XX century in the periodical press of Mordovia*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2014, 25. (In Russ.)
18. Dendiev K. G. Mass-media and technology of repressions of 1930s (on materials of the regional periodicals). *Oriental Studies*, 2012, (3): 25–28. (In Russ.)
19. Carr E. H. *The Russian revolution from Lenin to Stalin (1917–1929)*. Moscow: Sov.-brit. izd-vo "Inter-Verso", 1990, 206. (In Russ.)
20. Genina E. S. The persecution of "former whites" in Kuzbass in the 1930s how the implementation of the Stalinist ideology of repression. *White Guard*, ed. Tsvetkov V. Zh. Kemerovo: Posev, 2001, vol. 5, 61–66. (In Russ.)
21. Lotkin I. V. *Socio-political, economic and cultural adaptation of the Baltic settlers in Siberia (1920–1940)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2012, 40. (In Russ.)
22. Papkov S. A. Purges among the administrative personell of the coal industry in Kuznetsk Basin in 1937. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1): 59–63. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63
23. Teplyakov A. G. "Children's Case" in Kuzbass: revisiting the causes of the open trial on KGB "violators of the rule of law" in 1939. *Judicial political processes in the USSR and the communist countries of Europe*: Proc. Franco-Russian Seminar, Paris, November 29–30, 2010. Novosibirsk: Nauka, 2011, 141–154. (In Russ.)
24. Teplyakov A. G. Personnel and daily routine of the Novosibirsk UNKVD in 1936–1946. *Minuvshee*, 1997, 21: 240–293. (In Russ.)
25. Antonov B. Children plot. *Razyskaniia*, 1992, iss. 2/4, 69–75. (In Russ.)
26. *Historical encyclopedia of Kuzbass. Vol. 1: A–K*, ed. Negreev A. B. Poznan: Shtama, 1996, 380. (In Russ.)
27. Solzhenitsyn A. I. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: the experience of artistic research*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1990, vol. 2, 559. (In Russ.)
28. Teplyakov A. G. Office of the NKVD in the Novosibirsk Region shortly before World War II and during its first years. *Western Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945)*. Novosibirsk: Nauka-tsentr, 2004, 260–290. (In Russ.)

История краха сталинского пропагандиста: «дело» редактора газеты «Советская Сибирь» Якова Альперовича 1937–1938 гг.

Сергей А. Папков^{а, @}

^а Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск

[@] sparkov@ya.ru

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 19.05.2020.

Аннотация: Представлено описание служебного роста и краха партийной карьеры одного из видных представителей советской номенклатуры в Сибири 1920–1930-х гг. как характерного примера драматической судьбы сталинских управленцев – выходцев из нижних слоев общества. В статье описаны этапы восхождения будущего руководителя по ступеням иерархической лестницы и обретения им политического опыта. Отмечены важнейшие изменения в политике ВКП(б) в 1930-е гг., которые радикально меняли характер карьерного роста и искажали внутривластные взаимоотношения. В контексте громких разоблачительных кампаний и массовых репрессий 1937–1938 гг. оценивается общественно-политическая атмосфера и своеобразие сложившихся нравов в номенклатурной среде. Описывается роль и значение доносов как инструмента выявления «враждебных элементов», а также в сведении личных счетов. Драматический финал в судьбе бывшего секретаря райкома ВКП(б) и редактора сибирской краевой газеты служит выразительным отражением общей трагедии многих советских коммунистов – жертв репрессивной сталинской кампании «борьбы с правотроцкистскими двурушниками». Статья вводит в научный оборот новые исторические факты, позволяющие шире взглянуть на известные события, происходившие в стране и в Сибири в сталинскую эпоху.

Ключевые слова: партийные кадры, ВКП(б), журналистика, краевая газета, доносы, НКВД, репрессии, Яков Альперович, Сибирь

Для цитирования: Папков С. А. История краха сталинского пропагандиста: «дело» редактора газеты «Советская Сибирь» Якова Альперовича 1937–1938 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 354–361. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-354-361>

Введение

Кампания массового террора 1937–1938 гг. занимает значительное место в современной отечественной историографии, ей посвящен целый ряд специальных научных работ. Авторы, освещавшие эту тему, раскрыли многочисленные детали каждой ее фазы, выявили особенности таких ее составных частей, как «кулацкая операция» по приказу НКВД 00447, операция по «РОВС», кампании по ликвидации остатков небольшевистских групп и партий, «вредителей», «церковников» и «националистов» [1–27]. В научный оборот введен огромный массив ранее неизвестных фактов, позволивший получить всестороннее представление о характере советского режима 1930–1940-х гг. В этой картине «очищения страны от врагов советского строя» важное место занимала кампания по ликвидации «правотроцкистских элементов», жертвой которой стали многочисленные кадры самой правящей партии – работники партаппарата, ветераны ВКП(б), пропагандисты и идеологи, активно укреплявшие основы сталинской диктатуры. В определенный исторический момент старые кадры партии перестали удовлетворять требованиям режима, и сталинское руководство смахнуло их с общественной арены вслед за остальными «враждебными элементами».

В публикуемой статье раскрывается типичный процесс разрушения карьеры одного из видных партийных работников, чей политический и жизненный опыт демонстрирует закономерный путь многих аппаратчиков сталинской эпохи. Это путь из мрака нищеты, гнета и унижений, пережитых в детстве и юности, к верхним этажам советской номенклатуры с последующим переселением в подвалы НКВД. Именно такой оказалась судьба и Якова Михайловича Альперовича, в 32 года ставшего главным редактором одной из крупнейших краевых газет в стране и закончившего партийную карьеру в Гулаге в качестве «правотроцкистского двурушника» со сроком 10 лет лишения свободы. Имя этого человека было основательно забыто, и в историографии оно практически не упоминалось по той причине, что руководить изданием газеты «Советская Сибирь» Я. М. Альперовичу пришлось совсем недолго. Но также и потому, что описание деталей трагедии репрессированных не являлось исследовательской нормой. Выявленные архивные источники в совокупности с материалами следственных дел НКВД позволяют теперь восстановить то, что десятилетиями оставалось вне поля зрения.

В освещении затронутой проблемы автор опирался на комплекс документов, образовавшийся в связи с «делом

Альперовича» сначала в партийных органах, а затем в недрах НКВД. Это переписка и решения партийных комитетов, серия доносов партработников, анонимные письма в обком ВКП(б) и заключения по ним, выданные партийным руководством области, оправдательные заявления самого редактора. Особенно ценными были материалы архивно-следственного дела в архиве УФСБ, благодаря которым воспроизводится вся процедура репрессивных действий в отношении Я. М. Альперовича и последствия многолетней трагедии сталинского пропагандиста как жертвы террора.

«Дело» редактора газеты «Советская Сибирь» Якова Альперовича

Яков Альперович родился в 1905 г. в городке Сморгонь Виленской губернии (современная Белоруссия), в том месте, где в течение нескольких столетий сталкивались интересы европейских держав, вызывая кровавые военные конфликты и массовые разрушения. В годы Первой мировой войны Сморгонь подверглась полному уничтожению, в результате чего семья Альперовичей вынуждена была искать спасения в глубине Российской империи. В своей автобиографии Я. Альперович писал: «В 1915 г. наша семья, вместе со всеми другими жителями после длительного боя, разыгравшегося под Сморгонью и в черте самого города между русскими и немецкими войсками, бежала по направлению к Минску. Из Минска, как беженцы, мы были отправлены в г. Усмань Тамбовской губернии. Здесь мы жили до 1919 г. Я учился в приходском училище, потом в советской школе. Осенью Усмань была занята белогвардейцами (Мамонтовский рейд). Вступивши в город, они учинили еврейский погром. В течение трех суток нам пришлось скрываться, прятаться в малиннике. Хозяева дома, в котором мы снимали квартиру, пощадили нас и не выдали, дело окончилось разграблением нашей квартиры»¹.

После этих потрясений, едва не ставших трагедией, дальнейшая судьба Якова и его близких складывалась вполне благополучно. Победившая советская власть покончила с войной, ликвидировала многие формы национального угнетения и открыла широкие возможности для массы молодых людей, мечтавших найти применение своим способностям. Яков успешно закончил школу и вступил в самостоятельную жизнь, избрав для себя поприщем комсомольскую работу и партийную пропаганду. Уже в 17 лет он стал секретарем райкома РКСМ в Барнауле, а затем по рекомендации губкома комсомола был принят на учебу в лекторскую группу губсовпартшколы в Смоленске. Учеба продолжалась всего один год, но и этого считалось достаточно для того, чтобы получить статус журналиста

и продолжить ответственную работу в комсомоле. С декабря 1923 г. Я. Альперович – зав. отделом Смоленского горрайкома ВАКСМ, а с 1925 г. – секретарь Гжатского горюездного комитета комсомола. Вскоре его приняли в ряды ВКП(б), а затем назначили редактором губернской комсомольско-молодежной газеты. С этого времени профессия партийного журналиста и пропагандиста становится основным его занятием.

В январе 1929 г. по направлению ЦК ВАКСМ Яков Михайлович прибыл в Новосибирск, где ему было поручено возглавить редакцию краевой комсомольской газеты «Молодая деревня». Начался новый, самый активный период в жизни и политической карьере молодого коммуниста. Появились обширные знакомства в номенклатурной среде, завязались связи с литераторами, журналистами и другими творческими людьми. Продолжался успешный служебный рост. С июня 1930 г. Я. М. Альперович стал работать заместителем редактора общесибирской крестьянской газеты «Сельская Правда», а в апреле 1931 г. был переведен в редакцию главной краевой газеты «Советская Сибирь» на пост ответственного секретаря, а затем заместителя редактора. В 1935 г. по протекции заведующего отделом крайкома ВКП(б) Ивана Ляшенко² Я. М. Альперович получил назначение непосредственно в партийный аппарат – на пост секретаря Октябрьского райкома ВКП(б) – и оставался в этой должности до августа 1937 г.

Должность секретаря райкома была очень ответственной и беспокойной. После убийства С. М. Кирова наступило время непрерывных партийных чисток и проверок, требовавших от руководящих кадров особых качеств для устранения из системы всякого рода скрытых врагов, а также «неустойчивых и колеблющихся элементов». Вместе с армией таких же секретарей парткомов и райкомов Я. М. Альперовичу пришлось активно исполнять роль разоблачителя многих «двурушников» и «оппортунистов». В Новосибирске для этого имелось широкое поле деятельности: в середине 1930-х гг. сюда под надзор НКВД и партийных органов поступила масса сосланных специалистов из городов Центральной России. Поэтому и на Я. М. Альперовиче лежала большая ответственность по защите «чистоты рядов партии». В частности, в конце 1936 г. и начале 1937 г. Я. М. Альперович принимал деятельное участие в разоблачении большой группы работников западно-сибирского Крайплана как сторонников «правого оппортунизма» и «реставраторов капитализма» – Харита, Рейхбаума, Эйдельмана, Кузьмина, Кацарана и др.³ В течение первых месяцев 1937 г. все они были исключены из партии и вскоре исчезли в недрах НКВД.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 18. Д. 230. Л. 5–6.

² Ляшенко Иван Иванович – партработник; член ВКП(б) с февраля 1917 г. С 1928 г. по февраль 1930 г. – зам. зав. отделом культуры, зав. сектором печати Сибкрайкома ВКП(б). Август 1930 г. – февраль 1934 г. – редактор краевой газеты «Советская Сибирь» (Новосибирск). 1934–1937 – зав. ОРПО Запсибкрайкома ВКП(б) и редактор газеты «Советская Сибирь». В 1934–1937 – зав. отделом руководящих партийных органов Запсибкрайкома (Новосибирского обкома) ВКП(б) и редактор газеты «Советская Сибирь». В феврале 1938 г. арестован по обвинению в причастности к правотроцкистской организации. Осужден 09.05.1939 военным трибуналом войск НКВД к ВМН. Расстрелян 04.09.1939.

³ ГАО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 792. Л. 195.

Между тем политическая атмосфера в стране становилась все более мрачной. Развернутая И. В. Сталиным по итогам февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) кампания по борьбе с «остатками троцкистских и иных двурушников» широко распространилась на партийный аппарат, породив в его структурах яростную борьбу по уничтожению кадровых работников посредством взаимной дискредитации. Для Якова Михайловича, как и многих других молодых коммунистов, этот процесс открывал новые карьерные перспективы. После того как в июле 1937 г. был смещен и арестован главный редактор «Советской Сибири» Г. Т. Тимофеев⁴ Я. М. Альперович получил предложение занять открывшуюся вакансию. 28 августа бюро крайкома ВКП(б) во главе с секретарем Р. И. Эйхе утвердило Якова Альперовича исполняющим обязанности редактора, а спустя месяц его ввели в состав высшего партийного руководства региона: он стал членом бюро обкома ВКП(б)⁵.

Но хлынувшая волна компроматов и доносов сметала уже всех подряд. Вскоре она затронула и Я. М. Альперовича. Масса печатных и рукописных обращений, писем и жалоб к руководителям области и в НКВД, в которых Я. М. Альперович фигурирует в образе покровителя врагов народа и беспринципного бюрократа, позволяет представить размеры той эпидемии интриг, взаимных нападок и клеветы, которая охватила партийно-советский организм в конце 1930-х гг.

Эти разоблачительные инвективы могли бы служить предметом отдельного анализа как часть технологии массовых репрессий, но в данном случае они важны лишь тем, что ярко характеризуют саму атмосферу общественной жизни страны эпохи 1937 г. Слухи, подозрения, намеки, случайные высказывания и домыслы обретают в партийных кругах невиданную силу. Они стали объектом пристального внимания и основанием для вынесения вердиктов. Особое

значение предавалось выявлению компрометирующих связей с уже разоблаченными «врагами».

В октябре 1937 г. секретарь Новосибирского горкома Исаак Миллер⁶ накануне своего собственного ареста обращается к секретарю Р. И. Эйхе: «Только лично. Роберт Индрикович! Посылаю тебе письмо тов. Каратаева (секретарь Кагановичского райкома), которое он мне прислал». Текст письма гласил: «Т. Миллеру. 2 или 3 сентября с. г. Никифоров, бывший член ВКП(б), исключенный из партии райкомом ВКП(б) 4/IX-37 г., сообщил мне следующее: "г. Альперович Я., работая в редакции "Советской Сибири" в иностранном отделе, был дружен с работником редакции Аверьяновым⁷, Панкрушиным⁸ и Степановым⁹, разоблаченными теперь врагами народа. По поручению Альперовича и Аверьянова была переведена из американского журнала на русский язык статья Троцкого "О судьбах революции" и размножена в нескольких экземплярах. По словам Никифорова, он тогда подымал об этом вопрос, но ему не было придано значения. Занимались этим вопросом, по словам Никифорова, т. Ковалев М. И.¹⁰ и т. Волков¹¹ из НКВД"»¹².

Какова была реакция Р. И. Эйхе на эту первую цепочку доносов, остается неясным. Известно лишь, что Я. М. Альперович сохранил свое место, а Р. И. Эйхе в эти дни по решению И. В. Сталина отбыл в Москву, чтобы до определенного срока занять пост наркома земледелия СССР.

Продолжая работать в удушающей обстановке бесконечных арестов, грязных интриг и провокаций, активным участником которых до сих пор был и он сам, Я. М. Альперович все отчетливее осознавал, что старые партийные связи не только утратили силу, но и становятся все более опасны, т. к. неминуемо ведут в застенки НКВД вслед за свергнутыми авторитетами. Даже на официальных совещаниях в этот период он говорил о том, что представляло угрозу прежде

⁴ Тимофеев Георгий Тимофеевич – журналист; член ВКП(б) с 1927 г.; с марта 1935 г. по июль 1937 г. – редактор газеты «Советская Сибирь». 16.07.1937 арестован по обвинению в участии в правотроцкистской организации. 28.08.1937 исключен из ВКП(б) «как враг народа». Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 27.10.1937 к ВМН. Расстрелян в тот же день в Новосибирске.

⁵ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 230. Л. 15, 17. В этот период Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край; понятия «Запсибкрай», «крайком» исчезают.

⁶ Миллер (Бернштейн) Исаак Моисеевич – партработник; член ВКП(б) с 1915 г. С февраля 1935 г. по ноябрь 1937 г. – 1-й, затем 2-й секретарь Новосибирского горкома ВКП(б). Снят с должности, исключен из ВКП(б) «как враг народа». 15.11.1937 арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Расстрелян 04.06.1938 в Новосибирске.

⁷ Аверьянов Николай Фомич – литератор, журналист, член ВКП(б) с 1918; сотрудник редакции газеты «Советская Сибирь», редактор газеты в Кемерово. В 1930 г. был исключен из ВКП(б) за поддержку С. И. Сырцова. Затем восстановлен. Позднее репрессирован.

⁸ Панкрушин Алексей Арсеньевич – писатель и журналист; член ВКП(б) с 1927 г. В 1920-е гг. – сотрудник газеты «Советская Сибирь»; руководитель издательской деятельности журнала «Сибирские огни». В 1936 г. арестован по обвинению в троцкизме; решением Особого совещания при НКВД приговорен к 5 годам лагерей. После освобождения жил в Новосибирске, в 1950-е – старший инженер производственно-технического отдела в строительном тресте № 43.

⁹ Степанов Николай Евдокимович – журналист; член ВКП(б) с 1922 г. С 1928 г. – редактор краевой газеты «Сельская Правда» в Новосибирске; позднее – редактор томской газеты «Красное знамя», затем корреспондент «Советской Сибири» в г. Сталинск. 15.09.1936 арестован по обвинению в троцкизме. Постановлением Особого совещания от 02.07.1937 приговорен к 8 годам лишения свободы. Срок отбывал в Владимирской тюрьме. Постановлением тройки УНКВД по Ивановской области от 08.01.1938 приговорен к ВМН. Расстрелян 01.02.1938.

¹⁰ Ковалев Максим Иванович – партработник; член ВКП(б) с 1905 г. В 1924–1937 гг. – секретарь партколлегии Запсибкрайкома ВКП(б). В июле 1938 г. арестован по обвинению в причастности к правотроцкистской организации. Судом военного трибунала оправдан; 09.12.1938 из-под ареста освобожден. Умер в 1965 г. в Москве.

¹¹ Волков (Вайнер) Михаил Александрович – чекист; член ВКП(б) с января 1918 г. В 1934–1935 гг. – зам. полпреда ОГПУ (зам. начальника УНКВД) по Запсибкраю. 21.11.1938 арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 25.02.1939 к ВМН. Расстрелян в тот же день.

¹² ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 402. Л. 1–2.

всего лично для него – о доносах и клевете, превратившихся в основной инструмент внутрипартийных разборок и смещения старых кадров: «Центральный комитет нашей партии неоднократно требовал от парторганизаций обязательно-го сочетания товарищеского отношения к членам партии с беспощадностью к действительным врагам, троцкистско-бухаринским мерзавцам. Они (*эти враги – С. П.*) прибегали и прибегают к самым гнусным реакционным методам борьбы против нашей партии. Они избрали также своим отравленным оружием клевету на честных членов партии с тем, чтобы перебить большевистские кадры. Многие руководители партийных организаций не сумели вовремя заметить этого вражеского хода, этого маневра троцкистско-бухаринских негодяев и допускают крупные серьезные ошибки при исключении из партии, не обращая внимания на действия отдельных коммунистов-карьеристов и страховщиков, тем самым мешают разоблачению действительных врагов народа»¹³.

Эту речь Яков Альперович произносил на совещании секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) 4 февраля 1938 г. в присутствии нового присланного первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И. И. Алексеева¹⁴, когда до ареста оставался всего один месяц.

Между тем процесс доносительства продолжал разрастаться, обретая фантастические размеры. Разоблачительные письма о Я. М. Альперовиче и многих других руководящих работниках стали теперь потоком идти на имя секретаря обкома И. И. Алексеева – главного инициатора чистки партийно-советского аппарата, унаследованного от Р. И. Эйхе. Вскоре почти все члены бюро Запсибкрайкома (Новосибирского обкома) ВКП(б) и крайисполкома последнего состава один за другим были арестованы. И каждый арест смещенного руководителя порождал целую волну доносов и жалоб в отношении других руководителей, оставшихся на свободе.

Один из партработников, заместитель Я. М. Альперовича по работе в Октябрьском райкоме ВКП(б), Силантьев, позднее арестованный, в декабре 1937 г. писал секретарю И. И. Алексееву: «Альперович длительное время был связан с врагом народа Миллером. Лично мне за 1,5 года работы в Новосибирске десятки раз приходилось встречать Миллера на квартире Альперовича, также как и Альперович посещал квартиру Миллера. Зная прекрасно Миллера, Альперович не только не разоблачал Миллера, но и никотда даже в малейшей степени не критиковал его. Кроме

Миллера Альперович тесно был связан с другим врагом народа, Петиним¹⁵. Альперович два раза приводил меня с собой к Петину несмотря на то, что Петин меня не приглашал. Побывав таким образом у Петина с Альперовичем, я убедился, что Альперович вел себя на квартире Петина как у себя дома. Кроме Миллера и Петина, Альперович был тесно связан с разоблаченным теперь врагом народа Заромским¹⁶. И последнее. Ляшенко и Альперович закадычные друзья – покрывают друг друга»¹⁷.

Подобные доносы и жалобы поступили также от инструктора горкома партии А. С. Матвеевой, заведующего горфинуправлением Кузнецова, парторга Октябрьского райкома ВКП(б) Ионина, собкора «Советской Сибири» в Кемерове Н. И. Галина, редактора политотдельской газеты «Сталинец» В. Порошина, от исключенных коммунисток А. Дубинской (бывшего секретаря парткома Кемеровского химкомбината) и Черкашиной, из обкома ВЛКСМ от Чернова и еще от нескольких анонимных авторов, один из которых подписался как «рядовой партиец». В итоге сформировался массив злобещих компрометирующих материалов, которому обком ВКП(б) должен был дать «принципиальную партийную оценку». «Принципиальная оценка» заключалась в создании специальной комиссии обкома с участием работников партконтроля и горкома ВКП(б) Ганенко, Львова и Казака, чтобы подробно исследовать каждое присланное заявление и жалобу. К марту 1938 г. комиссия представила документ¹⁸ с обширным перечнем «антипартийных поступков» и «преступных связей» Якова Альперовича.

Члены комиссии сообщали, что «на протяжении ряда лет Я. М. Альперович был тесно связан в работе и в быту с целым рядом впоследствии разоблаченных врагов народа», оказывавших ему покровительство и поддержку. «Альперович имел тесную связь с Ляшенко по работе в редакции "Сов. Сибири", где был его заместителем. Ляшенко, перейдя на работу зав. ОРПО Крайкома ВКП(б), продвинул Альперовича на партийную работу... Работая первым секретарем Октябрьского райкома ВКП(б), Альперович совместно с Силантьевым развалил организационно-партийную работу в районе, срывал выполнение постановления ЦК ВКП(б) о возобновлении приема в партию... Бытовая связь с врагами народа выражалась главным образом в систематическом пьянстве с ними. В частности, Альперович участвовал в пьянках и дебошах с Колотиловым, Вегманом и Костромитиным. В антипартийной деятельности

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 38. Л. 232.

¹⁴ Алексеев Иван Иванович – партийный и государственный деятель; член ВКП(б) с мая 1917 г. С октября 1937 г. по октябрь 1938 г. – и. о. 2-го, затем (с 31.10.1937) 1-го секретаря Новосибирского обкома и горкома ВКП(б); член обл. тройки УНКВД. Снят с должности как «не справившийся с обязанностями». 12.11.1938 арестован по обвинению в к. р. деятельности. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 25.02.1939 к ВМН. Расстрелян в тот же день в Москве.

¹⁵ Петин (инициалы не установлены) – партработник; в 1937 г. – ректор Высшей краевой сельскохозяйственной школы в Новосибирске. Репрессирован.

¹⁶ Заромский Исаак Михайлович – быв. председатель Новосибирского горсовета и горплана; управляющий отделением Коммунального банка СССР в Новосибирске. В 1937 г. – председатель плановой комиссии Ойрот-Турунской (Горно-Алтайской) автономной области. 13.07.1937 арестован по обвинению в шпионаже в пользу японо-германской разведки. Расстрелян 20.08.1937.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 22. Д. 115. Л. 51–52.

¹⁸ Там же. Л. 6–10.

Альперовича ясно выражена линия на сохранение вражеских кадров... С переходом на работу редактора "Сов. Сибири" Альперович всячески оберегал вражеские кадры от критики на страницах "Сов. Сибири"... снимал статьи... Одновременно... проводилась работа по избиению кадров партийных. На каждом заседании Октябрьского РК ВКП(б) в бытность секретарем Альперовича и Силантьева ставилось на рассмотрение до 30 дел об исключении из партии. Всего подтверждено исключений из партии 326 дел, из которых 153 требуют пересмотра...»¹⁹. В итоге комиссия признала, что «дальнейшее пребывание Я. М. Альперовича в партии невозможно».

Комплекс архивных документов, сформировавшийся вокруг «дела» редактора в связи с проверкой его «поведения и связей», свидетельствует о том, что Я. М. Альперович как представитель смещаемой номенклатуры практически был обречен. Партаппарат переживал болезненный процесс ускоренного насильственного обновления, и во всех его звеньях закреплялись теперь новые кадры бюрократов.

Редактор защищался как мог. В ответ на обвинения комиссии обкома он представил собственные аргументы. Однако на фоне развернутой клеветы, слухов и прошедших массовых арестов его коллег, часть из которых уже давала «нужные» показания. Но эти оправдания выглядели как жалкие уловки. В своем заявлении в обком ВКП(б) Я. М. Альперович уверял, что был мало знаком с работниками, изъятыми НКВД, и что «эти разоблаченные ныне враги народа были для меня совершенно посторонними людьми». Объяснял, что посещал квартиру одного из работников, но «просидел час и ушел», что «выступал на собраниях и основательно критиковал», что с другими врагами «не имел ни одного разговора», а с прочими «имел, но только деловые». Он заявлял также, что под его руководством райком «разоблачил банду бухаринско-троцкистских мерзавцев на водном транспорте в Новосибирске», и в завершение признался, что не сумел разглядеть вражескую работу И. И. Ляшенко и И. М. Миллера: «Мучает это меня адски, я ненавижу этих гадов и готов их задушить собственными руками»²⁰. Все остальные оправдания были такого же свойства, но изменить положение редактора они уже не могли.

2 марта 1938 г. Я. М. Альперович был исключен из партии. На следующий день его арестовали. В тюрьме Новосибирского управления НКВД, куда попал Яков Михайлович, среди массы прочих арестованных в этот период находилась уже большая группа партработников, с которыми следователи во главе с начальником Г. Ф. Горбачем и руководителем 4-го отдела К. К. Пастаноговым вели интенсивные допросы. Я. М. Альперовичу было предъявлено обвинение в том, что

«по предложению Ляшенко в 1934 г. [он] вошел в к. р. правотроцкистскую организацию; будучи редактором газеты "Советская Сибирь", не пропускал на страницах газеты материалы, разоблачающие вражескую деятельность участников к. р. организации, а в 1937 г. вошел в состав руководящего ядра правотроцкистской организации края»²¹.

На допросах Я. М. Альперович пытался держаться до последнего. Однако следователям (Пастаногов, Носов, Длужинский и др.) был дан приказ не давать ему ни есть, ни пить, ни спать, ни оправляться. Истязания продолжались непрерывно в течение нескольких недель. Время от времени арестованный падал без сил. Тогда следователи приводили его в чувство, обливая холодной водой, и продолжали выбивать показания. Позднее в ходе расследования фактов «нарушения соцзаконности» работники НКВД показывали, что редактора в период интенсивных допросов «57 суток не выпускали из кабинета следователя»²². На судебном процессе Я. М. Альперович заявил, что в отношении его были применены угрозы и «меры физического воздействия», которые заставили его встать на путь самооговора. В мае 1939 г. он вместе с другими партработниками (И. И. Ляшенко, А. С. Кулаков, П. С. Савичев и др.) предстал перед судом военного трибунала войск НКВД. Суд признал, что следственные материалы полностью изобличают Я. М. Альперовича как участника правотроцкистского заговора и приговорил его к расстрелу. Несколько месяцев бывший редактор жил в ожидании смерти. Но вскоре включились какие-то невидимые механизмы, уведившие арестованного от гибели. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 августа 1939 г. смертный приговор был отменен, «высшая мера» заменена 10-ю годами лагерей. В то же время другие осужденные по этому же делу были казнены.

Ровно 10 лет Яков Михайлович провел в заключении в лагрях Сиблага НКВД. Все эти годы он продолжал искать справедливость, осознавая свою полную невиновность и законное право на возвращение в нормальную жизнь, как и сотни других советских заключенных в этот период. Одну из своих жалоб он отправил накануне войны в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Ответ пришел из Прокуратуры СССР от заместителя Генпрокурора К. А. Мокичева. В нем сообщалось, что Я. М. Альперович был осужден к ВМН, но расстрел ему суд заменил 10-ю годами лишения свободы. «Осуждение Альперовича Я. М., – добавлял прокурор, – считаю правильным. Оснований к пересмотру решения по делу не усматриваю. Жалоба оставлена без удовлетворения, о чем ему сообщено»²³.

Яков Михайлович вышел на свободу в марте 1948 г. Однако впереди его ожидал новый поворот в политике, связанный с его личной карьерой и судьбой «правотроцкиста».

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 22. Д. 115. Л. 14.

²¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новосибирской области (УФСБ по НСО). Д. 4199. Т. 7; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 345. Л. 28 об.

²² Архив УФСБ по НСО. Д. 4199. Т. 7.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 345. Л. 9.

В ходе очередной сталинской кампании в отношении бывших осужденных за «контрреволюционную деятельность» (ст. 58 УК РСФСР) в марте 1949 г. по решению Особого совещания при МГБ СССР Я. М. Альперович вновь был арестован и отправлен на бессрочное спецпоселение в Красноярский край²⁴. Его определили на скромную должность счетовода подсобного хозяйства «Таёжник» «Золотопродснаба» в Северо-Енисейском районе, где ему пришлось провести еще пять с половиной лет изоляции в положении изгоя, живущего одними воспоминаниями о прошлом. Только в октябре 1954 г. он был освобожден и реабилитирован. В октябре 1956 г. его восстановили в рядах партии. Как прошли последние годы жизни бывшего районного секретаря и журналиста, возглавлявшего с августа 1937 г. по март 1938 г. краевую (затем областную) газету «Советская Сибирь», прояснить по имеющимся источникам невозможно.

Заключение

Жизненный путь Я. М. Альперовича, служебная карьера и ее драматический финал отчетливо иллюстрируют повороты в исторической судьбе целого поколения сталинских управленцев. 15 лет лагерей и ссылки как цена за верную, но не продолжительную службу в рядах коммунистической партии – еще не самый трагический итог карьеры для кадровых работников ВКП(б). Другим повезло значительно меньше, чем Я. М. Альперовичу. Связав свою судьбу с партией диктатуры, получив от нее привилегии, масса политических активистов одновременно стала и ее заложниками. С определенного момента порвать с этой партией было уже невозможно, точно так же как невозможно было добровольно покинуть службу в рядах сотрудников НКВД. И тот, кто не мог продолжать идти еще дальше за диктатором, должен был заплатить самую дорогую цену.

Литература

1. Конквест Р. Большой террор; пер. с англ. Л. Владимирова. Firenze: Edizione Aurora, 1974. 1064 с.
2. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М.: Политическая энциклопедия, 2004. 254 с.
3. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
4. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.
5. Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.
6. Разгон В. Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 82–103.
7. Кимерлинг А. С. Репрессии 1937–1938 гг. против служащих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 198–215.
8. Леонтьева Т. Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 216–243.
9. Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 283–302.
10. Суворов В. П. Меньшевики и анархисты Калининской области в терроре 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 401–420.
11. Аблажей Н. Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 343–362.
12. Чашухин А. В. Участие советских органов власти в проведении массовой операции в Прикамье Свердловской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 624–647.
13. Колдушко А. А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий в Свердловской области в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 663–672.
14. Папков С. А. «Кулацкая операция» 1937–1938 гг. в Краснозерском районе Западно-Сибирского края // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 844–860.

²⁴ Архив УФСБ по НСО. Д. 4199. Т. 7.

15. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.
16. Папков С. А. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. 2011. № 2. С. 157–161.
17. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 398 с.
18. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
19. История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г.) / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М.: РОССПЭН, 2013. 489 с.
20. Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. 277 с.
21. Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М.: РОССПЭН, 2014. 487 с.
22. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Киев, 10–12 октября 2013 г.) М.: РОССПЭН, 2014. 686 с.
23. Дроздов К. С. Кампания террора 1937–1938 гг. в Белгородском районе Курской области // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации / под ред. С. А. Папкина, К. Тэраяма. М.: РОССПЭН, 2015. С. 161–185.
24. Папков С. А. Доносы 1937 года // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации / под ред. С. А. Папкина, К. Тэраяма. М.: РОССПЭН, 2015. С. 86–105.
25. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 374 с.
26. Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.) М.: РОССПЭН, 2017. 741 с.
27. Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: мат-лы XI Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.) М.: РОССПЭН, 2019. 525 с.

original article

The Failure of the Stalinist Propagandist: the Trial of Yakov Alperovich, Editor of the Sovetskaya Sibir (1937–1938)

Sergey A. Papkov^{a, @}^a Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk

@ spapkov@ya.ru

Received 23.03.2020. Accepted 19.05.2020.

Abstract: The research featured the biography of Yakov Alperovich, a prominent figure of the Siberian Soviet establishment in the 1920s–1930s. Starting at the social bottom, his career path was a typical example of the dramatic fate that befell most Stalinist officials. The article describes the main steps of his career ladder on the way to political power during the purges of 1937–1938, as well as the changes in the Stalinist politics in the 1930s, which were the ruin of the internal party relations. The author assessed the socio-political atmosphere in the administrative establishment. The study focused on the role of denunciations as a tool against the so-called hostile elements. The dramatic end of Yakov Alperovich, a district committee secretary and an editor, reflects the general tragedy of the Soviet Communists that fell victims to the Stalin's repressions. The article introduces new historical facts and expands the knowledge about Siberia in the Stalin era.

Keywords: party cadres, Bolshevik party, journalism, regional newspaper, denunciations, NKVD, Yakov Alperovich, Siberia

For citation: Papkov S. A. The Failure of the Stalinist Propagandist: the Trial of Yakov Alperovich, Editor of the Sovetskaya Sibir (1937–1938). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 354–361. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-354-361>

Reference

1. Conquest R. *The Great Terror*, tr. Vladimirov L. Firenze: Edizione Aurora, 1974, 1064. (In Russ.)
2. Vatlin A. Iu. *Terror of regional scale: "Mass operations" of the NKVD in the Kuntsevo district of the Moscow region. 1937–1938*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2004, 254. (In Russ.)

3. Teplyakov A. G. *Machine of Terror: OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941*. Moscow: Novyi Khronograf; AIRO-XXI, 2008, 632. (In Russ.)
4. Unge M., Bordyugov G., Binner R. *Vertical of great terror. The history of the operation by order of the NKVD No. 00447*. Moscow: Novyi Khronograf; AIRO-XXI, 2008, 784. (In Russ.)
5. Haustov V. N., Samuelson L. *Stalin, the NKVD and the repression of 1936–1938*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 432. (In Russ.)
6. Razgon V. N. Repressions against former "kulaks" in the Altai Territory in 1937–1938. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 82–103. (In Russ.)
7. Kimerling A. S. Repressions of 1937–1938 against employees of Prikamye of the Sverdlovsk region as part of order No. 00447. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 198–215. (In Russ.)
8. Leontieva T. G. Priests, clergy, and cultists during the "Bolshevik perestroika" in the Kalinin region 1937–1938. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 216–243. (In Russ.)
9. Kolesnikov A. A. Persecution of representatives of the Russian Orthodox Church in Altai. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 283–302. (In Russ.)
10. Suvorov V. P. The Mensheviks and Anarchists of the Kalinin Region in the Terror of 1937–1938. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 401–420. (In Russ.)
11. Ablazhey N. N. "Kulatskaya" and "Rovers" operations by order No. 00447. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 343–362. (In Russ.)
12. Chashchuhin A. V. The participation of Soviet authorities in conducting mass operations in Prikamye, Sverdlovsk Region. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 624–647. (In Russ.)
13. Koldushko A. A. The role of party bodies in the implementation of mass repressions in the Sverdlovsk region in 1937–1938. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 663–672. (In Russ.)
14. Papkov S. A. "Kulak operation" 1937–1938 in the Krasnozersky district of the West Siberian region. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Unge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 844–860. (In Russ.)
15. *Massive repressions in the Altai Territory 1937–1938. Order No. 00447*, comps. Zhdanova G. D., Razgon V. N., Unge M., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2010, 751. (In Russ.)
16. Papkov S. A. Organization of Writers of Siberia and the NKVD: Pogrom of 1936. *Sibirskie ogni*, 2011, (2): 157–161. (In Russ.)
17. Nérard F.-X. *Five percent of the truth. Exposure and denunciation in the Stalinist USSR (1928–1941)*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 398. (In Russ.)
18. Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)
19. *History of Stalinism: life in terror. Social Aspects of Repression*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, October 18–20, 2012, comps. Sorokin A., Kobak A., Kuvaldina O. Moscow: ROSSPEN, 2013, 489. (In Russ.)
20. Baberowski J. *Red terror. History of Stalinism*. Moscow: ROSSPEN, 2007, 277. (In Russ.)
21. Baberowski J. *Scorched Earth: The Stalinist Kingdom of Violence*. Moscow: ROSSPEN, 2014, 487. (In Russ.)
22. *Soviet Nations and National Politics in the 1920–1950s*: Proc. VI Intern. Sci. Conf., Kiev, October 10–12, 2013. Moscow: ROSSPEN, 2014, 686. (In Russ.)
23. Drozdov K. S. The Campaign of Terror 1937–1938 in the Belgorod region of the Kursk region. *Political and social aspects of the history of Stalinism. New facts and interpretations*, eds. Papkov S. A., Terayama K. Moscow: ROSSPEN, 2015, 161–185. (In Russ.)
24. Papkov S. A. Denunciations of 1937. *Political and social aspects of the history of Stalinism. New facts and interpretations*, eds. Papkov S. A., Terayama K. Moscow: ROSSPEN, 2015, 86–105. (In Russ.)
25. Getti A. *The practice of Stalinism: the Bolsheviks, the boyars, and the undying tradition*. Moscow: ROSSPEN, 2016, 374. (In Russ.)
26. *Culture and power in the USSR. 1920–1950s*: Proc. IX Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, October 24–26, 2016. Moscow: ROSSPEN, 2017, 741. (In Russ.)
27. *The confessional policy of the Soviet state in the 1920–1950s*: Proc. XI Intern. Sci. Conf., Veliky Novgorod, October 11–13, 2018. Moscow: ROSSPEN, 2019, 525. (In Russ.)

К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.)

Евгений В. Суверов^{а, @}

^а Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, г. Барнаул

[@] suverovev69@mail.ru

Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к печати 15.05.2020.

Аннотация: Анализируется ситуация, связанная с побегами заключенных в Западной Сибири. Незаконное покидание ими мест лишения свободы в 1930–1945 гг. стало значительной проблемой для функционирования всей советской исправительно-трудовой системы. Цель – установление причин, последствий и форм побегов заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в указанный период. Бытовая неустроенность, сложный производственный график, засилье бандитского элемента, суровые карательные меры за незначительные преступления и относительно мягкое наказание за побеги провоцировали осужденных на нарушение социалистического законодательства. Халатное отношение к службе, несоблюдение дисциплины и должностных инструкций, недостаточно эффективное использование агентурного аппарата способствовало незаконному уходу спецконтингента. Рост числа побегов в конце 1930-х гг. был связан с массовыми репрессиями в СССР и увеличением количества осужденных. В годы Великой Отечественной войны наблюдалась обратная картина: в связи с сокращением спецконтингента (из-за оккупации противником европейской части страны и призыва в действующую армию осужденных) уменьшилась численность беглых заключенных. Беглецы представляли реальную угрозу для местных жителей: оказавшись на свободе они совершали убийства, грабежи, разбои, кражи, изнасилования, тем самым значительно ухудшая непростую криминогенную обстановку в Западно-Сибирском регионе в изучаемый период. Благодаря самоотверженной службе сотрудников ОГПУ – НКВД СССР удалось предотвратить большое число побегов, задержать сбежавших заключенных.

Ключевые слова: лагеря, охрана, тюрьма, Сиблаг, Алтайлаг, Западная Сибирь, побеги заключенных

Для цитирования: Суверов Е. В. К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 362–369. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-362-369>

Введение

Статья посвящена изучению ситуации, связанной с побегами заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в 1930–1945 гг. Автор использовал ранее засекреченные документы, хранившиеся в ведомственных архивах системы МВД России Алтайского края, Тюменской, Новосибирской и Кемеровской областей. Цель – установление причин, последствий и форм побегов заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в указанный период.

Ряд ученых предпринимали попытки изучения вопросов о мерах по предотвращению побегов заключенных [1; 2], мотивации побегов [3] и бегства заключенных в разные районы страны [4], о мерах по предупреждению правонарушений во время следственных действий [5]. Исследовались причины массовых неповиновений заключенных [6], особенности развития пенитенциарной системы в СССР [7–11] и отдельных регионах страны [12–15], развитие системы наказания [16] и трудовой деятельности осужденных [17] в России. Но комплексное исследование по побегам заключенных в Западной Сибири в 1930–1945 гг. так и не было подготовлено.

Причины побегов

Советская пенитенциарная политика предполагала полную самокупаемость мест заключения с перевоспитанием заключенных с помощью трудовой деятельности [18, с. 37]. Карательные меры советского государства значительно усилились после убийства 1 декабря 1934 г. видного советского и политического деятеля С. М. Кирова. С этого момента началась новая волна репрессий. Была введена внесудебная система («тройки»), в рамках которой обвиняемый был лишен возможности защиты своих интересов. Эти меры значительно увеличили количество заключенных, к чему не совсем была готова советская пенитенциарная система.

При становлении новой советской исправительно-трудовой системы в полной мере не учитывался дореволюционный опыт профилактических мер по предупреждению побегов как не соответствующий новым коммунистическим идеалам. Так, в царское время арестант, совершивший побег или застигнутый во время его подготовки, изолировался в отдельную камеру, где на него надевались ручные или ножные кандалы весом 5–5,5 фунтов¹. Согласно Правилам о наградах, выдаваемых за поимку арестантов и ссыльных,

¹ О предупреждении побега арестантов, ст. 405–415 // Свод законов Российской империи. В 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Деятель, 1913. Кн. 5. Т. XIV. С. 203–204.

учинивших побег (1906), за поимку беглых арестантов всем участвующим в задержании выдавалась денежная премия в размере 3 руб. каждому за одного арестанта или ссыльного. Средства на премирование взыскивались с лиц, укрывавших беглых, а при невозможности их установить – отпускались из казны [19, с. 43–44].

Формально пенитенциарная политика основывалась на нормах Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., поскольку де-факто условия отбывания в лагерях и колониях устанавливались ведомственными актами НКВД СССР [20, с. 43]. На основании ст. 82 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., «Побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы наказывался лишением свободы на срок до трех лет»². Относительно мягкое наказание за побег (по сравнению с большими сроками за незначительные преступления) провоцировало бегство арестантов. Так, в июле 1930 г. заключенный Восьмушинко, работавший на Новосибирском кирпичном заводе, за совершенный побег без насилия над охраной был отправлен в штрафную роту сроком на 5 месяцев³.

Мотивации совершения побегов были разные: невыносимые санитарно-бытовые условия, засилье бандитско-воровского элемента, угроза жизни и здоровью, несправедливый приговор, невозможность терпеть длительную разлуку с родственниками и близкими людьми. Вынуждали к побегу и невыплаченный карточный долг, желание самоутвердиться, повысить свой авторитет в преступной среде. Нередко беглецы являлись эмоционально неуравновешенными, психически нездоровыми, малограмотными людьми, не осознававшими до конца последствия своих деяний. Уныние, безвыходность, необъяснимая тревога, чувство протеста из-за грубого обращения подталкивало часть заключенных к совершению побегов.

С тяжелыми условиями содержания в советской пенитенциарной системе обвиняемые сталкивались еще находясь в следственных тюрьмах. Тюремная система Западной Сибири в изучаемый период находилась в подчинении Сибирского исправительно-трудового лагеря. В нее в 1935 г. входили Новосибирская, Томская, Барнаульская, Бийская, Каменская, Барабинская, Старо-кузнецкая, Кемеровская и Ойротская тюрьмы⁴.

Усиление репрессивной политики во второй половине 1930-х гг. значительно увеличило поток арестованных, что в 1937 г. привело к переполнению всех помещений в алтайских тюрьмах в 10 раз, в Бийской – в 17 раз. Когда начальник

Барнаульской тюрьмы С. Стычковский доложил начальнику управления НКВД Алтайского края С. Попову, что в тюрьме огромная скученность, кормить арестованных нечем, мест больше нет, он получил жесткий ответ: «их нужно не садить, а втискивать коленкой в камеру»⁵. Отношение к спецконтингенту со стороны охраны нередко было необоснованно грубым.

Во время изнурительных этапов заключенные получали обморожения, травмы, умирали от переутомления и истощения. Всю зиму 1937–1938 гг. через томское село Богословка шли этапы осужденных. «Стояли лютые сибирские морозы, а заключенные были одеты в легкую летнюю одежду. Стараясь как-то сберечь тепло, они укутывали тряпками свои лица и ноги. Как только их заводили в дом, они начинали отирать обмороженные лица, ноги, руки. Всю ночь в доме слышались стоны и бред людей, заболевших в дороге. Заключенные располагались на ночь рядами на полу до сорока человек. Арестанты обертывали бумагой пальцы и ступни ног, а затем уже натягивали ботинки»⁶.

Бытовая неустроенность, переполненность бараков и тюремных камер, отсутствие элементарных удобств, антисанитария, низкое качество медицинского обслуживания толкало заключенных на побег. В декабре 1943 г. в колонне № 34 Алтайского исправительно-трудового лагеря (Алтайлага) сложилось катастрофическое положение. В больницу из этой колонны было направлено 49 заключенных, в отдельный лагерный пункт – 82 заключенных. У многих было обнаружено нарушение обмена веществ (пеллагра, дистрофия). Заключенные пешком в течение суток преодолевали 14–16 км, после чего им необходимо было выполнять трудовую норму. В этой колонне выявлены большие недостатки продуктов. Только в последнюю неделю ноября на кухне было украдено 39 кг жиров, в первую неделю декабря – 84 кг рыбы, 24 кг мяса и 9 кг жиров⁷. В 1944 г. из Славгородской тюрьмы в Алтайлаг прибывало много «завшивленных» заключенных⁸.

Во время инспекторской проверки в январе 1945 г. в тюрьме № 1 УНКВД г. Тюмени был обнаружен ряд недостатков. Не во всех камерах, где содержались несовершеннолетние заключенные, были койки и постельные принадлежности (камеры № 40, 46, 47). В тюремных помещениях была большая скученность при наличии свободных незаселенных камер. Беременные женщины в камере № 21 не получили постельные принадлежности и были размещены на голых койках. Коридоры всех корпусов тюрьмы требовали побелки.

² Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 1926 г. Ст. 82. М.: Юридическая литература, 1950. С. 67.

³ Архив Информационного центра (АИЦ) ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 31. Л. 118.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 719. Л. 8, 9.

⁵ Государством призванные / ред.-сост. А. И. Кобелев. Барнаул: Алтай, 2004. Кн. 2. С. 507.

⁶ Игнатов Г. Последний день беглеца // Память бережно хранит: сборник воспоминаний, архивных и музейных документов, газетных публикаций о судьбах людей, невинно пострадавших в годы политических репрессий в СССР, и событиях тех лет / ред.-сост. Л. А. Уланова. Асино: Изд-во Асиновское, 2008. С. 94, 95.

⁷ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 77. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 1.

Вновь прибывающие заключенные в течение нескольких дней не снабжались ложками⁹.

Санитарно-бытовое состояние заключенных в годы Великой Отечественной войны значительно ухудшилось. Это было связано со старыми нерешенными проблемами советской пенитенциарной системы, усилившимися в тяжелейший период военного времени, когда вся страна жила под девизом «Все для фронта, все для победы!».

Халатность надзирательского состава к своим служебным обязанностям способствовала нарушению режима содержания осужденными. Побег из мест заключения становился возможным из-за несоблюдения мер надзора за заключенными со стороны администрации сибирских пенитенциарных учреждений. Часто рабочий инвентарь (ломы, лопаты, пилы, топоры) находился без присмотра в бараках, где проживали заключенные, что давало им возможность совершать подкопы и нападать на надзирателей [21, с. 31]. 1 октября 1931 г. во время проверки Верхне-Обской команды ВОХР были замечены многочисленные нарушения режима содержания:

1. Бараки заключенных Боровлянской и Песьяновской группы (лесопильный завод), расположенные в центрах рабочих поселков, ничем не были огорожены.
2. Заключенные свободно общались с вольными гражданами.
3. Повсюду процветало пьянство и разврат.
4. Среди спецконтингента наблюдалось заражение венерическими заболеваниями.
5. На улицах населенных пунктов бродили пьяные мужчины и женщины: как заключенные, так и вольнонаемные.
6. В бараках грязь, не были убраны нары. Повсюду окурки, мусор. На столах – объедки пищи, тучи мух¹⁰.

В Мариинске в 1938 г. ряд вольнонаемных работников Управления Сиблага НКВД СССР направляли заключенных в столовую, промтоварный ларек, доверяя им свои пропуска на право пользоваться столовой и ларьком¹¹. Все эти факторы значительно увеличивали риск совершения побегов.

Способы побегов

Распространенным и достаточно рискованным способом побега был т. н. побег «на рывок», совершаемый в непосредственной близости от охранников. В 1942 г. из под конвоя во время копки могил в Мариинском отделении бежал заключенный Д. Е. Паскаев 1918 г. рождения, осужденный на 7 лет. 8 сентября 1942 г. в 3 часа ночи он вышел

на железнодорожные пути, где был задержан членами бригады содействия милиции (Бригадмила), путевым обходчиком Г. П. Кутимыным при содействии стрелка разъезда Антибесс А. Ф. Харченко. Им была объявлена благодарность и выдана премия в размере 150 руб. каждому¹².

Одним из способов противозаконного выхода на волю было использование подземных ходов. В Березово-Пристанском лагпункте Сиблага в августе 1937 г. стрелок ВОХР Тимофеев раскрыл подкоп и обнаружил в лагере запрещенные вещи, которые могли пригодиться в побеге (топоры, пилы)¹³. 12 сентября 1942 г. в Мариинском отделении Сиблага путем подкопа под зону пытались бежать заключенные Ю. С. Баскаков, осужденный на срок 5 лет, и И. В. Смирнов, осужденный на 3 года. В 20 часов 45 минут стрелок Д. Ф. Швакин, заступая на ночной пост и проверяя зону, обнаружил вырытую траншею и увидел двух человек. На окрик «Стой!» заключенные бросились бежать, сотрудник применил оружие, ранил Баскакова и задержал Смирнова. Д. Ф. Швакину была объявлена благодарность и премия в 100 руб.¹⁴

Некоторые заключенные пытались спрятаться на рабочем объекте и, дождавшись ухода охранников, совершить побег. 10 июня 1931 г. стрелок Новосибирской команды П. П. Боровиков караулил заключенных, работавших в пойме реки, и после окончания работ не досчитался одного человека. Приняв все меры и тщательно обыскав место работы, Боровиков все же нашел беглеца, который зарылся в песок¹⁵.

Особенностью побегов из Алтайлага в военное время было широкое использование автомобильного транспорта. 5 августа 1943 г. из колонны № 37 этого исправительно-трудового лагеря был совершен групповой побег на автомобиле ЗИС. Заключенный Морозов, ремонтируя автомобиль, самовольно перекрасил кузов, «повесил другой номер 33-77 МП и получив солидный запас бензина скрылся на автомобиле с "подельниками"»¹⁶. 9 августа 1943 г. из колонны № 37 был совершен побег трех заключенных на автомашине № 225; 21 августа 1943 г. с этой же колонны был допущен автопобег трех заключенных на машине № 233¹⁷.

Случались и дерзкие нападения заключенных на охранников с целью завладения оружием и совершения побега. 26 июня 1943 г. стрелок 4 взвода 3 отряда Алтайлага А. Е. Минеев конвоировал бригаду из 16 заключенных на строительство землянки, находящейся в 100 м от зоны колонны № 35. Постепенно группа заключенных отрицательной направленности вошла в доверие к конвоиру. Главарь бандитов

⁹ АИЦ УМВД России по Тюменской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

¹⁰ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 1. Д. 3. Л. 136.

¹¹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 10. Д. 39. Л. 20.

¹² АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Т. 3. Л. 25.

¹³ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 144. Л. 4, 5.

¹⁴ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Т. 3. Л. 46.

¹⁵ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 1. Д. 3. Л. 50.

¹⁶ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 383. Л. 75.

¹⁷ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 384. Л. 28.

пригласил Минеева выпить воды и, выбрав момент, набросился на него: схватил за шею, свалил с ног, связал и забрал винтовку с 30 боевыми патронами. После этого он совершил побег совместно с заключенными Гарицыным, Скобелевым, Вильт. В районе кладбища пос. Джантай беглецы были застигнуты командиром 4 взвода 3 отряда Салмышевым, проводником служебно-розыскных собак Ершовым и начальником колонны. Завязалась перестрелка, в ходе которой Минеев проявил трусость, отступил, Ершов был убит, преступники забрали его наган, 16 боевых патронов и скрылись. Лишь 1 августа 1943 г. они были задержаны в Угловском районе Алтайского края силами местных жителей¹⁸.

За преступления в места лишения свободы стали попадать и бывшие бойцы Красной Армии. Поэтому в военный период, с 1941 г. по 1945 г., бежали из мест заключения осужденные, успевшие обрести боевой опыт.

Несовершенство ведомственного нормативно-правового законодательства приводило к трудностям в определении личности осужденного. Задерживаемые беглецы часто не называли своих настоящих имен и фамилий и давали при допросах неверные сведения о наличии судимости и своей социальной принадлежности, что создавало трудности при выяснении личности. Только 18 марта 1931 г. был издан Приказ ОГПУ № 132/181, на основании которого всех заключенных осужденных перед направлением в лагеря следовало фотографировать в анфас и профиль. На каждого заключенного, направленного в лагерь, посылалось вместе с выпиской из постановления по 3 экземпляра фотокарточек каждого вида¹⁹.

Количество побегов

Численность бежавших заключенных в СССР в разные годы сильно разнилась и зависела, прежде всего, от их общей численности. На 1937 г. пришелся пик репрессивной государственной политики, в результате которой выросло и число осужденных. В годы Великой Отечественной войны произошло уменьшение заключенных в связи с тем, что значительная часть густозаселенной территории Советского Союза была оккупирована противником или являлась ареной кровопролитных сражений. К тому же под влиянием патристического подъема и по другим причинам немалая часть заключенных сменила тюремную робу на солдатскую гимнастерку, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны. Соответственно, снижение численности спецконтингента повлияло на уменьшение числа побегов.

Всего из лагерей ГУЛАГа в 1937 г. бежало 58264 заключенных, в 1940 г. – 18076, в 1941 г. – 22032, в 1942 г. – 27246,

в 1943 г. – 14796, в 1944 г. – 9497, в 1945 г. – 5666 [22, с. 135]. В Западно-Сибирском регионе в годы войны усиленно шла эвакуация спецконтингента с западных районов страны, что заметно сказалось на их общей численности.

Зачастую бегство осужденных в отдельных подразделениях советской пенитенциарной системы носило массовый характер. Только за первое полугодие 1942 г. из сибирского исправительно-трудового лагеря (Сиблага) бежало 136 человек (задержано 122 беглеца). В связи с ведением полевых работ только за июль 1942 г. совершили побег 59 заключенных²⁰.

Охрана заключенных

Охрана мест заключения осуществлялась с большими нарушениями. Во многих тюрьмах, лагерях и колониях электрическое освещение и сигнализация отсутствовали. Разжигались костры, видимость от которых в ночное время была ограничена. В темное время суток керосиновые лампы за отсутствием топлива часто не горели²¹.

В целях экономии в лагерные охранники набирали и самих заключенных (т. н. самоохранники). Стрелкам из заключенных за хорошую службу предоставлялась возможность уменьшения срока до 1/3²². На 1 января 1939 г. количество стрелков охраны из заключенных достигало во всей системе ГУЛАГа 25 тыс. человек²³. Однако низкая дисциплина у большинства «самоохранников» провоцировала нарушение режима содержания в местах лишения свободы в среде осужденных. Только в Арлюкском отдельном стрелковом взводе ВОХР в течение января-февраля 1937 г. было допущено 18 побегов бесконвойных и 2 побега конвойных заключенных. Со 2-й фермы в самовольную отлучку в д. Кармановку ушли стрелки-заключенные Останчук и Миронов, по возвращении у них было обнаружено 6 флаконов с одеколоном.

Расконвоированные заключенные, оставшиеся без должного контроля, незаконно покидали места лишения свободы. В мае 1938 г. количество побегов в Арлюкском, Яйском, Мариинском лагерных пунктах имело устойчивую тенденцию к росту. Вопрос расконвоирования заключенных перекладывался начальником на второстепенных лиц, что в итоге увеличивало численность беглецов. В Яйском лагпункте отпущенный начальником Гомжиным в поселок по личным делам заключенный Рогачев связался с местным преступным элементом, пьянствовал двое суток и после ссоры был убит и расчленен топором.

Начальник Суловского отдельного лагерного пункта Павелко, практикуя массовые расконвоирования, допустил 80 побегов в 1938 г.²⁴ Побег осужденные совершали

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1132. Л. 82.

²⁰ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

²¹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 34. Л. 39.

²² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1133. Л. 65.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–124.

²⁴ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 34. Л. 36, 37.

как из самих мест лишения свободы, так и во время выхода на работы, при перевозке в другие части страны.

Из зоны Белогорского участка Кожуховского отдельного лагерного пункта 2 сентября 1942 г. в 24 часа 00 минут путем пролома забора пытался бежать заключенный В. Ф. Шунайлов. Стрелок И. И. Лазарев, находясь в дозоре, увидел его и, применив оружие, ранил беглеца в руку. Осужденный был задержан²⁵.

Около железнодорожного моста «Овраг – река Черемшанка» 1 июня 1936 г. в 2 часа ночи из проходившего эшелона совершили побег четверо заключенных. Благодаря бдительности дежурного по гарнизону красноармейца Орешко и умелым действиям красноармейцев Майорова и Найденова с привлечением служебных собак вожатых Лукашина и Воронина побег был предотвращен²⁶.

Сотрудникам исправительно-трудовых учреждений несение службы осложняло негативное отношение части местных жителей, связанных с криминальным миром. В ночь с 3 на 4 апреля 1938 г. в с. Куре-Смоленка Верх-Чебулинского района Новосибирской области был убит стрелок – оперативник Суловского дивизиона Ф. И. Захаров, который ранее задержал четверых бежавших заключенных, скрывавшихся в этом населенном пункте. В отместку четверо односельчан (Евдокимов, Зорин и братья Алябьевы) в 2 часа ночи, подкараулив возвращавшегося домой Захарова, напали на него и ударом кола по голове убили, забрав револьвер и сбросив труп в реку²⁷.

Для пресечения побегов часовым было разрешено применять оружие на поражение. Эффективной мерой в борьбе с побегами в местах лишения свободы в Западно-Сибирском регионе стало широкое привлечение местных жителей к операциям по поимке беглецов, создание Бригадмилов, активизация агентурного аппарата.

Последствия бегства заключенных

Побег из мест лишения свободы являлся чрезвычайным происшествием для советской пенитенциарной системы. Нередко во время побегов заключенные совершали тяжкие преступления. Уголовные элементы, оказавшись на свободе, возобновляли свою преступную деятельность, усложняя и без того тяжелую криминогенную обстановку в стране.

В ночь с 17 на 18 сентября 1943 г. группа заключенных, бежавших из Алтайлага на автомашине № 181, принадлежавшей 47 колонне 4 отделения, совершили нападение на колхозников. Преступники, вооруженные большим ножом, согнали потерпевших в одну комнату, заперев ее. Бандиты принялись грабить квартиру, унося с собой продукты, вещи, два охотничьих ружья с патронами, заколы двух баранов. Погрузив награбленное в кузов машины, они скрылись в неизвестном направлении²⁸.

Вклад заключенных в развитие советской экономики был большим. В 1929 г. было принято Постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», в результате чего сибирская инфраструктура развивалась с привлечением рабочей силы из числа осужденных. Пенитенциарные учреждения Советского государства в 30–40-е гг. XX в. были сосредоточены в ведомстве НКВД и выполняли две основные задачи: карательную и экономическую [23, с. 346]. Таким образом, побеги заключенных в определенной мере оказывали негативный эффект для экономического состояния страны.

Оперативная работа по предотвращению побегов

С целью совершенствования борьбы с побегами был издан приказ ОГПУ от 29 августа 1932 г. № 828с «О слиянии аппаратов военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей с информационно-следственными отделами лагерей на местах и в центре и о переименовании последних в секретно-оперативные отделы». Впоследствии в соответствии с приказом ОГПУ от 23 сентября 1932 г. № 923с секретно-оперативные отделы стали называться (в целях конспирации) третьими отделами. В 1937 г. были организованы отделения, оперативным путем предотвращавшие побеги, принимавшие меры по розыску бежавших заключенных и осуществлявшие следствие по делам о побегах. В 1940 г. третьи отделы и третьи отделения, входившие в структуру местных управлений НКВД, были реорганизованы в оперативно-чекистские отделы (отделения), а с 1941 г. сменили название на оперативные отделы системы исправительно-трудовых учреждений [24].

Значительно осложняло оперативную обстановку в местах лишения свободы наличие сплоченной группы профессиональных преступников, т. н. «воров», которые всячески стремились нарушить режим содержания и не желали вставать на путь исправления. Отрицая трудовую деятельность, морально разложившиеся личности с темным прошлым, имевшие, как правило, не одну судимость, занимались кражами, грабежами, разбоями, систематически избивали других заключенных, играли в азартные игры, сожительствовали с женщинами, злоупотребляли спиртными напитками, оказывали сопротивление и угрожали надзирательскому составу [25].

В 1937 г. в Ново-Ивановском отделении Сиблага бандитская группа численностью 20 человек участвовала в вооруженном налете на барак заключенных во время преступных разбирательств. В результате заключенному Тенисскому было нанесено ранение топором. В мае 1937 г. преступниками было совершено ограбление лагерьной кухни (украдено 12 кг мяса), в июне 1937 г. они совершили кражу в продовольственном ларьке в Ново-Ивановском отделении Сиблага²⁹.

²⁵ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Т. 3. Д. 4. Л. 41.

²⁶ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 234. Л. 192.

²⁷ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 36. Л. 94, 95.

²⁸ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 407. Л. 88.

²⁹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 36. Л. 152.

В Чистюньском отделении Сиблага группа лагерных воров в составе заключенных Я. М. Брагина, А. И. Казымова, Г. А. Лысенко, А. А. Чудинова изготавливала пиво из отпущаемых продуктов для кормления телят, периодически устраивая пьяные оргии³⁰.

Оперативные подразделения пенитенциарной системы СССР принимали все допустимые меры по предотвращению побегов заключенных. Но контроль в отношении заключенных со стороны руководства в ряде подразделений пенитенциарной системы проводился из рук вон плохо. В 1942 г. в Орлово-Розовском отделении Сиблага состояние учета заключенных оказалось хаотичным. Десятки умерших, освободившихся заключенных все еще состояли на довольствии. О нахождении 175 заключенных в Арлюке руководству лагерного отделения было неизвестно³¹.

Во время подготовки оперативных работников изучались и методы противодействия побегам осужденных. Централизованная курсовая подготовка сотрудников ГУЛАГа начала осуществляться с октября 1939 г. [26, с. 75].

Заключение

Побеги заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.) являлись чрезвычайными уголовно наказуемыми деяниями. Их основными причинами были тяжелые санитарно-бытовые условия, большие сроки изоляции за незначительные правонарушения, возникшая угроза жизни и здоровью заключенных. Провоцировало побег и халатное отношение к службе ряда сотрудников исправительно-трудовой системы. Способы побегов были разнообразны: «на рывок», нападения на охрану, подкопы, побег с использованием автотранспорта, попытка скрыться, прячась на рабочих объектах, с помощью местных жителей, в ночное время, пользуясь отсутствием освещения. В 1940-е гг. количество побегов постепенно уменьшалось. Это было, прежде всего, связано с уменьшением численности осужденных. Во время формирования советской пенитенциарной системы не всегда учитывался дореволюционный опыт.

Литература

1. Кузьмин С. И., Железная Ю. Ю. Организационно-правовые меры предотвращения побегов заключенных из исправительно-трудовых лагерей (1929–1956 гг.) // История государства и права. 2015. № 15. С. 24–28.
2. Сенкевич В. В. Исторический аспект правовых мер предупреждения побегов из мест лишения свободы // Вестник Академии права и управления. 2010. № 21. С. 138–142.
3. Кузьмин С. И. Побег заключенных как форма протеста против карательной политики и условий содержания в местах лишения свободы в 30–50 гг. XX в. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 6. С. 29–32.
4. Умнягин В. В. Побег за границу и жизнь на чужбине по воспоминаниям соловецких узников // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 303–307.
5. Сорокин М. В., Сорокина О. Е. Предупреждение правонарушений в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 40-х гг. XX в. // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3. С. 52–56.
6. Дашин А. В., Игнатьков А. А. К вопросу о массовых неповиновениях заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР (1920–1940-е годы) // Современное право. 2014. № 12-1. С. 82–87.
7. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. М.: Русайнс, 2015. 224 с.
8. Смирнов А. Б. Эволюция и проблемы пенитенциарной системы России в контексте цивилизационного развития // III Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников. (Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) Рязань, 2017. Т. 3. С. 74–82.
9. Смирнов А. Б., Очередыко В. П. Пенитенциарная система советского государства в предвоенные и военные годы (1930–1945 гг.) и ее роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 61–66.
10. Реент Ю. А., Жигалев А. В. Исправительно-трудовая система советской России в довоенный период (1921–1940 гг.). М.: РГ-Пресс; Проспект, 2018. 190 с.
11. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. М.: Юрид. центр Пресс, 2004. 608 с.
12. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306
13. Маменкова Е. С. Красноярский ИТЛ НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 19–23.
14. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
15. Мить А. А. Формирование лагерной системы в Кузбассе в 1920-е – начале 1940-х гг.: оценка численности заключенных // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 100–113.

³⁰ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 151.

³¹ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

16. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 1999. 490 с.
17. Ковалева Е. А. Организация трудового использования спецконтингента исправительно-трудовых учреждений южноуральского региона в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война – героическая и трагическая страницы в истории советского народа: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 14–15 июня 2016 г.) Оренбург, 2016. С. 172–176.
18. Иваненко А. В., Малкова Ю. А. Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39.
19. Пертаи Л. Ф. Профилактика побегов заключенных в дореволюционной России // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 43–46.
20. Упоров И. В., Абазов А. Б. Пенитенциарная политика советского государства в контексте функционирования органов госбезопасности (1930-е годы) // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2019. № 4. С. 42–45.
21. Суверов Е. В. К вопросу о режиме содержания заключенных в местах лишения свободы в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 29–33.
22. Детков М. Г., Шамсунов С. Х., Алексушин Г. В. Уголовно-исполнительная система, 130 лет. М.: Юриспруденция, 2009. 301 с.
23. Куанышева В. В. Особенности реализации пенитенциарной политики СССР в период массовых репрессий (1936–1941 гг.) // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: мат-лы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (Самара, 16–17 июня 2016 г.) Самара, 2016. С. 344–347.
24. Агарков А. В. Трансформация задач оперативных подразделений пенитенциарной системы СССР в первой половине XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 141–144.
25. Суверов Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 124 с.
26. Волошин Д. В. Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное время (1940-е гг.) // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1. С. 75–78.

original article

Prison Escapes in Western Siberia (1930–1945)

Evgeny V. Suverov^{a, @}

^a Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Barnaul

[@] suverovev69@mail.ru

Received 04.02.2020. Accepted 15.05.2020.

Abstract: The author analyzed the causes and consequences of prison escapes in Western Siberia in 1930–1945, which were a serious problem for the entire Soviet correctional labor system. The reasons behind frequent prison escapes can be summarized as follows: substandard living conditions, a complex production schedule, violent inmates, severe punitive measures for minor crimes, and relatively lenient punishment for escapes. The situation was aggravated by the negligent attitude to the service among wardens, their non-compliance with official discipline and job descriptions, as well as by ineffective use of the agent network. The escapes grew even more frequent in the late 1930s because the number of convicts increased during the Great Terror. The opposite pattern prevailed during World War II due to the general reduction of prison population during the occupation of the European Russia and the fact that some categories of convicts were allowed to enlist in the army. The fugitives posed a real threat to local residents. Once they were free, they committed murders, robberies, and rapes, which significantly worsened the difficult criminal situation in the West Siberian region. The NKVD employees of the Joint State Political Directorate of the Council of People's Commissars of the USSR prevented escapes and detained the prisoners. The research objective was to establish the causes, consequences, and various forms of prison escapes in Western Siberia in 1930–1945.

Keywords: camp, guards, prison, Siblag, Altaylag, Western Siberia, prison escape

For citation: Suverov E. V. Prison Escapes in Western Siberia (1930–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 362–369. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-362-369>

References

1. Kuzmin S. I., Zheleznyaya Yu. Yu. Organizational-law measures of prevention of escape by prisoners from correctional-labor camps (1929–1956). *Istoriia gosudarstva i prava*, 2015, (15): 24–28. (In Russ.)
2. Sienkiewicz V. V. The historical aspects of legal measures on prevention of the escapes from jail. *Vestnik Akademii prava i upravleniia*, 2010, (21): 138–142. (In Russ.)
3. Kuzmin S. I. The prisoners are escaping as a form of protest against punitive policies and conditions in places of detention in 30–50 XX century. *Ugolovno-ispolnitelnaia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2013, (6): 29–32. (In Russ.)
4. Umnyagin V. V. Escape abroad and life in the foreign land in the Solovki prisoners' memoirs. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2016, (1): 303–307. (In Russ.)
5. Sorokin M. V., Sorokina O. E. The prevention of offences in prisons and remand centers of the people's commissariat of Internal Affairs (PCIA) of USSR in the 40s of the twentieth century. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta*, 2014, (3): 52–56. (In Russ.)
6. Dashin A. V., Ignatkov A. A. To the question about the mass nepovinoeniya prisoners in correctional labor camps of the USSR (1920–1940). *Sovremennoe pravo*, 2014, (12-1): 82–87. (In Russ.)
7. Smykalin A. S. *Forced labor camps and prisons in Soviet Russia*. Moscow: Rusains, 2015, 224. (In Russ.)
8. Smirnov L. B. Evolution and problems of the Russian penitentiary system in the context of civilization development. *III International penitentiary forum "Crime, punishment, correction"*: Proc. of participants, Ryazan, November 21–23, 2017. Ryazan, 2017, vol. 3, 74–82. (In Russ.)
9. Smirnov L. B., Ocheredko V. P. The penitentiary system of the Soviet state in the pre-war and war years (1930–1945) and its role in achieving Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2005, (2): 61–66. (In Russ.)
10. Reent Yu. A., Zhigalev A. V. *The correctional labor system of Soviet Russia in the pre-war period (1921–1940)*. Moscow: RG-Press; Prospekt, 2018, 190. (In Russ.)
11. Uporov I. V. *Prison policy of Russia in the XVIII–XX centuries*. Moscow: Iurid. tsentr Press, 2004, 608. (In Russ.)
12. Khatanzeiskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of Northern region in 1929–1936. *Noveishaia istoria Rossii*, 2016, (3): 93–104. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306
13. Mamenkova E. S. Krasnoyarsk Forced Labour Camp of the USSR National Commissariat of Military Affairs during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 19–23. (In Russ.)
14. Gvozdkova L. I. *The history of repression and the Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 516. (In Russ.)
15. Mit' A. A. The formation of the camp system in Kuzbass in the 1920s – early 1940s: estimation of the number of prisoners. *Actual problems of modern Russian history*, ed. Zabolotskaia K. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 100–113. (In Russ.)
16. Rasskazov L. P., Uporov I. V. *Imprisonment in Russia: origins, development, and prospects*. Krasnodar: Krasnodarskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 1999, 490. (In Russ.)
17. Kovaleva E. A. Organization of the labor use of the special contingent of correctional labor institutions of the South Ural region during the Great Patriotic War. *The Great Patriotic War – a heroic and tragic page in the history of the Soviet people*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, June 14–15, 2016. Orenburg, 2016, 172–176. (In Russ.)
18. Ivanenko A. V., Malkova Y. A. Historical and legal analysis of formation of the soviet penential system (1937–1941). *Apemen*, 2019, (31): 30–39. (In Russ.)
19. Pertli L. F. Escapes of prisoners in pre-revolutionary Russia. *Monitoring pravoprimereniia*, 2014, (4): 43–46. (In Russ.)
20. Uporov I. V., Abazov A. B. Prison policy of the Soviet state in context of functioning of security bodies (1930s). *Ekonomika. Pravo. Pechat. Vestnik KSEI*, 2019, (4): 42–45. (In Russ.)
21. Suverov E. V. To the question of detention regime of prisoners in imprisonment places in West Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2015, (1): 29–33. (In Russ.)
22. Detkov M. G., Shamsunov S. Kh., Aleksushin G. V. *130 years of criminal executive system*. Moscow: Iurisprudentsiia, 2009, 301. (In Russ.)
23. Kuanysheva V. V. Features of the implementation of the penitentiary policy of the USSR during the period of mass repressions (1936–1941). *The penal system at the present stage: the interaction of science and practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Interdepartmental Conf., Samara, June 16–17, 2016. Samara, 2016, 344–347. (In Russ.)
24. Agarkov A. V. Transformation of tasks of operative divisions in the penitentiary system of the USSR in the first half of the twentieth century. *Vestnik Vladimirovskogo iuridicheskogo instituta*, 2010, (2): 141–144. (In Russ.)
25. Suverov E. V. *The formation and functioning of the Siberian Forced Labor Camp of the NKVD of the USSR (Siblag) in 1929–1941*. Barnaul: BlUI MVD Rossii, 2016, 124. (In Russ.)
26. Voloshin D. V. Training courses of penal staff in the prewar and wartime (1940s). *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2014, (1): 75–78. (In Russ.)

Промышленновский район в период социального катаклизма 1917–1919 гг.

Михаил В. Шиловский^{a, b, @}

^a Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск

^b Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Россия, г. Новосибирск

[@] istorik.novosib@gmail.com

Поступила в редакцию 18.02.2020. Принята к печати 26.03.2020.

Аннотация: Анализируется общественно-политическая ситуация в Касьминской, Тарьминской, Титовской и Морозовской волостях Кузнецкого уезда Томской губернии в 1917–1919 гг., среди жителей которых преобладали старожилы. События на изучаемой территории затронули наиболее крупные поселения. Титовская волость вошла в систему Кузнецкого уездного народного собрания, а Касьминская сразу стала называться земской. Деструктивные начала в повседневную жизнь вносили отпущенные на полевые работы солдаты из запасных полков Томска и Новониколаевска. Существенную роль в партизанско-повстанческом движении сыграли анархисты и возглавляемые ими формирования (Г. Ф. Рогов, И. П. Новоселов, П. К. Лубков, И. М. Дрожжин). Самым известным и популярным партизанским командиром на изучаемой территории стал переселенец В. П. Шевелев-Лубков (1892–1939) из д. Шипицыной Титовской волости, фронтовик, георгиевский кавалер, подпрапорщик. Разгром белых в конце 1919 г. не стабилизировал положение. Анархистские отряды вступили в вооруженную борьбу с советской властью. В 1921 г. восстали крестьяне с. Брюханово и окрестных деревень. Только к концу 1922 г. были ликвидированы очаги сопротивления.

Ключевые слова: революция, Гражданская война 1918–1920 гг., переселенцы, старожилы, анархисты, партизаны, волость, земство, самогоноварение, фронтовики

Для цитирования: Шиловский М. В. Промышленновский район в период социального катаклизма 1917–1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 370–378. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-370-378>

Введение

Предлагаемый материал продолжает начатую 17 лет назад реконструкцию истории родного для автора Промышленновского района [1]. К началу XX в. в административном плане территория и поселения района входили в состав Касьминской (центр – с. Брюханово) и Тарьминской (с. Коурак) волостей Кузнецкого уезда Томской губернии, получивших название по наиболее протяженным притокам р. Иня – Тарьма (82 км) и Касьма (70 км). В 1914 г. селения по Ине выделяются в Титовскую и Морозовскую волости. Наиболее крупными поселениями на территории современного района являлись (более 1 тыс. человек): Ваганово, Журавлево, Тарасово, Окунево, Байрак, Камысла (Промышленная), Морозово, Лебеди, Титово, Васьково. Помимо Промышленновского района, населенные пункты перечисленных выше волостей входят ныне в состав Ленинск-Кузнецкого и Тогучинского районов соответственно Кемеровской и Новосибирской областей.

Специфика объекта исследования заключается в том, что изучаемая территория была заселена местными крестьянами, а не переселенцами из Европейской России, уже к середине XIX в. В последующем численность жителей увеличилась за счет естественного прироста. В рамках столыпинского переселения подавляющая часть новоселов подсаждалась в старожильческие селения. На территории

района возникло немного переселенческих деревень, в частности Шуринка в 1912 г. Поэтому среди местных обывателей преобладали старожилы. Переселенцы составляли в Мариинском уезде 61 % от числа хозяйств, в Кузнецком – около 33 % [2, с. 265]. К тому же в начале XX в. Кузнецкая котловина становится районом интенсивного индустриального освоения (Кемеровский, Кольчугинский рудники, строительство коксохимического завода «Копикуза»). Кольчугинская железная дорога прошла по территории Касьминской и Морозовской волостей. Поэтому процессы, имевшие место на перечисленных промышленных объектах и в поселениях (образование г. Щегловск в конце июня 1918 г. и соответствующего уезда) оказали существенное воздействие на общественно-политическую ситуацию.

Целью предпринятого анализа является на примере избранного локуса отследить поведение разных групп крестьян (старожилы, новоселы) в условиях социального катаклизма 1917–1922 гг. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие исследовательские задачи: в общих чертах воссоздать общественную активность крестьян в рассматриваемый период и выявить основные формы ее проявления, реконструировать порядок формирования и компетенцию созданных тогда органов местного самоуправления, раскрыть основные очаги партизанско-повстанческого движения, установить причины

распространения влияния анархистских настроений в среде партизан, определить их отношение и селян в целом к приходскому духовенству РПЦ и храмам.

Общественная активность крестьян Промышленновского района в условиях социального катаклизма 1917–1922 гг.

Предвестниками социального катаклизма 1917 г. стали массовые выступления мобилизованных (бунты), которые происходили с 19 июля 1914 г. и до конца месяца. С 20 по 25 июля они имели место в Касьминской и Тарсьминской волостях (Лебедевское, Васьково, Морозово, Ваганово) и сопровождалось разгромом запасными торговых и винных лавок [3, с. 108–110]. Согласно донесению томского губернатора В. Н. Дудинского в Департамент полиции от 2 сентября 1914 г.: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно по Томской губернии»¹.

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. человек к 21 июля собралось более 6 тыс. мобилизованных. Вместе с горожанами и крестьянами окрестных поселений они разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска. Определенную роль в пресечении беспорядков сыграл проживающий в городе отставной генерал-лейтенант, герой Русско-японской войны 1904–1905 гг. П. Н. Путилов, который «одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять» [4, с. 74].

Истоки некоторых деструктивных проявлений уходят в период Первой мировой войны. В отчете Томского губернского управления за март 1915 г. констатируется: «После запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков, в губернии стали замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких размерах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа разных суррогатов водочных изделий»². В начале февраля 1916 г. губернатор информировал правоохранительное ведомство: «В некоторых уездах губернии семья запасных нижних чинов, призванных на действительную военную службу, по прежнему отказывались от добровольной уплаты причитающихся с них сборов, заявляя, что таковые будут внесены по окончании войны их мужьями; о примененных же по отношению к ним принудительных способах взыскания недоимок солдатки, обыкновенно, сообщают своим мужьям, находящимся в действующей

армии, а последние отвечают на это угрожающими письмами по адресу должностных лиц крестьянского управления»³.

Судя по хронике общественно-политического движения в Томской губернии 1917–1919 гг. подавляющее большинство информационных объектов находилось в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, Алтайской и Кольчугинской железных дорог. Поэтому можно утверждать, что события рассматриваемого времени носили в данных волостях «сетевой» характер, затронули наиболее крупные населенные пункты на железных дорогах и имевших доступ к телеграфу.

Первая информация о революционных событиях на изучаемой территории представляет краткую заметку в газете «Сибирская жизнь» за 22 марта 1917 г. Датируется 10 марта и имеет четкий адрес – с. Титовское Кузнецкого уезда: «Волостное правление разослало всем сельским старостам волости предложение немедленно созвать полный сельский сход и прочесть на нем воззвание, в котором сообщалось о государственном перевороте и о новом строе, приводилось приглашение нового правительства всем быть на своих местах, быть трезвым, сохранять спокойствие, не посягать на жизнь человека, не разводить смуту, а сплотиться, помогая друг другу, и присоединиться к новому правительству» [5, с. 82]. 14 марта в волостном центре состоялось собрание волостных депутатов в количестве 126 человек, на котором выбрали трех уполномоченных от волости на уездный крестьянский съезд и высказались за скорейший созыв Учредительного собрания [5, с. 96]. На крестьянском съезде Кузнецкого уезда 9–15 апреля (35 представителей от волостей и г. Кузнецк) делегаты объявили себя уездным народным собранием и в телеграмме на имя председателя Государственной думы М. В. Родзянко потребовали установления «республиканского образа правления в России, созыва как можно скорее Учредительного собрания, немедленного суда над деспотом Романовым и его женой, и бывшими министрами»⁴.

По-другому развивалась ситуация в расположенной южнее Касьминской волости. Согласно информации В. М. Кимеева: «После получения телеграфного известия об отречении царя в феврале 1917 г. группа крестьян из числа бывших фронтовиков и безземельных переселенцев собрались на сходку у волостной управы, отстранили от должности сельского старосту, разоружили волостного пристава Кузеванова, а над зданием волостной управы вывесили красный флаг. Через день на общеволостном сходе был создан временный волостной крестьянский комитет, во главе которого встали бывшие фронтовики из числа переселенцев-бедняков. Спустя месяц по телеграфу из Томска поступило распоряжение Временного

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 77. Л. 11.

² ГАРФ. ДП ОО. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 4.

³ ГАРФ. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 81. Л. 1.

⁴ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Э. И. Черняк. Томск: Томский ун-т, 1992. Ч. 1. С. 18.

правительства образовать Земский комитет. По селам были разосланы представители для проведения собраний и выборов. В состав Касьминского волостного земского комитета вошли в основном зажиточные и наиболее уважаемые в волости крестьяне и коннозаводчики» [6, с. 138–139].

Расхождения в названии органов самоуправления двух соседних волостей обуславливались, на наш взгляд, разными каналами поступления информации о происходивших в Томской губернии трансформациях в системе общественного самоуправления. Как известно, земская реформа начала осуществляться в Сибири с лета 1917 г. Единственная попытка в регионе самостоятельного строительства местных выборных органов власти без оглядки на Временное правительство связана с созданием системы народных собраний в городах, волостях и уездах губернии. Временное правительство признавать самодеятельную структуру отказалось, и после распространения на Сибирь 17 июня 1917 г. «Временного положения о земских учреждениях ...» предписало преобразовать исполкомы губернского и уездных народных собраний в соответствующие земские управы. Поскольку указание не касалось волостных и поселенческих структур, вплоть до начала 1918 г. они сохранили прежнее название.

Поэтому Титовская волость вошла в систему Кузнецкого уездного народного собрания, а Касьминская с более поздними сроками административной трансформации сразу стала называться земской. Благодаря близости (около 20 верст) от столицы Кольчугинской ж. д. – ст. Топки, титовские обыватели подвергались более интенсивному воздействию революционных преобразований. Лишь 16 марта в Брюханово сняли со стены волостного правления портрет свергнутого царя, а 19 марта местный священник призывал крестьян не верить слухам о революции [5, с. 105, 113]. Уже в апреле крестьяне стали захватывать кабинетские земли, а также участки, арендуемые крупными коннозаводчиками (Мусманом, Ф. С. Пьянковым, П. Коневым и др.). Жители Коурака, Колтырака, Лебедево, Пьяново требовали выделить землю под сенокосы.

Судя по материалам хроники, в селениях и волостях Кузнецкого уезда в сентябре состоялись выборы в земство. 1 октября 1917 г. открылась первая сессия Тарьминского волостного земского собрания, обсуждавшая вопрос о мере жалования своим функционерам [7, с. 17, 43, 60]. Открывшаяся 17 ноября сессия уездного земского собрания отказалась признавать власть Советов, осудила «мятеж большевиков» и высказалось за скорейшее открытие Учредительного собрания [2, с. 250]. Земство ставилось под жесткий контроль административных структур белой Сибири. В мае 1919 г. на основе постановления Всероссийского Совета министров утверждается форма присяги членов земских управ: «Обещаю и клянусь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему отечеству. Обещаю

и клянусь служить ему, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии Государства Российского. Обещаю и клянусь повиноваться Российскому Правительству, возглавляемому Верховным Правителем впредь до установления образа правления, свободно выраженного волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и крестом Спасителя. Аминь!»⁵.

Недостатком всех низовых земских учреждений территории и Сибири в целом являлось расхождение между амбициозными проектами и отсутствием у них финансового обеспечения. На уровне сельского общества в 1919 г. действовали сельские сходы, которые экономно осуществляли свои расходы за счет раскладки по хозяйствам с учетом площади посева, поголовья лошадей и скота. Характерно, что и после восстановления советской власти и создания волостных ревкомов местные крестьяне пытались принимать управленческие решения по нормам традиционного сельского самоуправления. Так, 20 февраля 1920 г. соединенное народное собрание (крестьяне и инородцы) соседней с Тарьминской Вассинской волости рассматривало вопрос «об отобрании Вассинским Волостным Ревкомом приходского дома, в котором живет священник, под больницу. По обсуждении этого вопроса и принимая во внимание, что нам священник необходим, так как мы все православные и нет подходящей квартиры для священника, а потому единогласно постановили: мы не желаем, чтобы наш приходский дом, в котором помещается священник, был отобран под больницу. Кроме того означенный дом принадлежит всему приходу Вассинской Николаевской церкви и таковым может распоряжаться только приходское собрание, а поэтому предлагаем церковному старосте немедленно собрать приходское собрание, которое может решить означенный вопрос. Независимо от сего мы вполне согласны содержать как церковь, так и причт своими средствами села Вассинского»⁶.

Деструктивные начала в повседневную жизнь деревни вносили отпущенные на полевые работы солдаты из запасных полков Томска и Новониколаевска. Как отмечает В. А. Дробченко, военнослужащие «проявляли демонстративное неуважение к власти, а власть часто оказывалась не способна заставить себя уважать. Все это разлагающе действовало на крестьянство. Самогоноварение и пьянство захлестнули деревню. Были села, где винокурением занимались в каждом доме» [8, с. 366–367]. В с. Байкаим в июне милиция обнаружила кустарный самогонный завод, уничтожили более 900 ведер самогона. Как оказалось, предприятие принадлежало всему местному обществу и жители поселения угрожали милиционерам [5, с. 329]. 2 июля Касьминские волостные управленческие структуры обратились в Томский губисполком с письмом, в котором подчеркнули, что «в пределах волости с большим размахом

⁵ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

⁶ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 54. Л. 52.

развилась выгонка самогонки, среди народа и приходящих по разным случаям в отпуска солдат развилось повальное пьянство» [5, с. 329]. Практически прекратилось внесение налогов. За первую четверть 1917 г. к середине октября по Кузнецкому уезду на погашение недоимок и окладных сборов на сумму 18471 руб. поступило 817 руб. 27 коп., т. е. 4,4 %. В начале 1918 г. старожилы Касьминской волости полностью перестали платить налоги [7, с. 90, 301].

Вторая половина 1917 г. характеризуется избирательной кампанией во Всероссийское Учредительное собрание, которая прошла в Кузнецком уезде 12–14 ноября. За эсеров здесь отдали голоса 90,7 % принявших участие в голосовании (для сравнения – в Мариинском уезде – 88,6 %). Крестьянству импонировала прежде всего эсеровская аграрная программа. Ее главным элементом являлось требование ликвидации частной собственности на землю и запрещение ее купли-продажи. Предусматривалось также, что «земля должна быть без выкупа передана в ведение народа и в пользование тех, кто на ней трудится своим трудом – обществами, кооперативами или единолично на уравнильно-трудовых началах» [9, с. 91]. Не случайно в Морозово, Лебедево, Брюханово до конца 1917 г. были созданы волостные земельные комитеты [8, с. 572].

Радикализации отношений внутри крестьянского мира способствовали фронтовики и консолидация местной бедноты, начавшей объединяться в комбеды. В Касьминской волости до 27 декабря 1917 г. организуется Совет солдатских депутатов, а весной 1918 г. фронтовики в Брюханово создали комитет бедноты [10, с. 201]. На рубеже 1917–1918 гг. образуются Касьминский и Титовский сельские советы, в с. Лебедевское Совет крестьянских депутатов возник при волостной земской управе. До апреля 1918 г. в переселенческом поселке Байрак Морозовской волости (8 км от волостного центра) И. П. Новоселовым и М. Скударновым создается крестьянская коммуна «Анархия», в которую вошло 10 самых бедных семей⁷. Известно, что Иван Панфилович Новоселов к 1914 г. был женат, имел пятерых детей, в армии окончил военно-ветеринарные курсы и сошелся с анархистами. Как установил М. Ю. Живописцев: «После возвращения с фронта его как организатора коммуны "Анархия" выбирают делегатом на уездный съезд Советов. В 1918 г. он объявился в наших местах и работал делопроизводителем в Гурьевском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» [11, с. 224]. Члены коммуны стали ядром партизанского отряда. Анархисты и возглавляемые ими формирования (Г. Ф. Рогов, И. П. Новоселов, П. К. Лубков, И. М. Дрожжин) сыграли существенную роль в партизанско-повстанческом движении в Кузбассе, но до недавнего времени однозначно квалифицировались как представители «анархо-эсерово-кулацкого крыла в сибирском партизанском движении», хотя ничего эсеровского и кулацкого

в их действиях не было. Программа И. П. Новоселова не шла дальше лозунга: «Уничтожайте гадов!», каковыми он считал не только контрреволюционеров, но и всех богатых и интеллигентов [12, с. 139].

Ситуация на изучаемой территории, помимо комплекса факторов, определялась взаимоотношениями старожилов и новоселов. Салаирский кряж стал своеобразным рубежом противостояния между ними. В Кузнецком уезде и южных волостях Новониколаевского уезда преобладали старожилы. В присалаирских волостях Барнаульского и Бийского уездов – переселенцы. Не случайно эпицентром анархо-партизанского движения под руководством Г. Ф. Рогова стало Причумышье (Жуланыха, Дмитро-Титово, Тогул и др.). Сюда направился и соединился с формированием Г. Ф. Рогова отряд И. П. Новоселова. 12 декабря 1919 г. объединение вступило в освобожденный от белых в результате восстания гарнизона Кузнецк. В течение трех суток производилась «зачистка» города от офицеров, состоятельных горожан, служащих органов власти. «Затем часть отряда с захваченным имуществом направилась на Алтай, а основные силы двинулись к Щегловску», заняв его 16 декабря. Белые выбили их и вновь город освободили части 35-й с. д. 5-й армии 24 декабря. Через два дня партизанские формирования включаются в состав соединения, но «Рогов и Новоселов отказались выполнять приказ, были арестованы и под конвоем направлены сначала в Кузнецк, а затем в Новониколаевск» [13, с. 145–146].

Фактор противостояния старожилов и переселенцев, со ссылкой на свидетельства генерала А. П. Будберга и П. В. Вологодского, на который автор обратил внимание в 1998 г. [14, с. 66–67], в последующем получил дополнительную аргументацию. В частности, в опубликованных недавно записках омского журналиста В. В. Иванова фиксируются впечатления о сельских обывателях севера современного Кузбасса в конце 1919 г.: «Как небо от земли, уже в этих давно заселенных местах, отличались от чалдонских сел новосельческие деревни. Неприспособленность, отсутствие инициативы, экономическая зависимость от старожилов так и сквозила в каждой семье. Все это, конечно, должно было дать значительную пищу Гражданской войне, которая уже надвигалась своими тяжелыми шагами вслед за нами» [15, с. 70].

Обратили внимание на проблему отдельные современные историки. П. А. Новиков замечает: «Переселенцы содействовали большевикам раньше, чем мог проявиться по отношению к крестьянам подчеркивавшийся советскими историками "произвол белых военных властей". Это свидетельствует о том, что мобилизация стала только поводом для выступления против белых части крестьян, изначально разделявших доктрину большевиков или, по меньшей мере, сочувствовавших ей. Также очевидно, что свои надежды с большевиками связывали переселенцы» [16, с. 153].

⁷ Из биографии анархиста И. П. Новоселова, записанные со слов его дочери Елены // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922. Хрестоматия / сост. Я. Е. Кривоносов. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. С. 257.

По мнению алтайского исследователя В. Н. Разгона, неприязненные отношения переселенцев и старожилов сохранялись и в советский период: «Принадлежность бывших военных противников к одному локальному сельскому сообществу придавала этой враждебности личностный характер и являлась фактором, способствующим эскалации репрессий за счет "инициативы снизу" ... О глубине этих противоречий, во многом усиливавшихся из-за персонализированной, личностной окраски, свидетельствует то обстоятельство, что некоторые из бывших партизан, выступивших в качестве авторов заявлений в НКВД и свидетелей по рассматриваемому делу, не отказались от своих показаний о враждебности репрессированных к мероприятиям советской власти и их вредительской деятельности в колхозах даже в период реабилитационного расследования, проводившегося в 1961 г.» [17, с. 753].

Самым известным и популярным партизанским командиром на изучаемой территории стал переселенец В. П. Шевелев-Лубков (1892–1938) из д. Шипицына Тарсыминской (Титовской) волости, фронтовик, георгиевский кавалер, подпрапорщик. В декабря 1917 г. он вернулся домой, в феврале 1918 г. участвовал в ликвидации волостной земской управы и создании Титовского волостного Совета крестьянских депутатов. В 1918–1919 гг. командовал организованным им партизанским отрядом, объединенной партизанской армией в Кузнецком, Мариинском и Щегловском уездах, а 20 декабря избирался командиром 1-й Томской советской партизанской дивизии. Был награжден орденом Боевого Красного Знамени [18]. В начале 1919 г. отряд В. П. Шевелева-Лубкова действовал на территории района, о чем он сообщал в мемуарах: «Мы двинулись в Бормотово, где уничтожили колчаковского милиционера, бывшего николаевского урядника, издевавшегося над крестьянами, а затем – к с. Морозово. По дороге нам сообщили, что в Морозово устроена белогвардейская засада. Мы повернули в д. Звонково. В ней стояли многочисленные посты из кулаков и милиционеров. Мы ворвались в деревню, обезоружили и переловили милиционеров и уже собрались отдохнуть "от трудов праведных", как увидели приближавшийся небольшой кавалерийский отряд. Мы встретили непрошенных гостей дружным залпом, и они поспешно повернули обратно»⁸.

На территории нынешнего Прохладненского района в 1918–1919 гг. серьезных боестолкновений между белыми и красными не было. Об этом свидетельствуют сохранившиеся захоронения участников борьбы за советскую власть. Их два: братская могила в д. Портнягино, в которой похоронены трое жителей деревни – И. Е. Булычев, А. Е. Ляпустин и Е. Я. Черепанов, партизаны из отряда А. В. Ролико-Виноградова, расстрелянные карателями в сентябре 1919 г. Во второй братской могиле в с. Ваганово

похоронены расстрелянные карателями местные активисты (лето 1918 г.), казненный отступающими колчаковцами председатель местного Совета Г. Е. Герасимов (17 декабря 1919 г.) и убитый местными кулаками в 1920 г. бывший партизанский командир К. Хмелев (Кузнецов) [19, с. 35–36, 111–112]. 20 сентября 1919 г. около д. Окунево был разгромлен партизанский отряд Аксенова [20, с. 324]. Тем не менее уровень взаимного ожесточения зашкаливал. Приведем в пример только два информационных сообщения из томской «Сибирской жизни» за 1919 г. Ночью 27 апреля в д. Васьково Титовской волости «шайка» партизан зарезала членов семьи мобилизованного в белую армию поручика Терещенко: жену, двухлетнего сына и племянницу. 13 сентября нападшие на с. Морозово партизаны численностью 23 человека убили священника А. В. Воробьева⁹.

Под воздействием восставших 25 марта 1919 г. кольчугинских шахтеров в ряде поселений вокруг с. Шабаново (10 км от границы Прохладненского района) была временно восстановлена советская власть. О том, что происходило позднее, В. А. Ильиных и Г. А. Ноздрин замечают, что об этом «можно судить по ситуации в одной из соседних деревень – Камышине (12 км от Шабаново), которая пять раз переходила из рук в руки. Причем и белые каратели, и красные партизаны считали соответственно старостой и председателем сельсовета одного и того же крестьянина, одинаково требуя у него фураж для лошадей. Накануне прихода Красной Армии местный партизанский отряд из 600 бойцов под командованием И. Е. Сизикова выбил белых из Брюханова, а 15 декабря 1919 г. занял Кольчугино» [10, с. 151]. Через четыре дня отряд двинулся через Камышино, Мусохраново, Ваганово, Лебедево и 23 декабря соединился с частями РККА. «На своем пути, начиная от Бочат, – уточняет В. М. Кимеев, – партизаны повсюду чинили кровавую расправу над зажиточными дружинниками и их семьями, сжигали церкви, убивая священников ... До прихода регулярных частей Красной Армии брюхановские красные партизаны Дмитрий Иванович Скороделов и Дмитрий Бобровский зарубили шашками священника Павла Кобылецкого, разграбили и сожгли Троицкую церковь, несколько домов зажиточных крестьян» [6, с. 145].

Отношение к духовенству и храмам РПЦ местного населения и партизан в изучаемый период на рассматриваемой территории и в Сибири в целом требует специального изучения. Повлияли на ситуацию общественно-политические процессы, специфика взаимоотношений верующих и священников, религиозный абсентеизм старожилов, оказавший влияние и на часть переселенцев. А. М. Адаменко констатирует: «Исследователи отмечают, что в Сибири у прихожан и причта складывались довольно странные отношения: с одной стороны, слабое соблюдение

⁸ Шевелев-Лубков В. П. Борьба сибирских партизан против белогвардейцев и интервентов в 1918–1919 годах // Записки сибирских партизан. Новосибирск: Новосибирск. кн. изд-во, 1961. С. 35.

⁹ Сибирская жизнь. 18.05.1919; Сибирская жизнь. 20.09. 1919.

религиозных обрядов со стороны прихожан и смешение православия с язычеством, с другой – низкий моральный уровень духовенства» [21, с. 71]. В 1917 г. началась дискуссия о преподавании Закона Божия в школе. В частности, состоявшийся в начале октября 1918 г. в Новониколаевске 2-й Западно-Сибирский краевой учительский съезд высказался за «оставление Закона Божия в числе обязательных предметов и сохранение за законоучителями всех прав, которыми пользовались учителя других общеобразовательных предметов» [20, с. 138–139].

«Неоднозначно, порой трагически складывались и взаимоотношения партизан Западной Сибири (*от себя добавим – и Восточной тоже – М. Ш.*) со священнослужителями. Этому было немало причин. Духовно-нравственная деформация охватила и институт церкви, что нашло выражение в распространении в уездах Западной Сибири сектантства и атеизма», – отмечает И. В. Курышев [22, с. 224]. Примеры участия отдельных представителей духовенства в повстанческо-партизанском движении в Восточной Сибири приводит Т. М. Новикова, так же как и факты расправы с ними со стороны народных мстителей [23].

На изучаемой территории имели место проявления двоякого рода. Выше упоминалось о бесчинствах партизан и сожжении ими Троицкой церкви в с. Брюханово в декабре 1919 г., об убийстве несколько ранее, 13 сентября, священника А. В. Воробьева (в с. Морозово Щегловской волости). С другой стороны, выше упоминалось о решении схода в с. Васино сохранить церковь и священника при ней.

При этом поведение подобного рода объяснялось атеистическими настроениями, негативным отношением старообрядцев к РПЦ. Сошлемся на повесть В. Я. Шишкова «Ватага» (1923), в которой главным мотивом негативного отношения партизан отряда Рогова к духовенству и разгром ими храмов в г. Кузнецк в самом конце 1919 г. объяснялась принадлежность их к раскольникам. Один из старообрядческих проповедников Шалаев заявлял в 1919 г.: «Священство и полиция так взаимно смешались... Вполне понятна и проявляемая ныне ужасающая ненависть народа, по крайней мере, в лице большевиков, к духовенству, к храмам, к святыням: ведь все это отождествляется со старым ненавистным режимом, со всеми

его насилиями, неправдами, гнусностями» [22, с. 227]. И еще один момент, на который указывает в своих воспоминаниях партизан из отряда Г. Ф. Рогова Н. И. Баталов: «Очень много принесли нам вреда церковные колокольни, а также и церкви. Каменные церкви колачковцы превращали в крепости, а церковные колокольни в пулеметные гнезда и наблюдательные пункты. Много погибло партизан от пулеметного огня с колоколен. Чтобы колачковцы не могли больше использовать колокольню как пулеметное гнездо, решили ее спилить. Жители не возражали и помогали это сделать. Подпилили столбы, привязали к верхушке веревки, привели лошадей в хомутах, привязали веревки, потянули и колокольня упала»¹⁰.

Разгром белых в конце 1919 г. не стабилизировал положение в Кузнецком уезде. Анархистские отряды И. П. Новоселова, Г. Ф. Рогова, Аньки Белокобыльской, И. Е. Толмачева в 1920 г. вступили в открытую борьбу с советской властью: громили кооперативы и маслозаводы, разгоняли ревкомы и партийные ячейки, отбирали лучших лошадей. В 1921 г. восстали крестьяне с. Брюхановское и окрестных деревень. Причиной стали злоупотребления новой власти при проведении продразверстки. Лишь к концу 1922 г. были ликвидированы очаги противостояния. «Новоселов в конце 1922 года неожиданно исчез. Предполагалось, что он погиб. По другим данным, в 1923 году он убежал в Китай» [11, с. 228].

Заключение

Подводя итоги участия крестьян будущего Промышленновского района в социальном катаклизме 1917–1922 гг., следует заметить, что ситуация полностью соответствует логике крестьянского движения в России, «которое, с одной стороны, было разгромлено всей мощью военно-репрессивной машины советского государства, а с другой стороны, победило его, добившись от большевиков главного – отмены продразверстки и закрепления перешедшей к крестьянам в 1917 г. земли в Земельном кодексе 1922 года. То есть была реализована главная цель крестьянского противостояния с властью – сохранение полученной в результате революции 1917 г. земли и права свободного хозяйствования на ней, хотя и на незначительный срок» [24, с. 17].

Литература

1. Шиловский М. В. Некоторые фрагменты истории Промышленновского района до 1917 года // Кемеровской области 60 лет: мат.-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. (Кемерово, 15 мая 2003 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. С. 17–22.
2. История Кузбасса. Ч. 1-2 / ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1967. 380 с.
3. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.
4. Кауфман А. О. Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово: Кузбасс, 2004. Вып. 6. С. 70–78.

¹⁰ Из воспоминаний партизана Н. И. Баталова о партизанском движении в Причумышье, возглавлявшемся Г. Ф. Роговым // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922. Хрестоматия / сост. Я. Е. Кривоносов. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. С. 261–262.

5. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2: март 1917 – май 1918 г. Ч. 1: март-август 1917 / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013. 416 с.
6. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 250 с.
7. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1888–1919 гг. Т. 2: март 1917 – май 1918 г. Ч. 2: сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013. 386 с.
8. Дробченко В. А. Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2008. 662 с.
9. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
10. Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: ЭКОР, 1995. 280 с.
11. Живописцев М. Ю. Белово – край родной. Белово: Канцлер, 2011. 387 с.
12. Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изда-во, 1981. 270 с.
13. Ларьков Н. С., Рудин В. Г. Гражданская война в Кузбассе (1918–1922) // Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1. А–К / ред. В. В. Бобров. Кемерово-Познань: Штама, 1996. С. 138–151.
14. Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 64–74.
15. Иванов В. В. В Гражданской войне: (из записок омского журналиста). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. 204 с.
16. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
17. Разгон В. Н. Политическое противостояние и военные конфликты периода Гражданской войны и военного коммунизма как источник репрессий периода Большого террора: региональный аспект (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы: мат-лы X Междунар. науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 747–755.
18. Шиловский М. В. Повседневность партизанского движения в Сибири в 1918–1919 гг. (по воспоминаниям В. П. Шевелева-Лубкова) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3. С. 145–150.
19. Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В., Кимеев В. М. Памятники революции и гражданской войны в Кузбассе. Кемерово: Кемеровское кн. изда-во, 1991. Вып. 2. 158 с.
20. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 3: июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013, 376 с.
21. Адаменко А. М. Развитие приходской системы на юге Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 39–75.
22. Курышев И. В. Социально-психологический облик участников антиколяковского партизанского движения в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаний) // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / под ред. И. В. Курышева. Ишим: Изда-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. С. 213–233.
23. Новикова Т. М. Православное духовенство и партизаны в 1918–1920 гг. (на примере Енисейской губернии // Сибирь в период Гражданской войны: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 6–7 февраля 2007 г.) Кемерово: КРИРПО, 2007. С. 149–151.
24. Кондрашин В. В. Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. (Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.) Новосибирск: Изда-во СО РАН, 2019. С. 16–23. DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-16-23

Promyshlennovskiy District during the Period of Social Cataclysm of 1917–1919

Mikhail V. Shilovskiy^{a, b, @}

^a Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk

^b Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk

[@] istorik.novosib@gmail.com

Received 18.02.2020. Accepted 26.03.2020.

Abstract: The article deals with the social and political situation in the Kasminsk, Tarsminsk, Titovsk, and Morozovsk volosts (districts) of the Kuznetsk uyezd (area), Tomsk Province, in 1917–1919. The territories in question were inhabited by long-time Russian residents. The Revolution affected the largest settlements. Titovsk area was included in the system of Kuznetsk area people's assembly, while Kasminsk district was under the supervision of the so-called zemstvo from the very beginning. Soldiers from reserve regiments of Tomsk and Novonikolaevsk were sent to field work and had a destructive impact on the local life. Anarchists (G. F. Rogov, I. P. Novoselov, P. K. Lubkov, I. M. Drozhzhin, etc.) and their military units played a significant role in the partisan and rebel movement. V. P. Shevelyov-Lubkov (1892–1939) became the most famous Red leader in the territory. He was an old settler from the village of Shipitsina in the Titovsk district and a decorated army veteran. The Whites were defeated in the late 1919, which brought no relief as anarchist squads maintained their attacks on the Soviet troops. In 1921, peasants in the village of Bryukhanovo rebelled. The last pockets of resistance were eliminated as late as in 1922.

Keywords: Russian Revolution, Civil war of 1918–1920 in Russia, resettlers, old-settlers, anarchists, partisans, volost, zemstvo, bootlegging, veterans

For citation: Shilovskiy M. V. Promyshlennovskiy District during the Period of Social Cataclysm of 1917–1919. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 370–378. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-370-378>

References

1. Shilovskiy M. V. Some fragments of history of Promyshlennovskiy district before 1817. *60th Anniversary of the Kemerovo Oblast: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 60th anniversary of the Kemerovo region*, Kemerovo, May 15, 2003. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, 17–22. (In Russ.)
2. *History of Kuzbass, pt. 1-2*, ed. Okladnikov A. P. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1967, 380. (In Russ.)
3. Goryushkin L. M., Nozdin G. A., Sagaydachnyy A. N. *Peasant movement in Siberia. 1914–1917. Chronicle and historiography*. Novosibirsk: Nauka, 1987, 241. (In Russ.)
4. Kaufman A. O. General P. N. Putilov and Kuznetsk. *Inquiries: historical and local lore miscellany*. Kemerovo: Kuzbass, 2004, iss. 6, 70–78. (In Russ.)
5. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 2: March 1917 – May 1918. Pt. 1: March-August 1917*, comps. Chernyak E. I., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 416. (In Russ.)
6. Kimeev V. M. *Siberian natives from Kasminsk. Daily life and culture of Russian old-settlers of Kasminsky volost*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 250. (In Russ.)
7. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 2: March 1917 – May 1918. Pt. 2: September 1917 – May 1918*, comps. Chernyak E. I., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 386. (In Russ.)
8. Drobchenko V. A. *Kuzbass in the turmoil of revolutions: social and political life in the region in March, 1917 – May, 1918*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 662. (In Russ.)
9. Shilovskiy M. V. *Political processes in Siberia during the period of social cataclysms, 1917–1920*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003, 428. (In Russ.)
10. Il'inykh V. A., Nozdin G. A. *Essays on the history of Siberian village*. Novosibirsk: EKOR, 1995, 280. (In Russ.)
11. Zhivopistsev M. Yu. *Belovo – native land*. Belovo: Kantsler, 2011, 387. (In Russ.)
12. Shukletsov V. T. *Siberians in the struggle for the Soviet power*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1981, 270. (In Russ.)
13. Larkov N. S., Rudin V. G. Civil War in Kuzbass (1918–1922). *Historical Encyclopedia of Kuzbass. Vol. 1. A–K*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo-Poznan: Shtama, 1996, 138–151. (In Russ.)
14. Shilovskiy M. V. Specific features of Siberian peasantry's political participation in social cataclysms of the early XX century. *Social development of Siberia (XVII–XX centuries): Bakhrushinsky readings of 1996*. Novosibirsk: NGU, 1998, 64–74. (In Russ.)

15. Ivanov V. V. *In the Civil War: (from the notes of Omsk journalist)*. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2017, 2004. (In Russ.)
16. Novikov P. A. *Civil War in Eastern Siberia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005, 415. (In Russ.)
17. Razgon V. N. Political struggle and military conflicts during the period of Civil War and Military Communism as a source of repression of the Big Terror period: regional aspect (based on the files of the Altay Region UNKVD). *Lessons of October and practices of the Soviet system, 1920–1950s*: Proc. X Intern. Sci. Conf. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018, 747–755. (In Russ.)
18. Shilovskiy M. V. The everyday life of partisan movement in Siberia in 1918–1919 (based on the memoirs of V. P. Shevelev-Lubkov). *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, (3): 145–150. (In Russ.)
19. Gorelov Yu. P., Barabanov Yu. V., Kimeev V. M. *Monuments to Revolution and Civil War in Kuzbass*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1991, iss. 2, 158. (In Russ.)
20. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 3: June 1918 – December 1919*, comps. Larkov N. S., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 376. (In Russ.)
21. Adamenko A. M. Development of the parish System in the South-Western Siberia in the XIX – early XX century. *Russian Orthodox Church in the South-Western Siberia (XIX–XX century)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 39–75. (In Russ.)
22. Kuryshchev I. V. Social and psychological image of participants of anti-Kolchak partisan movement in Siberia (on the materials of periodical press and memoirs). *Peasant protest in Siberia in the years of revolution and Civil War*, ed. Kuryshchev I. V. Ishim: Izd-vo IPI im. P. P. Ershova (filial) TiumGU, 2018, 213–233. (In Russ.)
23. Novikova T. M. Orthodox Clergy and Partisans in 1918–1920 (as in the case of Yeniseysk province). *Siberia during the period of Civil War*: Proc. Intern. Sci.-Prac. conf., Kemerovo, February 6–7, 2007. Kemerovo: KRIRPO, 2007, 149–151. (In Russ.)
24. Kondrashin V. V. Controversial issues of peasant movement in Russia during the Civil War. *Civil war in the East of Russia (November, 1917 – December, 1922)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Novosibirsk, November 18–20, 2019. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019, 16–23. (In Russ.) DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-16-23

Межкультурные коммуникации: Русская Православная Церковь в Якутии (XVII–XIX вв.)

Инна И. Юрганова^a, @, ID

^a ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Россия, г. Якутск

@ inna.yurganova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к печати 23.03.2020.

Аннотация: Рассматривается проблематика межкультурной коммуникации в аспекте культурно-антропологического подхода с привлечением исторических и современных исследований на примере деятельности Русской Православной Церкви в процессе инкорпорации одной из отдаленных окраин империи – Якутской области – в российское государственное пространство. Предпринята попытка осмысления проблем межкультурной коммуникации в аспекте междивизиационного взаимодействия православной (христианской) цивилизации и локальной арктической цивилизации народов северо-востока Азии, указана причина перманентности процесса христианизации в Якутии, отмечена роль миссионерства как метода освоения новых территорий и специфика приходской деятельности. Обращено внимание на совершенствование системы отношений с иноверческим населением с учетом полиэтничности российского общества, когда патриархальные устои бытования заменялись нормами государственного права, а представители неславянских элит встраивались в структуру государства. Отмечено, что территориальная окраинность обусловила приоритет Русской Православной Церкви в социально-просветительской деятельности, так как государственные учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными. Обоснован вывод, что деятельность Русской Православной Церкви в Якутии явилась значимым звеном в создании системы межкультурных коммуникаций окраинной территории в XVII–XIX вв., обеспечивающей вовлечение якутского этноса в российское государственное пространство.

Ключевые слова: якутское общество, междивизиационный диалог, национальные окраины, инокультурные информанты, инкорпоративная деятельность, духовенство Якутии

Для цитирования: Юрганова И. И. Межкультурные коммуникации: Русская Православная Церковь в Якутии (XVII–XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 379–386. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

Введение

История православия на востоке России является значимой составляющей социокультурной жизни российского государства, направленной на инкорпорацию азиатских территорий в административное, политическое и духовное единство империи. Границы России постоянно расширялись, включая новые территории и народы, различные по социально-экономическим и социокультурным параметрам, и после решения первостепенных военно-политических задач наступало время задач административного обустройства и последовательной интеграции региона. Существует мнение, что одной из особенностей государственного строительства России являлось преобладание административно-политических целей над экономическими, и именно территория, а не идея гражданства, привязывала человека к государству [1, с. 296]. Следует отметить, что в Российском государстве не проводилось единой, унифицированной этнической политики и не было создано органов для ее реализации. И политика, и идеология по отношению к нерусским народам, включенным в сферу деятельности

государственной власти и управления, формировалась исторически в процессе развития самой государственности.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских инородцев была частью имперской политики, когда христианизация инородцев рассматривалась как элемент политики интеграции и важный социокультурный процесс. Распространение православия трактовалось как часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов, приравнению их к основному крестьянскому населению, и для большинства крещенных сибирских инородцев следующей ступенью интеграции был переход к оседлости и занятию земледелием.

Цель исследования – осмысление проблем межкультурной коммуникации в аспекте междивизиационного взаимодействия православной (христианской) цивилизации и локальной арктической цивилизации народов северо-востока Азии, а также рассмотрение деятельности представителей Русской Православной Церкви (РПЦ) как инокультурных информантов и продуктивности их коммуникативного поведения.

Основу методологии исследования составил цивилизационный подход как способ изучения исторической реальности, представляющий систему методологических установок, ориентирующих на ее интерпретацию в русле цивилизационных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания. В настоящее время разрабатываются многомерные методологические конструкты изучения локальных цивилизаций, выделяя их цивилизационную матрицу или доминантную форму интеграции, задавая базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с природной средой и окружающим миром, объединяя эту общность в единое целое. В данном аспекте представляется оправданным обращение к феноменологическому подходу, парадигма которого состоит в изучении истории, направленной на постижение иного миропонимания путем реконструкции самосознания как системы ценностно-значимых представлений, влияющих на поведение человека: проблему понимания «другого» как представителя иного жизненного мира.

В. В. Трепавлов описывает данный процесс как репрезентацию власти в контактах с неславянским населением государства [2, с. 6]. Под репрезентацией в данном контексте понимается коммуникативная модель культуры и ее практики – отражающие, понятийные и конструктивные. Э. Холл рассматривает пространственно-временные доминанты в разных культурах и дифференцирует их на основе коммуникаций [3]. Межкультурная коммуникация – термин, появившийся в отечественной гуманитарной науке в конце XX в. вслед за дефинициями *менталитет*, *диалог культур* и *межцивилизационный диалог*. В публикациях отечественных и зарубежных исследователей данный термин употребляется для обозначения научного направления в сфере гуманитарных наук и вместе с тем как непосредственный процесс общения между представителями разных культур. В работах И. А. Стернина был введен термин *коммуникативное поведение*, подразумевающий совокупность норм и традиций общения определенной группы людей [4].

Безусловным является обращение к принципу целостности и общенаучным методам универсальных познавательных процедур (логических и нелогических), используемых в изучении микроистории.

Миссионерство как метод освоения территорий

Одним из элементов деятельности РПЦ в Восточной Сибири стала миссионерская работа, представляющая интерес не только как распространение православия среди коренного населения, но и в аспекте цивилизационного влияния христианства в контексте исторического развития региона. Миссионерство являлось способом церковной проповеди, методом освоения новых территорий и коммуникационным межцивилизационным каналом.

Якутия избежала принудительной христианизации, характерной для второй половины XVI – начала XVII в., т. к. фискальные интересы государства диктовали необходимость мирных взаимоотношений с местным населением при условии вовлечения его в новый государственный порядок. Русская власть предъявляла инородцам как подданным государства требования по уплате налогов, во всех других отношениях она была гораздо «более милостива и внимательна» к местному населению, не вмешиваясь в веру и быт инородцев [5, с. 16].

Наряду с этим отдаленность от церковной администрации, неупорядоченность местной гражданской власти и произвол воевод приводили к конфликтам и бесконтрольности последних. За период 1641–1701 гг. в Якутском уезде «правило» 20 воевод, многие из которых оставили о себе недобрую память¹. Насилия и грабеж сибирских властей были грандиозны по своим размерам и их внешнему проявлению. Они приводили как к бегству «ясачных людей», так и к вооруженному сопротивлению. Так, в XVI–XVIII вв. волнения охватили остяков, самоедов, бурят, тунгусов, юкагиров, коряков и ительменов-камчадалов. В 1648 г. ленские буряты осадили Верхоленский острог и только распорядительность якутского воеводы Д. Францбекова, отправившего из Илимска отряд в составе 200 промышленников, привела к ликвидации восстания. Подобной же осаде со стороны индигирских ясачных тунгусов и юкагиров подвергся Зашиверский острожек в 1666–1667 гг. Длительная борьба с ясачным населением Анадырско-Камчатской окраины – юкагирами, коряками и ительменами, завершившаяся только во второй четверти XVIII в., была связана со злоупотреблениями местной русской власти. Интересно, что принимавший участие в восстании против русской государственности ительменский старшина Ф. Харчин во время празднества по поводу взятия ительменами Нижне-Камчатского острога приказал одному из крещенных камчадалов отслужить молебен [5, с. 44].

Вместе с тем власть неоднократно напоминала воеводам о необходимости миссионерско-просветительской деятельности, и должностные обязанности воеводы заключались в том числе и в искоренении раскола и заботе том, чтобы духовенство исполняло свои обязанности, а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»². Исследователи отмечали, что «обращение в христианство язычников и магометан само собой являлось орудием практической политики правительства» [5, с. 18].

Уставы и указы эпохи Петра Великого под страхом наказания предписывали обязательное посещение храма и нормы поведения в церкви [6, с. 9]. В 1710 г. царь Петр Алексеевич в грамоте на имя сибирского митрополита Филофея (Лещинского) приказывает остяцких «прелестных богов огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо капищ часовни строить». И хотя в 1714 г. царским

¹ История Якутии и фонды ГАИО. Фонды Государственного архива Иркутской области о Якутии: справочник / сост. П. Л. Казарян. Якутск, 2006. С. 11.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. 1682–1700. СПб., 1867. № 78. С. 353.

указом тобольскому митрополиту было предписано уничтожать кумиров и кумирниц у вогуличей, остяков, татар и якутов и крестить их в христианскую веру, уже в 1719 г. появляется указ Сената о запрете насильственного крещения инородцев, что в дальнейшем стало государственной политикой в вопросах христианизации.

Архиепископу сибирскому надлежало «быть защитником и печальником» инородческого населения перед законом и властью, он имел право принимать под свое покровительство даже и совершивших уголовные преступления, если они объявляли о своем желании креститься. В последующем государственной властью был разработан целый ряд льгот, в том числе и материальных, для привлечения местного населения к православию, о которых неопиты оповещались заранее³.

В Якутии православные миссионеры не встретили организованного сопротивления. Политеизм местного язычества проявился в лояльности к появлению «новых богов», и уровень развития якутского общества накануне крещения был адекватен для постепенного перехода к христианскому монотеизму [7, с. 53]. Первоначально функции миссионеров возлагались на все духовенство епархий, имевших в своем составе инославное население.

Появление новой религии и ее первых представителей привносили изменения в устоявшееся видение мира. Православные миссионеры прибывали к язычникам с необычными предложениями уверовать в единого бога, не требуя взамен ни мехов, ни рыбы, не забирая в рабство, а предлагая мир и равенство [8, с. 28]. До прихода в край русских необходимым элементом общества, объясняющим его жизненные процессы, являлись шаманы – представители языческого миропонимания коренных народов, жизненный цикл которых был неразрывно связан с природой. Локальность цивилизации, ее неизменность и законченность нуждались в содружестве с силами природы, поклонении им и зависимости от них человека. Политеизм якутского этноса передавался от поколения к поколению, и появление христианской религии, утверждавшей иные принципы жизненного уклада, первоначально не внесло значительных изменений в жизнь населения. Вместе с тем появление «чужих» на землях предков, иной наружности, говоривших на ином языке и возносивших молитвы непонятному богу, вносило дисгармонию в устойчивое мироощущение якутского общества, и первые крещенные якуты проживали в большинстве в Якутском остроге и его окрестностях, имея возможности постоянного вербального контакта с пришлым русским населением. Переход язычников в православную веру обеспечивал сближение с русскими, пополнение рядов служилых людей, ознакомление с русской культурой и ментальностью. Действенными рычагами для принятия крещения явились льготы по уплате ясака и применяемая в 1720–1760 гг. система одаривания неопитов.

Со второй половины XVIII в. церковь, используя рычаги государственной власти, переходит к массовой христианизации народов северо-востока. По сведениям VII ревизии в 1815 г. из 76918 ясакоплательщиков-якутов только 485 (0,6 %) сохраняли приверженность язычеству. Очевидно, что большинство населения Якутского края было уже окрещено, но и тогда, и веком позже имел место синкретизм, когда усвоение религии было поверхностным, без знания необходимых норм и канонов.

Основной причиной перманентного процесса христианизации Ленского края являлась патерналистская политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака. Г. Ф. Быконя указывает, что центральная власть непосредственно помогала РПЦ в деле христианизации, более заинтересованная в ясаке, чем в земледелии новоокрещенных [9, с. 26]. В целом по Восточной Сибири процесс христианизации проходил с переменным успехом. В Прибайкалье к концу XVIII в. принявшие православие представители местного населения составляли не более 15 %, в Забайкалье значимым препятствием на пути миссионеров стал буддизм. Но если в Прибайкалье и Забайкалье русские крестьяне интегрировали местное население в российскую цивилизацию, то в Якутии малочисленность русского крестьянства на значительных пространствах и его территориальная разбросанность зачастую приводили к противоположному результату.

Свой – чужой, особенности межцивилизационного диалога

Культура этноса, безусловно, включает внегенетические программы, личность усваивает регулятивы (правила или требования, в соответствии с которыми люди строят свое поведение и деятельность), принятые обществом, и в быденном сознании коллектива складываются и утверждаются культурные нормы. Затем в практике массового взаимного общения устанавливаются нормы нравственности, а моральные нормы воспитываются силой привычки, общественного мнения и оценок близких людей [10; 11].

Сформировавшаяся у северных народов культура локальной цивилизации была органично встроена в суровые климатические условия и являлась примером гармоничных форм отношений *человек – природа*. К середине XVII в. социокультурная общность якутского этноса имела относительно устойчивые пространственные границы и специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни, в том числе культурно-психологическую систему как область норм и ценностей, обеспечивающих взаимодействие людей [12]. Социально- и коммуникативно-значимое бытовое поведение якутского этноса отражало совокупность предметно-бытовых действий, получающих в данном обществе и в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и составляющих общий коммуникативный процесс, определяющий поведение и общение людей [13, с. 123].

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 14. Д. 796. Л. 938 об.

Кочевой и полукочевой образ жизни большей части населения Якутии способствовал тому, что первые столетия пребывания в составе России сибирские народы непосредственно сталкивались с русской государственной властью только по вопросам, связанным с уплатой ясака и судебных дел, тогда как все остальные жизненные коллизии оставались в сфере действия обычного права.

С распространением православия на территории Якутии начинается строительство храмов для пришлого христианского населения, а затем и для новоокрещенных инородцев. Величественные здания церквей, лики святых и позолота окладов, торжество службы и священническое облачение вызывали у северных жителей восхищение и удивление. Постепенно совокупность вербальных и невербальных православных ритуалов становится одним из средств коммуникации с местным населением, которое после крещения получало доступ к христианским обрядам и, преодолев имагологический барьер, возможность быть вовлеченными (по обязательствам и в последующем – привычке) в упорядоченное сосуществование с российским социумом.

Центром духовной жизни края стал основанный в 1663 г. Якутский Спасский мужской монастырь. В связи с малочисленностью крестьянских поселений и их рассредоточенностью монастырь стал крупным хозяйствующим субъектом, имеющим многопрофильную направленность (земледелие, солеварение, огородничество). К началу XIX в. в Якутском уезде функционировало 19 храмов, и по мере их строительства формировались православные приходы. Природные и климатические условия обусловили специфику приходской жизни Якутии, когда священникам приходилось совершать долговременные поездки по территории прихода, отлучаясь от храмовых служб на несколько месяцев, и подобные условия служения требовали особой пастырской практики. Зачастую восприятие веры было связано с личностью духовного пастыря и его моральными качествами. Регулярно совершающие объезды территорий проживания и кочевий своей паствы миссионеры и приходское духовенство выступали в статусе инокультурных информантов, вносивших изменения в национальное коммуникативное поведение. Священнослужители, как правило, были единственными грамотными среди инородческого населения, и сфера их деятельности была значительно шире служебных обязанностей. По просьбе прихожан священник составлял письма и прошения, врачевал, разбирал мелкие обиды и ссоры и т.д. Так, дьячком отдаленной Нижне-Колымской церкви в 1809 г. был направлен рапорт в Иркутскую духовную консисторию с просьбой о «высылке книг», что подтверждает тезис о межкультурных коммуникациях, осуществляемых представителями духовного сословия Якутии.

В истории Якутии присутствуют примеры сотрудничества якутской родоплеменной знати и православного духовенства, когда родоначальники добровольно брали на себя

обязанности по контролю за соблюдением христианских обязанностей членами своих родов. Полиэтничность российского общества коррелировалась совершенствованием системы отношений с иноверческим населением, когда патриархальные устои бытования заменялись нормами государственного права, а представители неславянских элит встраивались в структуру государства. Власть, за редким исключением, поддерживала высокий статус этнических элитных контрагентов [2, с. 255]. Заметим, что в ментальности окраинных народов образ русского императора и в целом Российского государства формировался как образ православного царя православной державы, и РПЦ выстраивала и укрепляла этот образ.

Исторические источники свидетельствуют о взаимодействии местных родовых управлений и православных священников, коррелировавших дихотомичность якутского общества, и содержат расписки родовых старшин и старейшин с обязательствами привлекать «родовичей» к участию в исповеди и причастии, исполнению обрядов крещения, возлагая на себя ответственность за благочестие земляков и обязательства по пресечению язычества. В начале XIX в. священник Амгинской слободы отмечал: «Как в Рождество Христово, Николин день и Покров и в Троицын день относительно образованные в нравственном состоянии якуты и крестьяне, приходят в храм ... находим ... с каждым годом улучшается [*отношение к*] христианству. Молитв якуты не знают, грамотных во всем приходе не более 10-ти человек, знающих русский язык почти совсем нет»⁴.

Заметим, что в этот период в якутском обществе уже присутствуют признаки имперского коммуникативного поведения. В 1824 г. в высшей церковной инстанции Российской империи Святейшем Синоде рассматривалась жалоба князьцов заречных улусов Якутской области по обвинению священнослужителей в ненадлежащем исполнении своих обязанностей: «просят разобраться, так как мы иноверцы заблуждены и не знаем все узаконения»⁵. Данный факт можно соотнести с признанием православной ментальности, когда деятельность священнослужителей уже признается компонентом повседневности.

Прерогативой церкви являлась социально-просветительская деятельность, отдельные направления работы которой в Якутском крае рассмотрены в некоторых работах [14–18]. В традиционном христианстве пастырская служба предусматривала оказание помощи нуждающимся, и очевидно, что церковная филантропия содержала элементы коммуникативности. Окраинность Якутии обусловила приоритет РПЦ в социально-просветительской деятельности, когда государственные учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными.

Первые школы и библиотеки Якутии были церковными, и, помимо духовной и богослужебной литературы, в церковно-приходских библиотеках имелись издания по медицине, земледелию, огородничеству и пр. Развитие

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 238-и. Оп. 1. Д. 14. Л. 52. 1806 г.

⁵ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. 1824 г.

библиотечной сети способствовало привлечению местного населения к книге и в последующем к мировой литературе. Первым периодическим печатным изданием стала газета «Якутские епархиальные ведомости», на страницах которой, помимо сведений, связанных с деятельностью православного ведомства империи, публиковались очерки по истории и этнографии, советы по медицине и сельскому хозяйству, перечни литературы и др. [19].

Повышение уровня грамотности населения области связано, прежде всего, с деятельностью духовных учебных заведений, особенностью которых была всесословность и универсальность предлагаемых знаний. Система духовного образования обеспечивала все необходимые уровни: от начальных школ, где преподавали азы грамотности, до среднего профессионального образования в стенах духовной семинарии. Межкультурные коммуникации способствовали формированию национальной интеллигенции, получавшей знания в учебных заведениях духовного ведомства.

Жизненные ритуалы – элемент межкультурной коммуникации

К очевидным признакам межкультурной коммуникации относятся в том числе изменения, происходящие в основных жизненных ритуалах личности (рождение, свадьба, смерть) [20]. В Российской империи запись актов гражданского состояния осуществлялась конфессионально в рамках совершения религиозных обрядов. Основой брачного права была православная этика, и именно священнослужитель был законным свершителем брака. В ведении РПЦ находились регистрация рождения, бракосочетания и смерти православного населения, и после включения церковных учреждений в систему государственных органов все православное население было приписано к церковным приходам по месту проживания. Записи по факту вносились в метрические книги (метрики), где регламентировалось раздельное ведение записей фиксации рождений, браков и смертей по конфессиональному признаку⁶.

В дореволюционном отечественном правоведении метрические книги квалифицировались как общие несловесные акты состояний⁷. Наряду с ними имели место и словесные акты состояний – дворянские родовые книги, общий гербовник дворянских родов, городовые обывательские книги, клировые ведомости, монастырские записные книги, ревизские сказки, посемейные списки и акты служебного состояния – послужные или формулярные списки.

До конца XIX в. в Якутской области, наряду с православным обрядом венчания, имели место традиционные формы брака (брак по сватовству, брак с отработкой калыма, брак с похищением невесты) [21, с. 68]. В основе заключения традиционного якутского брака находился экономический интерес. Исследователи отмечали, что «у якутов нельзя искать однообразных правил брака и одинаковых

юридических последствий брака... В тех местах Якутского, Вилюйского и Олекминского округов, которые находятся под постоянным влиянием русской жизни, нельзя уже встретить обычаев прямо несогласных с духом православной церкви; например, о шаманах и их участии в свадебных церемониях теперь и нет помину» [22, с. 49–57].

Одним из средств коммуникации являлось церковное судопроизводство, обеспечивающее законодательное тождество на всей территории Российской империи. К концу XIX в. православное население Якутии было осведомлено о своих правах, и в большинстве случаев конфликтные ситуации регулировались путем обращения к гражданским или духовным властям при взаимодействии последних. Семейное право якутов постепенно начинает уступать христианской православной морали, проводником которой являлся епархиальный суд, и население Якутии воспринимало нормы и обычаи православия как через христианские обряды, так и через духовный суд, предоставлявший возможность официального расторжения брака [23, с. 153].

Заключение

Одной из составляющих межкультурной компетентности как комплекса социальных навыков и способностей, при помощи которых личность осуществляет общение с партнерами из других культур в бытовом и профессиональном контексте, является способность к адаптации культур. Межкультурное взаимодействие обусловлено соотношением нормативно-ценностных систем конкретных контактирующих культур, находящихся в состоянии постоянного развития. Включенная в середине XVII в. в состав русской государственности обширная территория Якутского края находилась на значительном удалении от центра, что при неупорядоченности транспортной схемы и отсутствии постоянной связи представляло трудности в процессе интеграции проживающих здесь народов в российское пространство. Особенности Якутии составляли суровые климатические условия, значительность территории и ментальность ее населения, органично встроенного в арктические условия проживания.

Окраинная специфика Якутии обусловила особую межкультурную составляющую деятельности РПЦ, пришедшей в край вслед за христианским населением. Одним из аспектов коммуникации стала миссионерская работа, проводимая в контексте государственных интересов, развивавшая межкультурный диалог и обеспечивавшая вовлечение местного населения в систему христианских ценностей. Возведение православных церквей, создание приходов способствовали привлечению населения к христианской культуре. Кочевой и полукочевой образ жизни большинства населения обуславливал иное значение храмов, когда помимо своих культовых функций они являлись коммуникационными центрами, при посещении которых население

⁶ Метрические книги. История. Делопроизводство. Источники комплектования: метод. пособие. Тула, 1999. С. 11.

⁷ Свод Законов Российской Империи. Законы о состояниях. Т. IX. СПб., 1911. С. 1833–1836, 1899–1906, 1960.

узнавало о войнах, смене императоров и других российских и мировых событиях. В церковных школах инородцы получали основы грамоты, церковные библиотеки давали возможность ознакомиться с основами земледелия, медицины, ремесел, способствуя формированию первой якутской интеллигенции, интегрированной в российскую ментальность.

Диалог с родовой знатью обеспечивал упрочение коммуникативных связей и привнесение в якутское общество

православных традиций и обрядов, а введение норм церковного суда обеспечивало вовлечение в единую общегосударственную систему судопроизводства.

Представляется очевидным, что деятельность РПЦ в Якутии являлась значимой и основополагающей в создании системы межкультурных коммуникаций окраинной территории в XVII–XIX вв., обеспечивающей вовлечение якутского этноса в российское государственное пространство.

Литература

1. Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
2. Трепавалов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
3. Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City. N. Y.-London-Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976. 320 p.
4. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: ВГТУ, 2000. Вып. 1. С. 4–20.
5. Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. 45 с. (Отд. оттиск из Сборника трудов проф. и препод. Гос. Иркутск. ун-та. Иркутск, 1920. Вып. 1. С. 69–113.)
6. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М.: Университетская типография, 1902. 582 с.
7. Николаев А. П. Православная церковь и шаманы в Якутии (XVIII–XIX вв.) // На службе Богу и якутскому народу: мат-лы православных конф., проходивших в Якутске: «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов)» в 1997., «Христианство в судьбах народов Якутии» в 2000 г., «На службе Богу и якутскому народу» в 2005 г. Якутск: Якутский благовестник, 2006. С. 53–55.
8. Трепавалов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2017. 320 с.
9. Быконя Г. Ф. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2015. Т. 13. С. 25–30.
10. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
11. Hinnenkamp V. *Interkulturelle Kommunikation*. Heidelberg: Groos, 1994. 356 s.
12. Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVIII–XIX вв.). Абакан: Бригантина, 2018. 196 с.
13. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура речи. М.: ИКАР, 2005. 250 с.
14. Никандр (Горбатюк), иеромонах. Организация в Якутии святителем Иннокентием (Вениаминовым) катехизических поучений для детей // Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 145-летию учреждения Якутской епархии. (Якутск, 23 марта 2015 г.) Якутск: Издательский центр Якутской и Ленской епархии, 2015. С. 138–143.
15. Захарова Т. В. Епископ Якутский и Вилюйский Иаков о библиотеках и книгах // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2017. № 4. С. 61–65.
16. Мусалимас С. Э. Православие – неотъемлемая часть культуры народа саха // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2018. № 5. С. 12–14.
17. Корнильцев А. Н. Первые попытки открытия церковно-приходских школ в Якутском крае в 1860–1884 гг. // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 168–172.
18. Boyakova S. I., Yurganova I. I. *Parochial Schools in Yakutia's Intellectual Landscape (the second half of 19th – early 20th century)* // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 904–921. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921>
19. Якимов О. Д. Печать национальных окраин Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2000. 120 с.
20. Прохоров Ю. С., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2006. 238 с.
21. Борисов А. А. Якутское общество и обычное право в XVII – начале XX в. М.: Университет, 2002. 160 с.
22. Павлинов Д. М. Брачное право у якутов // Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 47–62.
23. Юрганова И. И. Духовное судопроизводство в Якутской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. как фактор межцивилизационного взаимодействия // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 39. С. 146–154.

Intercultural Communication: Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX Centuries)

Inna I. Yurganova^{a, @, ID}

^a Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yakutsk

@ inna.yurganova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Received 20.02.2020. Accepted 23.03.2020.

Abstract: The research featured the issue of intercultural communication in the aspect of cultural and anthropological approach. The article introduces the case of the Russian Orthodox Church as it incorporated one of the remote outskirts of the Empire – the Yakut region in Russia. The research was an attempt to understand the problems of intercultural communication during the intercivilizational interaction between the Orthodox (Christian) civilization and the local Arctic civilization of the peoples of North-East Asia. The author explained the permanent process of Christianization in Yakutia, as well as described the role of missionary work as a method of developing new territories and the specifics of parish activity. The relations with the non-Orthodox population improved when the state law replaced the traditional Patriarchal foundations, and representatives of non-Slavic elites entered the structure. The Orthodox Church conducted various social and educational activities, since it took secular social and educational state institutions a long time to reach this remote region. In the XVII–XIX centuries, the activity of the Russian Orthodox Church in Yakutia contributed to the intercultural communications with this marginal territory and ensured the involvement of the Yakut ethnic group in the Russian state space.

Keywords: Yakut society, intercivilizational dialogue, national suburbs, foreign cultural informants, incorporation activities, the clergy of Yakutia

For citation: Yurganova I. I. Intercultural Communication: Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX Centuries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 379–386. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

References

1. Dameshek L. M. *Favorites. Vol. 1: Siberian "aliens" in the Imperial strategy of power (XVIII – early XX century)*. Irkutsk: Ottisk, 2018, 456. (In Russ.)
2. Trepavlov V. V. *Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the XVI–XIX centuries*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2018, 320. (In Russ.)
3. Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City. N. Y.-London-Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976, 320.
4. Sternin I. A. The concept of communicative behavior and its research problems. *Russian and Finnish communicative behavior*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VGTU, 2000, iss. 1, 4–20. (In Russ.)
5. Ogorodnikov V. I. *Russian state power and Siberian foreigners in the XVI–XVIII centuries*, 45. (Separate print from the Proceedings of the professor and teacher of State Irkutsk University. Irkutsk, 1920, iss. 1, 69–113.) (In Russ.)
6. Bogoslovsky M. M. *Regional reform of Peter the Great. Province 1719–27*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1902, 582. (In Russ.)
7. Nikolaev A. P. Orthodox Church and shamanism in Yakutia (XVIII–XIX centuries). *In the service of God and the Yakut people*: Proc. Orthodox Conferences held in Yakutsk: "Metropolitan Innokentiy (Veniaminov) of Moscow and Kolomna" in 1997, "Christianity in the Fates of the Nations of Yakutia" in 2000, "In the Service of God and Yakut people" in 2005. Yakutsk: Iakutskii blagovestnik, 2006, 53–55. (In Russ.)
8. Trepavlov V. V. "White tsar". *The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV–XVIII centuries*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2017, 320. (In Russ.)
9. Bykonya G. F. Peculiarities and results of Christianization of indigenous people of Eastern Siberia in the XVIII Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2015, 13: 25–30. (In Russ.)
10. Kulikova L. V. *Intercultural communication: theoretical and applied aspects. Based on the material of Russian and German linguaculture*. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2004, 196. (In Russ.)
11. Hinnenkamp V. *Interkulturelle Kommunikation*. Heidelberg: Groos, 1994, 356.
12. Asochakova V. N. *To the history of Orthodoxy in Khakassia (XVII–XIX centuries)*. Abakan: Brigantina, 2018, 196. (In Russ.)
13. Formanovskaya N. I. *Speech etiquette and speech culture*. Moscow: IKAR, 2005, 250. (In Russ.)

14. Nikandr (Gorbatyuk), hieromonk. Organization of catechetical teachings for children in Yakutia by Saint innocent (Veniaminov). *St. Innocent (Veniaminov) in the fate of Yakutia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 145th anniversary of the establishment of the Yakut diocese, Yakutsk, March 23, 2015. Yakutsk: Izdatelskii tsentr Iakutskoi i Lenskoi eparkhii, 2015, 138–143. (In Russ.)
15. Zakharova T. V. Bishop Jacob of Yakut and Vilyuisk about libraries and books. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2017, (4): 61–65. (In Russ.)
16. Mousalimas S. A. Orthodoxy is an integral part of the culture of the Sakha people. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2018, (5): 12–14. (In Russ.)
17. Korniltsev A. N. The first attempts to open parish schools in the Yakut region in 1860–1884. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2019, (6): 168–172. (In Russ.)
18. Boyakova S. I., Yurganova I. I. Parochial Schools in Yakutia's Intellectual Landscape (the second half of 19th – early 20th century). *RUDN Journal of Russian History*, 2019, 18(4): 904–921. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921
19. Yakimov O. D. *Seal of the national outskirts of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka, 2000, 120. (In Russ.)
20. Prokhorov Yu. S., Sternin I. A. *Russian: communicative behavior*. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 238. (In Russ.)
21. Borisov A. A. *Yakut society and customary law in the XVII – early XX centuries*. Moscow: Universitet, 2002, 160. (In Russ.)
22. Pavlinov D. M. The Yakut marriage law. Pavlinov D. M., Vitashevsky N. A., Levental L. G. *Materials on customary law and public life of the Yakuts*. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1929, 47–62. (In Russ.)
23. Yurganova I. I. The spiritual proceedings in the Yakutsk diocese in the second half of the XIX – early XX centuries, as a factor of inter-civilizational interaction. *Bylye gody*, 2016, (39): 146–154. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.9

Ценностные составляющие Я-образа студентов деонтологического профиля подготовки в процессе обучения в вузе*

Елена В. Аршинова^{а, @}; Марина А. Билан^а; Ольга А. Браун^а; Евгений В. Янко^а^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ arshinova75@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2020. Принята к печати 28.04.2020.

Аннотация: В соответствии с подходами постнеклассической психологии ценности массового сознания выступают ориентиром нравственного поведения личности, что имеет особое значение при осмыслении содержательных характеристик деонтологического профиля личности специалиста, чья работа зависит от сформированности профессионально-этических принципов. Формирование таких принципов должно происходить в период обучения в вузе, где формируются содержательные характеристики Я-образа, которые в своем ценностном измерении наиболее приближаются к ценностям массового сознания, являющимся универсальным регулятором любых форм человеческой активности. Таким образом, выявление особенностей формирования ценностных ориентаций студентов в динамике и разработка методов, направленных на воспитание у будущих профессионалов деонтологического комплекса, с учетом современных подходов постнеклассической психологии, является важнейшей научной и прикладной проблемой в педагогической психологии на настоящий момент. В связи с этим нами были изучены темпоральные характеристики динамики ценностных составляющих Я-образа у студентов деонтологического профиля на всех курсах обучения. В результате исследования выявлены основные ценностные составляющие, которые характеризуют сформированность морально-этических, деонтологических принципов у студентов на всех этапах обучения. Ценности студентов претерпевают изменения в процессе обучения. Ценности утилитарно-гедонистического характера наиболее выражены у студентов первого курса, но и по мере становления личности профессионала не уступают свои первые ранговые позиции вплоть до последних курсов обучения. Исходя из методологии М. С. Яницкого, выделившего ценностные типы личности, у студентов старших курсов доминирует промежуточный тип. Кроме того, отмечается рассогласованность представлений студентов о должных ценностных ориентациях профессионала и фактических ценностях, выбираемых студентами, что создает противоречие, которое необходимо разрешать в ходе воспитательно-образовательного процесса.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценности массового сознания, профессиональные ценности, профессиональная идентичность, студенты вуза, временная перспектива

Для цитирования: Аршинова Е. В., Билан М. А., Браун О. А., Янко Е. В. Ценностные составляющие Я-образа студентов деонтологического профиля подготовки в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 387–396. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-387-396>

Введение

Формирование ценностно-смысловой сферы будущего специалиста является одной из ключевых задач в области профессиональной подготовки и воспитания специалистов деонтологического профиля. По мнению ряда специалистов, профессионалы, чья деятельность лежит в области, сопряженной с этическими вопросами, должны обладать таким складом личности, в основе которого – особое ценностное отношение к субъекту деятельности [1–5].

Проведя анализ существующих научных и научно-практических подходов в постнеклассической психологии, становится очевидным, что инструментом этического анализа личности будущего специалиста деонтологического

профиля могут выступать ценности массового сознания [6–7]. Ценностные ориентации личности являются отражением совокупности ценностных ориентаций в обществе и на уровне отдельной личности выступают одним из наиболее значимых регуляторов поведения, приводящих к социально одобряемым формам человеческой активности. По мнению В. С. Степина, роль системы ценностных ориентаций приобретает все большее значение в постнеклассическую эпоху, которая учитывает «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами», фиксируя внимание на ценностной проблематике [8, с. 634].

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

В современную постнеклассическую эпоху ценности массового сознания выступают неким ориентиром, внешним критерием, по отношению к которому соотносятся ценности отдельной личности как с точки зрения выраженности отдельных ценностей, так и с точки зрения их качественных характеристик, являясь основой изменения проблематики *дискретной психологии* и переходу к *психологии поля* [9–12].

Дальнейшее понимание природы регуляторов человеческой активности лежит в плоскости изучения ценностей массового сознания и тех механизмов, которые определяют поведение конкретной личности.

Для специалиста деонтологического профиля наиболее важным является особый уклад личности, где большое значение имеет ориентация на высшие, гуманистические ценности, безусловное принятие другого человека, профессиональное чувство любви и долга и в конечном счете отношение к другому человеку как высшей ценности. Соответственно, успешность профессионального обучения зависит не только от формирования знаний, умений и навыков, но и воспитания у будущих специалистов таких личностных характеристик, как принятие профессиональных ценностей, профессиональной культуры и в дальнейшем осмысленности профессиональной деятельности. Ценностно-смысловой подход в образовании позволяет сформировать образ будущего, выстроить перспективу личностного и профессионального развития профессионала и создать нравственную систему оценки профессиональной деятельности [13–16]. По мнению Б. С. Братуся, «нравственная оценка подразумевает внеситуативную опору, особый, относительно самостоятельный психологический план, которым становятся для человека смысловые образования, личностные ценности» [17, с. 30–31].

Становление такой личности профессионала является актуальной проблемой и должно выступать как основная задача подготовки психолога на всех этапах воспитательно-образовательного процесса. Согласно И. А. Шамову, деонтологический профиль специалиста включает в себя следующие психологические характеристики [18]:

1. Профессиональное чувство любви к пациенту, готовность жертвовать своим временем, силами в интересах клиента, его безусловное принятие, способность к «коперниковскому повороту», т. е. способность поставить себя на место другого человека, стремление оказать помощь *ad artis* (по высшим меркам искусства).
2. Профессиональное чувство долга – в работе исходить только из интересов клиента, посвящая свою жизнь высоким целям помощи людям с отклонениями в психологическом здоровье.
3. Потребность в постоянном саморазвитии и самосовершенствовании. Если специалист остановился в своем развитии, то он выступает живой преградой между потребностью клиента и современными достижениями психологической науки.

По нашему мнению, эти психологические характеристики деонтологического комплекса специалиста представлены как структурные элементы Я-образа, и их изучение лежит в плоскости анализа ценностных составляющих процесса становления профессиональной идентичности будущих специалистов. Значимость смыслового обуславливания идентификационных процессов личности подчеркивается в исследовании А. В. Серого и М. С. Яницкого, отмечающих, что актуализация смысловых граней субъективных образов переживаемых человеком сфер идентификации позволяет ему достигать четкой личностной идентичности на определенном этапе самоосуществления [19].

Цель данного исследования состоит в изучении динамики ценностных компонентов Я-образа в различных временных локусах личностного смысла будущей профессии студентов в контексте формирования профессионально-этических качеств на всех этапах обучения в вузе.

Методы

Исследование проводилось в 2019 г. Эмпирической базой исследования стал социально-психологический институт Кемеровского государственного университета. Выборку составили студенты с первого по шестой курсы, обучающиеся по направлению подготовки *Психология* (бакалавриат) и специальности *Клиническая психология* (специалитет). Всего в исследовании приняли участие 124 респондента: 1 курс – 38 человек, 2 курс – 26 человек, 3 курс – 29 человек, 4 курс – 13 человек, 5 курс – 10 человек, 6 курс – 8 человек, средний возраст составил 20 ± 3 лет.

Для достижения поставленной цели использовался специально разработанный вариант техники репертуарных решеток Дж. Келли – ранговая решетка с заданными элементами и конструктами. В качестве элементов репертуарной решетки были предложены компоненты Я-образа студентов, отражающие временные локусы личностных смыслов профессиональной подготовки, а также идеальный и анти-идеальный образы ее завершения. В качестве конструктов был представлен перечень ценностей массового сознания, предложенный М. С. Яницким [20].

Респондентам предлагалось проранжировать ценности (конструкты) в предложенных Я-образах по степени значимости от 1 до 5.

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

Для оценки средних рангов во всей выборке нами проведен сравнительный анализ показателей усредненных рангов с первого по шестой курсы. Система представлений студентов первого курса деонтологического профиля о ценностях человека, эффективно реализующегося в профессиональной деятельности, отражена в табл. 1.

С точки зрения первокурсников, на первом месте в системе ценностей профессионала находится хорошая престижная работа, отсутствие нужды и материаль-

Табл. 1. Распределение средних показателей значимых ценностей у студентов первого курса

Tab. 1. Mean significant values in first-year students

Конструкт	Я в начале профессионального обучения	Я на средних курсах профессионального обучения	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)	Человек, не реализующий в своей профессиональной деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	3,6	3,0	2,5	1,6	4,0
Семейное благополучие	3,7	3,0	2,4	1,9	3,7
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	3,2	2,7	2,4	2,2	4,3
Сохранение сил и здоровья	2,3	2,8	2,7	2,8	4,3
Хорошая, престижная работа	4,3	3,1	2,1	1,4	3,7
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	3,8	3,3	2,4	1,7	3,8
Сохранение порядка и стабильности в обществе	3,7	3,2	2,5	1,8	3,8
Уважение окружающих, общественное признание	3,8	3,1	2,2	1,7	4,2
Строительство более гуманного и терпимого общества	4,0	3,3	2,3	1,8	3,9

ный достаток. В представлении студента профессионал в ценностях ориентируется на социальный престиж и материальное благополучие. Интересно, что сложившийся в литературных источниках образ профессионала далек от ценностей материального мира, скорее, основной упор делается на морально-нравственные характеристики успешного специалиста: социально полезный труд, активная помощь людям, бескорыстие, преданность своему делу. Первокурсники, вероятно, ориентируются на внешние атрибутивные характеристики, ведь действительно успешные профессионалы имеют, как правило, более высокий доход, внутреннее этическое содержание деятельности студентам на первом курсе еще пока не доступно. Кроме того, по мнению студентов, успешный профессионал должен пользоваться общественным признанием, уважением, и тройку ценностей замыкает возможность пользоваться демократическими правами и свободами. Успешный профессионал наделяется утилитарно-гедонистическими ценностями, далекими от требований профессиональной этики и деонтологии. Похожие результаты были получены в исследованиях М. С. Иванова и М. С. Яницкого [21], Р. В. Кадырова [22], Е. В. Кривцовой [23], В. А. Хашченко [24] и др., где авторами описывается тенденция в возрастании значимости материальных ценностей у современной молодежи.

Что интересно, человек, который не в полной мере реализует себя в профессиональной деятельности, наделяется прак-

тически теми же самими атрибутами – хорошая престижная работа, возможность пользоваться демократическими правами и свободами – добавляется семейное благополучие, стабильность в обществе. По сути, система представлений студентов первого курса о профессиональных ценностях расплывчатая, неконкретная и не отражает сложившиеся в обществе ценностные требования к профессии деонтологического профиля. Таким образом, в представлении студентов, человек, эффективно реализующий свою профессиональную деятельность, имеет хорошую престижную работу, которая позволяет ему в полной мере удовлетворить свои материальные потребности, имеет доступ к демократическим правам и свободам в гуманном и терпимом обществе. В широком смысле студенты выбирают ценности, которые описывают ценности среднего класса, проживающего в стабильном демократическом обществе. Обращает на себя внимание крайне низкие ранги таких инструментальных ценностей, как возможность интеллектуальной и творческой самореализации, поэтому не понятно, за счет чего студенты предполагают достижения высот в профессиональной деятельности. Учитывая, что хорошая престижная работа и материальный достаток занимают высшие ранги, можно предположить следующую логическую последовательность: окончание университета, устройство на хорошую работу, которая подразумевает высокий доход без стремления к самореализации и жизнетворчеству. Свое профессиональ-

ное будущее не связывают с экономической, творческой, интеллектуальной активностью, рассчитывая на блага, которые приносит определенная работа и должность.

Ранжируя собственные ценности, студенты первого курса наиболее значимыми ценностями считают сохранение сил и здоровья, возможность интеллектуальной и творческой самореализации, отсутствие нужды и материальный достаток. Особый интерес представляет проекция возможных ценностных ориентаций, которые сформируются у студентов во время обучения с точки зрения самих студентов. На средних курсах обучения студенты деонтологического профиля предполагают, что ведущими ценностями будут являться следующие – возможность интеллектуальной и творческой самореализации, сохранение сил и здоровья, отсутствие нужды и материальный достаток, семейное благополучие. За исключением творческой самореализации остальные ценности носят адаптивный характер и по сути своей не ведут к развитию деонтологических свойств личности. В конце обучения на первое место среди ценностей выходят хорошая, престижная работа, уважение окружающих, общественное признание, строительство более гуманного общества, также высокие места в ранге занимают семейное благополучие, возможность интеллектуальной и творческой самореализации. В табл. 2 приведено сравнение предполагаемых ценностей успешного профессионала и ценностей, которые должны возникнуть в конце обучения. Для наглядности баллы, полученные в ходе выборов ценностей, нами были проранжированы.

Как видно из табл. 2, ценности, которые должны сформироваться к концу обучения, и ценности успешного

профессионала совпадают только в части наличия хорошей и престижной работы. Однако, что касается отсутствия нужды и материального достатка, на завершающем этапе разрыв наиболее выражен, что объясняется инфантильными представлениями студентов первого курса, как правило, находящихся на содержании родителей и не предающих особое значение финансовым аспектам деятельности. Остальные выборы вплотную приближаются к представлениям о ценностях профессионала, что для первого курса весьма неплохо и указывает на структурированность и последовательность в направленности становления деонтологических свойств личности.

Данные усредненных выборов ценностей у студентов 2 курса представлены в табл. 3. При анализе данных отмечается несколько основных тенденций. Первая тенденция – повышение значимости от курса к курсу ценности материального достатка, чего не наблюдалось на первом курсе, что указывает на более реалистичное восприятие действительности, где финансовая составляющая деятельности играет немаловажную роль в деятельности профессионала. Такая же тенденция наблюдается в отношении семейного благополучия, наличия хорошей, престижной работы, уважения окружающих, общественного признания. Таким образом, при безусловном наличии ценностей адаптации на первое место выходят ценности социализации, что косвенно указывает на успешно преодоленный период адаптации к вузу.

Данные усредненных выборов ценностей у студентов третьего курса представлены в табл. 4. Тенденции, появившиеся на втором курсе, сохраняются и на третьем курсе. В целом – преобладание ценностей социализации, сохра-

Табл. 2. Сравнительный анализ выборов ценностей к окончанию обучения и ценностей успешного профессионала у студентов первого курса

Tab. 2. Values chosen by graduate students vs. professional values chosen by first-year students

Конструкт	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	5	2
Семейное благополучие	4	5
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	4	6
Сохранение сил и здоровья	6	7
Хорошая, престижная работа	1	1
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	4	3
Сохранение порядка и стабильности в обществе	5	4
Уважение окружающих, общественное признание	2	3
Строительство более гуманного и терпимого общества	3	4

Табл. 3. Распределение средних показателей значимых ценностей у студентов второго курса

Tab. 3. Mean significant values in second year students

Конструкт	Я в начале профессионального обучения	Я на средних курсах профессионального обучения	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)	Человек, не реализующий в своей профессиональной деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	3,7	3,1	2,2	1,8	3,8
Семейное благополучие	3,9	2,9	2,1	2,3	3,4
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	2,9	2,7	2,5	2,2	4,5
Сохранение сил и здоровья	3,2	2,6	2,2	2,8	3,9
Хорошая, престижная работа	3,7	3,2	2,2	1,8	4,0
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	3,2	3,0	2,1	2,3	3,7
Сохранение порядка и стабильности в обществе	3,3	2,7	2,5	2,3	3,8
Уважение окружающих, общественное признание	3,5	2,9	2,4	1,9	4,0
Строительство более гуманного и терпимого общества	3,0	2,8	2,2	2,6	4,1

Табл. 4. Распределение средних показателей значимых ценностей у студентов третьего курса

Tab. 4. Mean significant values in third-year students

Конструкт	Я в начале профессионального обучения	Я на средних курсах профессионального обучения	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)	Человек, не реализующий в своей профессиональной деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	3,8	3,3	2,2	1,7	3,5
Семейное благополучие	3,9	3,1	2,4	1,9	3,4
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	3,2	2,6	2,3	2,0	4,6
Сохранение сил и здоровья	3,5	2,9	2,4	2,0	3,8
Хорошая, престижная работа	4,3	3,4	2,1	1,4	3,7
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	4,1	3,1	2,2	1,8	3,3
Сохранение порядка и стабильности в обществе	4,0	2,8	2,6	1,9	3,5
Уважение окружающих, общественное признание	3,7	3,0	2,4	1,8	4,0
Строительство более гуманного и терпимого общества	3,3	3,1	2,0	2,3	4,1

нение значимости финансового, семейного благополучия. Кроме того, на первом и втором курсах малозначимые ценности сохранения порядка и стабильности в обществе, возможности пользоваться демократическими правами и свободами приобретают свою значимость, которая в оценках студентов становится более востребованной от курса к курсу. В данном случае очевидно противоречивая система представлений о значимых социальных ценностях, неоднозначность выбора между ценностями адаптации и индивидуализации подчеркивает возникший и нарастающий интерес студентов к общественным явлениям и событиям.

Данные усредненных выборов значимых ценностей у студентов выпускных курсов (4 курс направления *Психология* и 6 курс специальности *Клиническая психология*) представлены в табл. 5. Особый интерес представляет собой выбор ценностей и их сравнение с ценностями успешного профессионала у студентов выпускных курсов. К концу обучения усредненные показатели ценностей выровнялись и отличаются в десятые доли баллов. Однако на первое место студенты ставят значимость хорошей престижной работы, строительство гуманного и терпимого общества, сохранение порядка и стабильности в обществе и демократические свободы. Если ценность хорошей престижной работы и ее выбор выпускниками понятен, то остальные ценности носят рыхлый, не отличающийся от середины обучения неструктурированный характер. Практически

одни и те же ранги занимают ценности адаптации, социализации, индивидуализации и система ценностей выпускников ближе к промежуточному типу массового сознания. Интересно, что возможность интеллектуальной и творческой самореализации не занимает вершину ценностной иерархии ни у выпускников, ни у сформировавшихся профессионалов. С точки зрения студентов, данная ценность у профессионалов занимает один из низших рангов. Как на первом курсе, так и на выпускных курсах преобладают ценности утилитарного характера – хорошая работа, крепкая семья, стабильность и возможность пользоваться демократическими благами. В научных трудах, посвященных деонтологическим принципам, на первое место авторы ставят творческую самореализацию, служение обществу, значимость интеллектуального труда и целый ряд других этических ценностей в профессиях деонтологического профиля, которые мы не наблюдаем в выборах студентов на вершине ценностных ориентаций.

Ранг ценностей у студентов выпускных курсов практически не совпадает с ценностями, которые они же присваивают успешным профессионалам (табл. 6). Студенты-выпускники считают, что их ценности далеки от ценностей успешного профессионала. Такая самооценка, скорее всего, указывает на неготовность к трудовой деятельности, на трудности профессиональной идентификации, а возможно, и кризис профессионального становления в конце обучения, что

Табл. 5. Распределение средних показателей значимых ценностей у студентов выпускных курсов

Tab. 5. Mean significant values in graduate students

Конструкт	Я в начале профессионального обучения	Я на средних курсах профессионального обучения	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)	Человек, не реализующий в своей профессиональной деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	3,5	3	2,5	2	3,9
Семейное благополучие	3,6	2,6	2,5	2,0	4,2
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	2,7	2,8	2,5	2,2	4,7
Сохранение сил и здоровья	2,7	2,9	2,7	2,4	4,4
Хорошая, престижная работа	4,2	3,0	2,0	1,4	4,2
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	3,9	3,5	2,3	1,9	4,3
Сохранение порядка и стабильности в обществе	3,8	2,9	2,5	1,8	3,9
Уважение окружающих, общественное признание	3,1	2,8	2,5	2,9	4,5
Строительство более гуманного и терпимого общества	3,5	3,4	2,1	1,7	4,3

Табл. 6. Сравнительный анализ выборов ценностей к окончанию обучения и ценностей успешного профессионала у студентов выпускных курсов

Tab. 6. Values chosen by graduate students vs. professional values in graduate students

Конструкт	Я на завершающем этапе профессионального обучения	Человек, эффективно реализующий в своей деятельности знания, умения, навыки, полученные в вузе (из всех, кого Вы знаете лично)
Отсутствие нужды, материальный достаток	4	5
Семейное благополучие	4	5
Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	4	6
Сохранение сил и здоровья	5	7
Хорошая, престижная работа	1	1
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	3	4
Сохранение порядка и стабильности в обществе	4	3
Уважение окружающих, общественное признание	4	8
Строительство более гуманного и терпимого общества	2	2

неоднократно описано авторами, изучающими проблемы профессионального становления [25–28].

Заключение

Динамика ценностных составляющих Я-образа студентов деонтологического профиля характеризуется рядом особенностей:

- от курса к курсу студенты деонтологического профиля склонны выбирать ценности от адаптирующегося типа в начале обучения с дальнейшей тенденцией к социализирующемуся на средних курсах и промежуточному на выпускных;
- в начале и середине обучения студенты более структурированно и последовательно прогнозируют ценностные изменения, которые в конечном счете приближают их к ценностям успешного профессионала;
- у студентов выпускных курсов отмечаются значимые различия в самооценке своих ценностных ориентаций и ценностных ориентаций, выбранных в отношении успешного профессионала;

- такие выборы ценностных предпочтений у выпускников деонтологического профиля могут указывать на кризис профессионального становления.

Система ценностных ориентаций выпускников в данном исследовании не в полной мере соответствует ценностям, присущим деонтологическим видам профессий. Исходя из полученных данных необходимо разработать и внедрить в практику психолого-педагогические подходы, позволяющие создать условия, способствующие успешному становлению деонтологического профиля личности профессионала в период обучения в вузе.

Таким образом, данная проблема представляет определенный интерес для дальнейшего выявления психологических механизмов и закономерностей формирования деонтологических ценностей, в частности исследования взаимосвязей ценностных составляющих Я-образа с другими личностными характеристиками, такими как ценностно-смысловые ориентации и показатели самоактуализации личности студентов в период обучения в вузе.

Литература

1. Серый А. В. Осмысленное отношение к профессиональной деятельности как условие развития профессионально значимых качеств психологов-практиков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2. С. 158–162.
2. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. С. 147–159.
3. Лукьянова С. П., Пахомова Е. В. Ценностно-смысловые ориентации студентов-психологов на завершающем этапе обучения в контексте профессионального становления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 17. С. 47–51.
4. Билан М. А., Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р. Особенности духовно-нравственных ценностей студентов деонтологического профиля подготовки // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 127–135.

5. Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 106–116. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-106-116
6. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИПО, 2017. 202 с.
7. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
8. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
9. Ключко В. Е. О понятийном аппарате постнеклассической психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) М.: ФГБОУ ВО МГУДиТ, 2016. Ч. 1. С. 128–133.
10. Знаков В. В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 118–128.
11. Юревич А. В. Ценностные основания психологической науки // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. М.: ИП РАН, 2008. С. 21–40.
12. Черменская Г. Г. Ценностно-смысловые основания и проблема поиска этической составляющей психологического знания // Сибирский психологический журнал. 2011. № 42. С. 19–28.
13. Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические характеристики системы идентичности студентов-психологов в процессе обучения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 30. С. 15–29. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.15
14. Милованова Н. Г., Пчелинцева И. Г., Чумакова А. В. Ценностно-смысловой подход в профессиональном образовании // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. № 6А. С. 194–201.
15. Чижакова Г. И. Современное образование: аксиологические ориентиры // Становление личности в образовательном процессе: культурные и педагогические аспекты / под ред. Д. Н. Асламазишвили, В. В. Игнатовой. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2010. С. 81–108.
16. Чурекова Т. М., Москаленко И. В. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2. С. 112–116.
17. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности (Психологическое исследование). М.: Знание, 1985. 64 с.
18. Шапов И. А. Врач и больной. М.: Изд-во УДН, 1986. 168 с.
19. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 25.03.2020).
20. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7–27.
21. Иванов М. С., Яницкий М. С. К проблеме оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения // Философия образования. 2004. № 3. С. 233–241.
22. Кадыров Р. В. Ценностно-смысловая сфера личности студентов специальности «Клиническая психология» в период обучения в вузе // Психология обучения. 2014. № 8. С. 72–85.
23. Кривцова Е. В. Особенности системы ценностей студенческой молодежи // Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий / под ред. А. А. Зеленина, М. С. Яницкого. Кемерово: ИНТ, 2012. С. 44–58.
24. Хашченко В. А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях различных форм собственности // Социальная психология экономического поведения / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999. С. 56–67.
25. Аршинова Е. В., Билан М. А. Ценностно-смысловые аспекты переживания кризисов профессионального становления в процессе обучения в вузе // Психология индивидуальности: мат-лы V Междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 декабря 2015 г.) М.: Университетская книга, 2015. С. 219–221.
26. Манукян В. Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 109–117.
27. Валиулина Е. В. Психологические особенности кризисов профессионального самоопределения в процессе высшего медицинского образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2. С. 131–134.
28. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 35–44.

Value Components of the Self-Image of Students of a Deontological Profile of Training at University*

Yelena V. Arshinova ^{a, @}; Marina A. Bilan ^a; Olga A. Braun ^a; Evgeny V. Yanko ^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ arshinova75@mail.ru

Received 01.04.2020. Accepted 28.04.2020.

Abstract: According to post-non-classical psychology, the values of mass consciousness act as a guideline for the moral behavior of the individual. This is especially important for a specialist whose work depends on the formation of professional and ethical principles of their personality. Deontological principles develop during training. The substantial characteristics of one's self-image also develop at university. They approach the values of mass consciousness, which are the universal regulator of any form of human activity. The research featured the development of students' value orientations and the methods aimed at educating future deontology specialist. Such methods are usually based on post-non-classical psychology. Currently, this is the most important scientific matter in educational psychology. The article focuses on the temporal characteristics of the development of value components of the self-image in students of the deontological profile. The authors identified the main value components that characterize the development of moral and ethical principles in students at all stages of training. The values proved to undergo several changes during the learning process. Utilitarian and hedonistic values were most pronounced in first-year students and maintained their first rank positions until graduation. According to M. S. Yanitskiy's value types of personality, senior students demonstrated the intermediate type. The authors registered a certain discrepancy between students' ideas about professional values and the actual values they chose. This contradiction must be resolved during the training period.

Keywords: values, value orientations, values of mass consciousness, professional values, professional identity, University students, time perspective

For citation: Arshinova Ye. V., Bilan M. A., Braun O. A., Yanko E. V. Value Components of the Self-Image of Students of a Deontological Profile of Training at University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 387–396. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-387-396>

References

1. Seryy A. V. Meaningful attitude to professional activity as a condition for the development of professionally significant qualities of practicing psychologists. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, (2): 158–162. (In Russ.)
2. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists in deontological status. *Personality and professional activity*, eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2008, 147–159. (In Russ.)
3. Lukyanova S. P., Pakhomova E. V. Values and life-meaning orientations of psychological students on finishing phase of education in context of professional self-determination. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*, 2010, (17): 47–51. (In Russ.)
4. Bilan M. A., Grigoryeva E. V., Khakimova N. R. Specific features of spiritual and moral values of students of the deontological direction of education. *Professional education in Russia and abroad*, 2019, (1): 127–135. (In Russ.)
5. Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Dynamic aspects of the internalization of professional values in students of deontology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (4): 106–116. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-106-116
6. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
7. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
8. Stepin V. S. *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003, 743. (In Russ.)

* This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00066 "The system of personality identity in students: dynamics, factors, and threats".

9. Klochko V. E. On the conceptual apparatus of post-non-classical psychology. *Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, April 25–27, 2016. Moscow: FGBOU VO MGUDiT, 2016, pt. 1, 128–133. (In Russ.)
10. Znakov V. V. Value understanding the human being: thesaurus and narrative understanding of the events. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2011, (40): 118–128. (In Russ.)
11. Yurevich A. V. Value foundations of psychological science. *The value foundations of psychological science and the psychology of values*, ed. Znakov V. V., Zalevsky G. V. Moscow: IP RAN, 2008, 21–40. (In Russ.)
12. Chermenskaya G. G. The value-semantic bases and problem of search of the ethical component of psychological knowledge. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2011, (42): 19–28. (In Russ.)
13. Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Dynamic characteristics of the identity system of psychology students in the learning process. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019, 30: 15–29. (In Russ.) DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.15
14. Milovanova N. G., Pchelintseva I. G., Chumakova A. V. The value-semantic approach in professional education. *Pedagogical Journal*, 2017, 7(6A): 194–201. (In Russ.)
15. Chizhakova G. I. Modern education: axiological guidelines. *The formation of personality in the educational process: cultural and pedagogical aspects*, eds. Aslamazishvili D. N., Ignatova V. V. Krasnoyarsk: Izd-vo SibGTU, 2010, 81–108. (In Russ.)
16. Churekova T. M., Moskalenko I. V. On defining moral values and grounds for distinguishing them. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (2): 112–116. (In Russ.)
17. Bratus B. S. *Moral consciousness of personality (psychological study)*. Moscow: Znanie, 1985, 64. (In Russ.)
18. Shamov I. A. *Doctor and patient*. Moscow: Izd-vo UDN, 1986, 168. (In Russ.)
19. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity's crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(43). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 25.03.2020). (In Russ.)
20. Yanitskiy M. S. The value structure of mass consciousness in modern Russia. *Political and psychological problems of mass consciousness research*, ed. Shestopal E. B. Moscow: Aspect Press, 2002, 7–27. (In Russ.)
21. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. To the problem of assessing the potential of personal self-realization in the learning process. *Philosophy of education*, 2004, (3): 233–241. (In Russ.)
22. Kadyrov R. V. Values students of specialty "Clinical psychology" in the period of study at the university of. *Psikhologiya obucheniia*, 2014, (8): 72–85. (In Russ.)
23. Krivtsova E. V. Features of the value system of student youth. *Organization of work with youth: interdisciplinary integration of theory and technology*, eds. Zelenin A. A., Yanitskiy M. S. Kemerovo: INT, 2012, 44–58. (In Russ.)
24. Khashchenko V. A. Value orientations of various social groups under various forms of ownership. *Social psychology of economic behavior*, eds. Zhuravlev A. L., Shorokhova E. V. Moscow: Nauka, 1999, 56–67. (In Russ.)
25. Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Value-semantic aspects of experiencing the crises of professional development in the learning process at university. *Psychology of individuality*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Moscow, December 9–11, 2015. Moscow: Universitetskaya kniga, 2015, 219–221. (In Russ.)
26. Manukyan V. R. Psychological contents and factors of emergence of crisis of professional development in students of higher education institution. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2011, (4): 109–117. (In Russ.)
27. Valiullina Ye. V. Psychological features of crises of professional self-determination in the course of the higher medical education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (2): 131–134. (In Russ.)
28. Zeer E. F., Symanyuk E. E. Crisis of professional development of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1997, 18(6): 35–44. (In Russ.)

Особенности развития личности, характеризующейся состоянием выученной беспомощности, на разных этапах онтогенеза

Олеся В. Волкова^{a, @, ID}

^a Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, г. Красноярск

@ ms.olesyavolkova@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0002-6352-021X>

Поступила в редакцию 03.04.2020. Принята к печати 20.05.2020.

Аннотация: Открытая американскими позитивистами в 1970-х гг. выученная беспомощность может быть рассмотрена с двух позиций: как процесс и как результат. Факт сформированности состояния выученной беспомощности определяется дефицитом развития или выраженным нарушением в одной из сфер личности, которую состояние выученной беспомощности напрямую затрагивает: эмоциональная, мотивационная, волевая и когнитивные сферы личности. Однако возможность выявления выученно беспомощного состояния не является достаточной в плане оказания своевременной, системной психологической помощи. Возможность определить потенциальный риск возникновения и укрепления данного состояния в структуре личности на разных этапах онтогенетического развития (то есть подойти к его изучению с точки зрения процессуальности) – основная задача превентивной диагностики и планомерной профилактики состояния выученной беспомощности. В статье описано исследование особенностей формирования состояния выученной беспомощности на разных этапах онтогенеза (с периода старшего дошкольного до юношеского возраста) с целью выявления ее (беспомощности) маркеров, обнаружение которых создает возможность разработки специальной матрицы уязвимости сфер личности, связанных со структурными компонентами выученной беспомощности. Фрагменты исследования, представленные в материалах статьи, наглядно иллюстрируют логику построения системы психологической помощи, направленной на своевременную (первичную и вторичную) профилактику состояния выученной беспомощности у детей старшего дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, волевая сфера, мотивационная сфера, когнитивная сфера, дошкольники, младшие школьники, подростки, юношество

Для цитирования: Волкова О. В. Особенности развития личности, характеризующейся состоянием выученной беспомощности, на разных этапах онтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 397–408. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-397-408>

Введение

Выученная беспомощность как психологический феномен активно изучается в зарубежной психологии с 1970-х гг. (М. Селигман [1–3], Л. Абрамсон и др. [4], Дж. Овермайер [3], К. Петерсон др. [5], Д. Хирото [6]), в отечественной психологии ее изучение ведется в рамках исследований Д. А. Циринг [7], Е. В. Веденеевой [8], Ю. В. Яковлевой [9], Н. В. Солнцевой [10] и др.

В современных исследованиях в качестве специфических особенностей выученной беспомощности выделяют изменение мотивации достижения, эмоциональной, когнитивной и волевой сфер личности. Соответственно, в структуру личностной беспомощности (как устойчивого личностного образования) входят мотивационный, когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, которые неразрывно связаны между собой. В частности, более низкий уровень развития волевых качеств личности при выученной беспомощности обусловлен тем, что когнитивные особенности, характеризующие личностную беспомощность, затрудняют

постановку целей, поскольку учет последствий оказывается искаженным в связи с пессимистическим атрибутивным стилем, снижением креативности, ригидностью мышления. Экстратенсивная мотивация и экстернальный локус контроля делают человека зависимым от других людей, обстоятельств. Пессимистический прогноз разрушает смысл предпринимаемых действий, что ослабляет силу мотивов, затрудняет процесс принятия решений и влечет за собой отказ от намерения и исполнения действия. В качестве феномена, противопоставляемого выученной и личностной беспомощности, в современных исследованиях описывают самостоятельность, которая представляет собой системное образование, имеющее свои специфические особенности, по структуре схожее с состоянием выученной и личностной беспомощности, однако наполненное иным (полярно) содержанием [7–11]. Обобщенные сравнительные характеристики структурных компонентов беспомощности (как выученной, так и личностной) и самостоятельности представлены в табл. 1.

Табл. 1. Феномены беспомощность / самостоятельность: сравнительные характеристики структурных компонентов (по Ю. В. Яковлевой, 2008 [9])

Tab. 1. Helplessness vs. independence: comparative characteristics of structural components (according to Yu. V. Yakovleva, 2008 [9])

Компонент	Беспомощность	Самостоятельность
Эмоциональный	Замкнутость, равнодушие, неуверенность, эмоциональная неустойчивость, склонность к чувству вины, ранимость, низкий контроль эмоций, обидчивость, тревожность, депрессивность, фрустрированность, астения	Открытость, спонтанность, легкость в общении, эмоциональная устойчивость, уверенность в себе, выраженный контроль эмоций, низкие показатели тревожности (спокойствие), отсутствие фрустрированности
Мотивационный	Экстернальный локус контроля, мотивация избегания неудач, низкая самооценка, низкий уровень притязаний, страх отвержения, экстратенсивная мотивация	Интернальный локус контроля, преобладание мотивации достижения над мотивацией избегания неудач, адекватная или достаточно высокая самооценка, высокий уровень притязаний, преобладание стремления к принятию над страхом отвержения, интратенсивная мотивация
Когнитивный	Низкие показатели дивергентного мышления (низкий уровень креативности, низкая дивергентная продуктивность), ригидность мышления, пессимистический атрибутивный стиль	Высокие показатели дивергентного мышления (высокий уровень креативности, высокая дивергентная продуктивность), гибкость мышления, оптимистический атрибутивный стиль
Волевой	Безынициативность, нерешительность, робость, низкая сформированность организованности и настойчивости, недостаточные выдержка и целеустремленность	Инициативность, решительность, смелость, настойчивость, организованность, выдержка, целеустремленность, ответственность

Выученная беспомощность формируется под влиянием опыта неуспешности, интериоризируемого в большей степени не через факты объективных случаев фиаско в какой-либо жизненной активности, а через систему социального оценивания, общей идеей которого является установка «я знаю, что ты не можешь». В силу высокой значимости фигуры взрослого представителя ближайшего социального окружения ребенок не имеет возможности не учитывать его позицию, а с течением времени присваивает это токсичное восприятие себя, содержащее систему негативных оценок, как собственное мнение о себе и своих потенциалах.

При изучении механизмов формирования выученной беспомощности в онтогенезе необходимо принимать во внимание возрастные психологические особенности ребенка на каждом этапе его развития, начиная с периода старшего дошкольного возраста, во время которого выученная беспомощность может проявлять первые признаки манифестации, до старшего подросткового возраста, характеризующегося интенсивным становлением самостоятельности и воли, противостоящим беспомощности как феномену психологического пространства человека.

Старший дошкольный возраст (с 5 до 7 лет) является прямым продолжением раннего возраста в плане общей сензитивности, осуществляемой неудержимостью онтогенетического потенциала к развитию. Описывая особенности этого возрастного периода, сложно говорить о становлении волевой, мотивационной, эмоциональной и когнитивной

сфер в полной мере, но именно в этот возрастной период идет закладывание основ к их формированию, что особо значимо в рамках изучения выученной беспомощности, которая структурно представлена всеми перечисленными компонентами психологического развития дошкольника. Особая сензитивность касается эмоциональной сферы дошкольника – травматичный опыт этого и более ранних периодов развития традиционно связывают с негативными последствиями, проявляющимися на следующих этапах развития личности [12–17].

Поступление в школу подводит итог дошкольному детству и становится стартовой площадкой младшего школьного возраста (с 6–7 до 10–11 лет). Новое положение ребенка в обществе (позиция ученика) характеризуется тем, что у него появляется обязательная, общественно значимая, тщательно контролируемая деятельность – учебная, он должен подчиняться системе ее правил и нести ответственность за их нарушение. Важно и то, что данный возрастной период отличается специфической чертой – стремлением ребенка получать знания, создавать информационную базу для дальнейшего роста и личностного развития. То есть мотивация на сбор информации, поступающей из среды, – естественная потребность ребенка. Однако, будучи фрустрированной внешними факторами, в частности системой (порой алогичных и непредсказуемых) долженствований, потребность в знаниях может быть купирована, что способствует выучиванию беспомощного самоотношения.

На этом этапе развиваются самопознание и личностная рефлексия как способность самостоятельно установить границы своих возможностей («могу или не могу решить эту задачу?», «чего мне не хватает для ее решения?»), внутренний план действий (умение прогнозировать и планировать достижение определенного результата), произвольность, самоконтроль [12–23].

Младший подростковый период соотносится с хронологическим возрастом с 10–11 до 14–15 лет. Сформированная в учебной деятельности в средних классах школы способность к рефлексии направляется школьником на самого себя. Основные психологические потребности подростка – стремление к общению со сверстниками (группированию), стремление к самостоятельности и независимости, эмансипации от взрослых, к признанию своих прав со стороны других людей. В младшем подростковом возрасте нередко сохраняется склонность к поведенческим реакциям, которые обычно характерны для более ранних этапов развития: реакция отказа, реакция оппозиции, протеста, реакция имитации, реакция компенсации, реакция гиперкомпенсации. Младший подростковый возраст характеризуется возрастанием познавательной активности (пик любознательности приходится на 11–12 лет), расширением познавательных интересов. Постепенно перестраиваются процессы мышления – оперирование конкретными представлениями сменяется теоретическим мышлением. Теоретическое дискурсивное (рассуждающее) мышление строится на умении оперировать понятиями, сопоставлять их, переходить в ходе размышления от одного суждения к другому. В связи с развитием самостоятельного мышления, переходом к инициативной познавательной активности усиливаются индивидуальные различия в интеллектуальной деятельности. Волевой компонент имеет особое значение в развитии младшего подростка: происходит формирование стратегий и способов преодоления трудностей. Часть из них складывается еще в детстве для разрешения несложных ситуаций и становится привычной. В подростковом же возрасте они трансформируются, наполняются новым «взрослым смыслом», приобретают черты самостоятельных, собственно личностных решений при столкновении с новыми требованиями [12–14; 16–20; 24–30].

Ведущей деятельностью в юности (15–18 лет) в соответствии с психологическими периодизациями Д. Б. Эльконина признается учебно-профессиональная деятельность. Несмотря на то, что во многих случаях юноши и девушки остаются в позиции обучающихся, учебная деятельность должна приобрести новую направленность и новое содержание, ориентированное на будущее. Интеллектуальное развитие подразумевает выход на качественно новый уровень, связанный с развитием творческих способностей и предполагающий не просто усвоение информации, а проявление интеллектуальной инициативы и создание чего-то нового: речь идет о способности увидеть проблему, поставить и переформулировать вопросы, находить нестандартные решения

[12–14; 24–33]. Помимо чувства взрослости, по мнению Д. Б. Эльконина [34], у старших подростков и юношества существует тенденция к взрослости – стремление быть, казаться и считаться взрослым. Однако стремление быть взрослым вызывает сопротивление со стороны окружающих. Оказывается, что никакого места в системе отношений с взрослыми ребенок еще занять не может, и он находит свое место в сообществе ровесников, ведущий тип деятельности в этом возрасте – общение со сверстниками. В этой деятельности формируется основное новообразование данного возраста – самосознание – общественное знание, перенесенное во внутренний план мышления (по А. С. Выготскому) [15]. Направленность на будущее, ощущение расцвета физических и интеллектуальных возможностей, открывающихся горизонтов создают у юношей и девушек оптимистическое самочувствие, повышенный жизненный тонус. Эмоциональная сфера в юности становится значительно богаче по содержанию и тоньше по оттенкам переживаний, повышается эмоциональная восприимчивость и способность к сопереживанию. Развитие волевой и мотивационной сфер приобретает более устойчивый характер. Предварительное самоопределение, построение жизненных планов на будущее – центральное психологическое новообразование юношеского возраста [24–33].

Каждый из этапов становления личности – от дошкольного возраста до юношеского периода – характеризуется специфическими особенностями развития мотивационной, волевой, эмоциональной и когнитивной сфер. Если в старшем дошкольном и младшем школьном периодах можно отметить первые специфические особенности этих сфер, то в младшем и старшем подростковом возрасте они приобретают характер устойчивых черт, интенсивно развивающихся и детерминирующих направленность развития самой личности.

Выученная беспомощность проявляется дефицитом в эмоциональной, мотивационной, волевой и когнитивной сферах личности человека. Соответственно механизм формирования выученной беспомощности может быть исследован в процессе онтогенетического развития, с прицелом на поиск дефицитов в развитии в эмоциональной, мотивационной, волевой и когнитивной сферах личности в период старшего дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возрастов как маркеров формирующейся выученной беспомощности.

Методы и материалы

Мы предположили, что существует возможность выявления наиболее чувствительных к возникновению выученной беспомощности личностных сфер в процессе онтогенетического развития, а следовательно, такая возможность позволяет создать основу для формирования системы превентивных и интервенционных психологических мер, направленных на снижение риска возникновения состояния выученной беспомощности и его перехода в устойчивую форму – личностную беспомощность.

В соответствии с поставленными задачами нами была разработана авторская «Технология исследования феномена выученной беспомощности», представленная в полнотекстовой версии исследования в виде монографии и включающая подборку психологического диагностического инструментария, соответствующего особенностям возраста на каждом этапе онтогенеза, входившего в призму наших исследовательских интересов [35]. В ходе апробации Технологии внедрена серия исследовательских проектов в четырех возрастных группах: старший дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский возраст.

С учетом возрастных особенностей каждой группы респондентов был подобран диагностический инструментарий, позволяющий выявить степень уязвимости каждой из сфер личности, имеющих непосредственное отношение к структуре феномена выученной беспомощности: эмоциональная, мотивационная, волевая и когнитивная сферы.

В табл. 2 представлены сводные данные, позволяющие составить представление об обобщенных характеристиках участников и методах исследования, проводимого нами в период 2009–2019 гг.

К сожалению, формат статьи не позволяет осветить все этапы и конкретные результаты по использованным методикам и представить развернутый статистический анализ полученных данных, поэтому в последующих разделах мы обобщим и проинтерпретируем выводы исследования, позволяющие охарактеризовать наиболее чувствительные к возникновению выученной беспомощности личностные сферы на различных этапах онтогенетического развития.

Обсуждение результатов

Исследование феномена выученной беспомощности в группе *старшего дошкольного возраста* позволило сделать выводы о том, что риск возникновения синдрома выученной беспомощности существует у детей, у которых наблюдается высокий уровень тревожности, неуравновешенность, отсутствие инициативы, неуверенность в себе, расстройство эмоциональной сферы. Именно у этих детей – низкий уровень мотивации к обучению в школе, доминирует игровой мотив, а не познавательный. Уровень развития мотивационной сферы не соответствует возрасту.

Анализ уровня развития и содержательные характеристики сфер личности, являющихся ключевыми для выявления симптомов зарождающейся беспомощности, показал, что сниженный уровень развития воли является естественной возрастной нормой, в старшем дошкольном возрасте волевое развитие только набирает ход. Сниженный уровень развития воли не может свидетельствовать в пользу первых манифестаций беспомощности.

Говоря об уровне когнитивного развития старших дошкольников, не имеющих отставания в психическом развитии (а именно эта категория детей участвовала в исследовании), необходимо учитывать, что старший дошкольный возраст относится к дооперациональной стадии когнитивного

развития, основной характеристикой которой является отсутствие пониманий в отношении правил, операций, их логики. По большому счету когнитивное развитие демонстрирует себя через овладение ребенком навыками и не может быть идентифицировано как действительный уровень развития когнитивной сферы [14–15]. Соответственно, оценка уровня развития когнитивной сферы также не попадает в разряд значимых в распознавании первых признаков выученной беспомощности. Более того, отставание в когнитивном развитии (как показывают наши исследования более поздних возрастных периодов) является следствием устойчивого состояния беспомощности.

Мотивационная сфера старшего дошкольника дает значительно больше информации в отношении признаков беспомощности. Если ребенок в старшем дошкольном возрасте остается мотивированным в большей степени на игровую деятельность, а не на учебную, переход к которой является возрастной нормой, то эти показатели можно рассматривать через призму возможности становления беспомощности. Учебная деятельность сопряжена с преодолением трудностей, менее привлекательна в эмоциональном плане, нуждается в приложении волевых усилий (которые находятся в стадии начального становления). Отказ от более трудоемкой деятельности в пользу легкой, знакомой, не подлежащей оцениванию, не предполагающей получение конкретного результата, может давать основание для поиска первых признаков беспомощности.

Личностной сферой, в которой тенденции к манифестации беспомощности могут быть представлены наиболее ярко, является эмоциональная сфера личности старшего дошкольника. Исследования показали, что преобладание таких негативных эмоциональных переживаний, как страх и тревога, зачастую обусловленные специфическим содержанием взаимодействия с представителями взрослой части ближайшего социального окружения (родители, воспитатели), создает условия для отказа от действий и деятельности, делают ребенка неуверенным в себе, в положительном исходе предпринимаемых попыток освоения новых жизненных стратегий, в осуществлении своих интенций, в реализации своих познавательных потребностей, в осуществлении непосредственной детской активности и инициативности. Именно повышенный уровень тревожности, часто сочетающийся с негативным самоотношением и неуверенностью в себе, купирует и тормозит развитие антипода беспомощности – самостоятельности личности ребенка старшего дошкольного возраста.

В соответствии с алгоритмом технологии исследования были организованы диагностические мероприятия, посвященные обнаружению чувствительной сферы в структуре личности *младших школьников*, т. к. каждый из ее элементов может быть наиболее подвержен влиянию негативных факторов в пользу укрепления состояния беспомощности в структуре личности ребенка. Обобщение результатов поиска признаков выученной беспомощности в период младшего школьного возраста позволило прийти к следующим выводам.

Табл. 2. Общие характеристики групп участников и методы исследования выученной беспомощности

Tab. 2. Test group profile and methods of learnt helplessness studies

Возрастная категория	Методы исследования	Количество человек	Пол, мужской / женский, %
Старший дошкольный возраст (5–6 лет)	Воля: «Да и нет» (Н. И. Гуткина); методика «Изучение волевых проявлений» (Г. А. Урунтаева); «Выкладывание узора по образцу» (Н. А. Циркун); методика исследования умения совершать усилия «Лабиринт» (аналог субтеста Векслера); Эмоции: проективный рисуночный тест «Рисунок семьи»; проективный тест «Кактус»; «Домик» (О. А. Орехова); проективный рисуночный тест «Человек» и «Человек под дождем» (Е. В. Романова, Т. И. Сытько); Мотивация: «Лесенка побуждений» (А. И. Божович, И. К. Маркова), адаптированная для старшего дошкольного возраста; методика определения мотивов учения (М. Р. Гинзбург); проба на познавательную инициативу «Незавершенная сказка» (Р. С. Немов); методика «Изучение мотивов поведения в ситуации выбора» (Г. А. Урунтаева, Ю. А. Афонькина); Когнитивное развитие: наблюдение в ходе занятий с педагогом, а также фиксация уровня проявления когнитивных способностей в процессе диагностики; классификация для детей 6–8 лет «Исключи лишнюю картинку, слово»; методика исследования мышления детей 5–7 лет «Времена года»; тест на мышление ребенка «Последовательность событий» (А. Н. Бернштейн)	160	47 / 53
Младший школьный возраст (7–9 лет)	Воля: графический диктант (Д. Б. Эльконин); Корректурная таблица кольца Ландольта (модификация корректурной пробы Б. Бурдона); «Тест на определение уровня развития произвольной регуляции деятельности» (И. Б. Дерманова); Эмоции: анкета «Школьная адаптация» (Н. Г. Лусканова) в модификации Е. И. Даниловой; проективный рисуночный тест «Рисунок несуществующего животного» (М. З. Дукаревич); проективный рисуночный тест «Человек» и «Человек под дождем» (Е. В. Романова, Т. И. Сытько); методика «Радости и огорчения» (Н. А. Тихонова); «Тест фрустрационных реакций» (детский вариант) (С. Розенцвейг); Мотивация: методика «Неоконченные предложения» (М. Ж. Ньюттен) в модификации А. Б. Орловой; методика «Составление расписания на неделю» (С. Я. Рубинштейн) в модификации В. Ф. Моргун; анкета «Изучение мотивации младшего школьника (1–4 класс)» (Н. Г. Лусканова); «Методика по определению мотивов учения» (М. Р. Гинзбург); Когнитивное развитие: классификация для детей 6–8 лет «Исключи лишнюю картинку, слово»; методика исследования мышления детей 5–7 лет «Времена года» (Р. С. Немов); тест на мышление ребенка «Последовательность событий» (А. Н. Бернштейн)	278	44 / 56

Возрастная категория	Методы исследования	Количество человек	Пол, мужской / женский, %
Подростковый возраст (10–16 лет)	Воля: тест «Самооценка силы воли» (Н. Н. Обозов); адаптация методики COPE (Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин) на основании оригинальной версии методики К. Карвера, М. Шейер и Дж. Вейтрауба; Уровень субъективного контроля (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд); Эмоции: Торонтская Алекситимическая Шкала (Toronto Alexithymia Scale) (TAS); Шкала личностной и ситуативной тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. А. Ханин); Методика диагностики уровня школьной тревожности (Б. Филипс); Диагностический опросник эмоционального интеллекта (Н. Холл); Мотивация: Мотивация к успеху, к избеганию неудач и степень риска (Т. Элерс); Многофакторный Опросник Лидерства (В. М. Bass & В. J. Avolio); тест «Мотивация учебной деятельности: уровни и типы» (И. С. Домбровская); Мотивация успеха и боязнь неудачи (А. А. Реан); Когнитивное развитие: Краткий отборочный тест КОТ, форма А (В. Н. Бузин); Определение типа мышления и уровня креативности (Дж. Брунер)	130	51 / 49
Юношеский возраст – школьники (17–18 лет)	Воля: методика определения силы воли (Р. С. Немов); тест «Самооценка силы воли» (Н. Н. Обозов); адаптация методики COPE (Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин) на основании оригинальной версии методики К. Карвера, М. Шейер и Дж. Вейтрауба; Преодоление трудных жизненных ситуаций ПТЖС/SVF 120 (В. Янке, Г. Эрдманн, перевод и адаптация Н. Е. Водопьяновой); опросник «Цель-Средство-Результат» (А. А. Каманов); Эмоции: Торонтская Алекситимическая Шкала (Toronto Alexithymia Scale) (TAS); Шкала личностной и ситуативной тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. А. Ханин); Шкалы социально-ситуативной тревожности (О. Кондаш); Тест эмоционального интеллекта (Д. В. Люсин); Мотивация: Шкала прокрастинации для студентов (С. Лэй); Мотивация к успеху, к избеганию неудач и степень риска (Т. Элерс); Когнитивное развитие: Краткий отборочный тест КОТ, форма А (В. Н. Бузин); Определение типа мышления и уровня креативности (Дж. Брунер); Тест на логическое мышление (М. Войнаровский)	116	49 / 51
Юношеский возраст – студенты (19–22 года)		151	38 / 62
Всего по детско-юношеской выборке		835	45 / 55

Эмоциональная сфера, выступающая значимым критерием распознавания первых признаков выученной беспомощности в старшем дошкольном возрасте, утрачивает в младшем школьном возрасте свои позиции «мишени» беспомощного состояния. Естественно, доминирование негативных эмоциональных переживаний поддерживает состояние беспомощности в младшем школьном возрасте, однако в авангард выходит мотивационная сфера личности ребенка.

Игра как способ социального научения является эмоционально привлекательной формой деятельности и способа познания окружающего мира вплоть до юношеского возраста, тем не менее в младшем школьном возрасте у детей появляется некое социальное дело, функция, своеобразная «работа» – учебная деятельность, которая в рамках возрастной нормы при благоприятном развертывании процесса развития личности ребенка должна в достаточной мере

смещать с пьедестала игру. И если в самом начале младшего школьного возраста (1 класс) происходит адаптация ребенка к этой новой форме получения информации, освоения новых способов, то к завершению 3 класса школы ребенок должен соотносить учебную деятельность не только как с формой организации части времени своей жизни, но и как с основным способом ее организации, признаком собственного социального статуса. Однако это может произойти исключительно в условиях ее успешности, создания дополнительной позитивной мотивации, формирования интереса к учебе, при наличии поддержки извне и достижении удовлетворяющих ребенка результатов этого нового вида деятельности – учебы. Если же ребенок с нетерпением желает вернуться к прежним игровым формам организации жизни, то это может свидетельствовать о признаках регресса как механизма психологической защиты в ситуациях непреодолимых трудностей. «Не хочу учиться» в младшем школьном возрасте вполне может быть эквивалентно «Не могу учиться».

Как следствие отсутствия мотивации к учению возникают проблемы и трудности в освоении информации, в том числе и учебной, что неотвратимо сказывается на успеваемости (которая, нужно признать, не всегда является мерилем уровня когнитивного развития, а в большей степени свидетельством адаптированности к учебе в школе и уровня мотивации), а в последствии и на недостаточности развития когнитивной сферы.

Исследуя волевое развитие личности младшего школьника, мы пришли к выводу, что уровень его развития в силу возрастных особенностей еще недостаточен, чтобы свидетельствовать в отношении признаков беспомощности. Однако, являясь тесно связанным с мотивацией, воля при ее низком уровне также теряет свои позиции.

Исследование дефицитарных сторон в развитии личности ребенка, связанных со структурными компонентами выученной беспомощности с целью обнаружения признаков ее становления, было проведено на выборках детей *подросткового возраста*. Направления, методы и методики исследования, как и в группах старшего дошкольного и младшего школьного возраста, были определены в соответствии с алгоритмом исследования генеза выученной беспомощности [35], что позволило обосновать следующие выводы.

К подростковому периоду ребенок, имеющий в структуре личности выраженные черты беспомощности, имеет все более устойчивые дефициты в тех сферах, которые на более ранних периодах манифестировали признаками выученной беспомощности.

Если в младшем подростковом возрасте выученно беспомощный ребенок демонстрировал недостаточно сформировавшуюся мотивацию, ориентированную на учебную деятельность, то в период подросткового возраста она (мотивация) обретает новые патологические особенности, основанные на опыте неуспеха, она становится ориентированной в большей степени на избегание неудач, нежели на достижение успеха.

Свойственная с дошкольного возраста психологически беспомощному ребенку повышенная тревожность к подростковому возрасту обретает черты устойчивого личностного образования и уже мало отвечает реальной жизненной ситуации, которая ситуативно вполне может вызывать состояние тревоги в силу негативных психологических факторов. Однако тревога подростка приобретает личностный генерализованный характер.

Являясь периодом становления интересов, подростковый возраст в норме должен стать периодом выбора потенциально возможного профессионального пути, направления собственной самореализации в деятельности. Подросток, демонстрирующий достаточный уровень самостоятельности, как правило, имеет представления и перспективный план по освоению навыков будущей профессии. И круг его интересов чаще всего формируется в связи с этим перспективным планом. Отсутствие ярко выраженных профессионально ориентированных интересов и низкий уровень готовности к выбору профессии зачастую связаны с невозможностью, неспособностью к принятию самостоятельного решения, с низким уровнем мотивации на освоение определенных отраслей знаний и навыков, что неизменно влияет на уровень когнитивного развития. Уже в этот период когнитивная сфера попадает под разрушительное воздействие выученной беспомощности, блокируя познавательные возможности подростка.

Из всех компонентов выученной беспомощности в подростковый период волевое развитие личности является наибольшим свидетельством в пользу закрепляющейся самостоятельности или беспомощности. Именно в этот период приобретают устойчивость и четкое очертание волевые качества личности, оттачивается упорство в преодолении трудностей, совершенствуется умение планировать деятельность по направлению к достижению цели. Воля и свобода ее изъятия – вот то, что делает подростковый возраст переходным в пору взрослости. Беспомощность же подростка проявляет себя даже не столько в отказе от преодоления трудностей на жизненном пути, она ориентирует волевою и мотивационную сферы лишь на встречи с неудачами и обстоятельствами непреодолимой силы.

Даже при условии объективных способностей и возможностей подростка справиться с посильной задачей подросток, характеризующийся выученной беспомощностью, он демонстрирует высокий уровень личностной тревожности, мотивирован на встречу лишь с непреодолимыми ситуациями, которые, по его мнению, однозначно приведут его к фиаско, не берется за когнитивные задачи, даже соответствующие его уровню развития, не прилагает волевых усилий и упорства в преодолении трудностей.

В период *юношеского возраста* становление выученной беспомощности обнаружило себя следующими признаками. Аналогично ранее представленным в данном разделе возрастным периодам период юношества, близкий по своим характеристикам к подростковому возрасту, был изучен

с точки зрения степени выраженности основных компонентов выученной беспомощности с целью обнаружения закономерностей ее генеза.

Важно отметить, что современные исследования свидетельствуют в пользу того факта, что периоды подросткового и юношеского возраста в отношении друг друга имеют размытую временную границу, маркированную острым или латентным проживанием возрастного кризиса. Кроме того, последние исследования из области нейропсихологии утверждают о большей продолжительности периода подросткового возраста, который по некоторым исследованиям длится вплоть до 24 лет. Однако в нашем исследовании мы опираемся на возрастную периодизацию Д. Б. Эльконина [34], а также определяем признаком начинающейся юности переход от школьного обучения к среднему или высшему профессиональному.

Юноши и девушки, характеризующиеся состоянием выученной беспомощности, имеют следующие личностные особенности. По сравнению с высокотревожными подростками, переживающими гормональную «бурю», представители юношеского возраста в большей степени испытывают негативные эмоциональные переживания относительно перспектив собственного будущего, успешности в образовательной, трудовой деятельности и социальной самореализации. Однако содержательная часть тревожности юношей и девушек, как и у подростков, связана в том числе с неадекватной заниженной самооценкой, характерной для состояния беспомощности, с затруднениями в коммуникации, неуверенностью в себе, боязливостью, наличием псевдокомпенсирующих механизмов, избегающими копинг-стратегиями, минимальной самореализацией.

Диагностика волевого развития личности юношей и девушек была направлена на определение силы воли, выявление признаков твердой / сильной воли и невыраженной / слабой воли. Данные исследования иллюстрируют наличие высокой доли представленности юношей и девушек двух полярных характеристик воли – сильная (38 %) и слабо-выраженная (42 %) воля.

Содержательный аспект мотивации юношей и девушек представлен яркой выраженностью мотивации к учению (49 % – высокий уровень мотивации к учению, 41 % – средний уровень мотивации к учению с тенденцией к высокой), что характерно для будущих выпускников средней школы, заинтересованных в успешном прохождении итоговой государственной аттестации. Однако 10 % участников исследования показали сниженную познавательную мотивацию, переживание «школьной скуки», отрицательное эмоциональное отношение к учебе. Тем не менее при доминирующей ориентированности мотивации на учебную деятельность результаты диагностики свидетельствуют о высокой доле юношей и девушек, имеющих мотивацию на неудачу (33 %) и тенденцию к мотивации на неудачу (18 %). При данном типе мотивации активность человека связана с потребностью избежать срыва, порицания,

наказания, неудачи. Начиная дело, человек уже заранее боится возможной неудачи, думает о путях избегания этой гипотетической неудачи, а не о способах достижения успеха.

Диагностика когнитивной сферы позволила оценить логическое мышление участников исследования, уровень сформированности абстрактных связей и уровень развития когнитивной сферы в целом. Учитывая факт обучения представителей исследуемой группы в старшей параллели средней школы, а соответственно, владения достаточным уровнем знаний для подготовки и поступления в высшую школу исследуемой категории учащихся, 52 % из них продемонстрировали низкий уровень когнитивного развития. В состоянии выученной беспомощности, сочетающей в себе повышенный уровень тревожности, неуверенность в собственных силах, мотивацию на избегание неудач, невысокий уровень развития воли, продемонстрировать реально существующий уровень когнитивного развития становится затруднительно.

Таким образом, подводя итоги исследования структурных компонентов выученной беспомощности в группе представителей юношеского возраста, важно отметить, что показатели низкого уровня когнитивного развития как бы надстраиваются над уже устойчивой системой беспомощности, состоящей из существующей личностной тревожности, берущей начало из старшего дошкольного возраста, искаженной мотивацией, приобретенной в младшем школьном возрасте, низко развитой волей подросткового периода.

С целью разработки матрицы выявления «мишеней» психологической интервенции, направленной на снижение риска возникновения и поддержания состояния выученной беспомощности, нами была проанализирована система иерархической значимости структурных компонентов выученной беспомощности на разных этапах ее становления в отношении периодов онтогенетического развития, затронутых в данном исследовании. В качестве обобщенных результатов в табл. 3 представлен своеобразный рейтинг компонентов выученной беспомощности, среди которых каждый играет свою роль в генезе выученной беспомощности, а значит, может быть маркером ее формирования, а также стать целью коррекционных и превентивных мер.

Заключение

В качестве прикладной значимости полученных нами в ходе теоретико-практического анализа результатов исследования мы видим построение и внедрение в процесс психолого-педагогического сопровождения детей разных возрастных групп особую систему психологической помощи, включающей в себя такие формы интервенции, как психологическая профилактика, психологическая коррекция и психотерапия. Основным принципом построения предлагаемой нами системы помощи заключается в учете уязвимости, сенсильности определенных сфер личности на разных этапах онтогенетического развития ребенка к возникновению состояния

Табл. 3. Рейтинг уязвимости сфер личности, связанных с компонентами выученной беспомощности, на разных этапах онтогенетического развития**Tab. 3. Rating of personality spheres vulnerability connected with components of learned helplessness at different stages of ontogenesis**

Компонент выученной беспомощности	Старший дошкольный возраст	Младший школьный возраст	Подростковый возраст	Юношество
Эмоции	1 – повышенный уровень тревожности	2	2	4
Мотивация	2	1 – низкий уровень учебной мотивации	3	3
Воля	4	3	1 – низкий уровень развития воли	2
Когнитивная сфера	3	4	4	1 – низкий уровень когнитивного развития

выученной беспомощности и переходу его на более ригидный, стагнационный уровень – личностная беспомощность.

В частности, психологическая профилактика позволяет создать особые условия взросления ребенка, способствующие формированию самостоятельности в противовес заучивания беспомощного состояния.

Психологическая коррекция выстраивается с целью ликвидации последствий признаков разного уровня и содержания уже манифестирующего состояния выученной беспомощности и создания механизмов, препятствующих переходу состояния выученной беспомощности в статус личностного образования.

Психотерапия в данном случае понимается как комплекс целенаправленных мер по внесению кардинальных

системных изменений на уровне личностных образований, обучение самостоятельности, поддержка сепарации, наполнение новым содержанием взаимоотношений с ближайшим социальным окружением.

Однако важно учитывать, что система психологической помощи, адресованная только ребенку, демонстрирующему признаки выученно беспомощного состояния, вряд ли может быть в высшей степени эффективной без включения в процесс психолого-педагогического сопровождения значимых представителей ближайшего социального окружения (родители, близкие родственники, педагоги, психологи), создающих условия для выученной беспомощности или, наоборот, препятствующих ее возникновению и поддержанию.

Литература

1. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
2. Seligman M. E. P. What You Can Change & What You Can't. N. Y.: Knopf, 1993. 359 p.
3. Overmier J. B., Seligman M. E. P. Effects of inescapable shock upon subsequent escape and avoidance responding // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1967. Vol. 63. № 1. P. 28–33. DOI: 10.1037/h0024166
4. Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression // Psychological Review. 1989. Vol. 96. № 2. P. 358–372. DOI: 10.1037/0033-295X.96.2.358
5. Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P. Learned helplessness: a theory for the age of personal control. N. Y.: Oxford University Press, 1993. 359 p.
6. Hiroto D. Locus of control and learned helplessness // Journal of Experimental Psychology. 1974. Vol. 102. № 2. P. 187–193.
7. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.
8. Веденеева Е. В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 186–189.
9. Яковлева Ю. В. Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 5. С. 161–165.
10. Солнцева Н. В. Феномен выученной беспомощности: причины формирования и пути преодоления // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: мат-лы I Всерос. науч.-практ. (заочная) конф. (Санкт-Петербург, 15–17 января 2011 г.) СПб.: НИИРПП, 2011. С. 174–181.

11. Забелина Е. В. Коммуникативная активность и беспомощность подростков: результаты формирующего эксперимента // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 5. С. 170–173.
12. Щедрин А. Г. Онтогенез и теория здоровья: методологические аспекты. Новосибирск: Наука, 1989. 135 с.
13. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. М.: МПСИ; Флинта, 1999. 672 с.
14. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4. Детская психология. М.: Книга по требованию, 2013. 432 с.
15. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2016. 359 с.
16. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. 184 с.
17. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: Сфера, 2001. 464 с.
18. Шеффер Д. Дети и подростки: психология развития; 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 976 с.
19. Абрамова Г. С. Возрастная психология. М.: Академия, 1999. 672 с.
20. Гарбузов В. И. От младенчества до отрочества. Л.: Интерполиграфцентр, 1991. 188 с.
21. Саенко А. В., Гончарова Е. В. Детско-родительские отношения как фактор неуспеваемости первоклассника // Материалы секционных заседаний 56-й студенческой науч.-практ. конф. ТОГУ. (Хабаровск, 15 июня 2016 г.) Хабаровск: ТОГУ, 2016. Т. 2. С. 277–281.
22. Резванцева М. О., Буланова О. Б. Детско-родительские отношения у младших школьников с инфантильными чертами поведения // Современная прикладная психология: теория и практика: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. «XII Левитовские чтения». (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) М.: МГОУ, 2017. Т. 2. С. 96–100.
23. Туктарова Р. Р. Влияние детско-родительских отношений на самооценку детей младшего школьного возраста // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Славянск-на-Кубани, 12–16 сентября 2014 г.) Славянск-на-Кубани: Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2014. С. 296–299.
24. Андреева А. Д., Вохмянина Т. В., Воронова А. А., Гуткина Н. И., Данилова Е. Е., Екимова В. И., Зацепин В. В., Лубовский Д. В., Николаева А. Б., Пахальян В. Э., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Руководство практического психолога: психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы. М.: Академия, 1995. 170 с.
25. Шумнов С. А. Психотерапия и психокоррекция детей и подростков. М.: Изд. института психотерапии, 2000. 108 с.
26. Бурменская Г. В., Захарова Е. И., Карабанова О. А., Лидерс А. Г. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М.: Академия, 2002. 416 с.
27. Лихтарников А. А. Беспомощность подростков и психологическое консультирование // Наш проблемный подросток: понять и договориться / ред. А. А. Ретуш. СПб.: Союз, 2001. С. 49–73.
28. Коган Б. М., Яшин А. А. Влияние детско-родительских отношений на уровень когнитивной ригидности подростков // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 1. С. 45–53.
29. Сердюковская Г. Н., Арнольди И. А. Здоровье подростка. М.: Знание, 1967. 48 с.
30. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research // Developmental Psychology. 1982. № 18. P. 341–358.
31. Выготский Л. С. Лекции по педологии. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2001. 304 с.
32. Волкова О. В. Компоненты и механизмы формирования выученной беспомощности у детей с ослабленным здоровьем: онтогенетический подход // Сибирское медицинское обозрение. 2014. № 4. С. 86–91.
33. Кравцова Н. А. Самооценка и «я» функции личности подростков, страдающих психосоматическими расстройствами // Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии: мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Владивосток, 15–19 сентября 2011 г.) Владивосток: МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2011. С. 139–146.
34. Эльконин Д. Б. Природа детства и его периодизация // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 27–29.
35. Волкова О. В. Выученная беспомощность: технология исследования генеза. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 280 с.

Development of Personality with Learned Helplessness at Different Stages of Ontogenesis

Olesya V. Volkova^{a, @, ID}

^a Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk

@ ms.olesyavolkova@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0002-6352-021X>

Received 03.04.2020. Accepted 20.05.2020.

Abstract: Learned helplessness was discovered by American positivists in the 1970s. There are two approaches to learned helplessness: as a phenomenon (state) and as a process. Learned helplessness develops as a result of development deficiency or a severe impairment of one of the spheres of personality, e.g. emotions, motivation, will, or cognition. However, the ability to detect learned helplessness is not sufficient to provide timely and systemic psychological assistance. To determine the potential risk of development and aggravation of this state at different stages of ontogenetic development, i.e. as a process, is the main task of preventive diagnosis and systematic prevention of the state of learned helplessness. The research featured peculiarities of learned helplessness development at different stages of ontogenesis – from senior pre-school to adolescence. The research objective was to identify the markers of learned helplessness. Early detection made it possible to develop a special matrix of personality spheres vulnerability related to structural components of learned helplessness. The article illustrates the system of psychological assistance aimed at urgent (primary and secondary) prevention of the state of learned helplessness in children from senior pre-school age to adolescence.

Keywords: emotional sphere, will sphere, motivational sphere, cognitive sphere, pre-school age, primary school age, adolescents, youth

For citation: Volkova O. V. Development of Personality with Learned Helplessness at Different Stages of Ontogenesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 397–408. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-397-408>

References

1. Seligman M. *New positive psychology: Scientific view for luck and sense life*. Moscow: Sofia, 2006, 368. (In Russ.)
2. Seligman M. E. P. *What You Can Change & What You Can't*. N. Y.: Knopf, 1993, 359.
3. Overmier J. B., Seligman M. E. P. Effects of inescapable shock upon subsequent escape and avoidance responding. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 1967, 63(1): 28–33. DOI: 10.1037/h0024166
4. Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression. *Psychological Review*, 1989, 96(2): 358–372. DOI: 10.1037/0033-295X.96.2.358
5. Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P. *Learned helplessness: a theory for the age of personal control*. N. Y.: Oxford University Press, 1993, 359.
6. Hiroto D. Locus of control and learned helplessness. *Journal of Experimental Psychology*, 1974, 102(2): 187–193.
7. Tsiring D. A. *Psychology of personality helplessness: a study of the levels of subjectivity*. Moscow: Akademiia, 2010, 410. (In Russ.)
8. Vedeneva E. V. Interrelation of a motivational component of personal helplessness and leading activity on different age stages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (322): 186–189. (In Russ.)
9. Yakovleva Yu. V. Independence phenomenon (on material of youthful age). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2008, 14(5): 161–165. (In Russ.)
10. Solntseva N. V. The phenomenon of learned helplessness: reasons and ways to overcome. *An integrative approach to human psychology and social interaction of people: Proc. I All-Russian Sci.-Prac. (correspondence) Conf.*, St. Petersburg, January 15–17, 2011. St. Petersburg: NIIRRR, 2011, 174–180. (In Russ.)
11. Zabelina E. V. Communicative activity and helplessness in adolescents: results of a formative experiment. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2008, 14(5): 170–173. (In Russ.)
12. Shchedrina A. G. *Ontogenesis and the theory of health: methodological aspects*. Novosibirsk: Nauka, 1989, 135. (In Russ.)
13. Feldshtein D. I. *The psychology of growing up: structurally content characteristics of the personality development process: selected works*. Moscow: MPSI; Flinta, 1999, 672. (In Russ.)

14. Vygotskii L. S. *Collected works. Vol. 4. Child psychology*. Moscow: Kniga po trebovaniuu, 2013, 432. (In Russ.)
15. Vygotskii L. S. *The history of the development of higher mental functions*. Moscow: Iurait, 2016, 359. (In Russ.)
16. Polivanova K. N. *Psychology of age crises*. Moscow: Akademiia, 2000, 184. (In Russ.)
17. Kulagina I. Iu., Koliutskii V. N. *Age psychology: the complete life cycle of human development*. Moscow: Sfera, 2001. 464. (In Russ.)
18. Shaffer D. *Children and adolescents: developmental psychology*, 5th ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 976. (In Russ.)
19. Abramova G. S. *Age psychology*. Moscow: Akademiia, 1999, 672. (In Russ.)
20. Garbuzov V. I. *From infancy to adolescence*. Leningrad: Interpoligrastsentr, 1991, 188. (In Russ.)
21. Saenko A. V., Goncharova E. V. Parent-child relations as a factor of poor performance of a first grader. *Proc. of breakout sessions of the 56th Student Sci.-Prac. Conf. Pacific National University TOGU*, Khabarovsk, June 15, 2016. Khabarovsk: TOGU, 2016, vol. 2, 277–281. (In Russ.)
22. Rezvantseva M. O., Bulanova O. B. Parent-child relationships for children with infantile features of behavior. *Contemporary applied psychology: theory and practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "XII Levitical Readings", Moscow, April 19–20, 2017. Moscow: MGOU, 2017, vol. 2, 96–100. (In Russ.)
23. Tuktarova R. R. Influence of parent-child relations on the self-esteem of primary school children. *Regional resources: cultural and historical development in the context of science and education*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Slavyansk-on-Kuban, September 12–16, 2014. Slavyansk-on-Kuban: Filial KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani, 2014, 296–299. (In Russ.)
24. Andreeva A. D., Vokhmianina T. V., Voronova A. A., Gutkina N. I., Danilova E. E., Ekimova V. I., Zatsepin V. V., Lubovsky D. V., Nikolaeva A. B., Pakhalyan V. E., Prikhodzhan A. M., Tolstykh N. N. *Guide of a practical psychologist: mental health of children and adolescents in the context of psychological service*. Moscow: Akademiia, 1995, 170. (In Russ.)
25. Shumnov S. A. *Psychotherapy and psychocorrection of children and adolescents*. Moscow: Izd. instituta psikhoterapii, 2000, 108. (In Russ.)
26. Burmenskaia G. V., Zakharova E. I., Karabanova O. A., Liders A. G. *Age-psychological approach in counseling children and adolescents*. Moscow: Akademiia, 2002, 416. (In Russ.)
27. Likhtarnikov A. L. The helplessness of adolescents and psychological counseling. *Our difficult teenager: understand and agree*, ed. Regush L. A. St. Petersburg: Soiuz, 2001, 49–73. (In Russ.)
28. Kogan B. M., Yashin A. A. The influence of relationship between children and parents on the teenagers' level of cognitive rigidity. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2017, (1): 45–53. (In Russ.)
29. Serdiukovskaia G. N., Arnoldi I. A. *Adolescent health*. Moscow: Znanie, 1967, 48. (In Russ.)
30. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology*, 1982, (18): 341–358.
31. Vygotskii L. S. *Lectures on pedology*. Izhevsk: Udmurtskii un-t, 2001, 304. (In Russ.)
32. Volkova O. V. Components and mechanisms of forming the learned helplessness in children with weak health: ontogenetic approach. *Siberian Medical Review*, 2014, (4): 86–91. (In Russ.)
33. Kravtsova N. A. Self-esteem and "I" personality functions of adolescents suffering from psychosomatic disorders. *Problems of personal health in theoretical and applied psychology*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladivostok, September 15–19, 2011. Vladivostok: MGU im. adm. G. I. Nevelskogo, 2011, 139–146. (In Russ.)
34. Elkonin D. B. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1989, 27–29. (In Russ.)
35. Volkova O. V. *The learned helplessness: technology of genesis research*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2018, 280. (In Russ.)

Влияние ценностной направленности молодежи на формирование представлений о стране

Наталья Г. Воскресенская^{a, @}

^a Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

[@] navoskr@mail.ru

Поступила в редакцию 21.04.2020. Принята к печати 12.05.2020.

Аннотация: Представлены результаты изучения влияния коллективистских и индивидуалистских ценностей молодежи на их представления о стране. Было выдвинуто предположение, что соотношение коллективистской и индивидуалистской направленности подвержено колебаниям под воздействием социально-экономических факторов и влияет на особенности представлений молодежи о России. Выборку составили студенты в возрасте 21–22 лет, обучающиеся в Нижнем Новгороде. Из них 120 студентов (79 девушек и 41 юноша) проходили обучение в 2010 г. и 100 студентов (62 девушки и 38 юношей) – в 2019 г. В качестве методов исследования использовались опросник ценностей Ш. Шварца и метод свободных ассоциаций. В ходе исследования выявлено, что ухудшение экономического положения большей части российского общества и рост внешнеполитической напряженности отразился на ценностях молодежи. Студенты в исследовании 2019 г. имели более выраженный сдвиг в сторону коллективистских ценностей, чем их сверстники в 2010 г. Неуверенность в себе, в собственных силах приводит к снижению потребностей в социальном признании и повышению значимости референтных групп. Для студентов с выраженной коллективистской направленностью характерна ориентация на героическое прошлое России и объединяющие народ традиции при пессимистических и плохо сформированных взглядах на будущее. Отличительная особенность студентов с индивидуалистской ориентацией – большой оптимизм восприятия будущего России при скептическом отношении к традициям, обусловленным историческим прошлым. Исследование помогло уточнить роль ценностной направленности в формировании представлений молодежи о своей стране.

Ключевые слова: ценности, коллективистские ценности, индивидуалистские ценности, кризис социального оптимизма, мотивационные типы ценностей, социальные представления, метод свободных ассоциаций, опросник Шварца

Для цитирования: Воскресенская Н. Г. Влияние ценностной направленности молодежи на формирование представлений о стране // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 409–417. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-409-417>

Введение

Внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивается наша страна, требуют глубокого психологического осмысления ментальной основы реагирования ее граждан на происходящие события. Важную роль здесь играют ценности. Они задают направление действиям и помыслам людей, влияют на формирование целостной, многоуровневой системы представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности, на процессы самоидентификации личности [1–3]. Социальные представления играют важную роль в отражении и рефлексировании реальности, их принято рассматривать как своеобразную визитную карточку групп, отмечая различия высказываний, реакций и оценок социально значимых объектов в зависимости от групповой принадлежности. Принцип их действия можно сравнить с призмой, через которую личность воспринимает социальную действительность, включая новые объекты в систему существующих представлений и социальных конвенций. В результате человек интерпретирует факты окружающей действительности определенным образом

с учетом специфики психологических механизмов восприятия информации об окружающей действительности [4–6].

Регулирующая функция ценностей в процессах формирования представлений о выстраивании взаимодействия индивида и государства хорошо раскрывается в исследованиях, где важная роль отводится понятиям *индивидуализм / коллективизм* – психологическим конструктам, характеризующим социальную культуру с точки зрения выявления тенденций членов определенного культурного сообщества давать приоритет личным или внутригрупповым интересам, ценить независимость, эмоциональную обособленность, личные достижения и соревнования или, напротив, испытывать потребность в других людях, отдавать важную роль в своей жизни эмоциональной близости, групповым достижениям и кооперации [7–10]. В исследовании политических ценностей молодежи Кемеровской области, проведенном С. А. Пфетцером, А. А. Зелениным и М. С. Яницким [11], были выделены три основных типа ценностных систем: адаптация (связана с потребностью в выживании и безопасности), социализация (обусловлена зависимостью

от социального одобрения) и индивидуализация (отражает направленность на независимость и саморазвитие). При этом отмечено влияние коллективистской / индивидуалистской направленности молодежи на их политическую активность, которая рассматривалась через индикаторы самооценки социальной активности, заинтересованности общественно-политической жизни местного, регионального и государственного уровней, электорального поведения, а также готовности к прямому участию в различных формах политического воздействия на власть. Было выявлено, что политическая активность в большей степени характерна для ориентирующихся на ценности индивидуализации, тогда как молодежь с ценностными структурами социализации и промежуточным (смешанным) типом, наоборот, чаще демонстрирует политическую пассивность.

В кросскультурных исследованиях неоднократно отмечались различия в соотношении индивидуалистских и коллективистских ориентаций в ценностном сознании представителей разных культур [12]. Для индивидуалистской культуры, характерной для западных стран, традиционные представления о человеке как автономном субъекте, где среди ведущих ценностей выделяются самодостаточность, свобода в поступках, независимость в суждениях, власть над окружением. У личности коллективистской культуры, чаще наблюдаемой в странах Востока, играют более значимую роль ценности, направленные на поддержание социальной идентичности в рамках различных групп и сообществ. Здесь на передний план выступают такие ценности, как чувство долга, поддержание традиций, гармоничные взаимоотношения.

Российское общество принято рассматривать лежащим на стыке двух культур – Запада и Востока, при этом соотношение между индивидуалистскими и коллективистскими ценностями не является стабильным и зависит от многих факторов [13–17]. Так, заметный сдвиг в сторону индивидуалистских ценностей в российском обществе произошел в 1990-е гг., сопровождаясь мощным кризисом идентичности. Россияне, учась рассчитывать на свои силы, ощущали себя автономными по отношению к обществу и социальным институтам, воспринимая их как враждебную для себя среду. Резкое обнищание населения породило недоверие к реформаторам и, как следствие, вызвало острое неприятие их ценностей. Насильственное «обучение демократии» по западному образцу вызвало обратный эффект и привело к новому сдвигу в ценностном самосознании: население в своем огромном большинстве стало склоняться к идеям авторитаризма.

Проявления индивидуализма / коллективизма в ценностном сознании общества во многом зависят от социально-демографических характеристик россиян. М. А. Грищенко отмечает, что преобладание индивидуалистских ценностей в большей степени характерно для обеспеченного и среднего

класса, а коллективистские ценности играют роль «символических» или «парадных», т.е. актуальных в контексте проявления патриотизма, но не обязательных для активизации гражданских ценностей. В то же время для бедных слоев населения коллективистская ориентация служит оправданием для обращения к государственной защите, к опеке со стороны государства [18]. Ю. Р. Хайруллина и М. М. Соловьев, исследуя ценности современной российской молодежи, отмечают роль религии в упрочении коллективистских ценностей [19], а Т. П. Емельянова и Т. В. Белых, сравнивая студентов религиозных и светских вузов в ситуации защиты от глобальных рисков себя и своих близких, пишут, что для первых фактором готовности к активным действиям является выбор единомышленников, укрепление веры в традиционные ценности и мудрость государственных лидеров, тогда как студентов светских вузов отличает определенный фатализм, который можно выразить следующим образом: «не следует тревожиться по поводу того, на что невозможно повлиять, лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких» [20, с. 47].

Ю. В. Латов и Н. В. Латова отмечают, что российское студенчество в целом «вестернизированнее» основной массы сограждан, хотя и не исключают, что данное соотношение может быть сдвинуто в сторону коллективистских ценностей, когда студенты вольются в трудовые коллективы [21]. Тенденция превалирования индивидуалистских ценностей над коллективистскими у российской молодежи отмечается и во втором десятилетии XXI в. Согласно статистическим исследованиям 2017 г., ориентация на индивидуализм у современной молодежи проявляется в более выраженном запросе на личностный рост и достижения, в то время как старшее поколение больше ценит стабильность¹.

Индивидуалистическую направленность студенчества можно связать с возрастными особенностями. В 18–20 лет осознанная нравственная позиция находится на стадии формирования, при этом наиболее ярко проявляют себя такие ценностные качества, как целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой [22]. Несомненна связь ценностных ориентаций студенчества с будущей профессиональной деятельностью. Вместе с тем, согласно культурно-исторической психологии, усвоение ценностей индивидом происходит в процессе интериоризации социальных ценностей, вырабатываемых общественным сознанием [23], а значит, на ценности молодежи не могут не оказывать влияние события, происходящие в стране.

В последние годы на фоне роста напряженности в международных отношениях и усилении воздействия СМИ, направленных на укрепление патриотизма, наблюдается ухудшение экономического положения россиян. П. М. Козырева и А. И. Смирнов отмечают кризис социального оптимизма населения современной России, который

¹ Молодежь и политика: Актуальные вызовы. Опрос ВЦИОМ. 2017. Режим доступа: https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf (дата обращения: 29.07.2019).

проявляется в накоплении усталости, снижении уровня своих притязаний, требований и ожиданий, в росте убежденности относительно неспособности самостоятельно осуществлять свои жизненные планы, в ослаблении ориентации на собственные, индивидуальные усилия и в уменьшении склонности россиян связывать реализацию своих жизненных целей и планов с переменами в экономической сфере [24]. Все это не может не отразиться на студенческой молодежи, чьи ценностные структуры довольно пластичны и находятся на стадии формирования.

Молодежь всегда отличалась более выраженными реакциями на радикальные и эволюционные изменения, происходящие в стране и мире [25]. Размытость представлений о жизненных идеалах, слабая привязка к традициям, недостаточная сформированность ценностных ориентиров создают риски доминирования негативных или кризисных моделей идентичности. Данные риски наиболее сильны в условиях развития массово-коммуникативных технологий, позволяющих молодежи все активнее позиционировать себя в публичном пространстве, в том числе в политическом и гражданском качествах. Изучение воздействия коллективистских и индивидуалистских ценностей на специфику представлений молодежи о себе как членах российского общества поможет уточнить роль ценностной направленности в формировании представлений о своей стране и своем месте в ней в ситуации обострения внешних и внутренних вызовов для страны.

Программа исследования

Опираясь на исследования влияния общественных трансформаций на ценностное сознание россиян, можно предположить, что коллективистские или индивидуалистские ценности будут во многом определять особенности представлений молодежи о России в ситуации внешних и внутренних вызовов, стоящих перед обществом, влияя на отбор, классификацию и интерпретацию информации о деятельности политических институтов, формируя отношение к прошлому, настоящему и будущему России и ощущение собственной сопричастности к ней.

Цель работы – изучение влияния коллективистских и индивидуалистских ценностей молодежи на их представления о стране.

Задачи:

- 1) изучить специфику ценностей студентов с точки зрения коллективистской и индивидуалистской направленности в ситуации ухудшения экономического положения россиян;
- 2) проанализировать особенности представлений молодежи о некоторых аспектах, связанных с национально-государственной идентичностью;
- 3) проанализировать влияние коллективистских и индивидуалистских ценностей на представления молодежи о России в ситуации внешних и внутренних вызовов, стоящих перед ней.

Гипотеза. В ситуации кризиса социального оптимизма актуализируется потребность в безопасности, а групповое единство воспринимается как важное условие для защищенности. В такой ситуации ожидаемо усиление значимости коллективистской направленности в ценностных структурах молодежи по сравнению с их сверстниками девять лет назад. Можно предположить, что коллективистские и индивидуалистские ценности отражают разные способы восприятия действительности, что влияет на особенности ассоциативных рядов, связанных с разными аспектами представлений молодежи о стране.

Выборка: 120 студентов (79 девушек и 41 юноша), обучавшихся в Нижегородском государственном университете им Н. И. Лобачевского в 2010 г., и 100 студентов (62 девушки и 38 юношей) этого же вуза, обучавшихся в 2019 г. Все исследуемые в момент проведения опроса были в возрасте 21–22 лет. У студентов 2019 г. также были исследованы представления о некоторых аспектах, связанных с идентификацией себя как гражданина России, с использованием ассоциативной методики. В результате было получено 5181 ассоциация. Данные обрабатывались с помощью статистической программы SPSS и электронных таблиц Excel.

Методика исследования. Для исследования коллективистских и индивидуалистских ценностей использовался русифицированный опросник Ш. Шварца, состоящий из 30 требующих ранжирования утверждений, позволяющий изучить ценности личности на уровне убеждений [26]. Ш. Шварц объединил отдельные ценности в десять мотивационно отличающихся типов, которые поддаются группировке с точки зрения приоритета личных или внутригрупповых интересов. Из них нами были выделены ценности индивидуалистской направленности (мотивационные типы: саморегуляция, стимулирование, гедонизм, достижение, власть) и ценности коллективистской направленности (мотивационные типы: безопасность, конформизм, традиции, доброта, универсализм). Следует отметить, что в нашем исследовании для реализации поставленных задач в мотивационный блок *универсализм* мы включили лишь такие ценности, ориентированные на групповые интересы, как «Мир во всем мире» и «Социальная справедливость». Остальные ценности, объединенные Ш. Шварцем в эту группу, не имеют выраженной ценностной направленности, являющейся предметом нашего исследования.

Для изучения представлений студентов о некоторых аспектах, связанных с идентификацией себя как гражданина России, использовалась ассоциативная методика. Студентам предлагалось шесть понятий, к которым нужно было подобрать по десять ассоциаций: политическая власть, национальная угроза, традиции, прошлое России, настоящее России, будущее России. Результаты опроса были подвергнуты контент-анализу по методике П. Вержеса [27]. При анализе ассоциаций учитывалась частота появления понятия в ответах респондентов (чем выше, тем устойчивей представление

об объекте в исследуемой выборке и, наоборот, чем ниже – тем сильнее показатель оригинальности) и эмоциональная нагруженность ассоциаций. Так, все имена, названия политических институтов, должностей, наименований предметов и спорные с точки зрения эмоциональной нагруженности слова относились к нейтральным. Слова-ассоциации, где четко прослеживалось отношение говорящего к происходящему, обозначались плюсом (мощь, величие, светлое будущее и т.д.) или минусом (разруха, несправедливость, обнищание и т.д.). Также попадали в позитивные (праздник, инновации, современность, патриотизм и т.д.) или негативные (коррупция, преступность, тирания, гонка вооружений и т.д.) ассоциации, связанные с социально одобряемыми или неприглядными явлениями общественной жизни.

Результаты исследования и обсуждение

Сравнение ценностных профилей студентов 2010 г. и 2019 г. выявило значимое усиление у современной молодежи ценностей коллективистской направленности ($p > 0,001$ по U-критерию Манна-Уитни), что мы связываем с возросшей напряженностью в обществе, внешними и внутренними вызовами, стоящими перед гражданами страны, в том числе перед молодежью (рис. 1). У студентов 2019 г. значительно возросла значимость ценности *Социальный порядок*, по сравнению с выборкой 2010 г., сместившись с 27 места на 4. *Самодисциплина* (с 30 места на 1, $p < 0,001$), *Вежливость* (с 28 на 4, $p < 0,01$), *Равенство* (с 29 на 2, $p < 0,001$), *Уважение других* (с 25 на 6) – ценности, направленные в первую очередь на поддержание стабильности в пределах малых групп, у молодежи 2019 г. вышли вперед, обеспечивая перевес коллективистских ценностей над индивидуалистскими. При этом у девушек коллективистская ориентация, представленная такими мотивационными типами, как *Универсализм*, *Доброта* и *Традиции*, в целом оказалась выражена сильнее, чем у юношей ($p = 0,038$).



Рис. 1. Сравнение значимости ценностей, направленных на групповые интересы, у студентов 2010 г. и 2019 г.

Fig. 1. Significance of group values in students in 2010 vs. 2019

В процессе исследования с помощью ассоциативной методики представлений студентов о стране было выявлено, что политическую власть студенты воспринимают неотрывно от деятельности президента и правительства, важную роль отводя законодательной деятельности. Нейтральные и негативные ассоциации к данному понятию значительно превышали число положительных ($p < 0,000$) (рис. 2). К негативным аспектам политической власти России студенты относили бюрократию, коррупцию, кризис, обман. Позитивные оценки были более бедны и абстрактны (сила, мощь, справедливость). Следует отметить, что *политическая власть* лидирует по количеству стереотипных ответов, набрав наименьшее число оригинальных ответов. 15,75 % из 957 были оригинальными, не повторяясь у других студентов, что может говорить о более осмысленном отношении к данному понятию, чем к другим, используемым в исследовании.

Национальная угроза ожидаемо выделилась по количеству эмоционально-негативных ассоциаций (рис. 2). Из 879 ассоциаций 69,6 % имели ярко выраженный отрицательный характер. Война, терроризм, гонка вооружений и прочие бедствия пугали студентов, а среди источников этих угроз достаточно часто звучали США, Евросоюз и НАТО. Вообще персонификация угроз в виде обозначения врага извне, угрожающего благополучию российского общества, хотя бы раз звучит в ответах 53 % студентов (Америка, ЕС, Сирия, Китай, Трамп и т.д.), при этом студенты, в чьем ценностном профиле большую значимость играли коллективистские ценности, в большей степени были подвержены к конкретизации источников угроз, называя страны, организации, политических лидеров ($p < 0,01$). В целом же анализ ассоциаций выявил высокую степень озабоченности проблемами национальной безопасности девушек по сравнению с юношами ($p < 0,01$). Ассоциации девушек лидируют по количеству представлений с ярко выраженной негативной окраской и содержательно связываются с войной, разрухой, голодом.

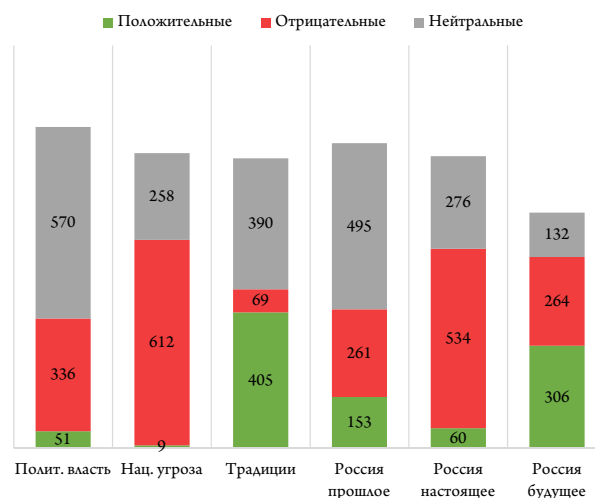


Рис. 2. Распределение слов-ассоциаций по эмоциональной нагруженности

Fig. 2. Distribution of word associations by emotional load

Ассоциации к настоящему России заняли второе место по общему количеству эмоциональных слов (68,2 %). Среди негативных ассоциаций чаще всего звучат такие слова, как коррупция, бедность, высокие цены, среди позитивных ассоциаций выделяются стабильность, стремление к независимости, развитие. В числе значимых для сегодняшней России ассоциаций заметно лидируют В. В. Путин, коррупция, бедность, они занимают первые места в рангах ответов. Остальные ассоциации носят достаточно разноплановый характер, в своей совокупности занимая второе место по оригинальности ответов (17,74 % оригинальности) и статистически значимо не выделяясь в зависимости от пола опрашиваемого (табл. 1).

Традиции лидируют по количеству позитивных ассоциаций (рис. 2). Студенты ассоциируют их с семьей, праздниками (масленица, пасха, День Победы, Новый Год и др.), гостеприимством, народными гуляниями, национальными блюдами (блины, борщ, пельмени и др.). Вместе с тем встречались и отрицательные ассоциации (11,46 %) – пьянство, взяточничество, лень, косность и т.д. Такой негативизм в большей степени характерен для мужской выборки ($p < 0,01$) и для тех, в чьем ценностном профиле лидирующее место занимает Власть – мотивационный тип индивидуалистской направленности. Ответы девушек отличались большей стереотипностью, а Традиции чаще ассоциировались с семьей, праздниками, кулинарией, гостеприимством ($p < 0,05$).

С будущим России студенты связывают как свои чаяния (развитие, надежда, свобода и т.д.), так и опасения (война, кризис, смута и т.д.). Много ответов, свидетельствующих о неопределенности (неизвестность, смутно представляю, не мои проблемы и т.д.), занимают самые первые ранговые позиции в ответах. Представления, связанные с будущим страны, получили наименьшее количество ассоциаций – 702, наибольший процент оригинальности (18,2 %) и большее количество эмоционально нагруженных ассоциаций – 81,2 % (табл. 1), что объясняется тем, что представления о будущем России недостаточно осмысленны и эмоции преобладают над разумом. Особенно такая эмоциональность отличает девушек ($p < 0,05$).

При восприятии прошлого России обнаруживается тенденция к большему единодушию в ответах у юношей, чем у девушек (15,93 % оригинальных ответов против 14,63 %). Прошлое России описывается студентами в большинстве своем через исторических политических лидеров (Петр I, Ленин, Сталин и т.д.) либо через исторически значимые события (революции, войны, перестройку). Девушки чаще акцентируют внимание на народных бедствиях (смерть, голод, разруха и т.д.). При этом именно девушки более высоко оценивают такие ценности, как зрелая любовь и дружба, входящие в коллективистский мотивационный блок *Доброта*, который коррелирует с отрицательными ассоциациями, связанными с прошлым страны ($p < 0,05$).

Таким образом, за последнее время произошло усиление значимости коллективистской направленности в ценностных структурах молодежи, которая отразилась в большом количестве эмоционально-нагруженных ассоциаций, особенно связанных с угрозами национальной безопасности и проблемами современной России. При этом ассоциации о будущем страны скудны, разноплановы и не столь содержательны, как ассоциации по другим представлениям, что свидетельствует о растерянности и неуверенности молодежи в завтрашнем дне.

В ходе исследования обозначилось воздействие на представления студентов их ориентаций на коллективистские или индивидуалистские ценности (табл. 2). Студенты-индивидуалисты не столь эмоциональны в оценках будущего России ($p > 0,05$ по Пирсону). В их ассоциациях меньше неопределенности, они рассчитывают на инновации, изменения в политике и экономике, на новые коммуникативные технологии и прочие изменения, которые повлияют на их жизнь в будущем. Восприятие коллективистами будущего не столь осознанно, отмечено также меньшее количество ассоциаций по данному понятию ($p > 0,05$). Отмечена склонность коллективистов воспринимать прошлое России в более негативном ключе, чем индивидуалистов, рассматривая данное понятие преимущественно через призму несчастий, опасностей и угроз ($p > 0,05$). Так, студенты-коллективисты, ориентированные на мотивационный тип *Доброта*, в основе которого – благополучие близких людей, акцентируют внимание

Табл. 1. Анализ оригинальности и эмоциональности ассоциаций (распределение в % по видам ассоциаций)

Tab. 1. Originality and emotionality of associations (distribution in % by types of associations)

Понятие	Число ассоциаций	Оригинальные	Эмоциональные	Уровень оригинальности		Уровень эмоциональности	
				девушки	юноши	девушки	юноши
Политическая власть	957	15,75	40,44	13,42	17,96	11,13	13,90
Национальная угроза	879	16,22	70,65*	15,18	17,22	21,25	19,96
Традиции	864	15,65*	54,86**	13,62	17,59	16,02	14,80
Россия, прошлое	909	16,51	45,54**	18,48	14,63	14,17	12,33
Россия, сейчас	870	17,74	68,28	19,65	15,93	20,07	18,39
Россия, будущее	702	18,12	81,20*	19,65	16,67	17,37	20,63

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$ по U-критерию Манна-Уитни, рассчитанному при сопоставлении мужской и женской выборки.

на том, как всевозможные крупные потрясения отражаются в жизни простого народа ($p < 0,05$). Студенты с выраженным мотивационным типом *Конформность*, в основе которого лежит сдерживание и предотвращение действий, противоречащим социальным ожиданиям, склонны при восприятии прошлого называть ключевые события, связанные с крахом сложившихся ранее порядков (перевороты, мятежи, революции, перестройка). При этом среди ассоциаций в данной группе реже встречаются положительно окрашенные слова, чем у других студентов ($p < 0,05$).

Особенно выражены различия индивидуалистов и коллективистов к *Традициям*, которые можно рассматривать как один из внутренних регуляторов групповой сплоченности. У индивидуалистов чаще прослеживаются отрицательные ассоциации ($p > 0,05$), а у коллективистов – положительные ($p > 0,05$). Особенно склонны к отрицательному восприятию традиций (акцентируя внимание на пьянстве, лени, замкнутости и прочих этнических стереотипах) те индивидуалисты, у которых в ценностных профилях ведущую роль играют такие мотивационные типы, как *Власть* ($p > 0,05$) и *Самореализация* ($p > 0,05$). Для этих студентов важную роль в их жизни играет карьера, социальный статус и возможности личностного роста. Данные цели могут конфликтовать с интересами других людей, что вызывает у индивидуалистов стремление оправдать себя, более негативно оценивая личностные качества членов своих сообществ. Напротив, студенты-коллективисты, для которых особую значимость играет безопасность (семьи, близких людей, нации), придают значение внутренним культурным спайкам, обеспечивающим групповое единение ($p > 0,05$). Праздники и традиционные домашние блюда на уровне семьи, как и общекультурные символы, не только объединяют, но и формируют у данных студентов чувство защищенности, связанное с осознанием единения с членами своих сообществ. Это позволяет почувствовать внутреннее единение, от которого внешние угрозы воспринимаются не столь болезненно.

Заключение

Ухудшение экономического положения большей части российского общества и рост внешнеполитической напряженности отразился на ценностях молодежи. Студенты в исследовании 2019 г. имели более выраженный сдвиг в сторону коллективистских ценностей, чем их сверстники в 2010 г. Неуверенность в себе, в собственных силах приводит к снижению потребностей к власти и социальному признанию при одновременном повышении значимости групповой принадлежности.

В процессе исследования подтвердилась гипотеза о том, что преобладание коллективистской или индивидуалистской ориентации в ценностном сознании представителей российского студенчества находит свое отражение в специфике их представлений о стране. Было выявлено, что данные ориентации влияют на эмоциональное восприятие прошлого и будущего России. Исследование специфики выраженности представлений позволяет говорить о том, что коллективисты больше ориентированы на прошлое, тогда как индивидуалисты сильнее нацелены на будущее. У первых это проявляется в особом отношении к опасностям и угрозам былого, у вторых – в большей эмоциональности к изменениям, которые могут затронуть страну, а вместе с ней и самих испытуемых. Также индивидуалистские и коллективистские ориентации проявились в представлениях о группах. У коллективистов в представлениях прослеживается признание позитивной роли традиций в комфортном существовании внутри сообществ, тогда как индивидуалисты стремятся выйти за рамки групп, преуменьшая личностные качества их членов.

Исследование показало, что ситуация в стране оказала влияние на ценности молодежи, коснувшись их представлений о стране. В целом они носят эмоционально выраженный характер, при этом индивидуалисты со своей ориентацией на будущее в большей степени способны противостоять трудностям, чем коллективисты, обращенные в прошлое и ищущие в групповом объединении стабильности и защиты.

Табл. 2. Влияние ценностной направленности на ассоциации

Tab. 2. Effect of value orientation on the associations

Общий тип направленности и мотивационные типы	Характерные особенности ассоциаций: позитивные (+); негативные (–)	Коэффициент Пирсона
Общие показатели по коллективистским ценностям, в т. ч. мотивационные типы: <i>Конформность</i> <i>Доброта</i> <i>Безопасность</i>	Традиции (+)	0,286*
	Россия, прошлое (–)	0,279*
	Полнота ответов «Россия, будущее»	–0,286*
	Россия, прошлое (+)	–0,305*
	Россия, прошлое (–)	0,310*
	Российские традиции (+)	0,282*
Общие показатели по индивидуалистским ценностям, в т. ч. мотивационные типы: <i>Власть</i> <i>Самореализация</i>	Традиции (–)	0,296*
	Россия, будущее (–)	–0,282*
	Общее количество нейтральных ответов	0,336*
	Российские традиции (–)	0,297*
	Российские традиции (–)	0,348*
	Российские традиции (–)	0,348*

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$ по коэффициенту Пирсона, рассчитанному при сопоставлении мотивационных типов и ассоциаций.

Литература

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
2. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: ИП РАН, 2006. 335 с.
3. Ядов В. А., Семенов А. А., Водзинская В. В., Каюрова В. Н., Киссель А. А., Саганенко Г. И., Бозрикова Л. В., Узунова В. Н., Магун В. С., Гоштаутас А., Лосенков В. А., Смирнова Е. Э., Докторова Л. Д. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция; 2-е изд., доп. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
4. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИП РАН, 2006. 400 с.
5. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83–96.
6. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
7. Hofstede G., Bond M. The Confucious Connection: From Cultural Roots to Economic Growth // Organizational Dynamics. 1988. Vol. 16. № 4. P. 5–21.
8. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. N. Y.: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
9. Huddy L. From group identity to political cohesion and commitment // Oxford Handbook of Political Psychology / eds. L. Huddy, D. O. Sears, Levy J.; 2 ed. N. Y.: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0001
10. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and crosscultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. № 5. P. 878–891. DOI: 10.1037/0022-3514.58.5.878
11. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
12. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 36–67.
13. Зарицкая Ж. В. Специфика русского коллективизма через призму результатов эмпирических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12. № 2. С. 87–95.
14. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26–36.
15. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
16. Рябиченко Т. А. Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоуверждения» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 93–104. DOI: 10.17759/sps.2016070307
17. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.
18. Грищенко М. А. Функциональность коллективистских и индивидуалистических ценностей в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Учетные записки. 2018. № 2. С. 220–226. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-220-226
19. Хайрулина Ю. Р., Соловьев М. М. Ценностные ориентации молодежи в современных условиях: роль религиозных и этнокультурных ценностей // Власть. 2015. № 11. С. 156–160.
20. Емельянова Т. П., Белых Т. В. Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 40–50. DOI: 10.17759/sps.2019100303
21. Латов Ю. В., Латова Н. В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16. № 4. С. 43–72.
22. Воскресенская Н. Г. Формирование профессионально-личностных качеств студентов, будущих специалистов в сфере массовых коммуникаций: дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2012. 190 с.
23. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.
24. Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065
25. Суровов С. Б., Малько А. В., Коновалов И. Н., Логинова Л. В. Отношение российского студенчества к цветным революциям // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 85–97. DOI: 10.31857/S013216250004281-2
26. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
27. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.

Effect of Youth's Value Orientation on the Development of Representations about their Country

Natalya G. Voskresenskaya ^{a, @}

^a Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod

[@] navoskr@mail.ru

Received 21.04.2020. Accepted 12.05.2020.

Abstract: The research featured the effect of collective and individual values of young people on their ideas about their motherland. The study was based on the following hypothesis: the ratio of collective and individual orientation is subject to fluctuations under the effect of socio-economic factors. They affect the specifics of young people's representations of Russia. The sample included students of Nizhny Novgorod aged 21–22. Of these, 120 participants (79 girls and 41 boys) were students in 2010 and 100 (62 girls and 38 boys) – in 2019. The research methods involved Schwartz's values questionnaire and the method of free associations. The deterioration of the economic situation of most of the Russian society and the growth of foreign policy tensions proved to affect the values of young people. The students in the 2019 study had a more pronounced shift toward collective values than their peers in 2010. The lack of self-confidence suppressed the need for social recognition and increased the importance of reference groups. Students with a pronounced collective orientation had a focus on Russia's heroic past and traditions, as well as pessimistic and poorly formed views of the future. Students with an individual orientation demonstrated a greater optimism in their perception of the future of Russia, as well as a skeptical attitude to traditions and history. The study clarified the role of value orientation in shaping young people's representation of their country.

Keywords: values, collectivist values, individualist values, crisis of social optimism, motivational types of values, social representation, the method of free associations, Schwartz's questionnaire

For citation: Voskresenskaya N. G. Effect of Youth's Value Orientation on the Development of Representations about their Country. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 409–417. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-409-417>

References

1. Andreeva G. M. *The psychology of social cognition*. Moscow: Aspekt Press, 2000, 288. (In Russ.)
2. Zhuravleva N. A. *The dynamics of value orientations of a person in Russian society*. Moscow: IP RAN, 2006, 335. (In Russ.)
3. Yadov V. A., Semenov A. A., Vodzinskaya V. V., Kayurova V. N., Kissel A. A., Saganenko G. I., Bozrikova L. V., Uzunova V. N., Magun V. S., Gostautas A., Losenkov V. A., Smirnova E. E., Doktorova L. D. *Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: dispositional concept*, 2nd ed. Moscow: TsSPiM, 2013, 376. (In Russ.)
4. Emelyanova T. P. *The construction of social representations in the context of the transformation of Russian society*. Moscow: IP RAN, 2006, 400. (In Russ.)
5. Moscovici S. From collective to social. *Voprosy sotsiologii*, 1992, 1(2): 83–96. (In Russ.)
6. Moscovici S. Social views: a historical view. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, 16(1): 3–18. (In Russ.)
7. Hofstede G., Bond M. The Confucious Connection: From Cultural Roots to Economic Growth. *Organizational Dynamics*, 1988, 16(4): 5–21.
8. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. N. Y.: McGraw-Hill, 2010, 576.
9. Huddy L. From group identity to political cohesion and commitment. *Oxford Handbook of Political Psychology*, eds. Huddy L., Sears D. O., Levy J., 2 ed. N. Y.: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0001
10. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and crosscultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, 58(5): 878–891. DOI: 10.1037/0022-3514.58.5.878
11. Pfttser S. A., Zelenin A. A., Yanitskiy M. S. *Political participation and political values of the youth of the Russian province*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014, 143. (In Russ.)
12. Schvarcz S. H. Cultural value orientations: nature & implications of national differences. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2008, 5(2): 36–67. (In Russ.)
13. Zaritskaya Zh. V. The specific nature of Russian collectivism through the lense of empirical research. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2014, 12(2): 87–95. (In Russ.)
14. Lebedeva N. M. Value-motivational structure of personality in Russian culture. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, 22(3): 26–36. (In Russ.)

15. Pantin V. I. Political and civilizational self-identification of modern Russian society under globalization. *Polis. Political Studies*, 2008, (3): 29–39. (In Russ.)
16. Ryabichenko T. A. Assimilation or Integration: the role of self-affirmation values. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo*, 2016, 7(3): 93–104. (In Russ.)
17. Malakhov V. S. *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 232. (In Russ.)
18. Grishchenko M. A. Functionality of collectivist and individualistic values in the Russian society. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski*, 2018, (2): 220–226. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-220-226
19. Khairullina Yu. R., Solov'ev M. M. Value orientations of the youth under modern conditions: the role of religious and ethnocultural values. *Vlast*, 2015, (11): 156–160. (In Russ.)
20. Emelyanova T. P., Belykh T. V. Attitudes to global risks students of orthodox and secular universities. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo*, 2019, 10(3): 40–50. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2019100303
21. Latov Yu. V., Latova N. V. Findings and paradoxes of ethnometric analysis of Russia's economic culture according to Hofstede. *Universe of Russia*, 2007, 16(4): 43–72. (In Russ.)
22. Voskresenskaya N. G. *Formation of professional and personal qualities of students, future specialists in the field of mass communications*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2012, 190. (In Russ.)
23. Asmolov A. G. *Cultural-historical psychology and the construction of worlds*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK", 1996, 768. (In Russ.)
24. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Life in the uncertainty of a crisis society: experience and expectations. *Sotsiologicheskiye issledovaniia*, 2018, (6): 66–78. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162518060065
25. Surovov S. B., Malko A. V., Konovalov I. N., Loginova L. V. The attitude of Russian students to color revolutions. *Sotsiologicheskiye issledovaniia*, 2019, (3): 85–97. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250004281-2
26. Karandashev V. N. *Schwartz methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance*. St. Petersburg: Rech, 2004, 72. (In Russ.)
27. Bovina I. B. Specific of approaches to social representations analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2011, (3): 5–23. (In Russ.)

Роль саморегуляции в процессе развития психологической компетентности студентов-психологов

Жанна Г. Гаранина^{a, @, ID}

^a Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Россия, г. Саранск

@ garanina23@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>

Поступила в редакцию 01.04.2020. Принята к печати 13.05.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования проблемы соотношения психологической компетентности и саморегуляции будущих специалистов. Проведен анализ теоретических подходов к данной проблеме в отечественной и зарубежной психологии, показано, что психологическая компетентность предполагает наличие сформированных психологических знаний, коммуникативных умений и навыков, а также развитой системы саморегуляции, позволяющей осуществлять эффективное управление своим поведением в ситуациях профессионального взаимодействия. Описаны результаты эмпирического исследования, проводившегося среди студентов-психологов. Выявлены особенности коммуникативной компетентности студентов и таких регулятивных качеств, как саморегуляция, самоконтроль и самоэффективность. Установлены статистически значимые взаимосвязи между уровнем сформированности коммуникативной компетентности и особенностями регулятивных качеств студентов. В результате кластерного анализа выделены три группы студентов с различным уровнем сформированности коммуникативной компетентности и регулятивных качеств. Сделаны выводы, что регулятивные и коммуникативные компоненты психологической компетентности тесно взаимосвязаны между собой. Саморегуляция, самоконтроль, самоэффективность и коммуникативные умения студентов-психологов являются инструментальной основой для развития психологической компетентности. Сформированная саморегуляция помогает студентам понимать и контролировать свои поведенческие реакции и осуществлять осознанное и целенаправленное взаимодействие с окружающими людьми в проблемных ситуациях профессиональной деятельности, что способствует развитию психологической компетентности будущих психологов в процессе профессионального обучения.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, психологическая грамотность, общение, самоорганизация, самоэффективность, самоконтроль

Для цитирования: Гаранина Ж. Г. Роль саморегуляции в процессе развития психологической компетентности студентов-психологов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 418–425. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-418-425>

Введение

Одной из актуальных психологических проблем современной системы высшего образования является развитие профессиональной и психологической компетентности будущих специалистов, умения эффективно взаимодействовать с людьми в процессе делового и межличностного общения. В связи с этим возникает необходимость исследования данного феномена, особенностей и факторов, влияющих на его формирование у студентов.

Понятие *психологическая компетентность* в отечественной психологии изучалось такими авторами, как А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, М. Д. Ильязова, Л. Е. Мальцева, Л. А. Петровская и др. С точки зрения деятельностного подхода, данный феномен рассматривается как совокупность внутренних ресурсов, необходимых для осуществления эффективной коммуникативной деятельности. Личностный подход рассматривает психологическую компетентность как качество личности, связанное

с ее профессиональным и личностным самоопределением, предполагающее высокий уровень развития коммуникативных навыков, творческой активности и самореализации. Психологическая компетентность обеспечивает самореализацию личности в процессе взаимодействия с другими людьми.

М. Д. Ильязова считает, что компетентность современного специалиста определяется как характеристика личности, проявляющаяся в успешном выполнении деятельности и достижении значимого результата. Она выделяет профессиональную компетентность, которая включает в себя базовые, общие для всех специалистов качества, проявляющиеся в способности эффективно общаться с другими людьми, и специальную социально-психологическую компетентность, необходимую для продуктивного выполнения определенной профессиональной деятельности [1]. Е. В. Плякина и М. А. Хмелькова рассматривают психологическую компетентность как интегральное

личностное свойство, способствующее адекватному применению своих знаний, опыта и личностных ресурсов в процессе деятельности, способствующее саморазвитию и осознанию жизненных смыслов [2].

Понятие психологической компетентности, изучаемое А. А. Деркачом и В. Г. Зазыкиным с точки зрения акмеологического подхода, позволяет выделить социально-перцептивную, коммуникативную, аутопсихологическую, социально-психологическую и психолого-педагогическую компетентности как структурные составляющие данного качества [3]. А. А. Петровская анализирует коммуникативную составляющую психологической компетентности, где основной акцент делается на способности устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми [4, с. 41].

А. Е. Мальцева понимает под коммуникативной компетенцией высокую степень владения социальными нормами взаимодействия с другими людьми, приобретенными в процессе усвоения социально-психологических правил, готовность и способность осуществлять успешное общение в соответствии с социальными нормами и коммуникативными ситуациями [5].

Ряд работ посвящен исследованию коммуникативной и психологической компетентности студентов – будущих педагогов и психологов, для которых данное качество является профессионально важным. Так, О. В. Лингевич и А. Д. Копытов оценивают содержание коммуникативной компетентности студентов педагогического профиля с помощью таких критериев, как владение психологическими знаниями, эмоционально-волевая регуляция процесса деятельности, способность к переработке информации и принятию решений в сложных коммуникативных ситуациях [6].

Т. А. Ботова рассматривает психологическую компетентность как совокупность личностного, операционного и саморегуляционного компонентов, где развитие компетентности предполагает поэтапное формирование психологических знаний, умений и навыков эмоционального реагирования, рефлексии и регулирования своих психических состояний [7]. Развитие рефлексии в процессе формирования психологической компетентности анализируется в работе И. В. Фокиной и Е. В. Щеголевой, которые считают, что рефлексивные качества студентов – будущих педагогов – являются условием развития психологической компетентности [8]. К. С. Черёмухина выделяет в структуре психологической компетентности умение правильно воспринимать человека, понимать его психические состояния, эмпатию, рефлексивность, а также способность к саморегуляции и самоуправлению [9].

В работе Е. В. Величко и С. А. Минюровой показано, что одним из критериев сформированности социально-психологической компетентности студентов-психологов является способность к саморазвитию, самоуправлению, стремление к активной деятельности и достижению успеха [10]. А. А. Бусыгина считает, что психологическая компетентность

студентов-педагогов проявляется на двух уровнях: на внутреннем – как способность к саморегуляции, на внешнем – как успешность социального взаимодействия [11].

Обобщая рассматриваемые подходы, можно заключить, что психологическая компетентность будущих специалистов социологической сферы – профессионально важное свойство личности, представляющее собой системное образование, включающее познавательный компонент, способствующий правильному пониманию себя и окружающих, коммуникативный компонент, обеспечивающий эффективное взаимодействие с другими людьми, и регулятивный компонент, включающий умения и навыки саморегуляции и самовоздействия.

Управление своим поведением должно осуществляться с помощью осознанных и целенаправленных усилий по регуляции своих психических состояний в проблемных коммуникативных ситуациях. Система психической саморегуляции является одним из значимых личностно-профессиональных качеств будущих специалистов-психологов, поскольку помогает им осуществлять осознанную и целенаправленную коммуникативную деятельность, связанную с постановкой профессиональных целей и умением планировать ее результаты. В процессе общения студенты-психологи должны мобилизовывать свои психические ресурсы, направленные на взаимодействие с окружающими людьми, учитывать индивидуально-психологические особенности партнеров и использовать адекватные способы взаимодействия, контролировать и понимать свои поведенческие реакции.

Саморегуляция как свойство личности, обеспечивающее адекватное и эффективное социальное взаимодействие между людьми, анализируется в работах таких ученых, как Е. П. Ильин, В. И. Моросанова, А. А. Деркач, Л. А. Степнова, А. С. Чурсина и др. Так, Е. П. Ильин рассматривает саморегуляцию через процесс организации произвольного поведения, направленного на осуществление сознательных и мотивированных действий, связанных с самостоятельным принятием решений, достижением целей и самоконтролем [12]. А. С. Чурсина понимает под осознанной саморегуляцией готовность к профессиональному саморазвитию, реализации опыта своего профессионального самоопределения [13]. А. А. Деркач и Л. А. Степнова выделяют инструментально-экспрессивный, смысловой и экзистенциальный уровни саморегуляции, способствующие успешной адаптации личности в социуме, пониманию своих личностных ценностей, самоосуществлению и самореализации [14].

И. И. Чеснокова считает, что саморегуляция предполагает самопознание и эмоционально-ценностное отношение к себе, которое осуществляется в процессе управления собственным поведением, а также на этапе самоконтроля. Она выделяет саморегулирование конкретных поведенческих актов и саморегулирование, связанное с планированием целенаправленных изменений в самом себе (самовоспитание) [15, с. 126].

В. И. Моросанова рассматривает осознанную саморегуляцию как интегративный процесс, направленный на самоорганизацию психической активности человека, связывающий между собой динамические и содержательные аспекты личности [16]. В исследовании В. И. Моросановой и Т. Г. Фоминой показано, что уровень саморегуляции педагогов взаимосвязан с характеристиками общительности. Высокий уровень саморегуляции способствует более адекватному поведению личности в ситуациях общения, что позволяет эффективнее преодолевать трудности профессионального взаимодействия, а низкая саморегуляция педагогов создает коммуникативные проблемы, снижает продуктивность педагогической деятельности [17]. А. Н. Бабинцева, рассматривая взаимосвязь саморегуляции и компонентов социально-психологической компетентности, установила, что студенты с развитой компетентностью обладают высокими регуляторными способностями [18]. В исследовании К. Г. Горбунова и И. Н. Асмус рассматривается проблема формирования саморегуляции студентов с помощью специально организованного тренинга, в процессе которого происходит изменение эмоциональных состояний, развитие таких адаптивных качеств личности, как принятие себя и других, что способствует социализации и личностному развитию студентов [19].

В исследовании М. I. Posner и М. К. Rothbart анализируются механизмы развития саморегуляции в процессе усвоения социальных норм, когда дисбаланс регуляторных и реактивных систем приводит к патологиям развития личности [20]. В работе R. B. Miller и S. J. Brickman изучается влияние личностно значимых целей на процесс саморегуляции, когда осознанное воздействие на постановку ближайших подцелей приводит к достижению будущих целей [21].

А. П. Гримак рассматривает саморегуляцию с точки зрения психологии активности человека как высший механизм самоорганизации психики, как проявление специфической активности субъекта [22]. Он выделяет такие уровни психической саморегуляции, как информационно-энергетический, который позволяет осуществлять необходимую энергетическую мобилизацию физиологических систем; эмоционально-волевой, связанный с механизмами волевого самоконтроля за выполняемыми действиями и с изменением собственных когнитивных и аффективных установок по отношению к возникающим жизненным проблемам; уровень самокорректировки личности, который мобилизуется в тех случаях, когда человек преобразовывает свою собственную личность, ценности и установки.

Саморегуляция также лежит в основе аутопсихологической компетентности, которая предполагает способность человека к целенаправленному изменению своих индивидуально-психологических качеств, деятельности и отношений в процессе личностно-профессионального развития [23]. Аутопсихологическая компетентность проявляется в умении актуализировать и развивать собственные личностные ресурсы, направленные на самоуправление и самосовершенствование.

Таким образом, психологическая компетентность будущего специалиста-психолога представляет собой сочетание трех взаимосвязанных компонентов: познавательного, предполагающего наличие сформированных психологических знаний; коммуникативного, позволяющего эффективно осуществлять профессиональное взаимодействие с другими людьми; регулятивного, определяющего систему самоуправления и саморегуляции личности. Мы считаем, что осознанная саморегуляция является одной из важнейших составляющих психологической компетентности, поскольку она обеспечивает самоконтроль и самоорганизацию личности, способствует саморазвитию и управлению собственным поведением, что в целом повышает эффективность межличностного взаимодействия [24].

Материалы и методы

Целью данного исследования является изучение особенностей саморегуляции и ее роли в развитии психологической компетентности студентов-психологов. Нами было проведено эмпирическое исследование среди студентов-бакалавров направления подготовки *Психология* Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Средний возраст испытуемых – 20 лет, объем выборки – 53 человека.

Для исследования компонентов психологической компетентности нами применялся комплекс психодиагностических методов: для диагностики коммуникативного компонента использовались тест коммуникативных умений (А. Михельсон) [25] и тест коммуникативной компетентности (В. М. Снетков) [26]. Для изучения регулятивного компонента применялись опросник «Стиль саморегуляции поведения студентов» (В. И. Моросанова) [27], тест «Оценка самоконтроля в общении» (М. Снайдер) [28] и «Шкала общей самооффективности» (русская версия В. Ромека, Р. Шварцера, М. Ерусалема) [29]. Для обработки полученных эмпирических данных использовались корреляционный и кластерный анализ.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного исследования показали, что выявленные значения уровня коммуникативных умений студентов по тесту А. Михельсона выше средних показателей ($M=21,3$, $\sigma=2,3$), по тесту коммуникативной компетентности В. М. Снеткова – выше среднестатистических значений ($M=62,2$, $\sigma=3,1$), что в целом говорит о достаточно высоком уровне сформированности коммуникативного компонента психологической компетентности студентов.

Уровень саморегуляции студентов, выявленный с помощью методики В. И. Моросановой, составляет 30,2 балла ($\sigma=1,8$), что находится в среднем диапазоне статистической нормы. Более подробный анализ шкал саморегуляции по данной методике показывает, что наиболее сформированы у испытуемых такие компоненты саморегуляции, как планирование ($M=7,1$), самостоятельность ($M=7,5$) и моделирование ($M=7,3$). На среднем уровне

выраженности находятся шкалы *Оценивание результатов* ($M=6,4$) и *Гибкость* ($M=5,3$). Полученные данные говорят о том, что успешность саморегуляции у большинства опрошенных достигается за счет осознания цели деятельности, ее адекватности внешним и внутренним условиям, а также стремления к самостоятельному достижению результатов деятельности, контролю и реалистичной оценке своего поведения. При этом студенты достаточно гибко адаптируются к ситуациям, подстраиваются под меняющиеся условия.

Уровень самоконтроля в общении по методике М. Снайдера составляет 5,4 балла ($\sigma=1,4$), что соответствует средним значениям. Полученные результаты показывают, что большинство студентов хорошо контролируют свое поведение в коммуникативных ситуациях, способны управлять своими реакциями. Показатели самооффективности испытуемых, выявленные по методике В. Ромека, Р. Шварцера, М. Ерусалема, находятся в пределах средних значений ($M=28$, $\sigma=2,5$), значит, опрошенные студенты в целом уверены в своей профессиональной компетентности, адекватно оценивают свои профессиональные качества.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые взаимосвязи между регулятивными и коммуникативными качествами студентов (табл.).

Табл. Корреляционные взаимосвязи между регулятивными и коммуникативными качествами студентов
Tab. Correlation relationships between the regulatory and communicative qualities of students

Регулятивные качества	Коммуникативные умения	Коммуникативная компетентность	Самооффективность
Самоконтроль	0,612**	0,376*	0,442*
Саморегуляция	0,452*	0,361*	0,685**
Самооффективность	0,012	0,533**	1

Прим.: * – достоверность различий при $p \leq 0,05$, ** – при $p \leq 0,01$ (по линейной корреляции Пирсона).

Анализ полученных корреляционных данных показывает, что коммуникативная компетентность статистически значимо связана с самоконтролем в общении и с саморегуляцией. Самооффективность как свойство личности, определяющее уверенность в своей компетентности, взаимосвязана с самоконтролем, саморегуляцией и с коммуникативной компетентностью испытуемых, на основании чего можно предполагать, что самооффективность обеспечивается высоким уровнем развития коммуникативной компетентности и регулятивных качеств студентов-психологов. Взаимосвязи между остальными изучаемыми параметрами находятся ниже уровня статистической значимости.

Большое количество корреляционных взаимосвязей между коммуникативными и регулятивными качествами респондентов позволяет сделать вывод, что коммуникативная компетентность во многом обусловлена развитием способностей студентов к саморегуляции. Полученные результаты можно объяснить тем, что высокий уровень саморегуляции и самоконтроля в общении определяют развитие профессиональных качеств испытуемых, проявляющихся в умении управлять своим коммуникативным поведением. Сильные взаимосвязи между самооффективностью и их уровнем саморегуляции и самоконтроля показывают, что уверенность студентов-психологов в своей компетентности предполагает высокий уровень сформированности коммуникативных свойств будущих специалистов, что может позволить им более эффективно осуществлять профессиональное взаимодействие.

Результаты кластерного анализа позволили выделить три группы студентов с различным уровнем сформированности коммуникативных и регулятивных качеств.

В первую группу вошло 49 % респондентов, у которых выявлен высокий уровень сформированности коммуникативных умений (26 баллов) и коммуникативной компетентности (68 баллов), отмечаются высокие показатели самооффективности (28 баллов), саморегуляции (35 баллов) и самоконтроля в общении (6,1 балла). Данные студенты отличаются развитыми коммуникативными качествами, умеют хорошо регулировать и контролировать свое поведение, адекватно соотносят свою деятельность с внутренними и внешними условиями, способны ставить значимые цели, планировать и самостоятельно их достигать. В процессе общения такие студенты способны гибко реагировать на меняющиеся ситуации, что позволяет им подстраиваться под психологические особенности окружающих людей. Они адекватно оценивают результаты своей деятельности, обладают высоким уровнем уверенности в своей профессиональной компетентности.

Во вторую группу вошло 41,5 % респондентов. В данной группе отмечается средний уровень развития коммуникативных умений (17 баллов), коммуникативной компетентности (54 балла), саморегуляции (29 баллов) и самоконтроля в общении (5,1 балла). Студенты данной группы в достаточной степени владеют коммуникативными навыками и способностью к самоуправлению. У большей части испытуемых данной группы отмечается хорошо сформированная способность к выделению значимых целей деятельности и условий их достижения. При этом гибкость, самостоятельность и самоконтроль студентов в ситуациях общения сформированы не в полной мере, что может влиять на эффективность их коммуникативного поведения. Если возникают непредвиденные сложности, они могут испытывать затруднения в их разрешении, не всегда могут правильно корректировать свое поведение.

Количество студентов, вошедших в третью группу, составляет 9,5 % от числа обследованных. У них выявлен

средний уровень самооффективности (18 баллов) и ниже среднего уровень коммуникативных умений (54 балла). Саморегуляция и самоконтроль в общении находятся на низком уровне, что может создавать сложности в управлении своим коммуникативным поведением. У большей части студентов отмечаются затруднения в умении ставить цели деятельности, слабо развиты самостоятельность и настойчивость их достижения. Способность к моделированию условий деятельности и гибкость студентов данной группы развиты недостаточно, что проявляется в неумении подстраиваться под меняющиеся коммуникативные ситуации, учитывать психологические особенности партнеров, что зачастую приводит к неэффективному общению.

Заключение

Регулятивные и коммуникативные компоненты психологической компетентности тесно взаимосвязаны между собой. Саморегуляция, самоконтроль, самооффективность и коммуникативные умения студентов-психологов образуют инструментальную основу для развития психологической компетентности будущих специалистов, что позволяет им использовать более гибкие и адекватные способы взаимодействия с учетом психологических особенностей партнеров по общению, преодолевать возникающие трудности профессиональной деятельности.

Студенты, характеризующиеся развитыми регулятивными качествами, обладают высоким уровнем сформированности коммуникативной компетентности, что выражается в умении правильно ориентироваться в коммуникативных ситуациях, самостоятельно ставить цели

профессиональной деятельности, планировать способы их осуществления с учетом меняющихся психологических условий, адекватно оценивать полученные результаты, использовать свои внутренние ресурсы для достижения целей. Способность к саморегуляции и самоконтролю в общении помогает таким студентам успешнее управлять своим коммуникативным поведением в проблемных ситуациях, гибко подстраиваться под разнообразные условия, что в целом позволяет им осуществлять более грамотное и эффективное взаимодействие с окружающими людьми. Студенты со средним и низким уровнем развития регулятивных качеств характеризуются слабо сформированной коммуникативной компетентностью, что проявляется в трудностях межличностного взаимодействия, неспособности адекватно реагировать на меняющиеся условия, плохом самоконтроле своего коммуникативного поведения.

Полученные результаты можно использовать в дальнейшем для совершенствования профессионального обучения и развития психологической компетентности будущих психологов. Повышение уровня психологической компетентности студентов должно осуществляться на основе формирования у них системы осознанной саморегуляции и самоконтроля. С этой целью можно рекомендовать использование социально-психологических тренингов, направленных на отработку навыков самоконтроля и управления своими эмоциональными состояниями в проблемных ситуациях общения, а также умений гибко подстраиваться под психологические особенности партнеров, подбирать грамотные и конструктивные способы межличностного взаимодействия.

Литература

1. Ильязова М. Д. Инвариантная структура компетентности субъекта деятельности // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2009. № 1. С. 166–172.
2. Плякина Е. В., Хмелькова М. А. Структура психологической компетентности: определение и диагностика // Высшее образование сегодня. 2019. № 5. С. 57–62. DOI: 10.25586/RNU.NET.19.05.P.57
3. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003. 364 с.
4. Петровская Л. А. Компетентность в общении. М.: Наука, 1989. 216 с.
5. Мальцева Л. Е. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов ресторанного сервиса // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 5-2. С. 93–96.
6. Лингевич О. В., Копытов А. Д. Формирование коммуникативной компетентности в процессе преподавания психологических дисциплин у студентов – будущих педагогов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 3. С. 141–146.
7. Ботова Т. А. Развитие психологической компетентности студентов средствами саморегуляции // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 6. С. 227–231.
8. Фокина И. В., Щеголева Е. В. Рефлексия как условие формирования психологической компетентности у студентов – будущих педагогов // Перспективы науки и образования. 2015. № 1. С. 101–106.
9. Черёмухина К. С. Сравнительная характеристика компонентов коммуникативной компетентности студентов психологического и юридического факультетов // Психология в экономике и управлении. 2013. № 2. С. 169–174.
10. Величко Е. В., Минюрова С. А. Оценка сформированности индивидуально-личностной составляющей социально-психологической компетентности студентов колледжа // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 181–185.
11. Бусыгина А. Л. Психологическая компетентность (грамотность) студентов педагогических вузов как основа психологического здоровья будущего педагога // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2014. № 2. С. 24–28.
12. Ильин Е. П. Психология воли; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009. 368 с.

13. Чурсина А. С. Формирование готовности к профессиональному саморазвитию у студентов вуза в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2011. 23 с.
14. Деркач А. А., Степнова Л. А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих. М.: Изда-во РАГС, 2003. 297 с.
15. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
16. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 36–45.
17. Моросанова В. И., Фомина Т. Г. Взаимосвязь развития осознанной саморегуляции и общительности педагогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 2. С. 16–20.
18. Бабинцева Л. Н. Особенности взаимосвязи компонентов социально-психологической саморегуляции и осознанной саморегуляции у студентов-психологов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 1. С. 31–35.
19. Горбунов К. Г., Асмус И. Н. Формирование навыков эффективной саморегуляции у студентов и аспирантов вуза // Психология обучения. 2013. № 7. С. 149–162.
20. Posner M. I., Rothbart M. K. Developing mechanisms of self-regulation // Development and Psychopathology. 2000. Vol. 12. № 3. P. 427–441. DOI: 10.1017/S0954579400003096
21. Miller R. B., Brickman S. J. A model of future-oriented motivation and self-regulation // Educational psychology review. 2004. Vol. 16. № 1. P. 9–33.
22. Гримак Л. П. Общение с собой. Начала психологии активности. СПб.: Питер, 2009. 233 с.
23. Гаранина Ж. Г. Роль аутопсихологической компетентности студентов-психологов в процессе профессионального саморазвития // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2018. Т. 18. № 2. С. 228–235. DOI: 10.15507/2078-9823.042.018.201802.228-235
24. Гаранина Ж. Г., Мальцева О. Е. Саморегуляция как фактор личностно-профессионального саморазвития // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 3. С. 374–381. DOI: 10.15507/1991-9468.084.020.201603.374-381
25. Ратанова Т. А., Шляхта Н. Ф. Психодиагностические методы изучения личности. М.: Флинта, 2008. 319 с.
26. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М. Д. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001. 444 с.
27. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). М.: Когито-Центр, 2004. 41 с.
28. Рогов Е. И. Учитель как объект психологического исследования. М.: Владос, 1998. 494 с.
29. Ромек В. Г., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.

original article

The Role of Self-Regulation in the Development of Psychological Competence in Students of Psychology

Zhana G. Garanina ^{a, @, ID}

^a Ogarev Mordovian State University, Russia, Saransk

@ garanina23@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>

Received 01.04.2020. Accepted 13.05.2020.

Abstract: The research featured relationship between self-regulation and psychological competence of future specialists. The study involved an analysis of theoretical approaches to this problem in domestic and foreign psychology. Psychological competence presupposes developed psychological knowledge and communicative abilities and skills, as well as a stable system of self-regulation that allows for effective management of one's behavior during professional interaction. The author established the features of psychological and communicative competences in students, as well as such regulatory qualities as self-regulation, self-control, and self-efficacy. The research revealed statistically significant relationships between the level of development of psychological and communicative competences and the characteristics of regulatory qualities. A cluster analysis showed three groups of students with different levels of communicative competence and regulatory qualities. The regulatory and communicative components of psychological competence appeared closely interrelated. Self-regulation,

self-control, self-efficacy, and communicative skills of future psychologists were the instrumental basis for the development of psychological competence. A well-developed self-regulation helped students understand and control their behavioral reactions. It enabled them to carry out conscious and focused interaction with people in problematic professional situations, as well as contributed to the development of psychological competence during vocational training.

Keywords: communicative competence, psychological literacy, communication, self-organization, self-efficacy, self-control

For citation: Garanina Zh. G. The Role of Self-Regulation in the Development of Psychological Competence in Students of Psychology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 418–425. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-418-425>

References

1. Ilyazova M. D. Invariant structure of subject's competence. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2009, (1): 166–172. (In Russ.)
2. Plyakina E. V., Khmelkova M. A. The structure of psychological competence: definition and diagnosis. *Vyshee obrazovanie segodnia*, 2009, (5): 57–62. (In Russ.) DOI: 10.25586/RNU.HET.19.05.P.57
3. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Acmeology*. St. Petersburg: Piter, 2003, 364. (In Russ.)
4. Petrovskaya L. A. *Competence in communication*. Moscow: Nauka, 1989, 216. (In Russ.)
5. Maltseva L. E. Formation of foreign language communicative competence of future restaurant service specialists. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, 2010, (5-2): 93–96. (In Russ.)
6. Lingevich O. V., Kopytov A. D. Formation of communicative competence in the teaching psychological disciplines to students – future teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (3): 141–146. (In Russ.)
7. Botova T. A. The development of psychological competence of students by means of self-regulation. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, 2010, (6): 227–231. (In Russ.)
8. Fokina I. V., Shchegoleva E. V. Reflection as a condition of forming future teachers' psychological competence. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, 2015, (1): 101–106. (In Russ.)
9. Cheremukhina K. S. Comparative analysis of communicative competence elements of law and psychology departments students. *Psychology in Economics and Management*, 2013, (2): 169–174. (In Russ.)
10. Velichko E. V., Minurova S. A. Evaluation of formation of the individual personal component of socio-psychological competence of college students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2014, (9): 181–185. (In Russ.)
11. Busygina A. L. Psychological competence (literacy) of students of pedagogical higher education as a basis of the psychological health of a future teacher. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Psikhologo-pedagogicheskiye nauki*, 2014, (2): 24–28. (In Russ.)
12. Ilyin E. P. *Psychology of the will*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2009, 368. (In Russ.)
13. Chursina A. S. *Formation of readiness for professional self-development among university students in the process of studying psychological and pedagogical disciplines*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 2011, 23. (In Russ.)
14. Derkach A. A., Stepanova L. A. *Development of autopsychological competence of civil servants*. Moscow: Izd-vo RAGS, 2003, 297. (In Russ.)
15. Chesnokova I. I. *The problem of self-consciousness in psychology*. Moscow: Nauka, 1977, 144. (In Russ.)
16. Morosanova V. I. Individual differences of self-regulation of human voluntary activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2010, (1): 36–45. (In Russ.)
17. Morosanova V. I., Fomina T. G. Interrelation between conscious self-regulation development and sociability of school teachers. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2010, (2): 16–20. (In Russ.)
18. Babintseva L. N. Features of interrelation of the socio-psychological self-regulation and the conscious self-regulation components of students majoring in psychology. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 2017, 23(1): 31–35. (In Russ.)
19. Gorbunov K. G., Asmus I. N. Development of skills of effective self-regulation in university students and post-graduate students. *Psikhologiya obucheniia*, 2013, (7): 149–162. (In Russ.)
20. Posner M. I., Rothbart M. K. Developing mechanisms of self-regulation. *Development and Psychopathology*, 2000, 12(3): 427–441. DOI: 10.1017/S0954579400003096
21. Miller R. B., Brickman S. J. A model of future-oriented motivation and self-regulation. *Educational psychology review*, 2004, 16(1): 9–33.
22. Grimak L. P. *Communication with oneself. The beginning of the psychology of activity*. St. Petersburg: Piter, 2009, 233. (In Russ.)

23. Garanina Zh. G. The role of autopsychological competence of student-psychologists in the process of professional self-development. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2018, 18(2): 228–235. (In Russ.) DOI: 10.15507/2078-9823.042.018.201802.228-235
24. Garanina Zh. G., Maltseva O. E. Self-regulation as a factor in personal-professional self-development of future specialists. *Integratsiya obrazovaniya*, 2016, 20(3): 374–381. (In Russ.) DOI: 10.15507/1991-9468.084.020.201603.374-381
25. Ratanova T. A., Shlyakhta N. F. *Psychodiagnostic Methods for Studying Personality*. Moscow: Flinta, 2008, 319. (In Russ.)
26. *Workshop on the psychology of management and professional activity*, eds. Nikiforov G. S., Dmitrieva M. D., Snetkov V. M.. St. Petersburg: Rech, 2001, 444. (In Russ.)
27. Morosanova V. I. *Questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (SMTA)*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2004, 41. (In Russ.)
28. Rogov E. I. *Teacher as an object of psychological research*. Moscow: Vlos, 1998, 494. (In Russ.)
29. Romek W. G., Schwarzer R., Erusalem M. The Russian version of the general self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Erusalem. *Inostrannaia psikhologiya*, 1996, (7): 71–77. (In Russ.)

Коммуникативные и личностные контексты потенциала креативного лидерства у студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений образования*

Валерий И. Кабрин^{a, @, ID1}; Владимир С. Выходков^{a, b, ID2}; Игорь О. Прудовиков^{a, ID3}; Ольга Р. Полякова^{a, ID4}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

^b Сибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Томск

@ kabrin@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5338-4760>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5511-5911>

ID4 <https://orcid.org/0000-0001-7054-6429>

Поступила в редакцию 02.05.2020. Принята к печати 22.05.2020.

Аннотация: Статья продолжает цикл работ, направленных на создание факторной модели потенциала креативного лидерства. Рассматривается влияние направления образовательной подготовки и гендера студентов на характеристики потенциала креативного лидерства. Предпринимается попытка на основании выявленных особенностей определить группы переменных, характеризующие потенциал креативного лидерства. Исследование выполнено в русле холистической и транскommunikативной парадигмы. Для определения характеристик потенциала креативного лидерства использовались: 1) метод моделирования коммуникативных миров; 2) метод психосемантического графа; 3) методика Креативный тип личности по Майерс-Бриггс; 4) шкалограммный профиль коммуникабельности; 5) метод анализа социальных сетей. В исследовании приняли участие 189 человек: 101 студент гуманитарных специальностей и 88 студентов естественнонаучных специальностей. Полученные результаты показали специфичность креативных личностных характеристик и параметров коммуникативного мира студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений подготовки. Специфика изучаемых компонент гендерных особенностей студентов оказалась несущественной для будущих исследований. Обнаружено, что студенты гуманитарных направлений, с одной стороны, более оригинальны, с другой – более конформны, склонны находить оригинальные негативные моменты в позитивных темах и проблемах. Студенты естественнонаучных направлений ориентированы на работу с конкретной информацией и фактами, более склонны взвешивать различные альтернативы и работать через планирование.

Ключевые слова: креативность, коммуникативная сфера, коммуникативный мир личности, трансфессионализм, транскоммуникативный подход, психосемантика, стресс-трансформации

Для цитирования: Кабрин В. И., Выходков В. С., Прудовиков И. О., Полякова О. Р. Коммуникативные и личностные контексты потенциала креативного лидерства у студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 426–436. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-426-436>

Введение

В настоящее время в условиях мировых культурно-экономических вызовов особую остроту для лидирующих ВУЗов приобретает проблема эффективного образования творческой личности. Потенциал самообновления возможностей современного университета разворачивается в сторону трансдисциплинарных исследований комплексных проблем и программ трансфессионального образования. В данном направлении существует большое количество исследований, например [1–4].

При постоянном усложнении и расширяющемся поле актуальных проектов требуется сотрудничество специалистов из различных областей. Для успешного решения профессиональных задач необходима способность к творческой коммуникации, предполагающая особую чувствительность к другим профессиональным сферам, поэтому современный специалист обязан быть трансфункционалом. Трансфункционал понимается как человек, который самостоятельно конструирует траекторию своего образования, формирует свое образование, стремится к самообучению,

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

развитию и достижению новых целей. Данной тематике посвящен ряд работ современных отечественных и зарубежных исследователей [5–7].

Текущий переход системы высшего образования в русло трансфессионализма как ответ на современные мировые вызовы уже порождает новый тип творческой коммуникации, объединяющей сложное трансдисциплинарное пространство соответствующего комплекса научных и образовательных дисциплин. Такого рода творческая коммуникация влечет за собой формирование нового типа сознания и нового типа мировоззрения. Оно заключается в переходе от традиционных и уже инертных рационалистических оснований к ноодинамическим акцентам, связанным с развитием интуитивного ума и творческой интуиции.

Актуальность работы обусловлена подобной трансформацией, приводящей к формированию нового типа творческой личности, способной участвовать в инициативных разработках сложных трансфессиональных проблем, – личности креативного лидера. Поэтому вузы и работодатели решают проблему поиска студентов, магистрантов и аспирантов, обладающих высоким потенциалом креативного лидерства, которые могли бы отвечать современным мировым вызовам.

Классически лидерство рассматривается с позиции теории черт или групповых теорий, однако некоторые авторы, например G. Petriglieri и J. L. Petriglieri, отмечают, что классических теорий уже недостаточно для эффективного ответа современным вызовам [8]. Эту проблему может решить концепт или феномен креативного лидерства, который в состоянии уравновесить теорию черт и групповую теорию лидерства. В современной науке представлен ряд актуальных исследований по этой теме [9–15]. В большинстве работ авторы особо выделяют дефицит исследований непосредственно личности креативного лидера и, соответственно, указывают на необходимость и актуальность исследований в данной проблемной области.

Аналитическим концептом, соразмерным новому мировоззрению и творческому трансфессиональному образовательному процессу, может стать *концепт транскоммуникации*. В нем холодинамические универсалии (эмерджентность, аттрактивность, фрактальность, голографичность) переводятся в живую ткань человеческого общения. Именно в масштабе транскоммunikативного мира в течение всей жизни человека происходит творческая потенциализация базовых человеческих отношений и качественный личностный рост. Транскоммunikативные миры студентов, формирующиеся в трансдисциплинарном образовании, могут создать внутреннюю мотивацию к инициативной творческой форме общения в групповом решении междисциплинарных проблем научно-исследовательского и проектно-технологического планов. В этом контексте коммуникативная культура трансфессионала с необходимостью поднимается на уровень креативного лидерства. На данный

момент в рассмотрении феномена креативного лидерства фокус внимания авторов смещен именно на лидерство и креативный подход к управлению и находится в сфере интересов менеджмента. Но личность креативного лидера как таковая ими не рассматривается. Часть авторов выделяют в лидере умение эффективно делиться своим опытом и создавать комфортную среду для своих подчиненных [9; 12], другие же указывают на особенности развития у креативных лидеров коммуникативных особенностей, однако не уточняют – каких именно [10; 12].

R. J. Sternberg, J. C. Kaufman и J. E. Pretz представляют типологию креативного лидерства, но на деле в ней рассмотрены разные виды креативного управления организацией, т. е. те или иные модели поведения, которые в теории должны привести к успеху организации. Креативный лидер описывается как человек, «который покупает дешево, а продает дорого»¹. Перспективным видится синтетический тип креативного лидерства, когда лидер объединяет противопоставляемые друг другу подходы в управлении, ранее не соединяемый контент, и может показать остальным, как это работает. Креативный лидер предлагает искать новые возможности в объединении противоречивых тенденций. Этот тип лидерства описан меньше всего, и нет представлений о том, каким способом такому лидеру удастся соединять подобные противоречия [13].

Наиболее близкую к перспективному решению подготовки креативных лидеров концепцию предлагают С. С. Manz и Н. Р. Sims: «суперлидер должен способствовать появлению "самолидерства" у подчиненных, исполняя роль не диктатора, а учителя и воспитателя: он поощряет их ставить собственные цели и не бояться совершать ошибки» [14].

Анализируя культурно-исторический опыт, R. J. Sternberg, J. C. Kaufman и J. E. Pretz пишут, что креативный лидер генерирует идеи, которые «могут выглядеть глупыми, бесполезными и быть даже раздражающими и оскорбительными». Такой лидер вдохновляет других на развитие таких рискованных и неожиданных идей, тем самым создавая их инвестиционную емкость [13]. Э. В. Галажинский и В. И. Кабрин замечают, что креативный лидер не только искренне радуется и поощряет высокие креативные достижения своих коллег, но и реально выстраивает стратегию создания условий и доверительной атмосферы для того, чтобы они стремились превзойти его собственные результаты [16].

Резюмируя ранее проведенные исследования, выделим два центральных вектора становления личности лидера:

1. Высокая чувствительность к перспективным проблемам через глубокое креативное погружение в противоречивую область опыта и знаний на стыках смежных профессий и далеких друг от друга наук. В нашем случае это, например, синтез методологий квантовой холодинамики и психологической ноодинамики креативных состояний сознания.

2. Творческая коммуникабельность на основе predispositions к освоению культуры транскоммunikации [16].

¹ Здесь и далее представлен перевод авторов статьи.

В едином пространстве этих векторов определяется потенциал креативного лидерства трансфессионала как его базовая личностная компетенция, которая формируется в этом коммуникативно-креативном пространстве встречи с новым опытом. Можно отметить дефицит эмпирических исследований в этой области.

Таким образом, трансфессиональная коммуникация является главным фактором развития потенциала креативного лидерства, т. к. именно в ней чаще возникают встречи с таким неожиданно новым опытом. Креативное лидерство – это не просто еще один тип лидерства в ряду общеизвестных, но альтернатива, предлагаемая в качестве основной перспективы для саморазвивающихся образовательных организаций [2].

Представляется, что смысловое ядро потенциала креативного лидерства лежит в категориях творческой транскоммуникации и имеет стресс-трансформативную природу. Ряд авторов указывают на комплексность этого феномена, а именно: предполагается, что коммуникативные и креативные особенности индивида могут оказывать как актуализирующее, так и подавляющее влияние на потенциал креативного лидерства.

Для исследования был сформирован комплекс специфических методик, позволяющих достаточно полно рассмотреть данные сферы. Результаты позволили выявить различные взаимосвязи изучаемых характеристик, которые могут образовывать структуру ядра потенциала креативного лидерства. Проведенное исследование не учитывало такие очевидные факторы, как пол и направление подготовки образования, хотя данные особенности могут оказывать критическое влияние на структуру потенциала креативного лидерства. В результате теоретического исследования нами были получены следующие выводы.

Анализ актуальных исследований креативности и творчества обнаружил неоднородность мнений по интересующему нас вопросу. Исследователи отмечают, что по показателям креативности нет значимых различий по полу, специальности и году обучения. Мы предполагаем, что креативность – это сложный концепт, который включает в себя различные свойства личности и поведение. Проведенный нами анализ показал, что некоторые исследования выявляют разницу по гендерному признаку, что мужчины и женщины используют разные когнитивные стили и стратегии, реализуя свою креативность [17].

С другой стороны, результаты исследования В. П. Мальцева и Д. З. Шибковой свидетельствуют, что профессиональные наклонности могут оказывать существенное влияние на проявление гендерных различий в образной и вербальной креативности. Авторы отмечают, что трансформации гендерных стереотипов могут отражаться на восприятии окружающей действительности, развитии когнитивных способностей (в частности креативности) и гендерной специфики креативного поведения студентов [18].

В другом исследовании показано, что творческие способности студентов естественнонаучных специальностей находятся на среднем уровне, но не указывается на проявление зависимости от пола и учебной программы (принадлежность к конкретному колледжу) [19].

Н. Кароог в исследовании «отрицательного творчества» показал, что все результаты, кроме одного, соответствовали гендерному сходству с точки зрения негативного творчества, причем мужчины и женщины одинаково негативно креативны. Тем не менее у мужчин была обнаружена большая вариативность в позитивном творчестве при выполнении объектно-ориентированных задач, у женщин – в негативном творчестве. Кроме того, в то время как мужчины были более склонны к положительному, чем отрицательному творчеству, творческие способности женщин были эквивалентны по всем показателям [20].

Нейропсихологические исследования показали, что в момент, когда мужчины и женщины неразличимы с точки зрения поведенческих характеристик по всем задачам, характер мозговой активности при выполнении этих задач свидетельствует о стратегических различиях между полами. Области мозга, связанные с семантическим познанием, изучением правил и принятием решений, были преимущественно заняты мужчинами во время концептуальной экспансии, тогда как женщины проявляли более высокую активность в областях, связанных с обработкой речи и социальным восприятием [21].

Таким образом, на данный момент отсутствует единое мнение о влиянии гендерных особенностей студентов и направлений их подготовки на творчество и креативность. Этот факт актуализирует исследования в данном направлении. Определение различий по гендерным признакам и направлениям подготовки становится важным в контексте изучения потенциала креативного лидерства.

Е. С. Ермакова выявила значимую положительную корреляционную связь социальной креативности с показателями доверия и лидерскими способностями. Данная связь отмечается как во всей выборке, так и в отдельных выборках студентов различных направлений профессиональной подготовки. Автор заявляет, что большое число корреляционных связей между показателями социальной креативности и таких личностно-коммуникативных особенностей, как лидерские способности, доверие, а также связи между показателями личностных характеристик у студентов психологического и технического направлений подготовки позволяют предполагать наличие целостных блоков личностных психологических структур, как способствующих пластичному и адекватному изменению опыта межличностного взаимодействия, так и препятствующих этому. Автор пишет, что данная проблема требует дальнейших исследований. Соответственно, если креативность имеет корреляции с коммуникативными особенностями, важной является проработка влияния гендерных особенностей и направления подготовки на коммуникативные особенности [22].

Е. В. Борисова рассматривает общительность как относительно устойчивую систему мотивационно-смысловых и регуляторно-динамических характеристик, проявляющихся в деятельности и общении. По результатам исследования автора, гипотеза о том, что у студентов, обучающихся на разных профилях профессиональной подготовки, наблюдаются отличительные особенности общительности в ряде компонентов (динамическом, регуляторно-волевом и мотивационном), нашла частичное подтверждение. Так, в переменных интернальности / экстернальности (регуляторно-волевой компонент) и социоцентричности / эгоцентричности (мотивационный компонент), действительно, выявлены значимые различия. Были установлены различия в проявлении стеничности (эмоциональный компонент), осмысленности (когнитивный компонент) и предметности (продуктивный компонент) [23].

Интересен тот факт, что каких-то более конкретных исследований различий коммуникативных особенностей в зависимости от направления обучения нами не было обнаружено. Также нами не было обнаружено современных исследований различий коммуникативных особенностей по полу или гендеру. Все это подтверждает необходимость подобных исследований.

Исходя из анализа проблемы, целью данного этапа исследования являлось определение специфики коммуникативных и личностных контекстов потенциала креативного лидерства у студентов различного пола и направлений подготовки для дальнейшего создания факторной модели потенциала креативного лидерства.

Материалы и методы

Для достижения цели было проведено исследование, в котором приняли участие 192 человека, из них 189 полностью заполнили анкеты и были включены в исследовательскую выборку. Первичная выборка была разделена на две группы: студенты гуманитарных специальностей (101 респондент: 88 девушек и 13 юношей, средний возраст – 19 лет) и студенты естественнонаучных специальностей (88 респондентов: 46 юношей и 42 девушки, средний возраст – 19 лет). Исследование проводилось с помощью метода моделирования коммуникативных миров (ММКМ) [24]; метода психосемантического графа (МПСГ) [24]; методики Креативный тип личности по Майерс-Бриггс (МВТИ) [25]; шкалограммного профиля коммуникативности (ШПК) [24]; метода анализа социальных сетей (методика SNA) [26]. Стоит отметить, что совокупное количество шкал методик – 102, однако для корректного анализа нами были выведены из исследования шкалы, которые заранее взаимозависимы (получены путем простых алгебраических действий с другими шкалами), в связи с этим количество исследуемых переменных было сокращено до 54. Особое внимание уделялось показателям ММКМ и МПСГ, поскольку их инструкции содержали релевантную проблеме ориентацию на необычные характеристики тем и партнеров. Статистический анализ

проводился с помощью R-критерия Спирмена (для установления корреляционных связей между предполагаемыми характеристиками креативного лидерства), U-критерия Манна-Уитни (анализ исследуемых групп по различиям изучаемых характеристик) и анализа главных компонент (оценка мощности влияния переменных в наблюдаемой дисперсии). Статистический анализ реализован в пакете программ Statistica 13.4. В исследовании дополнительно проверялись конструктивная и критериальная (по известным группам) валидность задействованных показателей.

Результаты

На прошлом этапе был проведен корреляционный анализ, который на малой выборке выявил сложную структуру взаимосвязей коммуникативных и личностных характеристик потенциала креативного лидерства и успеваемости студентов младших курсов. Для того чтобы убедиться в наличии этих взаимосвязей на расширенной выборке, был проведен корреляционный анализ с помощью R-критерия Спирмена. В результате анализа выявлено 242 корреляционные пары (при $p < 0,05$). Понимая, что прямыми показателями потенциала креативного лидерства являются только 8 изучаемых характеристик (КрМ (п) и КрМ (т) – Креативный момент по партнерам (п) и темам (т); Дм (п) и Дм (т) – Деструктивный момент по партнерам и темам; ОКМ (п) и ОКМ (т) – Оригинальность креативных моментов по партнерам и темам; ОДМ (п) и ОДМ (т) – Оригинальность деструктивных моментов по партнерам и темам), мы отдельно оценили количество корреляционных пар, которые они образовали (исключая попарные корреляции друг с другом):

- 1) КрМ (п) с 11 характеристиками коммуникативной сферы и креативности;
- 2) КрМ (т) с 3 характеристиками;
- 3) Дм (п) с 10 характеристиками;
- 4) Дм (т) с 6 характеристиками;
- 5) ОКМ (п) с 6 характеристиками;
- 6) ОКМ (т) с 5 характеристиками;
- 7) ОДМ (т) с 7 характеристиками;
- 8) ОДМ (п) с 1 характеристикой креативности.

Очевидно, что прямые характеристики потенциала креативного лидерства образуют 49 корреляционных пар (что составляет 20,25 % от общего числа корреляционных пар) с характеристиками коммуникативной сферы и креативности (т.е. с предполагаемыми характеристиками структуры потенциала креативного лидерства). Мы можем заключить, что эти связи образуют достаточно сильное ядро общей структуры изучаемого феномена.

В связи со сложностью оценки структуры потенциала креативного лидерства по корреляционным плеядам их интерпретация не вошла в данную работу. Для адекватного анализа структуры потенциала креативного лидерства был проведен факторный анализ, результаты которого будут приведены позже.

Для определения специфики коммуникативных и личностных контекстов потенциала креативного лидерства был проведен анализ различий между группами студентов естественнонаучных направлений и студентов гуманитарных направлений с помощью U-критерия Манна-Уитни, по результатам которого были обнаружены достоверные различия по 16 изучаемым характеристикам. Ниже представлены выявленные различия по изучаемым характеристикам:

- по методу ММКМ: Т – Психосемантический объем коммуникативного мира ($p < 0,01$); П – Социосемантический объем коммуникативного мира ($p < 0,01$); ПП (т) – Позитивные переживания по темам ($p = 0,02$); ОО – Общая оригинальность ($p < 0,01$); ОК – Общая конформность ($p < 0,01$); ОДМ (т) ($p = 0,04$);
- по методу МПСГ: ППСГ парт – Потенциальная психосемантическая гибкость партнеров ($p = 0,01$); ППСГ сам – Собственная потенциальная психосемантическая гибкость ($p = 0,04$);
- по методике SNA: *In-Degree* ($p < 0,01$); *Out-Degree* ($p = 0,01$), *Closeness Centrality* ($p < 0,01$); *Eigenvector Centrality* ($p = 0,01$);
- по методике Креативный тип личности по Майерс-Бриггс: S – Ощущение ($p < 0,01$); Т – Мышление ($p < 0,01$); J – Суждение ($p = 0,01$);
- по ШПК: Контакт 1 ($p = 0,03$).

На следующем этапе был проведен анализ различий по полу внутри групп студентов гуманитарных направлений и студентов естественнонаучных направлений. С помощью U-критерия Манна-Уитни были определены следующие статистически значимые различия: в группе студентов гуманитарных направлений по переменным ОКМ (т) ($p = 0,01$) и КДМ (п) – Конформные деструктивные моменты в описании партнеров ($p = 0,01$); в группе студентов естественнонаучных направлений различия были обнаружены по переменным *In-Degree* ($p = 0,04$) и *Out-Degree* ($p = 0,01$).

Анализ различий по направлению подготовки

По методике Креативный тип личности по Майерс-Бриггс (МВТИ) значимые различия были обнаружены по шкалам Ощущение (S), Мышление (Т), Суждение (J). Шкала Ощущение характеризует ориентировку на материальную информацию, Мышление – рациональное взвешивание альтернатив, Суждение – предпочтение планировать и заранее упорядочивать информацию.

Все шкалы, по которым получены достоверные различия, значимо выше у студентов естественнонаучных специальностей, по сравнению со студентами гуманитарных направлений (рис. 1). Таким образом, подтверждаются типичные установки о представителях естественнонаучных направлений: повышенная ориентация на материальную и точную информацию, склонность к рационализации, планированию действий. Все эти черты необходимы для качественной работы специалиста естественнонаучных специальностей.

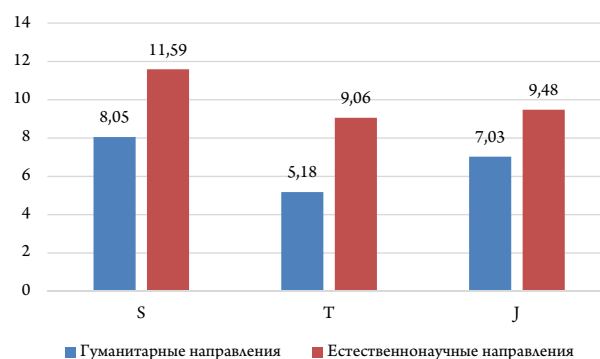


Рис. 1. Различия по шкалам методики МВТИ

Fig. 1. Differences in the scales of Myers-Briggs Type Indicator

По ШПК различия были обнаружены только на первом уровне коммуникабельности – на уровне Контакта, который отражает элементарный динамичный обмен непосредственными и недифференцированными импульсами-переживаниями или формальный обмен элементарными ритуалами (приветствиями, прощениями, извинениями и т. п.). Полученные данные показали, что у студентов гуманитарных направлений данный уровень развит сильнее (коэффициент 2,56), что, вероятно, позволяет им быстрее и проще заводить новые контакты. Именно этот уровень важен для развитой социальной сети, т. к. именно здесь завязываются дальнейшие отношения. У студентов естественнонаучных направлений данный уровень равен 2,17.

По методике SNA различия были обнаружены по большинству изучаемых шкал: *In-Degree*, *Out-Degree*, *Closeness Centrality*, *Eigenvector Centrality*. Под переменной *In-Degree* понимается количество входящих связей, т. е. количество выборов данного респондента другими респондентами, под переменной *Out-Degree* – количество исходящих связей, т. е. количество респондентов, которых выбрал данный респондент (рис. 2). Шкала *Closeness Centrality* характеризует меру близости респондента к остальным участникам сети (как быстро респондент сможет прийти от одного участника к другому), шкала *Eigenvector Centrality* – связь респондента с популярными (имеющими много связей) участниками сети (рис. 3).

Графики показывают, что значения всех шкал достоверно выше у студентов гуманитарных специальностей по сравнению со студентами естественнонаучных специальностей. Таким образом, студенты гуманитарных специальностей поддерживают больше социальных контактов внутри своей группы (различия по шкалам *In-Degree* и *Out-Degree*), а это может вести к более развитой социальной сети (выражено на шкалах *Closeness Centrality* и *Eigenvector Centrality*). Различия по шкалам *Closeness Centrality* и *Eigenvector Centrality* могут свидетельствовать о том, что студенты гуманитарных специальностей склонны выстраивать тесные и глубокие взаимосвязи, в результате которых проще занимать лидерские позиции и контактировать с другими лидерами.

Они устанавливают больше двусторонних контактов (и делают это быстрее и легче), что также ведет к уплотнению социальной сети и упрощенному контактированию с лидерами и упрощению возможности самому стать лидером. Эти результаты частично подтверждаются описанными выше показателями по методике ШПК.

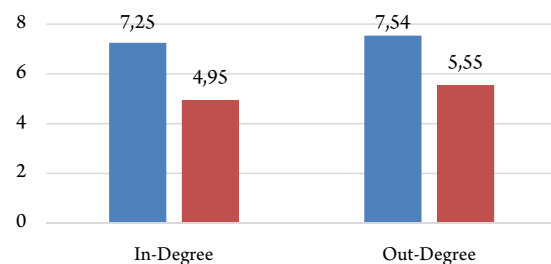
Различия по шкалам ММКМ представлены на рис. 4. Все шкалы, по которым получены статистически достоверные различия, имеют более высокие значения у студентов гуманитарных направлений.

Шкалы Т (Психосемантический объем) и П (Социосемантический объем) характеризуют количество вербализаций по темам и партнерам соответственно. Шкала Т интерпретируется как разнообразие коммуникативного мира личности, количество тем, которыми интересуется респондент и которые составляют его мир. Шкала П показывает насыщенность, разнообразие межличностных отношений респондента, представление о партнерах своего круга общения, о персонификации.

Более высокие значения у студентов гуманитарных направлений могут свидетельствовать о склонности к рефлексии, которая порождает большее количество тем и позволяет оценивать их и своих партнеров более ясно и насыщенно. Эти результаты согласуются с данными по шкалам Ощущение, Мышление, Суждение у студентов естественнонаучных направлений, что свидетельствует об их стремлении к концентрации непосредственно на теме / проблеме, постановке определенных задач для ее решения и отбрасывании всего «лишнего», не помогающего решению. Кроме этого, повышенные значения социальных контактов у студентов гуманитарных направлений неизбежно ведут к столкновению образов различных партнеров внутри личности, что порождает возможность более детального, разнообразного и насыщенного описания партнеров.

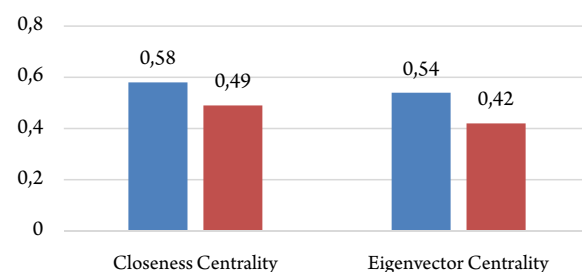
Шкалы ОО (Общая оригинальность) и ОК (Общая конформность) соответственно обозначают количество минимально встречаемых вербализаций в тезаурусе метода ММКМ и максимально встречаемых вербализаций. В какой-то степени можно говорить, что оба параметра характеризуют разные полюса креативности. Согласно полученным нами данным и данным других исследований, можно констатировать, что среди студентов гуманитарных направлений индивидуальности (как креативные, так и конформные) встречаются чаще, чем среди студентов естественнонаучных специальностей. Возможно, общая конформность развита как следствие стремления оставаться среди людей, имея при этом определенные социальные позиции. Эти результаты предполагают, что креативное лидерство как «дивергентное» [27] может координироваться с конформным лидерством как «конвергентным».

Шкала ПП (т) (Позитивные переживания по темам) показывает удовлетворенность респондента собственным коммуникативным миром, т.е. темами и партнерами общения, и отражает отношение личности к восприятию



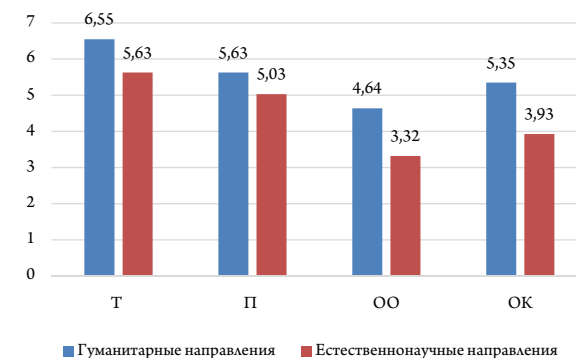
■ Гуманитарные направления ■ Естественнонаучные направления

Рис. 2. Различия шкал In-Degree и Out-Degree методики SNA
Fig. 2. Differences in the scales of In-Degree and Out-Degree (SNA method)



■ Гуманитарные направления ■ Естественнонаучные направления

Рис. 3. Различия шкал Closeness Centrality и Eigenvector Centrality методики SNA
Fig. 3. Differences in the scales of Closeness Centrality and Eigenvector Centrality (SNA method)



■ Гуманитарные направления ■ Естественнонаучные направления

Рис. 4. Различия по шкалам методики ММКМ
Fig. 4. Differences in the scales of Method of Modeling Communicative Worlds

созданного мира. Исходя из полученных данных, мы можем утверждать, что студенты-гуманитарии склонны чаще искать в проблемных темах положительные моменты (28,34), чем студенты естественнонаучных направлений (24,65). Частично данные результаты согласуются с повышенными значениями по шкале Общей конформности и шкалам социометрии. Мы объясняем это тем, что человек, видящий позитивные моменты, более позитивно и конструктивно общается с другими людьми, с таким человеком приятнее общаться – это ведет к укреплению социальной сети.

Интересным является факт, что при общей склонности искать позитивные моменты у студентов гуманитарных направлений повышены значения шкалы ОДМ ($t = 0,06$ (у студентов естественнонаучных направлений – 0). Данная шкала характеризует количество всех вербализаций транс-стресс-формаций с минимальной частотой встречаемости в тезаурусе. Если говорить упрощенно, то студенты гуманитарных специальностей значительно чаще находят оригинальные отрицательные моменты в положительных. Возможно, это связано с повышенным уровнем Общей оригинальности и Положительных переживаний по темам, либо же с определенной склонностью к излишней рефлексивности. На данную особенность необходимо обращать внимание во время практической работы со студентами гуманитарных направлений. Это может быть связано и с их повышенной эмоциональностью, и, как следствие, с фантазийной тревожностью.

Шкала ППСГ (Потенциальная психосемантическая гибкость) достоверно различается в описании как партнеров, так и проблемных тем. Шкала вычисляется через количество пустых клеток в матрице или значений, равных 0. Показатели интерпретируются как возможность для гибкой оценки своих партнеров и самого себя с различных позиций. Соответственно, при наличии такой возможности личность может принимать более гибкие решения в различных ситуациях, в том числе требующих необычного креативного подхода и отсутствия ригидности в восприятии других людей. Полученные данные показали, что подобная гибкость значимо выше у студентов гуманитарных направлений, по сравнению со студентами естественнонаучных направлений (рис. 5).

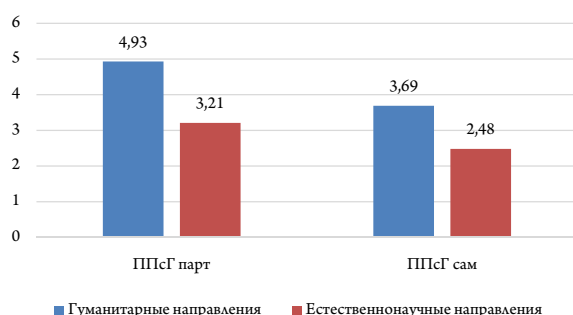


Рис. 5. Различия по шкалам методики МПСГ
Fig. 5. Differences in the scales of Psychosemantic Graph Method

Обнаруженные значимые различия требуют дифференцированного анализа факторных моделей потенциала креативного лидерства, поэтому дальнейшее исследование необходимо проводить с делением общей выборки на группы по специальностям.

Анализ различий по половой принадлежности

Необходимость данного этапа анализа обосновывалась важностью понимания влияния гендерных особенностей на будущую факторную модель креативного лидерства.

Кроме этого, в литературе отсутствует консолидированное мнение по данному вопросу. Данный анализ также был выполнен с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Статистически значимые различия по полу в группе студентов гуманитарных направлений были выявлены по переменным ОКМ (t) и КДМ (n). Обе переменные являются количественными характеристиками контент-анализа методики ММКМ и более выражены у юношей (средние значения ОКМ (t)=0,08; КДМ (n)=0,23), чем у девушек (средние значения ОКМ (t)=0, КДМ (n)=0,03).

Переменная ОКМ (t) (Оригинальность креативных моментов в описании тем) характеризуется количеством вербализаций стресс-транс-формаций с минимальной частотой встречаемости при описании тем. Упрощенно говоря, юноши значительно чаще находят оригинальные положительные моменты в своих темах / проблемах, т. е. более склонны искать и находить положительные моменты в отрицательных. С другой стороны, наблюдаются повышенные значения по переменной КДМ (n) (Конформные деструктивные моменты в описании партнеров), которая характеризует количество всех вербализаций транс-стресс-формаций с максимальной частотой встречаемости при описании тем. Это показывает, что студенты-юноши более склонны к поиску типичных отрицательных черт в своих положительных партнерах по «общепринятым» характеристикам.

Первую особенность можно объяснить теоретическими предположениями о том, что мужчины более склонны к концентрации на решении появляющихся проблем, при этом для решения данных проблем может быть использована переоценка проблемы с поиском положительных моментов (данную переоценку делать достаточно непросто, вероятно, поэтому ее результат часто является уникальным). Вторую – стремлением мужчин к конкуренции, в результате которой «общепринятые» позитивные качества партнеров обесцениваются негативными. Таким образом, студенты-юноши гуманитарных направлений больше склонны (по сравнению с девушками) к уникальной положительной переоценке проблем и к типичной негативной переоценке партнеров.

Крайне низкие значения, полученные по этим шкалам, показывают, что моменты стресс-транс-формации или транс-стресс-формации встречаются сами по себе редко. Кроме этого, подавляющее большинство выборки студентов гуманитарных специальностей – девушки. В связи с этим полученные различия стоит еще раз проверить в дальнейших исследованиях, чтобы исключить фактор их случайности.

Оцененная мощность переменных при помощи анализа главных компонент в пакете программ Statistica 13.4 показывает, что переменная ОКМ (t) занимает 48 место среди изучаемых переменных. В связи с тем, что она вносит малый вклад в общую дисперсию, она не будет включена в дальнейший факторный анализ. Переменная КДМ (n), в свою очередь, занимает 22 место среди изучаемых переменных, поэтому она попадает в 30 основных переменных, которые будут использованы в дальнейшем факторном анализе.

Однако в связи с тем, что данная переменная не попадает в первую половину интересующих нас переменных и ее мощность менее 0,02 (0,19), считаем, что полученные различия не внесут существенных помех в будущую факторную модель и данными различиями можно пренебречь.

Статистически значимые различия по полу в группе студентов естественнонаучных направлений были установлены только по социометрической методике SNA по переменным *In-Degree* и *Out-Degree*. Отмечено, что обе переменные более выражены у юношей (средние значения *In-Degree*=5,54; *Out-Degree*=6,33), чем у девушек (средние значения *In-Degree*=4,29; *Out-Degree*=4,69).

Различия могут объясняться тем, что традиционно естественнонаучные специальности относят к «мужским» специальностям. Возможно, в связи с этим юношам проще начинать выстраивать социальную сеть в своих учебных, а в будущем профессиональных группах, чем девушкам. Количество исходящих социальных связей превышает количество входящих. Это может быть обусловлено стремлением студентов к активному расширению социальной сети на момент учебы в университете. Оцененная при помощи анализа главных компонент в пакете программ Statistica 13.4 мощность переменных показывает, что переменная *In-Degree* занимает 32 место среди остальных переменных, а переменная *Out-Degree* – 34 место. Таким образом, эти переменные вносят относительно малый вклад в общую дисперсию и потому не будут использованы для проведения факторного анализа.

Заключение

У студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений образования были выявлены различия по специфике коммуникативных и личностных контекстов потенциала креативного лидерства. Студенты гуманитарных направлений легче устанавливают контакты и в дальнейшем имеют более обширную и плотную социальную сеть. Они отличаются гибкостью при анализе тем и партнеров, видят больше положительных моментов в проблемных темах. Студенты гуманитарных направлений с одной стороны более оригинальны, с другой – более конформны, склонны находить оригинальные негативные моменты в позитивных темах и проблемах. Студенты естественнонаучных направлений ориентированы на работу с конкретной информацией и фактами, более склонны взвешивать различные альтернативы и работать через планирование.

Были показаны некоторые различия по изучаемым характеристикам в группах по полу, однако мы считаем данные различия не критичными для дальнейшего исследования. Учитывая особенности коммуникативной сферы и креативности, выборка была разделена на две группы по направлениям подготовки образования, что позволило создать корректную факторную модель потенциала креативного лидерства. Результаты могут служить основой для выявления студентов, магистрантов и аспирантов, обладающих высоким потенциалом креативного лидерства на этапах бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Литература

1. Ефимов В. С. Вызовы будущего: высшая школа России в ситуации постиндустриального перехода // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 40–57.
2. Кабрин В. И., Галажинский Э. В. Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансформации в университетском образовании // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире / под. ред. Э. В. Галажинского, В. И. Кабриной. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 11–68.
3. Джексон М. С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф. П. Тарасенко. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 404 с.
4. Barnett R. The ecological university: A feasible utopia. London: Routledge, 2017. 214 p.
5. Колесникова И. А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2014. № 4. С. 14–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2014.2642>
6. Alves C. A. Answers from the holistic transdisciplinary paradigm to the contemporary challenges in education: the subject awakening and integration among sciences, tradition, wisdom and experiences // Open Access Library Journal. 2016. Vol. 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.4236/oalib.1102497>
7. Ткачева Н. А., Фокина А. Б. Трансфеминизм и профессиональный потенциал молодежи // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 9. С. 185–186.
8. Petriglieri G., Petriglieri J. L. Can business schools humanize leadership? // Academy of Management Learning and Education. 2015. Vol. 14. № 4. P. 625–647. DOI: 10.5465/amle.2014.0201
9. Carmeli A., Gelbard R., Reiter-Palmon R. Leadership, creative problem-solving capacity, and creative performance: The importance of knowledge sharing // Human Resource Management. 2013. Vol. 52. № 1. P. 95–121. DOI: 10.1002/hrm.21514
10. Ibbotson P., Darsø L. Directing creativity: the art and craft of creative leadership // Journal of Management & Organization. 2008. Vol. 14. № 5. P. 548–559. DOI: 10.1017/S1833367200003035
11. Кабрин В. И. Креативное лидерство: транскультуральная перспектива // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 121–135. DOI: 10.17223/17267080/58/9

12. Rickards T., Moger S. Creative leadership processes in project team development: an alternative to Tuckman's stage model // *British Journal of Management*. 2000. Vol. 11. № 4. P. 273–283. DOI: 10.1111/1467-8551.00173
13. Sternberg R. J., Kaufman J. C., Pretz J. E. A propulsion model of creative leadership // *Creativity and Innovation Management*. 2004. Vol. 13. № 3. P. 145–153. DOI: 10.1111/j.0963-1690.2004.00304.x
14. Manz C. C., Sims H. P. SuperLeadership: beyond the myth of heroic leadership // *Organizational Dynamics*. 1991. Vol. 19. № 4. P. 18–35. DOI: [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(91\)90051-A](https://doi.org/10.1016/0090-2616(91)90051-A)
15. Pryor D., Henley A. Boundary spanning in higher education leadership: identifying boundaries and practices in a British university // *Studies in Higher Education*. 2018. Vol. 43. № 12. P. 2210–2225.
16. Галажинский Э. В., Кабрин В. И. Перспектива развития творческой личности трансфессионала в условиях смены научно-образовательной парадигмы университета // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 207–214. DOI: 10.17223/15617793/447/25
17. Alizamar A., Afdal A., Ildil I., Syahputra Y. Exploration of students' creativity based on demography // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019. Vol. 5. № 1. P. 50–65.
18. Мальцев В. П., Шибкова Д. З. Особенности образной и вербальной креативности студентов с учетом гендерной принадлежности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура»*. 2009. № 39. С. 45–47.
19. Chang H.-Y., Lin H.-C., Wu T.-T., Huang Y.-M. The influence of interactive art of visual music on the creativity of science and engineering students // *IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)* (Dubai, April 8–11, 2019). Dubai, 2019. P. 1087–1092. DOI: 10.1109/EDUCON.2019.8725233
20. Kapoor H. Sex differences and similarities in negative creativity // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 142. P. 238–241. DOI: 10.1016/j.paid.2018.04.043
21. Abraham A., Thybusch K., Pieritz K., Hermann C. Gender differences in creative thinking: behavioral and fMRI findings // *Brain Imaging and Behavior*. 2014. Vol. 8. P. 39–51. DOI: 10.1007/s11682-013-9241-4
22. Ермакова Е. С. Социальная креативность студентов различных направлений профессиональной подготовки // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. 2019. № 2. С. 87–100.
23. Борисова Е. В. Сравнительный анализ общительности студентов гуманитарного и технического профилей на этапе адаптации в вузе // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 2. С. 217–226.
24. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 247 с.
25. Голдстейн Д., Крегер О. Творческая личность: как использовать сильные стороны своего характера для развития креативности / пер. с англ. С. Кировой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 402 с.
26. Computational social network analysis / eds. A. Abraham, A.-E. Hassanien, V. Snasel. London: Springer-Verlag, 2010. 485 p. DOI: 10.1007/978-1-84882-229-0
27. Брабандер Л. А. Забытая сторона перемен: как творческий подход изменяет реальность / пер. К. Майер, А. Орешкиной. М.: Претекст, 2006, 203 с.

Personal and Communicative Contexts of the Creative Leadership Potential in Students of Humanities and Science*

Valery I. Kabrin^{a, @, ID1}; Vladimir S. Vyskochkov^{a, b, ID2}; Igor O. Prudovikov^{a, ID3}; Olga R. Polyakova^{a, ID4}

^a National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

^b Siberian State Medical University, Russia, Tomsk

@ kabrin@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5338-4760>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5511-5911>

ID4 <https://orcid.org/0000-0001-7054-6429>

Received 02.05.2020. Accepted 22.05.2020.

Abstract: This research is part of a large-scale project aimed at creating a factor model of creative leadership potential. The present article features the effect of major and gender of students on their creative leadership potential. The authors identified groups of variables that characterize creative leadership potential. The study was based on the holodynamic and trans-communicative paradigm. The following range of scientific methods made it possible to determine the characteristics of creative leadership potential: the method of modeling communicative worlds, the method of psychosemantic graph, Myers-Briggs Type Indicator, sociability scale profile, and social network analysis. The study involved 189 students of humanities (101) and science (88). The results showed the specificity of personal creative characteristics and parameters of the communicative world of the participants. Gender proved insignificant for future research. Students that majored in humanities appeared both more original and more conformal. They tended to find unusual negative points in positive topics and problems. Science students worked better with specific information and facts. They were good at evaluating alternatives and planning.

Keywords: creativity, communication, communicative world of personality, trans-professionalism, trans-communicative approach, psychosemantics, stress-trans-formations

For citation: Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Polyakova O. R. Personal and Communicative Contexts of the Creative Leadership Potential in Students of Humanities and Science. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 426–436. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-426-436>

References

1. Efimov V. S. Future challenges: high school of Russia in postindustrial transition. *Vestnik NGUJeU*, 2012, (3): 40–57. (In Russ.)
2. Kabrin V. I., Galazhinskiy E. V. Psychological prospects for the potential of creative leadership of a transprofessional in university education. *New psychological contexts of personality formation in a changing world*, eds. Galazhinskiy E. V., Kabrin V. I. Tomsk: Izd. Dom Tom. gos. un-ta, 2017, 11–68. (In Russ.)
3. Jakson M. C. *Systems thinking: Creative holism for managers*, ed. and tr. Tarasenko F. P. Tomsk: Izd. Dom Tom. gos. un-ta, 2016, 404. (In Russ.)
4. Barnett R. *The ecological university: A feasible utopia*. London: Routledge, 2017, 214.
5. Kolesnikova I. A. Transdisciplinary strategy of lifelong education research. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 2014, (4): 14–36. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2014.2642>
6. Alves C. A. Answers from the holistic transdisciplinary paradigm to the contemporary challenges in education: the subject awakening and integration among sciences, tradition, wisdom and experiences. *Open Access Library Journal*, 2016, 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.4236/oalib.1102497>
7. Tkacheva N. A., Fokina A. B. The professionalism and professional potential of youth. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 2016, 2(9): 185–186. (In Russ.)
8. Petriglieri G., Petriglieri J. L. Can business schools humanize leadership? *Academy of Management Learning and Education*, 2015, 14(4): 625–647. DOI: 10.5465/amle.2014.0201
9. Carmeli A., Gelbard R., Reiter-Palmon R. Leadership, creative problem-solving capacity, and creative performance: The importance of knowledge sharing. *Human Resource Management*, 2013, 52(1): 95–121. DOI: 10.1002/hrm.21514

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 0721-2020-0040.

10. Ibbotson P., Darsø L. Directing creativity: the art and craft of creative leadership. *Journal of Management & Organization*, 2008, 14 (5): 548–559. DOI: 10.1017/S1833367200003035
11. Kabrin V. I. The creative leadership: transcultural prospect. *Sibirsky psikhologichesky zhurnal*, 2015, (58): 121–135. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/58/9
12. Rickards T., Moger S. Creative leadership processes in project team development: an alternative to Tuckman's stage model. *British Journal of Management*, 2000, 11(4): 273–283. DOI: 10.1111/1467-8551.00173
13. Sternberg R. J., Kaufman J. C., Pretz J. E. A propulsion model of creative leadership. *Creativity and Innovation Management*, 2004, 13(3): 145–153. DOI: 10.1111/j.0963-1690.2004.00304.x
14. Manz C. C., Sims H. P. SuperLeadership: beyond the myth of heroic leadership. *Organizational Dynamics*, 1991, 19(4): 18–35. DOI: [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(91\)90051-A](https://doi.org/10.1016/0090-2616(91)90051-A)
15. Pryor D., Henley A. Boundary spanning in higher education leadership: identifying boundaries and practices in a British university. *Studies in Higher Education*, 2018, 43(12): 2210–2225.
16. Galazhinskiy E. V., Kabrin V. I. The prospect of the development of a creative personality of a "trans-professional" in the conditions of changes in the scientific and educational paradigm of the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (447): 207–214. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/447/25
17. Alizamar A., Afdal A., Ifdil I., Syahputra Y. Exploration of students' creativity based on demography. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 2019, 5(1): 50–65.
18. Maltsev V. P., Shibkova D. Z. Peculiarities of graphic and verbal creativity of students taking into consideration their gender. *Vestnik IuUrGU. Seriya "Obrazovanie, zdravookhraneniye, fizicheskaya kultura"*, 2009, (39): 45–47. (In Russ.)
19. Chang H.-Y., Lin H.-C., Wu T.-T., Huang Y.-M. The influence of interactive art of visual music on the creativity of science and engineering students. *IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)*, Dubai, April 8–11, 2019. Dubai, 2019, 1087–1092. DOI: 10.1109/EDUCON.2019.8725233
20. Kapoor H. Sex differences and similarities in negative creativity. *Personality and Individual Differences*, 2019, 142: 238–241. DOI: 10.1016/j.paid.2018.04.043
21. Abraham A., Thybusch K., Pieritz K., Hermann C. Gender differences in creative thinking: behavioral and fMRI findings. *Brain Imaging and Behavior*, 2014, 8: 39–51. DOI: 10.1007/s11682-013-9241-4
22. Ermakova E. S. Social creativity of students in various areas of vocational training. *Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina*, 2019, (2): 87–100. (In Russ.)
23. Borisova E. V. Comparative analysis of sociability of students of humanitarian and technical profiles at the stage of adaptation at university. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (2): 217–226. (In Russ.)
24. Kabrin V. I. *The communicative world and trans-communicative potential of a person's life: theory, methods, research*. Moscow: Smysl, 2005, 247. (In Russ.)
25. Goldstein D. B., Kroeger O. *Creative you*, tr. Kirova S. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2014, 402. (In Russ.)
26. *Computational social network analysis*, eds. Abraham A., Hassanien A.-E., Snael V. London: Springer-Verlag, 2010, 485. DOI: 10.1007/978-1-84882-229-0
27. Brabandery L. D. *The forgotten half of change: achieving greater creativity through changes in perception*, tr. Maier K., Oreshkina A. Moscow: Pretekst, 2006, 203. (In Russ.)

Психологические факторы инфаркта миокарда как поле для клинико-психологических исследований

Руслан В. Кадыров^{а, ID1}; Анастасия С. Эльзесер^{а, @, ID2}; Наталья С. Бартковская^а

^а Тихоокеанский государственный медицинский университет, Россия, г. Владивосток

@ der_falter@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Поступила в редакцию 01.04.2020. Принята к печати 24.04.2020.

Аннотация: Статья содержит анализ эмпирических исследований по теме психологических характеристик, вносящих вклад в заболеваемость инфарктом миокарда. Исследования психологических коррелятов инфаркта миокарда фрагментарны и затрагивают следующие психологические категории: психические состояния, психические свойства личности, симптомы психических нарушений, стратегии поведения, социальные факторы. Цель данной статьи – описание результатов анализа эмпирических исследований психологических характеристик пациентов, перенесших инфаркт миокарда. Определены сложности и противоречия в исследованиях психологических факторов инфаркта миокарда. Диагностические возможности типа А утратили актуальность. Анализ противоречий в исследованиях типа D позволил предположить, что для дальнейшего изучения окажутся наиболее эффективными и щадящими лонгитюдные исследования на выборке изначально здоровых людей, а также подробные мета-анализы эмпирических работ. Отмечается, что роль враждебности в генезе инфаркта миокарда мало изучена на отечественной выборке. Тревожность у пациентов с инфарктом миокарда изучается широко, однако имеются разногласия о ее роли в механизме данного заболевания. Для прогнозирования психологических рисков в течении сердечно-сосудистых заболеваний требуется определить, в каких случаях и в сочетании с какими факторами личностная тревожность способна ускорить или замедлить наступление инфаркта миокарда. Для этого предлагается использовать следующие выборки: 1) с риском инфаркта; 2) после инфаркта; 3) прошедшие период реабилитации. Полученные выводы указывают перспективные направления дальнейших исследований для профилактики инфаркта миокарда.

Ключевые слова: психологические предикторы, фактор риска, поведенческий тип А, поведенческий тип D, тревожность

Для цитирования: Кадыров Р. В., Эльзесер А. С., Бартковская Н. С. Психологические факторы инфаркта миокарда как поле для клинико-психологических исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 437–443. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-437-443>

Введение

В последнее десятилетие в России наблюдается увеличение доли повторных инфарктов миокарда (ИМ). Смертность от данного заболевания в официальной статистике возросла на 7,3 %, несмотря на снижение случаев упоминания ИМ при регистрации смерти из-за приоритета коморбидных заболеваний [1]. При ИМ происходит внезапное прекращение кровотока по коронарной артерии и некроз участка сердечной мышцы. Можно предположить, что переживание данного заболевания является экстремальным событием в жизни пациента, а психологические факторы оказывают воздействие на развитие ИМ.

В настоящее время в исследованиях психологических предикторов ИМ накоплен большой массив эмпирических данных, полученный на отличающихся выборках, зачастую с применением различного методического аппарата и описывающий разные психологические явления и социальные характеристики. Среди психологических факторов рассматриваются:

- 1) психические состояния: стресс [2], депрессивность [3; 4];
- 2) психические свойства личности: личностная тревожность [5–8], низкий уровень стрессоустойчивости [9], враждебность [10];
- 3) симптомы психических нарушений: инверсия эмоционального отражения [11], алекситимия (во взаимосвязи с личностной тревожностью) [7; 12];
- 4) стратегии поведения: альтруизм, сотрудничество, избегание [13];
- 5) социальные факторы: уровень социальной поддержки, социальная интегрированность [7].

Цель данной статьи – описание результатов анализа эмпирических исследований психологических характеристик пациентов, перенесших ИМ, и определение перспективных направлений дальнейших исследований на этой основе.

Диагностические возможности поведенческих типов А и D: сложности и противоречия

Широко известна концепция типов А и В, выделенная М. Фридманом и Р. Розенманом на основе экспертных оценок врачей-кардиологов, где *коронарный тип А* описан как предрасположенный к сердечно-сосудистым заболеваниям (ССЗ). К психологическим характеристикам типа А были отнесены постоянная напряженность на фоне ощущения постоянной нехватки времени, агрессивность, высокая мотивация к достижениям при зачастую завышенных ожиданиях и низкой удовлетворенности уже достигнутым [14]. Однако дальнейшие исследования не подтвердили в полной мере обобщения авторов. С одной стороны, по-прежнему обнаруживаются подтверждения того, что такие личностные черты, как высокий уровень тревожности, агрессивность и соперничество, коррелируют с ССЗ [15]. С другой стороны, было показано, что быстрый темп жизни и вовлеченность в работу не являются значимыми предикторами ишемической болезни сердца, одной из клинических форм которой является ИМ. Также не подтвердились предположения о ведущей роли типа А в предсказании ИМ и некоторых других ССЗ. При таких заболеваниях, как эссенциальная артериальная гипертензия и ишемическая болезнь сердца, тип А, хоть и обнаруживался на 25 % чаще, чем у пациентов с другими соматическими нарушениями, составлял в выборке лишь 36,1 % для ССЗ [16]. Существуют данные, в которых вообще не выявлено различий в выраженности типа А и гнева (как состояния и как личностной черте) у пациентов с ИМ, ишемической болезнью сердца и «здоровой» контрольной группой [17]. Можно сказать, что тип А распадается, теряя свои существенные диагностические черты.

Вероятно, было бы несправедливо считать тип А лишь смелым обобщением, которое впоследствии не выдержало эмпирических проверок. Те факты, что тип А имел серьезные эмпирические подтверждения на начальном этапе своего создания [14], но считался распавшимся к началу 2000-х гг. [18], могут объясняться и тем, что он был достоверным отражением тревог и опасностей своего времени. Трудности в адаптации к ускоряющемуся темпу жизни конца 1970-х гг. и вызванные ими спешка и стресс (отличительные черты типа А), вероятно, претерпели существенные изменения в современном мире смартфонов и Интернета. Современные средства связи и облачные хранилища данных позволяют работать в режиме Онлайн, возвращая пользователю контроль, снимая тревогу неопределенности и порождая новые, специфические для современного мира расстройства. Что касается других черт типа А, на первый план выходят характеристики одного порядка: враждебность, агрессия, отсутствие контроля над гневом.

Другой попыткой описать психологически уязвимую перед ССЗ категорию пациентов является *тип D* Дж. Денолетта, обнаруживающий несколько иной набор характеристик. Тип D, от слова *дистресс*, включает страх отвержения, постоянное переживание негативных

эмоций и чувств, стремление их скрыть, агрессию, порожденную неумением разделить свои эмоции с другими людьми иным образом [19]. Распространенность типа D среди выборки без ССЗ составляет около 20 %, а среди пациентов с ССЗ – около 53 % [20]. Как отмечается Е. А. Дубининой, точность подобных оценок может осложняться тем, что экстремальная ситуация болезни и пережитый стресс усугубляют, если не опосредуют обнаруживаемый у пациентов комплекс неблагоприятных эмоционально-личностных характеристик [21].

Среди психологических характеристик у пациентов с хронической сердечной недостаточностью и коморбидными заболеваниями отмечается сочетание сенситивного, паранойяльного, неврастенического типов отношения к болезни, отмечаются высокие показатели по шкале акцентуации Дистимность [5], такие данные в совокупности соответствуют эмоциональному фону типа D с его чувствительностью, страхом отвержения и вспышками раздражения.

Несмотря на то, что в настоящее время присущее типу D сочетание негативной аффективности и социальной ингибции считается одним из значимых факторов этиологии и патогенеза ССЗ [22], а диагностика типа D входит в рекомендации Европейского общества кардиологов [23], существуют исследования, не подтверждающие актуальность типа D в развитии и течении ССЗ. Так, А. Н. Сумин и соавторы не обнаружили ожидаемых отличий в уровне провоспалительных биомаркеров при ишемической болезни сердца для пациентов с типом D, этот результат объясняется воздействием большого числа других факторов, не учтенных в данном исследовании. Следует отметить, что авторы видят причину связанных с типом D неблагоприятных исходов в первую очередь в факторах, связанных с поведением [24]. По другим данным, тип D как независимый фактор для относительно крупной выборки (946 перенесших ИМ респондентов) оказался не связан с рецидивом ИМ и смертностью при остром ИМ [25]. Подобные исследования показывают, что тип D, служащий обобщению психолого-поведенческих особенностей пациентов из группы риска, не всегда выполняет свою задачу и, по-видимому, не охватывает всех значимых факторов, в том числе поведенческих, в генезе ИМ.

Современные исследования психологических факторов риска инфаркта миокарда

В метафоре «идеального шторма» (*Perfect Storm*), предложенной А. Арбаб-Заде и др., подчеркивается, что в основе острых коронарных событий, таких как ИМ, лежит совокупность множества взаимодействующих факторов, включающих, вероятно, и компонент случайности, часто делающий событие непредсказуемым [26]. В данной модели внимание психологическим факторам не уделяется совершенно обоснованно, поскольку внимание автора сосредоточено на сравнительно малом моменте времени, в течение которого происходит отрыв тромба, который либо приводит, либо не приводит к острому коронарному событию. В свою

очередь, исследования, направленные на профилактику проблемы ССЗ в более широком временном периоде, затрагивают психологические факторы риска.

Высокий процент смертности от ИМ делает переживание данного заболевания экстремальным событием в жизни пациента, поэтому объяснимо, что высокий уровень тревожности диагностируется у пациентов с ИМ достаточно часто. Большой вклад вносит ситуативная тревожность, связанная с болевым синдромом, непосредственно вызванным острым коронарным событием – причиной госпитализации [27]. Исследования тревожности у пациентов женского и мужского пола, перенесших ИМ, предлагают следующие результаты: личностная тревожность выше (и с большей вероятностью провоцирует ИМ) у женщин, чем у мужчин [3]; положительные ассоциации женского пола с ситуативной и личностной тревожностью, мужского пола – с потреблением алкоголя [7]; умеренный и высокий уровень тревоги среди пациентов как мужского, так и женского пола [8]. Можно предположить, что выявляемый в некоторых исследованиях не столь высокий уровень тревожности у мужчин при наличии высокого потребления алкоголя свидетельствует о скрываемой тревоге и неадаптивном копинг-поведении. Поскольку копинг-поведение пациентов с ИМ может как осложнять, так и способствовать реабилитации, представляется перспективным его изучение для снижения уровня тревоги. Применение психологической коррекции способствует улучшению соматического состояния, что показывает тесную связь психологических характеристик и соматического состояния [8].

Представляют интерес исследования тревожности в связи с возрастом пациента. Существуют данные о том, что лица с дебютом ишемической болезни сердца в виде ИМ показывают положительную корреляцию личностной тревоги по шкале Спилберга с возрастом дебюта ИМ. Это означает, что пациенты с ишемической болезнью сердца и более высоким уровнем личностной тревоги в среднем на 4 года позже переносят ИМ впервые [27]. Эти данные противоречат полученным ранее [6]. Авторы связывают такой результат с несовершенством методического аппарата для определения тревоги, напоминая, что разные опросники выявляют тревогу, основанную на различных нейроанатомических механизмах. Возможно, на результат оказывает влияние поведенческий фактор. Так, люди с высокими показателями личностной тревожности ведут менее здоровый образ жизни, однако, чувствуя себя плохо, склонны прекращать работу и обращаться к врачу; им труднее расслабиться после трудового дня, но они стремятся снизить нагрузку на работе: не берут дополнительную работу и менее ответственно относятся к существующей [6].

Говоря о «вкладе» тревожности в механизм развития ИМ, И. К. Граждан и соавторы предполагают следующую динамику. Крайнее увеличение уровня тревоги усиливает эмоциональные реакции (нейротизм), что определяет худшую переносимость стрессовых ситуаций в дальнейшем

и участвует в формировании депрессивной симптоматики. В совокупности эти изменения снижают мотивацию пациента на лечение, способствуют приобретению пагубных привычек и формированию нездорового образа жизни [27]. В этом понимании личностная тревожность связана с ИМ в той мере, в какой сопровождается депрессивностью и оказывает негативное влияние на поведение. Другой взгляд на вклад тревожности формулируют К. Г. Кожокар и соавторы, предлагая рассматривать тревогу в сочетании с инверсией эмоционального отражения в качестве фактора риска развития ИМ [7]. Инверсия эмоционального отражения – проявление действий и чувств, противоположных сообразным ситуации [28]. С точки зрения В. П. Леутина, высокий уровень этого показателя характерен для нервно-психических заболеваний (невроза). Инверсия эмоционального отражения корреляционно связана с мужским полом, низким уровнем социальной интеграции и социальной поддержки. Низкий уровень показателей социальной поддержки и алекситимия у данной категории пациентов коррелируют с развитием ИМ [11].

В качестве психологического предиктора ИМ тревожность изучена достаточно широко. Однако имеются разночтения во взглядах на влияние тревожности на механизм развития ИМ: вызывает ли тревожность депрессию, а с ней и негативные поведенческие изменения, или связана с симптомами нервно-психических расстройств и социальной дезадаптацией. Кроме того, существуют противоречия в эмпирических данных: личностная тревожность усиливает развитие ИМ, или наоборот, позволяет его отсрочить. Следовательно, существует необходимость дополнительных исследований в данных направлениях.

В отличие от тревожности, враждебность у пациентов с ИМ изучается отечественными исследователями редко, при этом обширный обзор зарубежных исследований позволяет А. А. Шмиловичу и Е. О. Таратухину трактовать враждебность как универсальный прогностический неблагоприятный фактор ССЗ, в том числе ИМ [10].

Вклад депрессивности в развитие ИМ показан в лонгитюдном исследовании, проведенном исследовательским коллективом под руководством В. В. Гафарова. Были подтверждены данные, полученные зарубежными исследователями: наличие депрессивной симптоматики у лиц, не имеющих сердечно-сосудистой патологии в анамнезе, увеличивает риск развития ИМ в 2,5 раза для женщин, в 2 раза – для мужчин (риск инсульта представлен в обратной пропорции: у мужчин – в 5,8 раз чаще, у женщин – в 4,6 раз) [3].

Заключение

В целом психологические корреляты ИМ изучаются в сочетании разных социально-психологических категорий. В исследованиях психологических характеристик представлены тревожность и враждебность, личностные стили совладания, психические состояния (стресс, депрессия, психические нарушения), инвертированность эмоциональной

сферы, алекситимия, социальные характеристики (низкий уровень социальной поддержки и социальной интеграции).

Диагностические возможности типа А утратили актуальность, поскольку данный тип лишился некоторых характерных черт: спешки и переживания стресса. При этом роль характерной для типа А враждебности мало изучена на отечественной выборке. Тип D, служащий обобщению психолого-поведенческих особенностей пациентов из группы риска, не всегда выполняет свою задачу и, вероятно, не охватывает всех значимых факторов, в том числе поведенческих, в генезе ИМ. Это предположение имеет ряд следствий.

Во-первых, можно предположить, что тип D повышает риски не сам по себе, а в совокупности с другими факторами, которые требуется выявить в дальнейшем. Задача учета многообразия сопутствующих факторов и обстоятельств предъявляет повышенные требования к дизайну исследований и привносит дополнительные трудности в их проведение, поскольку перенесшие ИМ пациенты ослаблены, характеризуются быстрой истощаемостью. Наиболее щадящими в этом отношении представляются лонгитюдные исследования на изначально здоровых людях, которые позволили бы на первом этапе отсеять ряд несущественных переменных, а также подробные мета-анализы эмпирических работ для типа D. Во-вторых, неспособность типа D в некоторых случаях предсказывать риски для пациента показывает, что роль данного типа

в негативных сценариях не столь высока, как казалось ранее, а значит, в профилактике и лечении ИМ связываемые с ним угрозы могут быть преодолимы. Это поднимает вопрос о роли психологических вмешательств в области снижения тревожности, формирования адекватного типа реагирования на болезнь и соблюдения здорового образа жизни, иными словами, повышения комплаентности пациента.

Тревожность как фактор риска ИМ изучается достаточно широко, но по поводу ее «вклада» в механизм данного заболевания имеются разногласия: следует ли рассматривать тревожность как опасный фактор в той мере, в какой она вызывает стресс и депрессию, или она связана с симптомами нервно-психических расстройств и социальной дезадаптации. Взвешенный ответ на эти вопросы может положить начало новой типологии для диагностики уязвимых групп пациентов. Кроме того, для прогнозирования психологических рисков в течении ССЗ требуется определить, в каких случаях и в сочетании с какими факторами личностная тревожность способна ускорить или замедлить наступление ИМ.

Дальнейшие исследования психологических характеристик у пациентов с ИМ на разных этапах заболевания (люди с риском инфаркта, после инфаркта и в период реабилитации) представляются перспективными. Их результаты позволят определить устойчивые мишени психокоррекции личности для профилактики ССЗ.

Литература

1. Самородская И. В., Барбараш О. Л., Кашталап В. В., Старинская М. А. Анализ показателей смертности от инфаркта миокарда в Российской Федерации в 2006 и 2015 годах // Российский кардиологический журнал. 2017. Т. 22. № 11. С. 22–26. DOI: 10.15829/1560-4071-2017-11-22-26
2. Курушина О. В., Барулин А. Е., Друшлякова А. А. Изменения психоэмоционального статуса и сердечно-сосудистые заболевания: что первично? // Русский медицинский журнал. 2018. Т. 26. № 11-1. С. 32–34.
3. Гафаров В. В., Гагулин И. В., Громова Е. А., Панов Д. О., Гафарова А. В., Есипенко О. В. Риск сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин и женщин и личностная тревожность (программа ВОЗ «Mopica-Psychosocial») // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4. С. 260–262.
4. Таратухин Е. О., Гордеев И. Г., Лебедева А. Ю. Психосоматический порочный круг инфаркта миокарда // Российский кардиологический журнал. 2018. Т. 23. № 1. С. 83–88. DOI: 1560-4071-2018-1-83-88
5. Ефремова Е. В., Сабитов И. А. Коморбидность и клинично-психологическое функционирование больных хронической сердечной недостаточностью // Журнал сердечная недостаточность. 2015. Т. 16. № 2. С. 111–117. DOI: 10.18087/rhfj.2015.2.2049
6. Гафаров В. В., Панов Д. О., Громова Е. А., Гагулин И. В., Гафарова А. В. Связь личностной тревожности с информированностью о своем здоровье и ее влияние на 16-летний риск развития острых сердечно-сосудистых заболеваний в открытой популяции среди женщин 25–64 лет // Российский кардиологический журнал. 2014. Т. 19. № 8. С. 63–67. DOI 10.15829/1560-4071-2014-8-63-67
7. Кожокар К. Г., Урванцева И. А., Николаев К. Ю. Анализ психосоциальных характеристик пациентов с острым коронарным синдромом, проживающих в условиях севера // Сибирское медицинское обозрение. 2017. № 6. С. 110–115. DOI: 10.20333/2500136-2017-6-110-115
8. Немых А. С., Смирнова Н. Н., Шульга А. С. Особенности психологической коррекции тревожно-депрессивных расстройств у пациентов, перенесших острый инфаркт миокарда // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 10. С. 23–25.
9. Женчевская Ю. В., Шаробаро В. И. Социально-психологические особенности больных, предшествующие развитию инфаркта миокарда // Вестник новых медицинских технологий. 2008. Т. 15. № 4. С. 196–199.

10. Шмилович А. А., Таратухин Е. О. Враждебность, тревожность и жизненное истощение в патогенезе инфаркта миокарда // Российский кардиологический журнал. 2017. Т. 22. № 6. С. 173–177. DOI: 10.15829/1560-4071-2017-6-173-177
11. Кожокарь К. Г., Урванцева И. А., Николаев К. Ю. Ассоциации инверсии эмоционального отражения с клиническими характеристиками острого коронарного синдрома у лиц, проживающих в условиях Севера // Кардиологический вестник. 2017. Т. 12. № 1. С. 38–45.
12. Провоторов В. М., Кравченко А. Я., Прасолова В. Е. Взаимосвязь психологических особенностей и качества жизни больных инфарктом миокарда // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2003. № 14. С. 26–29.
13. Юсупходжаев Р. В., Ефремушкин Г. Г. Влияние психотерапии на психологические особенности больных инфарктом миокарда на санаторном этапе реабилитации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2008. Т. 7. № 3. С. 74–78.
14. Rosenman R. H., Brand R. J., Sholtz R. I., Friedman M. Multivariate prediction of coronary heart disease during 8,5 year follow-up in the western collaborative group study // The American Journal of Cardiology. 1976. Vol. 37. № 6. P. 903–910. DOI: 10.1016/0002-9149(76)90117-X
15. Киселева М. Г. Психологические факторы и течение сердечно-сосудистых заболеваний // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 124–130.
16. Sirri L., Fava G. A., Guidi J., Porcelli P., Rafanelli C., Bellomo A., Grandi S., Grassi L., Pasquini P., Picardi A., Quartesan R., Rigatelli M., Sonino N. Type A behaviour: a reappraisal of its characteristics in cardiovascular disease // International Journal of Clinical Practice. 2012. Vol. 66. № 9. P. 854–861. DOI: 10.1111/j.1742-1241.2012.02993.x
17. Nero D., Agewall S., Daniel M., Caidahl K., Collste O., Ekenbäck C., Frick M., Henareh L., Jernberg T., Malmqvist K., Schenck-Gustafsson K., Spaak J., Sörensson P., Sundin Ö., Y-Hassan S., Hofman-Bang C., Tornvall P. Personality traits in patients with myocardial infarction with nonobstructive coronary arteries // The American Journal of Medicine. 2019. Vol. 132. № 3. P. 374–381. DOI: 10.1016/j.amjmed.2018.11.010
18. Smith T. W. Coronary-prone Behavior, Type A // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / eds. N. J. Smelser, P. B. Bates. Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 2783–2788. DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/03800-6>
19. Denollet J. Type D personality: A potential risk factor refined // Journal of Psychosomatic Research. 2000. Vol. 49. № 4. P. 255–266. DOI: 10.1016/S0022-3999(00)00177-X
20. Горшков-Кантакузен В. А., Григорьев А. А. Распространенность личностного типа Д среди студентов высших учебных заведений // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2017. № 4. С. 96–99.
21. Дубинина Е. А. Психологические аспекты реабилитации пациентов, перенесших инфаркт миокарда // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 2. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-12030
22. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И., Остроумова О. Д. Теории личностных черт и эссенциальная артериальная гипертензия: история и современность // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2018. Т. 10. № 1. С. 4–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2018-1-4-11>
23. Погосова Н. В., Saner H., Pedersen S. S., Cupples M. E., Mc Gee H., Hofer S., Doyle F., Schmid J.-P., Von Kanel R. Психосоциальные аспекты в кардиологической реабилитации: от теории к практике. Консенсусный документ секции по кардиологической реабилитации Европейской ассоциации по кардиоваскулярной профилактике и реабилитации Европейского общества кардиологов // Кардиология. 2015. Т. 55. № 10. С. 96–108. DOI: 10.18565/cardio.2015.10.96-108
24. Сумин А. Н., Осокина А. В., Федорова Н. В., Райх О. И., Хрячкова О. Н., Барбараш О. Л. Тип личности Д и уровень маркеров субклинического воспаления у больных ИБС // Российский кардиологический журнал. 2016. Т. 21. № 2. С. 65–70. DOI: 10.15829/1560-4071-2016-2-65-70
25. Conden E., Rosenblad A., Wagner P., Leppert J., Ekselius L., Aslund C. Is type D personality an independent risk factor for recurrent myocardial infarction or all-cause mortality in post-acute myocardial infarction patients? // European Journal of Preventive Cardiology. 2017. Vol. 24. № 5. P. 522–533. DOI: 10.1177/2047487316687427
26. Arbab-Zadeh A., Nakano M., Virmani R., Fuster V. Acute coronary events // Circulation. 2012. Vol. 6. № 125. P. 1147–1156. DOI: 10.1161/CIRCULATIONAHA.111.047431
27. Граждан И. К., Копылов Ф. Ю., Барский В. И., Кириллов А. В., Аксенова М. Г. Связь личностной тревоги с дебютом инфаркта миокарда и стенокардии напряжения // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. 2015. Т. 8. № 6. С. 31–38. DOI: 10.17116/kardio20158631-38
28. Леутин В. П. Функциональная асимметрия мозга и адаптация // Функциональная межполушарная асимметрия / под ред. Н. Н. Боголепова, В. Ф. Фокина. М.: Научный мир, 2004. С. 681–721.

Psychological Factors of Myocardial Infarction: Prospects for Clinical and Psychological Research

Ruslan V. Kadyrov^{a, ID1}; Anastasiya S. Elzesser^{a, @, ID2}; Natalia S. Bartkovskaia^a

^a Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

@ der_falter@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Received 01.04.2020. Accepted 24.04.2020.

Abstract: This article is a review of empirical studies on the topic of psychological characteristics that contribute to the incidence of myocardial infarction. Such studies are fragmented and deal mostly with the following categories: mental states, patient's mental processes, symptoms of mental disorders, behavioral strategies, social factors, etc. The research objective was to analyze the results of empirical studies on the myocardial patients' psychological characteristics. The authors identified difficulties and contradictions in the studies. Diagnostic capabilities of type A proved no longer relevant. An analysis of the contradictions in type D studies suggested that longitudinal studies based on a initially healthy people would prove most effective for further research, as well as detailed meta-analyses of empirical publications. The role of hostility in the genesis of myocardial infarction proved understudied by domestic scientists. As for anxiety in patients with myocardial infarction, it received enough scientific attention; however, researches do not agree about role in the development of myocardial infarction. To reduce psychological risks during cardiovascular diseases, it is necessary to determine what conditions and factors accelerate or inhibit the onset of myocardial infarction when combined with personal anxiety. The authors propose to use the following samples: 1) patients with a risk of a heart attack; 2) patients after a heart attack; 3) patients past rehabilitation period. The findings indicate promising areas for future research for the prevention of myocardial infarction.

Keywords: psychological predictors, risk factors, type A, type D, anxiety

For citation: Kadyrov R. V., Elzesser A. S., Bartkovskaia N. S. Psychological Factors of Myocardial Infarction: Prospects for Clinical and Psychological Research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 437–443. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-437-443>

References

1. Samorodskaya I. V., Barbarash O. L., Kashtalap V. V., Starinskaya M. A. Mortality from myocardial infarction in Russia in the years 2006 and 2015. *Russian Journal of Cardiology*, 2017, 22(11): 22–26. (In Russ.) DOI: 10.15829/1560-4071-2017-11-22-26
2. Kurushina O. V., Barulin A. E., Drushlyakova A. A. Changes in psychoemotional status and cardiovascular diseases: what is primary? *Russian medical journal*, 2018, 26(11-1): 32–34. (In Russ.)
3. Gafarov V. V., Gagulin I. V., Gromova E. A., Panov D. O., Gafarova A. V., Esipenko O. V. The risk of heart disease in men and women and personal anxiety (program WHO "MONICA-psychosocial"). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2015, (4): 260–262. (In Russ.)
4. Taratukhin E. O., Gordeev I. G., Lebedeva A. Yu. A psychosomatic vicious circle of myocardial infarction. *Russian Journal of Cardiology*, 2018, 23(1): 83–88. (In Russ.) DOI: 1560-4071-2018-1-83-88
5. Efremova E. V., Sabitov I. A. Comorbidity and clinico-psychological functioning of patients with chronic heart failure. *Russian Heart Failure Journal*, 2015, 16(2): 111–117. (In Russ.) DOI: 10.18087/rhfj.2015.2.2049
6. Gafarov V. V., Panov D. O., Gromova E. A., Gagulin I. V., Gafarova A. V. The relation of personal anxiousness and self-awareness about the health condition, and its influence on 16-year risk of acute cardiovascular diseases development in women 25–64 years old. *Russian Journal of Cardiology*, 2014, 19(8): 63–67. (In Russ.) DOI 10.15829/1560-4071-2014-8-63-67
7. Kozhokar K. G., Urvantseva I. A., Nikolaev K. Yu. Analysis of psychosocial characteristics of patients with acute coronary syndrome, living in the conditions of the North. *Siberian Medical Review*, 2017, (6): 110–115. (In Russ.) DOI: 10.20333/2500136-2017-6-110-115
8. Nemykh L. S., Smirnova N. N., Shulga A. S. Peculiarities of psychological correction of anxiety-depressive disorders in patients after acute myocardial infarction. *Tsentralnyi nauchnyi vestnik*, 2017, 2(10): 23–25. (In Russ.)
9. Zhenchevskaya Yu. V., Sharobaro V. I. The social-psychological features in patients previous myocardial infarction. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy*, 2008, 15(4): 196–199. (In Russ.)

10. Shmilovich A. A., Taratukhin E. O. Hostility, anxiety and vital exhaustion in myocardial infarction pathogenesis. *Russian Journal of Cardiology*, 2017, 22(6): 173–177. (In Russ.) DOI: 10.15829/1560-4071-2017-6-173-177
11. Kozhokar K. G., Urvantseva I. A., Nikolaev K. Yu. Associations of inversions of emotional reflection with the clinical characteristics of acute coronary syndrome in people living in the North. *Kardiologicheskij vestnik*, 2017, 12(1): 38–45. (In Russ.)
12. Provotorov V. M., Kravchenko A. Ya., Prasolova V. E. Relationship between mental features and life quality in patients with cardiac infarction. *Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem region*, 2003, (14): 26–29. (In Russ.)
13. Yusupkhodzhaev R. V., Efremushkin G. G. Psychotherapy effects on psychological traits of myocardial infarction patients undergoing sanatorium rehabilitation. *Cardiovascular Therapy and Prevention*, 2008, 7(3): 74–78. (In Russ.)
14. Rosenman R. H., Brand R. J., Sholtz R. I., Friedman M. Multivariate prediction of coronary heart disease during 8,5 year follow-up in the Western Collaborative Group Study. *The American Journal of Cardiology*, 1976, 37(6): 903–910. DOI: 10.1016/0002-9149(76)90117-X
15. Kiseleva M. G. Psychological factors and the course of cardiovascular diseases. *National Psychological Journal*, 2012, (1): 124–130. (In Russ.)
16. Sirri L., Fava G. A., Guidi J., Porcelli P., Rafanelli C., Bellomo A., Grandi S., Grassi L., Pasquini P., Picardi A., Quartesan R., Rigatelli M., Sonino N. Type A behaviour: a reappraisal of its characteristics in cardiovascular disease. *International Journal of Clinical Practice*, 2012, 66(9): 854–861. DOI: 10.1111/j.1742-1241.2012.02993.x
17. Nero D., Agewall S., Daniel M., Caidahl K., Collste O., Ekenbäck C., Frick M., Henareh L., Jernberg T., Malmqvist K., Schenck-Gustafsson K., Spaak J., Sörensson P., Sundin Ö., Y-Hassan S., Hofman-Bang C., Tornvall P. Personality traits in patients with myocardial infarction with nonobstructive coronary arteries. *The American Journal of Medicine*, 2019, 132(3): 374–381. DOI: 10.1016/j.amjmed.2018.11.010
18. Smith T. W. Coronary-prone Behavior, Type A. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, eds. Smelser N. J., Batles P. B. Amsterdam: Elsevier, 2001, 2783–2788. DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/03800-6>
19. Denollet J. Type D personality: A potential risk factor refined. *Journal of Psychosomatic Research*, 2000, 49(4): 255–266. DOI: 10.1016/S0022-3999(00)00177-X
20. Gorshkov-Cantacuzene V. A., Grigorev A. A. Prevalence of type D personality among undergraduate students. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2017, (4): 96–99. (In Russ.)
21. Dubinina E. A. Psychological aspects of rehabilitation of patients with myocardial infarction. *Med. psiol. Ross.*, 2018, 10(2). (In Russ.) DOI: 10.24411/2219-8245-2018-12030
22. Zinchenko Yu. P., Pervichko E. I., Ostroumova O. D. Theories of personality traits and essential arterial hypertension: history and modern times. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2018, 10(1): 4–11. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2018-1-4-11>
23. Pogossova N. V., Saner H., Pedersen S. S., Cupples M. E., Mc Gee H., Hofer S., Doyle F., Schmid J.-P., Von Kanel R. Psychosocial aspects in cardiac rehabilitation: from theory to practice. A position paper from the Cardiac Rehabilitation Section of the European Association of Cardiovascular Prevention and Rehabilitation of the European Society of Cardiology. *Kardiologiya*, 2015, 55(10): 96–108. (In Russ.) DOI: 10.18565/cardio.2015.10.96-108
24. Sumin A. N., Osokina A. V., Fedorova N. V., Raikh O. I., Khryachkova O. N., Barbarash O. L. Personality type D and the level of subclinical inflammation markers in CHD patients. *Russian Journal of Cardiology*, 2016, 21(2): 65–70. (In Russ.) DOI: 10.15829/1560-4071-2016-2-65-70
25. Conden E., Rosenblad A., Wagner P., Leppert J., Ekselius L., Aslund C. Is type D personality an independent risk factor for recurrent myocardial infarction or all-cause mortality in post-acute myocardial infarction patients? *European Journal of Preventive Cardiology*, 2017, 24(5): 522–533. DOI: 10.1177/2047487316687427
26. Arbab-Zadeh A., Nakano M., Virmani R., Fuster V. Acute coronary events. *Circulation*, 2012, 125(12): 1147–1156. DOI: 10.1161/CIRCULATIONAHA.111.047431
27. Grazhdan I. K., Kopylov F. Yu., Barsky V. I., Kirillov A. V., Aksyonova M. G. Correlation of personal anxiety with myocardial infarction and angina debut. *Kardiologiya i serdechno-sosudistaya khirurgiya*, 2015, 8(6): 31–38. (In Russ.) DOI: 10.17116/kardio20158631-38
28. Leutin V. P. Functional asymmetry of the brain and adaptation. *Functional interhemisphere asymmetry*, eds. Bogolepov N. N., Fokin B. F. Moscow: Nauchnyi mir, 2004, 681–721. (In Russ.)

Комплексный психофизиологический подход к оценке адаптивных возможностей обучающихся подросткового возраста с различными типами вегетативной регуляции

Эдуард М. Казин^{a, ID1}; Лидия А. Варич^{a, @, ID2}; Ольга Л. Тарасова^{b, ID3}; Ольга Н. Четверик^c; Наталья Н. Кошко^{c, ID4}; Людмила В. Арлашева^d; Нина В. Немолочная^{a, ID5}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^b Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, г. Кемерово

^c Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, г. Кемерово

^d Старопестерёвская средняя школа, Россия, с. Старопестерёво

@ varich2002@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-1462-5282>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-7992-645X>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-2225-7918>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

Поступила в редакцию 17.02.2020. Принята к печати 28.04.2020.

Аннотация: С целью выявления взаимосвязи психосоциальной и физиологической адаптации подростков проанализированы типологические особенности психовегетативного, нейрофизиологического и эндокринного статусов 214 школьников обоего пола в возрасте 14–16 лет. Тип вегетативной регуляции определяли по данным кардиоритмографии. У подростков с симпатикотонией, ваготонией и эйтонией сравнивали показатели нейродинамики, эмоционального состояния, социально-психологической адаптации, а также содержание кортизола и тестостерона в слюне. Межсистемные взаимосвязи оценивали путем корреляционного анализа, на основании которого было установлено, что у подростков с преобладанием симпатических влияний отмечалась наибольшая степень сопряженности социально-психологических и вегетативных компонентов функциональной системы: по мере увеличения тревожности и проявлений социально-психологической дезадаптации усиливаются эрготропные влияния на сердечный ритм. У ваготоников было выявлено значительно меньшее общее количество корреляций, при этом проявлялась отчетливая взаимосвязь повышения уровня тревожности и усиления выраженности парасимпатических влияний. Подростки с эйтонией характеризовались меньшим количеством связей между показателями психологического, нейродинамического и вегетативного уровней по сравнению с представителями других типов вегетативной регуляции. На основании комплексной оценки полученных результатов у подростков были выделены типы адаптивных стратегий: трофотропный гипореактивный, характерный для ваготоников, особенно мальчиков с относительно высоким уровнем секреции стероидных гормонов; эрготропный гиперреактивный у симпатотоников, особенно у мальчиков с низким уровнем анаболических и катаболических стероидов и у девочек с относительно высоким содержанием тестостерона; сбалансированный, выявляемый у подростков с эйтонией. Полученные данные могут использоваться при создании педагогических условий для совершенствования адаптационных возможностей школьников, формирования и эффективной реализации индивидуального стиля деятельности и успешного обучения в подростковом периоде онтогенеза.

Ключевые слова: учебная деятельность, социально-психологическая адаптация, нейродинамические показатели, тревожность, кортизол, тестостерон, адаптивные стратегии, стили деятельности

Для цитирования: Казин Э. М., Варич Л. А., Тарасова О. Л., Четверик О. Н., Кошко Н. Н., Арлашева Л. В., Немолочная Н. В. Комплексный психофизиологический подход к оценке адаптивных возможностей обучающихся подросткового возраста с различными типами вегетативной регуляции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 444–454. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-444-454>

Введение

Подростковый возраст является одним из ключевых сенситивных периодов онтогенеза и личностного роста: с одной стороны, в этот период изменяется отношение ребенка

к самому себе и к окружающему миру, а с другой – формируются активные нейрогуморальные перестройки, сопровождающие биологическое созревание организма. При этом процесс самосознания и самоопределения формируется

на фоне все возрастающих учебных нагрузок и требований образовательной системы. Качественные изменения в процессе индивидуального развития сопровождаются напряжением адаптационных механизмов, что проявляется в повышенной уязвимости организма подростка. Нейроэндокринные перестройки, характерные для пубертатного периода онтогенеза, становятся стрессогенными факторами, обуславливающими специфические возрастные нейрофизиологические и психические реакции, и в сочетании с неблагоприятными средовыми воздействиями могут негативно влиять на показатели развития, адаптации и здоровья вплоть до возникновения психосоматических и психических расстройств [1–3].

Адаптивные процессы обеспечивает многоуровневая функциональная система, которая формируется во взаимодействии и взаимовлиянии психических, вегетативных и нейроэндокринных регуляторных механизмов. Общеизвестно, что адаптация, в том числе и к факторам образовательной среды, происходит за счет системных неспецифических и специфических механизмов – регулирующих деятельности центральной нервной системы (ЦНС) с широким вовлечением гуморальных факторов регуляции, выраженной вегетативной активацией и мобилизацией функциональных резервов организма [4]. Решение вопросов о причинах возникновения хронического психоэмоционального стресса обучающихся, анализ поведенческих и физиологических реакций, формирующихся у подростков в условиях обучения, требует учета их типологических особенностей, которые могут значительно модифицировать воздействия социально-педагогической среды [5; 6]. В качестве базового компонента функциональной системы психофизиологической адаптации рассматривают вегетативную нервную систему (ВНС), которая выполняет задачу поддержания оптимального уровня функционирования организма, адекватного текущей деятельности. Типологические особенности вегетативной регуляции, обусловленные балансом симпатического и парасимпатического отделов ВНС, являются устойчивой индивидуальной характеристикой, связанной с особенностями психоэмоциональной и когнитивной сферы, типом поведения в стрессовой ситуации, оказывающей влияние на формирование индивидуального стиля деятельности, эффективность и характер физиологических и психических процессов саморегуляции и в целом – на адаптационные возможности организма (в том числе и в отношении социальной адаптации) [7–9].

В целях выявления взаимосвязи психосоциальной и физиологической адаптации школьников нами проведено изучение особенностей психовегетативного, нейрофизиологического и эндокринного статуса старших подростков с учетом типа вегетативной регуляции.

Методы и материалы

Исследование основывалось на анализе совокупности показателей вегетативного, нейроэндокринного статуса, личностных и социальных качеств школьников старшего

подросткового возраста (14–16 лет) обоего пола, обучающихся в образовательных организациях Кемеровской области. Общее количество обследованных подростков составило 214 человек.

Характер вегетативной регуляции определяли на основе математического анализа вариабельности сердечного ритма (ВСР) с помощью автоматизированной кардиоритмографической программы. Для оценки выраженности вагусных и симпатических влияний на сердечный ритм анализировали отдельные кардиоритмографические показатели в покое (r) и при ортопробе (t): мода (M_o , с) – наиболее часто встречающиеся значения кардиоинтервалов; амплитуда моды (AM_o , %) – выраженное в процентах число значений интервалов, соответствующих моде; вариационный размах ($MxDM_n$, с) – разность между величиной наибольшего и наименьшего кардиоинтервалов; среднее квадратическое отклонение ($SDNN$, мс); среднеквадратичное различие между длительностью соседних R-R интервалов ($RMSSD$, мс); индекс напряжения регуляторных систем (ИН, усл. ед.) и др. [10; 11].

Для исследования нейродинамических показателей подростков были использованы методики, позволяющие оценить латентный период простой зрительно-моторной реакции (ЛП ПЗМР, мс), уровень функциональной подвижности нервных процессов (УФП НП, с), работоспособность головного мозга (РГМ, количество сигналов), уравновешенность нервных процессов по реакции на движущийся объект (РДО, среднее отклонение, мс) [12].

С помощью теста Тулуз-Пьерона исследовались скорость и точность при выполнении корректурной пробы [13]. Уровень тревожности оценивался по методике А. М. Прихожан [14]. Особенности стресс-совладающего поведения подростков определялись с помощью опросника копинг-поведения в стрессовых ситуациях С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера в адаптации Т. А. Крюковой [15]. Диагностика состояний социально-психологической адаптации / дезадаптации, особенностей представления школьника о себе проводилась с помощью опросника К. Роджерса и Р. Даймонда в модификации А. К. Осницкого [16].

С целью оценки эндокринного статуса подростков определялись свободный кортизол и тестостерон в слюне с использованием метода конкурентного иммуноферментного анализа. Концентрация кортизола оценивалась в нг/мл, тестостерона – в нмоль/л. Референсные пределы набора, используемого для определения гормонов в слюне, составляли: кортизол – 0,9–11,5 нг/мл; тестостерон – 0,2–1,16 нмоль/л для мужского пола и 0,03–0,47 нмоль/л для женского пола [17; 18].

Статистическую обработку полученных данных проводили с помощью пакета прикладных программ Statistica 8. Для каждого изучаемого параметра вычислялись среднее значение (M), ошибка репрезентативности средней (m). Достоверность различий показателей в сравниваемых группах оценивалась по U-критерию Манна-Уитни. Вычислялись коэффициенты корреляции Спирмена [19].

Результаты и их обсуждение

Тип вегетативной регуляции (исходный вегетативный тонус), характеризующийся различными порогами чувствительности растущего организма к средовым воздействиям, отражает относительно стабильные конституциональные особенности, что позволяет использовать его для прогностической оценки функциональных возможностей организма, психофизиологической «стоимости» различных видов деятельности на различных этапах онтогенеза [20–22].

В обследуемой группе подростков было выявлено 41,5 % представителей с симпатикотоническим исходным вегетативным тонусом (симпатотоники). У 26,8 % обследуемых преобладала парасимпатическая активность в регуляции сердечного ритма (ваготоники), 31,7 % имели сбалансированный (эйтонический) тип вегетативной регуляции. Большое количество симпатотоников среди подростков отражает выраженное адаптационное напряжение, характерное для этого возрастного этапа.

Анализ средних значений нейродинамических показателей школьников с различными типами вегетативной регуляции позволил установить, что группа подростков-симпатотоников отличалась достаточно высокими значениями показателя РГМ и низким временем отклонений в тесте РДО, что характеризует высокую точность реагирования. У этой группы отмечалась наибольшая скорость работы при выполнении теста Тулуз-Пьерона. Эти особенности отражают высокую степень активации ЦНС при выполнении заданий. Группа обучающихся с ваготоническим типом регуляции характеризовалась низкими, в сравнении с другими группами, показателями УФП НП и РГМ, что может отражать сниженный уровень энергетического обеспечения психомоторной деятельности у подростков данной группы.

Но при этом у них наблюдалась наилучшая точность работы при выполнении теста Тулуз-Пьерона. Обучающиеся с эйтоническим типом регуляции по большинству изучаемых показателей занимали промежуточное положение, но, судя по показателю ЛП ПЗМР, отличались самой высокой скоростью зрительно-моторного реагирования (табл. 1).

Существенные различия по психомоторным показателям между представителями дифференцированных типов вегетативной регуляции отражают индивидуальные особенности, вовлекаемые в формирование определенного стиля деятельности, в частности учебной, который обеспечит наилучшее соответствие типологически обусловленной индивидуальности требованиям среды [23].

Диагностика тревожности подростков показала, что в формирование уровня общей тревожности наибольший «вклад» вносила тревожность, связанная с самооценкой, что в целом характерно для подросткового возраста [24]. Уровень общей тревожности у подростков с разными типами вегетативной регуляции существенно не различался, но у подростков с крайними типами вегетативной регуляции наблюдался более высокий уровень межличностного напряжения (табл. 2).

У подростков с разными типами вегетативной регуляции были выявлены некоторые особенности социально-психологической адаптации (табл. 3). Особенностью подростков-симпатотоников был высокий уровень неприятия себя при средних показателях социально-психологической адаптации и дезадаптации. У ваготоников при самом высоком показателе социально-психологической адаптации ведущую роль играли такие составляющие, как принятие себя, принятие других, интернальность (внутренний локус контроля); у эйтоников показатели

Табл. 1. Нейродинамические показатели у подростков с учетом исходного вегетативного тонуса ($M \pm m$)

Tab. 1. Neurodynamic indicators in adolescents, including the initial vegetative tone ($M \pm m$)

Показатель	Ваготоники (1)	Эйтоники (2)	Симпатотоники (3)	$p < 0,05$
ЛП ПЗМР, мс	424,7 $\pm$ 28,7	352,2 $\pm$ 19,4	360,6 $\pm$ 14,3	1–2; 1–3
УФП НП, с	79,45 $\pm$ 5,8	77,3 $\pm$ 2,5	75,2 $\pm$ 3,9	–
РГМ, количество сигналов	452,9 $\pm$ 23,8	465,1 $\pm$ 18,1	500,5 $\pm$ 14,8	1–3
РДО, среднее отклонение, мс	44,8 $\pm$ 4,7	54,3 $\pm$ 12,7	34,8 $\pm$ 3,1	1–3; 2–3
Тест Тулуз-Пьерона, количество знаков	45,5 $\pm$ 2,1	43,6 $\pm$ 1,7	47,4 $\pm$ 2,0	2–3
Тест Тулуз-Пьерона, коэффициент точности	0,97 $\pm$ 0,01	0,94 $\pm$ 0,01	0,95 $\pm$ 0,01	1–2

Табл. 2. Показатели тревожности подростков с учетом исходного вегетативного тонуса ($M \pm m$)

Tab. 2. Anxiety indicators of adolescents, including the initial vegetative tone ($M \pm m$)

Показатель	Ваготоники (1)	Эйтоники (2)	Симпатотоники (3)	$p < 0,05$
Общая тревожность	19,5 $\pm$ 2,8	22,8 $\pm$ 2,1	18,8 $\pm$ 2,9	–
Межличностное напряжение	4,8 $\pm$ 0,5	3,0 $\pm$ 0,7	4,3 $\pm$ 0,3	1–2; 2–3
Мотивация достижения, самооценка	8,9 $\pm$ 0,6	8,4 $\pm$ 0,9	8,4 $\pm$ 0,8	–
Общее беспокойство (страхи)	7,9 $\pm$ 0,6	7,6 $\pm$ 1,0	8,9 $\pm$ 0,8	–

Табл. 3. Показатели социально-психологической адаптации подростков с учетом исходного вегетативного тонуса ($M \pm m$)
 Tab. 3. Indicators of socio-psychological adaptation of adolescents, including the initial vegetative tone ($M \pm m$)

Параметр	Ваготоники (1)	Эйтоники (2)	Симпатотоники (3)	$p < 0,05$
Адаптация	148,9 $\pm$ 7,2	127,4 $\pm$ 5,0	137,1 $\pm$ 3,9	1–2; 2–3
Принятие себя	40,3 $\pm$ 2,1	35,4 $\pm$ 3,5	40,3 $\pm$ 3,0	–
Принятие других	28,3 $\pm$ 2,5	25,1 $\pm$ 1,8	25,2 $\pm$ 2,1	–
Внутренний локус контроля	54,9 $\pm$ 3,9	44,3 $\pm$ 1,8	48,7 $\pm$ 2,6	1–2; 2–3
Эмоциональный комфорт	19,6 $\pm$ 2,2	19,2 $\pm$ 1,8	19,5 $\pm$ 1,8	–
Доминирование (лидерство)	10,4 $\pm$ 1,5	6,5 $\pm$ 1,3	8,9 $\pm$ 0,9	1–2; 2–3
Дезадаптация	64,0 $\pm$ 9,6	83,7 $\pm$ 9,5	69,6 $\pm$ 9,7	2–1; 2–3
Непринятие себя	10,0 $\pm$ 2,9	14,7 $\pm$ 3,5	39,4 $\pm$ 16,9	1–3; 1–2; 2–3
Конфликт с другими	12,6 $\pm$ 2,1	15,1 $\pm$ 1,8	10,9 $\pm$ 1,4	2–3
Внешний локус контроля	14,7 $\pm$ 2,9	17,3 $\pm$ 2,2	13,1 $\pm$ 2,4	–
Эмоциональный дискомфорт	21,9 $\pm$ 3,9	27,1 $\pm$ 4,7	22,3 $\pm$ 4,7	–
Ведомость	12,9 $\pm$ 2,2	14,7 $\pm$ 1,9	13,6 $\pm$ 1,6	–

дезадаптации оказались выше, чем в группах с дифференцированным вегетативным статусом. Данный факт требует дальнейшей проверки и осмысления.

Баланс вегетативной регуляции как источник функциональных резервов связан с диапазоном и гибкостью адаптивных механизмов, что не может не сказываться на выборе стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях. Установлено, что в группе симпатотоников выявлялись различные стратегии стресс-совладающего поведения, хотя в основном они отдавали предпочтение копингу Разрешение проблем (62,5 %). Стратегии Избегание, Поиск социальной поддержки, а также неопределенность в выборе набрали по 12,5 % от числа ответов в данной группе. Все подростки-ваготоники выбирали стратегию Разрешение проблем. В группе эйтоников большинство выбирало активную стратегию поведения (60 %), 20 % предпочитали поведенческую стратегию Избегание, 10 % – Поиск социальной поддержки, в 10 % случаев подростки не дали определенного ответа.

В формировании индивидуальных паттернов вегетативного реагирования наряду с биологическими предпосылками существенное значение имеет характер и выраженность эмоциональных реакций, имеющих «вегетативный подтекст» [3; 7; 25–27]. Взаимосвязь и взаимозависимость эмоционально-мотивационной сферы, нейродинамических особенностей, отражающих, в частности, уровень активации ЦНС, и систем вегетативного регулирования обуславливают необходимость анализа соотношений этих функций с учетом психологических особенностей вегетативной регуляции.

Анализ корреляционных связей показал, что у подростков с преобладанием симпатических влияний отмечалась наибольшая степень сопряженности социально-психологических и вегетативных компонентов функциональной системы: по мере увеличения тревожности и проявлений социально-психологической дезадаптации усиливаются эрготропные влияния на сердечный ритм. Большое количество связей свидетельствует о выраженном напряжении в системе эмоционально-вегетативного регулирования, что

выражается в вовлечении социально-психологических компонентов адаптации. Показатели выполнения корректурной пробы были закономерно связаны с нейродинамическими характеристиками (рис. 1). Кроме уже обозначенных характеристик на рисунках отражены среднее значение кардиоинтервалов (M), индекс напряжения (SI), вариационный размах (X), частота сердечных сокращений ($PULS$).

У подростков-ваготоников было выявлено значительно меньшее общее количество корреляций, при этом проявлялась отчетливая взаимосвязь повышения уровня тревожности и усиления выраженности парасимпатических влияний, что отмечалось и ранее в проведенных нами исследованиях [22]. Показатели умственной работоспособности в отличие от предыдущей группы были связаны не только с нейродинамическими характеристиками, но и с психоэмоциональными факторами (рис. 2).

Корреляционная плеяда группы подростков с эйтонией характеризовалась меньшим количеством связей между показателями психологического, нейродинамического и вегетативного уровней по сравнению с подростками с симпатикотонией и ваготонией. Снижение количества связей можно рассматривать как уменьшение степени адаптационного напряжения и формирование относительно сбалансированной функциональной системы адаптации (рис. 3).

Исследование эндокринных компонентов адаптационных механизмов включало определение уровня саливарного кортизола как одного из важнейших маркеров функционального напряжения регуляторных систем [28]. Среднее значение концентрации кортизола у мальчиков с симпатикотонией оказалось достоверно ниже, чем у ваготоников и эйтоников ($1,29 \pm 0,19$ нг/мл, $2,53 \pm 0,23$ нг/мл и $2,24 \pm 0,25$ нг/мл соответственно, $p < 0,05$). Этот, казалось бы, противоречивый факт мы считаем возможным объяснить с позиций «закона исходного уровня»: при исходно высоком уровне напряжения у симпатотоников при адаптационных реакциях возможна парадоксальная реакция, проявляющаяся в снижении активности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы.

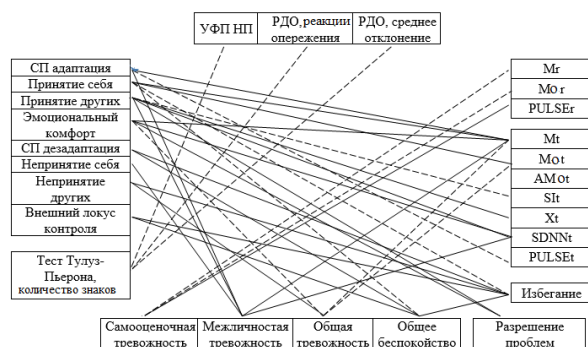


Рис. 1. Корреляционные связи между вегетативными, нейродинамическими и психологическими показателями у подростков-симпатотоников

Fig. 1. Correlation between vegetative, neurodynamic, and psychological indicators in adolescent sympathotronics

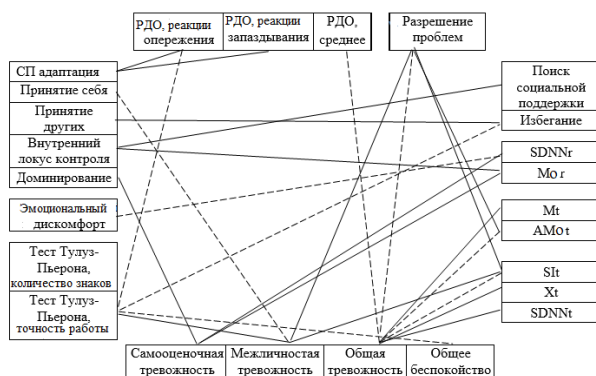


Рис. 2. Корреляционные связи между вегетативными, нейродинамическими и психологическими показателями у подростков-ваготоников

Fig. 2. Correlation between vegetative, neurodynamic, and psychological indicators in adolescent vagotonics

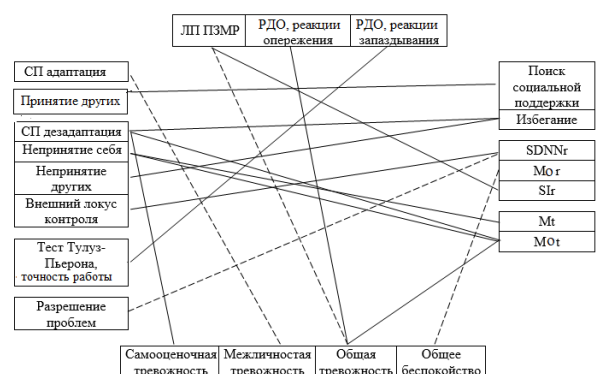


Рис. 3. Корреляционные связи между вегетативными, нейродинамическими и психологическими показателями у подростков-эйтоников

Fig. 3. Correlation between vegetative, neurodynamic, and psychological indicators in adolescent eutonics

Сходные данные были получены и ранее, в исследованиях эндокринно-вегетативного статуса подростков [29–31]. У девочек с разным типом вегетативной регуляции достоверных различий по уровню кортизола в нашем исследовании выявлено не было.

Одним из важнейших гуморальных факторов, определяющих возрастную динамику морфофункционального статуса подростков, является тестостерон [32]. У мальчиков самый высокий уровень тестостерона выявлялся у ваготоников, самый низкий – у симпатотоников ($0,73 \pm 0,16$ и $0,04 \pm 0,004$ соответственно, $p < 0,05$). Сопряженное увеличение вагусной активности в сердечно-сосудистой системе и уровня тестостерона у подростков мужского пола является проявлением закономерной динамики полового созревания, в ходе которого происходит «взросление» механизмов вегетативной регуляции и повышение парасимпатического тонуса в состоянии покоя. У всех обследованных девочек уровень тестостерона находился в пределах физиологической нормы, но, в отличие от мальчиков, самый высокий уровень тестостерона был характерен для симпатотоников, а наиболее низкий – для сбалансированного типа вегетативной регуляции (эйтоников): $0,25 \pm 0,07$ и $0,07 \pm 0,01$ соответственно, $p < 0,05$. Действительно, для девочек увеличение уровня тестостерона следует рассматривать как негативную тенденцию. Известно, что «андренарге» надпочечникового происхождения является для девочек физиологической нормой в препубертатном периоде; повышение же уровня тестостерона на последующих этапах онтогенеза наблюдается в рамках различных нарушений здоровья и под влиянием факторов риска (результат инфекций, интоксикаций, разнообразных нарушений обмена веществ, психоэмоционального состояния, воздействия агрессивных средовых факторов и нездорового образа жизни) [33; 34].

Анализ корреляций между уровнем саливарных гормонов и показателями сердечного ритма позволил детализировать полученные результаты. У мальчиков с ваготоническим типом вегетативной регуляции усиление парасимпатических влияний на сердечный ритм в покое и при ортопробе было связано с повышением уровня кортизола. У симпатотоников наблюдалась обратная картина: чем выше уровень кортизола, тем более выражены симпатические влияния в покое и вегетативная реактивность. У эйтоников уровень кортизола положительно коррелировал с показателями парасимпатической активности в покое и симпатической – при ортопробе, т.е. наиболее высокий уровень стрессового гормона отражал вегетативную реактивность. Корреляции вегетативных показателей с уровнем тестостерона показали однонаправленные изменения уровня андрогенной и парасимпатической активности у мальчиков с ваготонией и эйтонией, чего не наблюдалось у симпатотоников, т.е. снижение уровня тестостерона у мальчиков сопровождается увеличением напряжения регуляторных механизмов (табл. 4).

Табл. 4. Коэффициенты корреляции Спирмена для показателей эндокринного и вегетативного статуса подростков мужского пола с учетом типа вегетативной регуляции (при $p < 0,05$)Tab. 4. Spearman correlation coefficients for indicators of the endocrine and vegetative status of male adolescents taking into account the type of vegetative regulation (at $p < 0,05$)

Показатель	Ваготоники		Эйтоники		Симпатотоники	
	Кортизол	Тестостерон	Кортизол	Тестостерон	Кортизол	Тестостерон
ЧСС в покое, уд/мин	–	–0,41	–	–	–	–
ЧСС в ортопробе, уд/мин	–0,43	–	0,74	–	–	–0,74
Мо в покое, с	–	0,41	–	–	–	–
Мо в ортопробе, с	–	–	–0,76	–	–	–
АМо в покое, %	–	–	–	–	0,75	–
АМо в ортопробе, %	–0,56	–	–	–	0,73	–
МхДМп в покое, с	0,42	–	0,55	0,61	–	–
МхДМп в ортопробе, с	–	–	–	–	–0,74	–
SDNN в покое, мс	–	–	0,58	–	–0,64	–
SDNN в ортопробе, мс	0,44	–	–0,54	–	–0,72	–
RMSSD в ортопробе, мс	–	–	–0,71	–	–	–0,74
ИН в покое, усл. ед.	–	–	–0,64	–	–	–
ИН в ортопробе, усл. ед.	–	–	0,76	–	0,71	–

У девочек корреляции вегетативных показателей с уровнем кортизола были единичными, что не позволяло выявить определенную тенденцию. Что касается тестостерона, то у девочек были обнаружены многочисленные корреляции с показателями ВСР, которые независимо от типа

вегетативной регуляции указывают на однонаправленное увеличение уровня тестостерона и уровня симпатических влияний на сердечный ритм, что свидетельствует о значительном функциональном напряжении (табл. 5).

Табл. 5. Коэффициенты корреляции Спирмена для показателей эндокринного и вегетативного статуса подростков женского пола с учетом типа вегетативной регуляции (при $p < 0,05$)Tab. 5. Spearman correlation coefficients for indicators of endocrine and vegetative status of female adolescents based on the type of vegetative regulation (at $p < 0,05$)

Показатель	Ваготоники		Эйтоники		Симпатотоники	
	Кортизол	Тестостерон	Кортизол	Тестостерон	Кортизол	Тестостерон
ЧСС в покое, уд/мин	–	–	–	–	–	0,47
Мо в покое, с	–	–	0,50	–	–	–0,52
АМо в покое, %	–	–	–	0,73	–	–
АМо в ортопробе, %	–	0,50	–	–	–	–
МхДМп в покое, с	–	–	–	–0,57	–	–
МхДМп в ортопробе, с	–	–	–	–	–	0,42
SDNN в покое, мс	–	–	–	–0,68	–	–
RMSSD в покое, мс	–	–	–	–	0,53	–
ИН в покое, усл. ед.	–	–	–	0,72	–	–
ИН в ортопробе, усл. ед.	0,48	0,53	–	0,56	–	–

Заключение

Представленные материалы показывают, что в отношении специфики регуляторных процессов нейрофизиологического и эндокринного уровней обследованные подростки представляют собой гетерогенную группу, неоднородность которой определяется не только возрастными, гендерными и типологическими особенностями, но и определенными паттернами

вегетативно-эндокринного регулирования. Проведенный анализ подтвердил, что у подростков в процессе обучения формируются разные типы адаптивных стратегий: трофотропный, эрготропный и сбалансированный.

Трофотропная направленность функциональной системы адаптации, позволяющая экономизировать энергетические ресурсы и реализующаяся по гипореактивному

функциональному типу, характерна для подростков с ваготонией и наиболее выражена у подростков мужского пола с относительно высоким уровнем секреции стероидных гормонов. Для них характерна невысокая скорость психомоторных реакций, средний уровень психоэмоционального напряжения, хорошее произвольное внимание, успешная социально-психологическая адаптация, предпочтение конструктивных стратегий поведения при стрессе.

Эрготропный тип адаптивной стратегии, свойственный подросткам с симпатикотонией, формируется на основе максимальной мобилизации центрально-нервных и эндокринных механизмов в процессе нагрузки и реализуется по *гиперреактивному* типу, что создает повышенный риск быстрого истощения функциональных резервов. Характеризуется высоким уровнем энергетического обеспечения психомоторной деятельности, склонностью к беспокойству, неприятию себя, использованием разных копинг-стратегий, преимущественно активных, выраженным напряжением в системе эмоционально-вегетативного регулирования с вовлечением социально-психологических компонентов адаптации. Подобная стратегия наиболее выражена у подростков-мальчиков при низком исходном уровне анаболических и катаболических гормонов, а у девочек при относительно высоком уровне тестостерона.

Сбалансированный тип адаптивных реакций, определяемый у подростков с эйтонией, характеризуется значительной гетерогенностью нейродинамических, вегетативных и эндокринных показателей и адекватными соотношениями показателей эндокринной и вегетативной регуляции, что расширяет диапазон адаптивных возможностей.

Комплексная оценка психофизиологического развития и адаптации позволяет учитывать еще не реализованные потенциальные возможности подростков, опираясь на которые, следует создавать условия для эффективной реализации индивидуального стиля (когнитивного, эмоционального, мотивационного, коммуникативного и т. д.). Индивидуальный стиль формируется на основе индивидуальных особенностей, являясь своеобразным компенсаторным механизмом, способствующим оптимизации процесса личностного развития, успешности обучения и социально-психологической адаптации. Исследование влияния вегетативной конституции как интегральной адаптивной характеристики на формирование индивидуальных стилей деятельности во всем их многообразии является, на наш взгляд, актуальной проблемой психофизиологических и психолого-педагогических исследований и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Баранов А. А., Кучма В. Р., Сухарева Л. М. Медико-социальные проблемы воспитания подростков. М.: ПедиатрЪ, 2014. 388 с.
2. Дубровинская Н. В. Психофизиологическая характеристика подросткового возраста // Физиология человека. 2015. Т. 41. № 2. С. 113–122. DOI: 10.7868/S013116461502006X
3. Вейн А. М., Вознесенская Т. Г., Воробьева О. В. Вегетативные расстройства: Клиника, диагностика, лечение. М.: МИА, 2003. 749 с.
4. Медведев В. И. Адаптация человека. СПб.: Ин-т психологии; Ин-т мозга человека, 2003. 550 с.
5. Шаханова А. В., Глазун Т. В. Образование и здоровье: физиологические аспекты. Майкоп: АГУ, 2008. 195 с.
6. Казин Э. М., Руднева Е. Л., Касаткина Н. Э. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика; 3-е изд., перераб. М.: Омега-А, 2013. 443 с.
7. Нежкина Н. Н., Майорова М. К. Психофизическая тренировка – технология формирования здоровья школьников и повышения качества образования. М.: МГПИ, 2009. 28 с.
8. Казин Э. М., Касаткина Н. Э., Абаскалова Н. П., Айдаркин Е. К., Федоров А. И., Свиридова И. А. Школьная адаптация подростков с различным типом вегетативной регуляции и проблемы формирования безопасного и здорового образа жизни обучающихся (методологические и организационнопедагогические аспекты) // Валеология. 2015. № 1. С. 42–49.
9. Тарасова О. А., Казин Э. М., Федоров А. И., Игишева Л. Н., Четверик О. Н. Комплексная оценка нейродинамических и вегетативных показателей у подростков: возрастные, гендерные и типологические особенности // Физиология человека. 2017. Т. 43. № 1. С. 45–54. DOI: 10.7868/S0131164616060199
10. Баевский Р. М., Иванов Г. Г., Гаврилушкин А. П., Довгалецкий П. Я., Кукушкин Ю. А., Миронова Т. Ф., Прилуцкий Д. А., Семенов А. В., Федоров В. Ф., Флейшман А. Н., Медведев М. М., Чирейкин А. В. Анализ вариабельности сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем (часть 1) // Вестник аритмологии. 2002. № 24. С. 65–86.
11. Шлык Н. И. Сердечный ритм и тип регуляции у детей, подростков и спортсменов. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. 254 с.
12. Иванов В. И., Литвинова Н. А., Березина М. Г. Автоматизированный комплекс для оценки индивидуально-типологических свойств и функционального состояния организма человека «Статус ПФ» // Валеология. 2004. № 4. С. 70–73.
13. Ясюкова Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД. Диагностика и компенсация минимальных мозговых дисфункций. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1997. 80 с.

14. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2000. 303 с.
15. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 61 с.
16. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
17. Ozgocer T., Yildiz S., Uçar C. Development and validation of an enzyme-linked immunosorbent assay for detection of cortisol in human saliva // *Journal of Immunoassay and Immunochemistry*. 2017. Vol. 38. № 2. P. 147–164. DOI: 10.1080/15321819.2016.1230130
18. Thomas L. Labor und Diagnose: Indikation und Bewertung von Laborbefunden für die medizinische Diagnostik. 8 Auflage. Frankfurt/Main: TH-Books-Verlags-Gesellschaft, 2012. 2360 S.
19. Kashdan E., Duncan D., Parnell A., Schattler H. Mathematical methods in systems biology // *Mathematical Biosciences and Engineering*. 2016. Vol. 13. № 6. P. i–ii. DOI: 10.3934/mbe.201606i
20. Захарьев Я. О., Захарьева Н. Н. Новый методический подход в преподавании материала с учетом типов вегетативной регуляции нервной системы учащихся // *Физическая культура: воспитание, образование, тренировка*. 2012. № 5. С. 73–75.
21. Андреев А. В., Нежкина Н. Н., Фомин Ф. Ю. Аппаратно-программный комплекс по определению индивидуального режима двигательной активности на основе комплексной оценки вегетативного гомеостаза // *Новые задачи современной медицины: мат-лы III Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–23 декабря 2014 г.)* СПб., 2014. С. 19–22.
22. Тарасова О. Л., Казин Э. М., Четверик О. Н., Зарченко П. Ю., Арлашева Л. В., Максимова Н. В. Возрастные и типологические особенности психовегетативного статуса школьников: результаты комплексного психофизиологического мониторинга // *Валеология*. 2015. № 4. С. 33–40. DOI: 10.18522/2218-2268-2015-4-33-40
23. Толочек В. А. Проблема индивидуального стиля деятельности в психологии: прошлое, настоящее и будущее // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2010. № 2. С. 43–52.
24. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Акад., 2000. 180 с.
25. Fiol-Veny A., Balle M., De la Torre-Luque A., Bornas X. Negative cognitive emotion regulation as a predictor of adolescent heart rate variability and entropy under social stress // *Anxiety, Stress and Coping*. 2019. Vol. 32. № 6. P. 641–653. DOI: 10.1080/10615806.2019.1641199
26. Mosley E., Laborde S., Kavanagh E. Coping related variables, cardiac vagal activity and working memory performance under pressure // *Acta Psychologica*. 2018. Vol. 191. P. 179–189. DOI: 10.1016/j.actpsy.2018.09.007
27. Weissman D. G., Guyer A. E., Ferrer E., Robins R.W., Hastings P. D. Adolescents' brain-autonomic coupling during emotion processing // *Neuroimage*. 2018. Vol. 183. P. 818–827. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2018.08.069
28. Vreeburg S. A., Kruijtz B. P., van Pelt J., van Dyck R., DeRijk R. H., Hoogendijk W. J., Smit J. H., Zitman F. G., Penninx B. W. Associations between sociodemographic, sampling and health factors and various salivary cortisol indicators in a large sample without psychopathology // *Psychoneuroendocrinology*. 2009. Vol. 34. № 8. P. 1109–1120. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2009.04.024
29. Gunnar M. R., Wewerka S., Frenn K., Long J. D., Griggs C. Developmental changes in hypothalamus-pituitary-adrenal activity over the transition to adolescence: Normative changes and associations with puberty // *Development and Psychopathology*. 2009. Vol. 21. № 1. P. 69–85. DOI: 10.1017/S0954579409000054
30. Ермакова И. В., Адамовская О. Н., Сельверова Н. Б. Изменение вегетативной регуляции сердечного ритма и уровня кортизола при умственной нагрузке у младших подростков // *Новые исследования*. 2015. № 4. С. 105–116.
31. Ермакова И. В., Адамовская О. Н., Сельверова Н. Б. Особенности физического развития, гормонального статуса, вегетативной нервной регуляции сердечного ритма и психоэмоционального состояния подростков на IV–V стадии пубертата // *Новые исследования*. 2017. № 1. С. 32–41.
32. Giagulli V. A., Castellana M., Pelusi C., Triggiani V. Androgens, body composition, and their metabolism based on sex // *Frontiers of Hormone Research*. 2019. Vol. 53. P. 18–32. DOI: 10.1159/000494900
33. Скосырева Г. А., Рябиченко Т. И., Тимофеева Е. П., Карцева Т. В., Косьянова Т. Г., Селятицкая В. Г., Трунов А. Н. Состояние здоровья девочек-подростков с повышенным уровнем дегидроэпиандростерона сульфата // *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 2014. Т. 59. № 5. С. 77–81.
34. Pasquali R., Oriolo C. Obesity and Androgens in Women // *Frontiers of Hormone Research*. 2019. Vol. 53. P. 120–134. DOI: 10.1159/000494908

Comprehensive Psycho-Physiological Approach to the Assessment of Adaptive Capacity of Teenage Schoolchildren with Different Types of Vegetative Regulation

Eduard M. Kazin^{a, ID1}; Lidiya A. Varich^{a, @, ID2}; Olga L. Tarasova^{b, ID3}; Olga N. Chetverik^c; Natalia N. Koshko^{c, ID4}; Ludmila V. Arlasheva^d; Nina V. Nemolochnaya^{a, ID5}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^b Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

^c Kuzbass Regional Center of Psychological, Medical and Social Assistance "Health and Development of the Personality", Russia, Kemerovo

^d Secondary School Staropetrovsky, Russia, Staropetrovskoye

@ varich2002@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-1462-5282>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-7992-645X>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-2225-7918>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

Received 17.02.2020. Accepted 28.04.2020.

Abstract: The present research featured the typological features of psycho-social, neurophysiological, and endocrine status of 214 schoolchildren of both sexes aged 14–16. The research objective was to identify the relationship between psychosocial and physiological adaptation of adolescents. Cardiorhythmography made it possible to divide the participants according to three types of vegetative regulation: sympathicotonia, vagotonia, and eutonia. The participants were tested for indicators of neurodynamics, emotional state, and socio-psychological adaptation, as well as for cortisol and testosterone content in saliva. Intersystem interrelations were evaluated by means of correlation analysis. The teenagers with predominating sympathetic influences appeared to possess the highest degree of conjugation of social-psychological and vegetative components of the functional system: as anxiety and manifestations of social-psychological misadaptation increased, so did the ergotropic impact on heart beat rate. The vagotonic teenagers demonstrated a much lower total number of correlations, with a distinct interrelation between the increasing anxiety level and the increasing parasympathetic impact. The teenagers with eutonia had a lower number of correlations between psychological, neurodynamic, and vegetative levels in comparison with other types. The analysis revealed the following adaptive strategies in adolescents. The trophotropic hyporeactive strategy was typical of male vagotonics with relatively high levels of steroid hormone secretion. The ergotropic hyperreactive strategy was popular in the sympathotonic group, especially boys with low levels of anabolic and catabolic steroids and girls with a relatively high content of testosterone. The adolescents with eutonia proved to have the balanced strategy. The data obtained can help to create pedagogical conditions for improving the adaptive capacity of schoolchildren, as well as for the development of individual style of activity and successful learning in teenagers.

Keywords: educational activities, socio-psychological adaptation, neurodynamic indicators, anxiety, cortisol, testosterone, adaptive strategies, activity styles

For citation: Kazin E. M., Varich L. A., Tarasova O. L., Chetverik O. N., Koshko N. N., Arlasheva L. V., Nemolochnaya N. V. Comprehensive Psycho-Physiological Approach to the Assessment of Adaptive Capacity of Teenage Schoolchildren with Different Types of Vegetative Regulation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 444–454. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-444-454>

References

1. Baranov A. A., Kuchma V. R., Sukhareva L. M. *Medical and social problems of education of adolescents*. Moscow: Pediatr, 2014, 388. (In Russ.)
2. Dubrovinskaya N. V. Psychophysiological features of adolescents. *Fiziologiya cheloveka*, 2015, 41(2): 113–122. (In Russ.) DOI: 10.7868/S013116461502006X
3. Vein A. M., Voznesenskaia T. G., Vorobeva O. V. *Vegetative disorders: clinical findings, diagnosis, and treatment*. Moscow: MIA, 2003, 749. (In Russ.)
4. Medvedev V. I. *Human adaptation*. St. Petersburg: In-t psikhologii; In-t mozga cheloveka, 2003, 550. (In Russ.)

5. Shakhanova A. V., Glazun T. V. *Education and health: physiological aspects*. Maykop: AGU, 2008, 195. (In Russ.)
6. Kazin E. M., Rudneva E. L., Kasatkina N. E. *Health-saving activities in the education system: theory and practice*, 3rd ed. Moscow: Omega-L, 2013, 443. (In Russ.)
7. Nezhkina N. N., Maiorova M. K. *Psychophysical training as a technology for shaping the health of students and improving the quality of education*. Moscow: MGPI, 2009, 28. (In Russ.)
8. Kazin E. M., Kasatkina N. E., Abaskalova N. P., Ajdarkin E. K., Fedorov A. I., Sviridova I. A. School adaptation of teenagers with different types of autonomic (vegetative) regulation and the problems of formation of a safe and healthy students' lifestyle (methodological and educational aspects). *Valeologiya*, 2015, (1): 42–49. (In Russ.)
9. Tarasova O. L., Kazin E. M., Fedorov A. I., Igisheva L. N., Chetverik O. N. Integrated assessment of neurodynamic and autonomic indicators in adolescents: Age-specific, gender-specific, and typological characteristics. *Fiziologiya cheloveka*, 2017, 43(1): 45–54. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0131164616060199
10. Baevsky R. M., Ivanov G. G., Gavrilushkin A. P., Dovgalevsky P. Ya., Kukushkin Yu. A., Mironova T. F., Prilutskiy D. A., Semenov A. V., Fedorov V. F., Fleishman A. N., Medvedev M. M., Chireikin L. V. Analysis of heart rate variability when using various electrocardiographic systems (Part 1). *Journal of Arrhythmology*, 2002, (24): 65–86. (In Russ.)
11. Shlyk N. I. *The heart rate and regulation type of children, teenagers and sportsmen*. Izhevsk: Udmurtskii un-t, 2009, 254. (In Russ.)
12. Ivanov V. I., Litvinova N. A., Berezina M. G. Automated complex for assessing individual typological properties and the functional state of the human body "Status PF". *Valeologiya*, 2004, (4): 70–73. (In Russ.)
13. Yasyukova L. A. *Optimization of education and development of children with minimal brain dysfunction. Diagnosis and compensation of minimal cerebral dysfunctions*. St. Petersburg: GP "IMATON", 1997, 80. (In Russ.)
14. Prikhozhan A. M. *Anxiety in children and adolescents: the psychological nature and age dynamics*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsialnyi institut; Voronezh: MODEK, 2000, 303. (In Russ.)
15. Kryukova T. L. *Methods of studying coping behavior: three coping scales*. Kostroma: Avantit, 2007, 61. (In Russ.)
16. Osnitsky A. K. Characterization of social adaptation. *Psikhologiya i shkola*, 2004, (1): 43–56. (In Russ.)
17. Ozgocer T., Yildiz S., Uçar C. Development and validation of an enzyme-linked immunosorbent assay for detection of cortisol in human saliva. *Journal of Immunoassay and Immunochemistry*, 2017, 38(2): 147–164. DOI: 10.1080/15321819.2016.1230130
18. Thomas L. *Labor und Diagnose: Indikation und Bewertung von Laborbefunden für die medizinische Diagnostik*, 8 Auflage. Frankfurt/Main: TH-Books-Verlags-Gesellschaft, 2012, 2360.
19. Kashdan E., Duncan D., Parnell A., Schattler H. Mathematical methods in systems biology. *Mathematical Biosciences and Engineering*, 2016, 13(6): i–ii. DOI: 10.3934/mbe.201606i
20. Zakhar'ev Ya. O., Zakhar'eva N. N. New methods approach in teaching material in view of types of vegetative regulation of pupils' nervous. *Fizicheskaya kultura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*, 2012, (5): 73–75. (In Russ.)
21. Andreev A. V., Nezhkina N. N., Fomin F. Yu. Hardware-software complex for determining the individual mode of motor activity based on a comprehensive assessment of autonomic homeostasis. *New tasks of modern medicine: Proc. III Intern. Sci. Conf.*, St. Petersburg, December 20–23, 2014. St. Petersburg, 2014, 19–22. (In Russ.)
22. Tarasova O. L., Kazin E. M., Chetverik O. N., Zarchenko P. N., Arlasheva L. V., Maksimova N. V. Age and typological features psychovegetative status pupils: results of integrated monitoring psychophysiological. *Valeologiya*, 2015, (4): 33–40. (In Russ.) DOI: 10.18522/2218-2268-2015-4-33-40
23. Tolochev V. A. The problem of individual style of activity in psychology: the past, the present and the future. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2010, (2): 43–52. (In Russ.)
24. Polivanova K. N. *Psychology of age-related crises*. Moscow: Akad., 2000, 180. (In Russ.)
25. Fiol-Veny A., Balle M., De la Torre-Luque A., Bornas X. Negative cognitive emotion regulation as a predictor of adolescent heart rate variability and entropy under social stress. *Anxiety, Stress and Coping*, 2019, 32(6): 641–653. DOI: 10.1080/10615806.2019.1641199
26. Mosley E., Laborde S., Kavanagh E. Coping related variables, cardiac vagal activity and working memory performance under pressure. *Acta Psychologica*, 2018, 191: 179–189. DOI: 10.1016/j.actpsy.2018.09.007
27. Weissman D. G., Guyer A. E., Ferrer E., Robins R.W., Hastings P. D. Adolescents' brain-autonomic coupling during emotion processing. *Neuroimage*, 2018, 183: 818–827. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2018.08.069
28. Vreeburg S. A., Kruijtzter B. P., van Pelt J., van Dyck R., DeRijk R. H., Hoogendijk W. J., Smit J. H., Zitman F. G., Penninx B. W. Associations between sociodemographic, sampling and health factors and various salivary cortisol indicators in a large sample without psychopathology. *Psychoneuroendocrinology*, 2009, 34(8): 1109–1120. DOI: 10.1016/j.psychneuen.2009.04.024

29. Gunnar M. R., Wewerka S., Frenn K., Long J. D., Griggs C. Developmental changes in hypothalamus-pituitary-adrenal activity over the transition to adolescence: Normative changes and associations with puberty. *Development and Psychopathology*, 2009, 21(1): 69–85. DOI: 10.1017/S0954579409000054
30. Ermakova I. V., Adamovskaya O. N., Selverova N. B. Change in autonomic regulation of heart rate and cortisol level in young adolescents performing cognitive tasks. *Novy'e issledovaniya*, 2015, (4): 105–116. (In Russ.)
31. Ermakova I. V., Adamovskaya O. N., Selverova N. B. Peculiarities of physical development, hormonal status, autonomic nervous regulation of heart rate and psychoemotional status of adolescents at the IV–V stages of puberty. *Novy'e issledovaniya*, 2017, (1): 32–41. (In Russ.)
32. Giagulli V. A., Castellana M., Pelusi C., Triggiani V. Androgens, body composition, and their metabolism based on sex. *Frontiers of Hormone Research*, 2019, 53: 18–32. DOI: 10.1159/000494900
33. Skosyreva G. A., Ryabichenko T. I., Timofeeva E. P., Kartseva T. V., Kosyanova T. G., Selyatitskaya V. G., Trunov A. N. The health status of adolescent girls with elevated dehydroepiandrosterone sulfate levels. *Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii*, 2014, 59(5): 77–81. (In Russ.)
34. Pasquali R., Oriolo C. Obesity and androgens in women. *Frontiers of Hormone Research*, 2019, 53: 120–134. DOI: 10.1159/000494908

Исследование готовности к обучению в школе детей в билингвальной среде

Елена В. Куфтык^{a, @, ID}; Лариса М. Ханухова^b; Елена В. Пойманова^b

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

^b Образовательное частное учреждение «Школа Сотрудничества», Россия, г. Москва

@ elena.kuftyak@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>

Поступила в редакцию 30.03.2020. Принята к печати 07.05.2020.

Аннотация: Исследуется развитие интеллектуальных способностей и произвольной сферы в контексте готовности к обучению в школе у детей, посещающих билингвальный детский сад. Авторы обращают внимание на то, что двуязычие рассматривается как средство когнитивного и коммуникативного развития детей. В связи с этим важной становится оценка когнитивного развития при диагностике психологической готовности к школе. Представлены результаты исследования готовности к обучению в школе дошкольников из билингвальных и русскоговорящих групп дошкольного учреждения. С использованием двух блоков методик, направленных на измерение уровня интеллектуальной готовности и уровня произвольной сферы, установлено, что дошкольники билингвальной группы имеют более высокий уровень произвольного внимания и структурного мышления по сравнению с дошкольниками русскоязычной группы. Дети из билингвальной группы более качественно перерабатывают зрительную информацию, чем дети русскоязычной группы. Проанализированы значимые связи разных аспектов психического развития дошкольников. Проведенное исследование показало, что результаты диагностических методик хорошо соотносятся друг с другом и позволяют оценить вклад развития памяти и произвольного внимания в успешность выполнения заданий, направленных на изучение мыслительных операций.

Ключевые слова: психологическая готовность к школе, интеллектуальная готовность, произвольная сфера, диагностика, дошкольный возраст, билингвизм, билингвальное обучение, когнитивное развитие

Для цитирования: Куфтык Е. В., Ханухова Л. М., Пойманова Е. В. Исследование готовности к обучению в школе детей в билингвальной среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 455–462. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-455-462>

Введение

Проблема психологической готовности к школьному обучению, несмотря на давнюю историю изучения, не теряет своей актуальности. В настоящее время вопрос готовности к обучению в школе часто попадает в фокус внимания психологов и педагогов. В психологической литературе подробно изучены и описаны характеристики субъекта, в значительной степени обеспечивающие успешность обучения. Практически все известные психологи XX в., занимавшиеся вопросами детской и педагогической психологии, обсуждали проблему готовности детей к обучению в школе [1–4].

Психологическая готовность к школе выступает сложным структурным образованием, затрагивающим все стороны детской психики. Однако до настоящего времени не выработан единый подход к пониманию данного феномена. Соответственно, существуют различия в определении исследователями сущности и структуры психологической готовности к школе.

Л. С. Выготский подчеркивает важность «зоны ближайшего развития» в процессе обучения, понимаемой как уровень развития ребенка, достигаемый в процессе его

взаимодействия со взрослым. Психологи различают понятия *готовность к школьному обучению* (готовность к специфическим условиям и организации обучения в новой для ребенка среде – школе) и *готовность к предметному обучению* (готовность к усвоению специальных знаний образовательной программы). По мнению автора, благодаря включению ребенка в процесс обучения и формированию у него учебной деятельности как ведущей происходит пробуждение, развитие и перестройка психических функций, которые составляют основу для обучения чтению, письму и др. [цит. по: 5].

По мнению Д. Б. Эльконина, составной частью психологической готовности к школе является развитие произвольности, которая является основой для обучения в начальной школе. Как подчеркивает автор, именно в коллективной игре детей через подражание образцу и групповой контроль происходит ее развитие [6]. Автор, исходя из основных новообразований дошкольного периода, описывает ведущие предпосылки для школьного обучения: произвольность поведения, обобщение переживаний (появляется устойчивое отношение к себе и другим людям), полимотивированность поведения.

В. С. Мухина выделяет основные направления психологической готовности к школе [7]. Исследователь в качестве составляющих готовности к обучению выделяет следующие характеристики: желание ребенка стать школьником, выполнять серьезную деятельность, учиться; достаточный уровень волевого развития ребенка, наличие соподчинения мотивов; относительная произвольность познавательных процессов; достаточный уровень развития познавательных процессов; наличие качеств личности, помогающих войти в коллектив класса, найти свое место в нем. Е. Е. Кравцова включает в готовность к обучению определенный уровень сформированности мыслительной деятельности, познавательных интересов и произвольности, социальную позицию школьника [8].

Таким образом, психологическая готовность к школе включает в себя два основных компонента: интеллектуальную готовность и личностную готовность.

По данным исследователей, 80 % интеллектуальных способностей развивается до 8 лет, что предъявляет высокие требования к формированию умственной готовности к обучению [9]. К понятию *умственной готовности* относят дифференцированное восприятие, аналитическое мышление, логическое запоминание, интерес к познанию, разговорную речь [10; 11]. Ребенок умеет обобщать, сравнивать и классифицировать объекты, выделять существенные признаки [12]. *Интеллектуальная готовность* предполагает определенный уровень внутренней организации мышления ребенка, обеспечивающий возможность овладения учебной деятельностью [13]. Между возрастом ребенка и его интеллектуальной готовностью к обучению не установлена корреляционная связь: возраст не является показателем интеллектуальной готовности к школе [14].

Личностная готовность предполагает мотивационную готовность и зрелость произвольной сферы [11]. Мотивационная готовность связана с наличием у ребенка познавательного и социального мотивов, связанных с учебной деятельностью и новой социальной ситуацией развития. Зрелость произвольной сферы позволяет ребенку сознательно подчинить свои действия правилам, прилагать усилия для выполнения сложных для него операций.

Ведущим трендом современного образования является создание образовательной среды как фактора развития личности. В педагогике и психологии рассмотрены возможности средового влияния как естественного средства педагогического воздействия, что, несомненно, выступает фактором не только становления личности ребенка, но и его подготовки к школьному обучению [15]. Билингвальная система образования – это современный подход к развитию и воспитанию детей дошкольного возраста [16]. Ведущим принципом инновационной системы является создание билингвальной среды педагогами – носителями языка.

Понятие *билингвизм*, или *двуязычие*, означает состояние языкового сообщества, в котором два языка находятся в контакте, в результате чего два языковых кода могут

использоваться в одном и том же взаимодействии, а также то, что некоторые лица являются двуязычными [16]. Сильными формами билингвального образования принято считать погружение и двусторонние / двуязычные программы. Данные формы направлены на полное двуязычие, при котором навыки устной речи и грамотности приобретаются на обоих языках либо одновременно, либо с первоначальным акцентом на родной язык.

В одной из недавних работ М. Лейкина с коллегами было показано, что двуязычные дети из двуязычного детского сада (с русским языком в качестве первого языка и ивритом – в качестве второго) демонстрируют более сбалансированное развитие обоих языков, чем двуязычные дети в одноязычном детском саду. Последние показывают несколько лучшее усвоение иврита как основного (социально доминирующего) языка, но значительно отстают в развитии русского языка, который является их родным (наследственным) языком [17].

По мнению родителей, билингвальное образование имеет ряд преимуществ [18]. Билингвальная среда способствует позитивному знакомству с культурным разнообразием, раннему овладению вторым языком и расширению возможностей для карьерного роста. Данные выводы подтверждают социокультурный аспект двустороннего погружения как обогащающего образования, что обеспечивает не только овладение вторым языком, но и расширение жизненного опыта (культурно обогащенная среда обучения).

На протяжении многих десятилетий в психологии и педагогике существовало полное согласие относительно негативного влияния двуязычия на умственное и когнитивное развитие детей [19]. В настоящее время современные исследователи позитивно оценивают воздействие двуязычия (особенно сбалансированного) на когнитивное и лингвистическое развитие, академическую успешность детей [20]. Хотя не существует теоретических предпосылок влияния билингвизма на когнитивное развитие, известны многочисленные, порой и противоречивые, данные, свидетельствующие о негативном, положительном или нейтральном влиянии билингвизма на развитие различных когнитивных способностей и психических процессов, включая различные формы творчества [21]. В частности, сообщалось о преимуществах двуязычия в самых разных областях, таких как креативность (дивергентное мышление) [20; 22], решение проблем [23; 24] и восприятие [25]. Было установлено, что показатели общей креативности и гибкости у сбалансированных учащихся (владеющих двумя языками в равной степени) выше, чем у одноязычных сверстников [20].

Исследования Э. Белосток показали преимущество двуязычных детей в развитии процессов контроля и в обработке сложных стимулов в задачах, требующих исполнительной обработки для разрешения конфликтов, включая переключение и обновление, даже когда, по-видимому, нет никакого торможения [21; 26]. Двуязычные дети

продемонстрировали более высокую производительность и успешность в выполнении задач исполнительской функции. Кроме того, исследования показали более раннее развитие исполнительской функции у двуязычных детей (уже в возрасте 3 лет), по сравнению с одноязычными детьми (в возрасте 4 и 5 лет) [27; 28]. Недавнее исследование, в котором изучалось влияние двуязычного опыта на исполнительские функции детей дошкольного возраста в испано-английской группе, показало, что исполнительские функции у детей-билингвов выше, чем у монолингвов [29]. Эти исследования дают важное представление о потенциальной роли двуязычия в развитии таких когнитивных способностей и навыков, как дивергентное мышление [30] и креативность [20; 24]. Однако положительные эффекты двуязычия выявляются не всегда [21]. Некоторые исследователи сообщают о негативных эффектах [31], а другие не обнаруживают никаких групповых различий между билингвами и монолингвами [20; 24].

Следует отметить, что качество и способ влияния двуязычия недостаточно изучены из-за интерференции различных факторов: социально-экономического статуса двуязычных и одноязычных групп [32], языка тестирования (первый, второй, доминирующий, хорошо усвоенный и т. д.), используемых методик и особенностей учащихся [20; 21]. Большинство исследований в этой области сосредоточены главным образом на лингвистическом развитии учащихся и взрослых, и недостаточно рассмотрен этот вопрос с точки зрения развития, т. е. на более ранних стадиях двуязычного развития [20]. Изучение раннего двуязычия должно также учитывать культурный и образовательный контекст. В работах ряда авторов отмечалось, что позитивный вклад двуязычия в академическую успешность и когнитивное развитие детей зависит от социально-экономических и культурных факторов [26; 31].

Можно сделать вывод, что билингвальная среда оказывает влияние на когнитивное развитие детей. В отечественной психологии остается недостаточно изученной проблема билингвизма и его влияния на когнитивное и лингвистическое развитие воспитанников и учащихся. Готовность к школьному обучению как совокупность определенных психологических качеств и способов поведения ребенка, необходимых для восприятия, переработки и усвоения учебных стимулов в школьном обучении, выступает как определенный уровень психического развития. Представляется интересным рассмотреть особенности готовности к школьному обучению дошкольников с учетом разной образовательной среды (билингвальной, монолингвальной). Другой задачей данного исследования является выявление взаимосвязей показателей психического развития дошкольников. Мы выдвинули гипотезу, что готовность к обучению в школе у дошкольников из билингвальной среды имеет особую специфику, в отличие от дошкольников из монолингвальной среды (русскоязычной).

Методы и материалы

В качестве испытуемых выступали дошкольники в возрасте 6–7 лет ($N=23$: 14 мальчиков и 9 девочек; средний возраст – 6,5 лет), посещающие дошкольные образовательные учреждения (ДОУ) г. Москвы с билингвальной системой образования. Специально разработанная инновационная билингвальная образовательная программа выступает эффективным инструментом обучения и развития детей дошкольного возраста. Программой предусмотрено непосредственное участие носителей языка в ее реализации. В настоящее время двуязычие рассматривается как средство когнитивного и коммуникативного развития детей [8], в связи с чем при диагностике психологической готовности к обучению в школе особое внимание уделяется оценке когнитивного развития дошкольников. В качестве контрольной выборки выступили дошкольники русскоязычных групп ($N=37$: 20 мальчиков и 17 девочек; средний возраст – 6,6 лет).

В соответствии с задачами исследования были сформированы два блока методик:

1. Методики, направленные на измерение уровня интеллектуальной готовности:

- Эталоны (Э): оценка операционного компонента зрительного восприятия, перцептивного действия отнесения к эталону с помощью методики [9; 13];
- Художник (Х): определение творческих способностей, воображение [2];
- Корректурная проба (КП): оценка концентрации внимания, устойчивости и переключаемости внимания [5];
- Сосчитай и сравни (СиС): оценка сформированности навыков пересчета в пределах 9, соотношение цифры (графемы) и количества изображенных фигур с помощью методики [33];
- 10 слов; Зрительная память: определение объема слуховой (ПС и ПСП – Память слуховая, количество предъявлений) и зрительной памяти (ПЗ) [2; 34];
- Прогрессивные матрицы Равена (РСА и РСВ): оценка линейного и структурного мышления [12];
- определение уровня развития образного (ОМ) и абстрактного (АМ) мышления [12].

2. Оценка уровня произвольной сферы:

- Продолжи узор (ПУ): оценка особенностей тонкой моторики и произвольного внимания [33];
- Гештальт тест Бендер (ТБ) [12].

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью SPSS 17.0. Определялись показатели среднего арифметического (M) и среднего квадратического отклонения (SD). Достоверность различий полученных результатов оценивалась с помощью U -критерия Манна-Уитни для независимых выборок. Корреляционная связь между двумя показателями устанавливалась с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Диагностическое обследование каждого участника проводилось в индивидуальной форме, в изолированном помещении.

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 представлены основные психометрические характеристики всех полученных оценок показателей интеллектуальной готовности и произвольной сферы и результаты анализа различий оценок у дошкольников разной образовательной среды (билингвальной и русскоязычной).

Наименьший разброс значений получен по показателям творческих способностей (развитие творческого мышления), зрительной памяти, навыка пересчета и соотнесения. Дошкольники билингвальной группы имеют более высокий уровень произвольного внимания ($p=0,04$) и структурного мышления ($p=0,014$), по сравнению с дошкольниками русскоязычной группы. По матрицам Равена для детей двух групп серия А (РсА) является легкой, а наибольшую сложность для детей из русскоязычной группы представляет задание в серии В (РсВ).

На уровне тенденции было установлено различие по показателю Зрительное восприятие: дети из билингвальной группы значительно быстрее перерабатывают зрительную

информацию, чем дети русскоязычной группы. При одинаковом отражении изображенного на картинке предмета дети из разной образовательной среды извлекают доступную только им собственную индивидуальную информацию для опознания и соотнесения целостного образа имеющегося изображения. Вероятно, более точное дифференцированное зрительное восприятие, высокий уровень произвольности и мыслительной деятельности детей из билингвальной группы определяется достаточным уровнем сформированности лобных отделов головного мозга. Полученные данные свидетельствуют о том, что образовательная среда оказывает влияние на уровень развития дошкольников. Так, по мнению Р. А. Солсо, процессы восприятия, памяти, мышления и речи «определяются базовой генетической структурой и изменениями, происходящими в процессе продолжительного и разнообразного взаимодействия с физической средой и социальным окружением» [35, с. 421].

В табл. 2 представлены связи показателей интеллектуальной готовности и произвольной сферы дошкольников.

Табл. 1. Средние и стандартные отклонения показателей психического развития дошкольников

Tab. 1. Mean and standard deviations of preschool children's mental development indicators

Аспект развития дошкольника	Вся выборка, М (SD)	Билингвальная группа, М (SD)	Русскоязычная группа, М (SD)	U
Э	2,86 (0,99)*	3,43 (0,53)*	2,60 (1,06)*	28,500*
Х	1,63 (0,62)	1,67 (0,52)	1,60 (0,70)	–
ПУ	3,97 (0,87)	4,43 (0,45)	3,73 (0,95)	20,500**
СиС	4,35 (0,61)	4,71 (0,40)	4,15 (0,62)	–
ТБ	1,70 (0,73)	2,00 (0,82)	1,54 (0,66)	–
РсА	8,91 (1,50)	9,14 (1,34)	8,80 (1,60)	–
РсВ	6,82 (3,03)	9,14 (2,48)	5,73 (2,68)	18,500**
АМ	1,72 (1,07)	2,40 (0,55)	1,46 (1,13)	–
ОМ	7,05 (2,82)	7,14 (2,61)	7,00 (3,03)	–
ПС	3,73 (1,45)	3,86 (1,86)	3,67 (1,29)	–
ПЗ	2,73 (0,46)	2,86 (0,38)	2,67 (0,49)	–
КП	157,62 (49,57)	177,50 (48,88)	149,67 (49,19)	–

Прим.: * – различия на уровне тенденции; $p < 0,1$; ** – различия значимы по U-критерию, $p < 0,05$.

Табл. 2. Связь разных аспектов психического развития дошкольников

Tab. 2. Interaction of different aspects of preschool children's mental development

Аспект	Э	Х	ПУ	СиС	РсА	РсВ	АМ	ОМ	ПС	ПЗ	КП
Э	1	–	0,59**	0,5*	0,44*	0,61**	0,61**	0,59**	–	–	–
Х	–	1	–	–	0,60*	0,55*	–	–	–	–	–
ПУ	–	–	1	–	–	0,54*	–	–	–	–	–
СиС	–	–	–	1	–	0,57**	–	–	–	0,69***	–
ТБ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–0,58**
РсА	–	–	–	–	1	0,48**	0,47*	–	0,54**	–	–
РсВ	–	–	–	–	–	1	0,47*	–	0,41	–	–
АМ	–	–	–	–	–	–	1	0,71**	–	–	–
ПСП	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,54**	–

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Оценки по методикам, направленным на диагностику зрительного восприятия, линейного и структурного мышления, абстрактного мышления, связаны между собой (Эталон, Равен А, Равен В, Абстрактное мышление), что говорит о согласованности и надежности подобранного диагностического инструментария.

Обнаружена связь уровня произвольности с уровнем зрительного восприятия и структурным мышлением, что указывает на вклад сознательной регуляции поведения в качественную переработку информации и нахождение закономерных взаимосвязей между явлениями и их признаками. Установлена связь уровня развития слуховой памяти с уровнем развития линейного и структурного мышления. В то же время уровень сформированности навыка пересчета и соотнесения связан с уровнем развития зрительной памяти и структурного мышления. Как показало исследование, каждый вид памяти обслуживает специфические функции в зависимости от типа решаемых задач (осуществление действий с числами и математическими знаками; выполнение умственных операций). Выявлена связь уровня развития творческого мышления с уровнем развития линейного и структурного мышления. Полученные данные позволяют утверждать, что дошкольники, обладающие высоким уровнем линейного и структурного мышления, показывают более высокие результаты творческого мышления.

Заключение

Нами была рассмотрена проблема психологической готовности к школьному обучению в контексте разной образовательной среды. В условиях билингвальной среды дошкольники проявляют более высокий уровень зрительного восприятия, произвольного внимания и структурного мышления, чем их сверстники из русскоязычной группы.

Уровень развития произвольности не является определяющим для выполнения интеллектуальных заданий. Установлено, что разные виды памяти обслуживают специфические функции в зависимости от типа решаемых задач (осуществление действий с числами и математическими знаками; выполнение умственных операций), что указывает на вклад рабочей памяти в эффективность выполнения умственных заданий. Результаты диагностических методик достаточно хорошо соотносятся друг с другом и позволяют увидеть вклад развития памяти и произвольного внимания в успешность выполнения заданий, направленных на изучение мыслительных операций.

При обучении ребенка в начальной школе необходимо учитывать данные особенности интеллектуального развития детей. Более того, при реализации преемственности обучения *детский сад – начальная школа* рекомендуется проводить психологическую диагностику, по результатам которой выстраивать индивидуальный подход в обучении ребенка с учетом выявленных тенденций в настоящем исследовании.

Литература

1. Безруких М. М., Ефимова С. П. Ребенок идет в школу; 4-е изд., перераб. М.: Академия, 2000. 245 с.
2. Венгер А. А., Венгер А. Л., Марцинковская Т. Д. Готов ли ваш ребенок к школе? М.: Знание, 1994. 189 с.
3. Нижегородцева Н. В., Шадриков В. Д. Психолого-педагогическая готовность ребенка к школе. М.: ВЛАДОС, 2001. 256 с.
4. Кравцов Г. Г., Кравцова Е. Е. Взаимосвязь обучения и развития: проблемы и перспективы // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 4–12. DOI:10.17759/chr.2020160101
5. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе в контексте проблемы преемственности между дошкольным и школьным образованием // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 15. № 3. С. 106–115.
6. Эльконин Д. Б. Психология игры; 2-е изд. М.: ВЛАДОС, 1999. 359 с.
7. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития. 15-е изд., стер. М.: Академия, 2015. 655 с.
8. Кравцова Е. Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. М.: Педагогика, 1991. 150 с.
9. Венгер А. Л. Схема индивидуального обследования детей школьного возраста: для психологов-консультантов. М.: МГУ, 1989. 96 с.
10. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М.: Перспектива, 2018. 224 с.
11. Лубовский Д. В. Школьная готовность детей: виды и соотношение с длительностью подготовки к школе // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 3. С. 43–51. DOI: 10.17759/pse.2019240304
12. Ясюкова Л. А. Методика определения готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе. СПб.: Иматон, 2002. 184 с.
13. Веракса Н. Е., Веракса А. Н. Детская психология. М.: Юрайт, 2019. 446 с.
14. Лейтес Н. С. Умственные способности и возраст. М.: Педагогика, 1971. 277 с.
15. Урбанская М. В. Образовательная среда как фактор формирования готовности ребенка к обучению в условиях дошкольного образования: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 211 с.
16. Куфтяк Е. В., Ханухова Л. М., Пойманова Е. В. Билингвизм у детей: влияние на когнитивно-коммуникативное развитие и инструменты измерения // Современное дошкольное образование. 2019. № 2. С. 30–39. DOI: 10.24411/1997-9657-2018-10042

17. Schwartz M., Moin V., Leikin M. Lexical knowledge development in the first and second languages among language-minority children: the role of bilingual versus monolingual preschool education // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2012. Vol. 15. № 5. P. 549–571. DOI: 10.1080/13670050.2011.650332
18. Tavil Z. M., İşisag K. U. Parents' attitudes towards bilingual kindergartens // *Ekev Academic Review*. 2008. Vol. 12. № 36. P. 313–326.
19. Genesee F. H. Early childhood bilingualism: perils and possibilities // *Journal of Applied Research on Learning*. 2009. Vol. 2. № 5. P. 1–21.
20. Simonton D. K. Bilingualism and creativity // *An introduction to bilingualism: principles and processes* / eds. J. Altarriba, R. R. Heredia. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2008. P. 147–166.
21. Bialystok E. Consequences of bilingualism for cognitive development // *Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approach* / eds. J. F. Kroll, A. M. B. de Groot. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 417–432.
22. Ricciardelli L. A. Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1992. Vol. 21. № 4. P. 301–316. DOI: 10.1007/BF01067515
23. Bialystok E. Cognitive complexity and attentional control in the bilingual mind // *Child Development*. 1999. Vol. 70. № 3. P. 636–644. DOI: 10.1111/1467-8624.00046
24. Adesope O. O., Lavin T., Thompson T., Ungerleider C. A systematic review and meta-analysis of the cognitive correlates of bilingualism // *Review of Educational Research*. 2010. Vol. 80. № 2. P. 207–245. DOI: 10.3102/0034654310368803
25. Duncan S. E., De Avila E. A. Bilingualism and cognition: some recent findings // *NABE Journal*. 1979. Vol. 4. № 1. P. 15–50. DOI: <https://doi.org/10.1080/08855072.1979.10668370>
26. Bialystok E. Bilingualism: the good, the bad, and the indifferent // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. Vol. 12. № 1. P. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728908003477>
27. Diamond A., Carlson S. M., Beck D. M. Preschool children's performance in task switching on the dimensional change card sort task: separating the dimensions, aids the ability to switch // *Developmental Neuropsychology*. 2005. Vol. 28. № 2. P. 689–729. DOI: 10.1207/s15326942dn2802_7
28. Kloo D., Perner J. Disentangling dimensions in the dimensional change card-sorting task // *Developmental Science*. 2005. Vol. 8. № 1. P. 44–56. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2005.00392.x
29. Carlson S. M., Meltzoff A. N. Bilingual experience and executive functioning in young children // *Developmental Science*. 2008. Vol. 11. № 2. P. 282–298. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2008.00675.x
30. Kharkhurin A. V. The effect of linguistic proficiency, age of second language acquisition, and length of exposure to a new cultural environment on bilinguals' divergent thinking // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. Vol. 11. № 2. P. 225–243. DOI: 10.1017/S1366728908003398
31. MacNamara J. Bilingualism and primary education. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966. 173 p.
32. Gonzalez V. Profiles of cognitive developmental performance in gifted children: effect of bilingualism, monolingualism, and socioeconomic status factors // *Journal of Hispanic Higher Education*. 2006. Vol. 5. № 2. P. 142–170. DOI: 10.1177/1538192705285467
33. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Теория и практика углубленной психологической диагностики: от раннего до подросткового возраста. М.: АРКТИ, 2016. 557 с.
34. Глозман Ж. М., Соболева А. Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Научно-исследовательский Центр детской нейропсихологии им. А. Р. Лурия, 2018. 177 с.
35. Солсо Р. А. Когнитивная психология / пер. с англ. С. Комарова; 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 588 с.

Bilingual Children and School-Readiness

Elena V. Kuftyak ^{a, @, ID}; Larisa M. Khanukhova ^b; Elena V. Poimanova ^b

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

^b Private educational institution "School of Cooperation", Russia, Moscow

@ elena.kuftyak@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>

Received 30.03.2020. Accepted 07.05.2020.

Abstract: The research featured the development of intellectual skills and voluntary sphere in the context of school-readiness in preschoolers at bilingual day care centers. The control group included Russian-speaking children from ordinary kindergartens. The authors believe bilingualism to be a means of cognitive and communicative development. Bilingual children require a special approach in school-readiness assessment. Two blocks of methods were used to measure the intellectual readiness and the development of voluntary sphere. The bilingual preschoolers demonstrated a higher level of voluntary attention in comparison with the control group. The bilingual children were much better at converting visual information than the children from the Russian-speaking group. The article also introduces some significant links between various aspects of preschoolers' mental development. The results of the diagnostic methods correlated with each other and made it possible to analyze the development of memory and voluntary attention in cognition tests.

Keywords: psychological school-readiness, intellectual readiness, voluntary sphere, diagnostics, preschool age, bilingualism, bilingual education, cognitive development

For citation: Kuftyak E. V., Khanukhova L. M., Poimanova E. V. Bilingual Children and School-Readiness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 455–462. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-455-462>

References

1. Bezrukh M. M., Efimova S. P. *The child goes to school*, 4th ed. Moscow: Akademiia, 2000, 245. (In Russ.)
2. Venger L. A., Venger A. L., Martsinkovskaia T. D. *Is your child ready for school?* Moscow: Znanie, 1994, 189. (In Russ.)
3. Nizhegorodtseva N. V., Shadrikov V. D. *Psychology and pedagogical readiness of the child for school*. Moscow: VLADOS, 2001, 256. (In Russ.)
4. Kravtsov G. G., Kravtsova E. E. Relationship between learning and development: problems and perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2020, 16(1): 4–12. (In Russ.) DOI:10.17759/chp.2020160101
5. Gutkina N. I. School readiness in the context of the problem of preschool and primary school education continuity. *Psychological Science and Education*, 2010, 15(3): 106–115. (In Russ.)
6. Elkonin D. B. *Game psychology*, 2nd ed. Moscow: VLADOS, 1999, 359. (In Russ.)
7. Mukhina V. S. *Age psychology: phenomenology of development*, 15th ed. Moscow: Akademiia, 2015, 345. (In Russ.)
8. Kravtsova E. E. *Psychological problems of readiness for school*. Moscow: Pedagogika, 1991, 150. (In Russ.)
9. Venger A. L. *Scheme of individual inspection of children of school age: for psychologists-consultants*. Moscow: MGU, 1989, 96. (In Russ.)
10. Vygotskii L. S. *Questions of child psychology*. Moscow: Perspektiva, 2018, 224. (In Russ.)
11. Lubovsky D. V. School readiness in children: types and correlation with duration of school preparation activities. *Psychological Science and Education*, 2019, 24(3): 43–51. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2019240304
12. Yasyukova L. A. *Technique of definition of readiness for school. The forecast and prevention of problems of training at elementary school*. St. Petersburg: Imaton, 2002, 184. (In Russ.)
13. Veraksa N. E., Veraksa A. N. *Child psychology*. Moscow: Iurait, 2019, 446. (In Russ.)
14. Leites N. S. *Mental capacities and age*. Moscow: Pedagogika, 1971, 277. (In Russ.)
15. Urbanskaia M. V. *Educational environment as a factor in the formation of a child's readiness for pre-school education*. Cand. Ped. Sci. Diss. St. Petersburg, 2010, 211. (In Russ.)
16. Kuftyak E. V., Khanukhova L. M., Poimanova E. V. Bilingualism in children: effect on cognitive and communicative development and instruments of measurement. *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*, 2019, (2): 30–39. (In Russ.) DOI:10.24411/1997-9657-2018-10042

17. Schwartz M., Moin V., Leikin M. Lexical knowledge development in the first and second languages among language-minority children: the role of bilingual versus monolingual preschool education. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2012, 15(5): 549–571. DOI: 10.1080/13670050.2011.650332
18. Tavil Z. M., İşısağ K. U. Parents' attitudes towards bilingual kindergartens. *Ekev Academic Review*, 2008, 12(36): 313–326.
19. Genesee F. H. Early childhood bilingualism: perils and possibilities. *Journal of Applied Research on Learning*, 2009, 2(S): 1–21.
20. Simonton D. K. Bilingualism and creativity. *An introduction to bilingualism: principles and processes*, eds. Altarriba J., Heredia R. R. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2008, 147–166.
21. Bialystok E. Consequences of bilingualism for cognitive development. *Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approach*, eds. Kroll J. F., Groot A. M. B. de. Oxford: Oxford University Press, 2005, 417–432.
22. Ricciardelli L. A. Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1992, 21(4): 301–316. DOI: 10.1007/BF01067515
23. Bialystok E. Cognitive complexity and attentional control in the bilingual mind. *Child Development*, 1999, 70(3): 636–644. DOI: 10.1111/1467-8624.00046
24. Adesope O. O., Lavin T., Thompson T., Ungerleider C. A systematic review and meta-analysis of the cognitive correlates of bilingualism. *Review of Educational Research*, 2010, 80(2): 207–245. DOI: 10.3102/0034654310368803
25. Duncan S. E., De Avila E. A. Bilingualism and cognition: some recent findings. *NABE Journal*, 1979, 4(1): 15–50. DOI: <https://doi.org/10.1080/08855072.1979.10668370>
26. Bialystok E. Bilingualism: the good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2009, 12(1): 3–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728908003477>
27. Diamond A., Carlson S. M., Beck D. M. Preschool children's performance in task switching on the dimensional change card sort task: separating the dimensions, aids the ability to switch. *Developmental Neuropsychology*, 2005, 28(2): 689–729. DOI: 10.1207/s15326942dn2802_7
28. Kloo D., Perner J. Disentangling dimensions in the dimensional change card-sorting task. *Developmental Science*, 2005, 8(1): 44–56. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2005.00392.x
29. Carlson S. M., Meltzoff A. N. Bilingual experience and executive functioning in young children. *Developmental Science*, 2008, 11(2): 282–298. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2008.00675.x
30. Kharkhurin A. V. The effect of linguistic proficiency, age of second language acquisition, and length of exposure to a new cultural environment on bilinguals' divergent thinking. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2008, 11(2): 225–243. DOI: 10.1017/S1366728908003398
31. MacNamara J. *Bilingualism and primary education*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966, 173.
32. Gonzalez V. Profiles of cognitive developmental performance in gifted children: effect of bilingualism, monolingualism, and socioeconomic status factors. *Journal of Hispanic Higher Education*, 2006, 5(2): 142–170. DOI: 10.1177/1538192705285467
33. Semago N. Ia., Semago M. M. *Theory and practice of in-depth psychological diagnostics: from early age to adolescence*. Moscow: ARKTI, 2016, 557. (In Russ.)
34. Glozman Zh. M., Soboleva A. E. *Neuropsychological diagnosis of school-age children*, 2nd ed. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii Tsentr detskoi neiropsikologii im. A. R. Luriiia, 2018, 177. (In Russ.)
35. Solso R. L. *Cognitive psychology*, tr. Komarov S., 6th ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 588. (In Russ.)

Категориальная структура образа представителя своей этнической группы у современных русских студентов

София А. Романова^{a, @, ID1}; Ольга С. Гурова^{a, ID2}

^a Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

@sony-24@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3310-0350>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7386-3024>

Поступила в редакцию 23.04.2020. Принята к печати 21.05.2020.

Аннотация: Современные студенты сталкиваются с проблемами адаптации не только к новой учебной среде, но и к межкультурному формату обучения. Такие проблемы могут быть связаны как со спецификой категоризации студентами членов других этнических групп, так и с их самокатегоризацией: тем, как они представляют члена своей же этнической группы. Цель – определить категориальную структуру образа представителя своего этноса у русских студентов, которая зависит от преобладающего у них типа этнической идентичности. Методология исследования базируется на системном подходе к анализу личности, теории восприятия Дж. С. Брунера, психосемантическом подходе В. Ф. Петренко, типологии этнической идентичности Г. У. Солдатовой. В качестве методов исследования выступили экспертный опрос, субъективное шкалирование и опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой. Категориальная структура образа члена русской этнической группы представлена в виде факторных моделей – структур категорий, описывающих представителя русской национальности. Факторные модели выделены по основанию преобладающего типа этнической идентичности респондентов. В результате анализа четырех факторных моделей обнаружено, что молодежь с выраженной гиперидентичностью представляет членов своей этнической группы с более позитивной стороны, делая акцент на сильных и волевых качествах. Молодежь с нормальной этноидентичностью отмечает и достоинства, и недостатки представителей своего этноса. У группы студентов с выраженной этнической индифферентностью категории отрицательного полюса имеют больший вес по сравнению с категориями позитивного полюса. Студенты с выраженной гипоидентичностью видят членов своей этнической группы сугубо в негативном аспекте. Был сделан вывод о потенциальной обусловленности поведенческих паттернов в ситуации межэтнического взаимодействия содержанием категориальной структуры образа представителя своей этнической группы. Определены возможные способы формирования позитивной этнической идентичности, что определяет адекватное отношение к представителям своей и чужой этнической группы.

Ключевые слова: категоризация, этническое самосознание, межнациональное взаимодействие, этническая идентичность, факторный анализ

Для цитирования: Романова С. А., Гурова О. С. Категориальная структура образа представителя своей этнической группы у современных русских студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-463-470>

Введение

В XXI в. помимо ускоренного развития информационных технологий и коммуникаций отмечается бурный рост интенсивности межнациональных отношений. Кроме сферы национальной политики данная тенденция напрямую влияет и на образовательную среду, в рамках которой приоритетной целью становится интернационализация образовательной деятельности, на что направлено развитие образования в России.

Рядом авторов отмечаются трудности, с которыми сталкиваются приезжие и местные студенты в процессе межкультурного взаимодействия: коммуникативные барьеры, необходимость адаптации к поликультурному образовательному пространству, страх межнационального общения,

преобладание и проявление интолерантности в отношении иностранных студентов, проявление ситуативной агрессии к представителям иной национальности, особенно ввиду низкой информированности об их культуре [1–4]. На наш взгляд, напряженность, возникающая у российских студентов из-за интернационализации образовательного пространства, обусловлена функционированием специфичной категориальной структуры образов членов разных этнических групп, обеспечивающей соответствующее поведение русского человека в ситуациях межнационального взаимодействия [5]. Такая категориальная структура под влиянием социальных изменений может трансформироваться, что влечет за собой изменение отношения

не только к представителям разных этнических общностей, но и к самому себе как представителю русского этноса.

В статье сделан акцент на выявлении специфики категориальной структуры образа представителя своего этноса у русских студентов. Гипотеза исследования базируется на тезисе: специфика категориальной структуры образа представителя своего этноса зависит от особенностей самокатегоризации личности по основанию этничности, т. е. содержание компонентов структуры обусловлено типом этнической идентичности личности.

Методы и материалы

Проблемой выделения категорий, на которые опирается личность для эффективного функционирования в мире, занимался широкий круг философов (Аристотель, И. Кант, М. Фуко, М. Вебер, Ю. Хабермас, В. С. Степин, Д. И. Дубровский и др.) и психологов (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. Д. Шадриков, В. Ф. Петренко, Дж. С. Брунер, Ч. Озгуд и др.). В результате анализа работ данных ученых, философов и методологов науки был сделан вывод, что категоризация представляет собой не только многоуровневый сложный процесс, но и результат упорядочивания мыслей, убеждений, представлений, отношений относительно объекта действительности. Благодаря чему объект «включается» во внутреннюю картину мира, что приводит к образованию взаимосвязей нового понятия с другими понятийными структурами по субъективно обусловленным критериям.

Под категорией еще Дж. С. Брунер понимал некоторое правило, в соответствии с которым субъект относит объекты к одному классу как эквивалентные друг другу. Правило учитывает ряд черт объектов, составляющих одну категорию:

- свойства или критические значения признаков объекта;
- способ комбинирования значений признаков в процессе заключения о его принадлежности к определенному классу: конъюнктивный, реляционный, дизъюнктивный;
- веса, приписываемые различным свойствам при выводе о принадлежности к классу;
- диапазон, в котором возможно выбирать значения признаков [6].

По мнению В. Ф. Петренко, использование термина *категориальная структура* обусловлено тем, что специфичность категорий заключается в системной организации их содержания [7]. В проведенном исследовании категориальной структуры образа носителя своей культуры у русских студентов (результаты будут представлены ниже) формой фиксации значения выступили слова естественного языка. Таким образом, значение выступает как идеальная модель, в которой обобщается общественный и индивидуальный опыт личности.

Нейробиолог С. Деан, исследующий механизмы сознания, указывает на то, что рабочее пространство сознания является системой широкого распределения информации. Данная особенность сознания приводит к формированию цепных

процессов. Становясь доступной в глобальном пространстве сознания, информация способна включаться в любой другой процесс [8]. Эти данные подтверждают, что благодаря информации об объекте, полученной в результате его восприятия, он не только соотносится с конкретной категорией сознания субъекта, категоризируется, но и является исходной информацией для других процессов, например, построения операции взаимодействия с данным объектом в дальнейшем.

В результате эксперимента В. С. Ден и В. М. Слоцки сделали следующие заключения:

- на более поздних этапах развития появляется связь процессов категоризации и памяти;
- классификация и умозаключение приводят к различиям в распределении внимания и, следовательно, в представлении категорий;
- существуют потенциально различные механизмы обучения категориям у молодых и взрослых. Например, взрослых разные режимы обучения могут приводить к разным представлениям категории, что приводит и к разным решениям по категоризации. А дети младшего возраста (4–5 лет) имеют тенденцию распределять внимание и формировать сходные представления в разных условиях [9].

На основе этих данных можно предположить, что и в ситуации межэтнического взаимодействия у субъектов восприятия представителей разных этносов при опоре на ранее приобретенный опыт, транслируемые родителями и обществом пребывания стереотипы, что находят свое отражение в продуктах культуры (СМИ, литературные произведения и др.), формируются соответствующие выводы. Данные выводы складываются в категории, по которым и происходит последующая оценка представителей своей и чужой этнической группы.

В русле социальной психологии процесс категоризации объектов окружающего мира изучается с позиций двух теорий: социальных представлений и социальной идентичности. Социальные представления трактуются как процесс и результат категоризации объектов социума; это общественное обыденное сознание, в котором взаимодействует множество иррациональных убеждений, знаний и идеологических взглядов. Социальные представления позволяют переориентироваться в новой ситуации, когда отсутствует полная информация о социальном объекте, поскольку такие представления включают в себя схемы восприятия и действий по отношению к нему [10–13]. Социальная идентичность, подробно изученная в работах А. Тэджфела и Дж. С. Тернера [14], является частью индивидуальной Я-концепции, она исходит от знаний индивида о собственной принадлежности к разным социальным группам, знаний, полученных путем сравнения членов своей и чужой социальной группы. Этническая идентичность является составной частью социальной идентичности, характеризуется осознанием личностью своей принадлежности к конкретному этносу и в то же время лежит в основе этнического самосознания.

Этническое самосознание формируется в результате сравнения своей культуры, мировоззрения, языка и образа жизни с другими народами, но это сравнение невозможно без противопоставления своего этноса и чужого. Тем самым подчеркивается взаимообусловленность категоризации других этносов и самокатегоризации по этническому основанию в сознании личности [15].

В контексте социальной категоризации последние психологические исследования подтверждают, что представления о социальных группах имеют пересекающуюся или частично совпадающую природу. Так, придаваемое значение, которое имеет свое основание для категоризации, может варьироваться в зависимости от других социальных идентичностей (например, гендерные стереотипы могут различаться в зависимости от воспринимаемой расы), а членство в определенной социальной категории может рассматриваться как ковариата с другой социальной категорией (например, членами профессиональных групп высокого статуса часто считаются мужчины) [16–18]. Р. Ф. Лей и Г. В. Боденхаузен доказали, что концепции социального класса тесно связаны с расовой характеристикой, при этом низкий экономический статус ассоциируется с чернокожими американцами, а высокий – с белыми американцами [19].

В российской науке можно найти немало публикаций по теме категориальной структуры представления или образа представителя своего или чужого этноса. Анализ публикаций по этой тематике отражает соответствующие структуры, выявленные с помощью различных модификаций метода семантического дифференциала, но без учета детерминации этнической идентичностью: исследования авто- и гетеростереотипов у российских студентов через построение общегруппового семантического пространства этнических стереотипов (на основе оценок образов 34 национальностей) [20]; самопонимания этнической идентичности на примере армянской молодежи [21; 22]; образов представителей России и США у российской молодежи [23]; этнической идентичности в связке с религиозной идентичностью на примере православных саха – якутов через определение особенностей их самокатегоризации [24] и др.

Для исследования категориальной структуры образа представителя своей этнической группы у русских студентов нами были использованы следующие методы: анкетирование, экспертный опрос, опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) [25], метод субъективного шкалирования, факторный анализ для статистической обработки данных. В анкету вошли вопросы, направленные на сбор биографической информации о респондентах: пол, возраст, национальность, гражданство, место обучения, направление обучения, курс, опыт взаимодействия с представителями других национальностей (есть / нет), в случае наличия такого опыта – перечисление этнических групп взаимодействия.

Организация исследования и выборка

Выборку составили 187 студентов 18–25 лет, идентифицирующие себя как люди русской национальности и обучающиеся в различных вузах Барнаула на разных специальностях (психология, информационные технологии, юриспруденция и др.). Студенты, принявшие участие в исследовании, приехали из разных городов и в Барнауле обучаются только на настоящий момент.

Первоначально с помощью метода экспертного опроса был составлен авторский опросник, направленный на выделение тех категорий, по которым респонденты будут оценивать русского – представителя своей этнической группы. В качестве экспертов выступили 13 студентов разного возраста и разных специальностей. Им было предложено задание написать по 4–5 характерных черт (жизнерадостный, сильный и т.д.) для представителей следующих национальностей: русские, казахи, таджики, китайцы, армяне. На этом основании был выделен общий список дескрипторов, который впоследствии применялся для оценки характерных черт представителей разных этнических групп. Было выделено 155 различных определений члена той или иной этнической группы. На основе этих определений выделены 27 пар дескрипторов, которые встречаются наиболее часто. Далее по этим шкалам респонденты оценивали выраженность данных характеристик у представителей русского этноса.

Результаты

Для выделения категориальной структуры образа члена своей этнической группы был применен метод факторного анализа. После учета показателей по средним значениям дескрипторов были обнаружены преобладающие полюса, на основе которых были выделены характеристики представителя русского этноса в представлениях молодых людей русской национальности.

Поскольку этническая идентичность, являясь результатом самокатегоризации личности по этническому основанию, имеет взаимозависимые отношения с основаниями для категоризации членов разных этнических групп, в данном исследовании выборка была поделена на четыре группы по критерию выраженности типа этнической идентичности [25]. В этих группах преобладают следующие типы этноидентичности: *гиперидентичность* (этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм, т.е. те или иные формы негативного отношения к представителям чужого этноса) – 55 человек; *позитивная этноидентичность* – 84 человека; *этническая индифферентность* (критерий этничности не актуален для самокатегоризации) – 42 человека; *этнонигилизм* (отход от собственной этнической группы, ее неприятие) – 6 человек.

1. **Студенты с гиперидентичностью.** Категориальная структура образа русского у молодых людей этой группы включает факторы, представленные в табл. 1 (объясненная дисперсия (D) факторной модели – 75,187 %).

Русский категоризируется как стремящийся достичь поставленных целей и занять лидерскую позицию, уверенный в себе, в целом ориентированный на сотрудничество для достижения желаемого результата, общительный и открытый для новых контактов. Подчеркивается стремление представителя русской национальности быть частью команды, принадлежать определенной социальной группе. Он также категоризируется как импульсивный и неорганизованный, упрямый, негибкий в спорных и нестандартных ситуациях.

Студенты с выраженной гиперидентичностью отмечают, что русские склонны хитрить для достижения поставленных целей. Таким образом, члены русской этнической группы не любят конфликтовать, зато готовы пойти на хитрость и уловки ради достижения целей. Примечательно, что они при этом категоризируются как доверчивые и простые, т. е. те, кого самого легко ввести в заблуждение. С помощью категории Светский подчеркивается индивидуалистский тип культуры представителей русской национальности, эмансипированность по критерию религиозности.

Табл. 1. Категориальная структура группы с выраженной гиперидентичностью

Tab. 1. Categorical model in the group with pronounced hyper-identity

Фактор (категория)	D, %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Демократичный лидер	17,119	аккуратный, ведущий, целеустремленный, дружелюбный, мирный, бережливый, отзывчивый, альтруистичный
F2. Импульсивный	13,559	возбужденный, ленивый, вспыльчивый, легкомысленный, шумный
F3. Общительный	12,235	открытый, разговорчивый, веселый, активный, сильный
F4. Отстаивает свою точку зрения	7,528	уверенный, гордый, упрямый
F5. Командный игрок	7,127	гостеприимный, сплоченный
F6. Хитрый	6,424	хитрый
F7. Светский	6,155	светский
F8. Доверчивый	5,041	доверчивый, простой

2. Студенты с позитивной этнической идентичностью. Данной группой студентов член русской этнической группы категоризируется как открытый для общения с другими людьми, ориентированный на установление новых связей и поддержание доброжелательных отношений, стремящийся быть членом группы, имеющий направленность на достижение личных целей и осуществляющий активный поиск путей и способов их достижения.

Русский описывается как простой в общении, не способный на хитрость ради достижения желаемого и в целом

достаточно доверчивый. При этом он категоризируется как несистемный, неорганизованный, человек, который не очень любит трудиться и старается сделать работу быстро, не обращая внимания на качество, а в случае неудачи бурно реагирующий на нее. В данной категориальной модели русский также описывается как упрямый и громкий, что может находить свое отражение в отстаивании собственной позиции (в отличие от предыдущей группы, данная категория имеет более негативную окраску). Русский категоризируется по критерию принадлежности к индивидуалистскому типу культуры. Факторы представлены в табл. 2 (объясненная дисперсия (D) факторной модели – 68,859 %).

Табл. 2. Категориальная модель группы с выраженной позитивной этнической идентичностью

Tab. 2. Categorical model in the group with a pronounced positive ethnic identity

Фактор (категория)	D, %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Открытый	14,568	открытый, дружелюбный, сильный, мирный, разговорчивый, отзывчивый
F2. Ориентация на достижение	11,240	активный, ведущий, целеустремленный, уверенный
F3. Неорганизованный	10,812	расточительный, небрежный, вспыльчивый, ленивый, легкомысленный
F4. Яростно отстаивает свою позицию	9,780	гордый, упрямый, шумный
F5. Простой	6,910	простой, простодушный
F6. Доверчивый	5,460	доверчивый
F7. Светский	5,242	светский
F8. Сплоченный	4,848	сплоченный

3. Студенты с этнической индифферентностью.

Русский в большей степени категоризируется как человек, который не ставит перед собой цели, действует бессистемно, неорганизованно и по наитию. Акцентируется внимание на уверенности русского в себе и его лидерском потенциале, стремлении к личному комфорту и пренебрежении желаниями и интересами других, излишней конфликтности в целом. Описывается стремление представителя русской национальности устанавливать и поддерживать связи со значимыми людьми, которые представляют для него некую ценность, проявление доверчивости и простоты общения. Подчеркивается индивидуалистский тип культуры русского народа, что проявляется в отсутствии культурных факторов, сдерживающих эмоциональные проявления и поведение (подчеркивается свобода от народных традиций и культурных ценностей). Факторы представлены в табл. 3 (объясненная дисперсия (D) факторной модели – 73,378 %).

4. Студенты с гиподентичностью. Поскольку данная группа студентов представлена подавляющим меньшинством

Табл. 3. Категориальная модель группы с преобладанием этнической индифферентности

Tab. 3. Categorical model in the group with ethnic indifference

Фактор (категория)	D, %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Неорганизованный	14,291	расточительный, безынициативный, ленивый, небрежный, агрессивный, разрозненный
F2. Ориентация на общение	14,111	открытый, активный, сильный, ведущий, дружелюбный, уверенный
F3. Конфликтный	11,462	упрямый, вспыльчивый, эгоистичный
F4. Общение как ценность	10,323	отзывчивый, веселый, гостеприимный, серьезный
F5. Светский	8,476	светский, возбужденный
F6. Доверчивый	7,526	доверчивый, простодушный
F7. Прост в общении	7,190	простой, разговорчивый

относительно всей выборки (6 человек), применение факторного анализа неправомерно. Поэтому является проблематичным выделение категориальной структуры, но для понимания того, как представляется этнический русский в сознании студентов с выраженной гиподентичностью и насколько это целостное представление отличается от категориальных структур, выявленных у других групп выборки, обозначим преобладающие полюса выделенных дескрипторов.

Обладая выраженным этнонигилизмом, соответствующая группа русских студентов представляет такого же русского как возбужденного, печального, дружелюбного, разговорчивого, легкомысленного, ленивого, шумного, вспыльчивого, гордого, уверенного, простого, сильного, подозрительного, расточительного, безынициативного, хитрого, упрямого, пассивного, гостеприимного, отзывчивого, мирного, эгоистичного, разрозненного, светского, открытого, ведомого и небрежного.

В выделенных категориальных моделях образа члена русской этнической группы в большинстве своем фигурируют одни и те же категории, которые формируют как схожие, так и специфичные черты представителя русского этноса (рис.). Каждой из групп подчеркивается общительность члена русской этнической группы, дружелюбие, стремление активно взаимодействовать с другими людьми. Все четыре группы отметили отделение представителя русского этноса от религиозных норм, тем самым подчеркивая преобладающий характер индивидуализма.

В то же время различие категориальных моделей обусловлено спецификой их содержания (присутствуют одни и те же подкатегории, но с разной факторной нагрузкой), что свидетельствует о качественно иной иерархии подкатегорий внутри факторов. Это обстоятельство, на наш взгляд,

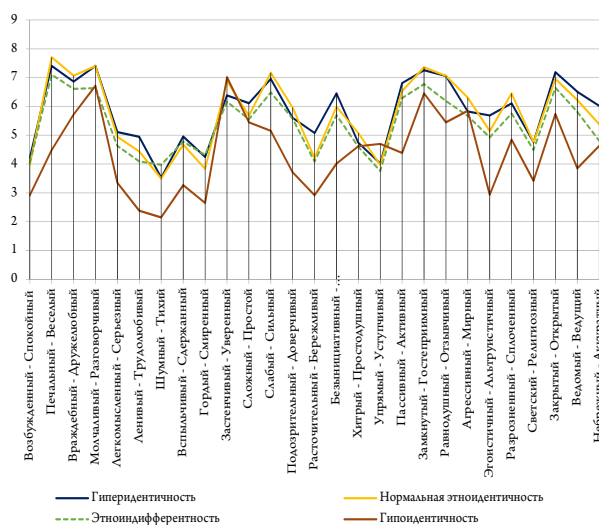


Рис. Выраженность категорий образа члена русской этнической группы у русских студентов с разной этнической идентичностью
Fig. Categories of the image of a member of Russian ethnic group in Russian students with different ethnic identities

ведет к различию целостного образа члена своей этнической группы в сознании личности. Так, несмотря на наличие в категориальной структуре образа представителя своего этноса у студентов с выраженной гиперидентичностью категорий отрицательного полюса, эти категории также способствуют складыванию достаточно позитивного представления о членах русской этнической группы как активных, инициативных, пробивных – способных отстаивать свою точку зрения и добиваться поставленных целей.

Студенты с преобладанием нормальной этнической идентичности помимо общительности, активности и целеустремленности русского отмечают и его недостатки, которые выражаются в излишней неорганизованности и торопливости. Таким образом, в категориальной структуре образа представителей данной группы преобладает позитивное представление, но не уходит от внимания и обратная, негативная сторона таких особенностей. У группы русских студентов с выраженной этнической индифферентностью в категориальной структуре образа русского присутствуют категории, описывающие его положительные и отрицательные поведенческие особенности, но акцент делается на вторых. Наконец, малая группа русских студентов с выраженной гиподентичностью категоризирует членов своей этнической группы, руководствуясь по большей части отрицательными дефинициями.

Заключение

Результаты доказывают выдвинутую гипотезу об обусловленности содержания компонентов категориальной структуры образа представителя своего этноса преобладающим у русских студентов типом этнической идентичности. Наиболее адекватный, учитывающий и позитивные, и негативные характеристики образа представителя своего этноса

фигурирует у группы русских студентов с преобладанием нормальной – позитивной этнической идентичности. Преобладание сугубо позитивных черт русского выражено у группы респондентов с преобладающей гиперидентичностью, проявляющейся в этноэгоизме, этнофанатизме и этноизоляционизме. Группа респондентов с выраженной этнической индифферентностью выделяет позитивные и по большей части негативные характеристики. А группой студентов с выраженным этнонигилизмом, для которой характерен отход от своей этничности, ее неприятие, такой же русский категоризируется негативными понятиями: хитрый, расточительный, подозрительный, шумный и др.

Специфика выделенных категориальных структур образа русского помимо влияния на эмоциональную оценку своего этноса гипотетически может оказывать влияние и на поведенческие характеристики личности в ситуациях межнационального взаимодействия [26]. Так, преобладающее представление члена своей этнической группы как лидера, вероятно, будет способствовать взаимодействию представителя русского этноса с членами других этнических групп с позиции сверху – вниз, т.е. будет преобладать конкуренция как стратегия поведения. При выраженной гиподентичности, вероятно, член русской этнической группы в такой ситуации, наоборот, будет занимать позицию снизу – вверх (приспособление /

избегание). При выраженной этнической индифферентности представитель русского этноса в большинстве случаев предпочтет стратегию компромисса, при выраженной позитивной этнической идентичности – стратегию сотрудничества.

Можно предположить, что, зная категориальную структуру образа члена своей же этнической группы у русских студентов, можно не только прогнозировать их стратегии поведения в конфликтных ситуациях межэтнического характера, но и выявлять способы их урегулирования. Вероятно, формирование желательных паттернов поведения будет обуславливать складывание соответствующей категориальной структуры образа члена своей этнической группы, а значит и позитивной этнической идентичности русской молодежи, что также приведет к формированию соответствующего отношения к своей и чужой культуре. Позитивное, доброжелательное и адекватное отношение к представителям разных национальностей способствует продуктивной адаптации к поликультурному образовательному пространству, к ситуации межэтнического взаимодействия. Взаимообусловленность поведенческих характеристик студентов и содержания категориальной структуры образа члена своей этнической группы носит гипотетический характер и требует проведения дополнительных исследований в дальнейшем.

Литература

1. Жоган Е. В., Павлинова И. В. Особенности и культура межнационального общения студентов Рыбницкого филиала Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 9. С. 132–135.
2. Калачинская Е. В. Толерантность студентов регионального вуза: оценка состояния и методы развития // Образование и наука. 2015. № 5. С. 72–86. DOI: 10.17853/1994-5639-2015-5-72-86
3. Сафронова Ж. С., Степанова Т. В. Социально-психологические особенности межнационального восприятия молодежи в условиях современного многонационального общества // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 3. С. 170–178.
4. Филипченко С. Н., Матвеева А. А. Особенности воспитания культуры межнациональных отношений иностранных студентов университета // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 4. С. 496–502.
5. Anderson J. R. The adaptive nature of human categorization // Psychological Review. 1991. Vol. 98. № 3. P. 409–429. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.3.409>
6. Брунер Дж. С. Психология познания: За пределами непосредств. информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого; под общ. ред. А. Р. Лурии. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
7. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 437 с.
8. Деан С. Сознание и мозг: как мозг кодирует мысли / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2018. 415 с.
9. Deng W. S., Sloutsky V. M. Selective attention, diffused attention, and the development of categorization // Cogn. Psychol. 2016. Vol. 91. P. 24–62. DOI: 10.1016/j.cogpsych.2016.09.002
10. Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
11. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
12. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. Vol. 2. № 2. P. 75–78.
13. Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016. 475 с.
14. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings / eds. J. T. Jost, J. Sidanius. N. Y.: Psychology Press, 2004. P. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>

15. Ишмулина Г. И. Основные подходы к изучению понятия «этническое самосознание» в исследованиях башкирских ученых // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 1. С. 124–127.
16. Kang S. K., Bodenhausen G. V. Multiple identities in social perception and interaction: challenges and opportunities // Annual Review Psychology. 2015. Vol. 66. № 1. P. 547–574. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015025>
17. Sönderlund A. L., Morton T. A., Ryan M. K. Multiple group membership and well-being: is there always strength in numbers? // Front. Psychol. 2017. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01038
18. Moore-Berg S. L., Karpinski A. An intersectional approach to understanding how race and social class affect intergroup processes // Social and Personality Psychology Compass. 2018. Vol. 13. № 1. DOI: 10.1111/spc3.12426
19. Lei R. F., Bodenhausen G. V. Racial assumptions color the mental representation of social class // Front. Psychol. 2017. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00519
20. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000. 72 с.
21. Тучина О. Р. Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры (на материале исследования армянской молодежи Кубани) // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 9. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-93
22. Тучина О. Р. Самопонимание этнокультурной идентичности в разных условиях бытия этнической группы // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 256–259.
23. Марин Е. Б. Образы представителей России и США у российской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 101–111. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101-111
24. Сидорова Т. Н. Психологические особенности этноконфессиональной идентичности саха – якутов // Психолог. 2019. № 6. С. 1–10. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31672
25. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
26. Deaux K. Ethnic / racial identity: fuzzy categories and shifting positions // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2018. Vol. 677. № 1. P. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716218754834>

original article

Categorial Image Structure of Their Ethnic Community Member in Modern Russian Students

Sophia A. Romanova^{a, @, ID1}; Olga S. Gurova^{a, ID2}

^a Altai State University, Russia, Barnaul

@ sony-24@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3310-0350>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7386-3024>

Received 23.04.2020. Accepted 21.05.2020.

Abstract: Junior students have to adapt not only to the new educational environment, but also to the intercultural community of metropolitan universities. Russian students have problems both with categorization of members of other ethnic communities and their own self-categorization, i.e. the way they see a member of their own culture. The research objective was to determine the categorial structure of the image of a representative of their own culture in Russian students that studied in the city of Barnaul. The image depended on the predominating type of the respondents' own ethnic identity. The research methodology was based on the systematic approach to the personality analysis, J. Bruner's theory of perception, V. F. Petrenko's psycho-semantic approach, and G. U. Soldatova's typology of ethnic identity. The authors employed the methods of an expert assessment, subjective scaling, and the questionnaire "Types of Ethnic Identity" by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova. They presented the categorial structure of the image of a member of the Russian ethnic group as factor models, or category structures, that described the representative of Russian nationality. Factor models were identified on the basis of the predominant type of ethnic identity of the respondents. Four factor models revealed that young people with a pronounced hyper-identity had a more positive view of the members of their ethnic group, focusing on their strength and strong-will. Students with average ethnic identity noted both advantages and disadvantages. Students with pronounced ethnic indifference tended to put more stress on the negative categories. Students with hypo-identity saw only negative traits in the members of their ethnic group. Therefore, behavioral patterns of interethnic interaction partially depended on the content of the categorial image structure of the representative of one's ethnic group. The authors propose several ways of developing a positive ethnic identity, which make it possible to shape an adequate attitude to representatives of one's own ethnicity and other ethnic groups.

Keywords: categorization, ethnic self-awareness, interethnic cooperation, ethnic identity, factor analysis

For citation: Romanova S. A., Gurova O. S. Categorical Image Structure of Their Ethnic Community Member in Modern Russian Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 463–470. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-463-470>

References

1. Zhogan E. V., Pavlinova I. V. Peculiarities and culture of interethnic communication of students of the Rybnitsa branch of the Transnistrian State University T. G. Shevchenko. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2017, (9): 132–135. (In Russ.)
2. Kalachinskaya E. V. Tolerance of regional high school students: assessment and development methods. *Obrazovanie i nauka*, 2015, (5): 72–86. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2015-5-72-86
3. Safronova Zh. S., Stepanova T. V. Socio-psychological characteristics of interethnic perception of youth in modern multinational society. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2013, (3): 170–178. (In Russ.)
4. Filipchenko S. N., Matveeva A. A. Some features of upbringing a culture of inter-ethnic relations of foreign students. *Vestn. Udm. un-ta. Ser. Filosofii. Psikhologiya. Pedagogika*, 2017, 27(4): 496–502. (In Russ.)
5. Anderson J. R. The adaptive nature of human categorization. *Psychological Review*, 1991, 98(3): 409–429. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.3.409>
6. Bruner J. S. *Beyond the information given*, tr. Babitskii K. I., ed. Lurii A. R. Moscow: Progress, 1977, 412. (In Russ.)
7. Petrenko V. F. *Multidimensional consciousness: a psycho-semantic paradigm*. Moscow: Novyi khronograf, 2010, 437. (In Russ.)
8. Dehaene S. *Consciousness and the brain*, tr. Iushchenko I. Moscow: Karera Press, 2018, 415. (In Russ.)
9. Deng W. S., Sloutsky V. M. Selective attention, diffused attention, and the development of categorization. *Cogn. Psychol.*, 2016, (91): 24–62. DOI: 10.1016/j.cogpsych.2016.09.002
10. Bovina I. B. Theory of social representations: history and modern development. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2010, (3): 5–20. (In Russ.)
11. Moscovici S. Social performance: a historical look. *Psihologicheskij zhurnal*, 1995, 16(1): 3–18. (In Russ.)
12. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations. *Papers on social representations*, 1993, 2(2): 75–78.
13. Emelianova T. P. *Social representations: history, theory, and empirical research*. Moscow: IP RAN, 2016, 475. (In Russ.)
14. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. Key readings in social psychology. *Political psychology: Key readings*, eds. Jost J. T., Sidanius J. N. Y.: Psychology Press, 2004, 276–293. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
15. Ichmullina G. I. The main approaches to the study of the concept of "ethnic identity" in studies of Bashkir scientists. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2017, 2(1): 124–127. (In Russ.)
16. Kang S. K., Bodenhausen G. V. Multiple identities in social perception and interaction: challenges and opportunities. *Annual Review Psychology*, 2015, 66(1): 547–574. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015025>
17. Sønderlund A. L., Morton T. A., Ryan M. K. Multiple group membership and well-being: is there always strength in numbers? *Front. Psychol.*, 2017, 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01038
18. Moore-Berg S. L., Karpinski A. An intersectional approach to understanding how race and social class affect intergroup processes. *Social and Personality Psychology Compass*, 2018, 13(1). DOI: 10.1111/spc3.12426
19. Lei R. F., Bodenhausen G. V. Racial assumptions color the mental representation of social class. *Front. Psychol.*, 2017, 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00519
20. *Psychosemantic analysis of ethnic stereotypes: faces of tolerance and intolerance*, ed. Asmolov A. G. Moscow: Smysl, 2000, 72. (In Russ.)
21. Tuchina O. R. Self-understanding of ethno-cultural identity in the diaspora (based on the study of the Armenian youth Kuban). *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, (9). (In Russ.) DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-93
22. Tuchina O. R. The self-understanding of ethno-cultural identity in different living conditions of ethnic groups. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, (8): 256–259. (In Russ.)
23. Marin E. B. Images of Russians and Americans as seen by Russian adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 101–111. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101-111
24. Sidorova T. N. Psychological peculiarities of ethno-confessional identity of the Sakha – Yakuts. *Psikholog*, 2019, (6): 1–10. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31672
25. Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Smysl, 1998, 389. (In Russ.)
26. Deaux K. Ethnic / racial identity: fuzzy categories and shifting positions. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, 677(1): 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716218754834>

Агрессивное поведение несовершеннолетних правонарушителей в контексте акцентуаций характера и самоотношения личности

Павел Р. Юсупов^{a, @, ID1}; Татьяна А. Мардасова^{a, ID2}; Анна С. Кузьмина^{a, ID3}

^a Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

@ yusupovpr@gmail.com

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5416-0275>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5864-7120>

Поступила в редакцию 02.04.2020. Принята к печати 12.05.2020.

Аннотация: Рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению агрессии и агрессивного поведения. Отмечается тенденция к изучению агрессивных форм поведения с учетом разнообразных факторов (биологических, социокультурных, психологических), механизмов формирования, детерминант подкрепления, способов диагностики, контроля и коррекции. Акцентируется внимание на перспективности изучения агрессивных проявлений с позиций анализа формирования личности и самосознания. Показано, что структура самосознания, характерная для индивидов, склонных к агрессии, оказывается заметно деформированной, что объясняется исследователями разрывом между Я-реальным и Я-идеальным, нарушениями способов регуляции поведения, трудностями рефлексии. Раскрывается значение факторов, способных обусловить высокий уровень агрессивного поведения подростков: неблагоприятные стили семейных отношений, уклонение от участия в учебном процессе, влияние групп сверстников и т. д. Отмечается, что предрасположенность к агрессивному поведению может быть связана с небольшим репертуаром конструктивных копинг-стратегий, недостаточным уровнем развития когнитивных способностей, трудностями контроля и регуляции эмоций. В рамках эмпирического исследования изучаются психологические особенности агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в контексте акцентуаций характера и самоотношения личности. Проанализированы различия в уровнях выраженности разных форм агрессивного поведения между группой несовершеннолетних правонарушителей и группой нормы. Выявлены значимые связи между акцентуациями характера и формами агрессивного поведения на выборках исследования. Показаны особенности самооценки и самоотношения, характерные для подростков, имеющих опыт противоправного поведения.

Ключевые слова: агрессия, противоправное поведение, самосознание личности, самооценка, фрустрация базовых потребностей, стили семейного взаимодействия, когнитивные ошибки

Для цитирования: Юсупов П. Р., Мардасова Т. А., Кузьмина А. С. Агрессивное поведение несовершеннолетних правонарушителей в контексте акцентуаций характера и самоотношения личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 471–480. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-471-480>

Введение

Изучение агрессии и агрессивного поведения не теряет своей актуальности и является предметом постоянных дискуссий с позиций различных психологических теорий и школ. Объектами внимания исследователей оказываются экспликация основных понятий, биологические, социокультурные и психологические факторы, механизмы научения и усвоения, индивидуальные и групповые детерминанты проявления и подкрепления, способы диагностики, контроля и коррекции агрессивности и агрессивного поведения (А. Бандура, А. Басс, Л. Берковиц, Дж. Доллард, С. Н. Ениколопов, Д. Зильманн, К. Лоренц, Н. Миллер, С. Фишбах, З. Фрейд, Б. Г. Ананьев; Ю. М. Антонын, С. Н. Дубинко, М. И. Еникеева и др.).

Количество научных исследований и профилактических разработок, посвященных темам агрессивного, девиантного

и делинквентного поведения в молодежной среде, указывает на сохранение социальной значимости и профессионального интереса специалистов разного профиля к данной проблеме. Вопросы изучения агрессивного отклоняющегося поведения подростков ставились в работах Г. С. Абрамовой, В. А. Аверина, М. А. Алемаскина, Ю. М. Антонян, С. А. Беличевой, И. В. Дубровиной, Е. В. Змановской, В. В. Знакова, Е. Я. Иванова, Д. Д. Исаева, А. Г. Ковалева, И. С. Кона, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунева, Г. М. Миньковского, В. Ф. Пирожкова, А. А. Реана, Л. М. Семенюк и др.

Одной из первых теорий, получившей экспериментальное подтверждение, стала фрустрационная теория агрессии Дж. Долларда, которая опиралась на работы З. Фрейда и К. Левина [1]. Агрессия, в соответствии с данной теорией, рассматривается как реакция на фрустрацию. Более мягкую

форму связи между фрустрацией и агрессией выражали Л. Берковиц и Е. Мак-Нейл, для которых фрустрация являлась лишь достаточным основанием для формирования агрессивных реакций и форм поведения. Многие психологи, например А. Басс, Г. Кауфманн, Н. Д. Левитов, не разделяют универсальной связи между фрустрацией и агрессией. Последующие исследования показали, что не всякая фрустрация провоцирует агрессию. Агрессия часто может возникать с «позиции силы» как способ выражения превосходства и самоутверждения, и тогда ни о какой фрустрации речь не идет [1].

А. Басс предложил собственный взгляд на агрессию с позиций поведенческого подхода. Он рассматривал агрессию как реагирование на враждебные стимулы. Агрессивность индивида выводилась из частоты ситуаций, в которых он был атакован, фрустрирован, раздражен. Находясь в рамках методологии поведенческого подхода, А. Басс тем не менее особое внимание уделяет роли темперамента в формировании агрессивных реакций. Развитие агрессивности в концепции А. Басса связано с такими переменными темперамента, как импульсивность, интенсивность реакций, уровень активности и независимость [1]. Независимость ученый понимает как стремление к самоутверждению и защите от группового давления, что выглядит уже не особенностью темперамента, а, скорее, свойством индивидуальности, личности. В этом смысле для таких «независимых» индивидов характерно большее количество раздражителей и агрессивных ответов в ежедневных взаимодействиях, в сравнении с контрольной группой.

Фрустрационная теория агрессии получила дальнейшее развитие в трудах психологов гуманистического направления (А. Маслоу, Р. Лазарус) [2]. Гуманистические теории личности показали, что в жизненных ситуациях фрустрированным, реагирующим на враждебную стимуляцию оказывается не организм, а прежде всего личность. Именно личность оказывается способной на агрессивное или враждебное поведение в результате фрустрации ее базовых потребностей.

Другой представитель поведенческого подхода, А. Бандура, считал недостаточным для возникновения агрессии одного факта фрустрации и сопутствующей неудовлетворенности [1, с. 13]. В рамках модели социального научения А. Бандура предложил рассматривать агрессию как результат процессов социогенеза [2, с. 116]. Наблюдая агрессивные образцы поведения и связанные с ними индивидуальные выгоды, индивид научается агрессивному (или враждебному) поведению и становится готовым к его воспроизводству.

Широкие возможности экспериментального изучения феноменов агрессии представлены в когнитивно-поведенческом подходе (А. Бек, К. Додж, Н. Крик, Ф. Кенделл и др.). Сторонники данного подхода осмысливают особенности интерпретации индивидом угрожающих, фрустрирующих, провокационных стимулов (ситуаций) и выявляют когнитивные структуры (схемы), обуславливающие реагирование и выбор агрессивного поведения. Агрессивное

поведение рассматривается как результат анализа информации индивидом, в процессе которого могут допускаться когнитивные ошибки, искажения, связанные с феноменом «когнитивной недостаточности», «когнитивной деформации» [3, с. 101; 4].

Дальнейшее исследование агрессии как социально-психологического феномена привело к разделению понятий *агрессия* и *агрессивность*. Нам представляется наиболее рациональной точка зрения А. А. Реана, согласно которой агрессия (агрессивное поведение) понимается как совокупность деструктивных действий, причиняющих ущерб другому индивиду или объекту, тогда как агрессивность рассматривается как личностная особенность, интегрирующая внутренние репрезентации агрессии: фрустрации, фантазии, побуждения, аффекты и т.д. [5].

Рассматривая многообразие подходов и теорий агрессии, необходимо отметить, что конкретные агрессивные проявления невозможно объяснять отдельными факторами: психологическими свойствами, сформированными установками, темпераментом, научением и т. п. Агрессивное поведение следует оценивать с позиций целостного субъективного опыта личности и контекста деятельности. Целенаправленность, преднамеренность, до некоторой степени осознанность агрессивного поведения можно изучать лишь с позиций целостной системы убеждений и ценностей личности, анализа структуры самоотношения, сформированности самосознания.

О тесной связи между агрессивностью, агрессивным поведением и особенностями самосознания личности указывается в работах В. А. Аверина, И. А. Горьковой, З. Н. Григорьевой, Е. Т. Соколовой. С точки зрения В. А. Аверина, причины агрессии связаны с процессом формирования личности и самосознания. Исследователь показал, что структура самосознания в группе лиц с выраженным агрессивным поведением оказывается значительно деформированной, что связано со значимым разрывом между Я-реальным и Я-идеальным, а также с нарушениями внутренних механизмов регуляции поведения. Предполагается, что психологическая коррекция указанных аспектов самосознания, повышение осознанности и опосредованности собственного поведения способно приводить ко все большей контролируемости агрессивных проявлений [6].

Е. Т. Соколова рассматривает формирование агрессивного поведения и соответствующих аффективных состояний как реакцию личности на фрустрацию базовых потребностей [7]. Автор подробно останавливается на проблеме становления образа Я, развития самосознания, самоотношения и описании аномалий личности, связанных с недостижимостью базовых аспектов самоотношения: самоценности, самодостаточности, чувства защищенности. В этом контексте агрессивные реакции и поведение понимаются как деструктивные защитные механизмы, указывающие на невозможность нормального развития личности и социально приемлемых мотивов поведения.

В некоторых работах показано, что особенности развития самосознания, самоотношения личности определяют не только общий уровень агрессивности личности и поведения, но и формы агрессивных проявлений: адаптивная или неадаптивная агрессия. Например, В. Г. Печерский указывает на то, что агрессивное поведение делинквентной личности можно отнести в основном к деструктивному, неадаптивному типу. Изучая агрессивность в структуре делинквентного поведения на примере заключенных, он делает вывод, что их агрессивность в контексте пенициарного статуса носит не столько инструментальный характер, «связанный с фрустрированностью базовых потребностей в эмоционально комфортных отношениях, в самоутверждении, свободе самовыражения», сколько характер устремления к обеспечению собственной защиты и комфортного статуса путем доминирования, подавления, подчинения других [2, с. 122].

В психологии выделяют факторы, традиционно связываемые с агрессивным поведением несовершеннолетних: влияние семьи, вовлеченность в учебно-образовательную деятельность, влияние межличностного взаимодействия в группах сверстников, употребление психически-активных веществ [1; 8–13].

С возникновением и закреплением агрессивных форм реагирования и поведения могут быть связаны стили семейного взаимодействия, уровень сплоченности семьи, эмоциональная близость между членами семьи, образцы поведения, демонстрируемые родителями и т.д. Причины агрессивного поведения психологи справедливо связывают с характером отношений между родителями и детьми. Агрессивность детей и подростков часто объясняют внутрисемейной атмосферой беспорядка и безмолвия, безразличия к чувствам других [14]. Высокий уровень агрессии подростков характерен для семей с непреодолимой эмоциональной дистанцией между детьми и родителями, где мало интересуются проблемами друг друга, где вместо заботы и терпеливого объяснения предпочитают силовые методы, особенно физические наказания [15; 16].

Вовлеченность подростка в различные группы сверстников рассматривается как значимый фактор формирования агрессивного, девиантного и делинквентного поведения [1; 9]. Группа сверстников способна предложить образцы поведения и перечень одобряемых качеств, где проявления агрессии могут расцениваться как нормальные, адекватные способы поведения и достижения своих интересов. Специалисты, работающие в системе мониторинга противоправных действий детей и подростков, описывают подростковые группы, отличающиеся заметной асоциальной направленностью, где агрессивные качества служат поддержанию и воспроизводству субкультуры насилия, аттитудов «настоящего мужчины», отвечают за способность отстоять свой статус, позицию любыми брутальными средствами, несмотря на очевидный ущерб нижестоящих в иерархии членов группы [17–22].

Склонность подростков к агрессивным реакциям и агрессивному поведению часто объясняется недостатком зрелых копинг-стратегий и способов реагирования в трудных ситуациях. Вместо коррекции собственной мотивации, переосмысления ситуации, поиска иных способов поведения подросток может выбирать более примитивные, импульсивные, агрессивные формы реагирования. Выбор подростками агрессивных форм поведения связывают с недостаточным развитием когнитивных способностей. За неадекватной оценкой ситуации может стоять низкий уровень обобщения и абстрагирования, трудности в определении существенного и второстепенного, низкая способность в установлении причинно-следственных связей. Вместе с тем высокий уровень агрессивного поведения может быть связан с эмоциональной неустойчивостью, повышенной возбудимостью, недостаточным развитием волевой сферы и способности к саморегуляции и самоконтролю [23].

С. Н. Ениколопов с соавторами делают вывод о связи агрессивности с представлениями человека о самом себе, с его компетентностью в области коммуникации с другими людьми [23; 24]. Исследование [24] показало, что высокий уровень агрессивности согласуется со склонностью приписывать людям эмоции, которых они не испытывают. По сути, речь идет о формировании когнитивных ошибок и установок, допускающих оправданное насилие в отношении обидчика: поставить на место, дать отпор, защитить себя, повысить / защитить свой статус.

Наконец, психологи говорят о целом ряде индивидуально-психологических свойств, стоящих за проявлениями агрессии, в том числе об акцентуациях характера [19; 25; 26]. Представляется интересным и перспективным эмпирическое изучение взаимосвязи агрессии с особенностями самоотношения и акцентуаций характера.

Цель настоящего исследования – выявление и характеристика психологических особенностей агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в контексте акцентуаций характера и самоотношения личности. Мы предположили, что высокий уровень агрессивного поведения демонстрируют несовершеннолетние правонарушители с акцентуацией характера по возбудимому, демонстративному, гипертимному типу, с заниженной самооценкой, не уверенные в себе и в своих силах, не удовлетворенные своими возможностями, с плохой саморегуляцией, доминированием внешнего локуса контроля.

В исследовании приняли участие 60 несовершеннолетних (юноши в возрасте 15–16 лет). В клиническую группу вошли 30 юношей, совершивших правонарушение и состоящих на учете в подразделении отдела полиции по делам несовершеннолетних (г. Барнаул); в группу нормы вошли 30 юношей, не совершавших правонарушений и являющихся учащимися 9–11 классов средних школ Барнаула.

Методы и материалы. Для исследования проявлений агрессии и враждебности в межличностном взаимодействии дома, в процессе обучения или работы был использован

опросник агрессивности (А. Басс, А. Дарки) [27]. Для диагностики типа акцентуации личности использован тест-опросник «Акцентуации характера личности» (Г. Шмишек, К. Леонгард) [28]. Исследование самооценки личности реализовано с помощью методики Самооценка (А. Д. Столяренко) [29]. Структура самоотношения личности несовершеннолетних испытуемых выявлялась с помощью методики исследования самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Панталеон)¹. К полученным данным исследования были применены методы статистического анализа: сравнение результатов с использованием U-критерия Манна-Уитни, выявление взаимосвязи по коэффициенту Спирмена (r).

Результаты

На первом этапе исследования в целях выявления значимых различий средних был применен непараметрический критерий Манна-Уитни (табл. 1).

Табл. 1. Различия средних по шкалам опросника агрессивности между группой несовершеннолетних правонарушителей (1) и группой нормы (2)

Tab. 1. Mean values according to aggressiveness questionnaire in the juvenile offenders (1) vs. the control group (2)

Шкала \ Средний ранг	Группа		p
	1	2	
Физическая агрессия	45,50	15,50	0,01
Косвенная агрессия	41,03	19,97	0,01
Раздражение	45,50	15,50	0,01
Негативизм	33,23	27,77	0,20
Обида	34,93	26,07	0,41
Подозрительность	39,03	21,97	0,01
Вербальная агрессия	44,97	16,03	0,01
Чувство вины	35,17	25,83	0,35

Критерий сравнения средних показал, что по всем шкалам опросника (кроме шкалы Негативизм) группа несовершеннолетних правонарушителей имеет значительно превосходящие показатели, в сравнении с группой нормы, при чем по всем шкалам обнаружены достоверные различия. Сравнения индексов агрессивности и враждебности также выявило значимые различия и достоверно высокие показатели для группы подростков, имеющих зарегистрированный опыт правонарушений.

Основываясь на данных, подтверждающих наши предположения, можно утверждать, что группа несовершеннолетних правонарушителей отличается значимо высокими показателями физической, вербальной и косвенной агрессии, что проявляется в выраженной готовности использовать физическую силу против другого лица, в склонности использовать не прямые, косвенные формы агрессии, различные варианты вербальной агрессии. Помимо выраженных форм агрессивности несовершеннолетние правонарушители отличаются повышенной вспыльчивостью,

раздражимостью, недоверием и подозрительностью по отношению к другим людям, готовностью испытывать чувство обиды и зависти к окружающим за действительные и вымышленные намерения и действия. Дополняет картину высокой агрессивности и враждебности чувство вины, потенциально связанное с негативной оценкой своих поступков и своих личностных качеств. Анализ сравнения групп испытуемых по акцентуациям характера выявил ожидаемые значимые различия по демонстративному ($p=0,01$), возбудимому ($p=0,01$) и эмотивному ($p=0,03$) типам.

Группа несовершеннолетних правонарушителей отличается выраженными демонстративными чертами характера, что в соответствии с методологией шкал опросника указывает на стремление быть лидером группы, быть в центре внимания, стремиться к влиянию, власти и известности. Как правило, демонстративные черты связаны с выраженной харизмой, желанием привлечь внимание, манерностью в социальном взаимодействии. Поведение демонстративной личности обычно характеризуется такими негативными чертами как лицемерие и эгоистичность.

Другой акцентуацией характера, свойственной подросткам с зарегистрированным опытом правонарушений, оказался возбудимый тип. Подростки, тяготеющие к возбудимому типу, отличаются импульсивностью, склонностью реагировать на воздействия и стимулы без достаточного осмысления ситуации. При выраженных аффективных всплесках возбудимый индивид оказывается способным на опасное, конфликтное и рискованное поведение. В отношениях с другими людьми демонстрирует стремление к власти и контролю. В большинстве ситуаций возбудимый тип управляется импульсами, инстинктами, чувствами, кроме того, он, как правило, имеет трудности с пониманием последствий своих поступков и извлечением выгоды из собственного негативного опыта.

Анализ корреляций между шкалами опросника агрессивности и опросника акцентуаций характера позволил выявить значимые корреляции между типами акцентуаций характера и формами агрессивности на выборке испытуемых. На общей выборке частично подтвердились ожидания высоких корреляций между формами агрессивности (физическая, косвенная агрессия и вербальная агрессия, раздражение) и такими типами акцентуаций характера, как возбудимый, демонстративный и эмотивный. Однако существуют заметные различия в корреляциях между группой правонарушителей и группой нормы. На выборке несовершеннолетних правонарушителей формы агрессивности особенно согласованы с возбудимым, эмотивным и гипертимным типами характера. Дифференциальная оценка корреляций для двух выборок показывает, что устойчивую связь с агрессивностью сохраняют только возбудимые черты характера (коэффициент корреляции между возбудимым типом акцентуации и индексом агрессивности для группы правонарушителей – $r=0,38$, $p=0,04$; для группы нормы – $r=0,22$, $p=0,15$).

¹ Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: МГУ, 1988. 141 с.

На выборке несовершеннолетних правонарушителей эмотивный тип акцентуаций коррелирует в основном только с косвенными ($r=0,31$, $p=0,08$) и вербальными ($r=0,26$, $p=0,14$) формами агрессии. Для нормативной выборки эмотивный тип акцентуаций имеет лишь слабые корреляции с косвенной агрессией ($r=0,24$, $p=0,15$). На выборке несовершеннолетних правонарушителей агрессивное поведение связано не с демонстративными особенностями характера (как это характерно для общей выборки), а с гипертимными чертами. Для этой группы испытуемых обнаружены довольно значимые корреляции между гипертимным типом характера и физической ($r=0,33$, $p=0,05$) и вербальной ($r=0,32$, $p=0,07$) агрессией. Такие корреляции вполне соответствуют описанию гипертимной акцентуации характера в классификации Г. Шмишека. В данном случае склонный к физической и вербальной агрессии обобщенный индивид из группы несовершеннолетних правонарушителей будет часто демонстрировать гипертимный, повышенный фон настроения, завышенную самооценку, способность легко вступать в коммуникацию с другими людьми, отличаться легкомыслием, неисполнительностью, низкой дисциплиной, низким самоконтролем и несоблюдением норм морали. Именно физические формы агрессии у подростков из группы правонарушителей высоко и значимо коррелируют как с гипертимными, так и с возбудимыми чертами характера.

Применение критерия Манна-Уитни показало достоверные различия на уровне самооценки между группой несовершеннолетних правонарушителей и группой нормы. Самооценка подростков из группы нормы оказалась значимо выше (средний ранг для группы правонарушителей – 0,21, для группы нормы – 0,39, $p=0,01$). В соответствии с нормами методики, более половины подростков (67 %) из группы правонарушителей имеют низкий уровень самооценки, тогда как в группе нормы испытуемых с низкой самооценкой только 10 %. В группе несовершеннолетних правонарушителей практически отсутствует высокий уровень самооценки (только 3 %), в группе нормы 13 % подростков имеют высокую самооценку. Лишь у 30 % подростков из группы правонарушителей уровень самооценки оказался средним. Самооценка группы нормы приближается к оптимальному состоянию. Оптимальная адекватная самооценка характеризуется правильным соотношением своих возможностей и способностей с реальными обстоятельствами, реалистичной оценкой своих успехов и неудач, согласованностью в оценке собственного поведения с оценками окружающих.

Большая часть подростков из группы правонарушителей имеют низкий уровень самооценки. В этом случае можно говорить о заниженной самооценке и о сформированности негативного образа Я в глазах окружающих. Индивиды с заниженной самооценкой склонны воспринимать окружающий мир как несправедливый и критикующий, предъявляющий очень высокие, недостижимые требования. В результате

они могут оказываться очень требовательными к себе и еще более требовательными к другим, могут не прощать промахов и ошибок никому. Для выравнивания своей низкой самооценки часто выбирают стратегию поиска и высвечивания недостатков у других. Индивид с такой оценкой себя никогда не будет ставить перед собой трудных целей, чтобы не оказаться в проигрыше. «Врагами» индивидов с низкой самооценкой становятся высокие требования, правила, ценности и качества, которые остаются недостижимыми. Также враждебно будут встречены представители социума (педагоги, родители, сверстники), которые обращают внимание на их несоответствие высоким стандартам.

Корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) между шкалами агрессивности и уровнем самооценки показал ожидаемую достоверную обратную связь. При $p=0,01$ выявлены следующие коэффициенты: физическая агрессия – $r=-0,57$; косвенная агрессия – $r=-0,4$; раздражение – $r=-0,47$; вербальная агрессия – $r=-0,43$. Индекс агрессии равен –054 при $p=-0,01$. Обратные корреляции между уровнем самооценки и агрессивными формами поведения представляются закономерными. Заниженная самооценка, восприятие критически настроенных окружающих, недостижимость социально значимых ценностей и качеств, минимальное количество безопасных способов коммуникации – все это потенциально может являться значимыми факторами агрессивного поведения.

Для выявления достоверных различий по шкалам методики исследования самоотношения между группой правонарушителей и группой нормы применен U-критерий Манна-Уитни. Выявлены достоверные различия по всем девяти шкалам методики (табл. 2).

Табл. 2. Достоверные различия средних по шкалам исследования самоотношения и шкалам опросника агрессивности между группой несовершеннолетних правонарушителей (1) и группой нормы (2)

Tab. 2. Significant differences in the mean values on the scales of research on self-conception and the scales of the aggressiveness questionnaire in the juvenile offenders (1) vs. the control group (2)

Шкала	Средний ранг		p
	1	2	
Открытость	44,17	16,83	0,01
Самоуверенность	17,35	43,65	0,01
Саморуководство	19,37	41,63	0,01
Отраженное самоотношение	20,37	40,63	0,01
Самоценность	17,75	43,25	0,01
Самопринятие	19,40	41,60	0,01
Самопривязанность	36,27	24,73	0,01
Внутренняя конфликтность	45,47	15,53	0,01
Самообвинение	45,50	15,50	0,01

Подростки из группы правонарушителей в сравнении с группой нормы имеют значимо высокие баллы, особенно по четырем шкалам самооотношения: Открытость, Внутренняя конфликтность, Самообвинение, Самопривязанность. Высокие баллы по шкале Открытость указывают на защитное поведение индивида, стремление к конформности и соответствию общепринятым нормам поведения, желание скрывать свои недостатки. Человек склонен к избеганию открытых отношений как с окружающим миром, так и с самим собой, что может быть связано с недостаточностью навыков рефлексии, поверхностным пониманием себя, признанием наличия существенных личностных изъянов.

Для группы несовершеннолетних правонарушителей, как показывают результаты, свойственен негативный фон отношения к себе. Индивид с выраженной внутренней конфликтностью вынужден много времени уделять контролю над своим поведением и тем, как он выглядит в глазах окружающих. Его мнение о себе оказывается связанным с перфекционистскими требованиями к себе, с заметным противостоянием между Я-реальным и Я-идеальным, с высоким уровнем притязаний, не согласующимся с реальными достижениями и часто ведущим к признанию своей малоценности. При высоких баллах этой шкалы развитая саморефлексия переходит к выраженному самокопанию и поиску у себя социально осуждаемых качеств и свойств.

Индивиды с высокими баллами по шкале Самообвинение выявляют склонность видеть в себе прежде всего недостатки, ставить себе в вину все промахи и неудачи. Основными стратегиями защиты собственного Я в проблемных ситуациях социального взаимодействия оказываются самообвинение и неконструктивное оправдание себя, своих ошибок не зависящими от себя причинами и обстоятельствами. То есть самообвинительные тенденции можно рассматривать как опережающий, защитный копинг в ситуациях общения, когда проще найти оправдание своим ошибкам и недостаткам, чем искать решения для изменения собственного поведения.

Подростки из группы правонарушителей отличаются ригидной Я-концепцией, когда индивид стремится сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе и собственную самооценку. Присутствует выраженное чувство самодостаточности, самоудовлетворенности, что мешает объективному анализу своих поступков, качеств, возможности корректировать и переоценивать поведение в зависимости от обстоятельств социального взаимодействия. Такая самодостаточность часто связана с высоким уровнем личностной тревожности, являющейся результатом восприятия окружающего мира как угрожающего самооценке.

Количество полученных значимых высоких прямых и обратных коэффициентов корреляции между особенностями самооотношения и шкалами агрессии говорит о тесном контекстном переплетении между проявлениями агрессии и формами самооотношения.

На общей выборке испытуемых между индексом агрессивности и шкалами самооотношения получены следующие достоверные прямые корреляции: Самообвинение – $r=0,82$, $p=0,01$; Внутренняя конфликтность – $r=0,78$, $p=0,01$; Открытость – $r=0,71$, $p=0,01$. Достоверные обратные корреляции: Самоуверенность – $r=-0,73$, $p=0,01$; Самоценность – $r=-0,65$, $p=0,01$; Саморуководство – $r=-0,55$, $p=0,01$; Отраженное самооотношение – $r=-0,55$, $p=0,01$; Самопринятие – $r=-0,54$, $p=0,01$.

По набору положительных корреляций можно констатировать, что к разнообразным формам проявления агрессии склонны индивиды с выраженными самообвинительными тенденциями, которые видят в себе гораздо больше негативных качеств и недостатков, чем позитивных сторон. Агрессивными проявлениями будут отличаться подростки с высокой внутренней конфликтностью, с неустойчивыми критериями оценки своего поведения и качеств, с постоянным несовпадением и конфликтностью между идеальным и реальным Я, с завышенным уровнем притязания и неудовлетворительными индивидуальными достижениями, приводящими к ощущению низкой самооценности.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что несовершеннолетние правонарушители имеют значимо более высокие показатели физической, вербальной и косвенной агрессии, им свойственна готовность использовать как физическую силу в отношении других лиц, так и не прямые, косвенные формы агрессии, различные варианты вербальной агрессии (провокации, сквернословие, проклятия, угрозы, критика и т. п.). Несовершеннолетние правонарушители отличаются от группы нормы повышенной вспыльчивостью, раздражимостью, недоверием и подозрительностью в отношении сверстников и взрослых. Им в большей степени свойственно чувство обиды и зависти к окружающим за действительные и вымышленные намерения и действия.

Подростки из группы правонарушителей значимо чаще имеют демонстративные и возбудимые акцентуации характера. Для них характерно стремление привлечь внимание, быть лидером группы, стать центром влияния; им свойственна манерность в социальном взаимодействии, потребность в интенсивной коммуникации и активном участии в интригах. Часто на первом плане у демонстративной личности оказываются такие негативные качества, как лицемерие и эгоистичность.

Кроме демонстративных черт, подростки из группы правонарушителей тяготеют к возбудимому типу характера. Их отличает импульсивность и готовность реагировать на стимулы и воздействия без достаточного восприятия и осмысления ситуации. В ситуациях социального стресса и конфликтного взаимодействия для индивида с возбудимыми чертами характерны аффективные всплески, опасное, слабо опосредованное поведение. При сочетании

демонстративных и возбудимых черт характера в общении с другими людьми индивид может проявлять стремление к власти и контролю. Индивидам с возбудимыми чертами характера свойственны трудности с пониманием последствий своих поступков и недостаточная способность учиться на собственном негативном опыте.

Анализ корреляций между шкалами агрессии и акцентуациями характера выявил сочетание проявлений агрессии и двух типов акцентуаций: гипертимного и возбудимого, характерных для группы несовершеннолетних правонарушителей. Этой группе испытуемых свойственна высокая значимая согласованность между проявлениями физической, вербальной агрессии и гипертимными чертами характера. Обобщенный индивид из группы правонарушителей довольно часто способен демонстрировать физическую и вербальную агрессию в сочетании с завышенной самооценкой, низкой социальной тревогой, повышенным фоном настроения; он легко находит контакт с другими людьми, может отличаться легкомысленностью, низкой дисциплиной, низким самоконтролем и неотягощенностью соблюдением норм морали. Кроме гипертимных черт, с проявлениями физической и косвенной агрессии высоко и значимо сочетаются возбудимые акцентуации подростков с зарегистрированным противоправным поведением.

Для подростков из группы нормы способность к агрессивному поведению чуть ниже, но также значимо сочетается с возбудимыми акцентуациями и отрицательно – с демонстративными чертами характера. Проявление агрессии оказалось почти одинаково связанным с возбудимыми чертами как для группы нормы, так и группы несовершеннолетних правонарушителей. Однако представляется, что подростки из группы нормы прибегают к агрессивному поведению совсем не по демонстративным или гипертимным мотивам, а, скорее, в ситуациях необходимости, если нет других способов действия. Для подростков из группы правонарушителей проявления агрессии можно рассматривать

как технически удобный, практичный и часто полезный копинг в решении проблем в свою пользу.

Подростки из группы нормы тяготеют к оптимальной самооценке, для них характерно реалистичное восприятие своих возможностей и способностей, успехов и неудач; они знают свои недостатки и слабые стороны, стремятся их исправить; оценка собственного поведения достаточно согласована с мнением и оценками окружающих.

Подростки из группы правонарушителей имеют низкий уровень самооценки, что позволяет предположить сформированность негативного образа Я в глазах окружающих. Окружающий мир воспринимается как враждебный, несправедливый и критикующий, а другие люди – как предъявляющие чрезмерно высокие и недостижимые требования. Как результат, они формируют довольно высокие требования к себе и другим, замечают промахи и ошибки других и не склонны прощать их.

Самоотношение подростков из группы правонарушителей характеризуется внутренней конфликтностью, значительным рассогласованием между реальным и идеальным Я, снижением способности к рефлексии, низкой самооценностью, стремлением к обнаружению и сокрытию собственных, социально неодобряемых качеств. Подростки с опытом правонарушений склонны избегать открытых отношений с окружающим миром в связи с плохим самопониманием, низкой оценкой своих качеств и ожиданием критики в свой адрес со стороны. В связи с низкими способностями к саморефлексии и объективному анализу собственных качеств, поступков Я-концепция выглядит ригидной, с невысокими возможностями проверки и коррекции в реальном социальном взаимодействии.

Результаты данного исследования могут оказаться полезными в планировании психологической работы с подростками (как с зарегистрированным опытом правонарушений, так и имеющими склонности к проявлениям агрессии), их родителями и педагогами.

Литература

1. Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия коррекции. М.: МПСИ; Флинта, 1998, 96 с.
2. Печерский В. Г. Агрессивность в структуре межличностного взаимодействия делинквентной личности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 115–123.
3. Дубинин С. Н. Агрессивное поведение у детей и подростков как одна из форм девиантного поведения // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 5. С. 98–116.
4. Мельникова М. Л. Когнитивная составляющая агрессивного поведения подростков // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2008. № 8. С. 56–64.
5. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 3–18.
6. Аверин В. А. Психология детей и подростков. СПб.: Ривьера, 1994. 178 с.
7. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1998. 210 с.
8. Канарейкина Т. А., Селиверстова Е. Н. Социально-педагогическая работа с семьями несовершеннолетних правонарушителей – воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа как потребность времени // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2018. № 34. С. 90–97.

9. Беличева С. А. Особенности процесса социализации детей и подростков: что нужно знать психологам, социальным педагогам и родителям // Академический вестник Академии социального управления. 2014. № 3. С. 3–18.
10. Братусь Б. С., Лишин О. В. Закономерности развития деятельности и проблемы психолого-педагогического воздействия на личность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1982. № 1. С. 12–19.
11. Ткач Е. Н., Ситникова Е. В. Психолого-педагогическое сопровождение агрессивных подростков с задержкой психического развития // Психология обучения. 2018. № 10. С. 30–40.
12. Ткачук О. А., Корнилов К. А. Агрессивное поведение подростков: причины возникновения и проблемы коррекции // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. Т. 20. № 4. С. 86–92.
13. Иванов Д. В. Взаимосвязь акцентуаций характера и состояний агрессии у подростков, употребляющих психоактивные вещества // Мир психологии. 2017. № 1. С. 144–153.
14. McCarthy J. B. Narcissism and the self in homicidal adolescents // American Journal of Psychoanalysis. 1978. Vol. 38. 19–29. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01250119>
15. Perri D. G., Bussey K. Social development. New Jersey: Prentice Hall; Pearson Education, 1984. 402 p.
16. Карабанова О. А. Дисгармоничность детско-родительских отношений как фактор риска девиантного поведения личности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 295–299.
17. Сечко А. В., Донскова Н. В. Деструктивно-агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных и его коррекция в подростковом возрасте // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях / под общ. ред. А. В. Кокурина, В. И. Екимовой, Е. А. Орловой. Пермь: ИП Сигитов Т. М., 2018. С. 154–175.
18. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С. Развитие открытой, скрытой агрессии и совершение подростками правонарушений // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 48–55.
19. Змановская Е. В. Девиантология; 2-е изд., испр. М.: Academia, 2004. 287 с.
20. Мизонова О. В. Психолого-педагогическое сопровождение образовательной среды при работе с девиантными подростками // Безопасная образовательная среда в изменяющихся условиях современного общества: сб. мат.-лов II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 1 марта 2017 г.) Саранск, 2017. С. 53–58.
21. Тюлюсов К. А. Причины и профилактика агрессивного поведения в среде несовершеннолетних осужденных // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: мат.-лы Всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с Междунар. участием. (Самара, 19 апреля 2019 г.) Самара, 2019. С. 221–224.
22. Литвишков В. М. Работа психологов с подростками, проявляющими деструктивно-агрессивное поведение в воспитательной колонии // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 11. С. 202–206.
23. Масагутов Р. М., Ениколопов С. Н. Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 119–124.
24. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессивность и неспособность понимать чужие эмоции // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 97–102.
25. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатии у подростков. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 1999. 406 с.
26. Ушанова А. А. Личностные детерминанты агрессии подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 23 с.
27. Практикум по психологии состояний / под ред. проф. О. А. Прохорова. СПб.: Речь, 2004. 480 с.
28. Батаршев А. В. Диагностика черт личности и акцентуаций. М.: Психотерапия, 2006. 282 с.
29. Основы психологии; 7-е изд. / ред.-сост. Л. Д. Столяренко. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 704 с.

Aggressive Behavior of Juvenile Offenders in the Context of Character Accentuations and Personal Self-Conception

Pavel R. Yusupov^{a, @, ID1}; Tatiana A. Mardasova^{a, ID2}; Anna S. Kuzmina^{a, ID3}

^a Altai State University, Russia, Barnaul

@ yusupovpr@gmail.com

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5416-0275>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5864-7120>

Received 02.04.2020. Accepted 12.05.2020.

Abstract: The present research featured theoretical and methodological approaches to the study of aggression and aggressive behavior. The authors revealed a tendency to study aggressive forms of behavior from the standpoint of biological, sociocultural, and psychological factors, as well as mechanisms of formation, determinants of reward, and methods of diagnosis, control, and correction. The article focuses on the prospects of studying aggressive manifestations from the standpoint of analysis of personality formation and self-awareness. The structure of self-conception in aggressive individuals appeared to be deformed. Researchers explain the deformation by the gap between Me-real and Me-ideal, impaired behavioral regulation methods, and problems of self-conception. The authors also revealed the importance of factors that increase the level of aggressive behavior in adolescents, namely unfavorable styles of family relations, poor participation in the educational process, peer pressure, etc. Predisposition to aggressive behavior can be associated with a small repertoire of constructive coping strategies, poor cognitive abilities, and difficulties in controlling and regulating emotions. The empirical research featured the psychological characteristics of the aggressive behavior of juvenile offenders in the context of character accentuations and personal self-conception. The authors studied the differences between the aggressive behavior of juvenile delinquents and the control group. The analysis detected connection between character accentuations and forms of aggressive behavior. The article illustrates the kinds of self-esteem and self-conception typical of adolescents with delinquent behavior experience.

Keywords: aggression, delinquent behavior, self-conception, self-esteem, frustration of basic needs, family interaction styles, cognitive distortions

For citation: Yusupov P. R., Mardasova T. A., Kuzmina A. S. Aggressive Behavior of Juvenile Offenders in the Context of Character Accentuations and Personal Self-Conception. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 471–480. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-471-480>

References

1. Semeniuk L. M. *Psychological features of adolescent aggressive behavior and correction conditions*. Moscow: MPSI; Flinta, 1998, 96. (In Russ.)
2. Pecherskij V. G. Aggressiveness in the structure of interpersonal interaction of a delinquent personality. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2004, (9): 115–123. (In Russ.)
3. Dubinin S. N. Aggressive behavior in children and adolescents as a form of deviant behavior. *Siberian Pedagogical Journal*, 2011, (5): 98–116. (In Russ.)
4. Melnikova M. L. The cognitive component of adolescent aggressive behavior. *Obrazovanie i nauka. Izv. UrO RAO*, 2008, (8): 56–64. (In Russ.)
5. Rean A. A. Aggression and aggressiveness of personality. *Psihologicheskij zhurnal*, 1996, 17(5): 3–18. (In Russ.)
6. Averin V. A. *Psychology of children and adolescents*. St. Petersburg: Rivera, 1994, 178. (In Russ.)
7. Sokolova E. T. *Self-awareness and self-esteem in case of personality anomalies*. Moscow: MGU, 1998, 210. (In Russ.)
8. Kanareikina T. A., Seliverstova E. N. Socio-pedagogical work with families of juvenile offenders – pupils of special educational institutions of closed type as the need of the time. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaia Grigorevicha Stoletovykh. Seriya. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*, 2018, (34): 90–97. (In Russ.)
9. Belicheva S. A. Features of the process of socialization of children and adolescents: what psychologists, social educators and parents need to know. *Akademicheskii vestnik Akademii sotsialnogo upravleniya*, 2014, (3): 3–18. (In Russ.)
10. Bratus B. S., Lishin O. V. Patterns of development of activity and problems of psychological and pedagogical impact on the person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1982, (1): 12–19. (In Russ.)

11. Tkach E. N., Sitnikova E. V. Psychological and pedagogical support of aggressive adolescents with a delay of mental development. *Psikhologiya obucheniia*, 2018, (10): 30–40. (In Russ.)
12. Tkachuk O. A., Kornilov K. A. Aggressive behavior of adolescents: causes and problems of correction. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniia*, 2018, 20(4): 86–92. (In Russ.)
13. Ivanov D. V. The relationship of accentuations of character and states of aggression in adolescents who use psychoactive substances. *Mir psikhologii*, 2017, (1): 144–153. (In Russ.)
14. McCarthy J. B. Narcissism and the self in homicidal adolescents. *American Journal of Psychoanalysis*, 1978, 38: 19–29. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01250119>
15. Perri D. G., Bussey K. *Social development*. New Jersey: Prentice Hall; Pearson Education, 1984, 402.
16. Karabanova O. A. Disharmony of parent-child relationships as a factor of deviant behavior of a person. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, (12): 295–299. (In Russ.)
17. Sechko A. V., Donskova N. V. Destructive-aggressive behavior of juvenile convicts and its correction in adolescence. *Models and technologies for the provision of psychological assistance to children and adolescents in extreme situations*, eds. Kokurin A. V., Ekimova V. I., Orlova E. A. Perm: IP Sigitov T. M., 2018, 154–175. (In Russ.)
18. Dozortseva E. G., Oshevsky D. S. The development of open and hidden aggression and the commission of offenses by adolescents. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya*, 2013, (2): 48–55. (In Russ.)
19. Zmanovskaia E. V. *Deviantology*, 2nd ed. Moscow: Academia, 2004, 287. (In Russ.)
20. Mizonova O. V. Psychological and pedagogical support of the educational environment when working with deviant adolescents. *Safe educational environment in the changing conditions of modern society: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, March 1, 2017. Saransk, 2017, 53–58. (In Russ.)
21. Tiuliusov K. A. Reasons and prevention of aggressive behavior in the environment of juvenile convicts. *Problems and prospects for the development of the penal system of Russia at the present stage: Proc. All-Russian Sci. Conf. adjuncts, graduate students, cadets, and students with intern. participation*, Samara, April 19, 2019. Samara, 2019, 221–224. (In Russ.)
22. Litvishkov V. M. The work of psychologists with teenagers showing destructive and aggressive behavior in the educational colony. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 2018, (11): 202–206. (In Russ.)
23. Masagutov R. M., Enikolopov S. N. Aggression indices in young male prisoners with different status in informal hierarchy of correctional colony. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2004, 25(1): 119–124. (In Russ.)
24. Enikolopov S. N., Kuznetsova Y. M., Chudova N. V. Aggressiveness and inability to understand other people's emotions. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2013, (4): 97–102. (In Russ.)
25. Lichko A. E. *Types of character accentuation and psychopathy in adolescents*. Moscow: Aprel Press; EKSMO-Press, 1999, 406. (In Russ.)
26. Ushanova A. A. *Personal determinants of adolescent aggression*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2010, 23. (In Russ.)
27. *Psychology workshop*, ed. Prokhorov O. A. St. Petersburg: Rech, 2004, 480. (In Russ.)
28. Batarshhev A. V. *Diagnosis of personality traits and accentuations*. Moscow: Psikhoterapiia, 2006, 282. (In Russ.)
29. *Fundamentals of psychology*, 7th ed., ed. and comp. Stoliarenko L. D. Rostov-on-Don: Feniks, 2006, 704. (In Russ.)

Понимание грамматической категории рода у Фернана де Оливейры

Сергей В. Архипов^{а, @, ID}

^а Московский государственный университет пищевых производств, Россия, г. Москва

@ lusofon@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1102-3342>

Поступила в редакцию 14.03.2020. Принята к печати 18.05.2020.

Аннотация: В статье представлен анализ грамматической категории рода с точки зрения видного португальского лингвиста XVI в. Ф. де Оливейры, создавшего первую грамматику португальского языка (1536). Источниками исследования являются следующие произведения португальского автора: «Грамматика португальского языка», военно-морской трактат «Искусство войны на море», краткое историческое повествование о кругосветной экспедиции Ф. де Магеллана «Путешествие Фернана де Магеллана», трактат по кораблестроению «Книга о строительстве кораблей». В качестве объекта исследования использован языковой материал, отобранный как из грамматики Ф. де Оливейры, так и из других его вышеуказанных работ на основе ряда лингвистических критериев методом сплошной выборки. Рассматриваются способы определения рода: морфонологический, морфологический, синтаксический, анафорический, способ вторичной морфологизации. Для этого также исследуется явление вокалической инфлексии (чередование открытых и закрытых, чистых и носовых звуков), слова с одним окончанием для мужского и женского рода. Наряду с этим исследуются критерии выделения классов родов. Анализ воззрений португальского грамматиста на проблему грамматического рода показал, что не была рассмотрена проблема рода у слов *Singularia / Pluralia tantum*, грамматических дублетов, топонимов, эпиценов, притяжательных местоимений, причастий.

Ключевые слова: грамматика португальского языка, классы родов, родовые показатели, способы определения родов

Для цитирования: Архипов С. В. Понимание грамматической категории рода у Фернана де Оливейры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 481–488. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-481-488>

Введение

В январе 1536 г. в Лиссабоне была издана первая грамматика португальского языка. Ее автором является видный португальский лингвист XVI в. Фернан де Оливейра (ок. 1507 – ок. 1580). М.-Ф. Гонсалвиш называет Ф. де Оливейру наряду с Ж. де Баррушем (автором второй португальской грамматики) пионером португальской грамматикологии, поскольку многие авторы последующих грамматик находились под сильным влиянием грамматик этих португальских грамматистов [1, р. 279]. В этом труде в особенности подробно проанализирован звуковой состав, объяснены способы артикуляции звуков, типы слогов, ударение. Менее детально, хотя и репрезентативно, автор охарактеризовал лексический состав португальского языка. Вопросам морфологии уделено существенно меньше внимания (непосредственно 9 глав из 50), хотя некоторую информацию можно извлечь из глав, в которых речь идет о других проблемах языка (уровень звука / буквы, слога, описание лексического состава).

Способы определения грамматической категории рода и его отдельных грамм

В первой португальской грамматике отсутствует определение категории рода, равно как и многих других лингвистических понятий и терминов. Э. Баррозу видит в этом сознательное

стремление Ф. де Оливейры не давать определения грамматических категорий, но только выявлять и описывать те формы, которые выражают грамматические категории [2, р. 381]. Несмотря на эту неполноту, показательно само внимание первого португальского грамматиста к категории рода, что «свидетельствует о различии автором XVI в. частных и универсальных категорий»¹ [3, р. 1673]. В понимании Ф. де Оливейры род, как и число, – это способ словоизменения имен, которое в терминологии португальского лингвиста называется склонением (*declinação*): «Os nomes fe declinão em generos e numeros: em generos como moço. moça.e em numeros como.moço e moços. moça e moças» [4, f. E v.] – «Имена склоняются по родам и числам: по родам, например, *moço* (парень), *moça* (девушка), и по числам, как *moça* (девушка), *moças* (девушки)».

Грамматист пишет, что в португальском языке четыре рода: мужской (*masculino*), женский (*feminino*), неопределенный (*indeterminado*), общий (*comum*) [4, f. E v.–E r.]. Примечательно, что Ф. де Оливейра для каждого рода в качестве примеров приводит слова различной членораздельности. Мужской и женский род иллюстрируются существительными и прилагательными. Неопределенный род экзemplифицирован указательными местоимениями *isto* (это), *isso* (это), *aqillo* (это, то) [4, f. E v.]. Общий род

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

показан на примере супплетивных форм сравнительной степени: *mayor* (больше), *menor* (меньше), *milhor* (лучше), *pior* (хуже) [4, f. E r.].

К общему роду грамматист относит также слова на *-ês* (с закрытым звуком *e*): *portugues* (португальский, португалец), *ingres* (английский, англичанин), *frâçes* (французский, француз), хотя тут же замечает, что есть формы женского рода на *-esa* (например, *portuguesa* – португальская, португалка): «Os nomes... e ã. es cõ. e. peño de genero comũ: como portugues. ingres. frâçes pofto. que tenham femininos em a como portuguesa» [4, f. E r.] – «Имена... на *-ês* с *e* малым общего рода, как *portugues* (португалец, португальский), хотя есть и слова женского рода как *portuguesa*».

Интересно заметить, что в заглавии грамматики Ф. де Оливейры и в работах его современников (Ж. де Барруш, П. Магальяш де Гандаву, Д. Нунеш де Леан), посвященных португальскому языку, применяется форма женского рода на *-esa*: «Grammatica da lingoagem portuguesa» – «Грамматика португальского языка» Ф. де Оливейры [4]; «Grammatica da lingua portuguesa» – «Грамматика португальского языка» Ж. де Барруша [5]; «Regras que ensinam a maneira de escrever a orthographia da lingua portuguesa...» – «Правила, которые обучают способу правильно писать на португальском языке...» П. Магальяша де Гандаву [6]; «Orthographia da lingua portvgvesa» – «Правописание португальского языка» [7] и «Origem da lingua portvgvesa» – «Происхождение португальского языка» Д. Нунеша де Леан [8].

Как отмечает М.-К. де Фриаш-и-Говейя, в XVI в., по сравнению со словами на *-aget* / *-get*, в словах на *-ês* еще не произошло окончательного закрепления пары окончаний *-ês* / *-esa*. Исследователь выявила в «Decadas» Ж. де Барруша (*lingoa portugues*) и «Auto da fama» Ж. де Висенте (*gente portugues*) формы на *-ês* для женского рода [9, p. 528]. Анализ сочинений Ф. де Оливейры о море, однако, показывает, что форма женского рода на *-esa* уже закрепилась в португальском языке XVI в.: «pronunciaçam francefa» [13, f. xliiij] – «французское произношение»; «galees francefas» [13, f. xli, lxiiij] – «французские галеи».

Показатели рода и способы его определения

Грамматист указывает на то, что род имеет много показателей. И по этой причине трудно выработать общее правило для определения рода, поскольку в группах слов, имеющих одинаковый морфологический показатель, есть исключения: «as declinações dos generos fão muitas e menos pa cõrpreder porq̃ pofto q̃ os nomes acabados em hũa letra qualquer feção mais dhũ genero q̃ doutro não por iffo fe pode dar regra vnuerfal como nefas duas letras.a.e.o.das quaes hũa e mais mafculina e outra femenina» [4, f. E v.] – «склонений родов много, их трудно понять, поскольку хотя имена и оканчиваются на какой-то один звук, они могут относиться больше к одному роду, чем к другому. Поэтому нельзя дать общее правило как в случае этих двух звуков

a и *o*, один из которых больше относится к мужскому роду, а другой – к женскому».

Согласно грамматисту, слова, оканчивающиеся на *-o*, относятся к мужскому роду. Однако Ф. де Оливейра указывает на исключения. Так, вышеназванные указательные местоимения *isto*, *isso*, *aquilo* – это, согласно первой португальской грамматике, слова неопределенного рода. При этом ее автор подчеркивает, что эти слова именно неопределенного рода, а не мужского или среднего (как у древних римлян): «ifto. iffo. e aq̃llo. fão acabados ã. o. e nao fão mafculinos: mas fão de genero indeterminado não neutro como o dos latinos» [4, f. E v.] – «*ifto* (это), *iffo* (это, то), *aq̃llo* (то) оканчиваются на *o*, но являются словами не мужского рода, но неопределенного, и не среднего как у римлян». В современной португальской грамматике указательные местоимения *isto*, *isso*, *aquilo* относят к среднему роду [10, с. 47; 11, с. 107]. Указание Ф. де Оливейры на отличие португальской грамматики от грамматики латинского языка, по меткому замечанию М. А. Косарик, свидетельствует об отходе от сложившейся грамматической традиции (латынь для Ф. де Оливейры не являлась единственным образцом) [12, с. 163].

Другими словами-исключениями из класса слов, оканчивающихся на *-o*, по Ф. де Оливейре, являются *eixó* (ось), *moicó* (зоб у птиц), *queiró* (дикий вереск) [4, f. E v.], хотя в современном португальском языке *eixó* – слово мужского рода, *queiró* (в норме ж. р.) в устной речи нередко воспринимается и как слово мужского рода. Сам грамматист не объясняет причины этих исключений. Но логически можно заключить, что *eixó*, *moicó*, *queiró* выделяются из этого правила из-за ударения и открытости конечного звука *o*. Что же касается отнесения *isto*, *isso*, *aquilo* к неопределенному роду, то это можно объяснить тем, что эти указательные местоимения не относятся к какому-то одному грамматическому роду, поскольку «замещают существительные, обозначающие неодушевленные предметы, а также целое предложение» [10, с. 47].

В словах, оканчивающихся на открытое [ɛ] и закрытое [e], Ф. де Оливейра также находит колебания в роде. Ту же ситуацию с чередованием мужского и женского родов в словах на *-e* ([ɛ] / [e]) мы находим в других текстах португальского автора.

Трудно определить род слов, оканчивающихся на *-i*, *-u*, которые, согласно автору, являются заимствованиями и относятся больше к мужскому роду: *çafi* (слово с неясным значением), *guadameçi* (кожаные обои), *calecu* (Кожикоде, город на западном побережье Индии), *peru*, *çegu* (вероятно, топонимы) [4, f. E v.].

Результаты анализа показали, что имен существительных и прилагательных в текстах о море, оканчивающихся на *-i*, *-u*, нет. Исключение составляет только одно имя собственное: *Jefu xpõ* [4, f. A iij v.]; *Jefu chrifto* [13, f. x] / *Jefu Chrifto* [13, f. ix, xiiij, xxx] / *jefu Chrifto* [13, f. lxviiij] – Иисус Христос.

Ф. де Оливейра отмечает принадлежность к мужскому роду слов, оканчивающихся на дифтонг [ɐu], который в его текстах передается на письме посредством диграфа -ao (в современной орфографии -au). Однако имеется пример слова с [ɐu] женского рода (*nao* – корабль, в совр. орфографии *naui*).

В словах с исходом на назализованный дифтонг, как отмечает Ф. де Оливейра, определить род трудно. Но при этом автор замечает тенденцию, при которой слова с таким исходом принадлежат скорее одному роду, чем другому, не указывая при этом на какой-то один род: «e effes ditôgos tendo cōfoâte ou til. fão duuidofos como lição: dição: rezão: melão: coração. as cōfoantes de qualquer outra feição também fão duuidofas ainda q̃ mais enclinadas a hũ genero q̃ outro» [4, f. E v.] – «эти дифтонги и носовой создают неопределенность как, например, в словах *lição* (урок), *dição* (слово), *rezão* (причина), *melão* (дыня), *coração* (сердце), хотя больше слов относятся скорее к одному роду, чем к другому».

Определение рода осложняется еще и орфографической вариативностью, поскольку дифтонги и трифтонги в сочинениях португальского автора имеют несколько способов обозначения на письме: -ão / -ã / -am; -ião / -iã / -iam.

Примеры указывают на то, что положение Ф. де Оливейры о принадлежности таких слов к какому-то одному роду не подтверждается. Эти слова – и мужского, и женского рода. Слова с трифтонгом -ião, о роде которых грамматист не пишет, – это слова, которые могут относиться к мужскому или женскому роду.

Слова с формантами -al, -el, -il, -ar, -er, -or – слова мужского рода: *batel* [15, f. 243 v., 245 v., 251 v.] – небольшое судно, лодка; *boril* [14, p. 104] – резец; *rouxinol* [4, f. E iij r.] – соловей; *taful* [4, f. E iij r.] – щёголь. Колебания в роде могут быть у прилагательных на -ável / -ível, а также *fiel* (верный), *cruel* (жестокый), род которых зависит от определяемого существительного. Род слов на -il (если это прилагательные), как и у слов на -el, зависит от определяемого существительного.

Относительно четырех форм супплетивной сравнительной степени (*maior* (больше), *menor* (меньше), *melhor* (лучше), *pior* (хуже)) автор отмечает, что это слова общего рода [4, f. E r.]. Анализ изучаемых текстов показывает, что данные формы используются со словами мужского и женского рода или субстантивируются. В таблице представлены показатели мужского и женского рода.

Табл. Показатели мужского и женского рода

Tab. Indexes of masculine and feminine

Мужской род (m)	Женский род (f)
с открытым гласным [ɛ] – e	
<i>alquice</i> [4, f. E v.] – разновидность плаща у арабов; <i>ree</i> [9, f. xxv, xxvij, xxxj, xxxv, xlv, lxj, lxx, lxxiij; 15, f. 252] – нога	<i>chamine</i> [4, f. E v.] – дымовая труба; камин; <i>ree</i> [14, p. 86, 126, 143, 153, 160] – корма
с закрытым гласным [e] – e	
<i>almadraque</i> [4, f. E v.] – тюфак, подушка; <i>grumete</i> [13, f. xliij] – юнга	<i>alface</i> [4, f. E v.] – салат-латук; <i>pele</i> [4, f. C v v.] / <i>pelle</i> [13, f. xv] / <i>pelle</i> [14, p. 136] – кожа
с чистым дифтонгом [ɐu] – ao	
<i>pao</i> [4, f. E v.; 13, f. xx, xxiij, xxiij; 14, p. 37, 38, 40, 43, 78, 81, 82, 83, 134] – совр. <i>rai</i> (палка, шест)	<i>nao</i> [13, f. Lxiiij; 15, f. 241 r., 242 v., 244 v., 244 r., 245 v., 246 v., 246 r., 247 v., 247 r., 248 v., 250 r., 251 r., 254 v., 254 r., 255 v.; 14, p. 3, 4, 14, 15, 37, 48, 51, 63, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 83, 86, 88, 89, 101, 110, 117, 119, 124, 128, 133, 138, 142, 145, 150, 155, 156, 158, 159] – совр. <i>naui</i> (судно, корабль)
с назализованным дифтонгом [ɐu] – ão / am	
<i>coração</i> [4, f. E v.] – сердце	<i>moção</i> [13, f. xxj] / <i>moçam</i> [13, f. lj] – движение
с назализованным трифтонгом [iã] – ião / iã	
<i>tabalião</i> [4, f. B vij v., E ij r.] – нотариус	<i>legião</i> [13, f. xxxj] / <i>legiã</i> [13, f. xiiij] – легион
с формантом -el	
<i>tempo... foy sempre fauorauel</i> [15, f. 248 v.–248 r.] – погода всегда была благоприятной	<i>a moção do uêto era então fauorauel</i> [15, f. 253 r.] – движение ветра тогда было попутным
с формантом -il	
<i>o tirar da frecha he facil</i> [13, f. xxxviiij] – метание стрелы легко	<i>esta lectura feja a todos facil</i> [14, p. 72] – это чтение для всех было бы легким
супплетивные формы мужского и женского рода maior	
<i>cô mayor efforço</i> [13, f. xxv] – с большим усилием; <i>mafo mayor</i> [13, f. lxiij] – главная мачта	<i>ê mayor câtidade</i> [4, f. B viij v.] – в большем количестве; <i>mayores perdas</i> [13, f. xxviiij] – основные потери

Мужской род (m)	Женский род (f)
супплетивные формы мужского и женского рода <i>minor</i>	
<i>navios menores</i> [13, f. xxxx] – малые корабли	<i>menores cordas</i> [14, p. 105] – малые канаты
супплетивные формы мужского и женского рода <i>melhor</i>	
<i>os milhores juízos</i> [4, f. A v r.] – лучшие суждения	<i>outras obras milhores</i> [4, f. E v j r.] – другие лучшие работы
супплетивные формы мужского и женского рода <i>pior</i>	
<i>o tao côfelho ferea pior pera quem no der</i> [13, f. xxxv] – плохой совет будет худшим для того, кто его даст	<i>outras piores vozes</i> [4, f. D r.] – другие наихудшие слова

Однако формант *-or* содержится в словах и мужского, и женского родов: *-or* (мужской род): *ardor* [4, f. E r.] – жар; *-or* (женский род): *flor* [4, f. E r.] – цветок. Наблюдаются колебания в роде среди слов, оканчивающихся на *-al*: *-al* (m) – *diliuio geral* [4, f. A iij r.] – всемирный потоп; *-al* (f) – *estorea geral* [4, f. D r.] – всемирная история.

Слова на *-az* грамматист относит к мужскому роду, например: *rapaz* [4, f. B v j v., E r.] – мальчик, *cabaз* [4, f. B v j v., E r.] – корзина, *entras* [4, f. E iij r.] – нарыв. Исключениями здесь являются слова *raz* (f) [4, f. A iij v., A v r., C v j v.] / *raz* [13, Prol.] / *paз* (f) [13, f. x, xj, xij, xv, xvij, xxxv, xxxvij, lxvj, lxvij, lxx, lxxx] / *paз* (f) [15, f. 245 r., 249 v., 252 v., 253 r.] – мир, *az* [13, Prol.] / *az* (f) [13, f. lxxvij] – крыло, флаг.

Слова с формантом *-ez* также мужского рода: *oriuez* [4, f. D v j v.] / *oriuez* [13, f. xxxvij] – ювелир; *enxadrez* [4, f. E r.] / *enxadrez* [13, f. x] – шахматы; *pez* [4, f. B v j v., E r.] / *pez* [14, p. 21, 22, 40, 41, 42] – смола; *lereз* [13, f. xxj, xxij] / *lereз* [14, p. 20, 21, 137] – лиственница; *goroupez* [15, f. 246 r.] – бугшприт (горизонтальный или наклонный шест, выступающий вперёд с носа корабля).

Но слово *vez* [4, f. A iij v., A v j r.] / *vez* [13, f. xxj, xxv, lvij, lix, lxij, lxxvij] / *uez* [15, f. 243 r.; 14, p. 15, 19, 31, 33, 94, 139] (раз) – женского рода. Что же касается слов на *-iz*, то Ф. де Оливейра указывает, что они могут относиться к тому и другому роду: *-iz* (m) – *juíz* (судья) [4, f. E r., E v j r.; 13, f. xvij, xxxij]; *-iz* (f) – *boуз* (силок, западня) [4, f. E r.].

Слова на *-oz* с *o* закрытым и слова на *-uz* Ф. де Оливейра считает словами мужского рода: *arroz* [4, f. E r.] – рис, *catramoz* [4, f. E r.] – *alcatrúз* [4, f. E r.] – бадья, *amargoz* [13, f. xxj] / *amorhoз* [13, f. lxxvj] – горечь. Однако ряд слов на *-oz* относится к женскому роду. Вероятно, это связано с этимологией, *voz* и *poz* в латыни (*vox* и *pux*) были женского рода: *poz* [14, p. 77] – орех; *voz* [4, f. A iij r., A v j v., A v j r., A v j v., A v j r., A v j v., B v., B iij r., B iij v., B iij v., B v r., B v j v., B v j r., B v j v., C v., C r., C iij r., C iij r., C v j r., D iij r., D iij r., D iij v., D iij r., D v v., D v r., D v j r., D v j r., E iij r., E iij v., E iij r.] / *voz* (f) [13, f. lxij, lxxvj] – звук, слово. Ф. де Оливейра находит еще одно имя (имя собственное) на *-oz*. Он пишет, что есть женское имя Катароз: «*nefta cidade oue ou cuido q̃ aida e viuã hũa molher q̃ fe chamaua cataroz*» [4, f. E r.] – «в этом городе была или думаю, что еще жива одна женщина, которую звали Катароз». Интересно заметить, что такая же тенденция прослеживается и с некоторыми словами на *-az*, *-ez*: *paз* [15, f. 245 r., 249 v., 252 v.,

253 r.] – мир; *vez* [4, f. A iij v., A v j r.; 13, f. xxj, xxv, lvij, lix, lxij, lxxvij; 14, p. 15, 19, 31, 33, 94, 139] – раз.

Слова, которые, по мнению грамматиста, оканчиваются на носовой *ã*, относятся к женскому роду: на письме этот звук передается монографом *ã*, диграфами *am* и *ãa*: *vilã* (f) [4, f. E r.] – крестьянка; *çidadaã* (f) [4, f. E r.] / *çidadaã* (f, pl) [13, f. xxxvij] – горожанка, горожанки; *couilhã* (f) [4, f. E r.] / *couilhãa* (f) [14, p. 28] – Ковильян (город в Португалии); *romãs* (f) [13, f. xxvij] – гранаты (оружие); *lam* (f) [4, f. E r.] / *lam* (f) [13, f. xij, xx] / *lã* (f) [4, f. D v j r.] / *lam* (f) [14, p. 38, 39] / *lã* (f) [13, f. xx]; *maçãas* (f) [14, p. 20] – яблоки; *piiedade chriřtam* (f) [13, f. xvj] – христианское благочестие; *disciplina chriřtã* (f) [13, f. xvij] – христианское вероучение; *tauoã... chãa* (f) [14, p. 62, 84] – ровная доска; *cavernas chãas* (f, pl) [14, p. 87, 120] – ровные шпангоуты (балки), плоские; *hum homem de meãa estatura* [14, p. 128] – человек среднего роста; *madeyra fãa* (f) [14, p. 20, 27, 78] – хорошая (неиспорченная гнилью) древесина; *tauoas boas, fãas* [14, p. 140] – хорошие, не гнилые доски; «*nas terras frias as fruytas ſam azedas e forodeas, ao contrayro das quẽtes, onde ſam temporãs e doçes*» [9, f. xxj] – «в землях с холодным климатом плоды кислые и незрелые, в отличие от теплых земель, где они рано становятся спелыми и сладкими»; «*O preſente era hũa marlota de ueludo carmeſim, outra de damaſco da meſma cor, outra de grãa*» [15, f. 252 r.] – «в качестве подарка был кафтан из ярко-красного бархата, другой из Дамаска того же цвета, другой карминного цвета». Формы прилагательных женского рода на *-ãa* являются архаическими, характерными для старопортугальского периода [16, p. 54].

Способ определения рода у имен на *-em* проще, чем во всех остальных случаях. Как указано в грамматике, имена женского рода на *-em* не имеют ударения на последнем слог: «*E fe bẽ olhardes aos femininos não achareis o açêto na vltima: como aos outros*» [4, f. E r.] – «Если вы хорошо посмотрите на имена женского рода, то вы не найдете ударение на последнем слог, как у других слов». И действительно, слова *vintem* [4, f. E r.] – старинная португальская и бразильская монета в 20 реалов, *deſdẽ* [4, f. E r.] – пренебрежение, *almazem* [4, f. E r.] – склад, *arreuem* [4, f. E r.] относятся к мужскому роду и имеют в современной орфографии знак ударения на последнем слог, в то время как слова на *-em*, а точнее на *-agem* / *-gem* – это слова женского рода, ударение в них падает на предпоследний слог:

linguagem [4, f. E r.] – язык, речь, *linhagê* [4, f. E r.] – род, *borragê* [4, f. E r.] – огуречная трава. Потекстовый анализ других произведений Ф. де Оливейры подтверждает это правило. Хотя местоимения *alguem* (кто-то), *ninguem* (никто), *quem* (кто) и имеют ударение на последнем слоге, грамматист считает, что они являются словами неопределенного рода: «*Alguê ninguê. e quê são d' genero indeterminado*» [4, f. E r.] – «*Alguê* (кто-то), *ninguê* (никто) и *quê* (кто) – неопределенного рода».

Слова же на *-im*, *-om*, *-um* относятся к мужскому роду: *-im*: *fim* [4, f. E vj r.], *fim* [4, f. A vij r., B vj r., B vij v., D v., E vj v.] / *fim* [13, f. ix, xj, xvij, xix, xxiii, xxvij, xlvij, lxvij] – конец; *jardim* [4, f. E r., E ij r.] / *jardim* [14, p. 67] – сад; *patim* [4, f. E r.] – небольшая площадка; *latim* [13, f. xliij; 14, p. 20, 21, 69, 86, 127, 135, 145] – латинский язык; *-om*: *dom* [4, f. A r., A ij v., A ij r., A iij v., A iij r., A v r., C v v., D r.] / *dô* [4, f. A iij v., D r.] / *dô* [13, f. x] – господин; *fom* [4, f. A iij r., A vij v., A viij r., B v., B iij r., C iij v., C v r., D ij r., E r., E ij r., E iij r.] / *fô* [4, f. B vj v.] – звук; *tom* [4, f. C ij v., D iij v., E r.] / *tô* [4, f. C r.] – звук, тон; *-um*: *hum* [4, f. E r.] – один; неопределенный артикль мужского рода; *alghum* [4, f. E r.] – какой-то; *nenhum* [4, f. E r.] – никакой; *jejum* [4, f. E r.] – пост (религиозный); *debrũ* [4, f. E r.] – обшивка.

М. А. Косарик, анализируя способы словообразования у Ф. де Оливейры, указывает на разнообразие морфем с различным грамматическим и словообразовательным значением [17, с. 89; 18]. Далее исследователь, ссылаясь на данные первой португальской грамматики, намечает косвенную связь между морфемами, обозначающими род занятий, уменьшительными и увеличительными суффиксами и мужским или женским родом. Например, суффиксы профессий *-dor*, *-eiro*, *-airo* – показатели мужского рода.

К мужскому роду на *-um* Ф. де Оливейра относит некоторые прилагательные: *ouelhum* [4, f. E ij v.] – овечий; *cabrum* [4, f. E ij v.] – козий; *porcum* [4, f. E ij v.] – свиной. Когда грамматист дает примеры этих прилагательных на *-um*, он делает важное пояснение: «*os nomes ajetiuos e denotatuios não tẽ çerto genero por fi*» [4, f. E ij v.] – «имена прилагательные и нарицательные не имеют сами по себе рода». Как отмечает М. А. Косарик, «категория рода прилагательных предстает как категория согласовательная» [17, с. 90]. Более конкретно эту мысль он планировал развить в дальнейшем, но этот замысел не был осуществлен.

Грамматист указывает и на исключения в группах слов с данными формантами. Так, прилагательное *comum* (общий) может быть и мужского, и женского рода: «*Este nome ajetiuo. comũ. ferue a masculinos e femininos porque não digamos nos femininos comũa*» [4, f. E r.] – «Это имя прилагательное *comũ* служит словам мужского и женского

родов, поскольку мы не говорим в именах женского рода *comũa*». Слово *ruim* (плохой) принимает род определяемого им существительного: *hum rũ nauio* [14, p. 84] – плохой корабль; *ẽ rũys armas* [13, f. xxxvij] – плохими орудиями.

Заключение

Проанализировав точку зрения Ф. де Оливейры на проблему грамматического рода, можно заключить, что род, согласно грамматисту, – это словоизменительная категория, определение которой в грамматике отсутствует. Автор выделяет формальные показатели родов: *-o*, *-a*, *-dor*, *-em*. Хотя в грамматике и говорится о четырех классах рода, на практике Ф. де Оливейра применяет трехграммную категорию рода (мужской, женский, средний), на что указывает анализ сочинений португальского филолога. В современном грамматическом строе португальского языка, как известно, выделяют три рода: мужской, женский, средний. Совпадение между языковой практикой Ф. де Оливейры и современным состоянием языка объясняется тем, что «португальская лингвистика, в первую очередь Ф. де Оливейра, разработала концепцию нормы очень близкой современной» [19, p. 354]. Как показывают исследования, и в других романских языках (во французском и итальянском) наблюдается расхождение между теоретическими положениями и реальным узусом [20; 21; 22, с. 122–124; 23, с. 189–208; 24]. Особо в грамматике Ф. де Оливейры указывается на чередование открытых или закрытых звуков при определении рода. При этом приводятся, хотя и непостоянно, исключения.

Опираясь на указание автора и на проведенный анализ, можно условно выделить следующие способы определения грамматической категории рода: морфологический (посредством суффиксов); морфонологический (путем чередования открытых и закрытых звуков); синтаксический (посредством артиклей и / или прилагательных, о чем Ф. де Оливейра говорит в конце XLIII главы [4, f. E ij v.]). В этой связи С. Челани заметил, что род артикля у Ф. де Оливейры является одним из параметров речи наряду с категорией числа и падежа [25, p. 57].

Однако Ф. де Оливейра представляет неполный обзор исследуемой проблемы. В частности, он не говорит о роде слов *Singularia* / *Pluralia tantum*, роде грамматических дублетов, хотя в грамматике есть свидетельства того, что грамматист осознает их наличие в языке. Также не говорится о роде топонимов, не рассматривается проблема рода эпитетов, притяжательных местоимений, причастий. Но несмотря на это, читая данный лингвистический трактат, можно представить, как видный португальский филолог XVI в. Ф. де Оливейра понимал грамматическую категорию рода.

Литература

1. Gonçalves M.-F. A língua portuguesa e a tríade codificadora // *Libros Relege, Volge, Lege: O livro antigo na Biblioteca do Exército* / Mário J. Freire da Silva, Tiago C. P. Dos Reis Miranda (coord.). Lisboa: Biblioteca do Exército, 2018. P. 279–297.
2. Barroso H. Morfosintaxe em Fernão de Oliveira (1536) // *Diacritica*. 2015. Vol. 29. № 1. P. 379–393.

3. Kossarik M. Amplificação dos fins da descrição da língua como fator da evolução do cânone grammatical (Do cânone único à diversificação de tipos da descrição grammatical – obras portuguesas dos séculos XVI e XVII) // Atti del XXVIII Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza (Roma, 18–23 luglio) / eds. R. Antonello, M. Glessgen, P. Videsott. Strassbourg: Éditions de linguistique et de philologie, 2018. T. 2. P. 1672–1682.
4. Oliveira F. Grammatica da lingoagem portugueza. Lisboa, 1536. [38] f.
5. Barros J. de. Grammatica da lingua portugueza. Olyssipone, 1540. MDXL p.
6. Gândavo P. Magalhães de. Regras qve ensinam a maneira de escrever a orthographia da lingua portugueza, com hum Dialogo que adiante se segue em defensam da mesma lingua. Lisboa, 1574. [36] f.
7. Lião D. N. de. Orthographia da lingoa portvgvesa: obra vtil & necessaria assi pera bem screuer a lingoa Hespanhol como a Latina & quaesquer outras que da Latina teem origem. Lisboa, 1576. MDLXXVI p.
8. Lião D. N. de. Origem da lingoa portvgveza. Lisboa, 1606. MDCVI p.
9. Gouveia de Frias M. C. A categoria gramatical do genero do português antigo ao português actual // Estudos em homenagem ao Professor Doutor Mário Vilela. Porto: Faculdade de Letras de Universidade de Porto, 2005. Vol. 2. P. 527–544.
10. Вольф Е. М., Никонов Б. А. Португальский язык. М.: МГУ, 1965. 240 с.
11. Катагощина Н. А., Вольф Е. М. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М.: Наука, 1968. 256 с.
12. Косарик М. А. Отказ от иерархического видения языков в португальской лингвистике XVI–XVII вв. // Древняя и Новая Романия. 2015. № 16. С. 162–171.
13. Oliueyra F. de. Arte da guerra do mar. Coimbra, 1555. [4], 9–80 f.
14. Oliueyra F. de. Liuro da fabrica das naos. [Ca. 1580]. [3] f., [164] p.
15. Oliueyra F. de. Sancta Columba [1507–85] opera duo: Ars nautica, autographa. Viagem de Fernao de Magalhaes, secundum narrationem cuiusdam focii et suppletus ex aliis fontibus, lusitanice. XVI [1555]. 1 deel, geschreven op papier, 255 f.
16. Louro J.-I. Origem e flexão dalguns nomes em -ão // Boletim de filologia. T. XIII, fasc. 1–2. Lisboa: Centro de Estudos filológicos, 1952. P. 37–65.
17. Косарик М. А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. 1: Фонетика. Морфемика. Морфология. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 238 с.
18. Косарик М. А. Разработка лексикологической проблематики в ранних грамматиках, трактатах и диалогах о языке (на материале филологических сочинений Португалии) // Stephanos. 2017. № 6. С. 85–113.
19. Kossárik M. A. Concepciones pre-coserianas en los monumentos lingüísticos portugueses de los siglos XVI y XVII // Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguística Coseriana V / eds. T. Stehl, G. Hasler. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 351–367.
20. Михайлова Е. Н. Проблема языковой вариативности в концепции Шарля де Бовеля (1533) // Романские языки и культуры: от античности до современности: сб. мат-лов VIII Междунар. науч. конф. (Москва, 26–27 ноября 2015 г.) М.: МАКС Пресс, 2016. С. 211–218.
21. Михайлова Е. Н. Ренессансные грамматики французского языка: проблема типологии // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 26–27 июня 2018 г.) М.: МГОУ, 2018. С. 28–31.
22. Хаза Мохаммед Абду Мохаммед. Становление принципов описания местоимений во французских грамматиках XVI века: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2018. 190 с.
23. Жолудева Л. И. Вариативность итальянского языка XVI в. и ее осмысление в лингвистических сочинениях эпохи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 480 с.
24. Zholudeva L. Written and spoken Italian in the XVI century. The plurality of functional languages and its impact on standardization // Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguística Coseriana V / eds. T. Stehl, G. Hasler. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 221–230.
25. Celani S. Alle origini della grammaticografia portoghese. Roma: Nuova Cultura, 2012. 118 p.

Interpretation of Grammatical Category of Gender by Fernão de Oliveira

Sergey V. Arkhipov ^{a, @, ID}

^a Moscow State University of Food Production, Russia, Moscow

@ lusofon@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1102-3342>

Received 14.03.2020. Accepted 18.05.2020.

Abstract: The present research featured the definition of grammatical gender category as it was coined by Fernão's de Oliveira (1507–1581), a prominent Portuguese linguist that wrote the first Grammar of the Portuguese Language (1536), where he outlaid the main principles of gender classification. The research was based on F. de Oliveira's works, namely The Grammar of the Portuguese Language, The Art of Sea Warfare, The Voyage of Fernão de Magalhães, and The Book of Shipbuilding. The linguistic data were selected from the above-mentioned works based on linguistic criteria by the method of continuous sampling. The article also describes various gender definition methods, e.g. morphonology, morphology, anaphora, syntax, secondary morphologization, words of one flexion, and vocalic inflexion (alternation of open and closed, pure and nasal vowels). The analysis of Oliveira's speculations on grammatical gender revealed that the Portuguese grammarian failed to cover the issues of Singularia / Pluralia tantum, grammatical doublets, toponyms, epicenes, possessive pronouns, and participles.

Keywords: Portuguese grammar, classes of genders, gender's indexes, gender definition methods

For citation: Arkhipov S. V. Interpretation of Grammatical Category of Gender by Fernão de Oliveira. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 481–488. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-481-488>

References

1. Gonçalves M.-F. A língua portuguesa e a tríade codificadora. *Libros Relege, Volge, Lege: O livro antigo na Biblioteca do Exército*, Mário J. Freire da Silva, Tiago C. P. Dos Reis Miranda (coord.). Lisboa: Biblioteca do Exército, 2018, 279–297.
2. Barroso H. Morfosintaxe em Fernão de Oliveira (1536). *Diacritica*, 2015, 29(1): 379–393.
3. Kossarik M. Amplificação dos fins da descrição da língua como fator da evolução do cânone gramatical (Do cânone único à diversificação de tipos da descrição gramatical – obras portuguesas dos séculos XVI e XVII). *Atti del XXVIII Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza*, Roma, 18–23 luglio, eds. Antonello R., Glessgen M., Videsott P. Strassbourg: Éditions de linguistique et de philologie, 2018, vol. 2, 1672–1682.
4. Doliveira F. *Grammatica da lingoagem portugueza*. Lixboa, 1536, 38.
5. Barros J. de. *Grammatica da lingua portugueza*. Olyssipone, 1540, MDXL.
6. Gândavo P. Magalhães de. *Regras qve ensinam a maneira de escrever a orthographia da lingua portugueza, com hum Dialogo que adiante se segue em defensam da mesma lingua*. Lisboa, 1574, 36.
7. Lião D. N. de. *Orthographia da lingoa portvgvesa: obra vtil & necessaria assi pera bem screuer a lingoa Hespanhol como a Latina & quaesquer outras que da Latina teem origem*. Lisboa, 1576, MDLXXVI.
8. Lião D. N. de. *Origem da lingoa portvgveza*. Lisboa, 1606, MDCVI.
9. Gouveia de Frias M. C. A categoria gramatical do genero do português antigo ao português actual. *Estudos em homenagem ao Professor Doutor Mário Vilela*. Porto: Faculdade de Letras de Universidade de Porto, 2005, vol. 2, 527–544.
10. Wolf E. M., Nikonov B. A. *The Portuguese language*. Moscow: MGU, 1965, 240. (In Russ.)
11. Katagoshchina N. A., Wolf E. M. *Comparative grammar of the Romance languages. Ibero-Romance sub-group*. Moscow: Nauka, 1968, 256. (In Russ.)
12. Kosarik M. A. The role of XVI–XVII centure Portuguese linguistic tradition in abandoning the hierarchical view on languages. *Drevniaia i Novaia Romaniia*, 2015, (16): 162–171. (In Russ.)
13. Oliueyra F. de. *Arte da guerra do mar*. Coimbra, 1555, [4], 9–80.
14. Oliueyra F. de. *Liuro da fabrica das naos*. [Ca. 1580], [3], [164].
15. Oliueyra F. de. *Sancta Columba [1507–85] opera duo: Ars nautica, autographa. Viagem de Fernao de Magalhaes, secundum narrationem cuiusdam focii et suppletus ex aliis fontibus, lufitanice*. XVI [1555]. 1 deel, geschreven op papier, 255.
16. Louro J.-I. Origem e flexão dalguns nomes em –ão. *Boletim de filologia*, XIII, fasc. 1–2. Lisboa: Centro de Estudos filológicos, 1952, 37–65.
17. Kossarik M. A. *Description of language system in the earlier linguistic works in Portuguese of XVI–XVII centuries. Vol. 1: Phonetics. Morphemics. Morphology. Morphology of noun parts of speech*. Moscow: MAKs Press, 2013, 238. (In Russ.)

18. Kossárik M. A. Analysis of lexicological problems in early Portuguese grammars, treatises and dialogues on language. *Stephanos*, 2017, (6): 85–113. (In Russ.)
19. Kossárik M. A. Concepciones pre-coserianas en los monumentos lingüísticos portugueses de los siglos XVI y XVII. *Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguística Coseriana V*, eds. Stehl T., Hasler G. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017, 351–367.
20. Mikhaylova E. N. The problem of language variability in the conception of Charles de Bovelles (1533). *Romance languages and cultures: from ancient times to this day*: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Moscow, November 26–27, 2015. Moscow: MAKSPress, 2016, 211–218. (In Russ.)
21. Mikhaylova E. N. The renaissance French grammars: typology problems. *Evolution of the Romance languages: from people's language to the national language*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, June 26–27, 2018. Moscow: MGOU, 2018, 28–31. (In Russ.)
22. Khaza Mokhammed Abdu Mokhammed. *Formation of description principles of pronouns in French grammars of the XVI century*. Cand. Philol. Sci. Diss. Belgorod, 2018, 190. (In Russ.)
23. Zholudeva L. I. *Variability of the Italian language in XVI century and variation comprehension in the current linguistic works*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2019, 480. (In Russ.)
24. Zholudeva L. Written and spoken Italian in the XVI century. The plurality of functional languages and its impact on standardization. *Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguística Coseriana V*, eds. Stehl T., Hasler G. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017, 221–230.
25. Celani S. *Alle origini della grammaticografia portoghese*. Roma: Nuova Cultura, 2012, 118.

Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов)

Марина В. Батюшкина^{a, @, ID}

^a Законодательное Собрание Омской области, Россия, г. Омск

@ soulangeana@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Поступила в редакцию 14.02.2020. Принята к печати 27.03.2020.

Аннотация: Представлены общие результаты исследования юридических понятий, образованных семантическим способом (с помощью семантической генерализации, расширения значения, институциональной спецификации, сужения значения, метонимического переноса, метафорического переноса или их корреляции). Отмечается взаимосвязь семантического терминообразования и полисемии. Называются причины неизбежности неоднозначности юридических понятий: (а) фактор создателя законодательного текста и адресата-реципиента; (б) открытость правовой терминотерминологической системы, воспроизводство в текстах законов многозначных лексем, их переосмысление; (в) создание вариантов законодательных дефиниций и др. Особое внимание уделяется семантической генерализации и институциональной спецификации юридических понятий. Показывается взаимосвязь денотативно-предикативного и логико-понятийного подходов, механизм обобщения и абстрагирования лексического значения. В аспекте противопоставления функций, моделей образования и коннотационного потенциала рассматриваются различия метонимического и метафорического переносов. Отмечается высокая продуктивность метонимического переноса, а также юридических понятий, которые возникли на основе комбинации разных видов семантического терминообразования. Исследование проведено на базе текстов российских федеральных и региональных законов, с учетом применения различных подходов: дискурсивного, контекстуального, интертекстуального, компонентного, денотативно-предикативного, логико-понятийного, интерпретационного, сравнительного. Представленные в работе результаты, выводы и иллюстративный материал могут быть полезны ученым и практикам, которые исследуют юридическую терминологию, правовые тексты, вопросы русского языка как государственного.

Ключевые слова: юридический термин, полисемия, денотат, предикат, семантическая генерализация, сужение значения, метонимия, метафора, текст закона, юридический дискурс

Для цитирования: Батюшкина М. В. Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 489–498. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-489-498>

Введение

Среди способов образования терминов «наименее изученным и в то же время наиболее своеобразным» [1, с. 8] является семантический, хотя семантическая производность для профессионального терминообразования не менее естественна, системна и продуктивна, чем словообразовательная или синтаксическая. Об этом, в частности, свидетельствует множество юридических терминов, употребляемых в законах: *мягкое наказание, старение материнства, разжигание ненависти, запутанный характер сделки, погасить избирательный бюллетень, замораживание безналичных денежных средств, капитан бассейна внутренних водных путей* и т. д.

Развивая положения отечественных и зарубежных ученых (Ю. Д. Апресян [2], Н. Д. Арутюнова [3; 4], Л. В. Балашова [5], В. М. Баранов и Н. А. Власенко [6], Г. И. Кустова [7], Дж. Лакофф [8; 9], В. П. Москвин [10], В. Н. Прохорова [1], Г. Н. Склярская [11], В. Н. Телия [12], Д. Н. Шмелев [13] и др.) применительно к исследованию

понятий, используемых при создании законов, отметим, что термины, образованные семантическим способом, обладают как положительными, так и отрицательными качествами:

- кратко, но содержательно, метко и доходчиво выражают отношения между понятиями; легко запоминаются; быстро включаются в терминотерминологическую систему права; обладают свойствами постоянства (устойчивы), повторяемости (воспроизводимы), контекстуальной предсказуемости (типичны);
- не всегда точно отражают либо не отражают вовсе классификационные, иерархические связи юридических понятий; дублируя общеупотребительные слова, порождают оппозицию общеупотребительного и узкоинституционального значений, могут привести в законодательный контекст нежелательные или неуместные значения, ассоциации, создать интерпретационные барьеры при переводе (например, если закон создается на двух и более государственных языках).

Кроме того, семантическая производность взаимосвязана с полисемией. А в юридическом дискурсе требование к однозначности понятия (термина) является одним из первостепенных¹. Не случайно многие не только юридические, но и общеупотребительные понятия имеют дефиницию, закрепленную в законе².

Возникают и другие вопросы, например, является ли семантическое терминообразование вынужденным либо преднамеренным и можно ли было сказать по-другому; какие из семантических способов являются наиболее продуктивными при образовании юридических понятий; можно ли говорить о семантически образованных составных терминах как о фразеологических сращениях; каковы особенности переводческой трансформации / калькирования семантически образованного термина при рецепции права.

Естественность и продуктивность семантического способа терминообразования, взаимосвязь с полисемией, актуальность вопроса о неоднозначности юридических понятий и их образном компоненте для научного, законотворческого и судебного дискурсов, а также другие вопросы семантического образования юридических понятий обусловили интерес к данной проблематике.

Основа работы – изучение текстов российских федеральных и региональных законов на базе корреляции различных подходов: дискурсивного, контекстуального, интертекстуального, компонентного, денотативно-предикативного, логико-понятийного, интерпретационного, сравнительного.

Взаимосвязь семантического терминообразования и полисемии

Общеизвестно, что слова в языке обладают реальной или потенциальной многозначностью, т. е. каждое слово может иметь несколько значений: одно является прямым (исходным, основным, главным), остальные – переносными (дополнительными, вторичными).

С точки зрения Ю. М. Лотмана, между прямым и переносными значениями «не существует отношений взаимодозначного соответствия, а устанавливается лишь приблизительная эквивалентность» [14, с. 66]. Д. Н. Шмелев отмечает, что семантическая структура слова, имеющего прямое и переносные значения, может рассматриваться как отражение эпидигматических отношений [13].

По мнению В. М. Бельдяна, переносные значения могут быть истолкованы с помощью прямого значения, но прямое значение с помощью переносных объяснено быть

не может, для толкования прямого значения необходимы прямые значения других слов, установление отношений *род : вид* или *целое : часть целого* [15, с. 207–209].

Многозначность (полисемия) юридических понятий является особым предметом рассмотрения как для лингвистов, так и для правоведов (Н. Д. Голев и М. Е. Воробьева [16], Э. И. Лескина [17], А. С. Пиголкин [18], Е. В. Соколова [19] и др.). Несмотря на обоснованность положений о том, что формулирование законодательных норм должно происходить с учетом требования к единообразию употребления юридических понятий, однозначности их понимания и отсутствию терминов-вариантов, проявление феномена полисемии в юридической терминологии и шире – в законодательном контексте – неизбежно.

Во-первых, как совершенно верно заметил Г. Я. Солганик, «в языке все выразительно. И если встречаются нередко бледные, сухие, худосочные тексты с тусклыми словами, то виноват в этом не язык, а пишущие, говорящие на нем» [20, с. 30]. Есть выражение «Не боги горшки обжигают», и тексты законов создаются обычными людьми, а значит, то, каким будет этот текст, какие средства будут привлечены для его создания, во многом обусловлено знаниями, мировосприятием и речемыслительным опытом конкретного человека. Иными словами, в семантически образованном термине мы видим предмет речи таким, каким его воспринял, ассоциировал и транслировал автор номинации (ср. *развертывание военных сил – развернуть ковер; плод человека – плод дерева* и т. д.).

Другой вопрос: в связи с постоянным употреблением семантически образованных понятий осознают ли специалисты, создающие текст закона (а это всегда представители определенной профессиональной группы), наличие дополнительных значений и коннотаций либо воспринимают данные понятия в качестве обыденных, ничем не отличающихся от других юридических понятий?

Во-вторых, терминосистема права не является изолированной. В законодательных, как и иных юридических, текстах воспроизводятся многозначные лексемы, употребляемые в разных сферах деятельности. Проявление того либо иного значения может быть мотивировано контекстом, разными предметами и аспектами правового регулирования. Ср.: *младший начальствующий состав*³ (различие по подчиненности – воен., полиц.) – *младшие и старшие школьные возрастные группы*⁴ (различие по возрасту – образов.); *иммунитет человека* (система, защищающая организм от заболеваний – мед.) – *иммунитет государства* (независимость, суверенность государства – юрид.); *керамические изделия*,

¹ См., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2017 № 310-КГ17-12130 по делу № А64-2941/2016 (о толковании понятия *неопределенный круг потребителей*); Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23.06.2008 по делу № А29-2092/2007 (о толковании понятия *розничная торговля*).

² Например, в ст. 5 УПК РФ ночное время определяется как «промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени» (УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 22.12.2001. № 249).

³ О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 01.10.2019 № 328-ФЗ // Российская газета. 04.10.2019. № 223. Ст. 8.

⁴ НК РФ (ч. II) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Парламентская газета. 10.08.2000. № 151–152. Ст. 164.

изготовленные посредством литья без последующей **росписи**, **лепки**⁵ (способ ручного декорирования изделия – искусств.) – вручение документа под **роспись** (удостоверение, подтверждение – админ.) – бюджетная **роспись** (вид документа – финанс.).

Хотя все употребляемые в законах термины транслируются в качестве юридических, в случае, если понятия отражают различные терминосистемы, возникает вопрос об омонимии. Однако полагаем, что говорить об омонимии понятий, употребляемых при создании законов, допустимо в случаях семантических оснований существенного различия значений понятий, являющихся частью разных терминосистем и используемых для регулирования разных сфер общественных отношений. Омонимы должны различаться морфемной членимостью, словообразовательными дериватами, лексической и синтаксической сочетаемостью, употреблением в составе разных синонимических и антонимических рядов.

В-третьих, при контекстуальном употреблении неоднозначность понятия, как правило, устраняется, поскольку преобладает тот или иной оттенок значения. Однако в некоторых случаях контекстуальное употребление не вносит достаточной ясности в интерпретацию понятия, образованного семантическим способом.

Например, в законодательных текстах понятие *человеческий капитал* употребляется для обозначения некой институциональной абстракции, вызывающей ассоциацию с чем-то нематериальным, имеющим косвенное отношение к экономике и финансам. Но что все-таки такое *человеческий капитал* – исходя из контекста представить довольно сложно. Приведем примеры: *достижение высоких показателей качественного человеческого капитала*⁶; *Совокупность индивидуальных человеческих капиталов людей, проживающих в Санкт-Петербурге, образует суммарный человеческий капитал Санкт-Петербурга*⁷; *развитие человеческого капитала и содействие обеспечению трудовыми ресурсами резидентов территории опережающего социально-экономического развития*⁸.

В-четвертых, в российских законах развиваются традиции употребления понятий, используемых в правовых текстах досоветского и советского периодов. Однако в силу трансформации социально-исторического контекста, государственно-правовой системы нередко понятие, первоначально

употребляемое в прямом или переносном значении, приобретает дополнительный переносный смысл, переосмысливается.

Например, в Лесном кодексе 1923 г. по отношению к крестьянам в качестве единицы счета применялось понятие *душа*: *В лесах севера, в местностях с лесистостью более пятидесяти процентов, где не было лесов крестьянских владений, из лесов государственного значения могут быть выделяемы лесные дачи, предназначенные исключительно для удовлетворения в древесине трудовых объединений с расчетом не более двух десятин на душу*⁹ (т. е. на одного крестьянина). В российских законах данное понятие также употребляется, но в составе сочетания *на душу населения*, применяемого по отношению к одному человеку как представителю совокупности граждан региона или страны в целом, например: *величина прожиточного минимума на душу населения*¹⁰.

В-пятых, в силу высокой степени обобщенности и абстрактности большинство юридических понятий можно отнести к широкозначным, имеющим высокий потенциал полисемии. Как отмечает Е. Г. Беляевская, «все значения широкозначного слова трудно зафиксировать и "пересчитать" <...> у широкозначных слов постоянно возникают новые контекстуальные употребления» [21, с. 6].

С другой стороны, в законодательном тексте понятие употребляется в специализированном, «суженном» значении, релевантном для юридического дискурса и моделируемой ситуации. С опорой на исследование Г. И. Кустовой отметим, что значение обобщенных и абстрактных слов неопределенно и в силу этого подвижно, может подстраиваться под семантику принимающего контекста [7, с. 74].

В качестве примера приведем отглагольное существительное *утрата* (имеющее в общелитературном языке книжную, устаревшую окраску), а также соотносимые с ним (образованные от одной основы) формы глагола и причастия, которые используются в различных законодательных текстах в следующих значениях:

- утрата (потеря) каких-либо документов, имущества: *ответственность за утрату исполнительного документа*¹¹; *страховое возмещение за утрату заложенного имущества*¹²; *товар утрачен или поврежден*¹³; *утраченный заработок*¹⁴;

⁵ О народных художественных промыслах. ФЗ от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 15.01.1999. № 7. Ст. 7.

⁶ О стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 года. Закон Магаданской области от 11.03.2010 № 1241-ОЗ (ред. от 18.03.2019) // Магаданская правда. 23.03.2010. № 29. Табл. 15.

⁷ О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Приложение к Закону Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800201812250015> (дата обращения: 25.12.2018).

⁸ О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ. ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 31.12.2014. № 299. Ст. 32.

⁹ О введении в действие Лесного Кодекса. Постановление ВЦИК от 25.07.1923, принятое II сессией X созыва 07.07.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 58. Ст. 564. ¹⁰ Ст. 1091 ГК РФ (ч. II) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

¹¹ КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Парламентская газета. 05.01.2002. № 2-5. Ст. 364.

¹² ГК РФ (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239. Ст. 334.

¹³ Ст. 459 ГК РФ (ч. II).

¹⁴ ТК РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 31.12.2001. № 256. Ст. 184.

- утрата (потеря) каких-либо качеств, признаков, свойств: покупатель **утрачивает** интерес к договору¹⁵; **утрачивает** ценность для ссудополучателя¹⁶; стойкая **утрата** профессиональной трудоспособности¹⁷; закон **утратил** силу, статья **утратила** силу, **утратившие** силу положения (юридические клише);
- утрата (лишение) институционального статуса, прав, обязанностей, «правового режима»: **утрата** прав законного владельца на ценную бумагу¹⁸; организация **утрачивает** статус оператора¹⁹; **утрачивает** право выдавать доверенности²⁰; **утрата** силы государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя²¹.

Сужение значения регулярно осуществляется с помощью законодательной дефиниции. При этом в разных законах встречаются примеры различного определения и, соответственно, различного «сужения» значения одного, по сути, понятия, семантически адаптированного к разным контекстам. Ср.:

- в УК: под **близкими лицами** в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьёй, или лица, ведущие с ним общее хозяйство²²;
- в УПК: **близкие лица** – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений²³.

К сказанному добавим, что существует своего рода «пассивный» запас значений, которые имеет или может иметь слово в зависимости от сочетания с другими словами и от отношения к неюридическому дискурсу. При построении текста закона данные значения / смыслы не учитываются или не могут быть учтены (в связи с незнанием данных значений / смыслов адресантами-авторами текста закона). Однако при восприятии текста закона они могут стать «активными». Это обусловлено знаниями, речемыслительной деятельностью адресата-реципиента. Интерпретация текста закона не может быть «конечной», однозначной, поскольку зависит от деятельности интерпретатора.

Семантическая генерализация и институциональная спецификация юридических понятий

С опорой на теорию Н. И. Жинкина [22], А. И. Новикова [23], В. М. Бельдяна [15] мы полагаем, что в зависимости от разделения значений предметов и свойств (действий, признаков, качеств) лексические единицы могут быть условно отнесены к одной из следующих групп:

- денотативная лексика: конкретные, вещественные и собирательные существительные со значениями конкретных предметов, объектов, веществ и совокупностей: дом, мужчина, нефть, транспорт, листва;
- предикативная лексика: глаголы (*двигаться, говорить*), прилагательные (*яркий, государственный*), наречия (*безвестно, незамедлительно*), причастия (*избранный, избран*), отглагольные, абстрактные или отвлеченные существительные (*воля, справедливость, долг, совесть, бег, обеспечение*), а также части речи, эквивалентные предикатам, которые обозначают сопутствующие предмету (явлению) свойства, действия, признаки, качества, отношения (*каждый, другой, все*);
- денотативно-предикативная лексика, совмещающая указания на предмет (субъект) и свойства этого предмета (субъекта): *работодатель* – тот, кто предоставляет кому-либо работу; *налогоплательщик* – тот, кто платит налог; *квартиросъемщик* – тот, кто снимает квартиру; *металлический* – сделанный из металла или содержащий металл.

Поскольку свойство, действие, признак, качество – это всегда какая-то характеристика предмета (субъекта, явления, вещи), которая не может существовать сама по себе, в отрыве от ее носителя, представления о свойстве, действии, признаке и качестве, они формируются в сознании человека как представления о знаковом обозначении, ассоциации представлений знаков, слов, обозначающих эти свойства, действия, признаки, качества. В тексте предикаты используются в связи с теми или иными денотатами, выраженными либо подразумеваемыми. Например, нельзя представить *аморальность* вообще, но можно представить *аморальное поведение* человека.

Если при производстве неинституциональных текстов адресант отражает действительность через призму личностно значимых представлений о ней, то производство законодательных (как и иных выполняющих институциональную функцию) текстов предполагает выражение не личных, а институционально значимых представлений

¹⁵ Ст. 457 ГК РФ (ч. II).

¹⁶ Ст. 691 ГК РФ (ч. II).

¹⁷ Ст. 182 ТК РФ.

¹⁸ Ст. 147.1 ГК РФ (ч. I).

¹⁹ НК РФ (ч. I) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 06.08.1998. № 148–149. Ст. 25.7.

²⁰ Ст. 188 ГК РФ (ч. I).

²¹ Ст. 55 НК РФ (ч. I).

²² Ст. 116 УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

²³ Ст. 5 УПК РФ.

о действительности. Автор законодательного текста выражает правовой смысл, формируемый на базе правовых категорий в результате речевой деятельности унифицированного типа. При этом денотативно-предикативный смысл преобразуется в логико-понятийный, обеспечивающий последовательное изложение правовой мысли.

Для того чтобы распространить определенное правовое правило на неопределенное (неограниченное) множество вероятных субъектов, фактов, условий, событий, необходимо нивелировать различия между этими субъектами, фактами, условиями, событиями, сделав приоритетной какую-либо функцию или характеристику, выделив общее, одинаковое, типичное, повторяющееся. Это достигается за счет семантической генерализации и институциональной спецификации юридического понятия: слова в законодательном тексте (за редкими исключениями²⁴) имеют обобщенный, универсальный смысл, нередко аморфную, расплывчатую семантику (широкозначны), а грамматические формы и конструкции выражают безличность, неназванность или неопределенность конкретного субъекта, безотносительность события к конкретному времени.

Любая лексика, какую бы основу она не имела (денотативную, предикативную, денотативно-предикативную), при включении в законодательный текст, детерминирована его общим смыслом, приобретает предикативные характеристики обобщенности и абстрактности, семантически генерализуется. Нередко такая генерализация сопровождается трансформацией грамматических показателей.

Например, с денотативно-предикативной точки зрения, сочетание *права и свободы человека и гражданина* образовано на основе предикатов (*право, свобода*) и денотатов (*человек, гражданин*). С логико-понятийной точки зрения, каждое из указанных слов употребляется в обобщенно-типизированном, собирательном смысле. Признаком семантической генерализации и институциональной спецификации является трансформация формы числа. Вместо общеупотребительных понятий *право* и *свобода* (единственное число) используются понятия *права* и *свободы* (во множественном числе), а согласуемые с ними номинации субъектов – носителей прав и свобод – употреблены в форме единственного числа (человека и гражданина) вместо необходимых с грамматической точки зрения форм множественного числа (ср.: *право и свобода человека и гражданина* – *права и свободы людей и граждан*).

Абстрактные правоположения, образованные на основе семантически генерализованных денотатов и предикатов, по сравнению с конкретными высказываниями, более универсальны, обладают большей применимостью, поскольку могут наполняться другими предметами и признаками (в силу общности и сходства). Лексика законодательных текстов, отражая не индивидуальный, а социальный, государственно-правовой опыт, отличается множеством

потенциальных связей с предметной действительностью. Конкретизация значения осуществляется через транслируемую институциональную функцию, обозначающую ситуацию и ее программируемое осмысление.

При создании законов семантически генерализованные денотативные и предикативные лексемы могут менять свои внутренние значения в зависимости от сочетания с другими лексемами, смены синтаксических позиций. Значение одной лексемы начинает употребляться в роли контекстуального заместителя другой лексемы при метонимическом либо метафорическом переносе, которые различаются, по мнению В. Н. Прохоровой, и моделями образования, и коннотативным потенциалом [1, с. 64].

Метонимический перенос как способ образования юридических понятий

Развивая сложившийся традиционный взгляд на понимание метонимии, синекдохи как разновидности метонимии (Е. А. Гинзбург [24], В. П. Москвин [10], В. Н. Прохорова [1, с. 67–68], Р. Е. Шкилев [25, с. 7–8] и др.), полагаем, что при метонимическом переносе один предмет определяется через другой, находящийся с ним рядом, в общих ситуационно-обстоятельственных и пространственно-временных границах, на основе синтаксического преобразования (сокращения, экономии средств) и смысловой трансформации (замены субъекта действия, переименования, перемещения внимания с одного предмета или аспекта ситуации на другой).

Идея, мотивы метонимического переноса позволяют рассматривать соотносимые понятия не просто в качестве смежных, сопредельных, отражающих одну ситуацию или наиболее существенный признак этой ситуации, но в качестве эквивалентных: *водитель повернул руль вправо* → *руль повернулся вправо* / *руль вправо*; *судья вынес приговор в суде* → *суд вынес приговор* / *суд приговорил*. В результате формируемой эквивалентности уточняющее понятие (*руль, суд*) приобретает значение, которое изначально принадлежало исходному (*водитель, судья*), в свою очередь, исходное становится семантически излишним.

В ракурсе синтаксического восстановления исходного содержания метонимический перенос можно интерпретировать следующим образом: из предложения (контекста) исключается денотативное слово, употребляемое в именительном падеже в функции подлежащего, вместо него используется денотативное или предикативное слово, которое до этого употреблялось в косвенном падеже в функции объекта или обстоятельства действия (соответственно, дополнения или обстоятельства).

При создании законодательных текстов метонимичный перенос сопровождается не только сменой синтаксических позиций субъекта и объекта действия, но и целенаправленным обезличиванием деятельности, фокусированием

²⁴ Исключение составляют имена собственные, используемые в прямом конкретном значении (например, в реквизитах принятия и подписания закона: Государственная Дума, Президент Российской Федерации; Москва, Кремль).

внимания на выражении объектно-процессуальной семантики, планируемом результате действия, трансформацией прямого волеизъявления в косвенное. Ср.: **парламент принимает закон** → **закон принимается парламентом** → **закон принимается; руководитель объявляет выговор** → **выговор объявляется руководителем** → **выговор объявляется**.

Смена позиций «активный субъект» → «объект действия = персонифицированный субъект» может усиливаться идентифицирующей номинацией, при которой имя нарицательное наделяется характеристиками имени собственного, маркируется прописной буквой и определением *Настоящий*. Метонимический перенос осложняется метафорическим, заменой одних слов другими (эвфемизмом). Ср.: **депутаты принимают закон об основаниях и порядке назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка – Настоящий** [вместо *этот, данный*] **Федеральный закон устанавливает основания и порядок назначения и осуществления ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка**²⁵.

В случае, когда опредмечивается функция либо институциональный признак субъекта действия, выраженные предикативной лексикой и являющиеся его неотъемлемой частью, данная функция и данный признак приобретают значение целого, т. е. субъекта действия. При этом метонимический перенос сопровождается переосмыслением грамматических категорий и употреблением одной части речи в значении другой (конверсией). Наиболее продуктивен переход в разряд существительных причастий: **преступник, осужденный по статье** → **осужденный; дети, обучающиеся по программе** → **обучающиеся** и т. д. С помощью конверсии не только субстантивируются функциональная и определительная характеристики субъекта действия, но и устраняется речевая избыточность: **председатель, председательствующий на заседании** → **председательствующий**.

В качестве продукта метонимического переноса могут быть рассмотрены отлагательные существительные, одновременно передающие значения действия и результата действия (*взятка, подкуп, подделка, запрет*), волеизъявления и документа (*поправка, приказ, распоряжение, решение*). Для выражения указанных значений используется одно и то же название-понятие.

Когда синтаксическое преобразование сопровождается сужением или расширением денотативного значения, а часть целого (единица множества) приобретает значение, которое принадлежало целому (множеству), и наоборот, целое (множество) приобретает значение части (единицы множества), можно говорить об использовании приема

синекдохи: **Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации** (вместо *детей*); **мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации**²⁶ (вместо *мужчины и женщины*).

Приведенные модели метонимического переноса с одной единицы номинации на другую являются общими шаблонами, многократно воспроизводимыми в текстах законов.

Метафорический перенос как способ образования юридических понятий

Если метонимический перенос направлен на перемещение внимания с одного предмета на другой, объективно взаимосвязанных при описании какой-либо ситуации («часть¹ целого^А → часть^п целого^А»; «целое^А ↔ часть целого^А»), то метафорический перенос используется для объяснения неизвестного (но познаваемого) известным на основе сопоставления и сравнения их сходных характеристик. Такое сопоставление и сравнение осуществляются с помощью логических, интуитивных, чувственных или сенсорных ассоциаций и отражают возможные варианты воображаемой взаимосвязи.

С опорой на точку зрения Н. Д. Арутюновой [4, с. 367] и Л. В. Балашовой [5, с. 171–172] отметим, что метафорический перенос связывает категориально различные вещи, предметы и ситуации, формируется на базе «субъективного допущения подобия» между, на первый взгляд, несопоставимыми сущностями. В основе метафорического переноса – принцип аналогии, сходство признаков и функций, а саму метафору называют «свернутым», завуалированным сравнением (Е. Л. Гинзбург [24], Дж. Лакофф и М. Джонсон [9], Г. Н. Складаревская [11], В. Н. Телия [12]).

Действительно, нередко юридические понятия, образованные в результате метафорических переносов, можно сопоставить с конструкциями, содержащими сравнительные союзы *как, как бы, будто, точно, словно*: **погасить избирательный бюллетень** (словно погасить свечу, факел), **разжигание ненависти** (как разжечь костер). В некоторых случаях сравнение выражено формой творительного падежа: **поворачивает петлей на север** (о границе поселения)²⁷.

Согласимся с Л. В. Балашовой в том, что «понятие метафоры достаточно регулярно расширяется, и ее начинают трактовать как любой вид тропов, как любой вид экспрессивных и / или индивидуально-авторских средств выразительности», как «любые типы ассоциативных реакций носителей языка» [5, с. 170–171].

Юридическое понятие – результат метафорического переноса транслирует корреляцию: исходного и нового контекстуальных полей; исходного и нового обозначений; параметры сходства – обстоятельственно-определятельные

²⁵ О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей. ФЗ от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Российская газета. 31.12.2017. № 297с. Ст. 1.

²⁶ Ст. 19 Конституции РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 25.12.2018).

²⁷ О преобразовании сельских поселений Ханкайского муниципального района Приморского края и о внесении изменений в Закон Приморского края «О Ханкайском муниципальном районе». Закон Приморского края от 27.04.2015 № 595-КЗ // Приморская газета. 28.04.2015. № 44. Ст. 7.

основания ассоциирования (способ, признак, свойство, действие и др.); источник сходства – когнитивные, речемыслительные особенности автора-адресанта.

С учетом денотативно-предикативного подхода в настоящей работе под метафорическим переносом понимается семантическая смена сочетаемости:

- денотата с определенной денотативной группой на сочетаемость этого денотата с другой денотативной или предикативной группой: *плод дерева* → *плод человека*²⁸ (плод^{денотат} – дерево^{денотат} → плод^{денотат} – человек^{денотат}); *стена дома* → *стена скорби*²⁹ (стена^{денотат} – дом^{денотат} → стена^{денотат} – скорбь^{предикат});
- предиката с определенной денотативной группой на сочетаемость данного предиката с другой предикативной группой: *высокий дом* → *высокие требования* (высокий^{предикат} – дом^{денотат} → высокий^{предикат} – требования^{предикат}); *характер человека* → *характер сделки* (характер^{предикат} – человек^{денотат} → характер^{предикат} – сделка^{предикат}).

В зависимости от вида лексемы, получающей метафорическое значение, могут быть выделены различные семантические типы метафорических переносов, в частности:

- субстантивные со значением «сходство предметов» в широком понимании (*караван судов*³⁰, *источник конфликта интересов*³¹, *порог стоимости имущества*³²);
- адъективные, выражающие общее значение «сходство качеств, признаков или свойств» (*легкое метро*³³, *мягкое наказание*³⁴, *живая цель*³⁵);
- глагольные, выражающие значение «сходство процессов» (*погасить избирательный бюллетень*³⁶, *внести предложение, поправку*);

- глагольно-субстантивные со значением «сходство опредмечиваемых процессов» (*отмывание доходов*³⁷, *разжигание ненависти*³⁸, *отдание воинских почестей*³⁹).

Наибольшую продуктивность при создании текстов законов имеют глагольно-субстантивные и адъективные метафорические переносы. Это объясняется высокой частотностью отглагольных существительных и двухкомпонентных понятий, образованных на основе согласования существительного и прилагательного.

В отличие от метонимического, метафорический перенос при создании юридических понятий в большей степени коннотативен, но менее продуктивен. Однако в законодательных текстах употребляется большое количество составных юридических понятий, представляющих собой переплетение метафорического и метонимического переносов, построение метафор на основе уподобления и замещения, удвоения и символизации значения: *дерево проблем*⁴⁰, *запутанный характер сделки*⁴¹, *увековечить память погибших*⁴², *порог активного долголетия у людей «серебряного возраста»*⁴³, *представление произведения в живом исполнении*⁴⁴, *капитан бассейна внутренних водных путей*⁴⁵ и др.

Заключение

Юридические понятия, образованные семантическим способом, являются частотными и равноправными элементами терминосистемы права, проецируют его абстрактную структуру, отражают особенности лингвокогнитивной деятельности и социально-культурных процессов. Как и иные юридические терминообразования, они используются в составе воспроизводимых устойчивых речевых формул при моделировании повторяющихся ситуаций, маркируют

²⁸ О биомедицинских клеточных продуктах. ФЗ от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 28.06.2016. № 139. Ст. 3.

²⁹ О погребении и похоронном деле. ФЗ от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Российская газета. 20.01.1996. № 12. Ст. 23.

³⁰ Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (КВВТ РФ) от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. 13.03.2001. № 50–51. Ст. 148.

³¹ О рынке ценных бумаг. ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 25.04.1996. № 79. Ст. 10.1-1.

³² О порядке признания граждан Брянской области малоимущими с учетом размера доходов и стоимости их имущества в целях постановки на учет и предоставления им по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда. Закон Брянской области от 24.07.2006 № 66-З (ред. от 03.04.2017) // Брянский рабочий. 11.08.2006. № 118–120. Ст. 5.

³³ О создании судебных участков и должностей мировых судей города Москвы. Закон г. Москвы от 15.10.2003 № 60 (ред. от 29.01.2020) // Ведомости Московской городской Думы. 19.11.2003. № 10. Ст. 267. Ст. 1.

³⁴ Ст. 317-7 УПК РФ.

³⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 05.12.2017 № 391-ФЗ // Российская газета. 11.12.2017. № 280. Ст. 4.

³⁶ О выборах Президента РФ. ФЗ от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // Российская газета. 16.01.2003. № 6. Ст. 72.

³⁷ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 09.08.2001. № 151–152.

³⁸ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 165. Ст. 10.

³⁹ Об увековечении памяти погибших при защите Отечества. Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 19.07.2018) // Российская газета. 17.02.1993. № 32. Ст. 4.

⁴⁰ О региональной целевой программе «Обеспечение малонаселенных пунктов и объектов социальной сферы Ленинградской области, а также инвалидов и участников Великой Отечественной войны телефонной связью» на 2003 год. Областной закон Ленинградской области от 02.07.2003 № 49-оз // Вестник правительства Ленинградской области. 29.08.2003. 29 августа. № 19.

⁴¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов... Ст. 7.

⁴² Об увековечении памяти погибших при защите Отечества...

⁴³ О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года. Приложение к Закону Ставропольского края от 27.12.2019 № 110-кз // Ставропольская правда. 30.12.2019. № 146.

⁴⁴ ГК РФ (ч. IV) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Парламентская газета. 21.12.2006. № 214–215. Ст. 1270.

⁴⁵ Ст. 38.1 КВВТ РФ.

законодательные тексты и влияют на процесс их понимания. Несмотря на это (возможно, в связи с постулируемой презумпцией невыразительности, неконнотационности законодательных текстов) особенности семантического терминообразования мало изучены.

Семантические терминообразования позволяют сравнивать и идентифицировать конкретное с конкретным, конкретное с абстрактным, абстрактное с абстрактным, осуществлять трансформацию конкретной лексики в абстрактную (обобщенную) и, наоборот, абстрактной (обобщенной) лексики в конкретную. При этом семантически образованные понятия в силу институциональной специфики и функции закона не являются способами необычного изложения правовой мысли, декорирования текста и привлечения внимания, но нередко воспринимаются в качестве таковых, поскольку (прежде всего, при метафорическом переносе) коннотативный компонент непосредственно участвует в формировании номинативного значения.

Дальнейшее исследование обозначенных в статье вопросов актуально для развития лингвистического и правового знаний, законотворческой и судебной практик. Особого внимания заслуживают вопросы образования составных терминов, возникающие логические ошибки; анализ устойчивости семантически образованного понятия в терминосистеме права (давность семантического терминообразования); исследование «перехода» семантически образованного понятия из неюридического дискурса в юридический, из одной системы права в другую, «устаревания» понятия и исключения из терминосистемы (*мертвый лес, живая газета*⁴⁶); синонимичность и дефиниционное сужение терминов семантического образования. Представляет научный и практический интерес создание словаря юридических понятий (терминов), образованных семантическим способом и активно используемых в юридическом дискурсе.

Литература

1. Прохорова В. Н. Русская терминология. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 125 с.
2. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. С. 156–177.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 895 с.
5. Балашова Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 2. С. 169–177.
6. Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101
7. Кустова Г. И. Семантические переходы в абстрактных существительных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 20. С. 73–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.06
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории яз. говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатунского. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 792 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: УРСС, 2004. 252 с.
10. Москвин В. П. О типологии семантических переносов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 3. С. 5–18.
11. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
12. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 3–10.
13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики; 2-е изд., стер. М.: КомКнига; URSS, 2006. 278 с.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 444 с.
15. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Основы теории языка и речи. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. 425 с.
16. Голев Н. Д., Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово: КемГУ, 2017. 117 с.
17. Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.
18. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 189 с.
19. Соколова Е. В. Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 10. С. 93–103.
20. Солганик Г. Я. Стилистика русского языка. М.: Флинта; Наука, 2016. 244 с.

⁴⁶ См., в частности: гл. 2 Лесного кодекса (постановление ВЦИК от 25.07.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 58. Ст. 564); ст. 95 Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР (постановление ВЦИК от 16.10.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870).

21. Беляевская Е. Г. Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532. С. 4–14.
22. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. М.: Лабиринт, 1998. 364 с.
23. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
24. Гинзбург Е. Л. Метонимия и метафора как семантические конструкции слова и текста // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. (Москва, 17–20 апреля 1978 г.) М., 1978. С. 46–49.
25. Шкилев Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.

original article

Semantic Production as a Way of Forming Legal Concepts (Based on Russian Laws)

Marina V. Batyushkina^{a, @, ID}

^a Legislative Assembly of the Omsk Region, Russia, Omsk

@ soulangeana@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Received 14.02.2020. Accepted 27.03.2020.

Abstract: The research featured legal terms formed according to the semantic method, e.g. semantic generalization, expansion / narrowing of meaning, institutional specification, metonymic or metaphorical transfer, their correlation, etc. The author highlighted the interconnection of semantic term formation and polysemy. The article contains a list of factors that cause ambiguity of legal concepts: (a) the author of the legislative text and the recipient; (b) the open nature of the legal terminological system, as well as the reproduction of multivalued lexemes in the laws and their reinterpretation; (c) the development of various variants of legislative definitions, etc. The paper focuses on semantic generalization and institutional specification of legal concepts. The author describes the interconnection of denotative-predicative and logical-conceptual approaches, as well as the mechanism of generalization and abstraction of lexical meaning. The differences of metonymic and metaphorical transfers were interpreted in terms of contrasting functions, models of education, and connotation potential. The research revealed a high productivity of metonymic transfer and legal concepts based on a combination of different types of semantic terminology. The study featured the texts of Russian Federal and regional laws. The author applied various approaches, e.g. discursive, contextual, intertextual, component, denotative-predicative, logical-conceptual, interpretative, comparative, etc. The results, conclusions, and illustrative material presented in this work may be of some interest to scientists and practitioners who study legal terminology, legal texts, and issues of the Russian language as a state language.

Keywords: legal term, polysemy, denotation, predicate, semantic generalization, narrowing of meaning, metonymy, metaphor, text of the law, legal discourse

For citation: Batyushkina M. V. Semantic Production as a Way of Forming Legal Concepts (Based on Russian Laws). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 489–498. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-489-498>

References

1. Prokhorova V. N. *Russian terminology*. Moscow: Filol. fak. MGU, 1996, 125. (In Russ.)
2. Apresian Iu. D. *Selected Works. Vol. II. Integral description of the language and systemic lexicography*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1995, 156–177. (In Russ.)
3. Aroutiounova N. D. Functional types of linguistic metaphor. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1978, 37(4): 333–343. (In Russ.)
4. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1998, 895. (In Russ.)
5. Balashova L. V. Dynamic conception of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics. *Vestn. Om. un-ta*, 2015, (2): 169–177. (In Russ.)
6. Baranov V. M., Vlasenko N. A. Metaphors in law: methodological hazards and prospects. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2019, (1): 11–19. (In Russ.) DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101

7. Kustova G. I. Semantic shifts in abstract nouns. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, (2): 73–85. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1602.06
8. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*, tr. Shatunskii I. B. Moscow: Iaz. slavian. kul'tury, 2004, 792. (In Russ.)
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, ed. Baranov A. N., tr. Baranov A. N., Morozova A. V. Moscow: URSS, 2004, 252. (In Russ.)
10. Moskvina V. P. On the classification of semantic transfers. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2016, 75(3): 5–18. (In Russ.)
11. Skliarevskaya G. N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka. S.-Peterb. izd. firma, 1993, 150. (In Russ.)
12. Teliia V. N. Foreword. *Metaphor in language and text*, ed. Teliia V. N. Moscow: Nauka, 1988, 3–10. (In Russ.)
13. Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary*, 2nd ed. Moscow: KomKniga; URSS, 2006, 278. (In Russ.)
14. Lotman Iu. M. *Inside the thinking worlds*. St. Petersburg: Azbuka, 2016, 444. (In Russ.)
15. Beldiian V. M., Batiushkina M. V. *Fundamentals of the theory of language and speech*. Omsk: OmGPU, 2016, 425. (In Russ.)
16. Golev N. D., Vorobyova M. E. *Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness*. Kemerovo: KemGU, 2017, 117. (In Russ.)
17. Leskina E. I. Linguistic aspects in civil procedure law: problem setting. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (8): 3–6. (In Russ.)
18. *The language of law*, ed. Pigolkin A. S. Moscow: Iurid. lit., 1990, 189. (In Russ.)
19. Sokolova E. V. The concept of "military facility" in Russian law: issues of terminological certainty. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2017, (10): 93–103. (In Russ.)
20. Solganik G. Ia. *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 244. (In Russ.)
21. Belyaevskaya E. G. The semantics of wide-valued nouns from a cognitive point of view. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2007, (532): 4–14. (In Russ.)
22. Zhinkin N. I. *Language – Speech – Creativity*. Moscow: Labirint, 1998. 364. (In Russ.)
23. Novikov A. I. *Semantics of the text and its formalization*. Moscow: Nauka, 1983, 215. (In Russ.)
24. Ginzburg E. L. Metonymy and metaphor as semantic constructions of a word and text. *Theses of the VI All-Union Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication*, Moscow, April 17–20, 1978. Moscow, 1978, 46–49. (In Russ.)
25. Shkilev R. E. *Metonymic transfer in stable terminological phrases (based on English and Russian legal terminology)*. Cand. Philol. Sci. Dis. Abstr. Kazan, 2005, 18. (In Russ.)

К вопросу о понятии *italiano neostandard*

Любовь И. Жолудева^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ l.zholudeva@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>

Поступила в редакцию 21.03.2020. Принята к печати 17.04.2020.

Аннотация: В современной социолингвистике уже не первое десятилетие используется термин *italiano neostandard*, однако в отечественной лингвистической терминологии у него до сих пор нет устойчивого эквивалента. Как показано в статье, причины этого могут лежать в теоретической плоскости. До второй половины XX в. литературный язык Италии использовался преимущественно в письменной речи образованных людей, и его кодифицированная норма на протяжении столетий (с XVI в.) была устойчивой и адаптированной к ограниченному набору речевых жанров; этот язык получил название *italiano standard*. В современной Италии литературный язык обладает всей полнотой функций, а широта его употребления привела к изменению характера языкового варьирования. Новая норма – *italiano neostandard* – отличается большей гибкостью и учитывает стилистическую, региональную и социальную вариативность литературного языка. Вместе с тем границы понятия *neostandard* в современной лингвистике окончательно не определены; в частности, открытым остается вопрос о соотношении традиционной (*italiano standard*) и новой (*italiano neostandard*) нормы, которое может видаться и как сосуществование, и как вытеснение старого варианта нормы новым; эта двойственная природа понятия *neostandard* в конечном счете и приводит к затруднениям при переводе данного термина.

Ключевые слова: социолингвистика, итальянский язык, литературный язык, языковая норма, языковое варьирование, лингвистическая терминология

Для цитирования: Жолудева Л. И. К вопросу о понятии *italiano neostandard* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 499–506. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-499-506>

Введение

В отечественной итальянистике термин *italiano neostandard* – редкий пример неадаптированного заимствования, адекватного эквивалента которому до настоящего времени предложено не было¹. Этот факт сам по себе вызывает интерес, ведь понятие *italiano neostandard* (термин введен Г. Берруто [2]; в других работах тех же лет использовались и другие, синонимичные ему термины, например *italiano dell'uso medio* [3] и *italiano tendenziale* [4]) в итальянской лингвистике обсуждается с 1980-х гг. Речь идет о феномене «*italiano regionale colto medio*» [2, р. 26] – регионально маркированном итальянском языке образованных людей, используемом в повседневном общении (*medio* – указание на средний стилистический регистр). Именно так, с точки зрения итальянских социолингвистов [5–8], можно охарактеризовать литературный язык современной Италии, обладающий отличиями от *italiano standard* – традиционно понимаемого нормированного литературного итальянского языка – на всех уровнях языковой системы.

Чтобы ответить на вопрос, каким может быть русско-язычный аналог термина *italiano neostandard* и почему он не появился до сих пор, следует более подробно рассмотреть историю возникновения понятия *italiano neostandard* и его положение в системе понятий, используемых в современной итальянской социолингвистике.

История итальянского языка и специфика его нормы

Истоки проблем, связанных с итальянской языковой нормой и ее осмыслением в лингвистике, следует искать в истории итальянского языка, а точнее – в XVI в., когда происходит закрепление базовых правил грамматики итальянского языка в сочинениях Ф. Фортуньо, П. Бембо и целого ряда других, менее известных авторов. В ходе полемики XVI в. итальянским интеллектуалам, прежде всего грамматистам и сочинителям, удалось прийти к компромиссу. Из-за политической, языковой и культурной децентрализации Италии ее литературный язык не мог формироваться стандартным для большинства европейских литературных языков путем, т. е. постепенно складываться на основе речи одного

¹ В качестве примера в данной связи можно упомянуть недавно опубликованную статью И. И. Чельшевой, где написано: «Завершающийся в настоящее время в Италии процесс формирования единого устного языка (*italiano standard*, *italiano neostandard*) отражает уникальный опыт существования и развития итальянского литературного языка, который может быть востребован в социолингвистических исследованиях, имеющих в российской лингвистике богатую традицию» [1, с. 126–127]. Автор, по-видимому, сознательно избегает перевода терминов в скобках: в этом случае потребовались бы пространные комментарии, уводящие от основной мысли статьи.

образцового региона (как правило, столичного) и одного круга людей (обычно правящего класса, королевского двора, канцелярии и т. п.) [9]. Ориентиром при разработке и кодификации итальянской языковой нормы стали литературные произведения наиболее известных итальянских авторов, с одной стороны, и индивидуальные эстетические предпочтения авторитетных грамматистов, с другой [10]. При этом для подавляющего большинства итальянцев XVI в., степень грамотности которых не стоит преувеличивать, изменение языковой ситуации выглядело как переход от одной диглоссийной ситуации к другой. Глубина структурных расхождений между диалектами Италии такова [11, р. 19], что литературный язык на флорентийской основе был языком первичной социализации для абсолютного меньшинства (если вообще можно говорить о нем как о языке первичной социализации – учитывая расхождения между литературным языком, с одной стороны, и живыми диалектами Тосканы, с другой). С XVI в. вместо латыни роль языка культуры стал исполнять народный, но, по сути, неродной для почти всех итальянцев (за исключением разве что жителей Тосканы) романский язык. В этом смысле языковая ситуация в Италии эпохи Возрождения существенно отличается от ситуации в большинстве стран Европы, где отказ от диглоссии (например, латынь – народный язык) выглядел как победа их родного наречия и переход к монолингвизму², сопряженный с расширением функциональной парадигмы народного языка.

В Италии по меньшей мере до эпохи формирования ее как единого государства (вторая половина XIX столетия), а по факту – до второй половины XX в., нормированный литературный язык занимал довольно узкую нишу. Это был почти исключительно письменный язык, применяемый узким кругом образованных людей в ограниченном наборе речевых жанров (литературные произведения, публицистика, документы, научная и частично эпистолярная проза). В последние годы немало исследователей [12–16] обращаются к документальным свидетельствам, проливающим свет на то, в какой степени итальянским языком владели малообразованные жители Италии XVI–XX вв. Однако по большей части эти свидетельства ценны с социолингвистической точки зрения как примеры интерференции родных диалектов авторов и весьма фрагментарно усвоенного неродного литературного языка, каковым для итальянцев был *italiano standard* на протяжении столетий.

Со второй половины XX в. изменения в условиях жизни итальянцев, такие как ликвидация безграмотности, развитие системы образования, рост мобильности населения на фоне индустриализации и, что особенно существенно, появление

новых аудиовизуальных средств массовой информации, привели к тому, что к уже началу XXI в. литературным языком владела большая часть итальянцев. По данным, полученным Итальянским институтом статистики (ISTAT) в 2006 г. [17, р. 15], почти три четверти опрошенных говорили по-итальянски с согражданами из других регионов страны, а общаясь в семье и в кругу друзей, итальянский язык использовала почти половина респондентов. Данные подобного рода всегда варьируются от региона к региону и от одной социальной или возрастной группы к другой [18], однако основное направление изменений очевидно, если принимать во внимание данные аналогичных опросов ISTAT за прошлые годы: процент итальянцев, активно использующих литературный язык в неформальных ситуациях, неуклонно растет.

Рестандартизация итальянского языка: теоретические аспекты

Можно было бы по аналогии с другими романскими регионами предположить, что на наших глазах совершается переход от диглоссии *письменный язык элиты – народный диалект* к монолингвизму, подобный тому, который большая часть Европы пережила в эпоху Возрождения (с поправкой на то, что здесь победителем оказывается не родной диалект в его обработанной форме³, а язык, занимавший верхние ступени в социолингвистической иерархии), но итальянские лингвисты предостерегают от подобного упрощения. Так, Г. Берруто предлагает для описания социолингвистической ситуации в современной Италии применять термин *диалекция*, подразумевающий более сложную картину сосуществования нормированного литературного языка и диалектов, чем «классическая» диглоссия [2; 19]. Среди молодого поколения итальянцев есть немало тех, для кого именно итальянский – язык первичной социализации; при этом они могут в той или иной степени владеть диалектом по крайней мере пассивно. Это не вполне типично для диглоссийной ситуации, при которой язык, используемый в формальных контекстах, – это не тот язык, на котором человек учится говорить, на что указывал еще Данте Алигьери, описавший диглоссию *латынь – диалекты Италии* в «Трактате о народном красноречии». Кроме того, и сейчас немалая часть итальянцев знакомится с литературным языком в первую очередь благодаря системе образования и средствам массовой информации, а в неформальном общении с ближайшим окружением предпочитает диалект.

Диалекция могла бы рассматриваться как временный, переходный (от диглоссии к монолингвизму) тип отношений между литературным языком и региональными языками /

² Переход к монолингвизму здесь понимается не как полное и повсеместное вытеснение господствующим диалектом всех остальных диалектов и региональных языков, а как переход к языковой ситуации, напоминающей современную социолингвистическую ситуацию во многих странах романской речи: литературный язык используется во всех сферах общественной жизни, а билингвизм язык – диалект или литературный язык – региональный язык существует на уровне отдельных сообществ, обладающих собственной культурной идентичностью и определенной степенью автономии, в том числе языковой, в пределах данного государственного образования.

³ Подобные обработанные формы итальянских диалектов существуют, а некоторые, например *veneziano illustre* или *napoletano illustre*, имеют многовековую письменную историю.

диалектами, если бы не высокая степень престижа и жизнеспособности, демонстрируемая некоторыми диалектами Италии. В любом случае итальянская социолингвистическая ситуация на данный момент с трудом вписывается во многие традиционные схемы, выработанные на базе других языковых ареалов [20; 21, р. 75], и наиболее плодотворным в методологическом отношении оказался тот подход к ее описанию, который одновременно учитывает разные параметры языковой вариативности. Именно в контексте подобного описания, предложенного Г. Берруто, и возникла идея противопоставления *italiano standard* и *italiano neostandard*.

Представление о параметрах, по которым можно отслеживать процессы языкового варьирования во времени, пространстве, в социальной сфере, в функционально-стилистическом отношении и в связи с каналами коммуникации, складывалось в лингвистике на протяжении всего XX в. Противопоставление синхронии и диахронии [22], а затем выделение как отдельных параметров диастратии [23], диатопии, диафазии [24; 25] и диамезии [26] привело к появлению наглядной, объемной модели функционирования языка, и в работах Г. Берруто [2; 7; 21] подобная модель построена для современного итальянского языка. Центр пересечения трех осей координат – осей диастратии (социальный параметр языкового варьирования), диафазии (функционально-стилистическое варьирование) и диамезии (устная речь vs письменная) – это нейтральный, «средний» (*medio*) в стилистическом и социальном отношении узус, это то, что одинаково успешно используется и в устной, и в письменной речи. В силу упомянутых выше особенностей своего формирования литературный язык Италии (*italiano standard*) был смещен от этого нейтрального центра в сторону письменной речи, высоких / формальных стилистических регистров и языка привилегированных слоев общества. На практике это означает, что тот традиционный нормированный язык, который десятилетиями преподавался в итальянских школах, не обладает всей полнотой функциональных возможностей [27]. Он недостаточно приспособлен для функционирования в нейтральных и неформальных коммуникативных ситуациях, а стилистически маркированные средства, которыми он располагает, подходят для использования в лирической поэзии и торжественных выступлениях, но, например, не для переписки в чатах или перевода комедийных фильмов.

Тот современный итальянский язык, который успешно функционирует в самых разных ситуациях и обслуживает все виды коммуникации, в трудах лингвистов получал различные наименования, из которых распространены два – *italiano neostandard* и *italiano dell'uso medio*.

На схеме Г. Берруто *italiano neostandard* занимает больше пространства, чем *italiano standard*, за счет того, что он смещен к нейтральному центру и охватывает более широкий спектр языковых средств различной стилистической окраски, включая разговорно маркированные и тяготеющие к устному узусу. В силу того, что в устной сфере имеет место контакт и, как следствие, та или иная степень контаминации

литературного языка с местными диалектами, *italiano neostandard* всегда обладает регионально маркированными чертами [28; 29]. Следует отметить, что в итальянской социолингвистической ситуации это само по себе обычно не становится поводом для дискриминации говорящих. Положительная или отрицательная оценка региональных вариантов нормы может иметь место, но при этом мы сталкиваемся не с критикой, например, регионального произношения за то, что оно отклоняется от гипотетического стандарта, а скорее, с языковой проекцией социального напряжения. Отношения между жителями разных регионов Италии не всегда и не во всем бывают простыми, что находит отражение и на языковом уровне (см. исследование, посвященное субъективной оценке миланского, флорентийского, римского и неаполитанского акцентов в разных возрастных группах [29]).

Таким образом, литературный язык современной Италии обладает такими качествами, как полифункциональность, стилистическая гибкость и повсеместное распространение (как в географическом, так и в социальном отношении), а языковая норма характеризуется определенной (достаточно высокой) степенью вариативности и полицентризмом.

***Italiano neostandard* и *italiano standard*: вытеснение или сосуществование?**

При описании *italiano neostandard* / *italiano dell'uso medio* возникает методологическая проблема, неизбежность которой заложена уже в вариативности названия этого феномена. Говоря о *neostandard*, лингвисты тем самым как бы утверждают, что на смену устаревшему *italiano standard* теперь приходит новый вариант нормы, что естественно для живого, изменчивого языка. Когда накапливается достаточное количество изменений и языковое сообщество находит их приемлемыми (что выражается в их широком распространении, проникновении в письменную речь и употреблении образованными людьми), происходит пересмотр нормативных рекомендаций, составляются новые грамматики и словари, обновляются учебные программы и учебники для иностранцев и т. д. Отчасти это верно для современного итальянского языка, где, к примеру, субъектные местоимения *lui* и *lei* вытеснили еще недавно настойчиво предлагавшиеся учебниками и нормативными грамматиками *egli* и *ella* [27], а косвеннообъектное личное местоимение множественного числа *gli* (часто используется в неформальной речи вместо *loro*) появилось даже в современных учебных пособиях для иностранных учащихся.

Казалось бы, подобная, по сути диахронная трактовка явления *italiano neostandard* абсолютно логична, и все же она не может считаться исчерпывающей. Из-за особенностей истории литературного итальянского языка, на протяжении веков оставшегося языком немногих и почти не применявшегося в устном общении, итальянская норма была весьма избирательной [10] и игнорировала существование вариантных форм (в широком смысле – включая

также морфосинтаксические структуры и дискурсивные явления), засвидетельствованных еще в староитальянском (старофлорентийском), продолжавших жить в диалектах Тосканы и теперь получивших новую жизнь в *neostandard*. Иными словами, многие из «инноваций», отличающих *neostandard* от *standard*, на самом деле старше самой нормы. Этот парадокс стал предметом специального исследования в работе П. Д'Акилле [30].

Среди примеров явлений, относимых к признакам *neostandard*, но фактически представляющих собой псевдоинновации, можно упомянуть, в частности: проминальное употребление ряда глаголов (*volerci, entrarci, starci, tenerci, averci, godersi, prendersi, smetterla, prendersela*); расширение сферы употребления имперфекта индикатива (*se potevo venivo; volevo un chilo di pere*); снижение частотности использования конъюнктива; экспансия местоименной формы *gli* (в разговорной речи – в функции косвеннообъектного личного местоимения множественного числа; в просторечии – также в функции косвеннообъектного личного местоимения женского рода единственного числа); использование местоименной частицы *ci* в функции актуализатора (*oggi c'è festa* вместо *oggi è festa*); закрепление форм субъектных личных местоимений *lui, lei, loro* в качестве базовых и т. д. Кроме того, говоря о *neostandard*, исследователи упоминают признаки территориальной вариативности в фонетике, которые сами по себе не являются инновациями (например, различия в дистрибуции открытых / закрытых гласных среднего подъема, сохранение / озвончение *s* в интервокальной позиции *casa* [kasa] / [kaza], сохранение / упрощение геминат *contratto* [kontratto] / [kontrato], факультативное фоносинтаксическое удвоение *a me* [amme] / [a me], *ma dai* [maddai] / [ma dai], усиление заударного согласного *roba* [robba] / [roba], *sabato* [sabbato] / [sabato] и др.).

Наряду с псевдоинновациями в списках признаков *neostandard* (см., в частности [2; 3; 31]) можно обнаружить:

а) прагматически маркированные конструкции, часто находящие параллели в других романских языках, например, датив интереса (*voglio vedermi questo film*), вынос дополнения влево или вправо (*a me mi piace ...; lo vuoi un caffè?*), эмфатическая конструкция с бытийным глаголом (*è Mario che canta*), многофункциональный коннектор *che* (*guarda che è vietato; li ho visti che si baciavano*), двойной дейксис (*questo qua, quello lì*), восклицательные предложения, вводимые *che* (*che noia!*), вопросительные предложения, вводимые *come mai* (наряду с *perché*), расщепленные вопросы (*chi è che hai incontrato?, com'è che ti chiami?*);

б) явления, типичные для спонтанной устной речи и отсутствующие в письменном узусе образованных людей, например, топиализация (*i figli, Paolo non se ne cura affatto*), плеонастическое употребление *ci* (*questo non ci c'entra*) или рассогласование по числу (*un centinaio partono domani*).

Ф. Сабатини [3] в своей работе упоминает даже некоторые просторечные особенности, не характерные для речи взрослых образованных людей, по крайней мере, по данным существующих исследований [2; 30; 32]: ярким примером может служить «расщепление» относительного местоимения (*la valigia che ci ho messo i libri*).

Уже на основе приведенных примеров, составляющих небольшую часть того, что упоминается в связи с рестандартизацией итальянского языка, можно сделать вывод о размытости понятия *neostandard*. Речь не идет о новых явлениях, завоевывающих место в речи и получающих официальное признание в грамматиках (такие инновации есть, но они немногочисленны; в качестве примера можно упомянуть относительно новую, широко распространившуюся в устной и письменной речи перифразу *stare+герундий* (*sto vedendo un film; in questo momento sto attraversando un periodo difficile*) [33], «порядковую» превосходную степень (*la quinta donna più bella del mondo*) [19, р. 48–49] или типичные именно для итальянского языка особенности функционирования безличной конструкции *c si* (*ci si alza presto; ci si è cascati*) [34; 35]). Скорее можно говорить о расширении диапазона языкового варьирования по всем осям: диафазии (отсюда внимание авторов к прагматически маркированным структурам, характерным для неформальной речи), диастратии (отсюда внимание к разного рода просторечным чертам), диамезии (внимание к чертам, типичным для спонтанной устной речи) и диатопии (отмечается целый ряд региональных различий – не только в фонетике и лексике, но и в употреблении глагольных форм, перифраз и разнообразных синтаксических конструкций). Новизна *neostandard*, таким образом, сводится к переосмыслению вариативности языка в положительном ключе. «Демократизация» нормы, ее большая эластичность стала тем условием, которое позволило литературному языку распространиться на все языковое сообщество и на все сферы коммуникации, устной и письменной, в том числе завоевать пространство электронной коммуникации.

Заключение

Возвращаясь к проблеме перевода термина *italiano neostandard*, приходится констатировать, что готовых аналогов в русскоязычной лингвистической терминологии у него на данный момент нет, и невозможно с уверенностью предсказать их появление в самое ближайшее время. Удачным вариантом перевода мог бы быть *современный итальянский язык*, противопоставленный литературному итальянскому языку предшествующих эпох; но в таком случае было бы логичным достроить всю систему терминов, обозначающих периоды истории языка, а проблема периодизации истории итальянского языка до настоящего времени также не может считаться окончательно решенной⁴. Другие возможные варианты – разговорный итальянский язык, новый вариант итальянской

⁴ Проблема периодизации истории итальянского языка рассматривается, в частности, в диссертации «Вариативность итальянского языка XVI века и ее осмысление в лингвистических сочинениях эпохи» [36] на соискание ученой степени доктора филологических наук, защищенной автором данной статьи 12.12.2019.

языковой нормы, региональный(-е) вариант(-ы) итальянской языковой нормы и т. п. – либо выглядят громоздкими, либо отражают лишь часть типичных особенностей *neostandard*. Однако главная причина того, что понятие *italiano neostandard* до настоящего времени не имеет однозначного определения (и, как следствие, устойчивых вариантов перевода на иностранные языки, включая русский), по-видимому, заключается в том, что в самом итальянском обществе сосуществуют разные представления о соотношении *standard* и *neostandard*, отражающие особенности личного опыта говорящих. Так, для тех итальянцев, чей язык первичной социализации – по-прежнему один из диалектов, а не итальянский язык, будет вполне естественным видеть *italiano standard* своего рода предшественником *italiano neostandard*, оттеснившего его и занявшего его место, ведь в любом случае речь идет о литературном языке, который в их языковом репертуаре делит функции с диалектом. В то же время для тех итальянцев, для кого итальянский язык в полном смысле

слова родной, *standard* и *neostandard* могут ассоциироваться с разными функциональными стилями и стилистическими регистрами (*standard* – с высоким, *neostandard* – со средним и сниженным) и представляться скорее сосуществующими в современной языковой ситуации.

Таким образом, использование неадаптированного итальянского термина, не вполне обычное явление для отечественной лингвистической традиции, представляет собой вынужденное и временное решение проблемы, имеющей глубокие методологические корни. Учитывая то, какое внимание в последние годы уделяется этой проблеме и в Италии, и за ее пределами, можно ожидать как дальнейшего усовершенствования существующей концепции литературного языка, ее адаптации к итальянской социолингвистической ситуации, так и выработки принципиально иного понимания нормативности и стандартизации языка с учетом специфики национального языка Италии, его истории и современного состояния.

Литература

1. Чельшева И. И. Язык Италии: взгляд российского лингвиста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 10. С. 119–129.
2. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo; 2 ed. Roma: Carocci, 2014. 278 p.
3. Sabatini F. L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart / eds. G. Holtus, E. Radtke. Tübingen: Narr, 1985. P. 154–184.
4. Mioni A. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione // Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini / a cura di P. Benincà et al. Pisa: Pacini, 1983. Vol. I. P. 495–517.
5. Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea: atti dell'VIII Congresso Internazionale di Studi (Bressanone, 31 maggio – 2 giugno 1974) / a cura di R. Simone, G. Ruggiero. Rome: Bulzoni, 1977. Vol. 10. Pts. 1–2. 700 p.
6. Sobrero A. Una società fra dialetto e lingua: appunti di italiano contemporaneo. Lecce: Milella, 1975. 163 p.
7. Sobrero A., Berruto G. Introduzione all'italiano contemporaneo. Roma: Laterza, 2017. 2 vols. 483 p.
8. D'Achille P. L'italiano contemporaneo. Bologna: Mulino, 2019. 279 p.
9. Coseriu E. 'Historische Sprache' und 'Dialekt' // Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des Internationalen Symposiums "Zur Theorie des Dialekts" (Marburg / Lahn, 5–10 September 1977) / eds. J. Göschel, P. Ivic, K. Kehr. Wiesbaden: Steiner, 1980. S. 106–122.
10. Patota G. La Quarta Corona. Pietro Bembo e la codificazione dell'italiano scritto. Bologna: Mulino, 2017. 174 p.
11. Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1995. 307 p.
12. Bianconi S. L'italiano lingua popolare. La comunicazione scritta e parlata dei "senza lettere" nella Svizzera italiana dal Cinquecento al Novecento. Firenze: Accademia della Crusca, 2013. 271 p.
13. L'italiano nelle regioni. Lingua nazionale e identità regionali / a cura di F. Bruni. Torino: UTET, 1992. 1038 p.
14. Krefeld T. L'Italia spagnola – parametri di uno spazio comunicativo prenazionale // Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII) / eds. T. Krefeld, W. Oesterreicher, V. Schwägerl-Melchior. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 1–13.
15. Petrolino G. Un esempio d'italiano non letterario del pieno Cinquecento // L'Italia dialettale. 1981. Vol. XLIV. P. 21–117.
16. Trifone P. La fattucchiera e il giudice. Varietà sociali in un processo per stregoneria // Rinascimento dal basso. Il nuovo spazio del volgare tra Quattro e Cinquecento. Roma: Bulzoni, 2006. P. 185–290.
17. De Blasi N. Geografia e storia dell'italiano regionale. Bologna: Mulino, 2014. 248 p.
18. Sobrero A. A. L'italiano nelle regioni // L'Italia e le sue Regioni. 2015. Режим доступа: http://www.treccani.it/enciclopedia/l-italiano-nelle-regioni_%28L%27Italia-e-le-sue-Regioni%29/ (дата обращения: 21.03.2020).
19. Berruto G. What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview // Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian / eds. M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 31–60.
20. Regis R. La nozione coseriana di dialetto e le sue implicazioni per l'area italo-romanza // Revue Romane. 2017. Vol. 52. № 2. P. 137–169.
21. Berruto G., Cerruti M. Manuale di sociolinguistica. Torino: UTET, 2015. 274 p.

22. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.
23. Flydal L. Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. 1951. Vol. 16. P. 241–258.
24. Coseriu E. La geografía lingüística. Montevideo: Universidad de la República, 1956. 48 p.
25. Coseriu E. Teoría del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla. Madrid: Editorial Gredos, 1967. 323 p.
26. Mioni A. Sociolinguistica // Trattato di Fonetica e Logopedia. Vol. 2. Aspetti linguistici della comunicazione / a cura di L. Croatto. Padova: La Garangola, 1983. P. 135–149.
27. Cortelazzo M. Evoluzione della lingua, percezione del cambiamento, staticità della norma // Lingua scuola e società. I nuovi bisogni comunicativi nelle classi multiculturali / a cura di E. Pistolesi. Trieste: Ist. Gramsci, 2007. P. 47–55.
28. Crocco C. Everyone has an accent. Standard Italian and regional pronunciation // Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian / eds. M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 89–117.
29. De Pascale S., Marzo S., Speelman D. Evaluating regional variation in Italian: towards a change in standard language ideology? // Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian / eds. M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 118–142.
30. D'Achille P. Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana. Roma: Aracne, 1990. 388 p.
31. Berruto G. Per una caratterizzazione del parlato: l'italiano parlato ha un'altra grammatica // Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart / eds. G. Holtus, E. Radtke. Tübingen: Narr, 1985. P. 120–153.
32. Alisova T. Relative limitative e relative esplicative nell'italiano popolare // Studi di Filologia Italiana. 1965. Vol. XXIII. P. 299–333.
33. Bertinetto P. M. Sui connotati azionali ed aspettuali della perifrasi continua (andare / venire + Gerundio) // Ars linguistica. Studi offerti da colleghi ed allievi a Paolo Ramat / curr. G. Bernini, P. Cuzzolin, P. Molinelli. Roma: Bulzoni, 2008. P. 109–128.
34. Salvi G. Il ruolo degli scrittori settentrionali nella formazione dell'italiano letterario moderno // Italogramma. Vol. 2. Identità italiana e civiltà globale all'inizio del ventunesimo secolo. 2012. P. 67–82.
35. Pescarini D. La sintassi del si impersonale nei dialetti italiani settentrionali // Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes (Nancy, 15–20 juillet 2013). Section 4: Syntaxe / eds. É. Buchi, J.-P. Chauveau, J.-M. Pierrel. Strasbourg: EliPhi, 2016. P. 383–393.
36. Жолудева Л. И. Вариативность итальянского языка XVI века и ее осмысление в лингвистических сочинениях эпохи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 480 с.

original article

The Concept of *Italiano Neostandard*

Lyubov I. Zholudeva ^{a, @, ID}

^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ l.zholudeva@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>

Received 21.03.2020. Accepted 17.04.2020.

Abstract: In modern sociolinguistics the term "italiano neostandard" ("Neo-standard Italian") has been in use for a few decades already. However, in Russian linguistic terminology it still lacks a well-established translation equivalent. The research objective was to prove that it has deeply-rooted theoretical premises. Until the second part of the XX century, literary Italian (italiano standard) was mainly used in writing by intellectual élite, and for centuries (since XVI c.) its codified norm altered little – if at all – and was only apt for high-flown language (that is what the term "Standard Italian" refers to). In modern Italy, literary language has a wide range of functions and uses, and its variation patterns have considerably changed. The new language norm typical of Neo-standard Italian is much more versatile: it takes into account stylistic, regional, and social parameters of language variation. With all that in mind, the concept of Neo-standard Italian still remains ambiguous in the sense that its relationship with Standard Italian can be seen both as one ousting the other and as their coexistence. The problem of finding a suitable translation equivalent for the term "Neo-standard Italian", thus, reflects the dubious character of the concept itself.

Keywords: sociolinguistics, Italian language, literary language, language norm, language variation, linguistic terminology

For citation: Zholudeva L. I. The Concept of *Italiano Neostandard*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 499–506. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-499-506>

References

- Chelysheva I. I. Language of Italy: a view of a Russian linguist. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, (10): 119–129. (In Russ.)
- Berruto G. *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*, 2 ed. Roma: Carocci, 2014, 278.
- Sabatini F. *L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane. Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart*, eds. Holtus G., Radtke E. Tübingen: Narr, 1985, 154–184.
- Mioni A. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini*, a cura di P. Benincà et al. Pisa: Pacini, 1983, vol. I, 495–517.
- Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea: atti dell'VIII Congresso Internazionale di Studi*, Bressanone, 31 maggio – 2 giugno 1974, a cura di Simone R., Ruggiero G. Rome: Bulzoni, 1977, vol. 10, pts. 1–2, 700.
- Sobrero A. *Una società fra dialetto e lingua: appunti di italiano contemporaneo*. Lecce: Milella, 1975, 163.
- Sobrero A., Berruto G. *Introduzione all'italiano contemporaneo*. Roma: Laterza, 2017, 2 vols, 483.
- D'Achille P. *L'italiano contemporaneo*. Bologna: Mulino, 2019, 279.
- Coseriu E. 'Historische Sprache' und 'Dialekt'. *Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des Internationalen Symposiums "Zur Theorie des Dialekts"*, Marburg / Lahn, 5–10 September 1977, eds. Göschel J., Ivic P., Kehr K. Wiesbaden: Steiner, 1980, 106–122.
- Patota G. *La Quarta Corona. Pietro Bembo e la codificazione dell'italiano scritto*. Bologna: Mulino, 2017, 174.
- Maiden M. *Storia linguistica dell'italiano*. Bologna: Mulino, 1995, 307.
- Bianconi S. *L'italiano lingua popolare. La comunicazione scritta e parlata dei "senza lettere" nella Svizzera italiana dal Cinquecento al Novecento*. Firenze: Accademia della Crusca, 2013, 271.
- L'italiano nelle regioni. Lingua nazionale e identità regionali*, a cura di Bruni F. Torino: UTET, 1992, 1038.
- Krefeld T. *L'Italia spagnola – parametri di uno spazio comunicativo prenazionale. Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*, eds. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013, 1–13.
- Petrolino G. Un esempio d'italiano non letterario del pieno Cinquecento. *L'Italia dialettale*, 1981, XLIV: 21–117.
- Trifone P. La fattucchiere e il giudice. Varietà sociali in un processo per stregoneria. *Rinascimento dal basso. Il nuovo spazio del volgare tra Quattro e Cinquecento*. Roma: Bulzoni, 2006, 185–290.
- De Blasi N. *Geografia e storia dell'italiano regionale*. Bologna: Mulino, 2014, 248.
- Sobrero A. A. *L'italiano nelle regioni. L'Italia e le sue Regioni*, 2015. Available at: http://www.treccani.it/enciclopedia/l-italiano-nelle-regioni_%28L%27Italia-e-le-sue-Regioni%29/ (accessed 21.03.2020).
- Berruto G. What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017, 31–60.
- Regis R. La nozione coseriana di dialetto e le sue implicazioni per l'area italo-romanza. *Revue Romane*, 2017, 52(2): 137–169.
- Berruto G., Cerruti M. *Manuale di sociolinguistica*. Torino: UTET, 2015, 274.
- Saussure F. de. *General Linguistics*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999, 425. (In Russ.)
- Flydal L. Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*, 1951, 16: 241–258.
- Coseriu E. *La geografia lingüística*. Montevideo: Universidad de la República, 1956, 48.
- Coseriu E. *Teoría del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla*. Madrid: Editorial Gredos, 1967, 323.
- Mioni A. *Sociolinguistica. Trattato di Foniatria e Logopedia. Vol. 2. Aspetti linguistici della comunicazione*, a cura di Croatto L. Padova: La Garangola, 1983, 135–149.
- Cortelazzo M. Evoluzione della lingua, percezione del cambiamento, staticità della norma. *Lingua scuola e società. I nuovi bisogni comunicativi nelle classi multiculturali*, a cura di Pistolesi E. Trieste: Ist. Gramsci, 2007, 47–55.
- Crocco C. Everyone has an accent. Standard Italian and regional pronunciation. *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017, 89–117.
- De Pascale S., Marzo S., Speelman D. Evaluating regional variation in Italian: towards a change in standard language ideology? *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017, 118–142.
- D'Achille P. *Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana*. Roma: Aracne, 1990, 388.
- Berruto G. Per una caratterizzazione del parlato: l'italiano parlato ha un'altra grammatica. *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart*, eds. Holtus G., Radtke E. Tübingen: Narr, 1985, 120–153.
- Alisova T. Relative limitative e relative esplicative nell'italiano popolare. *Studi di Filologia Italiana*, 1965, XXIII: 299–333.

33. Bertinetto P. M. Sui connotati azionali ed aspettuati della perifrasi continua (andare / venire + Gerundio). *Ars linguistica. Studi offerti da colleghi ed allievi a Paolo Ramat*, curr. Bernini G., Cuzzolin P., Molinelli P. Roma: Bulzoni, 2008, 109–128.
34. Salvi G. Il ruolo degli scrittori settentrionali nella formazione dell'italiano letterario moderno. *Italogramma. Vol. 2. Identità italiana e civiltà globale all'inizio del ventunesimo secolo*, 2012, 67–82.
35. Pescarini D. La sintassi del si impersonale nei dialetti italiani settentrionali. *Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes*, Nancy, 15–20 juillet 2013, Section 4: Syntaxe, eds. Buchi É., Chauveau J.-P., Pierrel J.-M. Strasbourg: EliPhi, 2016, 383–393.
36. Zholudeva L. I. *Variability of the Italian language of the XVI century and variation comprehension in the current linguistic works*. Dr. Filol. Sci. Diss. Moscow, 2019, 480. (In Russ.)

Изменения в употреблении творительного инструментального в русском языке

Марика А. Калюга^{a, @}

^a Университет Маккуори, Австралия, г. Сидней

[@] marika.kalyuga@mq.edu.au

Поступила в редакцию 17.02.2020. Принята к печати 16.04.2020.

Аннотация: Статья посвящена изучению основных изменений в употреблении творительного инструментального, произошедших в русском языке в XI–XXI вв., и факторов, которые вызвали эти изменения. Исследование выполнено в рамках когнитивного подхода к языку, в частности теории концептуальной метафоры, согласно которой более сложные абстрактные понятия концептуализируются через более конкретные и доступные эмпирическому наблюдению. Материалом исследования являются тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, а именно в подкорпусах: основной (прозаические письменные тексты XVIII – начала XXI вв.), древнерусский и старорусский. Показано, что на изменения в употреблении творительного инструментального повлияли такие факторы, как снижение роли падежей и увеличение роли предлогов в русском языке, изменения в семантике слов, употребляющихся в творительном падеже или управляющих им, а также воздействие синтаксических моделей слов с близким значением и синтаксических моделей заимствованных слов. Продемонстрирована роль концептуальных метафор, являющихся когнитивными основаниями развития инструментального значения творительного падежа и синонимичных конструкций, составляющих конкуренцию творительному инструментальному. Было выявлено, что когнитивным основанием развития инструментального значения творительного беспредложного является концептуальная метафора, построенная на переосмыслении пространственного значения пути. Данная метафора является весьма продуктивной в русском языке, поэтому именно предложно-падежные конструкции *через+винительный падеж* и *по+дательный падеж*, инструментальное значение которых возникло на основании этой метафоры, чаще всего составляли конкуренцию творительному беспредложному и вытесняли этот падеж из семантических сфер, традиционно за ним закрепленных.

Ключевые слова: творительный падеж, инструментальное значение, конкурирующие синонимичные конструкции, концептуальная метафора, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Калюга М. А. Изменения в употреблении творительного инструментального в русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 507–515. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-507-515>

Введение

Исследование выполнено в рамках когнитивного подхода к языку. Материалом послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка¹. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора и метонимия относятся к числу базовых когнитивных механизмов, посредством которых осмысливаются абстрактные понятия.

Сущность метафоры заключается в понимании и представлении более абстрактной области (домена-цели) посредством отождествления ее с более конкретной и доступной эмпирическому наблюдению областью (домена-источника) [1, р. 68–76]. Например, **орудие** может метафорически пониматься как **компаньон** [2, р. 135]. На основании этой метафоры английский предлог *with* (с), выражающий совместность (1а), приобрел новое значение и стал употребляться для обозначения орудия (1б): 1а. *To play with a friend* (играть с другом); 1б. *To write with a pen* (писать ручкой).

Метонимия трактуется как перенос наименования на основе смежности. «Метонимия присутствует в концептуальной ментальной системе как когнитивная модель, характеризующаяся отношением замещения между компонентами» [3, с. 8]. Метонимия **целое вместо части** мотивирует употребление слов, обозначающих транспорт, в предложном падеже с предлогом *на* (*на автобусе, на машине*). Существует мнение, что такое употребление *на+предложный падеж* унаследовано современным русским языком из языка предыдущих столетий, когда люди преимущественно путешествовали верхом и на открытых транспортных средствах [4, с. 27]. В следующем примере слово *лошадь* (**целое**) используется вместо *спина лошади* (**часть**): 2. *Ехать на лошади*.

По мнению исследователей-когнитивистов, многие производные (более абстрактные) значения падежей и предлогов развились из пространственных (конкретных) значений путем метафорического или метонимического переноса.

¹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.01.2020).

Для объяснения значения падежей и предлогов используются термины *траектор* и *ориентир*, предложенные Р. В. Лэнкером, где траектор – основной участник ситуации, чье местонахождение описывается по отношению ко второму (второстепенному) участнику – ориентиру [5].

Основное пространственное значение творительного беспредложного – значение **траектории** или **пути** движения. Это значение творительного отмечали еще А. А. Потебня [6, с. 450] и А. М. Пешковский [7, с. 92]. Это же значение указывали Г. А. Золотова [8, с. 230–231], Р. Мразек [9, с. 126] и Е. В. Рахилина [10, с. 79]. Примеры употребления творительного беспредложного в пространственном значении в древнерусском и среднерусском языках можно разделить на две основные группы в зависимости от того, является ли ориентир плоскостью, поверхностью (3а, 3б) или «каналом» (3в, 3г), по которым или сквозь которые совершается движение. 3а. ... а торкы **берегомъ** приведе на конехъ (Повесть временных лет); 3б. ... да к старым воротцам по ямам, да к изгороду, да **подем** по ямам к Лихорадовской меже... (Разъезжая грамота митрополитского боярина Ф. Ю. Фомина на земли конюшего И. Юрьева и В. Лыкова Чертова от митрополитских земель Петровской, Лихорадовской и Голутвинской, Московского); 3в. ... **дверцами** излетѣвъ (Житие Андрея Юродивого); 3г. ... и вниде **оком** над дверми въ церковь Пресвятыя Троицы (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря).

Некоторые слова могли употребляться в творительном беспредложном на основании метонимии **целое вместо части**. Так, слово *лес* метонимически использовалось вместо *тропинка* *через лес* (4): И повели от Ошатовского болота старою дорогою Базеевскою **лесом**, а ркучи: направо, господине, земля великого князя Мануйловская, а налево земля митрополитская Усовская, да Карповская, да Перепечинская (Правая грамота суда писца Г. Р. Застолбского митрополитскому посельскому села Куликовского, Костромского у., Ване по его делу о деревнях и пустошах с крестьянами Минского стана).

К XVIII в. значительно сузилось употребление конструкций, в которых ориентир является поверхностью (5а), а конструкции, где ориентир является «каналом», отверстием (5б) почти вышли из употребления [11]: 5а. Владимир Давидович, видя, что половцы ушли, советовав с братом Изяславом и Святославом Всеволодичем, також оставя Святослава Ольговича, пошли наскоро к Чернигову **подем**, бояся, чтоб их Изяслав на пути не перенял (Татищев В. Н. История российская в семи томах); 5б. Пятдесятъ изъ нихъ были или побиты, или взяты подъ стражу, а оставишися, получивъ многія раны, ушли **вратами**, которыя были къ морю, и съѣвъ на шлюпки достигли до своего флота (Веревкин М. И. История о странствияхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга).

В XIX в. и на современном этапе беспредложный творительный крайне редко используется в конструкциях, где ориентир является «каналом» (6а–6в), также ограничено

его употребление в конструкциях, где ориентир является поверхностью (6г–6е): 6а. Вышата, приказав одному из слуг, которые вышли встретить его за воротами, прибрать своего сивого коня, пролез вместе с Торопом узенькою **калиткою** на широкий двор или, лучше сказать, луг... (Загоскин М. Н. Аскольдова могила); 6б. Може, там и Тимошка? – прошел **воротами** тына к питейным избам (Чапыгин А. П. Гулящие люди); 6в. Тем более что и еще у одного пошла **носом** кровь, да и изо рта тоже (Быков В. В. Камень); 6г. Я ехал лесною **тропой**, и, хотя неба мне не было видно, но по тому, как хмурился лес, я чувствовал, что над ним тихо подымается тяжелая туча (Короленко В. Г. Лес шумит); 6д. ... Мальчик в красной рубашке ехал **тропою** поперек поля на велосипеде, и где-то стрекотал в тишине трактор (Трифонов Ю. В. Другая жизнь); 6е. Царская свита еще ехала **подем**, когда Матей, назначенный уже главным постельничим, поднял лошадь на дыбы и рванул вперед (Пашкевич А. Сим победиши).

Конструкции с творительным пространства постепенно заменялись предложно-падежными конструкциями *по+дательный падеж* (7а) и *через+винительный падеж* (7б): 7а. Расскажут ли им, что копна сена разгуливала **по полю**, – они не задумаются и поверят... (Гончаров И. А. Обломов); 7б. Все **через калитку** вошли в ограду, кроме недельщиков, которые остались за ней для наблюдения, чтобы никто из посторонних не смел к ней подходить (Лажечников И. И. Басурман).

Инструментальное значение

Пространственное значение пути тесно связано с инструментальной семантикой, но прежде чем анализировать развитие конструкции с творительным беспредложным в инструментальном значении, остановимся на подтипах этого значения, которые выделяются в исследовательской литературе.

Вопрос о разделении на подтипы весьма разнообразной инструментальной семантики творительного падежа вызывает значительные разногласия. Например, в монографии [12] выделяются три подтипа: «творительный инструментальный орудия (засыпать яму лопатой), творительный инструментальный средства (вспахать поле волами) и творительный инструментальный вспомогательного материала или содержания (засыпать яму землей)» [12, с. 352]. Творительный **орудия** «обозначает, с помощью какого орудия или какой части тела субъект производит преобразование в объекте», тогда как творительный **вспомогательного материала** «обозначает предмет, который либо присоединяется к объекту с целью произведения в нем вещественных изменений (выкрасить дом краской, закрыть окно занавеской), либо потребляется и тем самым обуславливает совершение самого действия (отоплять комнату углем, накормить ребенка молоком и т. д.)» [12, с. 77, 78].

Различие между значением орудия и средства не является четким [13, р. 442–443]. В лингвистической литературе

термины *орудие* и *средство* часто используются взаимозаменяемо или не разделяются [14, с. 8]. И. М. Шлезингер классифицирует значение средства как разновидность значения орудия [15, р. 81], а Б. Меекс отмечает, что значение орудия является подтипом значения средства [16, р. 21].

С. Лураги [17], В. Петухова и Х. Бунт [18] пишут, что, в отличие от орудий, средства труднее контролировать и ими труднее манипулировать. Это же различие отмечалось в [12, с. 93]: «Предмет-средство действует в известном смысле совершенно самостоятельно, выполняя волю субъекта». Схожая трактовка средства дана Н. Михайловым, который писал, что отличие творительного средства от творительного орудия «в том, что инициатор действия использует не собственные силы и ресурсы, а полагается на другое живое существо или механизм» [11, с. 146]. На основании этих формулировок не ясно, что относить к орудью, а что к механизму. Например, ружье – орудие или устройство, имеющее механизм, и поэтому средство? В качестве средств обычно рассматривают транспорт [9, с. 37–38; 11, с. 146; 12, с. 94], технические средства передачи информации и средства связи [9, с. 39], а также средства, используемые в процессе ловли и охоты (*поймать рыбу на червяка*) [9, с. 146; 12, с. 95]. Однако последний пример можно отнести и к вспомогательному материалу. Кроме того, в лингвистической литературе встречается и другое понимание термина **средство**. Ю. Д. Апресян называет средством то, что в [12, с. 352] определяется как вспомогательный материал или содержание [19, с. 128]. Ученый постулирует, что «использование средства приводит к его расходованию, "связыванию" (его все меньше остается в свободном состоянии)» [19, с. 128]. Так же понимает средство А. П. Печеный, указывая, что во время выполнения действия средство расходуется².

С. Лураги [17, р. 122] и Р. Мразек [9, с. 49] выделяют в отдельную группу значение **лица-посредника** (*Intermediary*) на основании того, что лицо-посредник не просто орудие: даже если действие лица-посредника вызвано чьей-то волей, он / она контролирует событие и несет ответственность за его выполнение. В [12, с. 94] значение лица-посредника в отдельную группу не выделяется, а рассматривается как одна из разновидностей значения средства.

Некоторые исследователи выделяют в отдельную группу т. н. творительный орудийно-объектный или творительный частей тела, который употребляется в сочетаниях, обозначающих «движение какой-либо частью тела» [20, с. 138]. Одни исследователи относят такой творительный к прототипическим случаям орудийного значения [11, с. 107], другие считают, что существительные лексико-семантической группы частей тела не могут выражать инструментальность [10, с. 81], третьи утверждают, что такой творительный выработал особое «смешанное», **орудийно-объектное** значение [20, с. 138].

Данная статья следует довольно широко распространенному подразделению инструментального значения на такие подтипы, как инструментальный орудия, средства, вспомогательного материала, лица-посредника, орудийно-объектный.

Орудийное значение

Метафора **орудие-компаньон**, характерная для многих индоевропейских языков, в русском языке не распространена. Можно отметить лишь некоторые примеры выражений, основанных на этой метафоре, включая: 8а. *переводить со словарем*; 8б. *плавать с кругом*.

В русском языке **орудие**, как и другие подтипы инструментального значения, понимается метафорически через домен-источник **путь**. На основании этой метафоры орудийное значение творительного беспредложного развилось еще в праславянском языке [12, с. 352]. Творительный беспредложный в орудийном значении широко употреблялся в древнерусском (9а, 9б) и среднерусском языках (9в, 9г): 9а. ...и оудари ѿ мечемъ в ребра, не оуби же его. сътвори же сѧ голка велика въ позорищи. паоусѧ же (Александрия); 9б. ...начтенъ смердъ врати и половчинъ приѣха [у]дарить смерда стрѣлою а кобылу его поиметь (Повесть временных лет); 9в. ...и повелѣ всѣх имати и казнити и бити **кнутиемъ** и съчи руки и ноги рѣзати, а иным главы отсекаати (Московский летописный свод); 9г. ...онъ отвѣтчикъ Ѳедка ево Гришку въ конскомъ стадѣ на лугу **батономъ** и **уздой** билъ (Судные дела о побоях, кражах и оскорблениях непристойными словами).

Многочисленные примеры употребления творительного орудия встречаются в русском языке XVIII в. (10а), XIX в. (10б), XX в. (10в) и XXI в. (10г): 10а. *Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов бил по щекам и высек **батагами**...* (Ломоносов М. В. Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего); 10б. *Теркин **палкой** постучал в угловое окно и поднялся вместе с Калерией на крылечко* (Боборыкин П. Д. Василий Теркин); 10в. ...Для подвѣса в гору надо было *вырубать в снегу ступеньки **топором*** (Шаламов В. Т. Колымские рассказы); 10г. *На торец шаблона накладываем листовый металл и **молотком** со сферическим бойком наносим удары до тех пор, пока пластина не приобретет форму* (Скворцов К. А. От кубка до рыцарского шлема).

Одним из изменений в употреблении творительного орудия является уменьшение употребления этого падежа со словами, обозначающими «огнестрельное оружие при глаголах со значением "стрелять", "бить"» [9, с. 35]. Использование творительного орудия при этих глаголах, как писал Н. Михайлов, было известно еще древнерусскому и среднерусскому языкам, но «к XVIII в. уже бесспорно утрачивается, уступая место обороту» *из+родительный*

² Печеный А. П. Творительный падеж // Русская корпусная грамматика. Режим доступа: http://rusgram.ru/Творительный_падеж (дата обращения: 20.01.2020).

падеж [11, с. 104]. Можно уточнить, что творительный беспредложный вытеснялся различными предложно-падежными конструкциями, которые использовались для преодоления многозначности этого падежа. В следующих примерах из древнерусского и среднерусского языков творительный беспредложный соответствует современным конструкциям *из+родительный падеж* (11а), *в+винительный падеж* (11б) и *через+винительный падеж* (11в), которые стали чаще использоваться на месте этого падежа: 11а. *Ту дожда полку рускых, лодья раздруши и устроеномь огнемъ пожже; усрѣте бо я въ олядах съ огнемъ, и пуцати нача трубами* огонь на лодьи рускыя и бысть видети страшно чудо (Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка); 11б. ... и повелѣ трубити *собранными трубами*, и снидошася елико осташи живѣи христѣанствѣи вои, и вопрошаше ихъ: «кто гдѣ видѣ великого князя Дмитрея Ивановичя, брата моего?» (Никоновская летопись); 11в. Чудо ново промысломъ всестроящаго Бога в Сибирской земли вода камень твердѣ разкопа и разлома и проиде сквозь его *яко трубою* (Строгановская летопись по Толстовскому списку).

Предложно-падежные конструкции *из+родительный падеж*, *в+винительный падеж*, *через+винительный падеж* развили значение орудия на основании метонимии **целое вместо одной из его характеристик (форм)**. Подчеркиваются особенности функционирования предмета, трубообразная форма частей предмета или самого предмета: 12а. Он, *служа янычаром* более десяти месяцев, не был ни ружьем, ни на сабле, ниже стрелять *из пистолетов* обучаем (Баранщиков В. Я. Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г.); 12б. А я не поучен ни *в дудку*, ни плясать, / Так, следовательно, могу и промах дать (Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины); 12в. Уже мы с самого корабля начинали видеть землю: *чрез трубу* усматривали построенный хороший град – тут, где мы только думали льды или по крайней мере пустую землю, или населенную варварскими народами обрести (Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С., шведского дворянина).

Таким образом, имеет место не только вытеснение беспредложной конструкции предложными, но и вытеснение конструкции, инструментальное значение которой развилось на основе метафоры **орудие – путь**, конструкциями, основанными на метонимии. Тем не менее орудийное значение творительного беспредложного является наиболее устойчивым из всех подтипов значения этого падежа [12, с. 79].

Значение средства

Развитие инструментального значения на основе метафоры, доменом-источником которой является **путь**, очень характерно для русского языка. На основании этой метафоры не только беспредложный творительный, но и предложно-падежные конструкции *по+дательный падеж* и *через+винительный*

падеж, которые в пространственном значении также обозначают путь, приобрели значение **средства**. Например, такое техническое средство передачи информации, как телеграф, в XIX в. употреблялось в творительном падеже (13а), в винительном падеже с предлогом *через* (13б), но гораздо более было распространено в дательном падеже с предлогом *по* (13в): 13а. Лейтенант Лазарев поворотил и *телеграфом* уведомил, что видит землю (Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов...); 13б. *Ежели через телеграф* на большом расстоянии уведомить о событии восточное место, то оно за несколько часов ранее по своему узнает, нежели это событие совершиться начало (Батеньков Г. С. Заметки к труду «Общая философия системы мира»); 13в. Весть эту сообщили *по телеграфу* их знакомые; с четырех часов толпы стояли у телеграфических контор (Герцен А. И. Былое и думы).

Эти предложно-падежные конструкции постепенно стали вытеснять творительный беспредложный. Например, слово *телефон* в значении средства передачи информации в творительном беспредложном не встречается. В XIX в. телефон употреблялся в винительном падеже с предлогом *через* (14а) или в дательном падеже с предлогом *по* (14б): 14а. Признаюсь, я сочувствую грому и шуму, который теперь носится *по Петербургским улицам*, и желал бы послушать его *через телефон*... (Анненков П. В. Письма И. С. Тургеневу); 14б. Оперу будем слушать *по телефону*, – повторил он (Эртель А. И. Две пары).

В XX в. *по+дательный падеж* остается наиболее распространенной конструкцией, употребляющейся со словами, обозначающими технические средства передачи информации. В том числе эта конструкция используется со словом *телефон*: 15. Я вообще легко узнаю голоса. Даже *по телефону* или *по радио* (Геласимов А. В. Фокс Малдер похож на свинью).

Однако к концу XX в. и в XXI в. возрастает употребительность этого слова в винительном падеже с предлогом *через* (16а, 16б) под влиянием заимствованной конструкции *через Интернет (over the Internet)*, которая используется чаще, чем с *по+дательный падеж* (16в): 16а. А *платеж можно сделать не только в отделении банка, но и через телефон, Интернет* (Крашаков А. Иностранцы «съедают» наши банки? // Аргументы и факты. 2003. № 5); 16б. Пополнение карточки происходит также *по телефону* или *через Интернет* (Глушенко Г. И. Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Вопросы статистики. 2004. № 8); 16в. Потребитель покупает программу *по Интернету*, и становится «мэйкером» (*maker*), «делателем» – мастерит нужный товар у себя дома (Волков А. Третья промышленная революция // Знание – сила. 2014. № 1).

Также интересно употребление слова *почта*. В XVIII в. в значении «учреждение, ведающее перевозкой писем и посылок, средство связи» оно употреблялось в винительном

падеже с предлогом *через* (17а), а в значении «средство перевозки пассажиров, конный экипаж», как и другие слова, обозначающие транспортные средства, употреблялось в творительном беспредложном (17б) или в предложном падеже с предлогом *на* (17в): 17а. *Того ради вас, моего государя, услужно прошу, чтоб пожаловали: оной **через почту** выписали и сколько денег потребно от сына моего взять изволили* (Татищев В. Н. Письмо И. Д. Шумахеру); 17б. *И поехал **почтой** чрез Польшу на Тамашполь, на Немиров и на Погребница* (Волконский М. Н. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского); 17в. *Онъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ шастіе ѣздитъ **на почтъ**, и весьма скоро; однако знай, что къ колесницѣ ея прицепляющіеся часто съ оной падая, ломають шею* (Эмин Ф. А. Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами).

Изменения в семантике слова *почта* (а именно прекращение его употребления в значении «транспортное средство, конный экипаж») повлияли на то, что это слово перестало употребляться в творительном падеже или в предложном падеже с предлогом *на* в сочетании с глаголами передвижения. Кроме того, под влиянием других слов, обозначающих средства связи, к XVIII в. слово *почта* стало использоваться как в винительном с предлогом *через* (18а), так и в дательном падеже с предлогом *по* (18б): 18а. *А ежели вы и кто из профессоров письменно меня в том обнадежите, то оную немедленно **через почту** отправлю* (Татищев В. Н. Письмо И. Д. Шумахеру); 18б. *От 28 числа **по почте** отправленного письма мы отыскать не могли. Посылал Ваньку и реестр читали, только ко мне нет* (Фонвизин Д. И. Письма родным).

Значение вспомогательного материала или содержания

Выделяя данный подтип творительного беспредложного, исследователи учитывают прежде всего семантику существительных, употребляемых в творительном падеже (значение вспомогательного материала или содержания). Однако глаголы, которые могут сочетаться с творительным вспомогательного материала, очень разнообразны. Более того, одни и те же глаголы могут сочетаться и с творительным орудия, и с творительным вспомогательного материала, например, «Я засыпал яму лопатой (орудие). Я засыпал яму землей (вспомогательный материал)» [12, с. 100].

При глаголах со значением наполнения (чем-нибудь сыпучим или жидким), как отмечал В. Б. Крысько, в языке древне- и среднерусского периодов творительный (19а) нередко чередовался с винительным (19б) или родительным делимого целого (19в) [20, с. 342]: 19а. *Царь же, возьмъ кубокъ, повелѣть наполнити **сухимъ златом**, а каменій 5 драгих посла въ Ерусалимъ къ патриарху* (Сказание о Вавилоне);

19б. *...напѣльнить намъ соуѣкъ тѣ **моукы*** (Успенский сборник); 19в. *...напѣльнивъ три возы брашна **хлѣбъ и сыръ и рыбъ*** (Успенский сборник).

В языке XVIII в. при глаголах со значением наполнения преобладает творительный вспомогательного материала (20а), хотя родительный (20б) также встречается: 20а. *Сто бодрых отроков и сто отроковицъ / Трапезу снедными вещьми обременяютъ / И **винами** златы сосуды **наполняютъ*** (Петров В. П. Еней); 20б. *Пустил молниевидны стрелы / И степь **наполнил их голов*** (Муравьев М. Н. Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны).

Однако в языке XIX в. (21а), XX в. (21б) и XXI в. (21в) при глаголах наполнения встречаются только примеры с творительным падежом: 21а. *И Мичулин с ужасом видел, как дрожащая и неверная от частых жертв Бахусу рука Пережиги наполняла рюмку **жгучим**, как огонь, **составом**, заключавшимся в графине* (Салтыков-Щедрин М. Е. Невинные рассказы); 21б. *Потом он наполнил **чернилами** автоматическую ручку, долго снимал с пера чернильные капли* (Гроссман В. С. Жизнь и судьба); 21в. *Шланг наполнили **водородом*** (Лукашик В. И., Иванова Е. В. Сборник задач по физике).

Еще одной группой глаголов, при которых творительный падеж стал вытесняться другими конструкциями, являются глаголы одевания. Слова *одеть* (производное от **děti* «класть, ставить»)³ и *облечь* (производное от *vlěsti* «тащить, тянуть»)⁴ по происхождению являются каузативными глаголами движения, а одежда концептуализируется как некий контейнер. Это объясняет сочетание таких глаголов с существительными, обозначающими одежду, в винительном падеже с предлогом *в* (*одеть* / *облечь* в = поместить в). Уже в языке древне- и среднерусского периодов конструкция *в+винительный падеж* (22а, 22б) почти вытеснила творительный (22в) вспомогательного материала при этих глаголах: 22а. *И посла князь великий по игуменію Олексѣевскую, и повелѣ ея облещи **въ всѣ новыя ризы мнишескіе**, облече ея* (Независимый летописный свод 80-х гг. XV в.); 22б. *И послѣ того, думной діакъ Семень Заборовской государевымъ словомъ Михайлу Плещееву говоришь, чтобъ онъ, по ево государеву указу, **въ бѣлое платье** одѣвался...* (Записная книга Московского стола 7157 года); 22в. *Стихарал в полдестъ, застежки, жуки серебряные с финифты, одет **бархатом лазоревым рытым**...* (Дело 1627 г. о разделе наследства умершего без завещания Максима Максимовича Строганова между его матерью Марией, женой Анной и племянником Иваном Ямским).

В XIX в. глаголы одевания в основном употреблялись с предложно-падежной конструкцией *в+винительный падеж* (23а, 23б), хотя творительный возможен, когда эти глаголы имеют значение «покрывать» (23в):

³ Одеть // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/o/одеть> (дата обращения: 25.01.2020).

⁴ Облечь // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/o/облечь> (дата обращения: 25.01.2020).

23а. Они облачили его **в архиерейские одежды**, в кои он вошел в круг бунтовщиков и спросил, для какой его причины туда призвал (Писемский А. Ф. Путевые очерки); 23б. Кормила кормилица, то есть мы воспользовались бедностью, нуждой и невежеством женщины, сманили ее от ее ребенка к своему и за это одели ее **в кокошник** с галунами (Толстой Л. Н. Крейцеров соната); 23в. ... одели полинялым **покрывом**, поставили кругом три подсвечника (Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда).

Процесс вытеснения творительного вспомогательного материала конструкцией *в+винительный падеж* продолжается. Под влиянием глаголов одевания конструкция *в+винительный падеж* (24а, 24б), наряду с творительным (24в, 24г), стала употребляться со словами с близким значением с глаголами покрытия, например *окутать*: 24а. Удальцы схватили брошенные на лужайке платки, миглом окутали **в них** невесту, схватили ее на руки и помчали в перелесок (Мельников-Печерский П. И. В лесах); 24б. Она мягко подхватила его под руки, как маленького ребенка, окутала **в белые пеленки** пены и понесла к корме (Новиков-Прибой А. С. «Коммунист» в походе); 24в. Струков усадил ее под защиту шумящего полотна, окутал **пледом** ... (Эртель А. И. Карьера Струкова); 24г. Парни в голубых униформах окутали нашу машину **шлангами**: заливали бензин, масло, добавляли сжатого воздуха в шины (Гранин Д. А. Месяц вверх ногами).

В истории развития русского языка творительный падеж конкурирует с винительным при глаголах со значением передачи, ср. *наделить* (кого **чем**) – *дать* (**что** кому). Некоторые такие глаголы передачи могли сочетаться и с творительным (25а), и с винительным (25б): 25а. ... *сестра их великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софѣя Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловала сими зерцали вѣрного своего подданного, войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра Ивана Самойлова* (Опись движимого имущества, принадлежавшего малороссийскому гетману Ивану Самойловичу и его сыновьям Григорию и Якову); 25б. ... *а другую деи грамоту пожаловал отец наш блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси* ... (Жалованная грамота ц. Федора Ивановича п. Иову на Ржевскую десятину с правом сбора доходов и производства суда).

В. Б. Крысько считает, «что управление формами кого чем является для дарити, жаловати и их префиксальных дериватов исконным, между тем сочетаемость с актантами кому что обязана своим появлением воздействием конструкций типа *дати, даровати кому что*» [20, с. 339]. Такое вариативное употребление творительного (26а) и винительного (26б), например с *пожаловать*, продолжалось до начала XX в., в дальнейшем возобладал винительный падеж (26в): 26а. Дело в том, что в этот день Керенский пожаловал **высоким чином** не одного Пальчинского (Суханов Н. Н. Записки о революции); 26б. Король Карл пожаловал членам

конференции **ряд отличий** (События дня // Новое время. 11.08.1913); 26в. Потом, правда, он ей пожаловал **роскошную виллу** в предместье, и она так на всю жизнь и осталась в Риме (Домбровский Ю. О. Хранитель древностей).

Значение лица-посредника

Как писал Р. Мразек, «обычай воспринимать лицо как средство действия и выражать его с помощью творительного падежа восходит к глубокой древности, вплоть до индоевропейского праязыка», и в древнерусском языке встречались «многочисленные примеры подобного творительного падежа» [9, с. 49]: 27. ... *оже ти не угодно дѣржати Новгорода сыномъ, а вѣда ни брат* (Новгородская первая летопись).

Это значение творительного беспредложного, возможно, развилось из более конкретного значения орудия (**лицо-посредник** – [орудие] – **путь**). К XVII в. творительный лица-посредника начал выходить из употребления, но на основании метафоры **лицо-посредник** – **путь** другая конструкция, *через+винительный падеж*, развила то же значение (28а–28д): 28а. (XVII в.) *И немчин Петр Фальк в роспросе сказал через толмача, а толмачил переводчик Яков Ниэнборх: пришел де к нему на двор тот немчин Григорей насилством, и учал ево бить по щекам, и жену ево бранить всякими позорными бранми* ... (Дело о дуэли в Москве сержантов Петра Фалька и Томаса Грельса); 28б. (XVIII в.) *Мнози сие дело чрез своих вождей управляху и управляют* (Митрополит Ст. Яворский. Торжественной колесницы путь сугубый ...); 28в. (XIX в.) *Если попечитель будет действовать через Поленова, она может подумать, что я на нее жаловался, – и тогда последнее будет горше первого* (Никитенко А. В. Дневник); 28г. (XX в.) Доктор Манухин, лечивший Горького, привез Нестеровскую к Андреевой, и она помогла **через Бокия** спасти обоих (Берберова Н. Н. Железная женщина). 28д. (XXI в.) *Поняв, что оба большевика не шутят, брат сообщил через адвоката, что он отказывается от своей доли в пользу сестер* ... (Носик Б. М. Загадочная смерть в Каннах).

В современном русском языке творительный падеж в этом значении больше не употребляется, за исключением единичных примеров: 29а. *Отправляешь нарочным, прошибь их поскорее, щекочешь кончиком пальца протянутую дылдай-почтмейстером великанскую ладонь, мол, голубчик, по старой дружбе, за нами не постоит, а он, вместо того чтобы запрячь в собачью упряжку своих откормленных лаек, посылает каких-то доходяг* (Шишкин М. П. Венерин волос); 29б. *Если нет – поможет служба портала, переправив депешу обычным курьером* (Смирнов Л. Учителю не место на столичных площадях // Известия. 17.02.2002).

Творительный объектно-инструментальный

Творительный в объектно-инструментальном значении может заменяться на винительный объекта. Как отметил В. Б. Крысько, в XIX в. такое употребление винительного вместо творительного «выходит за пределы

окационального» [20, с. 139]. Вариативное употребление винительного (30а, 30в, 30д) и творительного (30б, 30г, 30е) со словами, обозначающими части тела, продолжается до сих пор: 30а. *Она охала, шептала молитву и шла, то есть едва передвигала **ноги**, совершенно согнувшись и поддерживаемая с одной стороны человеком в нагальном тулупе, перепоясанном ремнем, с другой – молодой женщиной* (Соологуб В. А. Метель); 30б. *Он, в состоянии совершенного бессмыслия и оупления, ничего не видя вокруг себя, передвигал **ногами** вместе с другими до тех пор, пока все остановились, и он остановился* (Толстой Л. Н. Война и мир); 30в. *Идут уже давно, не первый час, очень устали и едва передвигают **ноги**...* (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Жук в муравейнике); 30г. *Зорька, еле передвигая **ногами**, покорно поплелась за ней* (Лаврентьев М. Дети земли // Юный натуралист. 1976. № 2); 30д. *Она едва передвигает **ноги*** (Волос А. Г. Недвижимость); 30е. *Он торопился передвигать **ногами**, насколько позволяла дыхалка, а эскалатор не торопился его поднимать* (Носов С. А. Грачи улетели).

Как видно из примеров, вариативное употребление творительного и винительного встречается в словосочетаниях с каузативными глаголами движения. Однако глаголы, в семантике которых инкорпорантами являются части тела (например, *кивать, моргать, дрыгать*), сочетаются только с творительным падежом: 31а. *Он безропотно слушал*

*Пахомова и согласно **кивал головой*** (Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий); 31б. *Люся только **моргала глазами*** (Донцова Д. Доллары царя Гороха); 31в. *Помпей лежал на полу, **дрыгал ногами** и издавал странные звуки* (Петросян М. Дом, в котором...).

Заключение

На использование творительного инструментального в русском языке оказали влияние такие процессы, как тенденция замены беспредложных конструкций предложными, трансформации в семантике слов, сочетающихся с творительным падежом, воздействие синтаксических моделей слов с близким значением и синтаксических моделей заимствованных слов.

В основе инструментального значения творительного беспредложного лежит концептуальная метафора, которая построена на переосмыслении пространственного значения пути. Эта метафора широко распространена в русском языке, поэтому именно предложно-падежные конструкции *через+винительный падеж* и *по+дательный падеж*, инструментальное значение которых развилось на основании данной метафоры, чаще всего вытесняли творительный беспредложный из семантических сфер, закрепленных за этим падежом.

Литература

1. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 362 p.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago-London: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
3. Жадейко М. Н. Антропологические аспекты полисемии соматизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2008. 16 с.
4. Астафьева Н. И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления. Мн.: Вышэйш. школа, 1974. 61 с.
5. Langacker R. W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / под. общ. ред. В. И. Борковского. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Тип. В. М. Саблина, 1914. 440 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса; 3-е изд., стер. М.: УРСС; Эдиториал УРСС, 2006. 435 с.
9. Мразек Р. Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование). Прага: Státní pedagogické nakl., 1964. 285 с.
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
11. Михайлов Н. Творительный падеж в русском языке XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. Uppsala, 2012. 296 с.
12. Станишева Д. С., Бернштейн С. Б., Ходова К. И. Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Я. Бернштейна. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 378 с.
13. Radden G. Semantic roles // A user's grammar of English: word, sentence, text, interaction. Part B: The structure of sentences / eds. R. Dirven, D. Geiger. Frankfurt: Peter Lang GmbH, 1989. P. 421–471.
14. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
15. Schlesinger I. M. Cognitive space and linguistic case: Semantic and syntactic categories in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 256 p.
16. Meex B. The spatial and non-spatial senses of the German preposition *über* // Polysemy in cognitive linguistics / eds. H. Cuyckens, B. E. Zawada. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 1–36. DOI: 10.1075/cilt.177.03mee
17. Luraghi S. On the meaning of prepositions and cases. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. 366 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.67>

18. Petukhova V., Bunt H. LIRICS semantic role annotation: design and evaluation of a set of data categories // DBLP: Proc. Intern. Conf. on Language Resources and Evaluation (Marrakech, May 26 – June 1, 2008). Marrakech, 2008. P. 39–45.
19. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. 472 с.
20. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006. 485 с.

original article

Changes in the Use of the Instrumental Case in the Russian Language

Marika A. Kalyuga^{a, @}^a Macquarie University, Australia, Sydney[@] marika.kalyuga@mq.edu.au

Received 17.02.2020. Accepted 16.04.2020.

Abstract: The present study focused on the main changes in the use of the instrumental case that occurred in the Russian language in XI–XXI centuries and the factors that caused these changes. The study was conducted within the cognitive-linguistic framework or, more precisely, the theory of conceptual metaphor, according to which one conceptual domain is conceptualised and expressed in terms of another, more specific, domain. The data were collected from the Main Corpus of the National Russian Corpus, which contains sources of written language, mainly from original prose from XVIII century to the present-day Russian, as well as from the Old and Middle Russian sections of the Historical Subcorpora of the National Russian Corpus. The use of the instrumental case appeared to have been affected by the decreasing role of cases and the increasing role of prepositions in the Russian language, the transformation in the semantics of words used in constructions with the instrumental case, the impact of the syntactic patterns of synonyms and near-synonyms, and the influence of the syntactic patterns of borrowed words. The study also demonstrated the role of conceptual metaphors in the development of the instrumental meaning of the Russian instrumental case, as well as the development of the instrumental meaning of the synonymous syntactic structures. The instrumental meaning of the Russian instrumental case developed on the basis of the path metaphor. The instrument-as-a-path metaphor is very productive in the Russian language, which explains why other prepositional phrases, e.g. *cherez+accusative* or *po+dative*, developed instrumental meanings and took over some of the uses of the instrumental case.

Keywords: instrumental case, instrumental meaning, synonymous syntactic structures, conceptual metaphor, cognitive linguistics

For citation: Kalyuga M. A. Changes in the Use of the Instrumental Case in the Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 507–515. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-507-515>

References

1. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 362.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago-London: University of Chicago Press, 1980, 242.
3. Zhadeiko M. N. *Anthropolinguistic aspects of polysemy of somatisms*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2008, 16. (In Russ.)
4. Astafeva N. I. *Prepositions in the Russian language and the specifics of their use*. Minsk: Vysheish. shkola, 1974, 61. (In Russ.)
5. Langacker R. W. *Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991, 395.
6. Potebnia A. A. *From the notes on Russian grammar*, ed. Borkovskii V. I. Moscow: Uchpedgiz, 1958, vol. 1–2, 536. (In Russ.)
7. Peshkovskii A. M. *Scientific approach to Russian syntax*. Moscow: Tip. V. M. Sablina, 1914, 440. (In Russ.)
8. Zolotova G. A. *Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax*, 3rd ed. Moscow: URSS; Editorial URSS, 2006, 435. (In Russ.)
9. Mrazek R. *Syntax of the Russian instrumental (structural and comparative study)*. Prague: Státní pedagogické nakl., 1964, 285. (In Russ.)
10. Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility*. Moscow: Russkie slovari, 2008, 416. (In Russ.)
11. Mikhaylov N. *The instrumental case in eighteenth-century Russian*. Dr. Philos. Sci. Diss. Uppsala, 2012, 296. (In Russ.)

12. Stanisheva D. S., Bernshtein S. B., Khodova K. I. *The instrumental case in Slavic languages*, ed. Bernshtein S. B. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, 378. (In Russ.)
13. Radden G. Semantic roles. *A user's grammar of English: word, sentence, text, interaction. Part B: The structure of sentences*, eds. Dirven R., Geiger D. Frankfurt: Peter Lang GmbH, 1989, 421–471.
14. Buslaev F. I. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 623. (In Russ.)
15. Schlesinger I. M. *Cognitive space and linguistic case: Semantic and syntactic categories in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 256.
16. Meex B. The spatial and non-spatial senses of the German preposition *über*. *Polysemy in cognitive linguistics*, eds. Cuyckens H., Zawada B. E. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001, 1–36. DOI: 10.1075/cilt.177.03mee
17. Luraghi S. *On the meaning of prepositions and cases*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003, 366. DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.67>
18. Petukhova V., Bunt H. LIRICS semantic role annotation: design and evaluation of a set of data categories. *DBLP: Proc. Intern. Conf. on Language Resources and Evaluation*, Marrakech, May 26 – June 1, 2008. Marrakech, 2008, 39–45.
19. Apresian Iu. D. *Selected papers. Vol. 1: Lexical semantics*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1995, 472. (In Russ.)
20. Krysko V. B. *Historical syntax of the Russian language: object and transition*, 2nd ed. Moscow: Azbukovnik, 2006, 485. (In Russ.)

Мотивирующие признаки концепта муж

Анастасия М. Киселева^{a, @}

^a Военная Академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург

[@] AMKiseleva@inbox.ru

Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к печати 18.03.2020.

Аннотация: Данная статья представляет историко-этимологический анализ мотивирующих признаков концепта муж. Первый мотивирующий признак человек / мужчина является самым древним и восходит к праиндоевропейскому языку. Анализ этимологических словарей позволил выявить 42 мотивирующих признака изучаемого ментального образования. Совокупность первичных признаков, или внутренняя форма слова, является той основой, к которой будут «прирастать» новые когнитивные признаки. Актуальные мотивирующие признаки проявятся в виде понятийных, а дальнейшее наслоение смыслов приведет к появлению функциональных, оценочных, символических и образных признаков. В статье приведены примеры репрезентации данного концепта в литературе, в том числе современной. В результате исследования соответствующих словарных статей в этимологических и историко-этимологических словарях были выявлены следующие мотивирующие признаки концепта муж: человек / мужчина; супруг; взрослый (в зрелом возрасте) мужчина; понимающий; учёный; родоначальник, прародитель; амазонка; век; народ; люди; член правления общины; серьёзный; гражданин; храбрый, мужественный, смелый, отважный; сильный; боец, воин; рядовой; герой; известный, знаменитый; уважаемый, почтенный; деятель на общественном поприще; свидетель; свободный человек; крестьянин, земледелец; феодально-зависимый крестьянин; мужик (низкий статус в правовом отношении); укреплять, мужаться; человек, обладающий выдающимися мужскими достоинствами; самец; приближенный царя, короля или князя, знат; царский служащий, княжеский дружинник; божественный муж; муж желания; муж крови – убийца; мужи большие – привилегированная часть свободного населения в Древней Руси; мужи молодые – менее привилегированная часть свободного населения в Древней Руси; вельможа (великий муж); домочадец; слуга; рука (работник); раб; готовый. Наличие такого большого количества мотивирующих признаков подтверждает древнюю историю концепта и его высокую социокультурную значимость в языковой картине мира русского народа.

Ключевые слова: лингвистика, когнитивный признак, внутренняя форма слова, первопризнак, структура концепта, языковая картина мира

Для цитирования: Киселева А. М. Мотивирующие признаки концепта муж // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 516–524. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-516-524>

Введение

На современном этапе развития лингвистики все языковые исследования осуществляются в рамках антропоцентрической парадигмы. Являясь отличительной чертой человека как вида, язык не существует без человека, равно как и человек без языка. Об этом в своих трудах писали В. фон Гумбольдт [1] и Э. Бенвенист [2, с. 43–59] в 70-х гг. XX в. Развитие данных идей мы находим в работах отечественных лингвистов: В. Н. Телия [3], А. В. Кравченко [4], Е. С. Кубрякова [5], Н. Д. Арутюнова [6], С. Г. Воркачев [7], Ю. С. Степанов [8], В. А. Маслова [9]. «Лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [8, с. 15].

Антропоцентрическая парадигма обуславливает такое явление в лингвистической науке, как трансдисциплинарность. Появилась необходимость проводить научные изыскания в тесной связи с разными науками: психологией, нейрофизиологией, когнитивистикой. Язык должен изучаться не сам по себе, а в процессе его взаимодействия с мышлением, памятью, вниманием, восприятием и другими

психологическими чертами индивида. Рассмотрение взаимодействия сфер язык – человек – социум и является предметом изучения когнитивной лингвистики [10]. По мнению Е. С. Кубряковой, вопросами лингвопсихологического направления когнитивизма представляются изучение языковых научной и обыденной (наивной) картин мира, описание роли языка в процессах категоризации и концептуализации осмысления мира [11, с. 4–5].

В работах М. В. Пименовой мы находим следующее определение термина *языковая картина мира*: «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [12, с. 9]. Под наивными представлениями народа понимается «сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры этого народа» [12, с. 10]. Фрагменты языковой картины мира представляют концепты – особые ментальные образования, актуализирующие в языке

когнитивные признаки. Механизмы формирования ментальных образований, их многокомпонентная структура, объективация репрезентантов в языке представляют предметную область концептуальных исследований.

На данный момент концептуальными исследованиями успешно занимаются несколько научных школ, которые по-разному трактуют термин *концепт* и выделяют его структурные компоненты. В данной статье и в дальнейшем исследовании мы будем руководствоваться изысканиями Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований и научным подходом, разработанным проф. М. В. Пименовой [13–16].

Начнем с определения базового термина. «Концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [17, с. 9]. Таким образом, исследование концептов предполагает анализ структурных компонентов, их образующих: мотивирующих признаков, понятийных признаков, функциональных признаков, ценностно-оценочных признаков, образных и символических признаков.

Целью данной работы является рассмотрение мотивирующих признаков концепта *муж* по методологии концептуального анализа структуры ментального образования, разработанной М. В. Пименовой. Соответственно, основными методами исследования являются описательный,

сравнительно-сопоставительный, историко-этимологический и концептуальный [13–19].

Актуальность исследования обусловлена тем, что такие макроконцепты, как человек, семья, и формирующие их концепты *дети, родители, мать, отец, муж, жена* не изучены детально [20–25].

Мотивирующие признаки концепта *муж*

Исследование концепта предполагает изучение эволюции значений слова, на разных этапах которой происходило «культурное» приращение смыслов к его первичному зерну – концептуму (по В. В. Колесову). Соответственно, под изучением концепта понимается рассмотрение таких вопросов, как реконструкция его структуры и определение основных когнитивных признаков, в том числе поиск внутренней формы слова, которой он первично представлен в языковой картине мира [18].

Установление этимологии имени концепта позволяет рассмотреть мотивирующие признаки, которые обеспечивают развитие его структуры. «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта» [15, с. 53]. Такое явление связано с синкретизмом – нерасчленением понятий в древности.

Анализ словарных статей этимологических словарей позволяет рассмотреть в диахронии метонимические накопления и метафорическое приращение смыслов к первообразу концептума. Анализ словарных статей показывает достаточно большое количество репрезентантов, представляющих концепт *муж* в русской языковой картине мира (табл.). По количеству указанных мотивирующих признаков делается вывод о древнем происхождении анализируемого ментального образования.

Табл. Наличие мотивирующих признаков концепта *муж* в этимологических словарях

Tab. Motivating signs of the “муж” (husband) concept in etymological dictionaries

№	Словарь Мотивирующий признак	Крылов Г.А.	Фасмер М.	Шанский Н.М.	Черных П.Я.	Семёнов А.В.	Трубачев О.Н.	Шапошников А.К.	Аванесов Р.И.	Преображенский А.Г.	Цыганенко Г.П.
1	Человек, мужчина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Супруг	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Взрослый (в зрелом возрасте) мужчина	–	–	+	+	+	+	+	+	–	+
4	Понимающий	–	–	+	–	–	–	–	+	–	–
5	Ученый	–	–	+	–	–	–	+	–	–	–
6	Родоначальник, прародитель	–	+	–	–	–	–	+	–	–	–
7	Амазонка	–	+	–	–	–	–	–	–	+	–
8	Век	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–

№	Словарь Мотивирующий признак										
		Крылов Г.А.	Фасмер М.	Шанский Н.М.	Черных П.Я.	Семёнов А.В.	Трубаев О.Н.	Шапошников А.К.	Аванесов Р.И.	Преображенский А.Г.	Цыганенко Г.П.
9	Народ	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Люди	-	+	-	+	-	-	+	+	-	-
11	Член правления общины	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
12	Серьезный	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
13	Гражданин	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
14	Храбрый, мужественный, смелый, отважный	-	-	-	+	-	+	+	-	+	-
15	Сильный	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
16	Боец, воин	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
17	Рядовой	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
18	Герой	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
19	Известный, знаменитый	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-
20	Уважаемый, почтенный	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-
21	Деятель на общественном поприще	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
22	Свидетель	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
23	Свободный человек	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-
24	Крестьянин, земледелец	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
25	Феодално-зависимый крестьянин	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
26	Мужик (низкий статус в правовом отношении)	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
27	Укреплять, мужаться	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-
28	Человек, обладающий выдающимися мужскими достоинствами	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
29	Самец	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
30	Приближенный царя, короля или князя, знать	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
31	Царский служащий, княжеский дружинник	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
32	Божественный муж	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
33	Муж желания	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
34	Муж крови – убийца	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
35	Мужи большие – привилегированная часть свободного населения в Древней Руси	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
36	Мужи молодые – менее привилегированная часть свободного населения в Древней Руси	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
37	Вельможа (великий муж)	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
38	Домочадец	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
39	Слуга	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-
40	Рука (работник)	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
41	Раб	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
42	Готовый	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Первый мотивирующий признак *человек* актуализируется во всех словарях и восходит к древнеиндийскому *manus*, родственными являются авестийское *manuš-*, готское *manpa*, древнеисландское *maðr*, латино-германское *Manpius*, фригийское *Mávης*, древнеанглийское *mann(a)*. Образование славянского **možь* сравнивают с литовским *žmogùs* «человек» наряду с *žtónpès* мн. ч. «люди», так же как греческое *πρόσβυς*, критское *πρεῖγυς*. В словарях М. Фасмера¹ и А. К. Шапошникова² праиндоевропейское *manus* понимается как родоначальник, прародитель.

Вторым мотивирующим признаком, представленным во всех словарях, является привычное, ежедневное значение слова из нашего обихода. С XI в. на Руси *мужем* называют *супруга*, человека с которым состоят в браке, как и болгарское *мъжът*, сербохорватское *муж*, словенское *mož*, чешское, словацкое *tiž*, польское *maż*.

Третий мотивирующий признак упоминается в большинстве словарей, является праславянским образованием. Древнерусское *мужь*, старославянское *мжъь*, древнегреческое *άνήρ* имеет значение «мужчина в зрелом возрасте».

Основой признака *понимающий* послужил метафорический перенос – мужчина в зрелом возрасте имеет жизненный опыт, мудрость и глубину суждений. Дальнейшее развитие привело к образованию от той же основы мотивирующего признака *учёный*, обозначающего человека, реализующего себя на научном поприще. Данный признак мы находим в современных этимологических словарях Н. М. Шанского³ и А. К. Шапошникова. Истоком переноса является первоначальное значение *получивший обучение*. Четвертый мотивирующий признак появляется в результате расширения значения, обусловленного переносом от первоначального значения «мужчина в зрелом возрасте», он объективируется целым рядом прилагательных с легко угадываемой синонимией: известный, знаменитый, уважаемый; почтенный, именитый человек.

Признак *свободный человек* встречается в русском языке с XI в. Как оппозиция ему выступает слово *мужик*, обозначающее, наоборот, людей более низких по сословию или по возрасту, соответственно, имеющих меньше прав.

Мотивирующие признаки, являющиеся метонимическими приращениями, мы находим в славянских языках. В XII в. *možь* в словенском возникает в значении *член правления (городской или сельской) общины*. В XIII в. *možь* в польском – *серьезный; гражданин*. В сербохорватском находим противоположное значение – *крестьянин, земледелец; феодально-зависимый крестьянин*.

Признак, встречающийся в нескольких словарях, связывает первопризнак данного концепта с военным поприщем. В славянских языках появляются однокоренные слова *мужество, мужественный*, и, как следствие, возникают метафорические переносы *храбрый, сильный, смелый, отважный*. В сербохорватском *муж* встречается в значении *герой*, в чешском *tiž* – в значениях *рядовой; боец, воин*.

Кроме вышеописанных признаков, в летописях и древних грамотах встречаются и другие мотивирующие признаки концепта. Не во всех историко-этимологических словарях они упоминаются. Мотивирующие признаки *божественный муж, муж крови, свидетель, воин из дружины князя, царский служащий, знать* указаны Р. И. Аванесовым в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)⁴. Мотивирующие признаки *вельможа, домохозяин, слуга, рука (работник)* отмечает А. Г. Преображенский⁵.

Способы объективации мотивирующих признаков концепта *муж*

Проанализируем способы объективации мотивирующих признаков концепта в известных памятниках письменности, литературных произведениях, а также на языковом материале из интернет-источников, взятом из Национального корпуса русского языка⁶.

В «Повести временных лет» – произведении неизвестного автора, которое датируется приблизительно XI в., репрезентант концепта *муж* обозначает человека, представляющего князя, одного из людей его воинского окружения. Это *храбрый, с воинской смекалкой воин*. В приводимом контексте встречается несколько мотивирующих признаков, актуализирующих концепт *муж* (в контекстах они выделены полужирным курсивом): *Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?», А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)», Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть.*

У Сергея Михайловича Соловьева в книге «Чтение и рассказы по истории России», где он анализирует исторические материалы и «Повесть временных лет» в том числе, встречается несколько этимологических манифестаций концепта *муж*: *И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи*

¹ Этимологический словарь Макса Фасмера. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BC%D1%83%D0%B6> (дата обращения: 30.01.2020).

² Этимологический словарь современного русского языка: на основе лексических минимумов и с кириллическими реконструкциями / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 1. С. 541.

³ Этимологический словарь Шанского. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/shansky/%D0%BC%D1%83%D0%B6> (дата обращения: 30.01.2020).

⁴ Моужь // Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1988. Т. 9. С. 300–301.

⁵ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Том I (А–О). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. С. 565–566.

⁶ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 30.01.2020).

за его видом, и лицом, и мыслями» (Соловьев С. М. Чтение и рассказы по истории России, 1989). Мудрый муж, несомненно, выполняет роль дипломата, посла и наделен всеми его качествами – умный, даже хитрый, внимательный к деталям, конечно, почтенный, именитый, серьезный гражданин. И далее послы греческие говорят о Святославе как об отважном храбром воине, смелом предводителе: *И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие»*. Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: *«Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань»*. И послал к нему царь, говоря так: *«Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь»*, ибо немного не дошел он до Царьграда (Соловьев С. М. Чтение и рассказы по истории России, 1989).

Мотивирующий признак муж, супруг, человек, с которым состоишь в браке достаточно частотен в собранном языковом материале. Этот признак актуален для описания эмоционально окрашенных отношений, которые выстраивают центральный сюжет любовного или историко-культурологического романа. Выйти замуж за любимого человека, заботиться о нем, принимать его заботу, растить детей, идти рука об руку по жизненному пути – это и есть общепринятое понимание счастья и в жизни, и в художественной литературе. Если основные стереотипы счастливого брака не работают, то это уже драма и трагедия. В любой интерпретации муж – один из главных героев: *И стала Тони с этого времени ухаживать за больным, как самая усердная сиделка, как ухаживала бы мать за сыном, сестра за братом, горячо любящая жена за мужем* (Лажечников И. И. Внучка панцирного боярина, 1868).

В народном понимании, отображенном в фольклоре, слово муж проявляется в самых разнообразных вариантах значений, сопровождаемых как положительной, так и отрицательной коннотацией. Муж – сильный мужчина, защитник дома и семьи, за чьей широкой спиной можно спрятаться от любых трудностей: *Ещё недавно безропотные почтовые кадры восприняли пополнение не только как защитников Родины, но и просто мужиков, о которых в народе говорится: «За мужа завалюся – никого не боюсь»*, считали их судьбою к ним ниспосланными на личную защиту (Астафьев В. П. Обертон, 1995–1996). Мотивирующий признак сильный послужил основой для развития функционального признака защищать и понятийного защитник.

Один из мотивирующих признаков, связанный с возрастом, вероятно, возник в результате метафорического переноса. Муж – это взрослый человек, зрелый мужчина: *Вам поручен ребенок: смотрите ж, что этот ребенок будет отроком, потом юношей, а там и мужем, и потому следите за развитием его дарований и, сообразно с ним, переменяйте методу вашего ученья, будьте всегда выше его; иначе вам худо будет: этот ребенок станет в глаза смеяться над*

вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то он перегонит вас: дети растут быстро (Белинский В. Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе), 1843).

С некоторым пренебрежением описывает Даниил Гранин «солидных учёных мужей» в своем романе «Зубр» 1987 г. Его «благонравные мужи» как будто бы потеряли юношеский азарт, молодую страсть к науке: *Он все эти годы жил с этой буйностью, буйно работал, буйно мыслил, безоглядно высказывался. Сверстники его давно обрелись, утишили свои голоса, поселились, выглядели благонравными мужами, осторожно несущими свои звания и степени*. У него не было ни званий, ни степеней, он был свободен и, когда услышал вопли этих ребят в масках, рванулся к ним, мгновенно сомкнулся с ними, такими же неумными, душевно распоясавшись, наплевав на свой возраст. <...> Дяди и тётки, они здесь становятся мальчишками, девчонками, им приятно, когда их отчитывают. Если бы я разговаривал с Андреем Маленковым в его институте, передо мной сидел бы солидный учёный муж (Гранин Д. А. Зубр, 1987).

Мотивирующий признак воин имеет высокую частотность употребления в древних летописях, но затем приобретает возвышенное значение и используется реже. Так говорят о героях, желая подчеркнуть их необыкновенную храбрость, совершенные ими подвиги и военные заслуги. В явно заказном трактате, датированном 1726 г., также объективируется признак приближенный царя, знать. В дипломе цесарь обращается к Меншикову: *Александр Данилович Меншиков! Принимаем во внимание как ваше происхождение от древнего, благороднейшего между литовцами рода, военные подвиги ваших предков и военные заслуги их не только в отечестве, но и в чужих землях (потому что отец ваш, муж храбрый во бранях, пресветейшим и державнейшим государем московским, возлюбленным братцем нашим был поставлен начальником его придворной стражи, состоявшей из благородных мужей)*, так и собственные ваши достоинства и необыкновенные дарования, которые заблистали в вас с самой юности и возбудили в вашем государе высокое о вас мнение... (Павленко Н. И. Были А. Д. Меншиков грамотным?, 2006).

Мотивирующий признак известный, знаменитый широко представлен как в современной литературе, так и в произведениях более ранних исторических периодов, что вполне объяснимо большим рядом синонимичных прилагательных. Жизнь малолетнего Витушишника была описана в одном из номеров «Чтений»: *«Детство ста славных мужей»*, в то время издававшихся магазином живописных книг Андрея Иванова, на Невском проспекте (Тынянов Ю. Н. Малолетний Витушишников, 1933); В XVIII–XIX веках Сухопутный шляхетский (Первый кадетский) корпус – не просто военно-учебное заведение, но, по словам выпущенного из него военного историка А. В. Висковатого (1804–1858), «колыбель славы многих героев и знаменитых мужей России» (Мартынов Г. Г. От составителя, 2012); Выход биографии Моисея в серии «Жизнь замечательных людей» поначалу

может показаться кощунством, но, с другой стороны, **сей достойный муж** все-таки, несомненно, относится к категории «людей» (Мильчин К. А. Счет за кофе // Русский репортер. 2011. № 34(212)); И только несколько квартир сдавалось внаем уставшими от одиночества вдовыми бабками, пережившими своих **маститых мужей** на целые десятилетия (Сухов Е. Е. Делу конец – сроку начало, 2007); История с Екатериной I особо примечательна, ибо на ней отрабатывалась своеобразная концепция «перенесения» на супругу Петра сугубо мужских достоинств её **великого мужа** (Анисимов Е. В. «У нас-де ныне баба царствует...» // Родина, 2009).

В трудах философа Древнего Китая Конфуция (551–479 гг. до н. э.) мы находим некий собирательный образ благородного мужа, чьи характерные черты определяет мотивирующий признак **серьезный**. Работы древних мыслителей и философов, являясь историческими памятниками, представляют собой разнородные знания, часть информации стала устаревшей и не востребуемой, другая же часть, напротив, актуализируется постоянным цитированием: *Овладеть таким поведением помогает следование строгому порядку (ли), нормам этикета. «Если **благородный муж точен и не растрчивает времени, если он вежлив к другим и не нарушает порядка**, то люди между четырьмя морями являются его братьями», – говорил Конфуций. Отождествляя общество с государством, философ уделил большое внимание вопросам «правильного» государственного устройства. Таким, по его мнению, может считаться государство, где высшее положение, кроме обожествляемого императора, занимает слой людей (жу), соединяющих в себе свойства философов, литераторов, ученых и чиновников (Учебник по обществознанию. Профильный уровень. 10 класс, 2007). Встречаясь в научной литературе, выражение **благородный муж** стало нарицательным, таким образом, мотивирующий признак **серьезный** обеспечил развитие оценочного признака: *Хотя всё тот же **благородный муж не печалится и не испытывает страх**. Если, взглянув на свои поступки, видишь, что стыдиться нечего, то отчего же ещё можно печалиться и испытывать страх? Но поскольку Софья Константиновна не была Конфуцием (а может быть, потому что была не **благородным мужем**, а молодой женой), то некоторые опасения её всё же терзали* (Соломатина Т. Ю. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010).*

Христианство приходит на Русь в 988 г. из Византии, вместе с ним появляются служители церкви, живущие по своим особым принципам и законам, сильно отличающимся от язычества. Всех служителей религиозного культа называли **божественный муж**, имея в виду род деятельности – **ратный муж** воевал, **божий муж** служил богу. Также именовали и причисленных к лику святых. Данный

мотивирующий признак послужил истоком для появления понятийного признака с достаточной частотностью употребления в религиозной сфере: *Это непонятно и невероятно для многих; таковые пусть услышат определение **духоносного мужа**, который сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, точию о Христе Иисусе и Святом Духе». <... > Иконы некоторых **святых мужей** списаны с женщин, как, например, знаменитое изображение Иоанна Богослова, написанное Доминикенем. ... Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углублённого в свою молитву **святого мужа**, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, всё тело его, они сочиняют в невежественном воображении своём произвольную, невежественную мечту* (Епископ Игнатий (Брянчанинов). Понятие о ереси и расколе, 1850–1866).

Заключение

Концепт, являясь единицей концептуальной картины мира, обладает живой структурой, которая меняется во времени. Объем структуры концепта увеличивается за счет приращения новых компонентов, соответствующих миропониманию данного времени, национальной культуры и авторскому восприятию. Эквивалентные концепты в разных языках имеют сходный когнитивный костяк, однако их компонентный состав различается, что объясняется процессом исторического формирования концепта в пределах концептуальной системы определенного языка. Устаревшие концептуальные признаки не исчезают, оставаясь актуальными в исторических текстах, они помогают выявить этапы развития и природу ментального образования.

Наличие похожих по звучанию слов во многих славянских языках доказывает сходные пути формирования структуры концепта на раннем этапе. Согласно этимологическому анализу, праиндоевропейское *tapis* «человек» нашло свое отражение в объективации концепта **муж** в памятниках Древней Руси. Мотивирующий признак **человек**, **мужчина** является первообразом концептума, который стал основой для приращений новых смыслов. Всего было выявлено 42 мотивирующих признака. Возникший позднее когнитивный признак **супруг**, имеющий огромную социокультурную значимость, вполне закономерно «потеснил» остальные мотивации, но в свою очередь послужил источником для образования понятийных и оценочных признаков. Такие мотивирующие признаки, как **ученый**, **знаменитый**, **деятель на общественном поприще**, в современной литературе встречаются нечасто и преимущественно с отрицательной коннотацией. Синонимичный ряд **храбрый**, **мужественный**, **смелый**, **отважный** мы находим в литературных памятниках-летописях. И только в интернет-источниках появляется признак **мужчина** в явно иронической интерпретации.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
3. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
4. Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.
5. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека; 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 385–399.
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
8. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. С. 5–16.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
10. Болдырев Н. Н. О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: мат-лы Первой Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. (Тамбов, 26–30 мая 1998 г.) Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. Ч. 1. С. 116–119.
11. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. № 5-6. С. 3–12.
12. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. 262 с.
13. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22
14. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
15. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.
16. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.
17. Пименова М. В. Сфера внутреннего мира человека: концептуальные исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 3–10.
18. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология. Кемерово: КемГУ, 2012. 235 с.
19. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь* / *конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 488–495. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
20. Гофман О. В. Концепт «муж» в русской картине мира // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / отв. сост. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. С. 25–29.
21. Пименова М. В., Алаева С. А. Реализация понятийных признаков макроконцепта ЧЕЛОВЕК в произведениях Ч. Т. Айтматова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 1. С. 73–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-73-80
22. Бакирова А. А. Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов *звезда* и *star* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 478–487. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487
23. Пименова М. В. Концептуальные метафоры как способ представления внутреннего мира человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 2. С. 39–46.
24. Полякова Е. В. Концепт «Человек» в духовном коде культуры // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2006. № 2. С. 72–75.
25. Котяева Е. С. Концепт *человек* в русской лингвокультуре (на материале пьес 18–20 вв.) // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 2. С. 93–96.

The Concept of "Muzh" (Husband): Motivating Signs

Anastasia M. Kiseleva ^{a, @}

^a Khrulev Military Academy of Logistics, Russia, St. Petersburg

[@] AMKiseleva@inbox.ru

Received 04.02.2020. Accepted 18.03.2020.

Abstract: This article presents a historical and etymological analysis of the motivating signs of the concept of "muzh" (husband) in the Russian language. Primary signs of the concept make up the internal form of a word and serves as the basis for new cognitive signs. Actual motivating signs appear first as conceptual ones and later as functional, evaluative, symbolic, and figurative. The primary motivating sign is "man": it is the oldest one and goes back to the pre-Indo-European language. The analysis of etymological dictionaries revealed 42 motivating signs. The article provides examples of the representation of this concept in the literature, including the modern one. Etymological and historical-etymological dictionaries revealed the following motivating signs of the concept of "muzh" (husband): a man; a male spouse; an adult man; a man that understands; a scientist; an ancestor; an Amazon female warrior; an age; people; community member; a serious man; a citizen; a brave man; a strong man; a fighter, a warrior; an ordinary man; a hero; a male celebrity; a respected, venerable man; a public figure; a witness; a free man; a peasant, a farmer; a feudal-dependent peasant; a peasant (low status in legal relations); to man oneself; a person with unnaturally large manhood; a male specimen; an attendant of a tsar, king, or prince, a noble man; a servant of a prince, a warrior in the prince's squad; a divine husband; a man of desire; a blood man, a murderer; big men (a privileged part of the free population in Ancient Russia); young men (a less privileged part of the free population in Ancient Russia); nobleman (a great man); a member of household; a servant; a hand (worker); a slave; someone who is ready. Such a long list of motivating signs confirms the ancient history of the concept and its socio-cultural significance in the Russian linguistic worldview.

Keywords: concept, motivating signs, internal primary form of the word, conceptual structure, primary sign, linguistic worldview

For citation: Kiseleva A. M. The Concept of "Muzh" (Husband): Motivating Signs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 516–524. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-516-524>

References

1. Humboldt W. von. *Language and philosophy of the culture*. Moscow: Progress, 1985, 451. (In Russ.)
2. Benveniste E. *General linguistics*. Moscow: URSS, 2002, 448. (In Russ.)
3. Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating the Russian linguistic worldview. *The role of the human factor in the language. Language and picture of the world*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Nauka, 1988, 173–204. (In Russ.)
4. Kravchenko A. V. Cognitive structure of space and time in the natural language. *Izvestiia Rossijskoj akademii nauk. Seriya literaturny i iazyka*, 1996, 55(3): 3–24. (In Russ.)
5. Kubryakova E. S. Initial stages of cognitive development: linguistics-psychology-cognitive science. *Voprosy iazykoznanii*, 1994, (4): 34–47. (In Russ.)
6. Arutiunova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999: 385–399. (In Russ.)
7. Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)
8. Stepanov Yu. S. Emil Benveniste and linguistics: ways of transformation. *Benveniste E. General linguistics*. Moscow: URSS, 2002, 5–16. (In Russ.)
9. Maslova V. A. *Cognitive linguistics*. Minsk: TetraSistems, 2004, 256. (In Russ.)
10. Boldyrev N. N. On the functional-semiological approach to the analysis of language units. *Cognitive linguistics: current state and prospects of development*. Proc. First Intern. Seminar School on Cognitive Linguistics, Tambov, May 26–30, 1998. Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina, 1998, pt. 1, 116–119. (In Russ.)
11. Kubryakova E. S. Semantics in the cognitive linguistics. On the concept of the container and the forms of its objectification in language. *Izvestiia Rossijskoj akademii nauk. Seriya literaturny i iazyka*, 1999, 5-6: 3–12. (In Russ.)
12. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of the naive linguistic view of the inner world*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999, 262. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. Conceptology at the present stage (methods of investigation of conceptual structures). *Gumanitarnyi vector*, 2017, 12(5): 13–22. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22
14. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)

15. Pimenova M. V. Method of analysis and theoretical concerns of the Kemerovo school of conceptual studies. *Naukovii visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriya "Lingvistika"*, 2013, (18): 50–59. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. The types of concepts and the stages of conceptual research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
17. Pimenova M. V. Sphere of the human inner world: conceptual research. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2004, (3): 3–10. (In Russ.)
18. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *The conceptology*. Kemerovo: KemGU, 2012, 235. (In Russ.)
19. Bekmurzayeva F. Sh. Motivating signs of the concepts "horse" and "loshad' / kon'" in cross-cultural conceptual worldviews. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 488–495. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
20. Gofman O. V. The concept of "husband" in the Russian linguistic worldview. *Ethnohermeneutics: approaches to the problem*, eds. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999, 25–29. (In Russ.)
21. Pimenova M. V., Alaeva S. A. Implementation of the macroconcept human being cognitive signs in Ch. T. Aitmatov's works. *Gumanitarnyi vector*, 2019, 14(1): 73–80. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-73-80
22. Bakirova A. A. Motivating signs of the concepts "zvezda" and "star" in comparative aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 478–487. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487
23. Pimenova M. V. Conceptual metaphors as a way of representing the human inner world. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (2): 39–46. (In Russ.)
24. Polyakova E. V. The concept of "Man" in the spiritual code of culture. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 2006, (2): 72–75. (In Russ.)
25. Kotyaeva E. S. The concept a man in Russian linguoculture (on the base the plays of 18–20 c.). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2012, (2): 93–96. (In Russ.)

Морфологическая характеристика заимствований (на примере англицизмов) в немецком языке в эпоху глобализации

Елена В. Лобановская^{a, @, ID¹}, Светлана В. Муратова^{a, ID²}

^a Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, г. Нижний Новгород

@ lobanovskayaev@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0001-9487-075x>

ID² <https://orcid.org/0000-0003-4706-4717>

Поступила в редакцию 08.01.2020. Принята к печати 25.03.2020.

Аннотация: Рассмотрен вопрос о сенсбилизации немецкого общества к иностранным для него языкам и культурам в последние десятилетия, обращено внимание на отсутствие противоречия между современным требованием многоязычия и продвижением немецкого языка в европейском сообществе как цельного, стабильного языка. Авторы выражают мнение, что в условиях подвижности границ между языками особую роль играет формирование языкового сознания. Цель состоит в выявлении, описании и анализе морфологии иноязычных заимствований (на примере немецкого языка), которые диктуются потребностями современного европейского общества. Предпринята попытка вскрыть причины неполной или невозможной ассимиляции заимствований в немецком языке. Сделаны следующие выводы: к орфографическим особенностям англоязычных заимствованных существительных относится дефисное написание; глаголы получают формы слабых глаголов и окончания при спряжении подобно немецким слабым глаголам; большинство существительных-заимствований имеют неустойчивый грамматический род, другие уподобляются немецким именам существительным и получают флексии; синтагматика имен прилагательных, заимствованных из английского языка, определяется фонетическими особенностями слов в английском языке.

Ключевые слова: языковая глобализация, языковое сознание, ассимиляция заимствований, дефисная модель заимствований, парадигматика англицизмов, синтагматика заимствованных слов

Для цитирования: Лобановская Е. В., Муратова С. В. Морфологическая характеристика заимствований (на примере англицизмов) в немецком языке в эпоху глобализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 525–532. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-525-532>

Введение

Предметом настоящего исследования являются иноязычные заимствования в немецком языке как следствие процесса сближения стран и культур, развития технологий и коммуникаций. Цель состоит в выявлении, описании и анализе морфологии иноязычных заимствований (на примере немецкого языка). Названная цель связана с постановкой следующих задач: выявить и рассмотреть причины проникновения английского языка в словарный состав немецкого; исследовать мотивы заимствования слов в немецкий язык, его возможные последствия; показать основные сферы и особенности функционирования англицизмов в немецком языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа степени ассимиляции заимствований во второй половине XX – начале XXI в. в общем словарном составе немецкого языка. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, сравнительной типологии, в практических курсах «Немецкий как второй иностранный язык», «Немецкий язык после английского», в курсе коммуникативной грамматики, а также быть полезными читателям, интересующимся современным

немецким языком. Материалом исследования послужили заимствованные глаголы, существительные, прилагательные, отражающие взаимодействие языков и культур на фоне актуальных процессов в мировом сообществе.

Для достижения поставленной цели и решения задач авторы статьи опирались на работы таких отечественных и зарубежных ученых, как В. С. Елистратов [1], А. В. Кирилина [2], С. М. Моральдо [3], П. Шлобински [4], Р. Хоберг [5], Г. Нойнер [6], Г.-Ю. Крумм [7], В. Халлет [8], К. Штейнке [9], Г. Штикель [10], Й. Эрбен [11], Д. Е. Циммер [12], А. А. Пискарева [13] и др. Лексический материал извлечен из современных периодических изданий, интернет-источников, относящихся к сферам рекламы, туризма, кулинарии, языку молодежи.

Языковая глобализация и национальная идентичность

Современное общество живет в такой период, когда не только процессы интернационализации всех сфер жизни происходят с невероятной быстротой, но и язык вынужден приспосабливаться к новым экстралингвистическим изменениям.

На увеличивающийся поток информации язык реагирует изменениями: становится более сжатым, экономичным, уподобляет заимствования из других языков своей системе. В этой ситуации особенно уместно звучат призывы признанного германиста, профессора Р. Хоберга не забывать другие языки, помнить о них, пользоваться ими, непременно английским, который особенно необходим. Но самое важное, как подчеркивает Р. Хоберг, – следует использовать родной язык, где это только возможно. Это единственно приемлемая позиция для сохранения многоязычия в мире, который становится все более гомогенным [5, S. 77]. Под схожестью, вероятно, следует понимать глобализацию как новый этап мирового развития, по мнению Н. В. Загладина, характеризующийся резким ускорением темпов интернационализации всех сфер общественной жизни [14, с. 3]. Подвергнув разностороннему исследованию глобализацию как феноменальное явление в истории человечества, ученые (например, В. С. Елистратов [1], Н. В. Загладин [14], К. Штейнке [9, с. 252] и др.) приходят к выводу о многоликом характере рассматриваемого явления. Язык оказывается втянутым в эти процессы, речь идет о языковой глобализации, что явилось предметом исследования современных ученых (например, А. А. Пискаревой [13]).

Хронология заимствований

Этапы отражения вышеуказанных явлений в немецком языке иллюстрирует приблизительная хронология влияния европейских языков на немецкий язык:

- 1) **I в. до н. э. – IV в. н. э.** – латинские слова во всех областях цивилизации (*Fenster, Keller, Küche, Schule, kaufen, pflanzen*);
- 2) **c III в. н. э.** – использование латинских слов в сфере религиозной жизни (*Kloster, Messe, Altar, predigen*);
- 3) **XI–XIII вв.** – немецкий язык испытывает влияние французского языка в результате влияния Франции на придворную жизнь и рыцарскую культуру (*Abenteuer, der Reim, das Turnier*);
- 4) **XIV–XVI вв.** – греческое / латинское влияние в сфере образования и науки (*Professor, Akademie, Technik, Vokabel*);
- 5) **c XVIII в.** – английское влияние на гражданскую жизнь и современный мир (*Film, Hobby, Parlament, Team, Teenager, Opposition*).

Современный человек живет в мультикультурном и полилингвальном обществе. Обращение к феномену полилингвизма и анализу его когнитивных основ подводит нас к выводу о существовании прямой зависимости между сформированностью языкового сознания (*Sprachbewusstsein*) и восприимчивостью к другому языку [6, S. 20–23]. Следуя формулировке Ш. Моркёттер, языковое сознание – это индивидуальное сочетание из знаний,

отношения (установок) и эмоций индивидуума по отношению к языку [15, S. 37].

Процесс перемещения (*Wanderung*) языков из одной культуры в другую и между культурами связан, по словам В. Халлета, с такими коммуникативными ситуациями, в которых особую роль играют стратегии многоязычия [8, S. 40], что приобретает особую значимость в условиях языковой глобализации. Языковое сознание способствует овладению стратегиями обращения с языком, способствует формированию умения наблюдать за языком и изучать его. Языковая глобализация предъявляет особые требования к сохранению стабильности языков, толерантному отношению к заимствованиям и дифференцированному отношению к иностранным словам.

Энциклопедия Брокгауза¹ определяет отличия иностранного слова (*Fremdwort*) от заимствованного (*Lehnwort*). Иностранное слово, пришедшее из языка-донора, не приспособилось по орфографии, произношению, морфологии к языку, принимающему это слово. Происхождение производного слова не известно пользователю, период заимствования и появление заимствованного слова не играют существенной роли. Например, в тексте, который используется для иллюстрации предшествующей мысли, выделены десять слов. Читатель, языковое сознание которого довольно хорошо развито, без труда поймет маркированные в тексте слова иноязычного происхождения, хотя эти слова и не являются интернационализмами, поскольку они – ассимилированные заимствования из других языков, например: *Eine deutsche Idylle!; Ich liege gerade auf meinem Sofa, höre Musik, eine Ballade, trinke Kaffee, zu dem ich nur Zucker nehme, nasche hin und wieder einen Keks – manchmal trinke ich allerdings lieber Tee mit Kandis und Zitrone – und gerate ins Träumen* – Немецкая идиллия!? В настоящее время я лежу на диване, слушаю музыку, балладу, пью кофе, к которому я беру только сахар, откусываю время от времени от печенья – иногда предпочитаю чай с леденцами и лимоном – и погружаюсь в мечты².

Мотивы заимствования

Большая часть лексики немецкого языка, включенная в состав орфографического словаря Дуден (*Duden*) за последнее десятилетие, относится к областям цифровой обработки данных, интернет-общения, новых технологий, экономики и финансов, науки, телевидения, кинопроизводства, музыки, моды, спорта, профессиональной деятельности, рекламы. Такая лексика проникает в язык в результате появления на мировом рынке технических новинок, распространения американского образа жизни через телеканалы, популярную музыку, как следствие повышения роли средств массовой информации, рекламирующих модный образ жизни, обладающий определенными атрибутами, раздвижение границ, дающее возможность путешество-

¹ Brockhaus Enzyklopädie 19. Auflage (1986–1994 / 2001). Mannheim: Verlag Leipzig, 1988. 1050 S.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

вать, работать в другой части света. Со временем слова могут расширять сферы своего употребления, например: *Jaguar, Broiler, Hamburger, Beamer, Comic, Latte macchiato, kaputt, etepetete, matt*. Наибольший процесс заимствований (до 90 %) принадлежит существительным [16, S. 223]. Что касается вопроса о включении в словарь Дудена, как отмечает профессор П. Шлобински, слово имеет только тогда шанс, если оно совершило «прыжок» в повседневный разговорный язык [17].

За последние двадцать лет, в эпоху цифровизации, новейших средств массовой коммуникации, а именно социальных сетей Facebook, Twitter, Instagram, немецкий язык испытывал на себе наиболее сильное влияние английского языка, именно в эти годы в немецкий язык вошли слова с яркими следами англоязычного происхождения. Особенно много англицизмов было заимствовано из сфер компьютерных и интернет-технологий, социальной и общественной жизни, спорта и экономики, средств массовой информации. Определяющим фактором явилась мода на английский язык. Лексика, попадая в немецкий как принимающий язык, подвергается частичной или полной ассимиляции, о чем свидетельствует, например, онемечивание заимствованных глаголов путем придания им формы немецких инфинитивов, а также их функционирование в языке в качестве слабых глаголов: *man hat im Internet gegoogelt; man simst Nachrichten an die Freunde; man twittert weiter* – Погуглили в интернете, отправляют текстовые сообщения друзьям, продолжают общаться в Twitter. Существительные проходят более сложный путь адаптации в немецком языке, поскольку им приходится принимать грамматический род (*der, die, das*): окончательная ассимиляция существительных происходит не во всех случаях, множество существительных не относится к определенному роду, и иногда они могут функционировать как слова женского, среднего или мужского рода одновременно.

Интеграция англицизмов

Как и в XVIII в., английский язык продолжает оказывать влияние на другие языки. Однако не следует говорить об излишках английских слов и выражений или «колонизации» английским языком, поскольку заимствования из других языков нашли свою нишу в немецком языке. Например, греч. *Chaos, Murre*; фр. *Paroli, Pantoffel, Muckefuck*; араб. *matt*; галльск. *Slogan*; тамильск. *Curry*; турецк. *Dolmetscher*; швед. *Ombudsmann*; иврит *Tohuwabohu*; венг. *Tollpatsch*; финн. *Sauna*; норв. *Vielfraß*. В немецком интернет-лексиконе продолжает существовать некоторая неопределенность в написании англицизмов и в их интеграции в грамматическую систему. Иллюстрацией этому может служить цитата из книги немецкого журналиста и автора книги «Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod» (Дательный падеж есть смерть родительному падежу) Бастиана Зика: «с иностранными словами, какого бы они ни были происхождения, обходятся с почтением и уважением, иные люди

прикасаются к ним только в шелковых перчатках, другие касаются их лишь кончиками пальцев» [18, S. 33]. Не все иностранные слова ассимилируются в языке, те же, без которых трудно себе представить бытие современного языка, функционируют так же, как и родное слово.

Орфографическая ассимиляция заимствованных слов

Большинство существительных английского происхождения пишется со строчной буквы, в то время как при употреблении в немецком языке они подчиняются правилам немецкой орфографии, ср.: *skater – der Skater; ebook – das E-Book; team – das Team; user – der Netuser*.

Характерной особенностью современного немецкого языка является тенденция к образованию сложных слов, что диктуется стремлением языка к сжатости, лаконичной передаче смыслов. Композитные модели оформляются дефисом, что является нетипичным для немецкого языка. Дефисный способ оформления композитов, особенно в последнее время, обусловлен рядом факторов, действие которых в комплексе во многом определяет ведущие тенденции развития словообразования современного немецкого языка. Одна из возможных причин дефисного оформления кроется в статусе композитных конструкций – в степени их закрепленности в лексиконе языка. Многие из вышеназванных конструкций представляют собой окказиональные образования, ср.: *Sightseeing-Touren, Outdoor-Ziel, Activity-Deck, Dschungel-Feeling*. Дефис в соединительной функции используется особенно часто в тех композитах, в составе которых есть иностранное слово [19, с. 55–56], например: *To-do-Liste, Post-in, Ex-First-Lady, Online-Händler, Cover-Foto, One-Man-Show, Anti-Doping-Gesetz, Fitness-Studio*. Дефисные образования передают различные типы отношений, реляций между понятиями, что обогащает содержательную сторону языка. В случае с дефисными образованиями с иноязычным компонентом, как и с некомпозитными заимствованными единицами, наибольшая их частотность отмечается в таких сферах, как бизнес-экономика (*Finanz-Risk-Management-Bereich*), компьютерное дело (*Facebook-Posts, Warn-App "Nina"*), реклама (*"TopDog"-Katalog-Kollektion*), политика (*Co-Landesvorsitzende, Ex-First-Lady*), спорт (*Anti-Doping-Gesetz, Weltmeister-Coach*), мода (*Chanel-Show, Plisse-Kleider*).

Наряду с терпимым отношением к заимствованиям есть и некоторое сопротивление, желание сохранить местную, региональную или национальную идентичность, которую высоко ценят современные мобильные люди [7, S. 40–41]. Большинство населения в Германии просто не понимает новоявленные композитные конструкции с компонентом-заимствованием, т. к. они составляются нередко не по правилам словообразования ни исходного языка, откуда они пришли, ни немецкого, в котором они получают новую жизнь. Это дает лишний повод для беспокойства за будущее немецкого языка. Многие лингвисты

критикуют такие явления, поскольку они свидетельствуют о нарушении орфографических правил оформления слов, именуемом «ломка слов» (*Wörterbruch*) [12, S. 23]. Эти опасения представляются совершенно оправданными, если рассматривать слова типа *Fun und Breakfast Szene*, *Car HiFi*, *Clinique-ServiceTelefon*, *TV Gameshow-Hopper*, *Ski-Kids Corner*, *Prêt-à-porter Showdown*, *die Snack Bar*. Появление таких соединений является следствием современных общественных процессов. Многие из них, созданные «на скорую руку» из обломков фраз, отдельных слов, проникают из сферы интернет-языка, средств массовых коммуникаций, без которых невозможно представить себе современную действительность.

Сегодня нельзя отрицать: интернет-язык стал неотъемлемой частью жизни общества, что находит отражение в языке. К примеру, особенно два феномена цифрового мира послужили причиной появления таких понятий, как *Twitteratur und Twittritik*. В первом случае речь идет о слиянии двух слов *Twitter* (как известно, здесь можно выставлять короткие сообщения объемом 140 знаков) и *Literatur* (речь идет о новом виде литературы, которая представлена небольшими по объему стихами, прозой и т.д. объемом 140 знаков). Второе новообразование появилось как подобие "*Live*"-*Diskussionen* на телевидении, где осуждаются различные реалии- и кастинг-шоу³. Немцы смирились с тем, что для совершения соответствующих действий в Интернете им приходится прибегать к английскому языку. Следующая цитата отражает жизнь языка в интернет-мире: *In Netzwerken wie Facebook spricht man von Flashmobs, Shitstorm, man liket die Postings anderer User, Blogger posten ihre Fotos auf Instagram oder ihrer eigenen Website* – В таких сетях, как Facebook, говорят о флэшмобах, о гадости, любят публикации других пользователей, блоггеры публикуют свои фотографии в Instagram или на своем собственном сайте. И тем не менее европейская идентичность допускается только в том случае, если в ней можно найти свой собственный язык и культуру [7, S. 40–41].

С другой стороны, заимствованные слова дают новые образования по словообразовательной модели слияния слов или частей слов, характерной для немецкого языка: *Teamevent* (*Team+Event*), *Cibermobbingtelefon* (*cibermobbing+Telefon*). Именно эта способность немецкого языка – создавать, с одной стороны, традиционные и, с другой стороны, совершенно неожиданные комбинации – подтверждает его жизнеспособность, его глубокие корни, ср.: *die Showbühne*, *der Wellnessbereich*, *die Coachingzone*, *die Bustour*, *die Vorteilscode*, *die HypoVereinsbank*, *zum NetZoo*.

Молодежь наиболее восприимчива / подвержена всему новому, что отличало бы ее от других: *cillen*: *Wir gehen cillen* (*Wir gehen relaxen*); *Homie* (*Yo, Homie!*); *bluffen* (*man hat geblufft*). В язык немецкой молодежи англицизмы входят из различных профессиональных языков, прежде всего из языка Интернета и компьютерных технологий, поскольку

эти области развиваются так быстро, что в немецком языке не успевают образовываться свои понятия [3], ср.: *twittern* – общаться в Twitter, *posten* – отвечать на сообщения; *chatten* – беседовать, болтать; *copy-paste* – списать, скопировать содержание; *rebooten* – перезагружать компьютер; *taggen* – отмечать кого-то на фотографиях в Интернете; *surfen* – искать информацию в Интернете.

Следует заметить, что новейшие средства коммуникации – электронная почта, чаты и вебсайты – не подвержены чрезмерному влиянию английского языка. Немецкий народ, переживший перестроечные процессы в языке (например, *Rechtschreibreform*, реформа правописания 1996 г.), переживает и сражение с англицизмами, как полагает Р. Хоберг [5, S. 77]. Одна их часть обогащает немецкий язык, другая же незаметно покинет язык, поскольку немецкий язык может без ущерба для себя отказаться от них. Звучащие чужеродно и даже пародийно слова и словосочетания, содержащие следы влияния английского языка, используются, скорее, в качестве игры слов, в шутку, и не позволяют говорить о «засилье» английских заимствований в немецком языке [20, S. 129; 21].

Изменения в словарном составе как следствие заимствования из других языков

Интеграция англицизмов в немецкий язык происходит не по жестким правилам, всё зависит от длительности пребывания слова в немецком языке. Немецкий язык ассимилировал в свой словарный состав такие глаголы, как *designen*, *recyclen*, *smilen*, *simen*, *chillen*, *downloaden*, *faken*, *kidnappen*, *mailen*, *shiften*, *shoppen*, *surfen*, поскольку описываемая ими деятельность стала неотъемлемой частью действительности, придав им немецкую глагольную парадигму: *Ich designe ein Haus* – Я делаю дизайн своего дома, *du designest ein Auto* – ты делаешь дизайн автомобиля; *ich recycle Papier* – я собираю макулатуру, *du recycelst Plastik* – ты собираешь пластик. В перфекте: *Er hat ein Haus designt* – Он сделал дизайн своего дома; *Wir haben Autoreifen recycelt* – мы собрали старые шины. Сегодня спрягаются *surfen* (*ich habe gesurft* – Я искал в интернете; *surfst du mit mir?* – ты искал в интернете вместе со мной?); *shoppen* (*Hast du geshopp?* – Ты делал(а) покупки?); *mailen* (*Wir mailen Ihnen* – Мы напишем Вам E-mail); *gephotoshopt* (*photoshopped*); *wikipedieren* (*to wikipedia*).

Далеко не все заимствованные английские глаголы прижились. Это находит отражение в форме причастия второго, в которой они не получают второпричастного суффикса слабых глаголов -t, а сохраняют английский -ed: *ein frasierter Motor ist getuned*, а не *getunt*; *perfektes Timing wird getimed*, а не *getimt*. Глагол *downloaden* получает в перфекте нехарактерную для второго причастия форму *downgeloadet / gedownloadet*, а второе причастие *heruntergeladen* от немецкого глагола с тем же значением *herunterladen*. Короткие, более точные слова типа *chatten*, *scannen*, *simpen*, *stylen*,

³ Zeit-Wörter // Der Sprachdienst. 2015. № 2. S. 100–101.

pixeln / gestylt, gescannt, gepixelt, gesimpst, gechattet удобны для немецкого языка, язык их принимает, они продолжают жить в языке, пока явление не устареет / не выйдет из моды.

Английские существительные-заимствования

Род существительных, интегрированных немецким языком, может совпадать с родом немецких существительных: *der Action-Thriller (der Film), das Drei-Eltern-Baby (das Kind), das Anti-Age (das Alter), das IT-Girl (das Mädchen), das T-Car (das Auto), die Fairness (die Gerechtigkeit), die Bodybag (die Tragetasche)*. В то же время обращает на себя внимание неустойчивость в употреблении артиклей: *der / das Alcorop, die / der / das App, das / der Blog, das / der Default, der / das Download, der / das Laptop, das / der Log-in, der / das Scan, der / die / das Spam, der / das Spamfilter, das / der Weblog, die / das Website*. Выбор артикля связывают, помимо прочего, с морфологической аналогией (*der Loafer, der Beamer, der Buzzer* по суффиксу мужского рода *-er*; *das Networking, das Mentoring, das Hearing, das Dschungel-Feeling* – средний род для английского герундия по аналогии с немецким субстантивированным инфинитивом), с гендерным родом, если речь идет о людях (*der Digital Native* – человек, сформировавшийся в мире цифровых технологий, *der Blogger* – человек, ведущий блог). Большинство заимствований присваивается артикль мужского рода, в то время как слов среднего и женского рода несколько меньше [20, S. 153].

Образование множественного числа происходит преимущественно путем добавления суффикса *-s* или *-es*: *die Couch, -es, die App, -s, der Shop, -s, das IT-Girl, -s, der Job, -s, das Model, -s*. Вариативность форм наблюдаем в *die Celebrity – die Celebritys* и *die Celebrities, die Comedy – die Comedys* и *die Comedies* [12; 20]. Если слово уже оканчивается на *-s*, то дополнительный суффикс не требуется: *der Babyblues*. Другие существительные получает *-s* факультативно, следуя правилам немецкого языка (слова, оканчивающиеся на *-er*, не получают дополнительного суффикса во множественном числе), или не получает его вообще⁴: *der Best Ager, -[s], der Loafer, =, der Blogger, =, der Youngster, =*. Родительный падеж у слов мужского рода образуется согласно немецким нормам при помощи флексии *-s*, но в некоторых случаях такое окончание факультативно: *das Post-in, -[s], das Biopic, -[s], das E-Book, -[s], das Quiz, -[s], das Skype, -[s], der USB, -[s]*. Нулевое окончание форм родительного падежа у слов иностранного происхождения не считается нормой, оно допускается только у имен нарицательных и аббревиатур⁵.

Синтагматика заимствованных прилагательных

Специфические особенности имени прилагательного (семантика, звуковая форма) вызывают определенные ассоциации, создают атмосферу места действия и фон, на котором разворачиваются события [22, с. 20], например: *Mit einer fabelhaft bluesigen* (ср. *wie in Blues* – как в блюзе), *verblüffend sicheren Stimme stimmte die 16-jährige Britin Joss Stone... an, aber auch clevere* (ср. *begabt* – креативный, талантливый) *Funk-Adaption der Rocknummer...*⁶ – Сказочно блюзовым, удивительно уверенным голосом 16-летняя британка Йос Стоун начала петь рок-номер, более креативно адаптированный в стиле «фанк». Немецкий грамматист Й. Эрбен [11, S. 108] обратил внимание на тенденцию пополнения словарного запаса прилагательных за счет производных от глагола форм в немецком языке. Такие прилагательные характеризуют существительное как величину, которой присущ процессуальный признак, как склонность или тенденция к процессу. Й. Эрбен приводит примеры замещения отглагольных прилагательных (*bescheiden, erhaben, gediegen*) в немецкой глагольной системе глаголами (*beschieden, erhoben, gediehen*). Несмотря на то, что форма английского первого причастия сходна с немецкой (*Partizip I: weinend, kochen-kochend*), однако, довольно проблематично использование английских первопричастных форм в качестве определения, например: *Was soll ich denn tun! Meine Ausgaben sind so horrend, daß ich für meinen eigenen Gebrauch nicht einen Pfennig übrig habe*⁷ – Что же мне делать? Мои траты так ужасно велики, что у меня не осталось ни копейки на собственные нужды. Прилагательное *horrend* (от существительного *Horror*, нем. *Schrecken*) уподобилось немецким причастиям первым (*Partizip I: weinend, sprechend*), нередко выполняющим функцию определения. В отличие от них, *horrend* несет ударение на втором слоге, что нетипично для немецкого первого причастия.

Прилагательное в функции определения несет информацию о другом грамматически господствующем члене предложения. Через синтаксическую связь – сочинение – прилагательное информирует о категориях имени существительного, например, входящие в субстантивный узел прилагательные не просто выражают признак предмета (форма, цвет, размер, вкус, запах, количество, принадлежность и пр.), они выполняют предикативную функцию в рамках предложения, например: *Zehnmal hat Janna jetzt gesungen: Es war die rotenrose grandiose und famose* (ср. *bekannt* – известный) *Trainingshose, die war hip* (ср. *eng in Hüften* – облегающий бедра) *und war so richtig cool*⁸ (ср. *Klasse, Stütze* – классный, крутой) – Янна пела уже десятый раз: Это были ярко розовые выдающиеся и известной марки тренировочные штаны, они были в бедрах облегающие и по-настоящему крутые. В немецком языке в синтаксической функции препозитивного определения,

⁴ Знак = обозначает, что форма множественного числа совпадает с формой единственного числа.

⁵ Duden. Deutsche Grammatik. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2011. S. 199–200.

⁶ Mit Deutsch durchs Jahr. Sprachkalender // Deutsch als Fremdsprache. München: Hueber-Verlag, 2019. S. 99.

⁷ Langenscheidt Sprachkalender 2019. Deutsch als Fremdsprache. München; Wien: Langenscheidt. S. 100.

⁸ Stern. 2004. № 18. S. 172.

как правило, представлены качественные (нем. *rot, blau, grün, breit, lang, klein, warm, dick, häßlich*) и качественно-относительные прилагательные. В логической интерпретации качественные прилагательные относятся к т. н. чистым, или классическим предикатам, обозначающим собственно признак (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф). Наши наблюдения показали, что лишь незначительная часть прилагательных, заимствованных из других языков, выполняет функцию определения: *queer* (англ. *strange, poncey, effeminate*; нем. *seltam, homosexuell, weibisch*): *die Forschungsrichtung der Queeren Linguistik*; *eine Aufnahme queerer Elemente*; *ein queerer Ansatz* – странный подход [23, С. 40–41]. Прилагательные, заимствованные из английского языка, не вызывают затруднений при употреблении в предикативной функции, например: *In den Alpen ist der Sport zurzeit "mega-in"* (нем. *sehr modern* – очень популярный) – в Альпах этот спорт сейчас мега-популярный; *Meine Eltern sind total cool* (нем. *toll* – очень хорошие) *und erlauben mir am Wochenende bis 1 Uhr wegzubleiben*⁹ – Мои родители очень хорошие, они разрешают мне в выходные задерживаться до 1 часа ночи; *Die beiden dürfen in der Schule fehlen, aber nur solange ihre Noten okay* (gut – хороший, в порядке) *sind* – Обе (оба) могут отсутствовать в школе, но только пока у них оценки в порядке.

Причина такого дифференцированного поведения заимствованных прилагательных может таиться в их фонетическом характере, поскольку усвоение флексий, как в немецком языке, этими прилагательными невозможно: *das scheint passe* (нем. *archaisch, überholt, unmodern* – устаревший, архаичный, старомодный); *längst gilt als trendy* (нем. *modisch* – модный). Лишь некоторые англоязычные прилагательные образуют полную парадигму (склоняются, образуют степени сравнения), как всякое немецкое прилагательное: *aber auch clevere* (нем. *begabt* – креативный, талантливый) *Funk-Adaption der Rocknummer...* – более креативная адаптация рок-номера в стиле «фанк»; *softeres / das softeste Waschmittel* (нем. *fein, das feinste* – мягкий, наиболее мягкий) – наиболее мягкое моющее средство; *Kunden der insolventen* (нем. *unzahlbar* – неплатежеспособный) *Fluggesellschaft Germania* – клиенты неплатежеспособной авиакомпании «Германия». Заимствованные прилагательные в комбинации со словообразовательными элементами

немецких прилагательных (*defaultmäßig, fluffig, handyfrei, webweit, suboptimal*) и наречия (*undercover, all-inclusive*) также функционируют по правилам немецкого языка: *investigativer Journalismus* – расследовательская журналистика; *ein suboptimales Habitat* – субоптимальная среда обитания; *der digitale Vorteil* – цифровое преимущество; *handyfreie Zonen* – зоны, свободные от мобильного телефона; *undercover arbeiten* – работать под прикрытием; *wir reisen all-inclusive* – мы путешествуем «всё включено»; *der Service funktioniert auch offline* – сервис функционирует оффлайн; *das war so perplex* – это так озадачивало.

Заключение

В условиях глобализационных процессов в общественной жизни немецкий язык претерпевает изменения. Сенсибилизация к иноязычной лексике свидетельствует о степени сформированности языкового сознания общества, что подтверждает, например, объявленный Международный конкурс «Лучшее заимствованное слово» (*Wörter mit Migrationshintergrund – das beste eingewanderte Wort*), по результатам которого была опубликована книга под редакцией доктора филологических наук, профессора Ю. Лимбах [24]. В новом тысячелетии многие ученые выступают за сохранение национальной идентичности языков, что не исключает владения двумя и более иностранными языками. Есть уверенность, что меры, предпринимаемые правительством и общественными институтами, поспособствуют защите и сохранению европейских языков с высоким коммуникативным рангом, и они станут предметом более интенсивных академических исследований.

Современные заимствования чаще всего заполняют лакуны в тех случаях, когда язык не поспевает за быстро развивающимися технологиями, процессами, явлениями. Многие иностранные слова при более пристальном рассмотрении относятся к профессиональному языку разных сфер (компьютерные технологии, биология, медицина, методика, дидактика, политика или кулинария). Иноязычные заимствования сенсибилизируются и остаются, ассимилируясь в немецком языке, попадая в толковый словарь и обогащая немецкий язык.

Литература

1. Елистратов В. С. Глобализация и национальный язык // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4. С. 21–27.
2. Кирилина А. В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 136–142.
3. Moraldo S. M. Anglizismen in Weblogs von Jugendlichen // Sprachkontakt und Mehrsprachigkeit. Zur Anglizismendiskussion in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Italien / Hg. von S. M. Moraldo. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008. S. 107–133.
4. Schlobinski P. Anglizismen im Internet. Networx, 2000. № 14. 28 S. Режим доступа: <http://www.mediensprache.net/networx/networx-14.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).
5. Hoberg R. Sieben "sanfte Imperative" zur deutschen Sprache // Der Sprachdienst. 2016. № 2. S. 74–77.

⁹ Juma. 2005. № 4. С. 34–35.

6. Neuner G. Mehrsprachigkeitskonzept und Tertiärsprachendidaktik // Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch / Hg. Von B. Hufeisen, G. Neuner. European Centre for Modern Languages, 2003. S. 13–34.
7. Krumm H.-J. Sprachenpolitik und Mehrsprachigkeit // Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch / Hg. Von B. Hufeisen, G. Neuner. European Centre for Modern Languages, 2003. S. 35–49.
8. Hallet W. Mehrsprachiges Lernen im Fremdsprachenunterricht: Ebenen und Arten des sprachenvernetzenden Lernens // Lernerorientierte Fremdsprachenforschung und – didaktik: Festschrift für Frank G. Königs zum 60. Geburtstag / Hg. S. Hoffmann, Stork A. Tübingen: Narr, 2015. S. 33–44.
9. Штейнке К. Глобализация – регионализация и лингвистика // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязычные процессы / отв. ред. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 249–258.
10. Stickel G. Deutsche und europäische sprachliche Interessen // Muttersprache. 2007. № 2. S. 134–144.
11. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1961. 226 S.
12. Zimmer D. E. Deutsch und anders. Die Sprache im Modernisierungsfieber. Hamburg: Rowohlt, 1997. 384 S.
13. Пискарева А. А. Языковые средства глобализации (на материале функционирования англицизмов в немецком языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 233 с.
14. Загладин Н. В. Глобализация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9. С. 3–25.
15. Morkötter S. "Language Awareness" und Mehrsprachigkeit. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2005. XIV+346 S.
16. Glahn R. Englisch im gesprochenen Deutsch – Einfluss und Bewertung // Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Thema Deutsch. Bd. 3 / Hg. R. Hoberg. Mannheim: Dudenverlag, 2002. S. 220–233.
17. Heyer L. Das Jugendportal des Deutschen Bundestages. Das Interview mit P. Schlobinski // Der Sprachdienst. 2017. № 1. S. 37–39.
18. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2004. 240 S.
19. Муратова С. В. Функциональный потенциал дефиса в современном немецком языке // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранного языка и русского языка: сб. науч. тр. по мат-лам II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 января 2018 г.) М.: Открытое знание, 2018. С. 52–56.
20. Yang W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins "Der Spiegel" (Reihe Germanistische Linguistik. Bd. 106). Tübingen: Niemeyer, 1990. 246 S.
21. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. Opladen: WdV, 1993. 242 S.
22. Лобановская Е. В. Синтагматика имён прилагательных в романе Кати Ланге-Мюллер «Скверные овцы» ("Böse Schafe", Katja Lange-Müller) // Языкознание, филология и лингвистика: актуальные вопросы теории и практики; сб. науч. тр. по мат-лам I Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 30 апреля 2017 г.) С. 17–24.
23. Heinrich R. Queer Linguistik: Notwendigkeit oder Provokation? // Der Sprachdienst. 2019. № 1. S. 40–42.
24. Wörter mit Migrationshintergrund – das beste eingewanderte Wort / Hg. von Prof. Dr. J. Limbach. Ismaning: Hueber Verlag, 2008. 149 S.

original article

Morphological Characteristics of English Borrowings in the German Language in the Globalization Era

Elena V. Lobanovskaya^{a, @, ID1}; Svetlana V. Muratova^{a, ID2}

^a Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod

@ lobanovskayaev@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-9487-075x>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-4706-4717>

Received 08.01.2020. Accepted 25.03.2020.

Abstract: The article reveals the role of a foreign language / languages in the context of linguistic globalization and multiculturalism. The research featured the current attitude of German society to foreign languages and cultures. The authors believe that there is no contradiction between the modern multilingualism requirements and the promotion of German in the European community as a wholesome and stable language. As borders between languages become transparent, the development of linguistic consciousness acquires a special role. The research objective was to identify the motives behind borrowing that result from the needs of modern European community. The authors also explained the cases of incomplete or impossible assimilation of borrowings in German. They revealed some characteristics of English borrowings in German. For instance, hyphenation

refers to the spelling of nouns borrowed from English. English verbs acquire German forms of weak verbs and their conjugation endings. Most borrowed nouns proved to have an unstable grammatical gender, while some of them are likened to German nouns and receive inflections. The syntagmatics of English adjectives is determined by English phonetics. The authors believe that the study of linguistic globalization will be useful to those interested in the development of European languages.

Keywords: linguistic globalization, linguistic consciousness, assimilation of borrowings, hyphenated borrowing model, paradigm of English borrowings, syntagmatics of borrowed words

For citation: Lobanovskaya E. V., Muratova S. V. Morphological Characteristics of English Borrowings in the German Language in the Globalization Era. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 525–532. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-525-532>

References

1. Elistratov V. S. Globalization and national language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2006, (4): 21–27. (In Russ.)
2. Kirilina A. V. Globalization and language fates. *Voprosy psikholingvistiki*, 2013, (17): 136–142. (In Russ.)
3. Moraldo S. M. Anglizismen in Weblogs von Jugendlichen. Sprachkontakt und Mehrsprachigkeit. *Zur Anglizismendiskussion in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Italien*, Hg. von Moraldo S. M. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008, 107–133.
4. Schlobinski P. Anglizismen im Internet. *Networx*, 2000, no. 14, 28. Available at: <http://www.mediensprache.net/networx/networx-14.pdf> (accessed 20.10.2019).
5. Hoberg R. Sieben "sanfte Imperative" zur deutschen Sprache. *Der Sprachdienst*, 2016, (2): 74–77.
6. Neuner G. Mehrsprachigkeitskonzept und Tertiärsprachendidaktik. *Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch*, Hg. Von Hufeisen B., Neuner G. European Centre for Modern Languages, 2003, 13–34.
7. Krumm H.-J. Sprachenpolitik und Mehrsprachigkeit. *Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch*, Hg. Von Hufeisen B., Neuner G. European Centre for Modern Languages, 2003, 35–49.
8. Hallet W. Mehrsprachiges Lernen im Fremdsprachenunterricht: Ebenen und Arten des sprachenvernetzenden Lernens. *Lernerorientierte Fremdsprachenforschung und – didaktik: Festschrift für Frank G. Königs zum 60. Geburtstag*, Hg. Hoffmann S., A. Stork. Tübingen: Narr, 2015, 33–44.
9. Steinke K. Globalization: regionalization and linguistics. *Globalization and Ethnization: Ethnocultural and Ethnic-Language Processes*, ed. Neshchimenko G. P. Moscow: Nauka, 2006, book 1, 249–258. (In Russ.)
10. Stickel G. Deutsche und europäische sprachliche Interessen. *Muttersprache*, 2007, (2): 134–144.
11. Erben J. *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin: Akademie-Verlag, 1961, 226.
12. Zimmer D. E. *Deutsch und anders. Die Sprache im Modernisierungsfieber*. Hamburg: Rowohlt, 1997, 384.
13. Piskareva A. A. *Linguistic means of globalization (based on the case of English borrowings in German)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2015, 233. (In Russ.)
14. Zagladin N. V. Globalization in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2002, (9): 3–25. (In Russ.)
15. Morkötter S. "Language Awareness" und Mehrsprachigkeit. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2005, XIV+346.
16. Glahn R. Englisch im gesprochenen Deutsch – Einfluss und Bewertung. *Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Thema Deutsch. Bd. 3*, Hg. Hoberg R. Mannheim: Dudenverlag, 2002, 220–233.
17. Heyer L. Das Jugendportal des Deutschen Bundestages. Das Interview mit P. Schlobinski. *Der Sprachdienst*, 2017, (1): 37–39.
18. Sick B. *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod*. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2004, 240.
19. Muratova S. V. The functional potential of the hyphen in modern German. *New in linguistics and methods of teaching a foreign language and the Russian language: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, January 30, 2018*. Moscow: Otkrytoe znanie, 2018, 52–56. (In Russ.)
20. Yang W. *Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins "Der Spiegel" (Reihe Germanistische Linguistik. Bd. 106)*. Tübingen: Niemeyer, 1990, 246.
21. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. *Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit*. Opladen: WdV, 1993, 242.
22. Lobanovskaya E. V. Syntagmatics of adjectives in the novel of Kati Lange-Müller "The Bad Sheep". *Linguistics, philology, and linguistics: relevant issues of theory and practice: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, April 30, 2017*. Nizhny Novgorod, 2017, 17–24. (In Russ.)
23. Heinrich R. Queer Linguistik: Notwendigkeit oder Provokation? *Der Sprachdienst*, 2019, (1): 40–42.
24. *Wörter mit Migrationshintergrund – das beste eingewanderte Wort*, Hg. von Prof. Dr. Limbach J. Ismaning: Hueber Verlag, 2008, 149.

Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов *земля* и *earth / land*

Елена А. Мошина^{а, @, ID}

^а Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург

@ moshina@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

Поступила в редакцию 19.03.2020. Принята к печати 16.04.2020.

Аннотация: Статья посвящена анализу соматических концептуальных метафор в русской и английской лингвокультурах. Объектом исследования выступают два макроконцепта: *земля* и *earth / land*. Предмет – авторские тексты с включенными репрезентантами исследуемых макроконцептов. Материал исследования собран в Национальном корпусе русского языка и Библиотеке Гуттенберга. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объяснения существования целого набора соматических метафор земли в изучаемых лингвокультурах. Новизна заключается в обращении к фактам русской и английской лингвокультур в описании соматического кода в рамках исследования макроконцептов *земля* и *earth / land*. Соматизмы выражаются посредством традиционных противопоставлений, обусловленных культурой русского и английского народов: правая сторона / левая сторона; внутреннее / внешнее; мужское / женское; единичность / множественность. Однако соматический код проявляется не только в дихотомии, но и трихотомии: передняя часть / боковая часть / задняя часть; верх / середина / низ; центр / связующие элементы / периферия. Важной чертой сравниваемых лингвокультур является наделение земли признаками одушевленности и одухотворенности. Русский макроконцепт *земля* объективируется соматическими признаками: бок, глаза, грудь, кишки, кость, кровь, ладони, лицо, лоно, пол, пуп, рот, руки, сердце, спина, тело, хребет, чрево / утроба. Английский макроконцепт *earth / land* актуализируется соматическими признаками: бок, грудь, кишки, кровь, лицо, лоно, пол, пуп, рот, руки, седалище, сердце, талия, тело, хребет, чрево / утроба.

Ключевые слова: антропоморфизм, код культуры, категоризация, концептуализация, концепт, метафора, метонимия, образные концептуальные признаки, соматизмы

Для цитирования: Мошина Е. А. Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов *земля* и *earth / land* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 533–540. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540>

Введение

Человек воспитывается культурой, познает и одновременно создает ее. В процессе познания человек категоризирует окружающую действительность на основе культурных кодов, некоей системе координат, в которой отражены архетипические представления о мире и ценности носителей языка. В качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности, объединенная определенным категориальным свойством. При переносе характеристик из одного кода в другой возникает метафора.

Одним из актуальнейших вопросов современной лингвистики является отображение картины мира через коды лингвокультур. Этому вопросу посвящен ряд работ [1–7]. Появились работы, в которых рассматриваются особенности вегетативного [8], антропоморфного [9], предметного [10], земледельческого [11] и других кодов лингвокультур. Под *кодом культуры* «понимается макросистема

характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. При переносе в языке характеристик из одного кода в другой возникает метафора или метонимия» [12, с. 125].

Термин *код культуры* используется в значении системы «знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, которые стали носителями культурных смыслов» [2, с. 9]. В аспекте кодов лингвокультуры описывается синтез языковых знаков и символов. Набор кодов лингвокультуры универсален. При этом их актуализация, смысл, способы реализации посредством метафор национально специфичны. Особенно это заметно при сопоставлении нескольких языковых картин мира.

Среди изысканий по кодам лингвокультуры особое место занимают исследования соматических концептов и соматического кода [13–21]: в русской языковой картине

мира [22–24], в других языковых картинах мира – лезгинской [25], алтайской [26], украинской [27], в сопоставлении нескольких языков [28; 29]. Появилось целое направление в лингвокультурологических исследованиях – лингвосоматика [30].

Принятая в лингвистике антропоцентрическая парадигма допускает в качестве исходной модели – точки отсчета при категоризации – тело. В соответствии с этой моделью происходит концептуальное конструирование всего мира в целом и его фрагментов. Познание осуществляется через параметры тела. Антропоморфная концептуализация мира является первичной: здесь речь идет об антропоморфной концептуальной метафоре, привычной для описания объектов физического мира.

Коды лингвокультуры рассматривались на материале авторских картин мира. Стихия земли была описана на материале языка поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной в диссертации С. В. Петровой [31]. Коды культуры и особенности концептуализации сердца в произведениях С. А. Есенина описаны в статье М. В. Пименовой [32]. Поэтике соматизмов в творчестве Б. Ахмадулиной посвящена диссертация Д. М. Плужниковой [33]. Е. Н. Сычева изучила соматизмы в поэтических текстах Ф. И. Тютчева и в составе фразеологических единиц [34], А. А. Хадынская – поэтику телесности в лирике Г. Иванова [35].

Данная статья посвящена анализу соматических концептуальных метафор в русской и английской лингвокультурах. Объектом выступают два макроконцепта – *земля* и *earth / land*, предметом – авторские тексты с включенными репрезентантами исследуемых макроконцептов. Материал собран в Национальном корпусе русского языка¹ и Библиотеке Гуттенберга². Актуальность обусловлена необходимостью объяснения существования целого набора соматических метафор земли в изучаемых лингвокультурах. Научная новизна заключается в обращении к фактам русской и английской лингвокультур в описании соматического кода в рамках исследования макроконцептов *земля* и *earth / land*. Работ в сравнительно-сопоставительном аспекте, посвященных данному вопросу, в современной лингвистике не отмечено.

Результаты

Каждый код лингвокультуры является частью семиотической системы, для которой характерна бинарность. Семиотика культуры в описании тела земли задает стереотипные оппозиции: передняя часть / задняя часть (глаза, грудь, лицо, пуп, рот, седалище, спина); правая сторона / левая сторона (бок, ладони, руки); внутреннее / внешнее (талия, тело, лоно, кишки, кость, кровь, сердце, чрево / утроба); мужское / женское (пол). Когнитивные признаки, выражающие части тела, культурно обусловлены: «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка

ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» [26, с. 6].

Противопоставление «верх / низ» при концептуализации тела земли заменяется на трихотомию «верх / середина / низ». К верхней части относятся признаки: лицо, глаза, рот, грудь, бок. Среднюю часть тела земли характеризуют признаки: ладони, пуп, руки, спина, талия, чрево / утроба. Для описания нижней части свойственны признаки: лоно, пол, седалище. Как видим, основная часть когнитивных признаков выражает значения верхней и передней частей тела. «Телесно-функциональное и культурное доминирование верха и передней части тела обусловлено расположением в этой части соматической территории наиболее важных для жизнедеятельности органов и частей тела: головы, лица и рук» [28, с. 90].

Разделение тела земли не на две, а на три части связано с еще одной дихотомией: центр / периферия. На центр указывают признаки: пуп, сердце, чрево / утроба. Центр земли обозначен не одной точкой, а несколькими. Эти точки передают разные культурные смыслы. Такая часть человеческого тела, как пуп, «при кажущейся незначительности также приобрела целый ряд культурных ассоциаций и символических смыслов. Издавна пупок считается центром человеческого тела, его серединой, например, Витрувианский человек – рисунок Леонардо да Винчи – представляет собой тело человека, вписанное в круг и квадрат, с центром в пупе» [13, с. 240–241]. Сердце – это средоточие души [16, с. 29]. Чрево / утроба – это матка, где зарождается новая жизнь. Все эти культурные смыслы чрезвычайно значимы для носителей русского и английского языков при концептуализации земли.

Периферию тела обозначают признаки: бок, глаза, грудь, ладони, лицо, лоно, пол, рот, руки, седалище, спина, талия, тело. Остальные когнитивные признаки реализуют значение связующих элементов тела: кишки, кость, кровь, хребет. Дихотомия «центр / периферия» трансформируется в трихотомию «центр / связующие элементы / периферия».

Дихотомия «единичность / множественность» требует особого разъяснения. Параметризация единичности свойственна признакам: грудь, лицо, лоно, пол, пуп, рот, седалище, сердце, спина, талия, тело, чрево / утроба. Множественность в сравниваемых лингвокультурах представлена либо грамматической формой множественного числа слов, актуализирующих признак макроконцепта (кость), либо словами со значением парности (бок, глаза, ладони, руки), либо признаками неисчисляемости (кишки, кровь).

По аналогии с человеческим телом осуществляется концептуализация земли. Это явление объясняется архаичными мифами о Великой Богине-матери [36]. Ее образы читаются в именах изучаемых макроконцептов: *Земля-матушка* и *Motherland*. В этих образах и соответствующих когнитивных признаках проявляются черты мифопоэтического

¹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 17.04.2020).

² Free eBooks – Project Gutenberg. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения: 17.04.2020).

сознания носителей русского и английского языков: «через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры)» [37, с. 6].

Соматизмы реализуют особые культурные смыслы, в которых выражается телесный код лингвокультуры. Соматический код лингвокультуры образует вторичную знаковую систему. В этом коде существуют

как универсальные, так и специфические черты разных языковых картин мира, отражающих ментальность национальных лингвокультурных сообществ.

В ходе анализа языкового материала была составлена таблица, в которой представлен список соматических признаков макроконцептов *земля* и *earth / land*. Всего было выделено 20 соматических признаков концептов. Соматический код исследуемых лингвокультур имеет отличия в способах концептуализации тела земли.

Табл. Примеры репрезентации соматических признаков макроконцептов *земля* и *earth / land* в языке

Tab. Examples of language representation of the somatic signs of macroconcepts *zemlya* and *earth / land*

Признак	Земля	Earth / Land
бок	<i>Боком вся земля повернулась!</i> (Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии)	<i>Earth turned</i> in her sleep with pain, Sultrily suspired for proof... (Browning R. A serenade at the villa)
глаза	<i>И земля, не глядя, видит и говорит: – Прости ему, Боже!</i> (Седакова О. А. Земля)	–
грудь	<i>И текли эти слезы, текли свободно, без усилий, без гримас, как течет созревший источник из переполненной груди земли-матери.</i> (Салтыков-Щедрин М. Е. Невинные рассказы)	<i>Ah! still wandering in the bands Of love? Now this is cruel. Since the hour I met thee in earth's bosom, all my power Have I put forth to serve thee.</i> (Keats J. Teignmouth)
кишки	<i>Один раз сын копался в мокрой после ливня клумбе и вдруг сказал, что дождевые черви – это кишки земли.</i> (Шишкин М. П. Венерин волос)	<i>That the Magnetick Virtue does not extend beyond the Distance of four Miles, and that the Mineral which acts upon the Stone in the Bowels of the Earth...</i> (Swift J. Gullivers Travels)
кость	<i>Пусть дурачась, грызет эту грубую ось, на которой друг с другом срастались и Земля и Луна, как берцовая кость, и, гремя, по вселенной катались!</i> (Парщиков А. М. Псы)	–
кровь	<i>Полукруглые козьи копыта выступают, как кровь, из земли.</i> (Кекова С. В. Ах, какой мне водою умыться...)	<i>I stand alone, in desert space, and look around me, from the blood-stained earth where the heart of my heart lies buried, to the void and awful heaven that is left unto me, desolate.</i> (Voynich E. L. The Gadfly)
ладони	<i>Отдохните, птицы, отдохните... На ладонях матери-земли.</i> (Кузнецов Ю. П. Птицы)	–
лицо	<i>Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными...</i> (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Трудно быть богом)	<i>Then the favourite and this bad woman were publicly married by the King's pet bishop, with as much to-do and rejoicing, as if he had been the best man, and she the best woman, upon the face of the earth.</i> (Dickens Ch. A Child's History of England)
лоно	<i>И вышли наружу из лона земли Подземные реки.</i> (Кузнецов Ю. П. Любила другого, а стала моей...)	<i>Shot down direct his fervid rays, to warm Earth's inmost womb, more warmth than Adam needs'...</i> (Milton J. Paradise Lost)
пол	<i>Неслучайно его христианские представления так неразрывно сплетены с древними культами Ярилы-Солнца и Матери-Земли.</i> (Грачева И. Храм над Окой)	<i>Oh woman-country, wooed not wed, Loved all the more by earth's male-lands, Laid to their hearts instead!</i> (Browning R. By the fire-side)
пуп	<i>В Европу, в Индию ли, в Палестину, где пуп Земли, а мы всегда не там...</i> (Кривулин В. Б. Пока мы избранные рай)	<i>But as to the celestial Pole there corresponds a terrestrial one, so it is only natural that to the term the "Navel of Heaven" there should be the corresponding expression the "Navel of the Earth."</i> (Warren W. F. Paradise Found)

Признак	Земля	Earth / Land
рот	Но Пеля стал просить у земли помощи, и земля выпила всю воду, которая вышла у подножия гор ключами. (Иванов А. В. Сердце Пармы)	Now while the earth was drinking it, and while Bay leaves were crackling in the fragrant pile... (Keats J. Teignmouth)
руки	Зевс-Агамемнон ведь погибает от руки Земли -Кли-темнестры ... (Зелинский Ф. Ф. Идея нравственно-го оправдания)	Surely, on this earth of such wild beauty, one was meant to hold rapture to one's heart, as this earth and sky held it! (Galsworthy J. The Apple Tree)
седалище	–	Earth sitting still, when she alone receives The benefit. (Milton J. Paradise Lost)
сердце	Вот увидите: просверлим мы гору до сердца, и когда коснемся его, – оно сожжет нас, бросит нас в огонь, потому что сердце земли – огненное, это знают все! (Горький М. Сказки об Италии)	His authority extended wider and wider every day; and a new empire grew up in the very heart of the land , forming a counterpoise to the colossal power which had so long overshadowed it. (Prescott W. H. The history of the conquest of Mexico)
спина	Иди навстречу мне по воздуху, по сгорбленной спине земли , по неживому океану ... (Кекова С. В. Слова слетают с кончика пера ...)	–
талия	–	I'll put a girdle round about the earth In forty minutes. (Shakespeare W. A Midsummer Night's Dream)
тело	Эта земля, свернувшаяся в калачик ... (Айзенберг М. Н. В этом лесу проходит граница пыли ...)	Let us be unashamed of soul, As earth lies bare to heaven above! (Browning R. Two in the Campagna)
хребет	Вокруг изумрудные луга, пониже темно-зеленые непроходимые леса, а наверху сверкают снежными вершинами горные хребты . (Искандер Ф. Случай в горах)	Jordan, true limit eastward; but his sons Shall dwell to Senir, that long ridge of hills . (Milton J. Paradise Lost)
чрево / утроба	Но Адаму ведомо, и Еве, что в земле младенец спит, как в чреве , и легка твоя дорога в ад. (Кекова С. В. Надо мною жук летает майский ...)	His sister's sorrow; and his wanderings all, Until into the earth's deep maw he rush'd: Then all its buried magic, till it flush'd High with excessive love. (Keats J. Teignmouth)

Концептуализация земли связана и с противопоставлением «материальное / нематериальное». В русской и английской лингвокультурах у земли есть душа и дух: Тело Земли и тела земляны плоды земного цвета, а **одушевленный Дух и одухотворенная Душа Земли** и земляны – плоды Света Божия. Они **нерасторжимы** (Васильева Л., Правоторов В. Весть Василисы, или Тайна, открытая всем); *And with the pale leaves of some autumn day The soul earth's earliest conqueror becomes earth's last great prey* (Wilde O. Panthea); *Then, his eye wild ardours glancing, From the choired gods advancing, The Spirit of the Earth made reverence meet, And stood up, beautiful...* (Coleridge S. Stanza IV). «Культурное доминирование телесного верха обусловлено в значительной мере тем, что именно верхняя часть тела отображена культурой в качестве места обитания души и как территория духовного общения» [28, с. 92].

Язык считается базовым кодом семиосферы (по Ю. М. Лотману). Заложенные в кодах лингвокультуры смыслы становятся особым способом категоризации, концептуализации мира. В национальном языке культура запечатлевает знаковые формы для передачи закрепленных смыслов.

Выводы

Соматизмы выражаются посредством традиционных противопоставлений, обусловленных культурой русского и английского народов: правая сторона / левая сторона; внутреннее / внешнее; мужское / женское; единичность / множественность. Кроме того, сравниваемые лингвокультуры показывают несколько иную, чем принято считать, категоризацию земли. Вместо привычных дихотомий, соматический код использует расширенные их варианты – трихотомии: передняя часть / боковая часть / задняя часть; верх / середина / низ; центр / связующие элементы / периферия. Важной чертой сравниваемых лингвокультур является наделение земли признаками одушевленности и одухотворенности.

Русский макроконцепт земля объективируется 18 соматическими признаками: бок, глаза, грудь, кишки, кость, кровь, ладони, лицо, лоно, пол, пуп, рот, руки, сердце, спина, тело, хребет, чрево / утроба. Английский макроконцепт *earth / land* актуализируется 16 соматическими признаками: бок, грудь, кишки, кровь, лицо, лоно, пол, пуп, рот, руки, седалище, сердце, талия, тело, хребет, чрево / утроба.

Заключение

Человек является мерилем окружающего мира. Свое культурное пространство мы кодируем, опираясь на эталонную меру всех вещей (по Протагору) – свое тело. Соматизмы – основной источник культурной интерпретации микро- и макрокосмоса. Земля, на которой живет человек, уподобляется ему, его телу. При этом она не просто живая, она одушевлена и одухотворена. Плодородие, основной признак земли, послужило основой интерпретации ее функций – материнства и кормления человека. Во-первых, это объясняется земледельческой основой

культуры русского и английского народов. Во-вторых, концептуализация мира отличается по признакам культурной значимости. В описаниях телесности земли актуальны только те признаки, которые перешли в символику лингвокультуры. Соматический код отображает те важные точки телесности, которые являются знаковыми. Такие точки тела человека задействованы при исполнении им обрядов и ритуалов, связанных с культом Земли-матери (клятвы, земные поклоны, моления, приветствия, благодарность и восхваление). В основе соматических метафор находится метонимический перенос.

Литература

1. Мошина Е. А. Гендерные и теоморфные признаки мифологемы Земля-мать в русской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 251–257. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257
2. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
3. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.
4. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды культуры в пространстве языка. СПб.: СПбГУ, 2015. Вып. 9. 148 с.
5. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 177 с.
6. Пименова М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы / гл. ред. А. В. Кравченко. М.: Гнозис, 2006. С. 172–187.
7. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 79–86.
8. Пименова М. В. Вегетативный код как способ описания внутреннего мира человека // *Ethnohermeneutik und Anthropologie* / Hg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 95–102.
9. Мошина Е. А., Бакирова А. А., Бекмурзаева Ф. Ш. Реализация антропоморфного кода в структуре ландшафтного, анималистического и космического концептов в русской лингвокультуре // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. Вып. 16. С. 64–71.
10. Красных В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.) М., 2003. С. 146–148.
11. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Земледельческий код в описании внутреннего мира человека (опыт исторического описания) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 2. С. 46–53.
12. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта; Наука, 2011. 176 с.
13. Башкатова Ю. А. Символические признаки соматических концептов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 239–246.
14. Масалева Н. В. Соматизмы в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 14 с.
15. Петрухина М. В. Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 260 с.
16. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
17. Попова А. Р. Об одной из особенностей соматической фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6-2. С. 321–326.
18. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2011. № 2. С. 80–85.
19. Ко Ч. И. Плоть и ее религиозные смыслы // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК» / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. Вып. 5. С. 58–70.
20. Шатин Ю. В. Концепт *сердце* и его художественная деконструкция в русской поэзии XX века // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 189–196.
21. Шмелев А. Д. Дух, душа и тело // Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Яз. славян. культуры, 2005. С. 133–152.
22. Мошина Е. А. Реализация метафорической модели *земля-мать* в русской языковой картине мира // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. ст. к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков. (Санкт-Петербург, 21 июня 2019 г.) СПб., 2019. Вып. 23. С. 135–140.
23. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3–16.

24. Цуй С. Концепты *тело, душа и дух* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 28 с.
25. Насруллаева А. К. Деривационные связи соматизмов в словарном составе лезгинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2015. 22 с.
26. Ойноткинова Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 5–14.
27. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психологнітивний та етнокультурний аспекти). К.-Черкаси: Брама, 2004. 276 с.
28. Башкатова Ю. А. Соматический код в английской и русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-2. С. 90–94.
29. Смирнова Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24. № 2. Ч. 1. С. 203–208.
30. Харченко В. К., Плужникова Д. М. Лингвосоматика: обозначение частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной. М.: URSS, 2015. 224 с.
31. Петрова С. В. Стихия ЗЕМЛЯ в языке поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 156 с.
32. Пименова М. В. Коды культуры и особенности концептуализации *сердца* в произведениях С. А. Есенина // Культура и текст. 2005. № 8. С. 212–222.
33. Плужникова Д. М. Поэтика соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2017. 207 с.
34. Сычева Е. Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф. И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 289–293.
35. Хадынская А. А. Поэтика телесности в лирике Георгия Иванова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 80–87.
36. New researches on the religion and mythology of the pagan Slavs / ed. P. Lajoye. Lingva, 2019. 224 p.
37. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19

original article

Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts *Zemlya* and *Earth / Land*

Elena A. Moshina^{a, @, ID}

^a Military Engineering and Technical Institute of the A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, Russia, St. Petersburg

@ moshina@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

Received 19.03.2020. Accepted 16.04.2020.

Abstract: The research featured somatic conceptual metaphors in Russian and English linguistic cultures. The article focuses on the macroconcepts of *zemlya* and *earth / land* in fiction represented in the National Russian Language Corpus and the Gutenberg Library. The research revealed a great number of somatic metaphors of the earth in these linguistic cultures. The research objective was to observe the facts of Russian and English linguistic cultures in the somatic code description from the perspective of macroconcepts *zemlya* and *earth / land*. Somatisms proved to be expressed via traditional oppositions determined by Russian and English cultures: right side / left side; internal / external; male / female; singularity / multiplicity, etc. However, the somatic code appeared to manifest itself not only in the dichotomy, but also in the trichotomy, e.g. front / side / rear; top / middle / bottom; center / binders / periphery. Both linguistic cultures give the earth animate and spiritual traits. The Russian macroconcept *zemlya* was represented by the following somatic signs: side, eyes, chest, intestine, bone, blood, palms, face, bosom, floor, navel, mouth, hands, heart, back, body, spine / backbone, and belly / womb. The English macroconcept *earth / land* was represented by such somatic signs as side, chest, gut, blood, face, bosom, floor, navel, mouth, hands, saddle, heart, waist, body, spine / backbone, and belly / womb.

Keywords: anthropomorphism, culture code, categorization, conceptualization, concept, metaphor, metonymy, figurative conceptual signs, somatisms

For citation: Moshina E. A. Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts *Zemlya and Earth / Land. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 533–540. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540>

References

1. Moshina E. A. Gender and theomorphic signs of the "Earth-mother" mythologeme in Russian linguistic culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 251–257. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257
2. Gudkov D. B., Kovshova M. L. Body code of Russian culture: materials to the dictionary. Moscow: Gnozis, 2007, 285. (In Russ.)
3. Kovshova M. L. *Semantics and pragmatics of phraseologisms: linguaculturological aspect*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 48. (In Russ.)
4. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of culture in the language space*. St. Petersburg: SPbGU, 2015, iss. 9, 148. (In Russ.)
5. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Linguistic culture codes*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 177. (In Russ.)
6. Pimenova M. V. Codes of culture and principles of world conceptualization. *Studia linguistica cognitive. Iss. 1: Language and knowledge: methodological problems and perspectives*, ed. Kravchenko A. V. Moscow: Gnozis, 2006, 172–187. (In Russ.)
7. Pimenova M. V. Codes of culture and problem of concept classification. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, 2007, (5): 79–86. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. Vegetative code as a way to describe the inner world of a man. *Ethnohermeneutik und Antropologie*, Hg. von Pimenov E. A., Pimenova M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004, 95–102. (In Russ.)
9. Moshina E. A., Bakirova A. A., Bekmurzaeva F. Sh. Implementation of anthropomorphic code in the structures of landscape, animalistic and cosmic concepts in Russian linguistic culture. *Linguocultural aspects of conceptual research*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGEU, 2018, iss. 16, 64–71. (In Russ.)
10. Krasnykh V. V. Subject code of culture in the Russian cultural space. *Rusistics on the threshold of the XXI century: problems and prospects*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, June 8–10, 2002. Moscow, 2003, 146–148. (In Russ.)
11. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. Farming code in the description of the inner world of man (experience of historical description). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (2): 46–53. (In Russ.)
12. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. *Conceptual research. Introduction*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 176. (In Russ.)
13. Bashkatova Yu. A. Symbolic features of somatic concepts. *Siberian Journal of Philology*, 2014, (2): 239–246. (In Russ.)
14. Masaleva N. V. *Somatisms in the Russian language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ivanovo, 2010, 14. (In Russ.)
15. Petrukhina M. V. *Cluster "man of body" in the lexicon of the Russian magic fairy tale*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kursk, 2006, 260. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
17. Popova A. R. On one of peculiarities of somatic phraseology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N. I. Lobachevskogo*, 2009, (6-2): 321–326. (In Russ.)
18. Starykh O. V. Somatic terms as a specific word class in the Church Slavonic lexical system. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiya*, 2011, (2): 80–85. (In Russ.)
19. Co Ch. Y. *Flesh and its religious meanings. Conceptual areas "the WORLD" and "the PERSON"*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: IPK "Grafika", 2005, iss. 5, 58–70. (In Russ.)
20. Shatin Yu. V. The concept heart and its artistic deconstruction in 20th century Russian poetry. *Critique & Semiotics*, 2011, (15): 189–196. (In Russ.)
21. Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Iaz. slavian. kultura, 2005, 133–152. (In Russ.)
22. Moshina E. A. Representation of the metaphorical model earth-mother in the Russian language picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations*: Proc. Conf. for the 30th anniversary of the St. Petersburg Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, June 21, 2019. St. Petersburg, 2019, iss. 23, 135–140. (In Russ.)
23. Uryson E. V. Fundamental abilities of a man and naive "anatomy". *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, (3): 3–16. (In Russ.)
24. Cui X. *Concepts body, soul and spirit in the Russian language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 28. (In Russ.)
25. Nasrullaeva A. K. *Derivation connections of somatisms in the dictionary composition of Lezginsky language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Makhachkala, 2015, 22. (In Russ.)
26. Oinotkinova N. R. Somatic code of culture in proverbs and sayings of Altaians. *Siberian Journal of Philology*, 2011, (3): 5–14. (In Russ.)

27. Selivanova O. O. *Essays on Ukrainian phraseology: (psycho-cognitive and ethnocultural aspects)*. Kiev-Cherkasy: Brama, 2004, 276. (In Ukr.)
28. Bashkatova Yu. A. Somatic code in English and Russian linguistic pictures of the world. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3-2): 90–94. (In Russ.)
29. Smyrnova T. A. Phraseological worldview of Russian and Ukrainian languages (on material of somatic phraseological units). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2011, 24(2-3): 203–208. (In Russ.)
30. Kharchenko V. K., Pluzhnikova D. M. *Linguasomatics: designation of body parts in the poetry of Bella Akhmadulina*. Moscow: URSS, 2015, 224. (In Russ.)
31. Petrova S. V. *Element EARTH in the poetry of E. Evtushenko, A. Voznesenskiy, B. Akhmadulina*. Cand. Philol. Sci. Diss. Belgorod, 2009, 156. (In Russ.)
32. Pimenova M. V. *Codes of culture and peculiarities of the conceptualization of the heart in the works of S. A. Esenin*. *Kultura i tekst*, 2005, (8): 212–222. (In Russ.)
33. Pluzhnikova D. M. *Poetic somatisms in the work of Bella Akhmadulina*. Cand. Philol. Sci. Diss. Belgorod, 2017, 207. (In Russ.)
34. Sycheva E. N. Somatisms in F. I. Tyutchev's poetic texts and in the structure of phraseological units. *Journal of the Bryansk State University*, 2012, (2-1): 289–293. (In Russ.)
35. Khadynskaya A. A. Poetics of corporeality in the lyrics of Georgy Ivanov. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2015, (2): 80–87. (In Russ.)
36. *New researches on the religion and mythology of the pagan Slavs*, ed. Lajoye P. Lingva, 2019, 224.
37. Krasnykh V. V. Codes and standards of culture (invitation to talk). *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2001, iss. 19, 5–19. (In Russ.)

Суггестивные словосочетания в немецком промышленном рекламном тексте (на материале рекламы горного оборудования)

Валерия Ю. Сухаревская^а; Кирилл А. Шишигин^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] schischigin-ka@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.02.2020. Принята к печати 26.03.2020.

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов исследования словосочетаний, функционирующих в немецком рекламном тексте горного оборудования, которые обладают суггестивными прагматическими характеристиками. Цель – показать семантические характеристики языковых единиц (словосочетаний), используемых в немецких рекламных текстах горного оборудования для создания прагматического эффекта суггестии. Задача – классифицировать и описать прагматические типы суггестивных словосочетаний с использованием методов компонентного, морфологического и синтаксического анализа – решается на примере словосочетаний, суггестивно характеризующих рекламируемое горное оборудование. Суггестия в рекламе горного оборудования носит особый характер, так как ей противостоит сознательное желание технического специалиста приобрести эффективное и рентабельное оборудование. Функцию суггестии в рекламном тексте призваны осуществлять, в частности, слова и словосочетания, которые создают положительный образ объекта рекламирования и суггестивно описывают его полезность потребителю рекламы. Значительная доля словосочетаний с семой *безопасность* объясняется прагматической пресуппозицией: горное производство высоко опасно, поэтому оборудование должно способствовать повышению производственной безопасности. Эргономические характеристики *управляемость*, *технологичность* и *осваиваемость* горного оборудования суггестируются также характеристиками производственной безопасности. Анализ показал, что большая часть суггестивных словосочетаний имеет адъективный ядерный компонент, что объясняется тем, что в немецком языке для описания качества предназначены, прежде всего, имена прилагательные как слова качественные.

Ключевые слова: немецкий язык, семантика, прагматика, суггестивность, словосочетание, сема

Для цитирования: Сухаревская В. Ю., Шишигин К. А. Суггестивные словосочетания в немецком промышленном рекламном тексте (на материале рекламы горного оборудования) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 541–548. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-541-548>

Введение

Настоящая статья посвящена описанию результатов исследования словосочетаний, функционирующих в немецком рекламном тексте горного оборудования, которые обладают такой прагматической характеристикой, как суггестивность. Актуальность проведенного исследования обусловлена социальной значимостью промышленной рекламы, в частности рекламы горного оборудования, в горнодобывающем регионе, каковым является Кузбасс, в котором используется в том числе оборудование производства Германии. Основным условием эффективности данного вида рекламы является убеждение адресата рекламы в том, что рекламируемая техника обеспечивает рентабельность горнодобывающего производства, обладает высоким качеством и такими свойствами, как эффективность, безопасность и надежность. Актуальность определяется, кроме того, тем, что в современных гуманитарных науках исследование манипуляции сознанием, в частности изучение суггестивного воздействия, занимает прочное место: исследуются вопросы суггестии, к которой прибегают

проправительственные и оппозиционные СМИ [1; 2], религиозные организации [3; 4], националистические и экстремистские группировки [5; 6]. В свою очередь, лингвистические аспекты рекламного текста не теряют своей актуальности и отражены в работах следующих исследователей: О. А. Дмитриев [7], В. А. Каменева [8; 9], О. Н. Горбачева [8; 9], Н. В. Рабкина [9] и Л. А. Араева [9], Е. Е. Корнилова [10], Н. Н. Кохтев [11; 12], П. Ондромбо [13], Д. Э. Розенталя [12], А. Г. Смирнова [14], Х. Хартвиг [15], К. А. Шишигин [16] и др.

Цель исследования заключается в изучении семантических характеристик языковых единиц – словосочетаний, используемых в немецких рекламных текстах горного оборудования для создания прагматического эффекта суггестии. В соответствии с этим в настоящей статье решается задача классифицировать и описать прагматические типы суггестивных словосочетаний, функционирующих в немецком промышленном рекламном тексте, на примере словосочетаний, суггестивно характеризующих рекламируемое горное оборудование.

Методы и материалы. Материалом исследования послужили печатные рекламные проспекты и интернет-реклама следующих немецких фирм: *DBT GmbH, Deutsche Montan Technologie GmbH, Eickhoff Bergbautechnik GmbH, Eutec Handelsgesellschaft mbH, Geotechnik GmbH, Project German Mining GmbH, Tiefenbach Control Systems GmbH*. При проведении исследования применялись методы компонентного, морфологического и синтаксического анализа, метод анализа словарных дефиниций, структурный метод, традиционный описательный метод, метод количественного подсчета, элементы статистического метода, прием сплошной выборки. Наряду с этим была изучена как лингвистическая литература, так и необходимая литература по горному делу [17–19], маркетингу и рекламе [20–22], культурологии и психологии [23–25].

Результаты

Поскольку реклама является объектом многих наук (экономики, социологии, психологии, лингвистики и др.), то и в определении внимание акцентируется на том или ином ее аспекте. С экономической точки зрения реклама является средством для создания спроса, ее задача «состоит в том, чтобы планомерно побудить человека к покупке определенных товаров»¹ [26, S. 82]. В свою очередь у промышленной рекламы потенциал «достаточно велик – промышленная реклама может существенно увеличить продажи и прибыль предприятия» [22, с. 228].

С точки зрения лингвистики реклама «трактруется как часть медиаречи, как один из ее жанрово-функциональных типов» [27, с. 21], а рекламный текст представляет собой «неканонический (асимметричный) коммуникативный акт, строго организованную замкнутую иерархическую систему языковых единиц разных уровней, обладающую структурным и семантическим единством, связностью и цельностью, а также четкой коммуникативной интенцией отправителя сообщения – оказать воздействие на получателя с целью сбыта товара» [16, с. 12]. При этом асимметричность и замкнутость рекламы релевантны в XXI в. только для рекламы и рекламных текстов, представленных на телевидении и на типографских носителях, но не для интернет-рекламы, которая, напротив, интерактивна: при обращении к интернет-рекламе потребитель рекламы «не пассивен, как при просмотре телероликов, а активно включен в процесс потребления рекламного продукта. Маленькое расстояние до источника рекламной информации и наличие в руке инструмента управления контентом – мыши, с помощью которой можно кликать по интересующим гиперссылкам, делает рекламный продукт в сети интерактивным» [28; цит. по: 29, с. 125].

Согласно «классической модели Левиджа и Стейнера, эффекты воздействуют на индивида в следующем порядке: когнитивный эффект (осмысление) – аффективный (воздействие на эмоции) – конативный эффект (или мотивирующий). В данных моделях рациональный процесс

и предшествует эмоциональному, заранее создавая предпосылки для возникновения положительных или отрицательных эмоций» [22, с. 229]. Именно предшествование рационального момента эмоциональному эффекту, как представляется, и имеет место в промышленной рекламе, но эмоции должны подкреплять осмысление и мотивацию, воздействуя на них.

Выделяя критерий воздействия как основной, ряд авторов определяют рекламу как определенного рода воздействие на потребителя рекламы: «Реклама – это целенаправленное воздействие на сознание человека, способствующее принятию им положительных решений в момент действия, связанного с полученной информацией» [30, с. 12]. В связи с функцией воздействия, которая наряду с коммуникацией и информацией является одной из функций языка вообще, возникает вопрос о суггестии в рекламных текстах или их суггестивности как одной из важнейших характеристик. Долгое время вопросы суггестивного воздействия на человека оставались в ведении психологии и психотерапии. При этом суггестия понималась лишь как гипнотическое воздействие. В свою очередь «суггестивную лингвистику интересует преимущественно изменение установок посредством текстов. Если определить установку как "неосознаваемую изготровку психики к определенному восприятию, решению, действию", ...то суггестию можно представить как арсенал средств и приемов направленного воздействия на установки личности» [3, с. 1087].

При проведении исследования мы отбирали, анализировали и классифицировали словосочетания, которые суггестивно определяют оборудование как эргономичное. Под эргономичностью следует понимать показатели качества, которые определяются расчетом на пользователя и проявляются в таких характеристиках объекта рекламирования, как его управляемость, обслуживаемость, технологичность, осваиваемость и обитаемость [31, с. 195; 17, с. 45]. Эргономичность – наиболее частотное свойство, на которое эксплицитно или имплицитно ссылаются рекламодатели: они указывают характеристики объекта рекламирования, которые способствуют увеличению производительности, а также обеспечивают необходимое удобство и сохраняют силы, здоровье и работоспособность человека. В последние несколько десятилетий улучшение условий труда во всем мире стало таким же важным направлением исследований инженеров-разработчиков оборудования (в том числе и горного), как и уменьшение стоимости и увеличение производительности. Естественно, что эргономичность как одно из основных требований к современным условиям труда не оставлено в стороне рекламодателями, что показало и проведенное нами исследование немецких рекламных текстов горного оборудования.

По критерию эргономичность объекта рекламирования словосочетания были классифицированы нами на четыре прагмасемантических типа (из 767 отобранных приемом сплошной выборки суггестивных словосочетаний):

¹ Здесь и далее перевод иноязычных текстов выполнен авторами статьи.

1. Высокий уровень производственной безопасности при эксплуатации оборудования (сема ядерного частеречного компонента словосочетания, т.е. прагматическо-мантического главного компонента – безопасность) – 386 словосочетаний (50,3 %).
2. Удобность управления оборудованием (управляемость) – 144 (18,8 %).
3. Высокая технологическая адаптивность оборудования к сложным производственным условиям (технологичность) – 124 (16,2 %).
4. Осваиваемость оборудования (осваиваемость) – 111 (14,5 %).

Необходимо отметить, что мы обратили внимание и на такую характеристику, как *оптимальность соотношения цена – качество*, которое не относится к критерию эргономичности, но по определению должно быть немаловажной составляющей суггестии. Тем не менее, как показывает анализ, в исследованных промышленных рекламных текстах оптимальность соотношения *цена – качество* практически не суггерируется. Как представляется, исходя из пресуппозиции «отличное оборудование не может быть дешевым», это как бы само собой разумеется, поэтому доля таких словосочетаний ничтожно мала – всего 2 словосочетания (0,3 %) из 767, поэтому словосочетания, актуализирующие данную характеристику оборудования, в настоящей статье не рассматриваются.

Значительная доля словосочетаний с семой *безопасность* (половина всех употреблений словосочетаний, суггерирующих эргономичность) объяснима следующей прагматической пресуппозицией: горное производство высоко опасно по травматизму и смертности персонала, поэтому оборудование должно способствовать повышению производственной безопасности при его эксплуатации. Что касается удобства в управлении, технологичности и осваиваемости, то это в значительной мере суггерируется характеристиками производственной безопасности оборудования.

1. Словосочетания с семой *безопасность*

Безопасность – одно из главных эргономических требований к горному оборудованию. Все словосочетания можно разделить на шесть групп в зависимости от того, какой аспект безопасности они актуализируют: 1) общая безопасность; 2) искробезопасность; 3) взрывобезопасность; 4) водонепроницаемость; 5) аварийная безопасность; 6) соответствие стандартам производственной безопасности.

1.1. *Общая безопасность*

К данной группе можно отнести словосочетания, которые не определяют конкретный аспект безопасности (обозначенные выше номерами с 2 по 6), например:

- (1) *maximale / erhöhte Sicherheit* – максимальная / повышенная **безопасность** (зачин)²;

- (2) *Schutzfunktionen realisiert* – поддерживаются **защитные функции** (зачин).

В обоих словосочетаниях ядерный компонент-существительное содержит корневые морфемы *sicher* (безопасный / надежный) и *Schutz* (защита), которые суггерируют общую безопасность рекламируемого оборудования. Выявление механизмов суггестии не входило в наши задачи, мы лишь констатируем наличие в промышленном рекламном тексте арсенала соответствующих средств – суггестивных словосочетаний. При этом, однако, мы можем констатировать, что, во-первых, суггестию можно считать разновидностью волюнтаривной функции языка, т.к. это – побуждение (более или менее скрытое), и, во-вторых, суггестия в рекламе горного оборудования имеет более тонкий характер – поскольку ей противостоит сознательное желание технического специалиста приобрести эффективное и рентабельное оборудование.

1.2. *Искробезопасность*

Искробезопасность, или самозащищенность, – это способность оборудования работать даже в атмосфере с повышенным содержанием метана, не создавая опасности взрыва [18, с. 120]:

- (3) *eigensichere Spannung* – **искробезопасное** напряжение (информационный блок);

- (4) *stabilisierte Stromversorgung* – **стабилизированное** электроснабжение (зачин).

В словосочетании (3) прилагательное *eigensicher* (искробезопасный, букв. самобезопасный, или самозащищенный) актуализирует соответствующую характеристику и соответствующий аспект безопасности объекта рекламирования эксплицитно, в то время как в словосочетании (4) прилагательное *stabilisiert* (стабилизированный) актуализирует их имплицитно – через прагматическую пресуппозицию «стабилизированный ток не имеет пиков напряжения; следовательно, не может произойти возгорание проводки, и не возникнет опасная в горно-шахтном производстве искра».

1.3. *Взрывобезопасность*

Взрывобезопасность – способность оборудования не сгорать при взрыве; как правило, данное оборудование защищено герметическим кожухом, способным выдерживать большое давление и температуру [18, с. 108], что суггерируется и в рекламных текстах горного оборудования:

- (5) *schlagwettergeschützte Kompaktstation* – **взрывобезопасная** компактная станция (заголовок);

- (6) *gekapseltes Trafomodul* – **герметический** трансформаторный блок (информационный блок).

В примере (5) взрывобезопасные характеристики оборудования актуализируются эксплицитно – прилагательным *schlagwettergeschützt* (взрывобезопасный, букв. взрывозащищенный), а в примере (6) имплицитно имеет место пресуппозиция «если трансформаторные блоки имеют герметические кожухи, то они взрывобезопасны».

² Здесь и далее в примерах полужирным шрифтом выделяется ядерный, курсивом – периферийный компонент словосочетания; в скобках указывается композиционный элемент рекламного текста.

1.4. Водонепроницаемость

В данную группу входят словосочетания, актуализирующие способность оборудования работать после затопления шахты:

(7) *völlige Wasserdichtigkeit* – полная **водонепроницаемость** (зачин);

(8) *ungeschweißter Stahlmantel* – **несварной** кожух из стали (информационный блок).

В словосочетании (7) водонепроницаемость оборудования актуализируется эксплицитно существительным *Wasserdichtigkeit* (водонепроницаемость, букв. водоплотность); в примере (8) – имплицитно прилагательным *ungeschweißter* (несварной, букв. незаваренный): словосочетание на уровне прагматической пресуппозиции суггерирует, что несварной корпус не имеет швов и, следовательно, водонепроницаем.

1.5. Аварийная безопасность

В данную группу входят словосочетания, которые актуализируют способность оборудования автоматически отключаться при аварии или возможность отключить оборудование вручную, в случае если аварийная автоматика не сработает:

(9) *hohes Ausschaltvermögen* – высокая **способность к отключению** (зачин);

(10) *fail-safe Kriterien* – критерии **безаварийности** (заголовок).

Суггированию характеристики *аварийная безопасность* горного оборудования на эксплицитном языковом уровне способствует использование соответственно существительного *Ausschaltvermögen* (способность к отключению) и прилагательного-англицизма *fail-safe* (безаварийный, букв. отказоустойчивый).

1.6. Соответствие стандартам производственной безопасности

В данную группу входят словосочетания, актуализирующие характеристику соответствия оборудования официальным стандартам безопасности:

(11) *die höchsten Sicherheitsstandards* – **наивысшие** стандарты безопасности (зачин);

(12) *strenge Sicherheitsnormen* – **строгие** нормы безопасности (зачин).

В обоих словосочетаниях ядерным элементом являются прилагательные, которые следуют принципу рекламирования – т. н. принципу суперлатива. Ст. 5 ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) «О рекламе», однако, прямо запрещает некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами³. «Использование превосходной степени прилагательных как раз может быть признано таким некорректным сравнением. <...> Однако

создатели рекламы просто обязаны представить свой товар как "самый, самый", особенный, лучший, чтобы выделить его из массы аналогичных товаров. Поэтому реклама вынуждена создавать свои способы выражения суперлатива» [32, с. 47]. В отличие от рекламы товаров массового потребления, где неотъемлемой ее частью является стилистическая гипербола, которая «обеспечивает необходимый подтекст и создает определенный фон для передаваемой информации, "помогая" клиенту более быстро принять решение о приобретении товара / услуги»⁴, при описании характеристик горного оборудования, кроме случаев общего описания (например, в зачине), не могут применяться гипербола. Таким образом, если в примере (11) использован грамматический суперлатив – прилагательное в превосходной степени *der höchste* (наивысший), то в примере (12) перед нами семантический суперлатив – прилагательное в положительной степени *strenge* (строгий). Семантический суперлатив – это «формально не суперлативные прилагательные, но по значению – суперлативы: лексические единицы со значением полноты признака, например: совершенный, идеальный, безупречный, непревзойденный и т. п.» [32, с. 49]. Именно подбор и использование в рекламных текстах семантических суперлативов является одним из способов суггестии, скрытую реализацию которой можно констатировать во всех выше- и нижеприведенных примерах словосочетаний.

2. Словосочетания с семой управляемости

Управляемость – один из показателей эргономических качеств горного оборудования, который определяется расчетом на пользователя [17, с. 45; 31, с. 195]. Все словосочетания, которые содержат в своем значении сему *управляемость*, можно разделить на две группы: 1) несложность эксплуатации (пример (13)); 2) ориентированность на пользователя (примеры (14) и (15)):

(13) *einfache Befehlzuordnung* – **простая** координация команд (зачин);

(14) *benutzerfreundliches Bedienen* – **легкий** в обслуживании (букв. обслуживание, дружественное по отношению к пользователю) (зачин);

(15) *kundenspezifische Komponentenfertigung* – изготовление компонентов **специально под заказчика** (букв. клиент-специфическое изготовление компонентов) (зачин).

Данные группы, однако, не всегда четко разводимы, как в следующем словосочетании из рекламы горного оборудования:

(16) (*klar auch für*) *ungeübte Beobachter* – (понятен даже для) **не прошедших обучение** наблюдателей (зачин).

Данное словосочетание имплицитно – на уровне пресуппозиции – суггерирует, что оборудование настолько легко в эксплуатации, что с этим справился бы даже не прошедший специального обучения сторонний наблюдатель.

³ О рекламе. ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ Иблинский С. В. Общественные связи. Реклама. Маркетинг. Нейро-лингвистическое программирование (Оперативный словарь-справочник). М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. С. 70.

Это суггестия, с одной стороны, несложности эксплуатации оборудования, а с другой – его технической и технологической конструкции, подходящей для любого пользователя.

3. Словосочетания с семой *технологичность*

Технологичность – это совокупность свойств конструкции изделия, определяющих ее приспособленность к достижению оптимальных затрат при его производстве, техническом обслуживании и ремонте для заданных показателей качества, объема выпуска и условий выполнения работ⁵. Словосочетания, содержащие языковые единицы с семой *технологичность*, актуализируют прежде всего такие характеристики объекта рекламирования, как быстрота освоения и использования оборудования, например:

(17) *schnelle Installation* – **быстрая** установка (информационный блок);

(18) *fertige Bauelemente* – **готовые** строительные элементы (информационный блок).

В обоих словосочетаниях технологичность суггерируется прилагательными *schnell* (быстрый) и *fertig* (готовый (к использованию)), и тем самым подчеркивается оптимальность трудозатрат при обслуживании и монтаже оборудования соответственно.

4. Словосочетания с семой *осваиваемость*

Под осваиваемостью понимается наличие у оборудования таких характеристик, как 1) визуализация технологического процесса и 2) унификация компоновки оборудования [19, с. 24], например:

(19) *visuelle Darstellung* – **визуальное** представление (зачин);

(20) *dynamisches Bild* – **динамическое** изображение (информационный блок).

Данными словосочетаниями суггерируется наличие у рекламируемого оборудования такой важной составляющей системы «человек (А) – горная машина (Б) – среда (В)», как *визуализация* работы оборудования (Б) в условиях данного предприятия (В), в том числе в данных горно-геологических условиях (В), для оптимальной управляемости производственного процесса машинистом / персоналом (А) (ср. [19, с. 24]); тем самым осваиваемость тесным и естественным образом оказывается связанной с управляемостью.

Литература

1. Чудинов А. П., Никифорова М. В. Индивидуальный стиль политика сквозь призму комического // Филологический класс. 2019. № 2. С. 40–49. DOI: 10.26170/FK19-02-05
2. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная технология. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 242 с.
3. Гришенкова Т. Ф., Вариясова Е. В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1086–1094. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094

В примере (21) компонент сложного существительного *Akzeptanz* (совместимость, букв. согласие) имеет семы *совместимость*, *приемлемость*, т.е. словосочетание актуализирует такую характеристику оборудования, как его унифицированность, совместимость с разными системами:

(21) *maximale System-Akzeptanz* – максимальная **совместимость с системой** (зачин).

Заключение

Значительная доля словосочетаний с семой *безопасность* объясняется прагматической пресуппозицией: горное производство высоко опасно, поэтому оборудование должно способствовать повышению производственной безопасности. Такие эргономические характеристики, как управляемость, технологичность и осваиваемость горного оборудования, суггерируются, как представляется, также характеристиками производственной безопасности. Оптимальность соотношения *цена – качество* в исследованных рекламных текстах практически не суггерируется. Анализ показал, что 581 (75,7 %) словосочетание имеет адъективный ядерный компонент; это объясняется тем, что в немецком языке для описания качества предназначены прежде всего имена прилагательные как слова качественные.

Мы разделяем точку зрения (которая подтверждается проведенным исследованием), что в промышленной рекламе рациональный процесс и предшествует, и должен предшествовать эмоциональному и суггестивному, где эмоции подкрепляют осмысление и мотивацию, воздействуя на них. При этом суггестия в рекламе горного оборудования должна носить более тонкий, незаметный характер, т.к. ей противостоит сознательное желание технического специалиста приобрести эффективное и рентабельное оборудование. Эту функцию суггестии на языковом уровне рекламного текста, который представляет собой текст креолизованный, призваны осуществлять, наряду с графическим изображением объекта рекламирования, слова и словосочетания, которые создают положительный образ объекта рекламирования, а также суггестивно описывают его полезность потребителю рекламы. Реклама и рекламный текст – явление многоаспектное, в том числе и с лингвистической точки зрения. Изучение рекламного текста может проводиться как в рамках более узких проблем, как в данной статье, так и в сравнении, в частности с т.н. текстами воздействия, близкими к текстам рекламы.

⁵ ГОСТ 14.205-83 Технологичность конструкции изделий. Термины и определения. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200008329> (дата обращения: 08.02.2020).

4. Koch A., Meissner K. Imagination, Suggestion und Trance. Suggestionforschung und Religionsästhetik zu Heilung // Religion – Imagination – Ästhetik. Vorstellungs- und Sinneswelten in Religion und Kultur / Hg. L. Traut, A. Wilke. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2015. S. 131–154. DOI: 10.13109/9783666540318.131
5. Фомин А. Г., Мона Е. А. Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации) // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 98–104.
6. Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р. Игры с разумом, или приемы и средства информационно-психологического воздействия в практике религиозно-политического экстремизма // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 1. С. 270–272.
7. Дмитриев О. А. Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000. 149 с.
8. Каменева В. А., Горбачева О. Н. Структурные особенности британских и российских рекламных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 69–72.
9. Каменева В. А., Рабкина Н. В., Араева Л. А., Горбачева О. Н. К вопросу о терминологическом аппарате визуальной стилистики текста: визуальные стилистические средства в социальной рекламе // Политическая лингвистика. 2018. № 3. С. 96–105.
10. Корнилова Е. Е. Телевизионная реклама: теоретико-методологический, классификационно-типологический, лингвистический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 336 с.
11. Кохтев Н. Н. Стилистика рекламы. М.: Изд-во МГУ, 1991. 91 с.
12. Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М.: Высш. шк., 1981. 127 с.
13. Ондомбо П. Синтаксическая структура слогана: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 149 с.
14. Смирнова А. Г. Языковая и прагматическая характеристика немецкого рекламного текста при гендерной объективации его адресата: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 177 с.
15. Hartwig H. Wirksames Werbetexten: Die Kunst mit Worten zu verkaufen. München: Wilhelm Heyne, 1992. 284 S.
16. Шишигин К. А. Семантика и прагматика индексальных единиц в немецком рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1998. 221 с.
17. Великанов В. С. Возможности метода парных сравнений в установлении значимости показателей горных машин и комплексов по критерию эргономичности // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 4. С. 43–46.
18. Ляхов Г. М. Основы разработки угольных месторождений подземным способом. М.: Недра, 1974. 196 с.
19. Шабанов А. А., Великанов В. С. О перспективах исследований в области эргономического обеспечения отечественных карьерных экскаваторов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2012. № 4. С. 19–29.
20. Антипов К. В., Баженов Ю. К. Паблик рилейшенз. М.: Дашков и К, 2002. 148 с.
21. Борисов Б. Л. Технологии рекламы и PR. М.: Фаир-пресс, 2001. 624 с.
22. Глухова Е. В. Сущность, специфика и виды промышленной рекламы // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2010. № 4. С. 228–232.
23. Викентьев И. Л. Приемы рекламы: Методика для рекламодателей и рекламистов. Новосибирск: ЦЭРИС, 1993. 144 с.
24. Касьяненко А. А. Советская реклама как социокультурный феномен: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2004. 209 с.
25. Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2001. 752 с.
26. Blomekemper H.-J., Ehlen W. Deutsch für weiterführende berufsbildende Schulen. Köln-München: Stam-Verlag, 1984. 285 S.
27. Кара-Мурза Е. С. Современная русская реклама и ее внутренняя дифференциация // Медиалингвистика. 2015. № 4. С. 19–34.
28. Зуев М. Б., Маурус П. А., Прокофьев А. Г. Продвижение сайтов в поисковых системах: спасательный круг для малого бизнеса. М.: Бином, 2006. 299 с.
29. Тупикова А. М., Каменева В. А. Визуальные и изобразительные компоненты рекламного дискурса как средства трансляции гендерных стереотипов (на примере рекламы для детской целевой группы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21. С. 125–131.
30. Разумовский Б. С. Реклама как вид социальной информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1992. 17 с.
31. Альберт К. В. Методы повышения эргономичности радиорекламы // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1-1. С. 195–198.
32. Диомидова А. Суперлатив в женском рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов из журнала «Cosmopolitan») // Verbum. 2013. Vol. 4. С. 46–52. DOI: 10.15388/Verb.2013.4.4980

Suggestive Phrases in the German Industrial Advertising Text (Based on the Material of Mining Equipment Advertising)

Valeriya Yu. Sukharevskaya ^a; Kirill A. Shishigin ^{a, @}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] schischigin-ka@rambler.ru

Received 19.02.2020. Accepted 26.03.2020.

Abstract: The present research featured German texts of mining equipment advertising, namely phrases with suggestive pragmasemantic potential. The research objective was to reveal the semantic characteristics of these language units. The article classifies and describes various pragmasemantic types of suggestive phrases using methods of componential, morphological, and syntactic analyses. The function of suggestion in mining equipment advertising proved to be of specific nature, as it has to oppose the conscious desire of a technical specialist to purchase effective and profitable equipment. The suggestion function in these texts belonged to words and phrases that created a positive image of the advertising object and suggestively described its usefulness to the consumer. A significant proportion of phrases contained the seme "safety", which could be explained by the following pragmatic presupposition: mining is highly dangerous; therefore, equipment should help to increase production safety. Such ergonomic characteristics of mining equipment as "controllability", "manufacturability", and "masterability" also depended on industrial safety. Most suggestive phrases appeared to have an adjective nuclear component, because German primarily uses adjectives to describe quality.

Keywords: German, semantics, pragmatics, suggestion, phrase, seme

For citation: Sukharevskaya V. Yu., Shishigin K. A. Suggestive Phrases in the German Industrial Advertising Text (Based on the Material of Mining Equipment Advertising). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 541–548. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-541-548>

References

1. Chudinov A. P., Nikiforova M. V. Individual style of a politician in the light of the comic. *Philological Class*, 2019, (2): 40–49. (In Russ.) DOI: 10.26170/FK19-02-05
2. Kiselev K. V. *Political slogan: problems of semantic politics and communicative technology*. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002, 242. (In Russ.)
3. Grishenkova T. F., Variyasova E. V. Suggestion as a method of linguistic manipulation in religious discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1086–1094. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094
4. Koch A., Meissner K. Imagination, Suggestion und Trance. *Suggestionsforschung und Religionsästhetik zu Heilung. Religion – Imagination – Ästhetik. Vorstellungs- und Sinneswelten in Religion und Kultur*, Hg. Traut L., Wilke A. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2015, 131–154. DOI: 10.13109/9783666540318.131
5. Fomin A. G., Mona E. A. Lexical peculiarities of terrorist's speech in ISIS video messages. *Political Linguistics*, 2018, (1): 98–104. (In Russ.)
6. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Games with the mind, or methods and means of information and psychological influence in the practice of religious and political extremism. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2015, (1): 270–272. (In Russ.)
7. Dmitriev O. A. *Structural and semantic characteristic of the slogan as a special kind of advertising text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Orel, 2000, 149. (In Russ.)
8. Kameneva V. A., Gorbacheva O. N. Structural features of British and Russian advertising texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, (10): 69–72. (In Russ.)
9. Kameneva V. A., Rabkina N. V., Araeva L. A., Gorbacheva O. N. Nomenclature of visual stylistics: visual stylistic means in social advertising. *Political Linguistics*, 2018, (3): 96–105. (In Russ.)
10. Kornilova E. E. *Television advertising: theoretical and methodological, classification typological, linguistic aspects*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2002, 336. (In Russ.)
11. Kokhtev N. N. *Stylistics of the advertising*. Moscow: Izd-vo MGU, 1991, 91. (In Russ.)
12. Rozental D. E., Kokhtev N. N. *The Language of advertising texts*. Moscow: Vyssh. Shk., 1981, 127. (In Russ.)
13. Odombo P. *Syntactic structure of the slogan*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2004, 149. (In Russ.)

14. Smirnova A. G. *Linguistic and pragmatic characteristics of the German advertising text with gender objectivization of its addressee*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2004, 177. (In Russ.)
15. Hartwig H. *Wirksames Werbetexten: Die Kunst mit Worten zu verkaufen*. München: Wilhelm Heyne, 1992, 284.
16. Shishigin K. A. *Semantics and pragmatics of index units in the German advertising text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 1998, 221. (In Russ.)
17. Velikanov V. S. Possibilities of method of paired comparisons to establish the significance of indicators of mining machines and systems by ergonomics. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2013, (4): 43–46. (In Russ.)
18. Lyakhov G. M. *Foundations of underground coal mining*. Moscow: Nedra, 1974, 196. (In Russ.)
19. Shabanov A. A., Velikanov V. S. About prospects of researches in the field of ergonomic providing domestic career excavators. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*, 2012, (4): 19–29. (In Russ.)
20. Antipov K. V., Bazhenov Yu. K. *Public Relations*. Moscow: Dashkov i K, 2002, 148. (In Russ.)
21. Borisov B. L. *Advertising technologies and PR*. Moscow: Fair-press, 2001, 624. (In Russ.)
22. Glukhova E. V. The nature, specificity and types of industrial advertising. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 2010, (4): 228–231. (In Russ.)
23. Vikentyev I. L. *Advertising techniques: Methodology for advertisers and advertisement makers*. Novosibirsk: TsERIS, 1993, 144. (In Russ.)
24. Kasyanenko A. A. *Soviet advertising as a sociocultural phenomenon*. Cand. Culturology Diss. Kemerovo, 2004, 209. (In Russ.)
25. Psychology and psychoanalysis of advertising. *Personality oriented approach*, ed. and comp. Raygorodskiy D. Ya. Samara: Bakhrakh-M, 2001, 752. (In Russ.)
26. Blomekemper H.-J., Ehlen W. *Deutsch für weiterführende berufsbildende Schulen*. Köln-München: Stam-Verlag, 1984, 285.
27. Kara-Murza E. S. Modern Russian advertising and its inner differentiation. *Media Linguistics*, 2015, (4): 19–34. (In Russ.)
28. Zuev M. B., Maurus P. A., Prokofyev A. G. *Website promotion in search engines: a life ring for small businesses*. Moscow: Binom, 2006, 299. (In Russ.)
29. Tupikova A. M., Kameneva V. A. Visual and picture components of advertising discourse as a means of transmitting gender stereotypes (exampled by advertising for a child target group). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (21): 125–131. (In Russ.)
30. Razumovskiy B. S. *Advertising as a form of social information*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Minsk, 1992, 17. (In Russ.)
31. Albert K. V. Methods of increasing the ergonomics of the radio advertising. *Vestnik SPbSU. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2009, (1-1): 195–198. (In Russ.)
32. Diomidova A. Superlative in the advertising discourse aimed at women (advertising texts of "Cosmopolitan"). *Verbum*, 2013, 4: 46–52. (In Russ.) DOI: 10.15388/Verb.2013.4.4980

Когнитивный потенциал метафоры в профессиональном дискурсе

Ирина Б. Тихонова^{a, @, ID}

^a Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

@ tikhirina@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5045-8990>

Поступила в редакцию 03.03.2020. Принята к печати 08.05.2020.

Аннотация: Статья посвящена когнитивной функции метафоры в профессиональном дискурсе, который представлен в системе профессиональной терминологии как языковое проявление профессионального мировоззрения. Демонстрируется эволюция разных подходов к феномену метафоры в научном дискурсе и профессиональных терминологических системах. Конвергенция направлений и методов исследования, интеграция и взаимопроникновение подходов к исследуемому объекту позволяют выстроить рамки концептуальной логики структур ментального знания, объективируемых в системах терминологических единиц. Концептуальный анализ метафорических терминологических дериватов, обогащенных семантическим анализом компонентов определения терминов, дает эмпирическое доказательство того, что антропоцентрический принцип является основной тенденцией в процессе формирования метафоры в профессиональном дискурсе нефтепереработки. Метафора рассматривается как когнитивный механизм, связывающий новые неизвестные понятия с привычными явлениями из повседневной жизни человека. Доминирующие концептуальные метафоры создаются по принципу антропоцентризма путем объединения исходной области, включающей систему глубоких онтологических знаний о человеке, и целевой области, представляющей специальные концепты профессионального дискурса. Познавательный потенциал метафорических моделей описан на основе метафорической деривации профессиональной терминосистемы нефтепереработки. Метафорически сформированные терминологические единицы помимо номинативной выполняют пояснительную функцию, визуализируя процессы нефтепереработки, чтобы дать возможность понять сложную структурную организацию профессионального дискурса.

Ключевые слова: метафорическое терминообразование, концептуальная метафора, профессиональная коммуникация, профессиональная терминосистема, терминология нефтепереработки, профессиональная картина мира, английская терминология

Для цитирования: Тихонова И. Б. Когнитивный потенциал метафоры в профессиональном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 549–557. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-549-557>

Введение

Исследуется когнитивная специфика метафоризации в профессиональной терминосистеме, выступающей в роли базового компонента научного и профессионального дискурса. Объектом исследования являются метафорически образованные английские термины нефтепереработки, представляющие основу для осуществления профессиональной коммуникации и формирования профессионального дискурса нефтепереработчика. Материал – корпус общим объемом 286 английских метафорически образованных терминов, функционирующих в профессиональной сфере нефтепереработки. Источниками примеров являются научные статьи из отраслевых журналов, учебники и учебные пособия, словари по нефтепереработке. Методы исследования характеризуются интеграцией традиционного лингвистического и когнитивного подходов. Концептуальный анализ метафорических терминологических дериватов дополняется семантическим анализом компонентов дефиниций терминов, метод сплошной выборки применяется совместно с методом статистического подсчета.

Цель – выявление когнитивной функции метафоры на основе принципа антропоцентризма в формировании профессионального дискурса нефтепереработки и профессиональной картины мира. Реализация цели осуществляется с опорой на методологическую и теоретическую базу, накопленную и представленную в трудах отечественных исследователей. При этом следует отметить, что большое количество научных статей, монографий и диссертационных работ, посвященных исследованию метафоризации в терминологических системах и научном дискурсе, доказывает присутствие научного интереса к лингвокогнитивной специфике гносеологических процессов, участвующих в метафорическом терминообразовании для передачи научного и профессионального знания, что, несомненно, подчеркивает актуальность данного исследования [1–5].

Методы и материалы. Метафора находится в фокусе внимания исследователей на протяжении многих тысячелетий. «Тайна метафоры привлекала к себе крупнейших мыслителей – от Аристотеля до Руссо и Гегеля и далее до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета и многих других» [6, с. 5]. При активном

интересе к явлению метафоризации со стороны философов и лингвистов отношение к употреблению метафоры как средству выражения научных понятий было неоднозначным и изменялось с течением времени в зависимости от доминирующей научной парадигмы и понимания сущности метафоры, ее роли в научном познании.

Эволюция суждений о роли метафоры в науке и познании раскрывается при обращении к истории исследования метафоры как средства языковой фиксации научного знания. Можно выделить период категорического отрицания возможности функционирования метафоры в науке и в терминологии. Это время характеризуется процессом дифференциации науки и обыденного знания, в языкознании выделяется терминоведение – наука, изучающая специальную лексику с точки зрения ее формирования, функционирования и систематизации. Ученые (Д. С. Лотте, Т. Гоббс, Дж. Локк) выражают стремление противопоставить строгое научное знание наивному человеческому. Именно в этот период формулируются основные требования к термину: однозначность соответствия термина и понятия, системность, краткость, отсутствие образности [7]. В связи с этим детерминируется значимость метафоры в качестве языковой структуры, реализующей преимущественно образную функцию в художественных произведениях, что предполагает исключение метафорически образованных единиц из языка науки как затемняющих и искажающих строгое научное знание.

Благодаря «лингвистическому повороту» в философии XX в. метафора стала рассматриваться в тесной связи с процессами познания. Ученые А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет предложили новый взгляд на метафору, который позволил утверждать, что «метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли. Она служит не только наименованию, но и мышлению» [8, с. 69]. В научном сообществе пришло понимание того, что в метафоре актуализируется глубокая гносеологическая функция, которая позволяет не только обращаться к метафоризации как семиотическому феномену, но и реализовать когнитивную природу метафоры как механизма получения научного знания.

Теория концептуальной метафоры и ее типология были предложены в ставшем классическим произведении Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9]. Процесс метафоризации объясняется наложением структур двух концептуальных областей знания – области-источника и области-мишени. Результатом метафорической проекции (*metaphoric mapping*) служит возможность осмыслить и структурировать менее понятную для автора сферу-мишень посредством знаний из другого ментального пространства, что облегчает познавательный процесс и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Значимость данной теории для последующего развития соответствующей научной области трудно переоценить, поскольку благодаря ее появлению и обсуждению фокус исследований метафорических единиц был перемещен с языка на другую сферу бытования образов

сознания – мышление, что ознаменовало собой когнитивный поворот в лингвистических исследованиях метафоры [10].

Применение методологической и теоретической базы когнитивной науки наряду с традиционными методами лингвистического исследования приводит к интенсификации изучения метафоры с позиции отражения человеческого сознания в ярких метафорических образах, зафиксированных в языковых единицах. Появляется понимание, что в основе метафоры содержится «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [11, с. 41]. Известно, что связи между языком и мышлением, памятью и восприятием носят интенциональный характер и могут быть изучены опосредованно через языковое выражение в единицах естественного языка.

Когнитивная парадигма доминирует не только в лингвистике в целом, но и в отдельной отрасли языкознания – терминоведении. Логика когнитивного подхода успешно экстраполирована на сферу терминологических исследований, что позволяет исследователям Л. М. Алексеевой, М. Н. Володиной, А. А. Манерко, С. Л. Мишлановой, В. Ф. Новодрановой и многим другим рассматривать термин как особую когнитивную структуру, как инструмент и результат профессионального дискурса, реализующего процесс научного познания, зафиксированного в терминосистеме.

Когнитивное терминоведение характеризуется конвергенцией исследовательских направлений и методов, интеграцией и взаимопроникновением подходов к изучаемому объекту. Это позволяет направить исследование из собственно лингвистического русла в понятийную область ментальных структур знания, объективированных в системах терминологических единиц. Именно с применением когнитивного подхода в терминоведении у ученых появилась возможность признать существование метафоры в научном дискурсе, а следовательно, рассматривать этот феномен в качестве одного из способов терминообразования и результата языковой фиксации научного знания.

Изучение языковых явлений с позиции когнитивизма позволяет рассматривать метафору как результат корреляции между мыслительными и языковыми структурами и дает возможность с помощью языковой семантики раскрывать механизмы познавательной деятельности человека, а терминологию рассматривать как систему аккумуляции профессионального знания и средство формирования и передачи профессиональной компетенции. В этом случае «метафора – это и процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их переосмысления, и способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности,

которые не даны в непосредственном ощущении» [12, с. 3]. Исследование метафоры позволяет заострить внимание на эвристическом характере этого явления и подчеркнуть, что «метафоризация – это процесс, приводящий к получению новых знаний о мире в ходе его оязыкования путем использования уже имеющихся в языке наименований» [12, с. 46]. Для языковой манифестации новых понятий в научной и профессиональной сферах наряду с морфологическим, синтаксическим терминообразованием и заимствованием из другого языка широко распространен метод семантической деривации терминов, когда к уже имеющемуся значению общеупотребительного слова на основе интегрирующих признаков добавляется новое научное или профессиональное значение. В результате слово получает семантическое и концептуальное развитие и переходит в разряд терминов.

С опорой на опыт предшественников и современных исследователей в данной работе метафора трактуется «как неотъемлемый компонент гносеологии», «когнитивная метафора рассматривается в этом случае как одна из базовых моделей научного мышления, отражающая специфику... языковой картины мира через призму научного дискурса» [5, с. 3]. Когнитивная сущность метафоры выявляется посредством корреляции широкого ассоциативного потенциала слов, имеющих в распоряжении носителей национального языка с понятиями научной и профессиональной области знания. В момент порождения метафоры в силу номинативной потребности происходит перенос наименования на основе сходства признаков, таких как форма предмета, или место расположения, или функция, в результате чего возникают образные ассоциации, помогающие облегчить понимание объясняемого понятия. В этом случае метафора, являясь инструментом познавательной деятельности, актуализирует свою номинативную функцию. Более того, с опорой на общеизвестный семантический образ она выполняет объяснительную функцию, раскрывая сущность явления или предмета, а также описательную функцию, давая характеристику на основе свойств объекта. При этом происходит расширение семантических границ слов, благодаря их безграничному семантическому потенциалу.

Описанию метафоризации терминологии нефтегазовой отрасли посвящен ряд работ российских лингвистов [2; 13–20]. В работах этих исследователей раскрываются особенности метафорических терминов как на материале русской нефтегазовой терминологии, так и на примере терминологии американской и английской нефтегазовой отрасли. Под нефтегазовой отраслью авторы подразумевают сектор экономики, направленный на добычу нефти и природного газа из недр земли, включающий в себя геологоразведку и разработку новых месторождений, бурение и обслуживание нефтегазовых скважин, способы воздействия на пласт с целью повышения нефтеотдачи.

Новизна исследования обусловлена обращением к особому объекту изучения: профессиональному дискурсу нефтеперерабатывающей отрасли, в котором происходит вербализация ментального пространства, связанного с комплексом многоступенчатых процессов физической и химической обработки сырой нефти на нефтеперерабатывающих предприятиях с целью производства нефтепродуктов, прежде всего различных видов топлива, а также сырья для нефтехимической промышленности. Кроме того, выбранный объект впервые исследуется с позиций профессионального дискурса, ядром которого является профессиональная терминосистема.

Было установлено, «что в технической терминологии через метафору создаются термины, в основе которых лежат слова, относящиеся к человеку и окружающему его миру, т. е. естественному окружению человека, к тому, что человек обычно видит вокруг себя» [21, с. 213]. Эффективность научно-технической коммуникации достигается за счет вербально опосредованного объяснения сложных научных и специальных понятий средствами, наиболее доступными для декодирования. Такими средствами выступают лексические единицы, связанные с базовыми понятиями областями человеческой жизни, а именно: части человеческого тела, семейные отношения, физические, психологические и социальные состояния. Подобные знания онтологически присутствуют в сознании каждого носителя языковой картины мира и являются гарантией успешного декодирования метафорически образованных терминов. Тенденция осмысления научных и профессиональных понятий через призму аспектов человеческой природы носит актуальный характер и представляет собой одно из направлений лингвистических исследований с опорой на принцип антропоцентризма.

В лингвистической литературе этот принцип вслед за И. В. Арнольд понимается как «внимание к человеческому фактору» [22, с. 60]. В статье Е. С. Кубряковой принцип антропоцентризма интерпретируется как «основной принцип исследования», который заключается в том, что именно «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [23, с. 211]. Такого рода метафорическое переосмысление продиктовано спецификой гносеологической деятельности человека, которая выражается в способности объяснять все новое через знакомое и понятное. В результате новые знания находят свое отражение в виде ментальных сущностей в сознании носителя. Иногда одни ментальные пространства вступают в корреляцию с другими, и это становится благоприятной почвой для метафоризации. Другими словами, наивная картина мира становится фундаментом, на котором строятся научные представления о мире, в результате чего научные знания получают лексическую материализацию в знаках обывденного языка.

Результаты

Исследование показало, что когнитивный потенциал метафоры в профессиональном дискурсе на примере метафорического образования английских терминов нефтеперерабатывающей отрасли раскрывается в результате актуализации принципа антропоцентризма. В связи с этим будем оперировать понятием *метафора-антропоцентризм*, «под которым понимаем метафорический термин, источником семантического переноса которого служат лексические единицы, передающие понятия, связанные с человеком и всеми сторонами его обыденной жизни» [24, с. 113].

Ярким примером метафорической деривации является актуализация концептуальной метафоры **refinery equipment is human body** (34 единицы – 11,8 % от общего количества метафор-антропоцентризов), в результате которой структуры уже имеющегося знания о человеческом теле послужили основой для переноса опыта на неизвестные фрагменты действительности. Например, слово *arm* (рука) послужило основой для *agitator arm* (лопасть (перемешивающий элемент) мешалки), *skin* (кожа) – для *skin cracking* (крекинг на поверхности), *body* (тело) – *oil body* (1. вязкость или консистенция нефти; 2. основа смазочного материала (основной состав без присадок)), *heat bodying of oil* (термическая полимеризация масла, термическое повышение вязкости, загущение), *head* (голова) – *vapour-dividing head* (головка для отбора проб пара из ректификационной колонны), *scalp* (кожа головы) – *scalp* (остаточный нефтепродукт, лишенный ценных компонентов), *foot* (нога) – *foot valve* (обратный клапан на нижнем конце всасывающей трубы, приемный клапан).

В качестве примера рассмотрим терминологическое сочетание *head of the tower* для наименования верхней части ректификационной колонны, в фокусе номинации которого оказываются признаки месторасположения и функции. Проведенный анализ концептуальной структуры метафорически образованного термина, дополненный компонентным анализом лексических значений терминологических единиц и смыслового содержания дефиниции термина, с опорой на экстралингвистическую информацию о нефтеперерабатывающем оборудовании дает нам основание сделать вывод, что семантический потенциал общеупотребительного слова на основе спектра интегрирующих семантических компонентов актуализирует, а также структурирует образный потенциал метафорического терминологического варианта, при этом уподобление осуществляется на основе ассоциативного сближения месторасположения и функции. При наименовании верхней части ректификационной колонны словом *head* в сознании специалиста происходит когнитивная корреляция нефтеперерабатывающего оборудования с человеческим телом. Содержательное наполнение и структура терминов-метафор отражают номинативное значение лексем и их семантическую структуру и служат доказательством реализации принципа антропоцентризма.

Наличие антонимичного терминологического сочетания подтверждает одно из оснований реализации когнитивного систематизирующего потенциала метафоры. В противоположность верхней части ректификационной колонны для обозначения понятия *нижняя часть ректификационной колонны* используется термин *foot of the tower*, в семантической структуре которого прослеживается наличие таких мотивирующих признаков, как нижнее месторасположение и функция опоры.

В рамках когнитивной концепции при семантической деривации терминов носители профессионального знания опираются на огромный когнитивный ресурс, совмещающий область-источник (человеческое тело) и область-мишень (оборудование нефтепереработки). В момент создания метафоры в термине фиксируется верхушка «грандиозного когнитивного айсберга» (термин G. Fauconnier), причем сама по себе терминологическая единица «несет в себе мало информации, но опирается на цепь когнитивных событий в мозге субъекта, происходящих в то время как человек говорит или слушает»¹ [25]. Раскрыть содержание когнитивного айсберга, включая систему глубинных онтологизированных знаний, помогает наложение двух концептуальных областей – Человек и Оборудование. В этом случае реализуется номинативная функция метафоры, позволяющая называть сложное профессиональное понятие с опорой на антропоцентрические представления человека о мире.

В момент создания метафоры в сознании носителя соединяются две ментальные сущности из разных категорий знания о мире, формируя яркий образ на основе нескольких мотивирующих признаков: пространственного (верхняя часть), качественное (часть целого), функционального (выполняет главную функцию), ценностно-оценочного (главная часть). Этот образ наряду с широким ассоциативным потенциалом фиксируется в термине как носитель специального знания. В процессе профессиональной коммуникации образность метафорически образованного термина стирается и актуализируется смысловой потенциал с опорой на мотивирующие признаки, в результате чего реализуется когнитивная сущность метафорической номинации, способная направить интерпретацию объекта по определенному маршруту.

Логическим продолжением, организующим систему знаний о человеке и тем самым структурирующим знания о профессиональной области нефтепереработки, является концептуальная метафора **refining equipment has properties of living organism** (62 единицы – 21,7 % от общего количества метафор-антропоцентризов). В этом случае источником метафорической деривации становятся слова, ассоциативно связывающие свойства живого организма с терминами, обозначающими вещества, процессы и аппараты нефтепереработки: *breathing* (дыхание) – *breathing tank* (резервуар с плавающей или эластичной крышей), *bleeding* (кровотечение) – *bleeding* (отбор конденсатных

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

фракций из ректификационной колонны) – *grease bleeding* (синерезис консистентной смазки), *sweat* (потение) – *wax sweater* (камера для удаления из парафина масла выпотеванием в условиях повышения давления).

Термин *bleeding* возник в результате следующего семантического развития и концептуального наложения. Значение общеупотребительного слова *bleeding* – «escape of blood from vessels»² (вытекание крови из кровеносных сосудов) служит для передачи физического явления, связанного с кровотоком. Этот ассоциативный образ зафиксирован в значении термина *bleeding* – «to remove (liquid) gradually or completely»³ (удаление жидкости постепенно или полностью) и используется для того, чтобы описать процесс удаления или извлечения некоторого количества или всего содержащегося нефтепродукта из трубы ректификационной колонны [24]. Данный термин возникает благодаря наличию базовых интегрирующих семантических компонентов исследуемой языковой единицы в результате наложения ментального пространства из обыденной картины мира на ментальные представления в профессиональной сфере.

В связи с антропологической направленностью процесса метафоризации исследуемой профессиональной области становится очевидным, что дискурсивной переквалификации подвергаются не отдельные концепты, а целые концептосферы, происходит выстраивание ментального пространства нефтепереработки посредством метафорической модели с опорой на основополагающие признаки. В результате этого в концептуальной структуре дискурса можно выявить уподобление нефтеперерабатывающей колонны и человеческого тела с головой и ногами. В этой связи обоснованным становится сравнение нефтепродукта, перемещающегося по трубам, с человеческой кровью, протекающей в кровеносных сосудах, а вытекание нефтепродукта – с кровотоком.

«Термины метафорической деривации, отличаясь своими формальными свойствами от терминов других способов образования, обладают качествами, нужными для функционирования терминов в терминосистеме: запоминаемостью, усвояемостью в системе, способностью указывать на связь общеупотребительных и специальных понятий» [26, с. 96]. Осуществляя номинативную функцию, метафорические термины благодаря своей образности надежно фиксируются в сознании носителя профессионального знания, тем самым облегчают процесс познания, освоение профессионального дискурса, приобретение профессиональной компетенции, т. к. смысловой объем термина метафорически структурируется за счет актуализации системных связей и включения в структуру уже имеющихся знаний.

В профессиональной коммуникации нефтепереработчика выделена также концептуальная метафора **refining**

equipment and substances are activists (74 единицы – 25,9 % от общего количества метафор-антропоцентризм), которая соотносит нефтеперерабатывающее оборудование и вещества, участвующие в нефтепереработке, с каким-либо родом деятельности человека в качестве источника метафорического переноса. Лексема *agent* (агент) образует более 60 терминологических сочетаний: *adsorptive agent* (адсорбент, адсорбирующее вещество), *blending agent* (компонент смешанного (компаундированного) продукта топлива или масла), *chemical addition agent* (химическая присадка к топливам, маслам), *solvent refining agent* (селективный растворитель для экстракционной очистки смазочных масел). Слово *arrestor* (лицо, производящее арест) образует термин *arrestor* – 1. электро-осадитель, электрофильтр Коттрелла; 2. охладительная камера в крекинг-системе Джайро, предназначенная для остановки реакции; *flame arrestor* – пламегаситель, клапан с предохранительной сеткой, противопожарный клапан.

Компонентный семантический анализ дефиниций слова *agent* – «a person who acts⁴ or has the power to act» (человек, который действует или имеет право действовать) и терминологического сочетания *chemical agent* – «an agent that produces chemical reactions»⁵ (химическое вещество, которое производит химическую реакцию) дает основание утверждать, что перенос осуществляется на основе интегрирующих семантических признаков (объект выполняет действие), и позволяет квалифицировать химическое вещество или оборудование как действующее лицо либо человека, выполняющего действие, что в свою очередь объективирует когнитивную операцию восприятия профессиональной действительности с позиции вербальной проекции индивидуального и социально-культурного опыта, облегчает понимание и повышает степень эффективности коммуникации в рамках профессионального контекста.

Среди метафор-антропоцентризм в дискурсе нефтепереработчика выделена концептуальная метафора **refining equipment has family and social relationships** (18 единиц – 6,3 % от общего количества метафор-антропоцентризм), которая использует концептуальное пространство *семейные отношения* в качестве источника метафорической деривации: *family* (семья) – *gas family* (группа нефтяных газов: метан, этан, пропан, бутан), *lubricating oil family* (совокупность смазочных масел, получаемых из нефти), *mother* (мать) – *mother water* (маточный раствор, жидкость для промывания нефтепродукта), *baby* (ребенок) – *baby tower* (малогабаритная выпарная колонка при ректификационной колонне), *disengagement* (развод) – *catalyst-oil disengagement* (процесс разделения нефтепродукта и катализатора, регенерация катализатора),

² Bleeding // Merriam-Webster's Online Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bleeding> (дата обращения: 16.02.2020).

³ Bleed // Merriam-Webster's Online Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/bleed> (дата обращения: 16.02.2020).

⁴ Agent // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/agents> (дата обращения: 05.02.2020).

⁵ Chemical agent // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/chemical+agent> (дата обращения: 05.02.2020).

group (группа, социальные отношения) – *hydrocarbon group analysis* (структурно-групповой анализ).

В терминологическом сочетании *baby tower* слово *baby* передает понятие «small in comparison with others of the same kind, immature»⁶ (маленький по сравнению с другими того же вида, незрелый). Семантическая структура общеупотребительной лексемы *baby* включает следующие компоненты: 1) *smaller than the usual*; 2) *immature*. При метафорической деривации термин *baby tower* приобретает значение «малогабаритная выпарная колонна при ректификационной колонне»⁷. Структурно-семантический анализ термина помогает выявить следующие компоненты: 1) *small-sized*; 2) *connected with rectification column*. Наличие связывающих семантических компонентов явилось основанием для создания термина нефтепереработки *baby tower*.

Среди метафор-антропоцентризов в дискурсе нефтепереработки выделена концептуальная метафора **refining substances are perceived by odor and taste** (57 единиц – 20 % от общего количества метафор), источником семантической конверсии становятся лексические единицы, передающие названия пищевых продуктов, восприятие ароматов, вкуса и цвета. Слова *sweet* (сладкий), *lemon pale* (бледно-лимонный), *bloom* (цвет, оттенок цвета) реализуют свой образный потенциал при формировании терминологических единиц в профессиональной коммуникации: *sweet-smelling gasoline* (бензин, лишенный неприятного (меркаптанового) запаха; дезодорированный бензин; бензин, очищенный от меркаптанов), *extra orange pale* (бледно-оранжевый цвет нефтепродукта), *alkyl aromatics* (алкилированные ароматические углеводороды).

Изучение экстралингвистической информации позволяет раскрыть специфику употребления слова *sweet* в составе терминосочетания *sweet oil*, которое носит исторически мотивированный характер и связано с начальным этапом развития нефтеперерабатывающей промышленности, когда нефть нюхали и пробовали на вкус, чтобы узнать, пригодна ли она для производства керосина для лампового освещения помещений, во избежание отвратительного запаха при его сгорании. В настоящее время существуют современные методы анализа состава нефтепродуктов, но метафорические термины продолжают функционировать в профессионально-коммуникативном пространстве.

В дискурсе нефтепереработки выделена концептуальная метафора **refining substances has human characteristics** (41 единица – 14,3 % от общего количества метафор). Источником семантического развития становятся лексические единицы, отражающие характеристики

человека, связанные с состоянием его души, материальным и общественно-социальным положением. Характеристики *free* (свободный), *active* (активный), *lean* (тощий), *noble* (благородный), *poor* (бедный), *rich* (богатый) послужили основой для создания терминологических сочетаний *free acidity* (свободные кислоты, содержание свободных кислот), *free area* (живое (свободное) сечение трубы или колонны), *active gas* (газ, вызывающий коррозию; корродирующий газ, содержащий кислотные или кислотообразующие компоненты), *lean gas* (тощий (бедный, сухой) газ, отработанный газ, нефтяной газ с низким содержанием паров бензина), *noble gas* (благородный (инертный) газ), *poor gas* (бедный газ с низким содержанием бензиновых углеводородов), *rich gas* (богатый (обогащенный) газ с высоким содержанием бензиновых углеводородов).

Компонентный анализ общеупотребительного слова *lean* – «thin, spare, with little flesh or fat»⁸ (тощий, с небольшим количеством мяса или жира) и терминологического сочетания *lean gas* – «gas from which desired liquid components have been removed»⁹ (природный газ, из которого были удалены требуемые жидкие компоненты) позволяет выделить интегрирующий семантический компонент *отсутствие важной составляющей части*, который служит основанием для метафорического переноса.

Заключение

Исследование когнитивного потенциала метафоры в профессиональном дискурсе на материале английской терминологии нефтепереработки показало, что совокупность концептуальных метафор, составляющих профессиональный дискурс, сформирована по принципу антропоцентризма и опирается на огромный когнитивный ресурс базовых представлений об окружающем мире и человеке. Основным результатом исследования стало выявление концептуальных метафор в качестве репрезентантов профессионального знания, детерминированных наложением двух концептуальных сфер разных категорий знаний. С одной стороны, фигурируют общефоновые знания, где центральное место занимают представления о человеке, его теле, витальных функциях и характеристиках, с другой – находятся знания профессионального свойства. Посредством образных сравнений и ассоциативных связей, закрепленных в языковых терминологических единицах, метафора позволяет предопределять направленность истолкования и структурировать профессиональные понятия в системе профессиональных знаний, актуализированных в профессиональном дискурсе.

⁶ Baby // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/baby> (дата обращения: 05.02.2020).

⁷ Baby tower // Академик. Режим доступа: <https://translate.academic.ru/baby%20tower/en/ru/> (дата обращения: 16.10.2019).

⁸ Lean // Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=lean> (дата обращения: 19.02.2020).

⁹ Lean gas // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/lean+gas> (дата обращения: 15.02.2020).

Литература

1. Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь: ПГНИУ, 1998. 250 с.
2. Деева А. И. Лингвокогнитивная специфика метафорического моделирования русской нефтегазовой терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 24 с.
3. Зубкова О. С. Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропеической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 16–21.
4. Ивина Л. В. Когнитивные основания зооморфной метафоры в инвестиционной терминологии английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 189–198.
5. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 43 с.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
7. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago-London: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 46. С. 76–101. DOI: 10.17223/19996195/46/5
11. Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39–48.
12. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.
13. Азнабаева Л. А., Халикова А. Р. Понятийная структура английских антропоморфных метафор в нефтегазовой терминосистеме // Вестник БашГУ. 2012. Т. 17. № 1. С. 146–148.
14. Ермакова Е. Н., Яснева А. Н. Метафорический перенос как способ терминообразования в нефтегазовой отрасли (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 240–247.
15. Ефремов А. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности метафорических терминов (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 20 с.
16. Калинина С. В., Коцюбинская Л. В. Метафорическое моделирование термина нефтяной отрасли (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 218–222. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.48
17. Кукасова Д. Г., Сулейманова А. К. Процессы терминологизации лексики общелитературного языка (на примере терминов нефтегазовой геологии) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4. С. 453–455.
18. Манина А. Р. Английские антропоморфные метафоры группы «конечности человеческого тела» терминологической системы нефтегазовой промышленности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 176–182.
19. Манина А. Р., Азнабаева Л. А. Английские антропоморфные метафоры группы «болезнь и ее лечение» в нефтегазовой терминосистеме // Вестник БашГУ. 2016. Т. 21. № 3. С. 764–767.
20. Хачмафова З. Р., Ефремов А. А. Актуализируемые признаки метафорического терминообразования (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. № 3. С. 106–112.
21. Татаринцов В. А. Общее терминоведение. М.: Московский Лицей, 2006. 526 с.
22. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 139 с.
23. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 144–238.
24. Тихонова И. Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы (на материале английской терминологии нефтепереработки): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 221 с.
25. Fauconnier G., Turner M. B. *The Cambridge handbook of metaphor and thought: rethinking metaphor*. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. DOI:10.1017/CBO9780511816802.005
26. Прохорова В. Н. Русская терминология. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 125 с.

Cognitive Potential of Metaphor in Professional Discourse

Irina B. Tikhonova ^{a, @, ID}

^a Omsk State Technical University, Russia, Omsk

@ tikhirina@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5045-8990>

Received 03.03.2020. Accepted 08.05.2020.

Abstract: The article focuses on the cognitive function of metaphor in professional discourse, which is a professional terminology system and a linguistic manifestation of a professional world view. The article demonstrates evolution of different approaches to the phenomenon of metaphor in scientific discourse and professional terminological systems. Convergence of research directions and methods, as well as integration and interpenetration of approaches to the object under study, made it possible to build the framework of the conceptual logic of mental knowledge structures objectified in systems of terminological units. A conceptual analysis of metaphorical terminological derivatives enriched with semantic analysis of term definition components provided the empirical evidence that anthropocentric principle is the basic trend in the process of metaphor forming in the professional discourse of petroleum refining. The author sees metaphor as a cognitive mechanism that associates new unknown concepts with familiar phenomena from everyday human life. The dominant conceptual metaphors develop on the principle of anthropocentrism by combining the source-domain, including a system of deep ontological knowledge about a person and a target-domain representing special concepts of professional discourse. The cognitive potential of metaphorical models is described on the basis of the metaphorical derivation of the professional oil refining terminology system. In addition to their nominative function, metaphorically formed terminological units perform explanatory function by visualizing the processes of petroleum refining to provide an opportunity to understand complex structural organization of professional discourse.

Keywords: metaphorical terminology, conceptual metaphor, professional discourse, professional terminological system, oil refining terminology, professional world view, English terminology

For citation: Tikhonova I. B. Cognitive Potential of Metaphor in Professional Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 549–557. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-549-557>

References

1. Alekseeva L. M. *Term and metaphor*. Perm: PGNIU, 1998, 250. (In Russ.)
2. Deeva A. I. *Linguocognitive specificity of metaphorical modeling of Russian oil and gas terminology*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2015, 24. (In Russ.)
3. Zubkova O. S. Metaphorical modeling of the modern communicative space of professional languages using tropic vocabulary. *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, 2016, (1): 16–21. (In Russ.)
4. Ivina L. V. Cognitive foundations of zoomorphic metaphors in English investment terminology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2018, (4): 189–198. (In Russ.)
5. Mishankina N. A. *Linguocognitive modeling of scientific discourse*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2010, 43. (In Russ.)
6. Aroutiounova N. D. Metaphor and discourse. *Theory of metaphor*, eds. Aroutiounova N. D., Zhurinskaia M. A. Moscow: Progress, 1990, 5–32. (In Russ.)
7. Lotte D. S. *Fundamentals of building scientific and technical terminology*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961, 158. (In Russ.)
8. Ortega-y-Gasset J. Las dos grandes metaforas. *Theory of metaphor*, eds. Aroutiounova N. D., Zhurinskaia M. A. Moscow: Progress, 1990, 68–81. (In Russ.)
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago-London: University of Chicago Press, 1980, 242.
10. Novitskaya I. V. The conceptual metaphor theory and the development of alternative theories within the cognitive approach to metaphor (a review of European and American metaphor studies). *Jazyk i kul'tura*, 2019, (46): 76–101. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/46/5
11. Petrov V. V. Language and logical theory: in search of a new paradigm. *Voprosy iazykoznanii*, 1988, (2): 39–48. (In Russ.)
12. *Metaphor in language and text*, ed. Teliia V. N. Moscow: Nauka, 1988, 176. (In Russ.)
13. Aznabaeva L. A., Khalikova A. R. Notional structure of English anthropomorphic metaphors in oil and gas terminology. *Vestnik BashGU*, 2012, 17(1): 146–148. (In Russ.)

14. Ermakova E. N., Yasneva A. N. Metaphorical transfer as a way of oil and gas term formation (based on Russian and English lexicological material). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (2): 240–247. (In Russ.)
15. Efremov A. A. *Cognitive and structural-semantic features of metaphorical terms (based on the terminology of the American oil and gas industry)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Maykop, 2013, 20. (In Russ.)
16. Kalinina S. V., Kotsyubinskaya L. V. Metaphorical modelling of oil industry terms (by the material of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, 12(10): 218–222. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.48
17. Kukasova D. G., Suleymanova A. K. Processes of terminologization of the lexicon of the literary language (with reference to terms of oil and gas geology). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, (4): 453–455. (In Russ.)
18. Manina A. R. English anthropomorphic metaphors of the group "limbs of the human body" in oil and gas terminology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (3): 176–182. (In Russ.)
19. Manina A. R., Aznabaeva L. A. English anthropomorphic metaphors of the group "illness and its treatment" in oil and gas terminology. *Vestnik BashGU*, 2016, 21(3): 764–767. (In Russ.)
20. Khachmafova Z. R., Efremov A. A. Actualized indications of a metaphorical term formation (as shown by terminology of the American oil and gas branch). *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and Arts*, 2013, (3): 106–112. (In Russ.)
21. Tatarinov V. A. *General terminology*. Moscow: Moskovskii Litsei, 2006, 526. (In Russ.)
22. Arnold I. V. *Fundamentals of scientific research in linguistics*. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 139. (In Russ.)
23. Kubryakova E. S. The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century: paradigm analysis. *Language and science of the late 20th century*, ed. Stepanov Iu. S. Moscow: Izd. tsentr RGGU, 1995, 144–238. (In Russ.)
24. Tikhonova I. B. *Cognitive modeling of a professional term system (based on the English terminology of oil refining)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2010, 221. (In Russ.)
25. Fauconnier G., Turner M. B. *The Cambridge handbook of metaphor and thought: rethinking metaphor*. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. DOI:10.1017/CBO9780511816802.005
26. Prokhorova V. N. *Russian terminology*. Moscow: Filol. fak. MGU, 1996, 125. (In Russ.)

Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое

Дина М. Ханнанова^{a, @, ID}

^a Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Россия, г. Альметьевск

@ val_dina@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6089-5043>

Поступила в редакцию 27.02.2020. Принята к печати 21.04.2020.

Аннотация: Предметом статьи явилось описание наиболее непоследовательно и противоречиво представленных в лингвистике модальных категорий долженствования и необходимости. Изучению модальности в целом и ее частных разновидностей посвящено множество научных работ. Интерес к ее исследованию вызван повышенным вниманием к роли языка как средства коммуникации и индивидуализации мыслительно-речевого процесса человека. Актуальность поднимаемой проблемы созвучна с общей тенденцией усовершенствования, упорядочения и систематизации понятийно-терминологического аппарата лингвистической науки, поскольку субъектная модальность, обладая многоплановостью семантики, разнообразными средствами выражения и множественностью возможных вариантов соотношения между формой и содержанием в процессе речевого функционирования, обуславливает появление в науке различных, часто противоречивых и запутанных интерпретаций модальных категорий. Рассматривается вопрос о соотношении долженствования и необходимости в общем поле модальности, выясняется их языковая природа. Цель – используя методы анализа, сравнения и обобщения, определить содержательную основу указанных модальностей и показать, в какой семантической взаимозависимости они находятся. Делается вывод о том, что рассматриваемые виды ирреальной модальности представляют собой разные, отличные друг от друга категории с общей областью семантики и употребления языковых средств. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые обобщен обширный теоретический материал по изучению долженствования и необходимости в лингвистике. Это позволило выявить специфику их значения и тем самым предоставить основу для дальнейшей разработки проблемы языковой модальности. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в теоретических и практических курсах при подготовке специалистов филологических специальностей.

Ключевые слова: модальная категория, долженствование, необходимость, деонтическая модальность, алетическая модальность, языковые средства, базовая сема

Для цитирования: Ханнанова Д. М. Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 558–564. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564>

Введение

В настоящее время лингвистика, как и любая развитая наука, имеет свой собственный язык, свою систему символов, которая становится не менее важной составляющей научного знания, поскольку позволяет оперировать полученными в результате анализа данными и упорядочивает их.

Существенную часть «искусственного языка» науки, или метаязыка, составляет его словарный состав или система терминов. От их однозначного понимания в значительной мере зависит эффективность любого исследования. Однако в терминологической системе лингвистики могут происходить изменения, обусловленные, с одной стороны, естественным развитием терминосистемы в соответствии с общими законами развития языка, что приводит к появлению «противопоказанных» для нее синонимии, омонимии и многозначности, с другой – пополнением новыми, «изобретенными» самими исследователями терминами

зачастую для обозначения уже известных понятий или использованием одних и тех же слов для обозначения совершенно разных явлений. Трудностью в понимании языкового факта может явиться также то, что авторы научных работ, как правило, не разъясняют, в каком именно смысле они используют тот или иной термин, что за ним стоит и на каких позициях в рассмотрении вопроса они находятся.

Все это является вредоносным для языка науки, поскольку создает сложности для описания сущности лингвистического явления самого по себе, а также его взаимосвязи с другими явлениями, затрудняет общение и взаимопонимание в научной среде. Поэтому упорядочение и систематизация понятийно-терминологического аппарата лингвистической науки приобретает на сегодняшний день особую актуальность. Одним из явлений, требующим дополнительного освещения и разъяснения в системе метаязыка лингвистики, по-прежнему остается проблема определения таких

разновидностей модальности, как необходимость и долженствование, а именно: установление границ каждой из них и вопрос об их соотношении.

Теоретические основы

Как известно, изучение долженствования и необходимости имеет давнюю историю и ведется с античных времен, когда первоначально указанные виды модальности являлись объектом логико-философских трактатов, идеи которых впоследствии стали концептуальной основой для лингвистических изысканий. Сегодня исследования долженствования и необходимости проводятся на материале многих, в том числе неродственных языков, что возводит эти модальности в ранг языковых универсалий, и обычно затрагивают вопросы языковых средств выражения модальностей [1–7], их функционирования в различных типах коммуникации [8–10], грамматического функционирования и моделирования ситуаций с модальными модификаторами [11–19]. Однако основанием, на котором выстраивается любое исследование указанных модальностей, продолжает оставаться их содержательная сторона: раскрытие объема значений и их корреляция.

В современной лингвистике сложилось по меньшей мере четыре взгляда на проблему понимания указанных видов модальности и их соотношения. Одни исследователи не усматривают какой-либо разницы в содержании исследуемых модальных категорий, отмечают их взаимопроницаемость, содержательную близость и семантическое родство, что указывает на их синонимичность и идентичность. Отождествлять эти разновидности модальности позволяет выражаемая ими семантика – модальное значение долженствования и необходимости передает безальтернативное и неперемное превращение потенциального в актуальное [20]. При этом говорится, что семантика долженствования и модальное значение необходимости находят в языке одинаковое воплощение: «Поскольку модальное значение необходимости выражается теми же языковыми средствами, что и долженствование, мы рассматриваем эти понятия как синонимичные» [4, с. 75]. В некоторых исследованиях обе модальности идентифицируются и воспринимаются как обозначение одного и того же понятия, которое возможно называть то долженствованием, то необходимостью [21], одно из обозначений может помещаться в скобки [22] или фигурировать в обобщающем словосочетании «долженствование и необходимость» [8].

Согласно другой, абсолютно противоположной точке зрения долженствование и необходимость рассматриваются как самостоятельные категории в общем ряду с остальными известными видами модальности. Например, Г. И. Петрова через соотношение необходимости, долженствования, желательности и возможности раскрывает семантические дифференциальные признаки побудительности: все перечисленные «виды модальностей частично пересекаются и влияют на функционирование друг друга» [17, с. 207]. С. Н. Туровская ведет речь о четырех концептах, относящихся к действиям и поступкам на основе модальностей

долженствования и необходимости, и выделяет концепты долженствования как нормы (обязанности), долженствования как идеала, необходимости как вынужденности и необходимости как нужды и надобности [23, с. 9].

Долженствование понимается в лингвистике как главенствующая по отношению к необходимости категория, которая в языковом употреблении нивелирует последнюю и является ее проявлением. М. К. Сабанеева частое использование термина *необходимость* применительно к содержанию *долженствования* при исследовании категории модальности объясняет стремлением соблазнить дифференциацию между категорией языкового сознания, с одной стороны, и категорией логики – с другой. В логике необходимость характеризуется тотальностью, всеобщностью, обусловленной волей обстоятельств, и проявляется в аподиктических суждениях типа *Наступление ночи после вечера необходимо* [24, с. 253]. Необходимость представляет собой «субстанциональное тождество субъекта и предиката» (Г. В. Ф. Гегель), которому противостоит единичное, случайное. Это тип связи явлений, который определен их устойчивой внутренней основой и совокупностью условий их возникновения, существования и развития [24], поэтому она отчетливо проявляется в законах природы (физики, химии, биологии), законах математики и находит отражение в аподиктических суждениях типа *Человеку необходимо умереть*. В обыденной речи, за пределами логической терминологии, логическая необходимость и отображающие ее суждения не находят языкового выражения. Необходимые тотальные истины выражаются так же, как и частные, единичные ситуации – *Человек смертен*. Все логически неизбежное является действительным, поэтому языковая система реализует экономию языковых средств. Выражением логической необходимости *Человек должен умереть* способна стать языковая семантика долженствования, следовательно, модальное значение необходимости выражается теми же языковыми средствами, что и долженствование. Продолжая размышлять о соотношении категорий долженствования и необходимости, М. К. Сабанеева отмечает, что семантика долженствования значительно шире, чем логическая необходимость, поскольку включает понимание долга не только как понятия физического, но и как принуждения в силу социальных, юридических, этических и эстетических норм, образующих содержание деонтической модальности; понимание долга как ситуативной вынужденности совершения того или иного действия; понимания долга как внутреннего побуждения, основанного либо на органической ассимиляции лицом социальных, этических и эстетических норм, либо на индивидуальной психической или физической потребности [24].

С. В. Туганова рассматривает долженствование как деонтическую модальность, среди значений которой присутствует и значение насущной необходимости [10]. По мнению О. И. Григорьевой, содержание модального долженствования заключается в формуле «сделает, даже если не захочет» и связано с передачей суждения о неизбежности, предназначенности, судьбе, а необходимость лишь граничит

с долженствованием или входит в него в качестве элемента значения, «когда говорящий считает, что что-то должно совершиться, он допускает и его необходимость» [25, с. 183]. Л. М. Голиков и О. В. Дружининская разделяют долженствование на деонтическое (нормативное обязательство) и неодеонтическое (ненормативная потребность). Долженствовательные формы нормативной обязанности выражают общее значение нормативного принуждения к действию, а долженствовательные формы потребности реализуют значение потребности в существовании [12, с. 19].

Подавляющее большинство ученых анализируют явления, относимые к категории долженствования, в общем поле модальной необходимости [14]. Считается, что значение необходимости является более широким по отношению к долженствованию, а языковые единицы, выражающие значение долженствования, входят в ее семантическую зону. В. А. Альшевская и Е. В. Медведева полагают, что модальность необходимости передает семантику вынужденности или воздействия чужой воли и необходимости как внутренней, зависящей от душевного состояния человека потребности, так и потребности физиологической, а также личного интереса, стечения обстоятельств. Долженствование входит в содержательную структуру модальной необходимости, выражая веление долга, обязанность или деонтический долг [26]. И. М. Багандова к признакам, составляющим основу семантики необходимости, относит внутреннюю потребность совершения действия или вынужденность его совершения, а также веление долга или его отсутствие (свобода в выборе действия) [8, с. 421].

О. А. Толстая, изучая ситуативную модальность необходимости на материале романа Л. Н. Толстого «Воскресение» и его польского перевода, рассматривает ее через значения и языковые средства долженствования: предикативное прилагательное (*powinien*), выявляющее семантику «долженствования, основанного на внутреннем сознании или понимании необходимости, актуализирует значение частного долженствования, детерминированное понятием морального долга субъекта», «центральную зону микрополя необходимости в оригинальном тексте романа занимают краткое прилагательное *должен*, а также предикативы *надо* и *нужно*», которые «наиболее продуктивны в качестве экспликаторов частного значения субъективно-объективной необходимости "иметь потребность в выполнении действия"», «к зоне ближней периферии относятся предикативное наречие *должно*, прилагательные *необходимый*, *обязанный* и их производные», «зона дальней периферии необходимости представлена глагольно-именными сочетаниями с лексемами *дело*, *долг*, *резон*», «анализ показал, что наиболее продуктивным значением конститuentов данной зоны микрополя необходимости в тексте романа является долженствование» [9, с. 14–17].

В диссертационном исследовании Н. П. Мерзляковой модальность объектной «истинной» необходимости, входящая к алетической логике, обозначающей нормативную модальность, т. е. проявление объективных позиций

реального мира, исключена из области исследования, поскольку, как было сказано выше, она не находит в языке средств выражения и поэтому не представляет научного интереса. Анализу подвергается субъектная модальность необходимости, т. е. модальность, связанная с оценкой говорящим способа существования связи между субъектом и его предикатным признаком, основанная на деонтической логике, которая реализуется в двух модальных значениях: собственно деонтической необходимости, обусловленной чужой волей, и онтологической необходимости, обусловленной обстоятельствами [6, с. 123–130]. И. В. Одинцова эти значения обозначает как необходимость-долженствование и необходимость-надобность (необходимость-потребность или утилитарная необходимость) соответственно. Жизнь человека и мир вокруг него контролируются обществом, понятиями долга и нормы, а также регулируются его собственными интересами, внутренними потребностями и желаниями [15, с. 42]. При этом указывается, что необходимость-долженствование и необходимость-надобность не являются абсолютными категориями, поскольку система общественных норм может быть нарушена.

Моральная заповедь долженствования, как отмечают современные философы, может не только быть «формальной», но и затрагивать «материю воли», выводя тем самым долженствование на уровень актуального бытия, когда человек обладает свободой выбора поступать или не поступать должно в соответствии с субъективными ценностями или общепринятыми объективными ценностями [27, с. 116]. Практически в любом утверждении с *должен* предполагается некоторая точка зрения (закон, требования общества, собственная внутренняя потребность и пр.), приписывающая долженствование, и почти всегда есть другая точка зрения, согласно которой это *должен* не является обязательным или даже становится совершенно недопустимым. Так, в примере *Иванов должен дать показания против своего друга* деонтическая модальность отражает точку зрения полиции и закона, но по «закону дружбы» *Иванов не должен давать показания против своего друга* [28, с. 209]. Граница между внутренним долгом человека и его потребностью может быть также довольно расплывчатой: социальные нормы и правила могут восприниматься человеком как внутренняя потребность, а внутренняя потребность может осознаваться им как проявление долга [15, с. 43].

Часто на основе объединяющей категориальной семантики деонтической необходимости модальные модификаторы *должен* и *надо* имеют в языке случаи коррелирующего употребления, когда может актуализироваться то значение надобности, то значение долженствования, а в некоторых случаях оба модальных значения могут присутствовать одновременно. Например, в предложении *Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов* (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени) модификатор *должен* выражает не долженствование, вызванное внешней или моральной обязанностью, а внутреннюю

потребность субъекта внести дополнительную информацию в описание [15]. Сравните также высказывания: «конструкции с *должен* являются способом выражения одного из значений необходимости, а именно необходимости» [15, с. 42] «совершения действия без какой бы то ни было дифференциации причин, обуславливающих такую необходимость» [29, с. 210–211], «формы с *должен* семантически неоднородны, различаются характером выражаемого ими значения долженствования как частного значения категории необходимости. <...> значение долженствования в качестве модуса потребности... или практической необходимости... и практического ограничения», связанного с идеей необходимости существования [12, с. 10, 11]. В предложении «Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда», – сказал Левий и добавил мрачно: мне его верните, мне его надо отдать хозяину, я его украл (Булгаков М. А. Мастер и Маргарита) слово *надо* скорее всего будет рассматриваться как выражение долженствования, когда по юридическим нормам и нормам морали краденую вещь говорящий должен вернуть [15, с. 43]. В то же время очевидно, что в приведенном примере внешнее обязательство совпадает с моральными устоями говорящего, который мучается угрызениями совести и выражает желание уладить инцидент, испытывает потребность в возвращении украденного.

Одни и те же языковые средства могут использоваться для выражения обеих разновидностей субъектной модальной необходимости не только в русском, но и в других языках. Например, в немецком языке такими коррелирующими прототипическими средствами их выражения является глагол *müssen* [6, с. 128], а в английском – модальные глаголы *have to* и *must*.

Результаты

Признание существования модальных категорий долженствования и необходимости в общем поле модальности очевидно. Их содержание целесообразно основывать на понимании долга и надобности соответственно: долженствование следует рассматривать как предписанность действия, обусловленную законами, обычаями, традициями, правилами этикета, личным опытом говорящего, обычным следованием событий, объективными обстоятельствами, т. е. нормами в широком смысле этого слова [6], а необходимость – характеризовать как модальность, выражающую неизбежность или вынужденность действия, зависящего от желания субъекта [6, с. 127].

Ввиду того, что «все семантические наблюдения могут быть только субъективными» [30, с. 7, 8], в вопросе лексической актуализации, затрагивающей, в первую очередь, модальный модификатор *должен*, из-за которого возникают большинство недоразумений и путаница в понимании двух видов модальности, по всей видимости, следует установить одно-однозначную основу, своеобразный ориентир, опираясь на который возможно фиксировать содержание каждой из модальностей и определять их языковое воплощение. Такой опорой при выявлении лексем соответствующего модального поля могут явиться базовые семы

или концептуальные признаки в содержании модальностей: для долженствования – единицы, в значении которых основными семами будут являться компоненты *долг* и *обязанность*, а также их варианты *должен*, *обязан*, *вынужден*, а для выражения необходимости – употребление глаголов и предикативов с базовой семой *нужность*, которая может содержаться в виде компонентов *нужно*, *надо*, *необходимо*. Примером выявления языковых средств анализируемых модальностей может служить исследование Н. П. Мерзляковой, где методом семантического развертывания на материале немецкого языка были обнаружены непрототипические языковые средства для выражения обеих модальностей. Было установлено, что долженствование (деонтическая необходимость) на основе базовых сем *долг* (*Pflicht*) и *обязанность* (*Auftrag*) выражается не только модальным глаголом *sollen* (быть обязанным по указанию, по закону, по правилам, по обычаю, по воле судьбы), но и модальным глаголом *müssen* (быть должным, быть вынужденным сделать что-то в силу морального долга, под давлением обстоятельств), причастием *verpflichtet* (обязанный), а необходимость (онтологическая необходимость) на основе базовой семы *необходимый* (*notwendig*) может выражаться в языке прежде всего модальным глаголом *müssen* (быть должным, быть вынужденным сделать что-то в силу морального долга, под давлением обстоятельств), а также модализованными глаголами *brauchen* (нуждаться), *bekommen* (получать), *kriegen* (получать), глагольными сочетаниями *es gibt* (имеется), *es gilt* (необходимо), *viel bedeuten* (много значить), *daran liegen* (придавать значение, быть важным), *nicht erspart bleiben* (не миновать), прилагательным *wichtig* (важный), наречием *beschieden* (суждено) [6, с. 123–125]. Лексемы *notwendig* (необходимый), *haben* (иметь), *sein* (быть), *genötigt* (вынужденный), *gezwungen* (принужденный), *bestimmt* (обязательно, определенно) коррелируют с обеими модальностями. За счет дополнительных семантических компонентов, содержащихся в значении непрототипических средств, производится субкатегоризация двух модальностей и индивидуализация мыслительно-речевого акта оценки со стороны субъекта [6, с. 123–125].

Заключение

Долженствование (дебитивная модальность, деонтическая модальность, деонтическая необходимость, необходимость-долженствование, нормативное долженствование) и необходимость (онтологическая необходимость, необходимость-потребность, необходимость-надобность, ненормативное долженствование) представляют собой самостоятельные виды модальных категорий, способные существовать и функционировать автономно; их дифференциацию возможно осуществлять на основе базовых сем, отображающих их сущностное содержание; при этом необходимо учитывать, что в некоторых случаях разграничение модальностей не всегда оказывается явным, о чем свидетельствует использование одинаковых языковых средств для их выражения.

Литература

1. Брутчикова Е. И. Функционально-семантические особенности средств выражения модальности в современном немецком языке // *Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири*. 2014. № 3. С. 27–31.
2. Гвоздева И. А. К вопросу о семантических и прагматических особенностях синонимичных глаголов долженствования (на материале старофранцузского языка) // *Вестник ИГЛУ*. 2012. Т. 2. № 19. С. 16–22.
3. Данг К. Т. Способы выражения долженствования в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 25 с.
4. Жарникова И. П. Грамматические средства выражения необходимости (на материале англоязычных текстов) // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2011. № 4. С. 73–77.
5. Иванова И. А. Модальность долженствования и способы ее репрезентации в английском языке // *Смысловое пространство текста: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. (Петропавловск-Камчатский, 14–19 декабря 2015 г.)* Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 7–18.
6. Мерзлякова Н. П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 174 с.
7. Шведова Н. Ю. О долженствительном наклонении // *Синтаксис и норма* / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 107–121.
8. Багандова И. М. Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым на примере пословиц и поговорок даргинского языка // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 4. С. 420–423.
9. Толстая О. А. Функционально-семантические особенности ситуативной модальности в романе А. Н. Толстого «Воскресение» и его польском переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2013. 23 с.
10. Туганова С. В. Деонтическое значение модального вспомогательного слова «должен / must» в русских и английских прескриптивных юридических текстах // *Филология и культура*. 2018. № 4. С. 88–95.
11. Агаджанян С. А. Модальные значения долженствования и побудительности в коммуникации «врач – пациент» на английском языке // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 9-2. С. 116–118. DOI: 10.23670/IRJ.2017.63.008
12. Голиков Л. М., Дружининская О. В. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века // *Научный диалог*. 2019. № 9. С. 9–23.
13. Загородская Е. А. Модальность необходимости и ситуации необходимости в значении потребности (на материале французского языка) // *Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.)* СПб., 2001. С. 213–220.
14. Замятина Е. Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 142 с.
15. Одинцова И. В. Употребление слов должен и / или надо для выражения категорий необходимости и предположительности в практике преподавания РКИ // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 1. С. 40–48.
16. Осетров И. Г. Структурные разновидности простого предложения с модальным значением долженствования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 16 с.
17. Петрова Г. И. Семантические дифференциальные признаки побудительной модальности (на материале французского языка) // *Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.)* СПб., 2001. С. 207–212.
18. Суханова О. В. Предложения узуального долженствования с модальными лексемами в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 25 с.
19. Цейтлин С. Н. Необходимость // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность* / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 142–156.
20. Хузина Е. А. Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 8. С. 147–152.
21. Талипова Ф. Р. Дебитивное долженствование и способы его выражения в английском языке // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6-4. С. 68–70. DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.148
22. Валипур А., Джафарзаде Р. Вид глаголов в конструкциях со значением долженствования (необходимости) и способы их передачи на персидский язык // *Modern humanities success*. 2020. № 1. С. 212–215.
23. Туровская С. Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке // *Ученые записки Тартуского университета*. Тарту: Тарт. ун-т, 1990. Вып. 896. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. С. 4–21.
24. Сабанеева М. К. Поле долженствования в латинском языке // *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры* / под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2005. С. 252–276.

25. Григорьева О. И. Анализ взаимосвязей в системе модальностей // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 181–187.
26. Альшевская В. А., Медведева Е. В. Типы каузаторов в семантической структуре высказываний со значением необходимости (на материале французского языка) // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковаева, 2019. С. 221–225.
27. Мулюкова Л. Ф. Долженствование как возможный поступок // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 17. С. 115–120.
28. Митренина О. В. Смогут ли языковеды и логики договориться о логике языка: взгляд лингвиста // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 204–213.
29. Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 283 с.
30. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

original article

The Modal Categories of Obligation and Necessity in Linguistics: the Identical, the Different, or the Included

Dina M. Khannanova^{a, @, ID}

^a Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Russia, Almetyevsk

@ val_dina@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6089-5043>

Received 27.02.2020. Accepted 21.04.2020.

Abstract: The article describes the most inconsistent and contradictory modal categories of obligation and necessity presented in linguistics. Many scientific papers have been devoted to the study of modality in general and its particular varieties. Interest in its research is caused by the increased attention to the role of language as a means of communication and individualization of the human thought and speech process. The relevance of the problem is also in line with the general trend of improving, ordering, and systematizing the conceptual and terminological apparatus of linguistics. Subjective modality has a multiple semantics, various means of expression, and a number of possible relationships between form and content in the process of speech functioning. These characteristics result in contradictory and confusing interpretations of these categories in science. The research objective was to determine the content basis of these modalities and show how they are interdependent. The study was based on the methods of analysis, comparison, and generalization. The article focuses on the relationship between obligation and necessity in the general field of modality, as well as on their linguistic nature. The types of unreal modality proved to be different varieties of modality with a common area of semantics and use. The author generalized an extensive theoretical material on the categories of obligation and necessity, identified their meanings, and provided a basis for further research. The results of the analysis can also be used in courses of theoretical and applied philology.

Keywords: modal category, obligation, necessity, deontic modality, alethic modality, language means, basic seme

For citation: Khannanova D. M. The Modal Categories of Obligation and Necessity in Linguistics: the Identical, the Different, or the Included. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 558–564. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564>

References

1. Brutchikova E. I. Functional and semantic features of means of expression modality in modern German. *Magister Dixit: nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri*, 2014, (3): 27–31. (In Russ.)
2. Gvozdeva I. A. On the issue of semantic and pragmatic features of synonymous verbs of obligation (based on Old French texts). *Vestnik IGLU*, 2012, 2(19): 16–22. (In Russ.)
3. Dang K. T. *Means of expressing of obligation in the modern Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1994, 25. (In Russ.)
4. Zharnikova I. P. Ways of expressing the category of the necessity. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2011, (4): 73–77. (In Russ.)

5. Ivanova I. A. Modality of obligation and ways of its representation in the English language. *Semantic space of the text: Proc. Interunivers. Sci.-Prac. Conf. Petropavlovsk-Kamchatsky*, December 14–19, 2015. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2016, 7–18. (In Russ.)
6. Merzliakova N. P. *System of non-prototypical means of expressing subject modal values*. Cand. Philol. Sci. Diss. Izhevsk, 2010, 174. (In Russ.)
7. Shvedova N. Iu. About the obligation mood. *The syntax and the norm*, ed. Zolotova G. A. Moscow: Nauka, 1974, 107–121. (In Russ.)
8. Bagandova I. M. Modality of necessity and lability of constructions with infinitive in the role of a predicate on the material of Dargin proverbs and sayings. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2019, (4): 420–423. (In Russ.)
9. Tolstaya O. A. *Functional and semantic features of the situational modality in L. N. Tolstoy's novel "The Awakening" and its Polish translation*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kaliningrad, 2013, 23. (In Russ.)
10. Tuganova S. V. Deontic meanings of the modal auxiliary "dolzhen / must" in Russian and English prescriptive legal texts. *Philology and culture*, 2018, (4): 88–95. (In Russ.)
11. Agadzhanian S. A. Modal values of obligation and requiredness in the communication of the doctor and patient in the English language. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2017, (9-2): 116–118. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2017.63.008
12. Golikov L. M., Druzhininskaya O. V. Forms of obligation in penitentiary instruction of 19th century. *Nauchnyy dialog*, 2019, (9): 9–23. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23
13. Zagrodskaya E. A. Modality of necessity and the situation of necessity in the meaning of need (based on the material of the French language). *Theoretical problems of functional grammar: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg*, September 26–28, 2001. St. Petersburg, 2001, 213–220. (In Russ.)
14. Zamyatina E. Yu. *Functional and semantic aspect of statements with predicates of obligation (based on the material of the Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tver, 2003, 142. (In Russ.)
15. Odintsova I. V. Using *dolzhen* and *nado* as the means of expressing the categories of necessity and supposition when teaching Russian as a foreign language. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2010, (1): 40–48. (In Russ.)
16. Osetrov I. G. *Structural varieties of a simple sentence with a modal meaning of obligation*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1984, 16. (In Russ.)
17. Petrova G. I. Semantic differential signs of the incentive modality (based on the French language). *Theoretical problems of functional grammar: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg*, September 26–28, 2001. St. Petersburg, 2001, 207–212. (In Russ.)
18. Sukhanova O. V. *Sentences of the usual obligation with modal lexemes in the modern Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 25. (In Russ.)
19. Tseitlin S. N. Necessity. Theory of the functional grammar. *Temporality. Modality*, ed. Bondarko A. V. Leningrad: Nauka, 1990, 142–156. (In Russ.)
20. Khuzina E. A. Modality of necessity and obligation in the constructions with an infinitive predicate (based on Russian proverbs and sayings). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (8): 147–152. (In Russ.)
21. Talipova F. R. Debitive obligation and ways of its expression in the English. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2016, (6-4): 68–70. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.148
22. Valipour A., Jafarzadeh R. Type of verbs in constructions with the meaning of obligation (necessity) and methods of their transfer to the Persian language. *Modern humanities success*, 2020, (1): 212–215. (In Russ.)
23. Turovskaya S. N. About the semantic zone of the modality of necessity in the Russian language. *Scientific Notes of Tartu University*. Tartu: Tart. un-t, 1990, iss. 896, 4–21. (In Russ.)
24. Sabaneeva M. K. The field of obligation in the Latin language. *Problems of functional grammar. Field structure*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 2005, 252–276. (In Russ.)
25. Grigoryeva O. I. Analysis of connections in system of modalities. *Vestnik TvGU. Seriya: "Filologiya"*, 2014, (2): 181–187. (In Russ.)
26. Alshevskaya V. A., Medvedeva E. V. Types of causers in the semantic structure of statements with the meaning of necessity (based on the material of the French language). *Questions of general linguistics, semantics and linguistics of the text*, eds. Kormilina N. V., Shugaeva N. Iu. Cheboksary: ChGPU im. I. Ia. Iakovleva, 2019, 221–225. (In Russ.)
27. Mulyukova L. Ph. Obligation as possible act. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (17): 115–120. (In Russ.)
28. Mitrenina O. V. Is an agreement between language scholars and logicians on the logic of language possible? A language scholar's response. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, 50(4): 204–213. (In Russ.)
29. Miloslavskii I. G. *Brief practical grammar of the Russian language*. Moscow: Rus. iaz., 1987, 283. (In Russ.)
30. Shcherba L. V. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957, 188.

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com

Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com

Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В.,
Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 25.05.2020.

Дата выхода в свет 08.07.2020.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 35,5. Уч.-изд. л. – 31.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область,
650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.